ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2015. № 394. Май

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2015. № 394. May

Томский государственный университет
2015

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд. ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **О.М. Краснорядцева**, д-р психол. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **V. Golikov**, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **О.М. Краснорядцева**, д-р психол. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **S. Kulizhskiy**, Dr. of Biology, Professor; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета» включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 394 Май 2015

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 394 May 2015

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Волкова А.А. Писательская критика Лескова в аспекте рецептивной эстетики (к постановке проблемы) 5
Воронова Е.С. Вводно-модальные слова как маркеры гипотетичности в диалектной речи 10
Гончарова Н.В. Уроки А.И. Галича в становлении литературно-эстетических взглядов А.В. Никитенко 15
Губанов С.А. Эпитет в аспекте текстообразования и смыслопорождения в творчестве М. Цветаевой 21
Келлер И.М. О характере признаковых значений, имплицируемых в семантике глаголов (на материале английского языка) 25
Компарелли Р. Б. Поплавский и А. Рембо: проблема поэтического диалога 30
Кочеткова М.О. Блогосфера как рекламная площадка: динамика речевого жанра блога под влиянием рекламных интенций 35
Кузнецова О.А. Ареально-генетические связи единиц русского словообразовательного гнезда *город-* 43
Митчелл П.Д., Маругина Н.И. Проблема перевода русских и английских академических терминов (из опыта работы Центра перевода ФИЯ ТГУ) 53
Моисеева Е.Ю. Объективация народных представлений о кошке в фитонимической лексике русского и немецкого языков 59
Трубникова Е.В. Пространственная семантика английских фразовых и русских приставочных глаголов: сопоставительный аспект 66

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Бобков А.И. Социальная лиминальность и сконструированная этноархаика: различие смыслов 74
Боровкова О.В. Пространства исторической науки и их взаимодействие 79
Быкова Е.Ю. Специфика социальной апатии учителей 84
Головашина О.В. Социальная память как способ овладения временем 92
Гончаренко М.В. Проблема объективного знания в контексте различных интеллектуальных ситуаций 97
Новикова О.Н. Роль игровых практик в формировании жизненных стратегий поколений 102
Чигвинцева О.А. Перформативность коммуникации: от фатики к прагматике 107

ИСТОРИЯ

Дамешек Л.М., Плотникова М.М. Модели городского самоуправления в Восточной Сибири в конце XVIII – первой четверти XIX в. 114
Михайлов Д.А. Археологические места социальной памяти 121
Михалева К.А. Роль конкурсной программы «Академическая мобильность» фонда Михаила Прохорова в развитии грантовой деятельности и выявлении новых материалов в рамках научного исследования аспиранта 127
Мишакова О.Э. Специфика организации музейной практики в Западном Забайкалье в конце XIX – начале XX в. 130

CONTENTS

PHILOLOGY

Volkova A.A. Literary criticism of N.S. Leskov in the aspect of receptive aesthetics (defining the problem) 5
Voronova Ye.S. Modal words as assumption markers in dialect speech 10
Goncharova N.V. Lessons of A.I. Galich in the formation of literary and aesthetic views of A. Nikitenko 15
Gubanov S.A. Epithet in text organization and semantics mechanisms in the creativity of M. Tsvetaeva 21
Keller I.M. On the character of attributive meanings implicated in the semantic structure of verbs in the English language 25
Comparelli R. Boris Poplavskiy and Arthur Rimbaud: a poetic dialog 30
Kochetkova M.O. Blogosphere as an advertising platform: the dynamics of the speech genre of blog under the influence of advertising intentions 35
Kuznetsova O.A. Areal-genetic connections of units of the Russian word family with the root *gord-* 43
Mitchell P.J., Marugina N.I. The problem of translating Russian and English academic terms (the experience of the Center for Translation, Faculty of Foreign Languages, TSU) 53
Moiseeva E.Yu. Objectivization of folk notions of cat in Russian and German phytonymical lexicon 59
Trubnikova E.V. Spatial semantics of English phrasal and Russian prefixal verbs: comparative aspect 66

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Bobkov A.I. *Social* liminality and constructed *ethnoarchaics*: difference of meanings 74
Borovkova O.V. Spaces of the historical science 79
Bykova E.Yu. The specific of teachers' social apathy 84
Golovashina O.V. Social memory as a way of mastering time 92
Goncharenko M.V. The problem of objective knowledge in the context of various intellectual situations 97
Novikova O.N. Playing practices as ways of developing generations' life strategies 102
Chigvintseva O.A. Performative communication: from phatic to pragmatic 107

HISTORY

Dameshek L.M., Plotnikova M.M. Local government models in Eastern Siberia (late 18th – early 19th centuries) 114
Mikhailov D.A. Archaeological place of social memory 121
Mikhaleva K.A. Role of the competitive program "Academic Mobility" of the Mikhail Prokhorov Foundation in the development of grant activity and identification of new materials within the scientific research of the graduate student 127
Mishakova O.E. The specificity of the organization of museum practice in Western Transbaikalia in the late 19th and early 20th centuries 130

Симонова М.В. Портрет И.И. Болотникова в российской историографии 135
Соловенко И.С. Цели и задачи протестного движения шахтёров России во время перехода к рыночным отношениям (1992–1999 гг.) 143

ПРАВО

Семенюк Р.А. Некоторые меры предупреждения преступлений, совершаемых в состоянии опьянения 150
Щербаков Л.Г. Рассмотрения дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и право на исполнение судебного постановления в разумный срок арбитражными судами 154

ЭКОНОМИКА

Авдзейко В.И., Карнышев В.И., Мещеряков Р.В., Парнюк Л.В., Шелупанов А.А. Анализ динамики выдачи патентов для выявления перспективных направлений развития в области силовой электроники 159
Багинова В.М., Ивасенко А.Г. Система земельно-ипотечных отношений: особенности формирования и перспективы развития в России 170
Башорина О.В., Ружанская Л.С., Якимова Е.А. Стратегические решения быстрорастущих IT-компаний на примере ЗАО «ПФ “СКБ Контур”» 175
Какаулина М.О. Налоговая нагрузка и экономический рост: поиск эффективной модели 181
Спицын В.В. Наука и промышленность: оценка результативности взаимодействия 189

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Бредихина Ю.П., Гужов Ф.А., Капилевич Л.В., Ильин А.А. Физиологические и биомеханические механизмы координации ударных действий у спортсменов-единоборцев 194
Иванова И.В. Дополнительное космическое образование и сопровождение саморазвития личности: точки соприкосновения 201
Кабрин В.И., Сметанова Ю.В., Звездина Е.А. Пилотное исследование транскультуральной психосемантики личностно значимых коммуникативных миров инновационно и предпринимательски ориентированной молодежи 211
Маслова Ю.В., Коханенко А.П. Применение компетентностного и модульного подходов при организации лабораторного практикума для студентов разного уровня обучения 220
Черданцева Р.Г., Афанасенков В.О. Организация военно-физкультурной подготовки в Томском государственном университете в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 225

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Важенин Б.П. Сценарии прорыва сейсмогенных, ледниковых и иных природных плотин в горных долинах 230
Дутова Е.М., Покровский Д.С., Парначев В.П., Покровский В.Д. Геохимические особенности подземных вод хозяйственно-питьевого назначения Республики Хакасия 239
Панченко Е.М., Дюкарев А.Г. Зонирование территории Обь-Томского междуречья по эколого-функциональному принципу 250
Туркин Ю.А., Гринев Р.О. Гипербазиты и амфиболиты Угловско-Туруханского блока Иртышской зоны смятия 261

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 270

Simonova M.V. Portrait of I.I. Bolotnikov in Russian historiography 135
Solovenko I.S. Goals and objectives of Russian miners' protest movement during the transition to market economy (1992–1999) 143

LAW

Semeniuk R.A. Some measures on the prevention of drunk crime 150
Shcherbakova L.G. Consideration of cases on compensation for violation of the right to trial within a reasonable time and the right to execution of a judicial decision within a reasonable period in arbitration courts 154

ECONOMICS

Avdzeyko V.I., Karnychev V.I., Mescheryakov R.V., Parnyuk L.V., Shelupanov A.A. Dynamics patent analysis of development in perspective trends of power electronics 159
Baginova V.M., Ivasenko A.G. System of land and mortgage relations: characteristics of formation and development prospects in Russia 170
Bashorina O.V., Ruzhanskaya L.S., Yakimova E.A. Strategic decisions of high-growing IT-companies: a case-study of the company "SKB Kontur" 175
Kakaulina M.O. Tax burden and economic growth: search for an effective model 181
Spitsyn Vladislav V. Science and industry: assessing effectiveness of interaction 189

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Bredikhina Yu.P., Guzhov F.A., Kapilevich L.V., Ilyin A.A. Physiological and biomechanical mechanisms of shock action coordination in combat sports 194
Ivanova I.V. Supplementary cosmic education and support of self-identity: common ground 201
Kabrin V.I., Smetanova Yu.V., Zvezdina E.A. Pilot research of transcultural psychosemantics of personally important communicative worlds of innovation- and entrepreneurship-oriented youth 211
Maslova Yu.V., Kokhanenko A.P. Use of the competency and modular approaches to the organization of the laboratory workshop for students of different levels of training 220
Cherdantseva R.G., Afanasenkov V.O. Organization of military-sport training in Tomsk State University during the Great Patriotic War (1941–1945) 225

EARTH SCIENCES

Vazhenin B.P. Destruction scenarios for seismogenic, glacial and any other natural dams in mountain valleys 230
Dutova E.M., Pokrovsky D.S., Parnachev V.P., Pokrovsky V.D. Geochemical characteristics of groundwater for domestic and drinking purposes in the Republic of Khakassia 239
Panchenko E.M., Dyukarev A.G. Zoning of the Ob-Tom interfluve territory by the ecological and functional principle 250
Tourkin Yu.A., Grinev R.O. The ultrabasites and amphibolites of the Uglovsky-Turukhansk block of the Irtysh shear zone 261

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 270

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 5–9. DOI 10.17223/15617793/394/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1–3

А.А. Волкова

ПИСАТЕЛЬСКАЯ КРИТИКА ЛЕСКОВА В АСПЕКТЕ РЕЦЕПТИВНОЙ ЭСТЕТИКИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Рассматривается писательская критика Н.С. Лескова. Уточняется, что к этому понятию относятся практически все тексты писателя, в которых осмысляется как собственный художественный опыт, так и различные литературные замыслы, что дает основание изучать писательскую критику Лескова как воплощение писательской рецепции. Литературно-критические тексты писателя отличаются жанровым, композиционным, стилевым разнообразием и оригинальностью. Большую роль в них играет диалог, рассмотренный на разных уровнях.

Ключевые слова: Лесков; писательская критика; рецептивная эстетика; диалог.

Как особая форма литературной жизни и творчества писательская критика во второй половине XIX в. распространилась среди достаточно широкого круга писателей. Литературно-критические тексты есть у Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова и др. Само же понятие «писательская критика» появилось в литературоведении только в 1980-х гг. Сейчас оно прочно вошло в исследовательский оборот, но с самого начала понимается исследователями неоднозначно и является достаточно размытым понятием, поскольку во многом специфично. Его специфика зависит от культурного, социального и исторического контекста, личности художника, его литературных принципов и направленности и крайней субъективности высказываемого мнения[1].

С этой точки зрения писательская критика Лескова представляет несомненный интерес. Литераторы, совмещающие критическую и писательскую деятельность, но для которых критика стала профессией (Н.Г. Чернышевский, П.В. Анненков, Н.А. Добролюбов), имеют слабое отношение к означенному понятию. Часто их художественные тексты с эстетической точки зрения достаточно слабы, а критические абсолютно автономны от художественных. В писательской же критической практике имеет место как обращение к литературному явлению с точки зрения его предметности, нуждающемуся в глубинном осмыслении и интерпретации, так и осмысление его для собственных нужд, прежде всего для художественного самоопределения, т.е. того, что имеет название «творческой лаборатории» писателя.

Писательская критическая проза не приемлет ограничений со стороны жанра, композиции, языка, стиля и т.д. Это буквально все тексты, включающие критические суждения художника слова, отражающие его литературные замыслы, нашедшие жизнь в его творческом наследии. Поэтому, думается, правомерно изучать литературно-критические тексты как воплощение писательской рецепции, т.е. восприятия и дальнейшего духовного освоения им художественного мира произведения и поиска в нем своего «я», что в науке о Лескове практически не представлено в целостном виде.

Мир художественного произведения с «обратной стороны», проблему его освоения / присвоения ставит перед собой рецептивная эстетика. Как писательская рецепция литературно-критические тексты представляют особый интерес, поскольку художник в них принимает на себя сразу три роли. Во-первых, он выступает как создатель, так как именно в писательской критике закладывается программа его художественного творчества (темы, идеи, образы, проблемы, особенности стиля, жанра), постигаются собственные творческие возможности, осмысляется и переосмысляется собственная литературно-художественная практика. Во-вторых, писатель берет на себя роль критика. В-третьих, он также является и читателем, т.е. соучастником процесса создания «вторичного мира» произведения. Поэтому существенно различаются писатель-реципиент и читатель-реципиент как соучастники творческого процесса.

Эти особенности дали основание Ю. Бореву выделить такую рецептивную группу, как «писатели-критики» [1. С. 44]. С точки зрения рецептивной эстетики писатель-критик рассматривается как активный участник тех процессов, в которых вырабатывается литературное самосознание. Лесков в этой группе занимает значимое место, так как его литературно-критические суждения, которые во многом имеют отношение к литературному явлению как таковому лишь косвенно, как писательская рецепция занимают важное место в его творческом наследии. Так, уже в самом начале творческого пути в писательской критике Лескова появляется тема нигилизма, причем часто нигилистами он называет не только конкретных представителей этого направления, но и критиков, и литераторов, как это проявляется в его статьях «О замечательном, но неблаготворном направлении некоторых современных писателей» (1861), «Как слагается репутация литератора в обществе и в литературных кружках» (1862). Велика роль в его критике правдивости художественного слова, за которым стоит не образ автора, а сам автор произведения («Нечто вроде комментария к сказаниям г. Аскоченского о Т.Г. Шевченко» (1861), «Русский драматический театр в Петербурге» (1867)). Также Лесков выступает против «развязности» и «цинизма» в литературе и критике («Большие брани» (1869), «О рассказах и повестях А.Ф. Погосского» (1877) и др.)

Писательская рецепция крайне показательна еще и потому, что с ее помощью можно видеть, как художественный текст одного писателя преломляется в тексте другого, подготовленном его писательской критикой. Другими словами, именно писательская рецепция являет собой пример того, как происходит диалог двух творческих личностей и шире – культур, исторических эпох. Именно в диалоге осуществляется процесс литературного самосознания: вступая в сотворчество, писатель-реципиент, который по природе своей всегда имеет потребность в общении, выполняет двоякую функцию – помогает обогатиться смыслу воспринимаемого произведения и обогащает свой художественный опыт. На уровне своих литературно-критических высказываний писатель-реципиент постоянно ведет диалог с читателем. Именно в нем, по словам Бахтина, «разноречивая среда чужих слов дана говорящему <…> в душе слушателя, как его апперцептивный фон, чреватый ответами и возражениями», здесь «происходит новая встреча высказывания с чужим словом» [2. С. 94].

Применительно к писательской рецепции Лескова диалог может рассматриваться и на другом уровне. У писателя такой диалог становится основой действия, композиции, является так называемым «сократическим диалогом», по терминологии Бахтина [3. С. 97]. Целью такого диалога становится обнаружение истины и неизбежное наступление согласия. Применительно к «сократическому диалогу» Лескова современный исследователь О.В. Евдокимова подчеркивает следующее: «Все творчество Лескова было стремлением к оживлению в себе, припоминанием первоначальных истин духа в живом личностном соприкосновении с другим. Сократ – тот образ-символ идеального другого, в диалоге с которым может быть воссоздана целостность личности, творящей на пути самосознания. Лесков каждым своим произведением вступает в диалог с другим, чтобы открыть и для себя в себе моменты истины в их абсолютном и первоначальном смысле» [4. С. 103–104].

То же можно сказать и о писательской критике художника. При этом Лесков постоянно пишет о невозможности достижения самосознания во всей его полноте, что, однако, не отменяет движения к нему. Это он отмечает в письме Суворину от 31 декабря 1889 г., посвященном опыту «переделывания» Л.Н. Толстого: *«Припомните-ка, каков был Л. Н–ч, и сравните – каков он нынче!.. Все это сделано усилиями над собою и не без промахов и “возвратов на своя блевотины“. Об этом нечто известно многим, да и сам он в одном письме пишет: “Только думаешь, что поправился, как, глядишь, и готов, – опять в яме”. Это согласно с Вами и ответ Вам. А если бы он не “поправлялся”, – то... каков бы он был с этим страстным и гневливым лицом?.. А он себя переделал и, конечно, стал всем милее и самому себе приятнее. Неужли это такая малость, что из-за нее не стоит и пытаться себя сдерживать? Я с этим не согласен и хоть часто бываю “в яме”, но хочу по возможности из нее выбиваться»* [5. Т. 11. С. 452] (цитаты Лескова по всему тексту выделены нами курсивом. – *А.В.*). В итоге движение к самосознанию становится целью творчества Лескова.

Необходимо уточнить и то, что диалог в литературно-критическом тексте писателя-реципиента является сущностным, сюжетообразующим и условным, поскольку здесь имеет место только мнение автора. Важно, что в нем диалог выстраивается на нескольких уровнях: между писателем-реципиентом и читателем, оппонентом (так называемым инакомыслящим, с которым писатель-критик вступает в полемику, и «периферийным адресатом»), автором произведения и собственно писателем, ведущим свой внутренний диалог. Такая особенность характерна для диалога в писательской критике Лескова, где он либо напрямую обращается к читателям или своим противникам, либо делает это косвенно, когда адресованность его текста можно угадать по стилю, языку и т.д. Более того, обращаясь к оппоненту, писатель часто сам становится в один ряд с читателем и ведет беседу, а точнее полемику от себя и от него вместе, как, например, это происходит в фельетоне «О лжи в русской жизни» (1862), в котором для Лескова-критика читателем становится представитель из народной среды. В своем фельетоне автор обвиняет современную передовую литературу в чрезмерном увлечении западом. Обыгрывая ситуацию заимствования западных праздничных традиций (статья начинается с описания подготовки к Пасхе), он ставит в противовес им *«святой обычай старины»* целоваться и обниматься с ближним. *«Стало быть, мы не “гнилой Запад”, мы чисты сердцем и душой, мы любимся, мы целуемся…»* [6. Т. 2. С. 498], – утверждает критик, и «мы» в этом утверждении становится обращением автора не столько от лица редактора, сколько от русского общества. Здесь же он рассуждает о том, что нужно читателю от литературы, беря на себя роль литературного судьи, знающего народ и его вкусы, поскольку сам он бесконечно ближе к своему читателю, чем представители *«направленской»*, по его выражению, литературы, в *«толках о народности»* которых видна только *«странная болтовня»*.

Для уяснения роли диалога в писательской рецепции необходимо ввести еще одно важное понятие – понимание, без которого диалог, в сущности, не может состояться вообще. Понимание как результат художественной рецепции и интерпретации произведения отражает вживание писателя-реципиента в определенную культурную традицию, культурно-историческую ситуацию, тем более что сама писательская критика включена в этот контекст.

Для писательской критики второй половины XIX в. социокультурный и историко-культурный контекст определяется выстраиванием концепций, связанных с поиском национального характера, и проблем улучшения жизни народа, общества в целом и шире – нации в ситуации так называемой русской розни. Все это, без сомнения, становится предметом спора буквально всех писателей означенного времени, но присутствует в критической рецепции прежде всего таких художников-реципиентов, как М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков.

В своей полемической статье «Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)», вышедшей сразу вслед за книгой К.Н. Леонтьева «Наши новые христиане Ф.М. Достоевский и граф Лев Толстой» (1882), Лесков говорит о правомерности выбора обвиняемыми Леонтьевым писателями христианской любви как первейшего качества русского человека, способного в этой своей *«космополитической любви»* спасти человечество, веры *«в блаженство всех народов и воцарении на земле благоденствия и гармонии»* [7. С. 113]. Вопросы, связанные с национальной идеей, волновали Лескова постоянно, поэтому его писательская критика изобилует освещением проблем народа в разных его проявлениях, темами поиска национального характера, религиозного самоопределения и т.д. При этом писатель находит его и в представителях из духовной среды, видя образ идеального священника-пастыря в рецензии под названием «Рассказ приходского священника Александра Гумилевского» (1862), и в народных массах «отверженных», положительно отзываясь о книге С. Турбина «Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки» (1872), с сочувствием показав жизнь ссыльных и каторжан в далеком и суровом крае. Таким образом, для его писательской критики характерна тесная связь литературного, общественного и национального самосознания, проникновение в нее национальной, еще только формирующейся на новый пореформенный период идеи.

Помимо культурного контекста, применительно к писательской рецепции следует также говорить о контексте литературном, в связи с чем выделяется, по терминологии Борева, рецепционная установка – литературные и культурные традиции, использованные автором в тексте, рождающие эффект узнавания, подготовленный рецепционным ожиданием. Все новое для читателя в итоге является неожиданностью, благодаря которой читатель-реципиент включается в сотворчество, дает произведению вторую жизнь. С рецепционной неожиданностью связана и проблема понимания, важная, в частности, для писательской критики Лескова, постоянно мучавшегося от непонимания / недопонимания со стороны литературного сообщества, что и отражено, например, в его авторецензии «Театральная хроника. Русский драматический театр» (1867) на драму «Расточитель» или литературном объяснении «О русском Левше» (1882).

Писательскую рецепцию, как правило, определяют индивидуальность творческой личности, неповторимость его литературно-критической деятельности, выражающаяся в стилистических, жанровых особенностях, выработке своего понятийного аппарата, собственных методов интерпретации художественных произведений, создании индивидуально-субъективной культурной, философской, эстетической концепции. Далее эти особенности прорастают в ткань художественных текстов, как в случае с литературно-художественной деятельностью Лескова. Оригинальность его творческой манеры видится в особенностях ведения диалога с читателем, композиционной и языковой составляющих, жанровой оригинальности его литературно-критических текстов.

Стиль и жанр писательской критики в итоге определяет ее диалогичность, а также внешние факторы. Так, во второй половине XIX в. критика была сосредоточена в основном на страницах газет и журналов, что во многом стало причиной смешения жанров публицистики, критики, художественной литературы, размытости границ между ними. Однако писательская критика сосредотачивается не только в периодике, но также и в личных письмах, воспоминаниях, художественных текстах, в паратексте (подзаголовках, эпиграфах, примечаниях, предисловиях и послесловиях, комментариях автора к своим текстам). Характерны для писательской критики и жанры автокритики. Такое разнообразие свидетельствует о широком применении писателями-реципиентами практически любых форм диалога.

Однако не все писательские критические суждения отличает такое разнообразие, которое характерно для творческой системы Лескова. Его литературно-критическое наследие вмещает в себя буквально все перечисленные жанры: от очерка и фельетона до письма в редакцию и автокритики. Одни, например, как фельетоны («Об отношении СПч. к г. Герцену и его “собачкам”» (1862), «Литератор-красавец» (1867)), по форме своей хорошо подходили для узких рамок газет, в которых писатель в основном и печатался (особенно в ранний период творчества), и в некотором смысле стали данью моде среди критиков означенного времени. Другие же жанры, такие как авторецензия, антикритика («Театральная хроника. Русский драматический театр» (1867), «Объяснение г. Стебницкого» (1864), «О романе “Некуда”» (1871)), писались по иной причине: они стали свидетельством его стремления достигнуть понимания в диалоге с оппонентами, оправдаться перед критиками и читателями, восполнить нехватку критических текстов по поводу его собственных произведений.

Более того, в ткань его литературно-критических текстов активно вплетаются художественные элементы. Так, в рецензию на роман Толстого «Война и мир» под названием «Герои Отечественной войны по гр. Л.Н. Толстому», которая, кроме того, названа автором отчетом, Лесков включает два анекдота (о Ермолове и Ростопчине) и элементы сказа (семейное предание о Ростопчине передается рассказчиком), что показывает композиционное и стилевое своеобразие писательской критики художника. Характерно, что в самих художественных текстах Лескова имеет место похожая, но обратная ситуация, когда в них проникают различные факты, конкретные уточнения, примечания, услышанные анекдоты, ставшие основой для сюжета, уточненные в подзаголовках и стирающие грань между вымыслом и реальностью, как это выражено, например, в рассказах «Язвительный. Рассказ чиновника особых поручений» (1863), «Бессребреник. Из воспоминаний старого армейца» (1869), «Тупейный художник. Рассказ на могиле» (1883). Многие из своих писательских критических текстов Лесков, отстраняясь от общепринятых правил, причисляет к каким-либо жанрам по собственному усмотрению в соответствии с той или иной писательской позицией

(внутренней, смыслообразующей), заявляя об этом в первых же строках текста, подзаголовке или заголовке. К примеру, серию статей «Театральная хроника. Русский драматический театр», написанную в 1867 г., он называет отчетами, антикритику в защиту «Крейцеровой сонаты» и «Послесловия» к ней Толстого – «Заметкой о браке» (1891) и т.п.

Таким образом, о своей жанровой оригинальности Лесков заявляет уже на уровне паратекста, особенно ярко и разнообразно проявившегося при подготовке писателя своего первого прижизненного Полного собрания сочинений, работу над которым он начал на закате своей жизни, в начале 1890-х гг. Это собрание изобилует разнообразными примечаниями, предисловиями, посвящениями и т.п., выполненными рукой самого автора, а значит, паратекст в нем в б*о*льшей степени становится проявлением его собственной воли в формировании читательского восприятия и освоения художественного текста. В процессе этой работы Лесков раскрывает свои творческие идеи, указывает на собственные вкусы и литературные приоритеты, объясняет смысл произведений, причины их написания. Так, в эпиграфе к византийской легенде «Гора» он подчеркивает древность повествования и утверждает правомерность выбора жанра анекдота; в примечаниях к описанию расправы над пастором Райнером в романе «Некуда» подчеркивает разницу между жизненной и художественной правдой и т.д. Во многом уже на этом уровне проявляются рецепционная новизна и неожиданность, к которым так часто стремился Лесков и которые, к сожалению, иногда приводили к непониманию критиков, результатом чего становилось множество негативных отзывов в адрес писателя и его произведений, как это произошло, например, с романом «Некуда» и драмой «Расточитель». В связи с этим его литературно-критическое наследие включает немало текстов, выполненных в жанре антикритики, писем-опровержений в редакцию и т.п.

В итоге, как выявилось из заявленной проблемы, писательская критика Лескова как вариант писательской рецепции крайне необычна и своеобразна на различных уровнях: жанровом, стилевом, композиционном, а также в диалогичности его критической прозы. Ее определяет также и настойчивое формирование национальной идеи в ситуации пореформенной России, связанной с сохранением народных традиций, ценностей, обращением к человеку из народа и жизни нации в целом. Более того, как писатель-реципиент Лесков стоит у истоков писательской критики нового типа с ее крайне субъективной, абсолютно свободной формой самовыражения в литературно-критической деятельности, значительно возросшей к началу XX в., когда эта форма творческой рефлексии станет отличать практически каждого крупного художника.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. об этом: *Егоров Б.Ф.* О мастерстве литературной критики. Л. : Сов. пис., Лен. отд., 1980; *Казаркин А.П.* Писательская критика как самосознание литературы // Проблемы метода и жанра : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 209–221; *Маслякова М.А.* Писательская критика – наука или искусство? // Писатели-критики : материалы науч.-теорет. конф. «Проблемы писательской критики». Душанбе : Дениш, 1987. С. 142–145; *Милявский Б.Л.* О пользе заблуждений писателя // Там же. С. 145–148; *Соколянский М.Г.* Методология изучения писательской критики. Критика в художественной ткани произведения // Там же. 1987. С. 139–141; *Плюхин В.И.* Писательская критика Сибири: рецептивно-функциональные аспекты регионально-исторического самосознания : дис. … д-ра филол. наук. Томск, 2008 и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борев Ю.Б.* Теория художественного восприятия и рецептивная эстетика, методология критики и герменевтика // Теории, школы, концепции: художественная рецепция и герменевтика. М. : Наука, 1985.
2. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Худ. лит., 1975.
3. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М. : Худ., лит., 1972.
4. *Евдокимова О.В.* Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. СПб. : Алетейя, 2001.
5. *Лесков Н.С.* Собрание сочинений : в 11 т. М. : Худ. лит., 1956.
6. *Лесков Н.С.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Продолжающееся издание. М. : Терра, 1996.
7. *Н.С. Лесков* о литературе и искусстве. М. : Изд-во Лен. ун-та, 1984.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 марта 2015 г.

LITERARY CRITICISM OF N.S. LESKOV IN THE ASPECT OF RECEPTIVE AESTHETICS (DEFINING THE PROBLEM)

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 5-9. DOI 10.17223/15617793/394/1

Volkova Anna A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ann@myttk.ru

Keywords: Leskov; literary criticism; receptive aesthetics.

The article analyses the literary criticism of N. S. Leskov. This concept itself is rather specific because its meaning depends on a cultural, social and historical context, the identity of the artist, his literary tastes. From this point of view Leskov's literary and critical texts are of undoubted concern. Literary criticism is present almost in all texts of the artist not only with critical judgments, but also with art ideas embodied later in his literary works. The literary critical prose is not limited by rigid restrictions of a genre, composition, language or style. That is why it is called one of forms of the literary reception in the article (cultural absorption of a work of art, co-authorship), which is the subject of receptive aesthetics study. A dialogue plays an important role in this study. It is understood in the aspect of Bakhtin's theoretical research and is carried out in literary critical texts at several levels simultaneously: between the writer-critic and the author of the work, the reader, the opponent (the rival, "the peripheral addressee") and between the writer-critic and himself. Moreover, the writer-recipient himself at the same time is the reader, the critic and the author, which distin-

guishes him from the reader-recipient. All this is important for Leskov's literary and critical prose, which features originality. Here appears the so-called "Socratic dialogue" as a means to find the truth and to achieve the consent. Besides all this, the writer often sides with the reader in the dialogue. His critical prose features the freedom in the choice of a genre, composition, style. There are articles, letters to editors and autocriticism genres in Leskov's heritage. There the paratext has an important role (dedications, prefaces and epilogues, commentaries, notes, subheads). We define this as important that the leading subject of the national idea formation appears in the literary criticism of the second half of the 19th century, and in Leskov's criticism in particular. It would be impossible to analyze his literary and critical heritage without it. As a result, it is clear that Leskov was at the origins of the literary criticism of a new type developed by the beginning of the 20th century when practically all the great writers and poets showed their creative reflection.

REFERENCES

1. Borev Yu.B. *Teoriya khudozhestvennogo vospriyatiya i retseptivnaya estetika, metodologiya kritiki i germenevtika* [The theory of artistic perception and reception criticism, criticism methodology and hermeneutics]. In: *Borev Yu.B. (ed.) Teorii, shkoly, kontseptsii: khudozhestvennaya retseptsiya i germenevtika* [Theory, schools, concepts: art reception and hermeneutics]. Moscow: Nauka Publ., 1985.
2. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics: studies over the years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 502 p.
3. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. 471 p.
4. Evdokimova O.V. *Mnemonicheskie elementy poetiki N.S. Leskova* [Mnemonic elements of N.S. Leskov's poetics]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2001. 314 p.
5. Leskov N.S. *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Collected Works in 11 v.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1956.
6. Leskov N.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. Prodolzhayushcheesya izdanie* [Complete Works: 30 v. Continued publication]. Moscow: Terra, 1996.
7. Leskov N.S. *O literature i iskusstve* [On literature and art]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1984. 284 p.

Received: 2 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 10–14. DOI 10.17223/15617793/394/2

УДК 808.2-087

Е.С. Воронова

ВВОДНО-МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА КАК МАРКЕРЫ ГИПОТЕТИЧНОСТИ В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Рассматриваются вводно-модальные слова – показатели гипотетичности, функционирующие в диалектной речи; предпринимается попытка установления связи между темой, временной соотнесённостью высказывания и выбором говорящим того или иного показателя гипотетичности. Задачей исследования является группировка рассматриваемых показателей гипотетичности по степени уверенности говорящего в истинности своих умозаключений.

Ключевые слова: модальные слова; диалект; предположение; речевой жанр; логический вывод; прогноз; метаязыковая деятельность.

На сегодняшний день исследования, посвящённые семантике и функционированию вводно-модальных слов и конструкций, выполнены главным образом на материале литературного языка. Рассмотрение этого вопроса на диалектном материале представляет собой самостоятельную исследовательскую задачу: системы средств выражения модальных смыслов в литературном языке и живой диалектной речи могут отличаться. В статье рассматриваются вводно-модальные слова – показатели гипотетичности, функционирующие в диалектной речи; предпринимается попытка установления связи между темой, временной соотнесённостью высказывания и выбором говорящим того или иного показателя гипотетичности. Исследование проводится на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Информантами являются диалектоносители, представители народного типа речевой культуры. Задачей является группировка рассматриваемых показателей гипотетичности по степени уверенности говорящего в истинности своих умозаключений.

В «Русской грамматике» 1980 г. средства выражения модальности рассматриваются отдельно в морфологии и синтаксисе: «Субъективная модальность, т.е. отношение говорящего к сообщаемому, присутствует не во всяком высказывании: говорящий может никак не выражать своего отношения к сообщению. <…> Круг субъективно-модальных значений очень широк, и сами эти значения, почти всегда экспрессивно окрашенные, не во всех случаях могут быть строго и однозначно определены» [1].

Одним из основных средств выражения субъективной модальности на синтаксическом уровне являются вводно-модальные слова и выражения [2]. В.В. Виноградов выделял четыре основные функции вводных синтагм. Они выражают разные оттенки отношения высказывания к действительности, его достаточность, несомненность, истинность, сомнительность (*верно, бесспорно* и др.); характеризуют стиль речи, её экспрессию, источник (*по словам кого-нибудь, по слухам, по мнению кого-нибудь* и др.); описывают чувство, переживание, с точки зрения которого оценивается сообщение или которое сопровождает выраженный в сообщении факт (*к сожалению* и т.п.); дают общую оценку сообщаемого факта с точки зрения общих категорий счастья, беды и т.п. [3. С. 53–87].

В ряде исследований была предпринята попытка классифицировать модальные слова в зависимости от источника знаний говорящего о ситуации речи или о предмете речи; этот аспект исследования вводно-модальных слов представляется нам существенным, так как на материале диалектной речи данная проблема прежде не рассматривалась. В частности, Е.С. Яковлева в работе «Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)» (1994) делит модальные слова на две большие группы: показатели характерной и нехарактерной информации. Первые используются в случае, если говорящий сообщает о данных собственного чувственного опыта, вспоминает что-то или ссылается на некий источник информации. Показателями характерной информации являются слова *кажется, как будто, вроде, явно, определенно*. Вторые, в свою очередь, употребляются, только если говорящий делится своими умозаключениями, высказывает некоторые гипотезы / предположения или прогнозирует что-то, исходя из собственных логических построений. Показателями нехарактерной информации являются модальные слова *наверно, видимо, по-видимому, вероятно, должно быть, может быть, бесспорно, безусловно, несомненно* [4. С. 218–219].

Аналогичная точка зрения излагается в работах Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелёва [5, 6]. Исследователи высказывают предположение о целесообразности выделения в русском языке особых гипотетических предложений, которые служат для выражения речевого акта гипотезы [7]. Подобные гипотетические высказывания были рассмотрены автором в статье «Речевой жанр предположения в диалектной коммуникации» [8], где были обоснованы существование самостоятельного сложного информативного речевого жанра предположения и наличие у него собственных формальных показателей, функцию которых выполняют вводно-модальные слова и конструкции. Они, в силу своей семантики, позволяют разграничивать предположения, источником которых является чувственный опыт говорящего, и предположения, связанные с мыслительными процессами [Там же]. Рассмотрению формальных показателей, маркирующих предположения, связанные с мыслительными процессами, и посвящена данная статья.

Гипотетичность лежит в основе речевого жанра предположения, который является сложным, инфор-

мативным и ориентированным на собеседника жанром, функционирующим в устной речи диалектоносителей, и может быть как спонтанным, так и спровоцированным. Предположение реализуется в ситуациях естественного повседневного общения, его временная соотнесённость с событиями, о которых идёт речь, может быть различной. Признаком предположения является наличие вводно-модальных слов и конструкций в структуре высказывания [8].

Как считают Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелёв, условием успешности предположений этого типа является незнание говорящим действительного положения дел. В качестве формальных показателей жанра, употребляемых в тех случаях, когда говорящий не располагает чувственной или основанной на сообщении, полученном от других лиц, информацией о положении дел, выступают следующие вводно-модальные слова – показатели гипотетичности: *возможно, может быть, вероятно, должно быть, наверно, несомненно* и др. [6. С. 293–204; 9].

Предположение может быть высказано по поводу событий, имевших место в прошлом, или ещё не состоявшихся, которым только предстоит произойти. Формальными показателями, маркирующими результат мыслительной деятельности говорящего, выступают *наверно / наверное, может*, *может быть*, *можа*, (*мне*) *кажется*, *видимо, однако, поди, ли чё ли / ли как ли*.

Как правило, говорящий вспоминает события прошлого и пытается дать им объяснение в соответствии с имеющейся у него информацией по поводу той или иной ситуации:

А анкету-то когда составляют, всё равно же, ***наверно****, родители-то… её раз прописали!;*

А к этой бабёнке-то они заехали, ***может****, она каку-нибудь отраву ему подала?;*

Вот если бы не бабушка, я бы, ***может быть****, и умерла. Вот кода я рожала дочку.*

Помимо используемых в литературном языке вводно-модальных слов частотными являются собственно диалектные частицы *ли чё, ли чё ли, ли как ли*, близкие по значению к *наверно*: *Она три* ***ли чё ли*** *таблетки [приняла], целиком у ей выскочили; Да вы сдурели* ***ли чё ли*** *такого быка сдаёте?; Вон на Иванов* ***ли чё ли*** *день; Походят они шибко друг на друга* ***ли как ли****, близнецами зовут; Ой, я думаю, Господи! Да это чё тако, да это край* ***ли чё ли*** *мне?; Хороше молоко: четыре или пять* ***ли чё ли****, не соврать бы, жирность больша.*

Маркеры гипотетичности классифицированы по степени вероятности осуществления события в «Новом объяснительном словаре синонимов». Авторы словаря выделяют пять групп: «*1) не, нет; совсем не, отнюдь не, далеко не; ничего подобного; 2) ой ли, так ли; скорее (всего) не; сомневаться, не думать, что; 3) возможно 3, вероятно, может быть, должно быть, наверно, верно, по-видимому, очевидно, кажется, как будто, вроде, скорее; возможный, вероятный, мыслимый, потенциальный; 4) должно быть, скорее всего; 5) конечно, естественно 2, разумеется, явно, определённо; действительно, точно 3, правда 2, на самом деле, подлинно, истинно, поистине, воистину; высоковероятный; уверенный*. Первая группа слов выражает уверенность говорящего в том, что ситуация Р не имеет места. Вторая группа слов обозначает мнение говорящего, что вероятность ситуации Р мала. …Третья группа слов обозначает мнение говорящего, что ситуация Р может *иметь* место. …Четвёртая группа слов обозначает *предположение* говорящего, что Р будет иметь место, указание на то, что вероятность осуществления Р достаточно высока. …Пятая группа слов выражает уверенность говорящего в том, что Р имеет или будет иметь место» [10. С. 157–158]. В данной статье подробно рассматривается третья, выделенная в Словаре, группа.

Гипотетичность имеет тематическую обусловленность. Высказывания-предположения используются диалектоносителем в тех случаях, когда он выстраивает прогноз собственной жизни или осмысливает окружающую действительность и природу. Высказывания прогностического характера могут относиться к таким сферам жизни и быта диалектоносителей, как:

а) дальнейшая жизнь (своя / третьих лиц): *Я по матери Волошин, а так вершининский. Я родился здесь и,* ***наверно****, здесь и помру; Уж скоко лет-то ему. Тринадцать? Ничего не вырос, такой,* ***наверно****, и останется; Танцует и танцует [внучка].* ***Наверно****, балериной станет; Вот я по отцу,* ***видно****, пошла, буду,* ***наверно****, сто три года жить; После тебя я полежала-полежала: пойду,* ***может****, Гене достану пивца; Чё-то взяло меня здорово, хоть бы вас дождаться.* ***Однако****, помирать буду совсем; Я ей всё говорила: Валя, при худым [муже] худо и без худого плохо. Както жить надо.* ***Может****, он в ум войдёт; Дождусь,* ***может****, её и продам (дом). Какая я жительница одна?; Ой, я думаю, Господи! Да это чё тако, да это край* ***ли чё ли*** *мне?*

б) природа, погода: *Это* ***может*** *всё повысохнуть [о реке], всю гальку вычерпают, плавили барками. Это же не к хорошему!; Для хлеба это хорошо.* ***Может****, помочит ещё сутки бы двое; Она [туча] дождёва идёт,* ***может****, и у нас посеет; Заносит шибко:* ***наверно****, дож будет;*

в) окружающая действительность, не имеющая отношения к говорящему: *Сильно красивый был собор – поломали.* ***Может****, восстановят постепенно; Да и не найдёшь ещё,* ***поди****, по всей деревне.*

Следующая группа высказываний описывает те случаи, когда диалектоноситель не располагает предварительными знаниями о предмете речи (впервые слышит о чём-то и т.п.): *Его [живот],* ***наверно****, здуло?;* ***Наверно****, уж восьмой час?; А ето,* ***наверное****, вот бычок, у нас называли. А этакой он красный; Чертополох-голуба, колючая она сама. Как она с конца начнётся, так она и идёт голубая, вся.* ***Наверно****, поят. Внутре всё-таки; Серьги носили, сережки, кольцы. У богатых были хороши, а у бедненьких,* ***может****, совсем не было;* ***Может****, и меньше народ болел; Не знашь броду, дак и не лезь в воду.* ***Может****, он врёт. А я не знаю; Потом боялись ехать в Сибирь-то. Бродягами называли.* ***Может****, и политически были, кто их знат;* ***Может быть****, буру лисицу зовут серебрянкой,*

*не знаю; Там в очереди, **может быть**, стоят в сто раз лучше нас, столько миру; **Может**, где и говорят «женишончишка», а у нас какой ни на есть – всё равно жених.*

При обсуждении причин возникновения каких-либо ситуаций / событий диалектносители также используют в речи показатели гипотетичности, оформляя высказывания этой группы следующим образом: *А сказали, что шибко хорошо поливать от чая воду. Вот, **наверно**, от этого и бесится. (Буйно цветёт); Старуха-то, **наверно**, напугалась да заглохла; Сам по себе наелся человек чего-то или песочную воду выпил, **наверное**; Как Лексей Степаныч. Вот выпил, **наверно**, кружку или две, а рога в землю; А этот маялся-маялся в этой тайге, так и замаялся. Кровь, **наверно**, всю выпили [комары]; Вот если бы не бабушка, я бы, **может быть**, и умерла. Вот кода я рожала дочку; Она итравилась [рыба]. **Может**, кака вредительства; Отец хотел его [ребёнка] забрать, но она его не отдаёт, **видимо**, из-за алиментов, потому что ребёнка-то ей не надо; Она, **видно**, из зыбки упала, горб вышел; **Может**, и не на почве ревности, но всё же, **может**, и задевает.*

Гипотезы возникают и в сфере метаязыковой деятельности, при попытке осмыслить названия того или иного предмета или явления: *Серебрянка – это, **наверно**, лису же зовут, котора это, у ей таки волоски серебристы; [А Горёвка – почему?] – А Бог её знат. **Наверно**, там-ка бедно жили все, в горе. Не знаю; (Почему сельскохозяйственный инструмент называют «лапкой») **Наверно**, как кошка, лапкой выгребат; **Наверно**, похоже, вьюн, потому что вьётся.* Как видно из приведённых примеров, при осуществлении метаязыковой деятельности диалектоносители используют только маркер *наверное.*

Следующий аспект типологизации рассматриваемых высказываний связан с таким показателем, как присутствие / отсутствие говорящего при осуществлении события.

Первая группа высказываний содержит информацию о ситуациях, свидетелем / участником которых говорящий не был / не мог быть, так как описываемые события происходили до его рождения, либо он находился в другом месте во время осуществления события: *А к этой бабёнке-то они заехали, **может**, она какую-нибудь отраву ему подала?; Саша, **поди**, какая-нибудь барышня есть у тебя?; А толку от него? Как он там был баран, так и тут баран. В свои ворота и то, **наверно**, затти не может, как вон наши овечки; Ну, те были, **наверное**, одиноки, без отца, без матери, а может быть… Знаете, всяко бывает; Людмила Георгиевна таперь, **наверно**, возгудает там. Ну, поёт. Возгудат, **наверно**, гуляет там; Кто-нибудь едет, какой-нибудь начальник. До станка. Волость, **наверно**, платила, или староста оплачивал.*

Вторая группа высказываний-предположений содержит сообщения говорящего о событиях / ситуации, сторонним наблюдателем / свидетелем которых он является / являлся, но не принимает / не принимал в них личного участия: *Вот принёс Бог, **наверно**, молоды. То ли муж с женой, то ли, **может**, так каки; Бабушка здесь [в очереди] стояла. Она, **наверно**, оставила бидон; Лист рассеченный весь, почаще и пошире, лепестков, **наверное**, пять, да, больше и не будет; Вахтёр. Ага. Вот она сутки отработат, трое, **наверно**, дома; Это вот буквально было сколько… года четыре, **наверно**, назад тому [о свадьбе]; Теперича кругом ходили, вот за руки возьмутся все, человек, **наверно**, поди сколько, до полста; Сорок пять, **наверно** [лет], и уж на пензию пошла! По вредности-то; Сенажа там пять килограмм, сена, **может**, два ли, три ли килограмма, суточная дача, и рассчитывают кормовой баланс; А он [муж] как, **видно**, упал в сани, его сердце захватило, **видно**, умер так; Хороше молоко: четыре или пять **ли чё ли**, не соврать бы, жирность больша.*

Общее число употреблений показателей гипотетичности в рассматриваемом материале таково: *наверно / наверное*, – 494; *можа / може / может / можеть* – 47, *може быть / может быть* – 6; *однако* – 8; *поди* – 147; *ли что ли / ли чё ли / ли как ли / ли кого* – 90 [11].

Анализ словарных толкований анализируемых вводно-модальных слов показал, что во всех имеющихся словарях они рассматриваются как синонимы, толкуются одно через другое без учёта семантических и функциональных особенностей [12–14]. Как показало проведенное исследование, выделение показателей гипотетичности внутри множества вводно-модальных слов свидетельствует о том, что эти слова не имеют зон пересечения, когда речь идёт об информации, полученной в результате перцептивного восприятия, или информации, полученной путём логического вывода и обобщения.

В основе семантики всех показателей гипотетичности *наверно / наверное*, *можа / може / может / можеть*, *може быть / может быть, однако*, *поди*, *ли что ли / ли чё ли / ли как ли / ли кого* присутствует компонент «думать», указывающий на то, что информация получена путём умозаключений: *Ну, клевер, визиль. Он вяжет, **наверно**, потому; Всю ночь как-то собака выла, **поди**, соседска выла-то, **наверно**; А этот маялся-маялся в этой тайге, так и замаялся. Кровь, **наверно**, всю выпили [комары]; И вот неграмотны были и не знай чё выдумали [о домовых]. А **может**, и лучше, что выдумали; При колхозе игурцами занимались. **Может**, не пользительно, но выгодно.*

Наличие этого семантического компонента позволяет группировать показатели гипотетичности по степени уверенности говорящего в истинности своих умозаключений. Так, при употреблении *наверное / наверно, поди, ли что ли / ли чё ли / ли как ли / ли кого* говорящий почти не сомневается в правильности своего вывода; используя лексему *может* и ее варианты, говорящий считает свой вывод верным на 50% (либо прав, либо нет). Это позволит соответствующим образом интерпретировать вводно-модальные слова в рамках одной словарной статьи, не посредством слов, синонимичных им.

Таким образом, в диалектной коммуникации существует большой круг вводно-модальных слов, зна-

чение которых содержит семантику гипотетичности. Наиболее употребительными из них являются *наверно / наверное, поди, ли что ли / ли чё ли / ли как ли / ли кого*. Ситуации и события, которые подвергаются рефлексии, могут быть описаны: 1) с точки зрения их временной соотнесённости: события, давно прошедшие; события, свидетелем которых говорящий был / является в момент речи; 2) с точки зрения тематического наполнения: говорящий прогнозирует возможное развитие событий; говорящий не располагает информацией о предмете речи; говорящий восстанавливает причинно-следственные связи между событиями, а также осмысляет название того или иного предмета или явления.

Внутри речевого жанра предположения, регулярно реализующегося в речи диалектоносителей и обладающего собственными формальными показателями, часть которых была рассмотрена выше, можно выделить следующие поджанры: прогноз, собственно предположение / догадка, установление причинно-следственных связей, метаязыковая деятельность.

Как показал анализ, использование того или иного маркера гипотетичности зависит от того, о чём идёт речь и насколько говорящий уверен в истинности своих выводов. Представляется перспективным рассмотрение синонимических отношений внутри показателей гипотетичности, а также проблем их лексикографического описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русская* грамматика. М., 1980. Т. I : § 618–626; Т. II : § 99–119; 214–237.
2. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. 1973.
3. *Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М. : Наука, 1975. С. 53–87.
4. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. С. 218–219.
5. *Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д.* Гипотеза как мыслительный и речевой акт. М., 1993.
6. *Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). 1997. С. 293–304.
7. *Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д.* «Возможности» естественного языка и модальная логика // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
8. *Воронова Е.С.* Речевой жанр предположения в диалектной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 18–21.
9. *Демешкина Т.А.* Диалектное высказывание. Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 110–114.
10. *Новый* объяснительный словарь синонимов / под ред. Ю.Д. Апресяна. С. 157–158, 456–458, 474–476.
11. *Вершининский* словарь. Т. 1–3 / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998.
12. *Словарь* русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1984. Т. 3.
13. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. 1940.
14. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 января 2015 г.

MODAL WORDS AS ASSUMPTION MARKERS IN DIALECT SPEECH

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 10-14. DOI 10.17223/15617793/394/2

Voronova Yevgeniya S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ves1989@mail.ru

Keywords: modal words; dialect; assumption; speech genre; inference; prediction; metalanguage activity.

To date, studies devoted to semantics and functioning of the parenthetical modal words and constructions are made mainly on the material of the literary language. This article tells about parenthetical modal words that indicate hypothetical character and are used in dialect speech; the author is trying to establish the connection between the theme, temporal correlation of statements and selecting an assumption marker. The aim of the article is to group the analyzed assumption markers by the degree of certainty of the speaker in the truth of his / her conclusions. Hypothetical character is the basis of the speech genre of assumption which is a complex, informative and focused on the interlocutor. It functions in oral speech, and can be spontaneous or provoked. Assumption is implemented in situations of natural everyday communication, its temporal relatedness with the events can be different. The sign of assumption indication is the appearance e of parenthetic and modal words and constructions in the structure of the utterance. In the dialect communication there is a wide variety of parenthetical modal words that possess hypothetical semantics. The most common of these are: *naverno / navernoe, podi, li chto li / li che li / li kak li / li kogo*. Situations and events that are subject to reflection, can be described from the point of: 1) their temporal correlation: long past events; events, that the speaker witnessed or is witnessing at the moment of speech; 2) their subject: the speaker predicts the possible course of events; the speaker does not have any information about the speech subject; the speaker tries to reconstruct the cause-effect relations between events and understands the name of an object or phenomenon. The analysis of dictionary meanings of parenthetical modal words has shown that all of the available dictionaries view these words as synonyms, interpreted through one another without taking into account semantic and functional peculiarities. The research has shown that the selection of assumption markers among modal words indicates that these words have no crossing zones when talking about information obtained as a result of perceptual perception, or information obtained by logical inference and generalization. Inside the assumption speech genre (that is regularly realized in the speech of dialect speakers and has a number of its own formal characteristics, some of which are studied above), it is possible to single out the following subgenres: prediction, assumption or guess, reconstructing cause-effect relations, metalanguage activity.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike* [Selected Works. Research on Russian grammar]. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 53–87.

2. Zolotova G.A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 351 p.
3. Shvedova N.Yu. (ed.) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow: Nauka Publ., 1980. V. I, § 618–626; V. II, § 99–119; 214–237.
4. Yakovleva E.S. *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)]. Moscow: Gnosis Publ., 1994, pp. 218–219.
5. Bulygina T.V., Shmelev A.D. *"Vozmozhnosti" estestvennogo yazyka i modal'naya logika* ["Possibilities" of natural language and modal logic]. In: *Voprosy kibernetiki. Yazyk logiki i logika yazyka* [Problems of Cybernetics. The language of logic and the logic of language]. Moscow: USSR AS Publ., 1990.
6. Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Gipoteza kak myslitel'nyy i rechevoy akt* [Hypothesis as an act of thought and speech]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka: Mental'nye deystviya* [Logical analysis of language: Mental actions]. Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 78 – 82.
7. Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Language conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997, pp. 293–304.
8. Voronova E.S. The speech genre of assumption in dialect communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 381, pp. 18–21. (In Russian).
9. Demeshkina T.A. *Dialektnoe vyskazyvanie. Aspekty semantiki* [Dialect statement. Aspects of semantics]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2000, pp. 110–114.
10. Blinova O.I. (ed.) *Vershininskiy slovar'. T. 1–3* [Vershininsky Dictionary. V. 1–3]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1998.
11. Apresyan Yu.D. (ed.) *Novyy ob"yasnitel'nyy slovar' sinonimov* [New explanatory dictionary of synonyms]. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury: Venskiy slavisticheskiy al'manakh Publ., 2004, pp. 157–158, 474–476, 456–458.
12. Evgen'eva A.P. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 v.]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1984. T. 3.
13. Ushakov D.N. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian language. In 4 v.]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey Publ., 1935–1940.
14. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow: Az" Publ., 1992. 660 p.

Received: 20 January 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 15–20. DOI 10.17223/15617793/394/3

УДК 821.161.1.0

Н.В. Гончарова

УРОКИ А.И. ГАЛИЧА В СТАНОВЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ А.В. НИКИТЕНКО

Рассматривается влияние А.И. Галича на становление основной проблематики критического творчества А.В. Никитенко. Категория изящного, активно входящая в лексикон русской эстетики, формирует такие понятия, как идейность искусства, воплощение идеи в образах, свобода творчества. Прослежено, как решаются эти проблемы Галичем и Никитенко. Учитель и ученик по-разному оценивают противостояние классицизма и романтизма в литературном процессе начала XIX в., а также делают попытки предсказать ход дальнейшего развития русской литературы.

Ключевые слова: идейность искусства; художественный образ; свобода творчества; классицизм; романтизм; философский историзм; А.И. Галич; А.В. Никитенко.

Александр Васильевич Никитенко преподавал русскую словесность в Санкт-Петербургском университете с 1832 по 1864 г., по сути, в период самоопределения русской литературы, в эпоху бурных эстетических споров о ее национальном своеобразии. Теоретические работы А.В. Никитенко отражают важнейшие процессы того времени, происходившие в науке о литературе и словесности. В поле его зрения оказывается целый ряд актуальных вопросов по мере их возникновения. Проблеме научного изучения литературы посвящена речь Никитенко «О необходимости теоретического или философского исследования литературы» (1836). Вопрос о месте поэзии в искусстве – в центре его диссертации «О творящей силе в поэзии, или О поэтическом гении» (1837). Поиски теоретических оснований для литературной критики определили пафос речи «О критике» (1842). Самоопределение национальной русской литературы, проблема народности стали предметом рассмотрения в статьях «О характере народности в древнем и новейшем искусстве» (1846) и «О современном направлении русской литературы» (1847). Наконец, историю становления нового направления в литературе – реализма – Никитенко осмысливал в теоретической работе «Мысли о реализме» (1872).

Весь этот комплекс критико-теоретических работ приобретал методологический характер, так как способствовал выработке новых эстетических оснований для историко-литературного процесса 1830–1860-х гг. Вместе с тем идеи Никитенко имели и прикладное значение: они активно входили в систему университетского образования и определяли формирование новой генерации деятелей русской культуры. Достаточно сказать, что одним из его учеников был Н.Г. Чернышевский, автор диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», тема которой была одобрена профессором. Поэтому вопрос о генезисе эстетических взглядов Никитенко, о его связи с предшествующей традицией, прежде всего с направлением русской философской эстетики, приобретает свою актуальность в общем контексте сегодняшних размышлений о феноменологии филологического знания.

Определяя лицо Никитенко-критика и эстетика молодой Ю.Ф. Самарин в статье «О мнениях “Современника” исторических и литературных» (1847) писал: «Г. Никитенко в современной литературе лицо довольно значительное. Он стоит особняком от всех и значит в ней сам по себе. <…> он неожиданно открывает <…> новые стороны или так оригинально и метко обозначает уже известное, что слова врезаются в памяти» [1. С. 153]. Это суждение одного из виднейших представителей молодого поколения, публициста и литературного критика говорит о многом: А.В. Никитенко занимал свое и особое место в русской эстетике и критике.

Никитенко окончил философско-юридический факультет Петербургского университета, где помимо изучения политической экономии и философии лекции читали профессора словесности, к которой он уже в молодости имел необычайный интерес. В Санкт-Петербургском университете, который стал таковым лишь в 1819 г., преподаватели совмещали по несколько дисциплин. Я.В. Толмачев читал философию на философско-юридическом факультете, а с 1824 г. перешел на классическую словесность. Профессор Н.И. Бутырский был одним из представителей нового мировоззрения, учился за границей, слушал лекции Бутервека, чьи эстетические установки и понятия об изящных искусствах переносил на русскую аудиторию. Н.И. Бутырский, по словам Никитенко, снискал «репутацию первого из современных в России профессоров словесности» [2. С. 86–87]. Однако он одновременно читал лекции по словесности и политической экономии, пока окончательно не перешел на кафедру политэкономии. Поэтому переход Никитенко с преподавания политической экономии на преподавание словесности был вполне в духе времени, этому способствовали и широкие познания в науках, и понимание словесности как проявления главных сил мировой и национальной культуры, совмещенное с пониманием философии, которая «занимается общими идеями, <…> ставит их во главе всякого знания и высшей умственной деятельности <…> Без нее образованию недостает ни глубины, ни величия» [3. С. 2].

Расцвет немецкой идеалистической философии, уроки Шеллинга актуализировали процесс становления в 1820–1830-х гг. феномена русской философской эстетики, при которой, по словам Ю.В. Манна, «философская предоснова восприятия искусства <…> ощущается недостаточной и уступает место целенаправленному включению искусства в философское

наукоучение» [4. С. 5]. И университетская наука в лице ее лучших представителей восприняла эти «плоды просвещения». Уже со студенческой скамьи Никитенко оказался свидетелем изменений в методах и взглядах на словесность. В процессе противостояния французского классицизма и немецкого романтизма философские идеи и эстетические воззрения проникали в сознание русских людей и выражались в первых ярких трудах любомудров и молодых шеллингианцев.

Большое место в формировании русского литературоведения занимало историческое направление, которое развивал в своем преподавании П.А. Плетнев. Известно, что он был оппонентом на защите диссертации Никитенко в 1837 г., и его позиция благотворно сказалась на развитии будущего профессора, несмотря на последующие разногласия. Оба они развивали идеи историзма и народности, воплощающие передовые направления в литературе.

Самым значительным наставником в формировании Никитенко был Александр Иванович Галич. Философ по образованию и по призванию, лицейский учитель А.С. Пушкина, профессор Петербургского университета, Галич являлся проводником немецкой идеалистической философии и эстетической мысли в России. Основав свою философию на учении Ф. Шеллинга, он «предвосхищал и выявлял ту проблематику, которая станет генеральной в дальнейшем развитии эстетики» [5. С. 141]. Исследователями признано влияние Галича на возникновение московского кружка любомудров и развитие идей шеллингианской философии среди передовой молодежи.

Никитенко учился непосредственно у А.И. Галича, когда профессор уже ушел с университетской кафедры, посещал его лекции на дому и, конечно, внимательно изучал его труды. В библиотеке Никитенко есть пять изданий Галича, три из которых имеют множество помет. Это главные книги Галича, составляющие суть его учения. «История философских систем» (кн. 1–2. СПб., 1818–1819) – первая русская книга по истории философии. В ней впервые на русском языке представлены идеи Ф. Шеллинга (по части философии тождества). «Опыт науки изящного» (1825) – систематическое изложение романтической, идеалистической эстетики применительно к искусству и литературе. «Картина человека» (1834) – антропологическое исследование, в котором эстетические действия получают психологическое объяснение.

Непосредственно литературные вопросы рассматриваются в «Опыте науки изящного», в котором Галич размышлял над проблематикой художественного мышления и творчества. Масштаб этого сочинения Галича точно определен в анонимной рецензии, появившейся сразу после выхода «Опыта…»: «…скажем, – писал критик, – что мы удовлетворяемся сим отечественным произведением более, нежели каким-либо из иностранных, на тех же самых простых началах основанных» [6. С. 288]. Опираясь на достижения европейской философии и эстетики, автор посвящает свой трактат развитию русской эстетической мысли. В заключение предисловия он пишет: «Я заплатил свой долг науке, пояснив ее начала, обозначив границы и показав способ решить ее задачи» [7. С. XVI].

«Опыт» Галича Никитенко получил в дар от автора и по прочтении отметил в тексте 13 фрагментов, из которых четыре касаются сущности изящного как предмета, удовлетворяющего эстетические потребности человека. Отмечены также места, в которых даются характеристика изящного и объем понятия. Никитенко много размышлял об этом: в его архиве (РО ИРЛИ) сохранились целые тетради, фиксирующие его мысли об изящном, о его природе, проявлениях в тексте произведений, задачах и значении для литературы. Этому посвящены, например, такие работы, как «Опыты и наблюдения по части философии изящного и словесности» (кн. I. 1835–1839), «Учение об изящном» [8]. Свои мысли и наблюдения он впоследствии использовал в практике преподавания словесности и в сочинениях по эстетике и критике.

В своем труде Галич в первую очередь объясняет мысль об изящном «как о чувственно-совершенном проявлении значительной истины свободной деятельностью нравственных сил гения» [7. С. XII]. Под «значительной истиной» автор понимал божественную идею, выдвигая, таким образом, проблему идейной сущности искусства, которая была воспринята из философии Ф. Шеллинга. В книге Карла Фридриха Бахмана (ученика Шеллинга) «Всеобщее начертание теории искусств», которая есть в библиотеке Никитенко, говорится: «Изящное есть воплощенная идея, <…> тождество бесконечного с конечным» [9. С. 44]. Это произведение немецкого эстетика, переведенное в 1832 г. М. Чистяковым, получило осмысление в развернутой рецензии Н.И. Надеждина на страницах журнала «Телескоп» (1832. Ч. VIII. № 5). Подчеркивая органичную связь книги Бахмана с идеями новейшей немецкой философии, он писал: «Она заимствовала у Шеллингова *трансцендентализма* идеальное одушевление, коим просветлены все ее взгляды» [10. С. 318]. Вслед за немецкими философами Галич утверждал: «Все изящное есть идеальное, образцовое, то есть такое, в котором устраняются случайные черты, временные и местные ограничения, а удерживается только существенный характер целого рода или класса» [7. С. 25].

Понятие об идеале Никитенко воспринял через трактат Бахмана и книгу Галича. Среди отмеченных им в «Опыте» отрывков в трех речь идет об идеальном. Это и идеи, «составляющие внутреннюю, невидимую сущность вещей» [Там же. С. 19]; и идеальное как «Всесовершеннейшее, представляемое фантазией и созерцаемое умственными очами» [Там же. С. 53]. В своей диссертации Никитенко связывает понятия изящного и идеального: «чувство изящного» – «идея чистой красоты, или… идея жизни в ее идеальном и вместе гармоническом настроении» [11. С. 11]. Размышления Никитенко над текстом «Опыта» Галича выразились также в карандашной записи на заднем форзаце книги: ***«Изящное, Поэзия души есть у всякого; многие даже могут сообщать её другим – но только те творят оное, которые передают его в определенных органических формах, удерживаю-***

щих идею изящного на известном месте в ряду явлений идеальной жизни» [12. С. 401]. Таким образом, по мнению читателя книги Галича, идеальная жизнь удерживается в определенных органических формах, т.е. в художественных образах.

В «Опыте» Галича мы видим, что он обращал внимание, каким образом идеал осуществляется в определенных формах, низводится «из области идей в жизнь действительную» и подчиняется «как формам, так и законам чувственности. Формы же всякого явления суть пространство (или место) и время, а законы: разнообразие, соразмерность и соединение в один состав» [7. С. 34]. Это место в книге Галича Никитенко отметил знаком NB и подчеркнул. Для Никитенко тема происхождения художественного образа была принципиальной, он активно развивал её в своей эстетической системе. По его словам, «…в изящном произведении соединяются два элемента – идеальное и действительное, дух и плоть, небесное и земное» [13. С. 542]. С этим он связывал вопрос о природе художественного обобщения: «Материалы для самих образов фантазия находит в природе и человечестве; но они выходят из глубины ее с таким характером и организацией, каких ни в природе, ни в человечестве не бывает. Это идеалы» [11. С. 20].

Никитенко более подробно, чем учитель, прослеживает путь от идеала к образу. Если Галич говорил лишь об «…общей судьбе идей, выходящих за границу всякого данного или существующего явления» [7. С. 24], то Никитенко развивает эту мысль. По его мнению, творческие силы в человеке пробуждаются от стремления «жить не только своей отдельной жизнью, жизнью своего общества, века, но – жизнью человечества <…> душа его должна возвыситься над многосложными стихиями жизни, <…> воздвигнуть из них новую природу». Это идея, которой нужно воплотиться в образ, обрести форму. И Никитенко продолжает: «Если в возвышенном своем полете он (гений) мог сначала удалиться на необъятное расстояние от действительного порядка вещей, то здесь он снова в него входит, примиряется с ним, заставляя свои создания жить по законам действительной жизни, <…> по законам природы» [Там же. С. 20–21].

Воплощенное в форме изящное Галич называет Прекрасным, которое встречает свою противоположность в дурном, и эстетические предметы, «двигаясь между <…> крайностями <…>, принимают в том и другом участие» [7. С. 36]. Галича особенно привлекает возникновение комического, смешного, основанного «не на гармонии явлений, а на расстройствах оных, то есть на несовершенствах», он очень обобщенно показывает построение комического образа с помощью гротеска, пародии и «юморизма» [Там же. С. 45–50].

Никитенко, в свою очередь, прослеживает создание образов в конкретных художественных произведениях великих писателей: «Посмотрите, какая должна быть свобода и какая мощь в нравственных силах, чтобы лучшую, очаровательнейшую прелесть, нежную и вместе роскошную сторону человеческой жизни перелить в одно неделимое существо и сказать ему: живи, – и вместе с тем Шекспир это сделал, он создал Юлию» [11. С. 15–16]. Здесь имеется в виду образ Джульетты: трагедия Шекспира в переводе на русский язык под заглавием «Ромео и Юлия» публиковалась отрывками в альманахе «Северные цветы на 1830 год». Обращаясь к «Фаусту» Гете, Никитенко показывает глубину страстей, борение человека и подчеркивает: «Здесь так много жизни, взятой из природы и судьбы человеческой, что кажется нескольким векам не исчерпать бы этой глубины страстей, – но перед вами Фауст великого Гете, и эти века сократились для вас в пространстве одной жизни, их богатство разлилось в биении сердца нескольких лиц» [Там же. С. 17]. Для Никитенко идея и образ являются основой художественного произведения. Он уделил этому вопросу много внимания в диссертации «О творящей силе в Поэзии», и в дальнейшем он имел возможность выражать свои знания в преподавательской практике, прослеживать создание образов писателями в своей критической деятельности.

Завершая первую часть «Опыта», Галич уточняет свое определение изящного: художественное произведение «…происходит там, где свободный гений человека <…> запечатлевает божественную, по себе значительную и вечную идею в самостоятельном, чувственно-совершенном, органическом образе» [7. С. 75–76]. В данном определении обозначается еще одна проблема: свободная деятельность художника. По словам Галича, изящное имеет черты самостоятельного бытия, оно «не может служить никаким сторонним видам и имеет свою цель само в себе» [Там же. С. 20].

Трезвое понимание свободы находится в основе понятия художественного творчества. «В разумном толковании идея художественной свободы и личного достоинства художника – великий культурный шаг сравнительно с ремесленническим словесным кропанием и писательским рабством классической эпохи» [14. С. 302]. Тему свободы поэта решал ученик Галича А.С. Пушкин на протяжении всего своего творчества, эта проблема поставлена им широко и многогранно.

Для Никитенко этот вопрос связан с позицией художника в новой реальности, с его самоопределением. Среди помет Никитенко в книге Галича есть два места о свободе художника, а именно, что творчеству присуща «черта бескорыстия», а также об отрицательной роли назидательной функции изящного, которая «…необходимо предполагается во всяком прекрасном предмете» [7. С. 21–22]. Впоследствии некоторые критики незаслуженно обвиняли Никитенко в приверженности к теории «чистого искусства». Но в своих работах он вслед за Галичем прежде всего отстаивал право художника на свободное творчество. Он называет свободу одним из главных эстетических свойств гениального произведения, которое существует «…для того, чтобы привести у вас в забвение всякую цель, – чтобы вы хотя бы на минуту перестали быть рабами ваших мелких страстей и сделались людьми, ощутили в себе сладость полного человеческого существования. Все в начинаниях наших <…> эгоизм – только Поэзия не знает его» [11. С. 37].

Однако Никитенко не просто констатирует свободу художника, а говорит об ответственности, о долге

«не изменять верховным требованиям» человечества и природы, не употреблять своей свободы во зло [13. С. 544]. Общество «должно иметь нравственное ручательство» от литературы, иметь возможность охранять «святыню вкуса от осквернения нечистой мысли и нечистых уст» [Там же. С. 545]. И такую возможность дает критика, которая «во дни тревожного состояния вкуса должна ополчиться против заблуждений» [Там же]. Здесь Никитенко идет дальше Галича, он поднимает проблему личной ответственности художника и права общества защищать свои нравственные устои с помощью критики.

Итак, из 13 помет Никитенко в книге Галича четыре касаются сущности изящного, три – вопроса об идеальном, один отчеркнутый фрагмент обращен к теме образной сущности искусства и две пометы обращены к идее свободы творчества. Таким образом, можно говорить о системности помет Никитенко, абсолютное их большинство (10 из 13) непосредственно касается вопросов, вытекающих из определения изящного. Общее направление мысли у Галича и Никитенко совпадало, что вполне естественно для учителя и ученика. Но во многом ученик шел дальше своего учителя, разрабатывая вопросы образности, свободы на практическом материале и отвечая на запросы времени и общества.

Книга А.И. Галича «Опыт науки изящного» сыграла еще одну очень важную роль в развитии отечественной словесности. В ней было предпринято научное обоснование теории романтического искусства, которое уже с конца XVIII – начала XIX в. проникало в русскую литературу, но не имело своей теории. Галич впервые попытался «сформулировать новые явления в жизни поэзии» [15. С. 116]. Его рассуждения «…давали возможность русскому читателю разобраться в том литературном перевороте, который из Европы проник в русскую литературу, <…> объяснили сущность романтической поэзии» [Там же. С. 112].

Галич раскрывает отличия греческой поэзии (классического, нормативного искусства) от романтической поэзии (нового искусства). По словам Галича, «…характер искусства древних есть жизнь внешняя, натуральная, а характер искусства новых – внутренняя, духовная» [7. С. 53], поэтому для пластического искусства древних «все настоящее есть благо <…> и составляет цель жизни, в которой легко успокаиваются желания, ограниченные минутными наслаждениями и не простираемые в отдаленную будущность», а новоевропейский дух «не прилепляется к тщете земного бытия и скоротечных радостей, а устремляет нравственные свои помыслы и желания к беспредельной и вечной существенности» [Там же. С. 54]. Говоря о классическом искусстве, автор берет за образец древнегреческую культуру, на которой основывался и французский классицизм. Целью Галича было научно обосновать существование нового европейского искусства, для этого он поставил его в один ряд с греческим. Идея «поэтической универсальности», высказанная в «Опыте» Галича, состояла в том, что красота изменяется сообразно с историческими и местными условиями, эта идея полностью противоречила представлению классицизма о красоте как раз и навсегда заданной категории. Мысль об изменении понятий о красоте приводила к понятиям «о движении идеи, мирового духа и выводимой отсюда смене периодов истории» [4. С. 16]. В связи с этим Ю.В. Манн говорил об особой форме историзма – философском историзме, наметки которого встречались с начала 1920-х гг. в статьях Д. Веневитинова, В. Одоевского, С. Шевырева, а позднее – И. Киреевского, Н. Надеждина, В. Белинского [Там же. С. 16–19]. Приоритет этой теории неизменно отдается Галичу, а начиналась она с немецких источников – эстетических учений Бутервека, Аста, Бахмана. И хотя многие исследователи говорят о несамостоятельности учения Галича, однако, по словам И. Замотина, «Галичу можно поставить в заслугу и то, что он, хотя бы с голоса <…> немецких теорий словесности, провозгласил у нас важный принцип “универсальности поэтической” в то время, когда классицизм делал еще усилия задержать успехи романтизма» [15. С. 110]. Таким образом, Галич стоял у истоков русской философской эстетики, осмысления результатов и итогов «французского» и «немецкого» подходов к искусству. Развивая метод философского историзма, он видел третью форму искусства после классицизма и романтизма в слиянии двух первых и назвал ее «романтической пластикой». Эти прогрессивные для того времени мысли оказали влияние на развитие последующей эстетики.

Выразителем древней поэзии Галич считал Гомера, а для иллюстрации основных мотивов романтической поэзии он приводит слова из стихотворения В.А. Жуковского «Таинственный посетитель», таким образом, по сути, поставив поэта во главе романтического направления в русской литературе [7. С. 55].

Никитенко в своей работе о В.А. Жуковском уже более резко, по сравнению с Галичем, противопоставляет два направления в литературе. Он характеризует классическую литературную школу Франции как легкомысленную и поверхностную. Эта школа «не знала сущности красоты, но знала тайну украшений», в ней «идея и форма разошлись друг с другом, и последняя стала во главе эстетических движений» [16. С. 5]. Напротив, новоевропейское направление в литературе основалось на самобытных литературных движениях Англии и Германии и на христианском искусстве, «лучшие умы начало духовное признали основной стихией всякого художественного создания» [Там же. С. 7]. Никитенко пишет о значении В.А. Жуковского во всеобщем процессе смены ориентиров с французского метода на немецкий, о его назначении «уже готовые творения» западной мысли оживотворить «новым духом в другой сфере мысли и слова», в условиях русской литературы [Там же. С. 9].

Никитенко писал свою статью о Жуковском в 1853 г., уже после отзыва В. Белинского на «Очерки русской литературы» Н. Полевого, в котором было высоко оценено творчество Жуковского как романтика. Никитенко не согласен с общепринятым мнением, что Жуковский – «по преимуществу романтик» [17. С. 507], он вообще не высоко ставит романтизм «с его детской наивностью и фантастическими видениями»

[16. С. 32] и пытается нивелировать этот термин. Он утверждает: «Если Жуковский и начал с романтизма, то после он далеко оставил его за собою, и услуга, оказанная им русской словесности, состоит не в том, что он сообщил ей романтический характер, а в том, что он возвел ее к мысли и идеалу» [Там же. С. 33]. Никитенко увидел в творчестве Жуковского жизнь и природу, с которой начинается истинная поэзия, «он показал, что за вдохновением надобно обращаться не к музам, а к природе и жизни» [Там же. С. 17]. Жуковский «…первый был поэтом в прямом художественном смысле этого слова», в творчестве которого господствовала идея «чистой красоты» [Там же. С. 4].

Никитенко называет Жуковского поэтом «идеальной действительности», предлагая философское понятие «идеализм» внедрить в литературный процесс, что явилось новым поворотом для философской эстетики, которая до этого использовала явления искусства для осмысления философской действительности. В то время Никитенко не был услышан, однако много позднее исследователи стали обращаться к понятию идеализма, осмысляя прошлое русской литературы. Так, И.И. Замотин в своем фундаментальном труде «Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20–30-х гг. XIX столетия» (1907) усматривает связь идеалистического мировоззрения русских писателей с художественным творчеством. Затем П.Н. Сакулин в двухтомной монографии «Из истории русского идеализма» (1913) представил широчайшую картину идеалистического движения русской жизни через творческий путь В.Ф. Одоевского. Таким образом, Никитенко оказался первым, кто обнаружил внутри литературного процесса явления идеалистической философии.

По мнению Никитенко, лишь с идеализма Жуковского началась настоящая поэзия, и лишь после него стал возможен метод «поэтического реализма» – «…как ни мало кажутся похожими на Жуковского Пушкин и Гоголь, но то верно, что он приготовил им путь и связан с ними прагматически в истории нашей поэзии» [16. С. 15]. Поиски нового вида искусства, нового метода литературы в традиции философской эстетики основывались на идеях шеллингианства. Так, Галич, Веневитинов и другие видели «третью» форму искусства в синтезе двух первых. В процессе переосмысления категорий немецкой эстетики произошел выход за границы этой парадигмы, и дальнейшее развитие искусства мыслилось как поиск не «третьей», а новой формы поэзии, принципиально иной. Никитенко в статье о Жуковском обнаружил стремление «осмыслить и обосновать реалистические перемены в русской литературе» [4. С. 302].

Таким образом, мы видим, что наследие Никитенко, как и Галича, вписывается в явление, называемое философской эстетикой. Развивая идеи своего учителя, он пытался увидеть эволюцию и переосмыслить явления философской эстетики, его стремление выявить «органические формы» новой поэзии в контексте нового философского опыта помогало ему найти точки соприкосновения эстетики с университетской наукой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русская* эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / подгот. текста, вступ. ст. и прим. В.К. Кантора, А.Л. Осповата. М., 1982.
2. *Никитенко А.В.* Дневник. М., 1955. Т. 1.
3. *Никитенко А.В.* Александр Иванович Галич // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. CXLI.
4. *Манн Ю.В.* Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М., 1969.
5. *Каменский З.А.* А.И. Галич. М., 1995.
6. *Русские* эстетические трактаты первой трети XIX века : в 2 т. М., 1974. Т. 2.
7. *Галич А.И.* Опыт науки изящного. СПб., 1825.
8. РО ИРЛИ. Фонд Никитенко. № 18112, № 18286.
9. *Бахман.* Всеобщее начертание теории искусств Бахмана / пер. с нем. М. Чистякова. М., 1832. Ч. 1.
10. *Надеждин Н.И.* Литературная критика. Эстетика / вступ. ст., сост. и коммент. Ю.В. Манна. М., 1972.
11. *Никитенко А.В.* О творящей силе в поэзии, или О поэтическом гении. СПб., 1836.
12. *Колосова Г.И.* Книга как источник изучения личностных отношений А.В. Никитенко и А.И. Галича // Информационное обеспечение науки: новые технологии : сб. науч. тр. / отв. ред. П.П. Трескова ; сост. О.А. Оганова. Екатеринбург, 2012. С. 398–404.
13. *Никитенко А.В.* Речь о необходимости теоретического или философского исследования литературы // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 3.
14. *Иванов И.* История русской критики. СПб., 1898. Ч. 1–2.
15. *Замотин И.И.* Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе. СПб. ; М., 1908. Т. I.
16. *Никитенко А.В.* Василий Андреевич Жуковский со стороны его поэтического характера и деятельности. СПб., 1853.
17. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 1953. Т. 3 : Статьи и рецензии.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 марта 2015 г.

LESSONS OF A.I. GALICH IN THE FORMATION OF LITERARY AND AESTHETIC VIEWS OF A. NIKITENKO

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 15-20. DOI 10.17223/15617793/394/3

Goncharova Natalia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nauchka@mail.ru

Keywords: moral intelligence of art; artistic image; freedom of creativity; classicism; romanticism; philosophical historicism; A.I. Galich; A.V. Nikitenko.

A.V. Nikitenko read lectures on Russian literature at St. Petersburg University from 1832 to 1864, during the period of self-determination of Russian literature in the era of violent disputes about its national peculiarity. The most significant mentor in the formation of Nikitenko was a Professor of Philosophy at St. Petersburg University, A.I. Galich, he was the conductor of German idealism in Russia. In the book of Galich *Experience of the Science of Nicety,* the category of nicety formed such notions as ideological art, embodiment of idea in the image, freedom of creativity. Nikitenko formed his idea about the ideal through Galich's book, but he analyzed the way from the ideal to the image in more details than his teacher. Galich briefly explained the origin of the

image of the comic; Nikitenko, in turn, studied the creation of images in specific works of great writers (Shakespeare and Goethe). Galich posed the problem of freedom of the artist; Nikitenko raised the problem of personal responsibility of a free artist and the right of society to protect its moral foundations using criticism. The general line of thought of Galich and Nikitenko coincided, but in many respects the disciple moved further than his teacher, developing questions of figurativeness, freedom on the practical material and answering the needs of the time and society. Galich's book *Experience of the Science of Nicety* played an important role in the development of Russian literature, it is an attempt to scientifically justify the theory of romanticist art. Galich showed differences between the classical normative art and the new romantic art. The idea of "poetic universality" Galich expressed was that beauty varies according to historical and local conditions. This idea led to a particular form of historicism: philosophical historicism. Galich was at the beginnings of Russian philosophical aesthetics, of understanding of the results and totals of the "French" and "German" aesthetic methods. In general course of philosophical historicism, he saw the third form of art after classicism and romanticism in the merger of the first two, and called it "romanticist plastic arts." These progressive for its time thought had an impact on the further development of aesthetics. In his article about V.A. Zhukovsky, Nikitenko contrasted more sharply, compared to Galich, two directions in the literature: the classic literary school of France and the new European trend in literature. Nikitenko wrote about the significance of V.A. Zhukovsky in the overall process of reorientation from the French to the German method, and claimed that Zhukovsky "was the first poet in the direct artistic sense of the word", that Zhukovsky's idealism prepared the way for the poetic realism of Pushkin and Gogol.

REFERENCES

1. Kantor V.K., Ospovat A.L. (eds.) *Russkaya estetika i kritika 40–50-kh godov XIX veka* [Russian aesthetics and criticism of 1840–50s]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1982. 544 p.
2. Nikitenko A.V. *Dnevnik* [Diary]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1955. V. 1, 542 p.
3. Nikitenko A.V. Aleksandr Ivanovich Galich [Aleksandr Ivanovich Galich]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1869, pt. CXLI.
4. Mann Yu.V. *Russkaya filosofskaya estetika (1820–1830-e gody)* [Russian philosophical aesthetics (1820–1830s)]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1969. 304 p.
5. Kamenskiy Z.A. *A.I. Galich* [A.I. Galich]. Moscow: IFRAN Publ., 1995. 229 p.
6. *Russkie esteticheskie traktaty pervoy treti XIX veka: v 2 t.* [The Russian aesthetic treatises of the first third of the 19th century: in 2 v.]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1974. V. 2,
7. Galich A.I. *Opyt nauki izyashchnogo* [Experience of the science of nicety]. St. Petersburg, 1825.
8. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature, RAS (RO IRLI). Nikitenko Fund, no. 18112, no. 18286.
9. Bachmann K.F. *Vseobshchee nachertanie teorii iskusstv Bakhmana* [The general description of Bachmann's theory of art]. Translated from German by M. Chistyakov. Moscow, 1832. Pt. 1.
10. Nadezhdin N.I. *Literaturnaya kritika. Estetika* [Literary Criticism. Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. 576 p.
11. Nikitenko A.V. *O tvoryashchey sile v poezii, ili O poeticheskom genii* [On the creative power of poetry, or about poetic genius]. St. Petersburg, 1836. 41 p.
12. Kolosova G.I. *Kniga kak istochnik izucheniya lichnostnykh otnosheniy A.V. Nikitenko i A.I. Galicha* [The book as a source of study of personal relationships of A.V. Nikitenko and A.I. Galich]. In: Treskova P.P. (ed.) *Informatsionnoe obespechenie nauki: novye tekhnologii* [Informational support of science: new technology]. Ekaterinburg, 2012, pp. 398–404.
13. Nikitenko A.V. Rech' o neobkhodimosti teoreticheskogo ili filosofskogo issledovaniya literatury [Speech on the need for a theoretical or philosophical research of literature]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1837, no. 3.
14. Ivanov I. *Istoriya russkoy kritiki* [History of Russian criticism]. St. Petersburg, 1898. Pt. 1–2.
15. Zamotin I.I. *Romantizm dvadtsatykh godov XIX stoletiya v russkoy literature* [History of Russian criticism]. St. Petersburg; Moscow, 1908. V. I.
16. Nikitenko A.V. *Vasiliy Andreevich Zhukovskiy so storony ego poeticheskogo kharaktera i deyatel'nosti* [Vasily Zhukovsky from his poetic nature and activities]. St. Petersburg, 1853.
17. Belinsky V.G. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 v.]. Moscow: USSR AS Publ., 1953. V. 3, 684 p.

Received: 25 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 21–24. DOI 10.17223/15617793/394/4

УДК 83.3

С.А. Губанов

ЭПИТЕТ В АСПЕКТЕ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ И СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Рассматриваются тенденции функционирования и механизмы образования структурно-семантических типов эпитетов в творчестве Марины Цветаевой; устанавливается логика их употребления, роль в авторском идиолексиконе, а также основные механизмы конструирования и возникновения эпитетов на основе наложения (блендинга) семантики атрибута и определяемого слова на ассоциативной основе.

Ключевые слова: эпитет; концепт; поэтика; Марина Цветаева; семантический перенос; семантика.

Семантические механизмы образования и функционирования эпитета (в широком смысле признакового слова) в аспекте авторского идиолексикона М. Цветаевой еще не становились предметом пристального рассмотрения, поэтому представляется актуальным исследование данного языкового феномена.

Как известно, прилагательные, к которым мы условно присоединяем причастия и местоимения-прилагательные, а также наречия, являются общеязыковыми средствами выражения эпитета. Однако автором статьи выявлены некоторые особенности в использовании этих языковых единиц в когнитивном отношении. Так, тексты М. Цветаевой дают примеры выполнения «эпитетной» роли относительными прилагательными, которые можно условно обозначить как «качественно-относительные» или «условно относительные». При использовании в качестве эпитетов некачественных в своей первоначальной семантике признаковых единиц включаются когнитивно-ситуативные регистры эпитетного прочтения признака, что влечет за собой привлечение широкого контекста произведения [1]. В статье рассмотрим качественные адъективы, перешедшие в качественные эпитетные слова (из относительных и притяжательных типов), а также эпитеты, выраженные нетипичными для эпитета лексемами, и цепочки эпитетов в аспекте их возникновения и смыслопорождения. Отметим, что метонимия нам представляется основным механизмом смыслопорождения в рамках эпитетного комплекса в творчестве М. Цветаевой.

Эпитеты, выраженные качественным прилагательным. Характер метонимии прилагательного предопределяется тем обстоятельством, что адъективные лексемы представляют собой категорию слов со значением свойства, признака. По мнению А.Х. Мерзляковой, можно говорить о двух различных типах смежности адъективов: перенос названия сопряженного свойства (*бородатый – опытный*) и смещение определения (*веселая книга*) [2]. В статье данные типы метонимии именуются как «семантическая модификация эпитета» (перенос названия) и «семантико-синтаксическая модификация эпитета» (перенос адъектива внутри синтагмы на смежное имя).

При семантической модификации эпитетного комплекса определенное свойство его носителя сопряжено с некоторым другим свойством, вследствие чего это свойство вызывает представление о другом.

Источником метонимии семантико-синтаксического типа является смежность субъектов свойств, благодаря которой определение может перемещаться с имени одного субъекта на имя другого: *печальный человек – печальные ресницы.* Метонимия данного типа очень продуктивно представлена в цветаевских текстах. Семантическим следствием семантико-синтагматической метонимии признака выступает изменение сочетаемости, в силу чего видоизменяется семантика адъектива. По Н.Д. Арутюновой, «к метонимии принято относить также сдвиги в употреблении признаковых слов, основанные на разных видах смежности характеризуемых ими предметов: ср. *выутюженный костюм* и *выутюженный молодой человек*, ср. также постепенное расширение сочетаемости признаковых слов, вызванное семантической логической близостью определяемых имен: *дерзкое выражение глаз, дерзкий взгляд, дерзкие глаза*… [3]. Именно общая денотативная и логическая основа адъектива и субстантива делает возможным перенос определения с имени одного предмета на имя другого, смежного с ним. По мнению Ф.Р. Кубаевой, перенесённый эпитет основан на особом варианте концептуального блендинга, своеобразие которого заключается в том, что в разных его вариантах субкатегоризация происходит на разных уровнях концепта, а механизм переноса значений работает за счёт интерполяции признаков одного концепта в концептосфере другого или же через проецирование свойств одного фрагмента реальности на другой, смежный с ним, через временно создаваемый концепт (*нежные руки, грустное лицо*). Вслед за исследователем согласимся, что когнитивно-семантическая база перенесённого эпитета, основанная на концептуальном блендинге, предоставляет более широкие возможности для создания конвертированных стилистических кластеров, порождающих неординарно экспрессивные компоненты стилистического выдвижения. Перенесённый эпитет является, таким образом, синкретическим стилистическим приёмом, возникающим в результате многоуровневого блендинга» [4. С. 19].

Семантико-синтагматический эпитет представлен разнообразными и многонаправленными видами переноса внутри концептополя «человек». Чаще всего перенос определения происходит в зоне конкретной лексики: человек и составляющие его части осмысляются сходно, поэтому распространение общего для них признака является для цветаевского идиолекта

типичным явлением: *очи* ***грустны, сонные*** *глаза,* ***задумчивые*** *очи,* ***радостный взор,*** *взгляд* ***спящ, темный, прямой и взыскательный*** *взгляд,* ***дикая и робкая*** *роскошь глаз,* ***мудрый*** *зрачок, рукой* ***заспанной****…* ***ревнивая*** *длань,* ***грустный*** *рот,* ***целованный*** *рот,* ***утомленным*** *губам* [5. Т. 1].

Метонимически затемненными выступают переносы конкретных действий, выполняемых субъектом, в составе признакового слова. Они начинают осмысляться постфактум в качестве метафорических образов, имея в своей когнитивной основе метонимический перенос: *Взгляд,* ***к обороне готовый,*** *Рука,* ***достойная*** *смычка, //* ***Ушедшая в шелка*** [Там же. Т. 2. С. 54].

Такого рода метонимические переносы могут трактоваться как переносы по смежности по линии «часть – целое»; когнитивным процессом переносов признака выступает различная концептуализация одного концепта, его различных участков. Участок эмоциональной сферы концептосферы человека экстраполируется на человека как целое, носителя данных свойств. Набор свойств разнообразный, части человека также бывают выражены лексически окказионально (ср. *завитки ресниц*). Специализация части человеческого тела на типично выполняемых ею действиях или типичном выражении им того или иного чувства приводит к метонимическим заменам глагольно-атрибутивного типа: *Рот твой,* ***гадавший*** *многим* [Там же. С. 240].

Метонимический перенос определения на концепт-артефакт мыслится чаще всего в виде синекдохи: ***тревожный*** *дом*. В том случае, если таким образом концептуализируется абстрактное понятие или явление природы, перед нами метонимия с метафорическим эффектом: *дерев* ***бессонных,*** *любви* ***бескорыстной, радушная*** *душа*.

Эпитет мыслится в неразрывной синтагматической зависимости с определяемым словом: именно в рамках комплекса происходит метонимический перенос определения. Подобные переносы очень частотны в идиолекте М. Цветаевой, составляя примерно 80% от общего количества переносов метонимии признака.

Эпитеты, выраженные изначально некачественными адъективами, но приобретшие качественную семантику в контексте, – эпитеты, не имеющие в своем значении первоначального качественного признака, но получившие таковой в результате семантических преобразований в контексте. Механизм приобретения ими качественной семантики основывается на когнитивном процессе блендирования: конструируется временный признак в составе временного ситуативного образа, что роднит данный процесс с рассмотренным выше пропозициональным сдвигом в составе сложного и составного эпитетного комплекса. Такие преобразования предстают в двух разновидностях:

а) актантная метонимия признака – представляет собой «раскручивание» и признаковое номинирование компонентов-актантов единой ситуации средствами некачественных атрибутов;

б) отраженная метонимия – представляет собой своеобразное отражение признака в смежном объекте.

Помимо межразрядных сдвигов в лирике поэта отмечено использование прилагательных разной лексико-грамматической принадлежности; например, употребление для характеристики одного образа качественных и относительных прилагательных: *письменный верный стол* (выражение определённой предназначенности (*стол для письма*): *письменный*; свойства: *верный*); *свинцовый полдень деревенский* (*свинцовый* – первоначально относительное прилагательное, перешедшее в качественное с эмоционально окрашенной семантикой цвета и обозначение места: *полдень в деревне* – локативный тип конверсивной метонимии, по А.Х. Мерзляковой) и др. [3]. Данный приём служит для создания разноплановых, ёмких и насыщенных образов. Такая многоаспектная характеристика объекта описания позволяет читателю целостно воспринять разные признаки изображаемого объекта и понять авторскую интенцию. Все эти выражения принципиально «привязаны» к определенной ситуации: *стол* в случае использования его утилитарных свойств становится *верным*.

В составе разных эпитетов выделены сочетания прилагательных одного разряда, не являющихся однородными и заключающих в себе различные, но взаимно детерминированные характеристики, которые направлены на формирование целостного восприятия объекта описания и усиление регулятивного эффекта. Приведем пример. В эпитетном комплексе *хожу степенною, голубоокою* с помощью различных по семантике качественных прилагательных, отражающих черту характера и описание внешнего облика (*очей*), актуализируются внешнее спокойствие и внутренняя покорность лирической героини. Происходит усиление одним качественным прилагательным другого, причем второе обычно проясняет актуальный смысл первого, привнося эмоциональный эффект и формируя образ.

Являясь метафоризирующим компонентом, эпитет, как правило, неожиданно, но функционально мотивирован и незаменим; эстетический эффект рождает тонкая грань ассоциативной связи между сопоставляемыми объектами в восприятии автора. Необычность описания реалий позволяет создавать ёмкий образ и в то же время отражает возможность вариативной интерпретации бинарных метафор, основанной на неоднородности лексических значений имён прилагательных и оригинальности их сочетания.

Эпитеты, выраженные нетипичными для эпитета лексемами. Рассмотрение однословных эпитетов качественной разновидности в текстопорождающем ракурсе представляется неполным без учета единиц неадъективных атрибутивных лексем, но несущих в себе в качестве основного значения именно атрибутивное, признаковое поле. К таким единицам относятся наречия и слова категории состояния; причастные и деепричастные формы глагола с заметным признаковым компонентом, актуализирующимся в пределах высказывания; некоторые местоимения; числительные; инфинитивная форма глагола; аппозитивы. Рассмотрим некоторые из них.

Механизм порождения *эпитета-наречия* состоит в процедуре наделения признаком действия или (реже)

признаком признака случайного компонента ситуации, выраженного глаголом, подбор признака происходит совершенно из различных сфер действительности: из смежной (человек) или сходной, далекой со сравниваемой (природа, вещь, абстрактное понятие). Происходит наложение двух сфер, в результате чего выстраивается метонимический или метафорический образ. Нетипичный выразитель признака (неадъектив) становится эпитетом, т.е. получает функции образного определения.

При метафорическом осмыслении характеризуемая реалия и признак соположены по принципу дальнего родства и относятся к разным сферам реальности: *О как* ***солнечно*** *и как* ***звездно*** *// Начат жизненный первый том!* [5. Т. 1. С. 196]. В данном примере жизнь человека сравнивается с артефактом (книгой), которая наделяется признаком из другой, натурфактной, среды. Соположение признаков в соседних, близких друг к другу синтагмах происходит в рамках одного концепта, но путем наведения дальних семантических связей, проявляется «неродственное родство» признаков одного концепта: *По-русски* ***трудно*** *мыслить, по-русски –* ***чудно*** *мыслить*.

В рамках адвербиального эпитета все же чаще всего происходит метонимическое блендирование, наложение признака и реалии, относящихся к одному концептополю: *Не* ***по-маяковски,*** *Макс, мне было так* ***братски*** *// Спать на твоем плече!* [Там же. Т. 2. С. 255].

При повторе адвербов происходит перенаправление одного признака в соседние когнитивные ячейки, смежные реалии: ***Мало*** *– тебе – дня, // Солнечного огня! //* ***Мало*** *– меня – звала? //* ***Мало*** *– со мной – спала?* [Там же. Т. 1. С. 377]. Один признак, при многократном его повторе, создает впечатление интенсивного его проявления, сильного воздействия на адресата.

Аппозитивный эпитет основывается на прямом соположении определяемого компонента и определения, выраженных именами существительными. Образ складывается путем прямого сочетания субстантивов, что делает образ калейдоскопичным, «несделанным»: *Руки:* ***свет и соль****, // Губы:* ***смоль и кровь*** [Там же. Т. 3. С. 104].

Прономинативный эпитет чаще выражен сложным эпитетным блоком, а потому существует в рамках единого высказывания-пропозиции. Свернутая фраза-эпитет, в составе которого находится местоимение, вся определяет реалию. Местоименный компонент эпитета призван охарактеризовать предмет или лицо в составе конкретной пропозиции, поэтому он всегда подвергается замене прономинативно-адъективной лексемой (*мой, иной, другой, который*; хотя автор пишется *он, меня, ему, мной*): ***Вихря-мне-коня, кафтан-ему-шнуровку*** [Там же. С. 67].

Лексическое значение местоимений подобно губке, которая впитывает в себя то содержание, которое приобретает высказывание в конкретной ситуации. К таким местоимениям относятся прономинативы *любой, другой, иной, этот*: *у меня появился* ***<u>другой</u>*** *Пушкин* (о книге). Когнитивные ячейки – смыслы – заполняются произвольным, ситуативным значением. В этом состоит основной механизм работы М. Цветаевой с признаковой лексикой: она становится максимально мобильной, подвижной.

Квалитативные эпитеты выражены, как правило, порядковыми числительными: *О* ***первая*** *ревность, о* ***первый*** *яд* [5. Т. 2. С. 20]. Наведение признака происходит методом метафорического сближения концептов. Признак становится общим для нескольких сравниваемых друг с другом реалий.

Метонимические эпитеты-причастия акцентируют внимание на действии-признаке, чаще построенном на метонимических ассоциативных, антропоморфных признаках: *на* ***пирующем, бурно-могучем*** *костре* [Там же. Т. 1. С. 19]; *день,* ***не терпящий ничего скрытого*** [Там же. Т. 5. С. 66].

Цепочки эпитетов. Другой тип эпитетов, выделяемый нами, – это авторские цепочки эпитетов, основанные на метафорическом переносе отраженного типа. Эпитеты, основанные на метафорической метонимии, названы нами отраженной метонимией, поскольку признак, приписываемый реалии, относится к иному объекту, не присущему ему, он как бы отражается в нем. Эпитет основан на соположении некачественного признака с признаком смежного объекта, в результате чего он окачествляется. Отраженная метонимия – явление наследования мотивированным прилагательным значений мотивирующего слова, находящихся друг с другом в метонимических отношениях.

Возможности имени прилагательного, являющегося элементом такой структуры, существенно расширяются (они могут усиливать определённый образ: *каменная безнадежность всех моих проказ*; выражать оценочную характеристику: *брезгливая грусть уст*; уточнять определённую характеристику реалии: *короткие крылья волос*; являться неотъемлемым смысловым компонентом в формировании образа: *шампанское любовной лжи* и др.). Способность прилагательных выступать в разной роли зависит от авторской интенции и общей прагматики текста, которые позволяют реализовать образный потенциал слов данной части речи. В поэтическом тексте имя прилагательное может выполнять одновременно несколько функций. Полифункциональность прилагательных в составе таких эпитетов метафорического типа повышает их эстетическую значимость (ср. сочетание усилительной и уточняющей функций: *в тюремной крепости души*) [Там же. Т. 1. С. 244].

Своеобразный «семантический всплеск» состоит, в нашем понимании, в том, что метафора-субстантив в составе эпитетного комплекса, стоящая в форме родительного падежа, всегда относится к миру человека и провоцирует продуктивное употребление антропоморфных эпитетов, поэтому признак выбирается также антропоморфный. Когнитивный выбор авторского Я падает именно на замкнутый в смысловом отношении, но необычайно богатый в лексическом плане пласт сознания – концептуальное поле «Человек». Этот выбор диктуется авторской избирательностью в смысловом отношении и безграничной творческой свободой в лексическом варьировании, в метонимическом и метафорическом осмыслении суперконцепта и его микросоставляющих. Относительные адъективы более четко

показывают их нахождение «не на своем месте» именно в составе синтагмы: *тюремная крепость*, будучи узуальным логическим эпитетным комплексом, становится качественным окказиональным благодаря когнитивному скачку, заключающемуся в перенаправлении признака по отношению к субстантиву *души*.

Признаковая семантика, являясь одной из составляющих значения неадъективных эпитетов, становится ведущей при использовании эпитета в составе образного высказывания, актуализируются периферийные семы, конструируются окказиональные. Яркой особенностью языка текстов Марины Цветаевой является частое обращение к характеризации, своему, личному определению объекта или лица, вследствие чего повышается значимость эпитетных слов. Процесс наделения признаком проходит стадию случайного выбора признака, с точки зрения узуса, и неслучайного, с позиции автора, приписывания его реалии, заполнения пустых когнитивных ячеек в семантической матрице признаковой лексемы, выдвижение окказионального признака в качестве основного, пересечении, наложение признаков (блендинг).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Губанов С.А.* Метонимический эпитет и его функционирование в цветаевском идиолекте // Филология и человек. 2012. № 4. С. 125–131.
2. *Мерзлякова А.Х.* Типы семантического варьирования прилагательных в поле «Восприятие»: на материале английского, русского и французского языков : дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 2003. 359 с.
3. *Арутюнова Н.Д.* Языковая метафора // Лингвистика и поэтика : сб. ст. / АН СССР, Ин-т русского языка ; отв. ред. В.П. Григорьев. М. : Наука, 1979. С. 147–170.
4. *Кубаева Ф.Р.* Когнитивно-семантические характеристики перенесенного эпитета в английском языке : автореф. … канд. филол. наук. 2009. 244 с.
5. *Цветаева М.И.* Собрание сочинений : в 7 т. / сост., подгот. текста и ком. А.А. Саакянц и Л.А. Мнухина. М. : Эллис – Лак, 1994.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 января 2015 г.

EPITHET IN TEXT ORGANIZATION AND SEMANTICS MECHANISMS IN THE CREATIVITY OF M. TSVETAEVA

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 21-24. DOI 10.17223/15617793/394/4

Gubanov Sergey A. International Market Institute (Samara, Russian Federation). E-mail: gubanov5@rambler.ru

Keywords: epithet; concept; cognitive poetics; Marina Tsvetaeva; transfer semantics.

In linguistic traditions the problem of transferred epithet generation is relevant and undeveloped in full. In the analysis of the mechanisms of transferred epithet generation the article introduces the concept of cognitive blending. Blending refers to the superposition of several overlapping senses, similar or related in meaning, relevant in this context. In the poetic context, in the works of Marina Tsvetaeva, blending of senses as part of epithets is, in the author's opinion, the main mechanism of transferred meaning, most often – metonymic. The article analyzes the semantics of epithets of quality in terms of the semantic shift of meanings during their formation, as well as epithets of non-quality nature that had the quality attribute due to metaphorization or metonymization of meanings in the condition of attribute overlap in a particular context. Multicomponent (complex) epithets, consisting of several words or stems, paired adjectives or epithet chains are also constructed by the principle of superposition of the senses of distant cognate "long relationship" (*first – life*, *as brothers – as Mayakovsky* and so on). These facts show the close attention of the poet to creating complex, occasional senses as part of the epithet and the defined word, which may indicate a feature of Marina Tsvetaeva's idiolect: attention to attributive words. Appositive and qualitative types of epithets demonstrate non-standard values, as well as unusual compatibility properties of the epithet and the noun it modifies. It is terminologically difficult to determine the mechanism of generation of this type of epithets, as it combines metaphor and metonymy. The term "reflected metonymy" expresses only one aspect of their formation: reflection in the epithet of an attribute of an associative word, close to the meaning of the epithet and correlated with an attribute of a similar / adjacent determinant. Several epithets, their set shows the poet works with the meaning of attributes, reveal the mechanism of epithet formation, as associative substantives which have close meanings in the situation are used along with the epithet. In the formation of a single-component epithet, the mechanism of its formation becomes dim, obscure, since a substantive with a similar meaning is not named, and the attribute is applied to one of the meanings (attributes) of an associated concept. From the above it can be concluded that the superposition of senses as part of a one-component, multi-component and other types of epithets is a basic cognitive process in the formation of the epithet in the works of Marina Tsvetaeva. It is quite productive, which allows speaking of it as an idiostyle feature of Tsvetaeva's creativity. From the earlier observations on the language of Marina Tsvetaeva, it may be concluded that the poet pays special attention to adjectival epithet, she builds non-standard epithets (block epithet, cognitive epithet, adjective metonymy, etc.). The epithet and its context is unique in the work of M. Tsvetaeva.

REFERENCES

1. Gubanov S.A. Adjective metonymy in literary text in the idiolect by M. Tsvetaeva. *Filologiya i chelovek*, 2012, no. 4, pp. 125–131. (In Russian).
2. Merzlyakova A.Kh. *Tipy semanticheskogo var'irovaniya prilagatel'nykh v pole "Vospriyatie": na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov*: dis. d-ra filol. nauk [Types of semantic variation of adjectives in the "perception" field: on the material of English, Russian and French. Philology Dr. Diss.]. Ufa, 2003. 359 p.
3. Arutyunova N.D. *Yazykovaya metafora* [Language metaphor]. In: Grigor'ev V.P. (ed.) *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. Moscow: Nauka Publ., 1979, pp. 147–170.
4. Kubaeva F.R. *Kognitivno-semanticheskie kharakteristiki perenesennogo epiteta v angliyskom yazyke*: avtoref. kand. filol. nauk [Cognitive-semantic characteristics of transferred epithet in English. Philology Cand. Diss.]. 2009. 244 p.
5. Tsvetaeva M.I. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 v.]. Moscow: Ellis – Lak Publ., 1994.

Received: 13 January 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 25–29. DOI 10.17223/15617793/394/5

УДК 811.111

И.М. Келлер

О ХАРАКТЕРЕ ПРИЗНАКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ, ИМПЛИЦИРУЕМЫХ В СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

На основе когнитивного подхода рассматривается феномен нерасчленённой номинации явлений (процессов) и их признаков единицами лексико-грамматического класса глаголов. Выделяются тематические группы нерасчленённых глагольных наименований и типы признаковых характеристик, имплицируемых в семантической структуре глаголов. Выявляются факторы, определяющие характер признаковых значений, входящих в семантику глаголов нерасчленённой номинации.
Ключевые слова: импликация; семантическая структура; признак, действие; познание; восприятие; нерасчленённая номинация; расчленённая номинация; признаковая характеристика; признаковое значение.

Все данности, существующие в мире и отражаемые в человеческом сознании, подразделяются на две предельно общие категории – объекты (вещи) и признаки. Будучи воспринятыми и осмысленными человеком, они получают именование в языке. Разграничение объектов и признаков является онтологической основой вычленения в языке двух обширных классов полнозначных слов – имён (объектных, вещных слов) и предикатов (признаковых слов). Первый класс определяется как класс существительных, второй (признаковый) включает глагол, прилагательное и наречие. Глагольный признак передаёт динамичность действия, признак, обозначаемый прилагательным или наречием, статичен. Причём наречие выражает «признак признака», или «вторичный признак».

Мир объектный в восприятии первичен. Объекты воспринимаются и квалифицируются по пространственной доминанте, т.е. как физические тела с пространственной границей. Поскольку объекты обладают признаками, то в процессе познания эти признаки вычленяются сознанием и генерализуются, обобщаясь и абстрагируясь от конкретного объекта. Результатом этого процесса является раздельное именование объекта и его признака в языке (например, unmarried woman). Такие случаи представляют явление расчленённой номинации.

Объекты и признаки представляют собой не абсолютные, а относительные категории (в данном случае термин «категория» используется в философском представлении мира), поскольку сущность, являющаяся признаком, может выступать в другом отношении как имеющая признаки (например, dark night – deep darkness [of the night]), т.е. как объект [1. С. 32]. Поэтому действие как динамический признак объекта также может иметь собственные признаки (speak fluently).

Поскольку именование в целом является закономерным итогом познания (когниции), логично предположить, что оно отражает характер когнитивной активности, порождающей все остальные, – восприятия [2. С. 30–31]. Способ номинации, таким образом, является рефлексией характера восприятия сущностей человеком. Результатом атомарного, раздельного восприятия действия и его признаков выступает в языке их расчленённая номинация, когда глагол, передающий действие, определяется наречием, выражающим признак действия:

(1) *He **was watching** her **carefully** now, his dark eyes wary* [3].

Явление расчленённой номинации наиболее частотно в актуализации, поскольку представляет собой норму языковой репрезентации, когда генерализованный признак эксплицируется при помощи дополнительной обозначающей его лексемы, которая сопровождает лексему, называющую само действие.

Восприятие действия и его признаков может быть не только атомарным, но и целостным, что приводит к более высокому, более сложному уровню их осмысления и в итоге к нерасчленённому именованию в языке (например: mumble – произносить невнятно, whisper – говорить очень тихим голосом, toddle – ходить, неуверенно ставя ноги). Таким образом, в процессе языковой репрезентации реальной действительности признак действия может не только эксплицироваться при помощи отдельного признакового слова, но и имплицироваться в семантической структуре слова, обозначающего действие.

Данное явление представляет собой частный случай языковой импликации и выступает одним из проявлений характерного для естественного языка принципа экономии (в актуализации языка это приводит к уменьшению числа единиц в речевой цепи и, следовательно, уменьшению затраты речевых усилий) [4]. Частотность упоминания конкретных действий, воспринятых в целостности проявления их сущностных признаков, обусловливает закрепление их нерасчленённых наименований в языке.

Имплицируемые признаки могут быть выявлены при помощи дефиниционного анализа глаголов. Например:

(2) *Oddly, however, as the engines strained louder and the chopper **hurtled** through the air, Langdon could see that the quarries were not getting any closer* [5].

Семантика глагола *hurtle* определяется следующими составляющими компонентами содержания:

hurtle – move

– at high speed

– in an uncontrolled manner [6].

Помимо семы действия (движения) [move] в его семантической структуре содержатся признаковые семы ([быстро] и [бесконтрольно]), т.е. семантика данного глагола осложнена по линии качественной спецификации действия (хотя вполне возможно грамматически верно сказать “he moved quickly and uncontrollably”).

Анализ корпуса примеров нерасчленённой глагольной номинации даёт возможность выделить не-

сколько тематических групп таких единиц, а именно: глаголы движения, говорения, зрительного восприятия, эмоциональной реакции, физического контакта, глаголы со значением приёма пищи и жидкостей, глаголы звучания, свечения, мыслительной деятельности [7. С. 9].

Самой обширной среди них оказывается группа глаголов **движения**, в которую входит, в частности, глагол *hurtle*, рассмотренный в примере (2). В этих глаголах доминирующей семой, или гиперсемой, передающей суть процесса, является сема [move]. Используя логическую модель представления лексического значения слова, разработанную М.В. Никитиным [1], её можно обозначить как сему интенсионала. Помимо неё в семантической структуре глаголов нерасчленённой номинации со значением движения могут быть выявлены одна или несколько признаковых сем, составляющих сильный импликационал лексического значения.

Следует отметить, что всем тематическим группам глаголов, семантика которых осложнена признаковыми характеристиками действия, свойствен ряд особенностей, которые выявляются при помощи дефиниционного анализа наиболее рекуррентных и типичных глаголов в составе группы. В группе глаголов нерасчленённой номинации со значением движения наиболее рекуррентны следующие: *creep*, *hurry*, *leap*, *race*, *run*, *rush*, *skip*, *stir*; *march*, *wander*; *drag*; *toss*; *tremble*; *pour*, *stream*. Особенностью данных глаголов, в частности, является то, что характер признаковых значений, входящих в импликационал их лексического значения, определяется признаковыми характеристиками, свойственными процессу движения вообще и двигательным действиям человека в частности:

(3) *Laura skipped ahead of me on the lawn* [8].

* skip – to move forward with quick steps and jumps [9].

Словарная дефиниция позволяет судить о том, что в семантической структуре глагола *skip* содержатся три признаковые характеристики: скорость (quick), направление движения (forward) и способ совершения двигательного действия (with steps and jumps). Первая из них является универсальной характеристикой движения, т.е. она свойственна любому виду движения – как человека, так и неодушевлённого объекта. Поэтому признаковое значение скорости содержится в импликационале значения большинства глаголов нерасчленённой номинации в данной тематической группе (например, *bustle*, *drag*, *hurry* и др.). Признак направления также свойствен движению вообще, но не является универсальной и необходимой его характеристикой, поскольку движение может также совершаться на месте и его направление может не иметь принципиального значения для описания двигательного действия. Вследствие этого данный признак содержится в импликационале значения сравнительно ограниченного количества глаголов движения (*flop*, *gambol*, *jiggle* и др.). В семантике отдельных глаголов содержится не конкретное значение направления («вперёд», «из стороны в сторону» и т.п.), а общий признак направленности действия («в определённом направлении»), как в глаголах *bob*, *lunge*, *storm*, или отсутствия определённой направленности (*roam*). Третья характеристика – способ выполнения (совершения) действия – свойственна любым действиям человека. Этим объясняется то, что данный признак двигательного действия содержится в импликационале значения обширного ряда глаголов движения (*hop*, *run*, *shamble* и др.).

Анализ значительного корпуса примеров, содержащих глаголы нерасчленённой номинации со значением движения, позволяет определить, что для данной тематической группы типична импликация нескольких признаковых характеристик (от двух до четырёх). Признаковые семы импликационала передают основные свойства движения: скорость, направление (направленность), способ и манеру совершения действия, а также его сопутствующие характеристики или признаки: каузацию, громкость (звук / шум), интенсивность двигательного действия, его причину или цель.

Следующей по величине количественного наполнения оказывается тематическая группа глаголов **говорения**, наиболее рекуррентными в которой являются глаголы *announce, declare*, *demand*, *murmur*, *mutter*, *shout*, *whisper*; *chat*; *cry*, *scream*; *beg*, *plead*.

В данной группе гиперсемой является сема [say] или [speak] в зависимости от характера действия, выражаемого глаголами, – кратного либо длительного.

Рассмотрим пример:

(4) *“Well done, my dear,” Enid whispered* [10. С. 454].

* whisper – to speak very quietly, using the breath but not the voice, so that only the person close to you can hear you [11].

Дефиниция показывает, что в семантике *whisper* имплицированы две признаковые характеристики обозначаемого действия – громкость (very quietly) и способ совершения (using the breath but not the voice). Кроме того, в ней содержится семантический компонент цели совершения действия (so that only the person close to you can hear you). Данное явление характерно также для ряда других глаголов нерасчленённой номинации, входящих в состав разных тематических групп. Этот факт, как представляется, объясняется тем, что, поскольку целеполагание является одной из характерных черт мышления человека, интенциональность свойственна многим его действиям: «действие как “единица” деятельности, взятое в его психологическом содержании, – это акт, который исходит из определённых мотивов и направляется на определённую цель» [12]. В ряде случаев она является важным качеством, предопределяющим характер их совершения, и неотделимым в восприятии от самого действия. Для действий неодушевлённых объектов в силу неспособности последних к целеполаганию наличие подобного импликационала не свойственно.

Примеры импликации такой признаковой характеристики, как громкость (сила звука), в семантической структуре глаголов говорения весьма многочисленны (*bark (out)*, *exclaim*, *mutter*, *roar*, *scream*, *shout*, *yell, whisper* и др.) в силу значимости данного признака для действия говорения, поскольку оно воспринимается главным образом на слух.

Ещё один пример:

(5) *"Mr. Kilbride, much as I'd love to sit and chat with you, I have to get back to work"* [13].

Дефиниционное описание глагола *chat* включает следующие семантические составляющие:

* chat – talk
– in a friendly way
– informally [6].

Приём семантического расширения (развёртывания) позволяет определить специфику единицы интерпретации действия, обозначаемого данным глаголом:

* talk – to speak in order to give information or express ideas or feelings; communicate by spoken words [Там же].

В свою очередь, *communicate* имеет следующую словарную дефиницию:

* communicate – to share or exchange information, news, or ideas [Там же].

Данные дефиниции свидетельствуют о том, что глагол *talk* является обозначением не только действия, но и его признаковых характеристик – адресованности и взаимности, т.е. обозначает не просто факт действия говорения, но характер этого действия – разговор с собеседником. Кроме семы действия в семантической структуре глагола *chat* содержатся признаковые семы [in a friendly way] и [informally], выражающие манеру совершения обозначаемого действия.

Имплицитная передача манеры совершения действия наблюдается в семантике абсолютного большинства глаголов в рамках рассматриваемой тематической группы, поскольку данный признак, как правило, играет определяющую роль при описании особенностей действия говорения.

Помимо признаков громкости и манеры совершения действия, для семантической структуры глаголов говорения характерно также возможное наличие других признаковых значений:

(6) *"I always jabber when I'm nervous"* [14. С. 28].

В словарной статье глагола *jabber* даются следующие компоненты значения:

* jabber – talk
– rapidly
– excitedly
– in an incomprehensible way [6].

То есть в его семантической структуре содержатся сема действия и три признаковые семы, первая из которых выражает скорость совершения действия, а две последние – манеру говорения с точки зрения психолого-эмоционального состояния продуцента и его способности чётко артикулировать. Признак скорости говорения содержится также в семантике ряда других глаголов: *babble*, *chatter*, *gabble*, *gibber* и др.

Глаголы говорения с общими семами [ask] и [reply], обозначая просьбу / вопрошание и ответ, характеризуют действие говорения по его коммуникативной направленности (целеустановке).

(7) *"Wait," he begged. "Please…"* [5].

В словарной дефиниции глагола *beg* находим:

* beg – ask
– earnestly or humbly [6].

То есть помимо признака коммуникативной направленности в значении данного глагола содержится импликациональная признаковая сема, выражающая эмоциональную окраску называемого действия. Это характерно также для других глаголов в подгруппе со значением просьбы / вопрошания.

Значительное количество глаголов в рассматриваемой тематической группе являются многозначными. Например:

(8) *"What do you mean, you lost four soldiers?" Maldonado screamed into the phone* [15].

Согласно толковому словарю глагол *scream* многозначен. Первое его значение определяется следующим образом:

* scream – 1) to make a loud high cry because you are hurt, frightened, or excited;
a. to shout something in a loud, high voice [16].

Словарная дефиниция свидетельствует о том, что исходным значением данного глагола является выражение крика человека, тогда как значение говорения производно от него. При этом признаковые семы [loud] и [high], выражающие громкость и высоту голоса говорящего, также выходят в интенсионал значения говорения.

Глагол *shout*, при помощи которого определяется *scream*, имеет следующую дефиницию:

* shout – to say something very loudly [9].

«Двойная импликация» признака громкости в значении говорения свидетельствует об интенсивности проявления данного признака.

В качестве сильного импликационала в значении глагола *scream* содержится также семантический компонент причины совершения действия ([because you are hurt, frightened, or excited]). Данный компонент обнаруживается в значении ряда других глаголов, принадлежащих к рассматриваемой тематической группе: *blurt (out)*, *exclaim*, *falter*, *mutter*, *stutter*, *whoop* и др.

Таким образом, для тематической группы глаголов нерасчленённой номинации со значением говорения характерно наличие в импликационале значения одной или нескольких признаковых сем, передающих важные признаковые характеристики (показатели) действия говорения: физические (сила звука, высота произнесения), социальные (направленность речи, целеустановка) и психологические (психологическое состояние продуцента, эмоциональная окраска говорения, способность к внятному выражению).

Остальные тематические группы глаголов нерасчленённой номинации характеризуются меньшим объёмом. Анализируя характер признаковых характеристик действия, имплицированных в их семантике, можно выделить следующие основные особенности:

– Семантической структуре глаголов нерасчленённой номинации со значением **зрительного восприятия** (*examine*, *gaze*, *glance, peer, stare* и др.) свойственна импликация одной или нескольких качественных признаковых характеристик, к которым относятся манера совершения (например, «не отрываясь, не сводя глаз»), скорость и продолжительность действия («поспешно», «бегло, быстро», «в течение долгого времени»). В ряде случаев возможно наличие семантического компонента причины или цели совершения действия.

– В импликационале лексического значения глаголов **эмоциональной реакции** (*chuckle, giggle, grin, sob* и др.) обнаруживаются такие признаковые характеристики действия, как манера его совершения (например, «нервно», «взволнованно») или впечатление, производимое действием на окружающих («глупо»). Для действия смеха типична импликация в семантике глаголов, его обозначающих, признака громкости, поскольку данное действие, как и действие говорения, воспринимается преимущественно на слух.

– Для глаголов нерасчленённой номинации со значением **физического контакта** (*grasp, grip, pat, smash* и др.) характерно наличие в импликационале значения сем, выражающих наиболее существенные для контактного физического действия признаковые характеристики: интенсивность (сила) («с силой», «крепко, прочно», «легонько») и способ осуществления контакта (например, «ладонью»), в ряде случаев повторяемость («несколько раз»), а также такие сопутствующие характеристики, как цель и каузация.

– В семантике глаголов нерасчленённой номинации со значением **приёма пищи и жидкостей** (*grab, munch, nibble, sip* и др.) содержатся такие признаковые характеристики обозначаемого действия, как манера его совершения (например, «шумно (чавкая)»), причина совершения действия, скорость (быстрота) (например, *grab* – «перекусить»). Признаковая сема скорости совершения действия содержится в семантической структуре абсолютного большинства глаголов со значением приёма пищи и жидкостей, что свидетельствует о частотности быстрого совершения данных действий человеком.

– Для семантической структуры глаголов нерасчленённой номинации со значением **звучания** (*click, scream*, *wail, yell* и др.) характерна импликация нескольких признаков, свойственных процессу звучания: высоты, громкости, длительности либо прерывности / непрерывности, а также манеры звучания.

– Глаголам **свечения** (*blaze*, *flare*, *glare*, *glow*, *sparkle* и др.) свойственна импликация в семантической структуре таких признаковых значений, как манера совершения действия (например, «внезапно»), интенсивность («ярко») и длительность свечения («на короткое время»), в отдельных случаях – каузация. При этом признак интенсивности свечения содержится в импликационале значения практически всех глаголов данной тематической группы, что объясняется значимостью этой характеристики при восприятии обозначаемого ими действия.

– Признаковые характеристики, имплицируемые в семантической структуре глаголов **мыслительной деятельности** (*consider, muse, reflect, speculate* и др.), не отличаются качественным разнообразием: в значениях глаголов данной тематической группы содержится такая качественная признаковая характеристика мыслительного действия, как его интенсивность, глубина («тщательно»). В отдельных случаях она сочетается с семой длительности действия.

Представленный в данной статье анализ языковых фактов свидетельствует о том, что:

1. Способ номинации сущностей отражает характер восприятия и осмысления воспринимаемого человеком. Помимо этого, он зависит от языковых и прагматических факторов.

2. Характер номинации может быть расчленённым, когда каждая данность или мыслимая сущность, их свойства, признаки, оценка значимости именуются отдельными языковыми единицами, и нерасчленённым, когда одно слово передаёт и данность, и её характеристики.

3. Семантика глаголов нерасчленённой номинации раскрывается применением дефиниционного анализа.

4. Глагольные нерасчленённые номинации могут быть объединены в ряд тематических групп. Такие слова обозначают частотные и жизненно значимые действия и состояния. Этим объясняется наличие в языке отдельных наименований для разновидностей одного и того же действия / состояния, различающихся признаковой характеристикой.

5. Признаковые значения, содержащиеся в импликационале глагольных нерасчленённых наименований, неоднородны и отражают существенные для действия / состояния показатели. Они зависят от содержания действия / состояния, обозначаемого глаголом, и характера и значимости признаков, свойственных конкретному действию / состоянию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики : учеб. пособие. СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
2. *Найссер У.* Познание и реальность / пер. с англ. В.В. Лучкова ; вступ. ст. и общ. ред. Б.М. Величковского. М. : Прогресс, 1981. 230 с.
3. *Sheldon S.* If Tomorrow Comes. 1985. URL: https://virtualelibrary.files.wordpress.com/2011/12/sydney_sheldon_-_if_tomorrow_comes.pdf (дата обращения: 20.01.15).
4. *Сергеева М.Э.* Принцип языковой экономии и его отражение на уровне орфографии (на материале английского языка). 2006. URL: http://www.bigpi.biysk.ru/inyaz/readarticle.php?article_id=7 (дата обращения: 30.01.15).
5. *Brown D. (a).* Angels and Demons. 2000. URL: http://www.miracle-girl.com/angels&demons.pdf (дата обращения: 20.01.15).
6. *Oxford* British and World English Dictionary. URL: http://www.oxforddictionaries.com (дата обращения: 20.01.15).
7. *Келлер И.М.* Импликация признаковых характеристик в семантической структуре слова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер. Филология. 2009. Т. 1, № 5. С. 142–152.
8. *Atwood M.* The Blind Assassin. New York : RosettaBooks, LLC, 2003. URL: https://nikunjrandar.files.wordpress.com/2012/04/2000-margaret-atwood-the-blind-assassin.pdf (дата обращения: 21.01.15).
9. *Longman* Dictionary of Contemporary English. URL: http://www.ldoceonline.com (дата обращения: 21.01.15).
10. *Bushnell C.* One Fifth Avenue. London : Abacus, 2009. 469 p.
11. *Cambridge* Advanced Learner's Dictionary. URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british (дата обращения: 22.01.15).
12. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. 2002. URL: http://yanko.lib.ru/books/psycho/rubinshteyn=osnovu_obzhey_psc.pdf (дата обращения: 15.01.15).
13. *Robinson P.* Friend of the Devil. 2007. URL: http://avaxhome.ws/ebooks/personality/Devil68.html (дата обращения: 22.01.15).
14. *Robinson P.* Playing with Fire. London : Pan Books, 2004. 448 p.

15. *Shea R., Wilson R.A.* Illuminatus! 1975. URL: http://www.integralbook.com/wp-content/uploads/2012/03/Wilson-Robert-Anton-Illuminatus-Trilogy.pdf (дата обращения: 23.01.15).
16. *Macmillan* Dictionary and Thesaurus. URL: http://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения: 23.01.15).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 марта 2015 г.

ON THE CHARACTER OF ATTRIBUTIVE MEANINGS IMPLICATED IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF VERBS IN THE ENGLISH LANGUAGE

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 25-29. DOI 10.17223/15617793/394/5

Keller Irina M. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: i_troyanova@mail.ru

Keywords: implication; semantic structure; attribute; object; action; perception; indiscrete nomination; discrete nomination; attributive characteristic; attributive meaning.

All entities existing in reality and reflected in human mind are divided into two very general categories – objects and attributes. An entity that is an attribute can also be regarded as having attributes, so an action as a dynamic attribute of an object can also have its own attributes. Being perceived and interpreted by a person, entities acquire names in the language. Thus, the way of naming is a reflection of the character of perception of extralinguistic entities by a person. The result of atomistic perception of an action and its attributes is their discrete nomination in the language, when a verb rendering an action is modified by an adverb naming an attribute of an action (*speak fluently*). The perception of an action and its attributes can be not only atomistic but also holistic, which leads to a higher and more complex level of their interpretation and, consequently, to their indiscrete nomination in the language (e.g. *mumble* – to say something indistinctly and quietly). So, in linguistic representation an attribute of an action can be not only explicated by means of a separate attributive word but also implicated in the semantic structure of a word naming an action. The implicated attributive meanings can be revealed by means of definitional analysis of verbs. The analysis of a considerable number of examples of indiscrete verbal nominations makes it possible to single out several thematic groups of such units, namely verbs of motion, speaking, visual perception, emotional reaction, physical contact, verbs with the meaning of consuming food and liquids, verbs of sounding, shining and mental activity. In the semantics of the units of the largest thematic group of verbs of indiscrete nomination – verbs of motion (*run, wander* etc.), the semes in the implicational part of lexical meaning render basic properties of motion: speed, direction, way and manner of performing an action, as well as its concomitant characteristics: causation, volume (sound/noise), intensity of an action of motion, its cause or purpose. Verbs of indiscrete nomination with the meaning of speaking (*chat, shout* etc.) are characterized by containing one or more implicated attributive meanings rendering important attributive characteristics of the action of speaking: physical (sound intensity, pitch), social (directedness of speech, its aim) and psychological (psychological condition of the producer, emotional coloring of speech, ability to express oneself distinctly). The analysis of the semantic content and, in particular, of the character of attributive meanings implicated in the semantics of verbs of indiscrete nomination in other thematic groups allows to conclude that such attributive meanings are heterogeneous and render characteristics that are essential for an action. They depend on the content of action named by the verb and on the character and significance of attributes inherent to a particular action.

REFERENCES

1. Nikitin M.V. *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [Course of linguistic semantics]. St. Petersburg: Nauchnyy tsentr problem dialoga Publ., 1996. 760 p.
2. Neisser U. Poznanie i real'nost' [Cognition and Reality]. Translated from English by V.V. Luchkov. Moscow: Progress Publ., 1981. 230 p.
3. Sheldon S. *If Tomorrow Comes*. Warner Books, 1985. Available from: https://virtualelibrary.files.wordpress.com/2011/12/sydney_sheldon_-_if_tomorrow_comes.pdf. (Accessed: 20.01.15).
4. Sergeeva M.E. *Printsip yazykovoy ekonomii i ego otrazhenie na urovne orfografii (na materiale angliyskogo yazyka)* [The principle of linguistic economy and its reflection on the level of spelling (on the material of the English language)]. Biysk, 2006. Available from: http://www.bigpi.biysk.ru/inyaz/readarticle.php?article_id=7. (Accessed: 30.01.15).
5. Brown D. *Angels and Demons*. Pocket Books, 2000. Available from: http://www.miracle-girl.com/angels&demons.pdf. (Accessed: 20.01.15).
6. Oxford British and World English Dictionary. Available from: http://www.oxforddictionaries.com. (Accessed: 20.01.15).
7. Keller I.M. Implikatsiya priznakovykh kharakteristik v semanticheskoy strukture slova [The implication of feature characteristics in the semantic structure of the word]. *Vestnik Leningradskogo gosu-darstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Ser. Filologiya – Vestnik of Pushkin Leningrad State University. Philology*, 2009, v. 1, no. 5, pp. 142–152.
8. Atwood M. *The Blind Assassin*. New York: RosettaBooks, LLC, 2003. Available from: https://nikunjrandar.files.wordpress.com/2012/04/2000-margaret-atwood-the-blind-assassin.pdf. (Accessed: 21.01.15).
9. Longman Dictionary of Contemporary English. Available from: http://www.ldoceonline.com. (Accessed: 21.01.15).
10. Bushnell C. *One Fifth Avenue*. London: Abacus, 2009. 469 p.
11. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Available from: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british. (Accessed: 22.01.15).
12. Rubinshteyn S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2002. Available from: http://yanko.lib.ru/books/psycho/rubinshteyn=osnovu_obzhey_psc.pdf. (Accessed: 15.01.15).
13. Robinson P. *Friend of the Devil*. New York: William Morrow, 2007. Available from: http://avaxhome.ws/ebooks/personality/Devil68.html. (Accessed: 22.01.15).
14. Robinson P. *Playing with Fire*. London: Pan Books, 2004. 448 p.
15. Shea R., Wilson R.A. *Illuminatus!* New York: Dell, 1975. Available from: http://www.integralbook.com/wp-content/uploads/2012/03/Wilson-Robert-Anton-Illuminatus-Trilogy.pdf. (Accessed: 23.01.15).
16. Macmillan Dictionary and Thesaurus. Available from: http://www.macmillandictionary.com/. (Accessed: 23.01.15).

Received: 22 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 30–34. DOI 10.17223/15617793/394/6

УДК 82–1(17.82.10)

Р. Компарелли

Б. ПОПЛАВСКИЙ И А. РЕМБО: ПРОБЛЕМА ПОЭТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

Выявляются различные формы присутствия судьбы и поэтического мира А. Рембо в лирическом творчестве Б. Поплавского. Автор опирается на суждения современников Поплавского, отмечавших его близость французским «проклятым поэтам», а также на работы современных исследователей. Отмечается оформление в некоторых стихотворениях мифа о А. Рембо как жизнетворческого ориентира. Прослеживается типологическое сходство отдельных мотивов и лирических сюжетов. Анализируются стихотворения Поплавского, наиболее репрезентативные в аспекте поэтического диалога и в связи с темой поэтической саморефлексии.

Ключевые слова: Поплавский; Рембо; «проклятые поэты»; поэтическая саморефлексия; лирический сюжет.

Эмигрантская судьба Б. Поплавского была тесно связана с Францией, поэтому закономерным видится обращение исследователей к французскому слою в его текстах разной жанрово-родовой природы. Уже современники поэта единодушно связывали поэтическую генеалогию Поплавского с французскими поэтами. Г. Газданов писал: «Поплавский неотделим от Эдгара По, Рембо, Бодлера...» [1. С. 741]. Сходные рассуждения принадлежат Ю. Терапиано: «Если вспомнить о тех влияниях французской литературы, которые должна была испытывать русская молодёжь, жившая и учившаяся во Франции, то у Поплавского можно проследить воздействие Артура Рембо и Гийома Аполлинера» [2. С. 439–440]. В. Варшавский в своей книге «Незамеченное поколение» утверждал: «Влияние французской поэзии на Поплавского несомненно. В нём чувствовалась прямо какая-то родственная близость к парижским “проклятым поэтам“» [3. С. 150]. Судьба и личность Артура Рембо занимает в этом ряду ключевое место. В одной из статей Поплавский декларирует не только свой пиетет перед Рембо, но и индивидуальную потребность: «…как часто мечтал я быть другом Тютчева, Рембо или Розанова» [4. С. 112].

Поэтический мир Б. Поплавского в аспекте соприкосновения с французскими предшественниками обозначен и частично исследован в ряде работ современных исследователей, которые единодушны в утверждении, что «литературный генезис» поэзии Поплавского в первую очередь – «творчество Лотреамона, Бодлера, Лафорга, Аполлинера и особенно Рембо, с которым Поплавский иногда готов был себя идентифицировать…» [5. С. 687]. Н.Б. Лапаева говорит, что «Поплавского с Рембо роднит не только “внешняя” похожесть, но, скорее, внутренняя, на глубинном уровне рождающаяся драма: в мировосприятии и Рембо, и Поплавского явно доминировало ощущение абсурдности и несовершенства мира, а также заброшенности и одиночества в нём человека» [6. С. 187]. Рембо, Бодлер, Малларме, Пруст, Селин становятся для Поплавского личностными и эстетическими ориентирами: «...он осмысливает их биографию, подвергает интерпретации их произведения, рассуждает об их философских воззрениях» [Там же. С. 186].

Ю.В. Матвеева также отмечает биографические и духовные точки соприкосновения: «...непреодолимое одиночество, одержимость духом скитаний, скандальная слава в “культурных кругах”, устремление в творчестве от стихов к прозе... та же преждевременная изношенность земного бытия, та же загадочная условность границ меж творчеством и жизнью и та же недоговоренность, недовоплощённость в жизни и литературе» [7. С. 68]. Исследователь проницательно обозначает вектор поэтической переклички двух художников: «Возникает ощущение, что сам тип такого мышления, где образы служат истолкованию напряженной мысли, наследуется Поплавским» [Там же].

Представляется возможным вычленить в поэтическом диалоге двух поэтов стихотворения, в которых рецепция Поплавским Рембо связана с двумя аспектами: признанием французского поэта как притягательного для себя типа жизнеповедения, что провоцирует создание собственного мифа о Рембо в текстах, и ориентации на способы поэтического воплощения отдельных тем и образов. Такой диалог может оформляться с разной степенью очевидности: в прямой номинации адресата в стихотворении «Артуру Рембо», в типологическом схождении цементирующего тексты обоих поэтов литературного образа (в данном случае – шекспировской Офелии), наконец, в «оглядке» Поплавского на отдельные лирические сюжеты Рембо.

Нельзя не согласиться с Д. Токаревым, который, говоря о стихотворении Поплавского «Артуру Рембо», усматривает в нём игру русского поэта с французскими рифмами. Исследователь полемизирует с В. Варшавским, который интерпретировал следы стихотворения «Fêtes de la faim» («Праздники голода», 1872). Рембо в стихотворении Поплавского «Артуру Рембо» как свидетельство ощущения личной близости к поэтическому адресату. В. Варшавский комментировал «Артуру Рембо» как стихотворение, которое «написано словно по личным воспоминаниям» [1. С. 150]. Думается, что в тексте Поплавского присутствуют обе составляющие творческого диалога. Можно предположить, что В. Варшавский сделал акцент на близости поэтов в плане жизнетворчества. Д. Токарев актуализирует более тонкий слой: «Поплавский концентрирует свое внимание на двух его первых строках: “*Ma faim, Anne, Anne / Fuis sur ton âne*”. Но и в этих строчках его интересует не мотив голода, важный для Рембо, а лишь омофоническая игра слов “Anne – âne”. Поплавскому… не очень важен смысл стихотворения Рембо. <…> Свой текст молодой поэт создает в 1926–1927 годах, в тот переходный для его

поэтики период, когда он еще не “преодолел” влияние футуризма, с его повышенным вниманием к звуковой стороне стихотворения и к его ритмике» [8. С. 134–135]. Исследователь напоминает, что «его первоначальное название – “Histoire de gazeet de gaziers” (“История о марле и газовщиках”) – также построено на каламбурной игре словами-омофонами, и хотя Поплавский при первой публикации стихотворения в 1928 году… вообще отказался от названия, а во “Флагах” сделал заглавием посвящение, можно сказать, что пародийно комическая тональность текста осталась неизменной. Поплавский не только копирует короткий метр двух первых строчек стихотворения Рембо, но и делает Анну и осла – наряду с Рембо и Верленом, сидящими вместе с лирическим героем в лондонском кафе-шантане, – полноправными героями своего стихотворения» [8. С. 135]. Рембо в стихотворении Поплавского реализует страсть к вечным скитаниям: «Был полон Лондон / толпой шутов, / И ехать в Конго / Рембо готов» [9. С. 104]. Упоминание Конго и, значит, факта несостоявшейся поездки туда исторического Рембо, столкновение – через союз «и» – буржуазного Лондона и недосягаемого пространства свободы прочитываются как реакция персонажа на европейское состояние мира, отторжение от буржуазного социума. В восьмой строфе облик Рембо-персонажа детализируется, появляется примета, которая фиксирует пренебрежение поэтом буржуазными приличиями: «Блестит колено / Его штанов» [Там же], – а также появляется ещё один персонаж, неизменно связываемый в культурной памяти с Рембо, – Верлен. Деталью своего облика («красный нос») он закрепляет тип поведения поэта, не совместимого с окружающим социумом. Исторический Верлен, как известно, родился в буржуазной семье с традиционными и строгими этическими правилами. Верлен пытался бунтовать против этого, особенно когда поехал учиться в Париж, но, в силу нерешительности, оставался в рамках буржуазных правил. Поплавский подчиняет Верлена своей поэтической версии: ему нужен некий двойник Рембо, вместе они создают обобщённый образ поэта, на которого лирический герой проецирует свою судьбу.

Внутреннее состояние лирического героя Поплавского не сводится только к потребности соединить себя и «проклятых» поэтов в одном континууме культуры. Интертекстуальные сигналы стихотворения Рембо «Праздник голода», отмеченные Д. Токаревым у Поплавского, позволяют усмотреть ещё одно основание для сопоставления – тему поэтической саморефлексии. У Рембо мотив голода метафоризируется, с одной стороны, как потребность в родственном духовном окружении, отсутствие собеседников. С другой стороны, ключевой становится строфа «*Tournez, les faims! paissez, faims, / Le pré des sons!*» («Кружитесь, голода, паситесь, голода, / На лугу звуков!») [10. С. 192]. Множественное число от «голод» – «голода» – задаёт максималистский масштаб творческих потребностей. Изощрённая метафора: «голода» должны «пастись на лугу звуков» – прочитывается как материализация потребности поэта найти формы адекватного (прежде всего – фонетического) воплощения творческого сознания. Версификационные ресурсы отыскиваются в природе, которая видится как стихийная сила, к которой он всякий раз возвращается, чтобы обновить свои эстетические ощущения.

Самыми, пожалуй, загадочными остаются строки, начинающие и замыкающие текст «*Ma faim, Anne, Anne, / Fuis sur ton âne*» («Голод мой, Анна, Анна, / На твоем осле убеги» [Там же]). Закольцованность текста именно этими формулами, как можно предположить, отсылает к рифме; «Анна», «осёл» и «голод» в их соположении и взаимодействии прочитываются как самодостаточная в своей виртуозности игра рифмами, созвучиями.

Б. Поплавский подхватывает версификационную игру Рембо и строит на ней свой сюжет, также связанный с проблемой поэтической самореализации и поэтической судьбы в целом. Лирический сюжет разворачивается как поток видений, которые как бы оставляют следы наяву. Столкновение имён Марии («Приснодева»), Евы и Анны генерирует вариант устойчивого для Поплавского конфликта христианской парадигмы и внутреннего искушения, когда лирический герой признаётся в том, что в «чужой стране» предпочёл искус творчества. С появлением в кафе Анны и осла, когда сюжет обретает совсем уж характер галлюцинаций, творчество Рембо вторгается в его сознание гениальными рифмами («Ma faim», «Anne», «Anne», «Fuis sur ton âne»), которые обретают материально-вещественное измерение и оставляют вполне ощутимый след: «*Богиня Анна, / Добро во зле, / Души желанный / Бог на осле. / О день забытый… / С посудой битой / Людей родня, / Осел копытом / Лягнул меня*» [9. С. 104]. Близость судьбы и обожествление поэта как творца гениальных рифм рождает своего рода «рифму» судеб. В последних строфах гений Рембо катализирует внутренние страдания лирического героя, который бесстрашно констатирует недосягаемость для него гениального предшественника и своё душевное омертвение: «*Иду у крупа / В ночи белесой / С улыбкой трупа / И папиросой*» [Там же. С. 105]. Поэтический синтаксис Рембо (наличие императивов, разная длина стихов, сбивчивый ритм), выдающий интенсивность внутренней жизни поэта, контрастирует с ритмической монотонностью текста Поплавского, что прочитывается как опасность творческой энтропии.

Типологическая близость стихотворений Поплавского и Рембо обнаруживается и в случае, когда тексты обоих поэтов обращены к одному претексту, содержащему тот или иной «вечный» образ. Среди таких культурных образов – шекспировская Офелия. Стихотворение Рембо «Ophèlia» «подхватывается» в таких текстах Поплавского, как «Ручей, но чей?», «Жалость к Европе», «Мистическое рондо III», «Стекло лазури, мания величья», «Не тонущая жизнь ау ау», «Песня вторая». Офелия как устойчивый персонаж лирики Поплавского предстаёт в широком семантическом диапазоне и далеко не всегда содержит аллюзивные отсылки к Рембо. Однако первое из обозначенных стихотворений – «Ручей, но чей?» – относится как раз к таким. Исследователи поэзии Рембо

обнаруживают в «Ophèlia» экфрастическую поэтику, делающую словесный текст «стихотворным пересказом… приводящим на память тонкую живопись Милле» [11. С. 23]. Художник как бы визуализирует, опредмечивает монолог Гертруды в «Гамлете», когда она рассказывает свою версию гибели Офелии. На картине Ж.-Ф. Милле Офелия изображена сразу после падения в реку, она медленно погружается в воду на фоне яркой, цветущей природы. На её лице нет ни страха, ни отчаяния. Живописное полотно как будто фиксирует тот момент, когда шекспировская героиня переходит из эстетической реальности своего творца в сонм вечных образов мировой культуры. Рембо создаёт словесный аналог картины Милле. Офелия у него также некая вечная Офелия, застывшая навеки фигура: «*Voici plus de mille ans que la triste Ophélie / Passe, fantôme blanc, sur le long fleuve noir*» («Вот уже более тысячи лет, как грустная Офелия / идёт, белый призрак, по длинной чёрной реке» [Там же. С. 28]). Офелия у Рембо удостоверяет собою вечность шекспировского гения и его персонажей. Офелии суждено навсегда быть связанной с ручьём, метафоризирующим бесконечное движение времени.

У Поплавского упоминание Офелии среди прочих персонажей призвано разрушить идею возможности в современном мире высоких образцов, отсюда – пародирование образа ручья и самой Офелии: «Офелия пошла, гуляя, в лес, / Но уж у ног её – ручей, подлец. / Её обвил, как горничную сонник, / Журча, увлёк на синий подоконник. / Она кружится, как письма листок. / Она взывает, как любви свисток. / Офелия, ты фея иль афера?» [9. С. 93]. Вульгаризация трагедии шекспировской героини распространяется и на остальные микросюжеты, оформляющие в своей совокупности картину «литературного ада». Риторический вопрос в заглавии стихотворения задаёт тему тотальной профанации высоких образцов искусства, не в последнюю очередь – шекспировских трагедий – в современном мире.

Диалог Поплавского и Рембо прослеживается наиболее отчётливо, когда лирические сюжеты разворачиваются как гротескные действа праздника мертвецов: «Восьмая сфера», «Морской змей», «Ты в полночь солнечный удар», «Не тонущая жизнь ау ау». Наиболее репрезентативно в аспекте поэтического диалога первое стихотворение, отсылающее к стихотворению Рембо «Bal des pendus» («Бал повешенных»), тексту, который был создан им как выполненное задание по французскому языку, данное ему молодым учителем Изамбаром, – «Lettre de Charles d'Orléans à Louis XI» (1870). Рембо должен был стилизовать письмо, в котором он выразил бы от имени Карла Орлеанского просьбу, адресованную королю Луи XI, чтобы тот помиловал бандита и поэта Вийона, которому грозила виселица. В этом «письме» Рембо защищает Вийона и поэтов вообще и «атакует» судей, представителей правопорядка и буржуазии. В стихотворении «Bal des pendus» Рембо продолжает тему жестокого правосудия. Известно, что он написал этот текст в 16 лет, к этому времени он успел провести некоторое время в тюрьме за то, что путешествовал без билета, и уже видится в нем ненависть к правосудию. Текст Рембо, в свою очередь, связан с текстами «Ballade des pendus» (1462) Франсуа Вийона и «Ballade des pendus» (1854) парнасского поэта Теодора де Банвиля, с которым Рембо был знаком лично. Текст Вийона – это призыв повешенных к жалости, состраданию и к христианскому милосердию живых. Стихотворение «Ballade des pendus» (1854) Теодора де Банвиля – это часть одноактной пьесы под названием «Gringoire» (показана в 1860 г.), где среди диалогов персонажей присутствуют две баллады, «Ballade des pendus» – одна из них. Смысл текста почти тот же: жалость к повешенным рождается из контраста между красотой жизни и ужасом смерти.

Рембо не продолжает поэтическую логику Вийона и Банвиля. В тексте Рембо содержится гротескная картина казни. Картина мира в первой и дублирующих её последних строфах открывается взгляду лирического субъекта как смерть социума, где были утрачены подлинные ценности и где были гонимы гении, неординарные личности. Верёвка оборачивается галстуком, за который дергает сам дьявол. Первая строчка: «*Au gibet noir, manchot aimable, / Dansent, dansent les paladins*» («У любимой однорукой чёрной виселицы / танцуют, танцуют паладины» [10. С. 32]) – выдаёт торжество субъекта речи по поводу справедливого возмездия, настигшего наконец неправедных властителей. Лирический субъект видит свою роль в том, чтобы по-своему дублировать провокации Вельзевула и катализировать бесконечные мучения повешенных, потому что они были причиной не только личной трагедии, но и неправедности социума в целом.

«Bal des pendus» можно прочитать и сквозь призму темы поэтической саморефлексии. Текст, творимый лирическим субъектом, становится способом реванша за пережитые страдания: поэтический мир побеждает материальную реальность. С другой стороны, персонажи, утратив земную телесность, могут свободнее двигаться и танцевать: «*Hurrah! Les gais danseurs, qui n'avez plus de panse! / On peut cabrioler, les tréteaux sont si longs!*» [Там же] («Ура! Весёлые танцоры, у которых больше нету живота! Они могут вращаться, сцена такая большая!»); «*Presque tous ont quitté la chemise de peau*; *Le reste est peu gênant…*» [Там же] («Почти все сняли рубашку из кожи; остальное не мешает…»). Такой поворот сюжета позволяет лирическому субъекту видеть в повешенных своих собратьев, освободившихся от земной плоти и обретших метафизическое измерение, поэтов, которые обречены отдать жизнь ради поэзии, что и объясняет его «ура!». В этой связи Л. Ливак пишет: «In the context of French surrealism, confinement alludes to a poet's dependent state as a "recording device", and the exchange of messages between prisoners to the surrealist artistic method» («В контексте французского сюрреализма заточение означает превращение поэта в "инструмент письма", и обмен сообщениями между заключёнными является сюрреалистическим художественным методом») [12. С. 184]. Такое наблюдение органично проецируется на текст Рембо. В этой логике дистанциированность лирического героя от персонажей как бы

нейтрализуется: он своей реакцией выдаёт свою однонприродность с персонажами: они в своём роде – заточённые в рамках своего творческого гения. Такое прочтение может прояснить смысл сопоставления с ним текста Поплавского.

Стихотворение «Восьмая сфера» (в первой публикации 1965 г. – «Возвращение в ад») прочитывается как лирическая вариация Рембо. А.И. Чагин посвящает объёмную статью стихотворению «Восьмая сфера», оперируя другим вариантом заглавия – «Возвращение в ад», – которое значилось в издании сборника «Дирижабль неизвестного направления» 1965 года. Обозначим основные выводы работы, подкрепляемые детальным анализом образного строя текста. Образной доминантой видится «стеклянный дом» – метафора души лирического героя. Внутреннее состояние становится пространством столкновения обыденного существования и трагических процессов, что оформляется так, что «спокойный, “повествовательный” ритм поэтической речи, традиционный размер стиха, контрастно взаимодействуя с движением поэтического “сюжета”, лишь подчёркивают невероятность, фантасмагоричность развёртывающегося в стихотворении сюрреалистического “действа”» [13. С. 174]. «Метафорическое уравнение» разворачивается, как показывает автор статьи, в следующую цепочку: «“ад” – “стеклянный дом” – внутренний мир (душа) поэта – “чернильница”. <…> В последних строфах появляется страшный образ “кромешной радости”… под чьей клешнёй гибнет раздавленный “стеклянный дом”, брызжущий чернильной кровью… можно заключить… что перед нами – Муза, разрушающая “адские” видения, живущие в душе поэта и побуждающая его к творчеству как освобождению от ада в душе» [Там же. С. 179]. К данному выводу примыкают следующие резюмирующие формулы: «акт творчества, как показывает поэт, мучителен для него… (не случайна связь “кровь” – “чернила”)»; с другой стороны, невозможность расставания с творчеством, каким бы мучительным ни было это творчество для поэта» [Там же. С. 179–180].

Поплавский как бы «дописывает» Рембо, точнее, то, что у Рембо фиксируется уже как итог, у Поплавского разворачивается как процесс того, что этому итогу предшествовало. Ситуация «Bal des pendus» обретает у Поплавского характер процессуальности, что актуализирует понятие лирического сюжета, «сюжетного движения, поскольку именно оно позволяет… увязать элементы текста между собой» [14. С. 277]. Продуктивным представляется утверждение, что «пространство в лирическом сюжете выдвигается на первый план… перестаёт быть “обстановкой” действия, становится самим действием» [14. С. 287]. Динамика текста Поплавского задаётся внутренним состоянием лирического героя, который «опространствливает» метаморфозы, обусловленные возникновением творческого состояния. В таком случае лирический сюжет «возникает, подобно эпическому, на основе бессюжетности, как её отрицание, но, отрицая, он прежде всего служит её выявлению, отображает на себе незыблемое “мгновение лирической концентрации”, оказывается его движущей проекцией» [Там же. С. 289].

В последней строфе появляется метафора камеры. Лирический герой фиксирует гибельные метаморфозы в себе; последние две строки ведут к фиксации антиномичного состояния поэта: радость и смерть, которая метафоризируется заточением в камере своего бессознательного и – в пределе – завершается гибелью поэта под бременем непосильного для него дара: «Так кружатся воры вдоль камер – во! / Или солдатик, поражённый замертво» [9. С. 88].

Поэтический диалог Поплавского и Рембо обретает полемический характер: если у Рембо создаётся иллюзия победы текста над жизнью и торжество поэта-творца, то у Поплавского эта иллюзия опровергается. Сюжетная логика «Восьмой сферы» ведёт к неумолимому саморазрушению внутреннего мира поэта в процессе творчества, сопряжённого с антропоморфизацией химер сознания. Они овладевают поэтом и увлекают за пределы земной обыденности, где творчество невозможно. Кроме того, поэтический сюжет Рембо, связанный с балом мертвецов, для Поплавского становится уже закреплённой в культуре поэтической версией и трагического развития человечества.

Французская поэзия (Верлен, Рембо, Лотреамон, Бодлер, Аполлинер, Малларме и др.) в эстетическом сознании Поплавского присутствует как ориентация на близкий ему тип художественной личности и как предмет рефлексии в аспекте природы творчества и законов поэтической формы. С другой стороны, можно говорить о конкретных именах и образах Поплавского, вступающих в диалог с отдельными поэтическими темами французских поэтов, в числе которых Артуру Рембо принадлежит, пожалуй, главное место. Присутствие судьбы и поэзии А. Рембо в эстетическом сознании Б. Поплавского обнаруживает себя и как жизнетворческий ориентир, и как источник поэтической саморефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Газданов Г.* О Поплавском // Собрание сочинении : в 5 т. М. : Эллис-Лак, 2009. С. 741.
2. *Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Эссе, воспоминания, статьи. СПБ. : Росток, 2014.
3. *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Русский путь, 2010.
4. *Поплавский Б.* Среди сомнений и очевидностей // Поплавский Б. Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 3 : Статьи. Дневники. Письма. М. : Книжница-Русский путь-Согласие, 2009.
5. *Ратгауз М.Г.* О Борисе Поплавском // Ново-Басманная, 19. М. : Худ. лит., 1990.
6. *Лапаева Н.Б.* Рембо, Пруст, Селин как знаки духовной самоидентификации в «Дневниках» Б. Поплавского // Франция–Россия: проблемы культурной диффузии. Тюмень ; Страсбург, 2008.
7. *Матвеева Ю.В.* Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, 2008.

8. *Токарев Д.В.* «Между Индией и Гегелем»: Творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 352 с.
9. *Поплавский Б.* Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1: Стихотворения. М. : Книжница-Русский путь-Согласие, 2009.
10. *Rimbaud Arthur.* Collected poems. Oxford University press, 2000.
11. *Карре Ж.-М.* Жизнь и приключения Жана-Артюра Рембо. М. : Вузовская книга, 2009.
12. *Livak L.* The poetics of French surrealism in Boris Poplavskii's poetry of 1923–1927 // Slavic & East European Jornal. Vol. 44. Lune 2000.
13. *Чагин А.И.* Орфей русского Монпарнаса. О поэзии Бориса Поплавского // Российский литературоведческий журнал. 1996. № 8.
14. *Капинос Е.В., Куликова Е.Ю.* Лирические сюжеты в стихах и прозе XX века. Институт филологии СО РАН. Новосибирск, 2006.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 марта 2015 г.

BORIS POPLAVSKIY AND ARTHUR RIMBAUD: A POETIC DIALOG

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 30-34. DOI 10.17223/15617793/394/6

Comparelli Roza. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rosa.comparelli@gmail.com

Keywords: B. Poplavskiy; A. Rimbaud; "poètes maudits"; poetic self-reflection; lyrical subject.

The purpose of this study is to examine different forms of presence of A. Rimbaud's myth in B. Poplavskiy's poetry. This research draws upon such sources as opinions of Poplavskiy's contemporaries, which marked his closeness with French "poète maudit", and works of contemporary researchers as well. After this, it becomes clear that Poplavskiy's prose in the aspect of reception of French poetry (Rimbaud, Verlaine, Lotreamont, and others) is studied closer than poetry. This determines the exigency to treat Poplavskiy's poetic world in this aspect. A. Rimbaud is present in the lyrical texts as a particular type of artist. In this work Poplavskiy's poem "To Arthur Rimbaud" is analyzed, in which the myth of Rimbaud and Verlaine as poets-wonderers that do not accept the bourgeois society is realized. Besides that, there is a dialog with Rimbaud's poem "Feasts of Hunger" which contains the theme of self-realization, of search in versification field. The lyrical subject of Poplavskiy's poem is built as a stream of visions, when lyrical hero's consciousness is invaded by predecessor's images and rhymes. Rimbaud's Genius catalyzes the reflection of the lyrical hero, which states the closeness of destinies and the fear of not becoming a poet. In the aspect of correlation between Poplavskiy's poetic world and Rimbaud's poetry, some texts are marked out as Rimbaud's "Ballad of the Hanged" and Poplavskiy's "Vos'maya sfera" ("The Eighth Sphere"). The genealogy of Rimbaud's text is clarified, it hearkens to the poems of François Villon and Theodore de Banville. However, the article claims that Rimbaud does not follow the same poetic logic of his predecessors. The world view is presented as death of society, which has lost genuine values and the genius is persecuted. In Poplavskiy's poem the theme of the ball of dead men is present too; the lyrical situation acquires plot length, artistic space becomes dynamic. This research highlighted that the poetic dialog between Poplavskiy and Rimbaud is a polemic one. Rimbaud's poem expresses the idea of an artist-creator and his text gaining victory over reality. The plot logic in Poplavskiy's poem leads to poet's self-destruction during the creation process; the chimeras of consciousness objectify and they have power over the author.

REFERENCES

1. Gazdanov G. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Works: in 5 v.]. Moscow: Ellis-Lak Publ., 2009, p. 741.
2. Terapiano Yu. *Literaturnaya zhizn' russkogo Parizha za polveka (1924–1974). Esse, vospominaniya, stat'i* [Russian literary life in Paris for half a century (1924–1974). Essays, memoirs, articles]. St. Petersburg: Rostok Publ., 2014. 664 p.
3. Varshavskiy V.S. *Nezamechennoe pokolenie* [Unnoticed generation]. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna; Russkiy put' Publ., 2010. 544 p.
4. Poplavskiy B. *Sobranie sochineniy: v 3 tomakh* [Works: in 3 v.]. Moscow: Knizhnitsa-Russkiy put'-Soglasie Publ., 2009. V. 3.
5. Ratgauz M.G. *O Borise Poplavskom* [About Boris Poplavskiy]. In: Bogomolov N.A. (ed.) *Novo-Basmannaya, 19* [19 Novo-Basmannaya St.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990.
6. Lapaeva N.B. *Rembo, Prust, Selin kak znaki dukhovnoy samoidentifikatsii v "Dnevnikakh" B. Poplavskogo* [Rimbaud, Proust, Celine as signs of spiritual identity in the "Diaries" by B. Poplavskiy]. In: Lipskaya L.I. (ed.) *Frantsiya–Rossiya: problemy kul'turnoy diffuzii* [France-Russia: problems of cultural diffusion]. Tyumen'; Strasburg: Pechatnik Publ., 2008.
7. Matveeva Yu.V. *Samosoznanie pokoleniya v tvorchestve pisateley-mladoemigrantov* [Self-consciousness of the generation in the works of the emigre writers of the first wave]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 2008. 194 p.
8. Tokarev D. *"Mezhdu Indiey i Gegelem": Tvorchestvo Borisa Poplavskogo v komparativnoy perspektive* ["Between India and Hegel": Creativity of Boris Poplavskiy in the comparative perspective]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 352 p.
9. Poplavskiy B. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Works: in 3 v.]. Moscow: Knizhnitsa-Russkiy put'-Soglasie Publ., 2009. V. 3.
10. Rimbaud Arthur. *Collected poems*. Oxford University Press, 2000. 384 p.
11. Carré J.-M. *Zhizn' i priklyucheniya Zhana-Artyura Rembo* [The Life and Adventures of Jean-Arthur Rimbaud]. Moscow: Vuzovskaya kniga, 2009. 156 p.
12. Livak L. The poetics of French surrealism in Boris Poplavskii's poetry of 1923–1927. *Slavic & East European Jornal*, 2000, vol. 44, no. 2, pp. 177-194.
13. Chagin A.I. Orfey russkogo Monparnasa. O poezii Borisa Poplavskogo [The Orpheus of the Russian Montparnasse. On the poetry of Boris Poplavskiy]. *Rossiyskiy literaturovedcheskiy zhurnal*, 1996, no. 8.
14. Kapinos E.V., Kulikova E.Yu. *Liricheskie syuzhety v stikhakh i proze XX veka* [Lyrical themes in the poetry and prose of the twentieth century]. Novosibirsk: Institute of Philology, SB RAS Publ., 2006. 336 p.

Received: 22 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 35–42. DOI 10.17223/15617793/394/7

УДК 81'42

М.О. Кочеткова

БЛОГОСФЕРА КАК РЕКЛАМНАЯ ПЛОЩАДКА: ДИНАМИКА РЕЧЕВОГО ЖАНРА БЛОГА ПОД ВЛИЯНИЕМ РЕКЛАМНЫХ ИНТЕНЦИЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-14-70004 «Актуальный дискурс о Томске: медийное и личностное восприятие»).

Исследуется гипержанр блога как площадка для формирования и реализации рекламных жанров. Материал – блоги платформы ЖЖ[1] как самой популярной платформы русскоязычного сегмента блогосферы. Учитывается влияние социокультурных факторов на специфику развития речевого жанра блога в отечественном интернет-контенте, которое и является основной причиной динамики развития жанров. Рассмотрено влияние на блог рекламных жанровых интенций.

Ключевые слова: блогосфера; речевой жанр; жанровая динамика; социолингвистика; гипержанр; жанровая интенция.

Социальная обусловленность текстопорождения для современной лингвистики очевидна. Одним из проявлений социальной динамики является формирование новых речевых жанров, а также различные жанровые трансформации.

В данной статье объектом исследования является речевой жанр блога в отечественном социально-речевом пространстве, пришедший на смену «классическому» дневнику и претерпевший, по сравнению с ним, определенные функциональные изменения.

Блог как речевой жанр, возникший в отечественной интернет-коммуникации около 15 лет назад, претерпевает постоянные социально обусловленные изменения. Сформировавшийся на начальном этапе своего существования (2000–2004 гг.) как интернет-дневник (прототипическая для блогосферы жанровая форма) на следующем этапе (приблизительно с 2007 г.) блог испытывает активное влияние жанров СМИ, трансформируясь в гипержанр (сверхсложное жанровое макрообразование, объединяющее в своем составе несколько жанров [1]), реализующийся в целом ряде конкретных жанровых форм, например блог-рецензия, блог-интервью, блог-статья и др. Жанровые изменения блога как результат влияния жанров СМИ были рассмотрены нами в [2, 3].

Еще один отдельный аспект социально обусловленных изменений блога, обнаруживающий его особые жанровые формы, проявляется в результате влияния на него рекламных интенций.

Цель данной статьи – выявить специфику трансформации жанра блога как результат проникновения в его структуру рекламных интенций.

Исследование выполнено на основе семилетнего наблюдения за динамикой блогосферы, а также анализа блогов, сохраненных в архивах ЖЖ (всего проанализировано более двадцати тысяч постов).

Блог как речевой жанр интернет-коммуникации в настоящее время исследуется достаточно активно [4–6 и др.]. Как отмечалось ранее, изначально блог-платформы позиционировали себя как интернет-дневники. Однако с открытием регистрации для всех желающих аудитория резко возрастает, а следовательно, возрастает и количество потенциальных читателей. «Дневниковость» уходит на периферию жанровых целей, важными становятся фактор блоговой популярности, количество «френдов» и комментариев. Стремление к блоговой популярности приводит к трансформации жанровой интенции, ориентации на публичность, медийность. Такая среда оказывается благоприятной для расширения видов жанровых интенций, в том числе для реализации рекламных интенций в блогосфере.

Блоги начинают скрыто и явно использоваться в качестве рекламных площадок, превращая читателей в потенциальных покупателей. Рекламные интенции определяют формирование отдельной ветви эволюции жанров блогосферы.

Реклама как вид текстовой деятельности появилась относительно недавно, но, тем не менее, имеется немало работ, посвященных ее лингвистическому исследованию [7–9 и др.].

Одна из проблем, решаемых лингвистами при обращении к рекламным текстам, связана с анализом их жанровой организации. Так, А.А. Миронова указывает на отсутствие единого мнения по поводу того, существуют ли собственно рекламные жанры или рекламный текст реализуется в жанровых формах публицистики [10. С. 69].

Исследователи рекламы отмечают, что «функциональная специфика рекламного жанрового “семейства” – это установка на оперативную действенную реакцию реципиентов, их подведение к нужному рекламному поступку: покупке, голосованию за определенного кандидата, выбору конкретного зрелища или желаемому акту благотворительности. Лидерство прагматической установки в рекламном творчестве ведет к активному вовлечению в этот процесс жанровых форм, созданных в пограничных областях деятельности. Наиболее настойчиво к задачам рекламирования привлекаются жанры публицистики» [11].

Основываясь на принципах жанровой дифференциации, предложенных Т.В. Шмелевой [12], и в частности на положении о ведущем характере жанровой интенции [Там же], отметим, что рекламные жанры в основном формируются в результате интенциональной трансформации различных нерекламных жанров, внешне сохраняющих свойства нерекламных текстов. Так, регулярной формой реализации рекламных интенций стал оценочный жанр «житейская история» (=«рассказ о личных впечатлениях») (например, из рекламы стирального порошка «Тайд»: «Когда я стирала каким-то другим порошком, ничего не отстиралось. А Tide хорошо отстирал

это пятно и от борща, и от вишневого варенья»). «Житейская история» как первичный жанр в то же время является удобной основой для многих жанров СМИ (например, аналитических – заметка, рецензия и др.), что также реализуется при формировании рекламных жанров на основе жанров СМИ.

Таким образом, сложная дискурсивная природа рекламы порождает многообразие её жанрового воплощения. Реклама, с одной стороны, заимствует «готовые», привычные для обывателя жанровые формы, а с другой – формирует собственную жанровую структуру путем их адаптации на основе трансформации жанровой интенции.

Как уже отмечалось, блог как жанр также активно создает условия для жанрового взаимодействия.

В результате рекламные жанры:

1) успешно используют блог как способ и канал рекламирования, как удобную площадку для реализации рекламных жанров, не проникая в его жанровую структуру (сохраняя самостоятельность рекламной интенции);

2) активно проникают в блог, трансформируя блоговые интенции, в результате чего формируется новый гибридный жанр – блог-реклама.

Существуют различные варианты влияния рекламных жанровых интенций на гипержанр блога. Их можно классифицировать в зависимости от скрытости / открытости их проявлений и типа авторства (выделяются тексты, написанные от имени автора и рекламодателя).

На основании указанных параметров выделяются: 1) скрытая реклама, представленная как результат «маскировки» рекламных интенций в тексте, написанном от имени автора блога; 2) открытая реклама, представленная в написанном от имени рекламодателя тексте и размещенном в блоге со специальной обнаруживающей её пометкой; 3) открытая реклама, представленная в тексте, написанном от имени автора блога, но также сопровождающаяся специальной пометкой, обнаруживающей рекламную интенцию поста.

Рассмотрим перечисленные типы текстов в аспекте их жанровой специфики.

1) Скрытая реклама: текст составлен от имени автора блога.

Существование скрытой рекламы связано с падением эффективности воздействия прямой рекламы и поиском других путей рекламного воздействия на потребителя. В настоящее время она стала объектом внимания исследователей в различных областях гуманитарного знания. В них отмечается, что если прямая реклама направлена главным образом на увеличение объема продаж, то цель скрытой рекламы – добиться хороших позиций имиджа бренда и отношения к нему потенциальных потребителей и целевой аудитории [13–15 и др.].

Итак, «скрытая реклама» – это реклама, размещённая под видом информационного или авторского материала, закамуфлированная под личное сообщение или иную информацию нерекламного характера.

Секрет эффективности материалов, содержащих скрытую рекламу, состоит в том, чтобы произошла подмена источника информации и, соответственно, цели текста: читателю должно показаться, что она исходит не от заинтересованного лица, а от обычного человека, делящегося собственными впечатлениями от товара / услуги, что должно снизить порог критичности восприятия его позиции.

В действительности скрытая реклама ставит своими целями знакомство потенциальных покупателей / клиентов / партнеров с продуктом / услугой / торговой маркой компании; увеличение узнаваемости продукта; создание положительного имиджа, продвижение уникальных конкурентных преимуществ; повышение интереса за счет управляемых обсуждений в интернете [13 и др.]. Рекламные интенции проникают в жанровую структуру блога.

Скрытая реклама в блогах в основном представлена Product Placement – приёмом, заключающимся в размещении позитивного упоминания о продукте, за которое автор получает коммерческую выгоду. Цель данного вида скрытой рекламы – не навязать товар или услугу, а посоветовать бренд или упомянуть о торговой марке. При этом текст блога не должен содержать очевидных признаков рекламного жанра [14]. Блогер просто делится своим мнением и взглядами, что создает иллюзию непредвзятости и ненавязчивости, а это, в свою очередь, главное условие для успешной скрытой маркетинговой кампании. Текст скрытой рекламы является частью обычного стандартного блогового текста (поста), в котором рекламируемый товар / услуга могут оцениваться как положительно, так и отрицательно. Для того чтобы получить такой пост в блоге, рекламодателю необходимо просто сделать заказ владельцу блога (автору), который сам оформит рекламную информацию в виде жанра блога-дневника.

Скрытая реклама всегда составляется автором блога, который ставит задачей скрыть рекламные интенции в своем посте. Эффективность размещения «скрытой» информации о торговой марке зависит от профессионализма автора, его способности к гармоничной интеграции послания скрытой рекламы в ткань произведения. Напористая, навязчивая скрытая реклама способна испортить впечатление о бренде, продукте или услуге, оттолкнув от него потребителей.

До 2009 г. реклама в ЖЖ была запрещена пользовательским соглашением, что в определенный момент привело к засилью «скрытой» рекламы. Отсутствие простроенных рекламных стратегий неоднократно приводило к разоблачению подобных кампаний.

В настоящем исследовании мы не ставим задачу идентифицировать посты, содержащие скрытую рекламу (что является невозможным как раз в силу «успешности» многих подобных рекламных кампаний). Специфику жанровой трансформации блога, подвергшегося влиянию скрытых рекламных интенций, мы рассмотрим на примере постов, рекламные установки которых получили скандальную известность в интернет-сообществе.

По информации портала «Луркоморье: русский lurkmore» (http://lurkmore.to/Утконос), в начале декабря 2007 года в течение дня в рамках кампании у не-

скольких популярных профессиональных блогеров появились практически идентичные по своему содержанию ЖЖ-посты со «скрытой» рекламой магазинов «Утконос». Кампания была провалена из-за плохой проработки ее организаторами рекламного контекста, что привело к «раскрытию» их истинных целей читателями блогосферы.

К реализации скрытой рекламы оказались неподготовленными не только организаторы рекламной кампании, но и блогеры как их «агенты». Несмотря на попытку преподнести описание позитивных характеристик бренда, не нарушая жанровой организации личного дневника, они не смогли избежать выраженной «искусственности» текста в силу контрастности жанровых проявлений. С одной стороны, текст изобиловал открытыми ссылками на личный опыт, количественно превышающими естественный для дневниковой формы уровень, что было обусловлено установкой авторов на маскировку рекламной интенции: **radulova:** «*Как сегодня вернулась в 6 утра из командировки – так и сижу за компом. ...**Надо в "Утконос" позвонить** – пусть привезут чего-нибудь*». С другой стороны, эта рекламная интенция открыто и частотно проявлялась через множественные рекламные клише: **valerianoffka**: «*...короче, нашла выход буквально недавно: доставка продуктов на дом. **ооочень круто, скажу я вам. никаких очередей, пробок и прочей нервотрепки.** из личного опыта могу порекомендовать магазин Утконос. **обслуживание на 5 баллов**, курьеры очень ласковые и даже продукты в холодильник могут разложить. сегодня даже **слоган** им придумала в стиле Маяковского: **предложение рождает спрос в магазине Утконос***», навязчивое номинирование рекламируемого объекта и перечисление его положительных характеристик: **tema:** «*Почему **в "Утконосе" низкие цены?** Всегда волновал этот вопрос*»; **kulhazker:** *«...Заценил тут цены на **качественное в утконосе (http://www.utkonos.ru/cat/30001001/)**, мне нравится белое. По моим прикидкам, дешевле только в МЕТРО. Да и то, не так намного, но там задолбаешься эту карточку получать, туда-сюда. **Затариваться буду тут**. И не просто затариваться, а уж брать – так брать, тем более все в магазине для таких ленивцев как Я... **И карту покупателя сделают, и доставка на дом – пожалуйста**... Вы думаете к чему это kulhazker пишет, а вот к чему Алкоголь **должен быть качественным и вкусным как в Утконосе**...*».

Большое количество предложений, подражающих рекламным слоганам или попросту копирующим их, существенно контрастировало с обычным блоговым текстом и текстовыми средствами, выражающими личностную, эмотивную оценку. Несоответствие текстов ожиданиям адресатов, настроенных на «дневник», вызвало недовольство «подменой жанров». В результате метафорического переосмысления родились два интернет-мема: «Утконос» и «Утя-утя», обозначающих «человека, занимающегося вирусным маркетингом и открыто об этом сообщающего, или кампанию со "скрытой" рекламой какого-то продукта, проводимую на не самом высоком уровне» [16].

Несмотря на то что опыт «Утконоса» был неудачным, мы крайне немного знаем о других кампаниях скрытой рекламы, а это означает, что большинство таких кампаний были успешны или, по крайней мере, не испытали явных провалов[2].

Интенция «поделиться положительным опытом» органична для блога-дневника. При этом она схожа с интенцией, положенной в основу многих рекламных текстов и регулярно трансформируемой в них. Это позволило ей успешно реализоваться в гипержанре блога, что в случае скрытой рекламы можно представить как подмену интенций: читателю пытаются представить рекламный жанр «рассказ о личных впечатлениях» под видом блога-дневника.

2) Открытая реклама. Динамика развития блогосферы (рост популярности блогов, авторитета блогеров как источников информации и аналитики), а также развитие рекламных технологий и расширение их социальной роли привели к необходимости разработки иных блоговых рекламных стратегий. В связи с тем что для эффективного Product Placement публикуемые сообщения (посты) должны быть предельно корректны с точки зрения стиля и содержания, ни в коем случае не выбиваться из контекста и не наводить на мысль о Product Placement, на первый план выходит вопрос формирования у блогера новых компетенций, кардинально трансформирующих «дневниковые» жанровые личностно-ориентированные интенции в интенции, приближенные к профессиональным (институциональным).

В апреле 2009 г. реклама в ЖЖ была официально разрешена (http://lenta.ru/news/2009/04/27/lj). До этого момента владельцы блогов с неохотой размещали на страницах своих блогов рекламные материалы, считая, что это может неблагоприятно сказаться на их репутации. Как показала практика, размещение рекламных блогов не только не уменьшило количество пользователей, посещающих блоги, но и способствовало дальнейшему укреплению доверия к материалам, которые там размещаются. В большинстве случаев они специально помечаются как «реклама».

Выбранный рекламный пост может быть написан от имени (А) рекламодателя (блогер в этом случае играет роль посредника, размещающего его и тем самым принимающего за его содержание частичную ответственность) или (Б) самого блогера, получившего от рекламодателя соответствующий заказ (в этом случае его ответственность возрастает, но, в силу особой маркированности поста как рекламного продукта, не является полной).

Открытая реклама в блогах, как правило, реализуется как результат интеграции жанровых форм СМИ, используемых в рекламных целях в гипержанр блога. Среди них – информационные (заметка, отчет, репортаж, письмо), аналитические (интервью, корреспонденция, обзор, рецензия); художественно-публицистические (зарисовка, очерк) жанры.

Рассмотрим специфику трансформации жанра блога в результате интеграции в него открытых рекламных интенций, реализованных как (А) размещение текста рекламодателя и (Б) создание рекламного поста автором блога.

А) Рекламный пост: текст написан от лица рекламодателя. В данном случае блог представляется как площадка для размещения рекламного текста. Гарантом качества рекламируемой продукции становится репутация блогера.

По форме подачи размещенные тексты не отличаются спецификой блога-дневника. Особенной популярностью для рекламной адаптации пользуются тексты, созданные на основании трансформации аналитических жанров СМИ (статья, интервью, репортаж, анонс, рецензия), которые направлены на анализ, исследование, истолкование происходящих событий, процессов, ситуаций. Проплаченные статьи вносят предвзятость в такую аналитику.

Следует подчеркнуть, что блог требует эмоциональности, намека на личностность, дневниковость, что отражается на выборе жанров и структурных особенностях размещенного рекламного текста.

Одним из самых частотно используемых рекламодателями жанров, размещаемых в блоге, можно назвать пресс-релиз.

Пресс-релизом называется подборка информационных сообщений, рассказывающих о достоинствах какой-то фирмы или отдельной личности [17]. Этот информационно-аналитический жанр СМИ по своей сути является соединением аналитического и рекламного начал. Пресс-релиз органичен для блогосферы потому, что его всегда пишет сам рекламодатель, т.е. противоречие в прагматике представления авторства отсутствует. Характерная черта пресс-релиза в блоге – это прямое обращение автора к аудитории, призыв начать действовать определенным образом.

Рассмотрим пример: *JOBGU.RU – удобный сервис для поиска специалиста для домашней работы* (http://drugoi.livejournal.com/3959952.html).

*...Чем **мы** еще хороши: не взимаем плату «сделки», **мы** даем свободу и выбор. Наш девиз – «Специалисты в соседнем доме». Потому что **мы** действительно верим в то, что еще чуть-чуть и любой житель СНГ сможет зайти на jobgu.ru и найти необходимого специалиста буквально в соседнем доме. И еще: одна из главных проблем для тех, кто ищет специалиста – это сделать правильный выбор. Вы ничего не знаете о няне, которая наклеила свое объявление на столбе. Заполненный же профиль на JOBGU.RU – это лучший способузнать о том, кого ты хочешь нанять на работу.*

Успехов Вам в поиске специалистов и эффективном продвижении своих услуг!

По утверждению исследователей, «...цель пресс-релиза заключается не только в том, чтобы показать, что данная организация или личность способны решить какие-то проблемы данной аудитории, но и доказать это. Поэтому автор обращается к доказательному рассуждению, к использованию аргументации, подтверждающей его утверждения» [Там же]. Реклама строится по достаточно жесткой модели: заголовок, пояснительный текст, рекламный слоган и товарный знак. Текст представляет собой перечень характеристик рекламируемой услуги и аргументов в пользу ее выбора. Отличительной чертой текста является высокая прагматическая насыщенность, которая выражается в исключительно позитивной оценочности рекламируемой услуги. Основное значение придается формированию установки на создание устойчивого образа будущего состояния в случае использования рекламируемой услуги (*даем свободу и выбор*). Упрощённая подача проблемы и поиска её решения (*специалисты в соседнем доме*), в частности, проявляется в позиционировании торгового предложения как уникального, декларировании наиболее выигрышных сторон услуги (*мы действительно верим в то, что еще чуть-чуть и любой житель СНГ сможет зайти на jobgu.ru и найти необходимого специалиста буквально в соседнем доме*). Также текст оказывает воздействие при помощи употребления особых ключевых слов (*специалист, правильный выбор, лучший способ*), простых, но выразительных образов (*няня, которая наклеила свое объявление на столбе*). Субъект маркирован в тексте личным местоимением 1-го лица, глаголами настоящего времени в 1-м лице. Помимо этого, через местоимение «мы» происходит позиционирование компании как заинтересованной группы людей. В то же время для текста такого типа характерны обособленность по отношению к общему жанровому контексту данного блога, интенциональная независимость от других постов, обращенность не к читателям блога, а к любому потенциальному потребителю (этот текст мог быть размещен где угодно с тем же эффектом, нет связи с общей проблематикой журнала конкретного автора).

Хронологически начало размещения открытой рекламы в виде текста, написанного от имени рекламодателя, совпадает с моментом активного проникновения в блогосферу жанров СМИ.

Блоговый пресс-релиз является представителем «цитатных» (распространяемых через копирование) жанров СМИ и аналогичен пресс-релизу офлановому («классическому»), так как в обоих случаях предварительно составленный рекламодателем текст тиражируется блогером или журналистом без существенных изменений. В рассматриваемом случае блог берет на себя функцию СМИ, являясь способом и каналом рекламирования.

Формат блога (достаточно развернутый текст) позволяет не только прорекламировать, но и подробно остановиться на конкурентных преимуществах. Существует возможность отследить непосредственную реакцию интернет-пользователей на продукт или услугу, представленную в виде обсуждения и комментариев. В комментариях, как правило, всегда можно встретить блогеров, недовольных размещением рекламы: baranchug *больно видеть, как люди ради денег опускаются до рекламы вещей, которые могут нанести непоправимый вред здоровью людей.* Обычно они вступают в споры с людьми, считающими, что alt3d *Илья плохого не посоветует.*

Реализуясь в блоге, данный вид рекламных жанров не видоизменяется. Его специфика определяется только коммуникативной сферой размещения – блогосферой. Блогер, как «хозяин» журнала, косвенно несет ответственность за размещения «чужого» текста

(свойство гипержанра блога, которое дает другое прочтение блоговым текстам), что повышает доверие к содержанию рекламы у одних читателей (и способствует распространению информации о рекламируемом товаре / услуге) и вызывает негативную реакцию по отношению к блогеру, нарушающему дискурсивные правила общения, у других.

Б) Рекламный пост: текст составлен автором блога. Так же, как и в предыдущем случае, автор блога использует принципы журналистских жанров, в которых заложена рекламная интенция.

«В тривиальной рекламе конструирование текста сводится к упрощению грамматических структур и обилию клише-штампов при общей повторяемости и ограниченности лексики» [18], при многократном повторении выразительные средства начинают воспроизводиться механически и, следовательно, теряют свою основную функцию – стирается образность, а значит, снижается убедительность рекламы. Жанр блога-дневника в данном случае становится одним из способов внесения креатива в текст рекламы.

Такое «обновление» стиля рекламы способствует эффективности: «Наиболее действенные рекламные тексты строятся на гораздо более сложных, чем это порой кажется, принципах. Создатели текстов в этом случае избегают прямого описания предмета рекламы, его свойств, характеристик и достоинств. Стиль рекламы многослоен, сочетает в себе черты публицистического, научного, научно-популярного, отчасти разговорного и делового стилей. Эти сочетания вытекают из самой природы рекламы, из ее основных функций – сообщения и воздействия» [7]. Вариантом «обновления» языка рекламы с целью более интенсивного концентрированного воздействия является соединение рекламных клише (как проявления институциональности) с личностной блоговой формой (как средством преодоления «изнашиваемости» речевой формы).

Одним из новых жанров, которые появляются на основании взаимодействия блога-дневника и рекламных жанров СМИ (также гибридных по природе), является жанр «блог-реклама», вносящий в реализацию рекламных интенций необходимый креатив.

Особенностью блога-рекламы является выраженная персонифицированность: блогер использует дневниковые жанры для снятия институциональности и клишированности, делая себя и читателя сопричастным позитивной оценке товара / услуги (как уже отмечалось, ответственность блогера за текст повышается, хотя и ограничивается маркированностью рекламы).

Для этого он часто обращается к жанру «житейской истории», представляющему собой рассказ о человеке, который, используя определенный товар или услугу, разрешает определенную житейскую проблему.

Данная реклама для рекламодателей обходится дороже простого «предоставления дневника как рекламной площадки». Блог-реклама, как правило, размещается в дневниках топовых блогеров, прошедших в пространстве блогосферы статусные стадии «внимание > доверие > репутация > влияние». Такие блогеры – хорошие рассказчики, а также наделены доверием постоянной читательской аудитории.

Реализации рекламных интенций способствует публичность и относительная пространственно-временная стабильность как особые качества блогового текста, которые дают шанс, что единожды обнародованная информация достигнет широкого круга лиц не только в течение короткого периода, но и будет доступна на протяжении достаточно длительного времени. Это связано с эффектом доверия личным советам друзей и знакомых, в функции которых выступает блогер в соответствии с его дискурсивной ролью. Поэтому информация приобретает характер надёжной.

Чем сложнее товары и услуги, чем больше у них разных технических и специфических характеристик, которые требуют сравнительно глубоких знаний (например, бытовая техника и электроника, финансы и страхование и т.п.), чем дороже они и чем дольше срок их использования, тем более подробное описание нужно предоставить, чтобы продать товар / услугу. В результате обнаруживается еще один признак блогера как адресанта рекламного текста, сформированный на пересечении рекламных интенций и блоговых возможностей, обеспеченных популярностью их автора: потенциальные покупатели готовы слушать советы не каждого блогера.

Рассмотрим пример (http://chadeyka.livejournal.com/291774.html).

Не ожидали увидеть такое в кулинарном блоге?

*Честно говоря, **я тоже очень удивилась,** когда получила предложение покататься недельку на Subaru XV. Как-то это вроде не по-кулинарному... Но потом вспомнила, что **я, в общем-то, кулинарный блогер** несколько случайным образом, а в основном – **мама** двоих детей и заядлая **дачница-садовод**. И, как и любой другой человек, **хочу ездить на хорошей машинке**. Так что можно попробовать!*

*Кстати говоря, вожу я не так чтобы очень хорошо. И даже очень плохо. Зато пассажир **из меня** просто прекрасный. **Люблю поспать!** Поэтому большую часть времени **я каталась рядом** с водительским креслом, и мне очень понравилось. Но и **порулила**, конечно – а как же. И тоже очень удачно (если что, тут **я изображаю руление**, потому что конечно всегда пристегиваюсь!). Когда в автосалоне молодой человек сказал, что оппозитный двигатель – **это круто**, и **я обязательно это почувствую**, **я про себя скептически ухмыльнулась**. И зря! Потому что низкий центр тяжести **это действительно здорово**, и это действительно чувствуется. Гораздо устойчивее в поворотах, **чем я привыкла**, и вообще ощущение надежности. Даже удивительно, но она и на вид такая.И еще про клиренс – тоже важно. На любой бордюр можно заехать легко и без волнений. Заводится машина кнопкой, после того как открыл машину – ключ вставлять не надо. Очень удобно. А вот если с ключиком отойти из машины, она его потеряет. Но потом быстро найдет. На руле кнопочки удобные. Много места для всего необходимого в пути. Есть удобный выдвижной подлокотник – на водительском месте **я до***

***него не достаю**, а на пассажирском зато можно расслабиться. **Как маму**, **меня сильно волнует наличие бутылок** с водой и чаем на заднем сиденье. Точнее, хорошо завернутых крышек на этих бутылках. Здесь эта проблема решена кардинально. Места вообще очень много. Можно спокойно повалять дурака. А Мишке вообще повезло. Потому что **нам досталась машинка с люком.** Что могу сказать о машине в целом? **Мне бы она подошла.** Много места для детей, достаточно большой багажник, куча полезностей в салоне. Устойчивость и уверенность на поворотах и на высокой скорости. И, между прочим, довольно жесткая подвеска, то есть **на заднем сиденье не укачивает ни меня ни детей** – огромный плюс, мне кажется. В общем, если бы я собиралась покупать машину – такой вариант рассмотрела бы внимательно!*

В данном обзоре проявления авторской личности (*хочу ездить на хорошей машинке; Люблю поспать; Мне бы она подошла*) перемежаются с признаками рекламного текста – клишированными утверждениями, несущими положительную оценку рекламируемого товара (*ощущение надежности; эта проблема решена кардинально; Устойчивость и уверенность на поворотах и на высокой скорости*). Сочетание признаков рекламного текста (оценочность, перечисление достоинств, скрытое сравнение с однородными продуктами и т.д.) и характеристик рекламируемого объекта (представленных, как правило, клишированными выражениями) в результате личностного присвоения рекламной информации в блоге-рекламе превращаются в личностно-ориентированные характеристики (*Гораздо устойчивее в поворотах, чем я привыкла; что оппозитный двигатель – это круто; низкий центр тяжести это действительно здорово*).

Помимо личностно-ориентированного представления рекламных характеристик для блога-рекламы также характерны другие признаки «разрушения» институциональностью, которые появляются как результат бытового «пересказа» рекламных клише (*куча полезностей в салоне; На руле кнопочки удобные*).

В тексте рекламы, написанной блогером, дневниковая и рекламная интенции взаимодействуют. Эффект доверия усиливается открытым выражением авторства блогера и его рассказом о личностном участии в тестировании продукта.

В настоящее время функции между социальными интернет-сервисами перераспределяются. Интенции личностно-ориентированного общения, активные в блогосфере на первых этапах ее существования, реализуются в социальных сетях.

Блоги теряют «дневниковое» начало, сохраняя «дневниковость» как одно из свойств. На этом и спекулирует реклама в блогосфере, делая автора сопричастным к рассказу о продукте или услуге и апеллируя к его авторитету. Составляя собственный рекламный текст, блогер пытается встраивать признаки рекламного текста (в угоду заказчику) в собственный дневниковый стиль повествования. В результате происходит смешение интенций, которое рождает новый жанр – блог-рекламу.

Таким образом, сформировавшиеся в настоящее время гибридные по своей природе рекламные жанры в блоге приобретают особые варианты реализации, заданные социально обоснованными принципами развития блогосферы.

1. Скрытая реклама, проявленная в жанре блога-дневника. Первые попытки ее реализации оказались неудачными из-за неотработанной стратегии и очевидной для адресатов неорганичности соединения рекламных жанров и жанра блога-дневника. В настоящее время скрытая реклама при условии умелой маскировки рекламных интенций активно функционирует в блогосфере, но ее регистрация лингвистическими методами не представляется возможной.

2. Открытая реклама, представляющая «готовый» рекламный текст от имени рекламодателя и проявленная, в большинстве, в жанре пресс-релиза. Сам текст поста в этом случае практически не отличается от «классического» пресс-релиза как жанра СМИ.

3. Открытая реклама, представляющая текст от имени блогера. В этом случае выраженно проявлены личностно-ориентированные принципы формирования текста, характерные для дневниковой основы и используемые для реализации рекламных интенций, «маскирующихся» под дневниковые. Взаимодействие интенций рекламы и дневника помогает преодолеть тривиальность рекламы. Такое взаимодействие выражается в формировании особого жанра – блога-рекламы, входящего в структуру гипержанра блога.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Живой журнал (http://www.livejournal.com/).

[2] Позже в сфере рекламодателей была проведена «работа над ошибками», в результате которой на данный момент существует несколько широко известных сервисов, продающих «скрытую» рекламу (blogun.ru, rotapost.ru и пр.). Они способствуют грамотному, ненавязчивому исполнению и размещению, при котором её практически невозможно вычленить из общей массы текстов, написанных владельцем блога. Для участия в подобных проектах блогеры проходят специальное обучение основам сетевого маркетинга, получают знание того, как конкретно следует распространять необходимую информацию в блогосфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седов К.Ф.* Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. С. 7–38.

2. *Кочеткова М.О., Тубалова И.В.* Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы: социолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27).

3. *Кочеткова* М.О. Блог-рецензия как жанровая разновидность гипержанра блога // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (3). С. 38.

4. *Горошко Е.И.* Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6. С. 111–127.
5. *Мельник М.В.* Блог как жанр интернет-коммуникации // Система і структура східнослов'янськихмов: збірникнауковихпраць. 2012. Вып. 5. С. 216–223.
6. *Баженова Е.А.* Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 4 (20). С. 125–131.
7. *Розенталь Д.Э., Кохтев Н.Н.* Язык рекламных текстов. М. : Высш. шк., 1981. 127 с.
8. *Бернадская Ю.С.* Текст в рекламе : учеб. пособие для студ. вузов. М. : Юнити-дана, 2008. 288 с.
9. *Аниськина Н.В., Колышкина Т.Б.* Модели анализа рекламного текста : учеб. пособие. М. : Форум ; НИЦ Инфра-М, 2013. 304 с.
10. *Миронова А.А.* Жанры рекламы: к проблеме квалификации // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2012. № 32 (286). С. 67–71.
11. *Ученова В.В., Шомова С.А., Гринберг Т.Э., Конаныхин К.В.* Реклама: палитра жанров. М. : РИП-холдинг, 2001. 100 с.
12. *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–97.
13. *Семиглазов А.М.* Психологическая эффективность рекламы : учеб. пособие. Томск : Кафедра ТУ, ТУСУР, 2012. 192 с.
14. *Bovee C.L., Thill J.V., Dovel G.P., Wood M.B.* Advertising Excellence. McGraw-Yill, Inc., 1995.
15. *Карлова Л.В.* Основы рекламы : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2009. Ч. I. 112 с.
16. *Статья* «Утконос» в Луркоморье – русский луркмоар. URL: https://lurkmore.to/%D3%F2%EA%EE%ED%EE%F1
17. *Тертычный А.А.* Жанры периодической печати : учеб. пособие. М. : Аспект-Пресс, 2000.
18. *Куликова Е.В.* Языковая специфика рекламного дискурса // Филология. Искусствоведение. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 197–205.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 марта 2015 г.

BLOGOSPHERE AS AN ADVERTISING PLATFORM: THE DYNAMICS OF THE SPEECH GENRE OF BLOG UNDER THE INFLUENCE OF ADVERTISING INTENTIONS

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 35-42. DOI 10.17223/15617793/394/7

Kochetkova Maria O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dla-ko4et@yandex.ru

Keywords: blogosphere; speech genre; dynamics of genre; sociolinguistics; hypergenre; genre intention.

The speech genre of the blog is a special type of a statement formed by the intention of individual-personal sublimation and technical possibilities of the Internet space under the influence of socio-cultural factors. It undergoes significant structural and qualitative changes. In the development of the blogosphere, it goes from the blog-diary as a single genre to a hypergenre whose structure is built on the basis of the interaction of the blog diary with media genres. As a result, the hypergenre of the blog (as a supercomplex genre macro-formation uniting several genres) is implemented as a series of genre forms: blog-diary (limiting its functions), blog review, blog article and others. One of the genres included in the structure of the blog hypergenre as part of this trend is blog advertising. Advertising intentions penetrate the blogosphere in various forms, and the formation of blog advertising is regarded as one of the results of such penetration. The article aims to reveal the specifics of the transformation of the genre of the blog as a result of advertising intention penetration into its structure. The study was performed on the basis of a seven-year observation of the dynamics of the blogosphere, as well as of the analysis of blogs stored in the archives of the LJ (more than twenty thousand posts were analyzed). Blogs gain a large audience thus becoming an attractive platform for advertisers. Advertising, on the one hand, borrows from other genres, and, on the other, creates its own genre structure by adapting and creating new genres. Media genres with advertising intentions successfully use the blog as a way and channel of advertising. There are several types of advertising; their retranslation in the blogosphere forms new genres or special funtion of existing advertising genres. There are different versions of the influence of advertising on the genre intentions of the blog hypergenre. They can be classified depending on the secrecy / openness of their implementation and on the type of authorship (text can be written by an author or by an advertiser). Modern hybrid advertising genres in the blog find a special expression determinned by socially grounded blogosphere development principles. 1. Hidden advertising, manifested in the genre of the blog diary. The first attempts to implement it have been unsuccessful because of the unproven strategy and inorganic combinations of advertising genres and the blog diary genre obvious for the addressee. Currently, hidden advertising with skillfully disguised advertising intentions functions actively in the blogosphere, but its record by linguistic methods is not possible. 2. Open advertising which represents a "ready" advertising text on behalf of the advertiser and developed,mostly in the genre of the press release. The text of the post in this case does not differ from the "classic" press release as a media genre. 3. Open advertising, which represents the text on behalf of the blogger. In this case, personality-oriented principles of the text typical of the diary are expressed. They are used to implement advertising intentions under the disguised of the diary ones. Interaction of advertising and diary intentions helps to overcome the triviality of advertising. This interaction is expressed in the formation of a special genre, the blog advertising, included in the structure of the blog hypergenre.

REFERENCES

1. Sedov K.F. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: daily communication]. Moscow: Labirint Publ., 2007, pp. 7–38.
2. Kochetkova M.O., Tubalova I.V. Development of the blog as a genre of the blogosphere discourse: the sociolinguistic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2014, no. 1 (27), pp. 39–52. (In Russian).
3. Kochetkova M.O. Blog-review as genre variation of hyper-genre of the blog. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya – Newsletter of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2014, no. 2 (3), pp. 38–40. (In Russian).
4. Goroshko E.I. *Internet-zhanr i funktsionirovanie yazyka v Internete: popytka refleksii* [Internet genre and function of language on the Internet: an attempt of reflection]. In: Dement'ev V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Saratov: Nauka Publ., 2009, is. 6, pp. 111–127.

5. Mel'nik M.V. Blog kak zhanr internet-kommunikatsii [Blog as a genre of Internet communication]. *Sistema i struktura skhidnoslov'yans'kikhmov: zbirnik naukovikh prats'*, 2012, is. 5, pp. 216–223.
6. Bazhenova E.A. Blog as an Internet genre. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, 2012, is. 4 (20), pp. 125–131. (In Russian).
7. Rozental' D.E., Kokhtev N.N. *Yazyk reklamnykh tekstov* [The language of advertising texts]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1981. 127 p.
8. Bernadskaya Yu.S. *Tekst v reklame* [Text in advertising]. Moscow: Yuniti-dana Publ., 2008. 288 p.
9. Anis'kina N.V., Kolyshkina T.B. *Modeli analiza reklamnogo teksta* [Models of advertising text analysis]. Moscow: Forum: NITs Infra-M Publ., 2013. 304 p.
10. Mironova A.A. Zhanry reklamy: k probleme kvalifikatsii [Genres of advertising: the issue of qualification]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*, 2012, no. 32 (286), pp. 67–71.
11. Uchenova V.V., Shomova S.A., Grinberg T.E., Konanykhin K.V. *Reklama: palitra zhanrov* [Advertising: the palette of genres]. Moscow: RIP-kholding Publ., 2001. 100 p.
12. Shmeleva T.V. *Model' rechevogo zhanra* [Model of speech genre]. In: Gol'din V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Saratov: Nauka Publ., 1997. Is. 1, pp. 88–97.
13. Semiglazov A.M. *Psikhologicheskaya effektivnost' reklamy* [The psychological effectiveness of advertising]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radio-electronics Publ., 2012. 192 p.
14. Bovee C.L., Thill J.V., Dovel G.P., Wood M.B. *Advertising Excellence*. New York: McGraw-Yill, Inc., 1995. 712 p.
15. Karlova L.V. *Osnovy reklamy* [Fundamentals of advertising]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publ., 2009. Pt. I, 112 p.
16. Lurkmore. *Utkonos* [Platypus]. Available from: https://lurkmore.to/%D3%F2%EA%EE%ED%EE%F1.
17. Tertychnyy A.A. *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodicals]. Moscow: Aspekt-Press Publ., 2000. 310 p.
18. Kulikova E.V. Specific nature of the language in the advertising discourse. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2008, no. 4, pp. 197–205. (In Russian).

Received: 22 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 43–52. DOI 10.17223/15617793/394/8

УДК 811.16

О.А. Кузнецова

АРЕАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЕДИНИЦ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА *ГОРД-*

Рассматриваются функционально-семантические особенности лексических единиц, восходящих к праславянскому этимологическому гнезду *gъrdъ, в русском литературном языке и его диалектах в историческом аспекте. Исследование основывается на лексикографических и корпусных данных русского и других славянских языков. На основании анализа семантического поля этимологического гнезда *gъrdъ в формальном, ареальном и содержательном аспектах определяются ареально-генетические связи русского словообразовательного гнезда горд-, верифицируются две этимологические версии русского слова *гордый*, предложенные А.А. Кретовым и Л. Краликом.

Ключевые слова: славянские языки; русский литературный язык и его диалекты; лексико-семантическое поле; семантика; история языка; этимология.

В русском литературном языке единицы словообразовательного гнезда (СГ) *горд-* являются ядерными для лексико-семантического поля (ЛСП) «гордость» и основными репрезентантами одноименного понятия. Понятие «гордость» в современной русской языковой картине – понятие аксиологически сложное, оцениваемое со стороны общества неоднозначно, что отражается в семантических структурах единиц, выражающих данное понятие. Так, ядерная единица лексико-семантического поля «гордость» – прилагательное *гордый* – выражает значения как с положительным оценочным компонентом: ‘обладающий чувством собственного достоинства’ (ср., *гордая девушка, гордый народ*), ‘испытывающий чувство удовлетворения от сознания чьих-либо успехов’ (*гордый победой*), ‘величественный, величавый’ (*гордые памятники, гордая походка*), ‘возвышенный’ (*гордый призыв, гордая мечта*); так и с отрицательным – ‘высокомерный’ (*гордый, высокомерный человек*) [1. Т. 4. С. 296; 2. Т. 1. С. 332; 3].

Частотные данные, полученные из анализа материала НКРЯ, показывают, что основные единицы словообразовательного гнезда *горд-: гордый, гордость, гордиться* чаще (в 94% случаев) употребляются с положительной или нейтральной оценкой и выражают понятие «гордость» как чувство собственного достоинства, удовлетворение от сознание успехов или как положительную характеристику внешнего вида объекта (величественность) или высокого содержания (возвышенность: *гордые порывы*). Остальные деривaты прилагательного *гордый* (*горделивый, горделивость, гордец, гордячка, гордыня,* а также приставочные глаголы *загордиться, возгордиться* и т.п.) употребляются с отрицательным оценочным компонентом и выражают понятие «гордость / высокомерие».

В русских диалектах единицы данного словообразовательного гнезда также выражают понятие «гордость» как положительное качество (чувство собственного достоинства), чувство удовлетворения от сознания чьих-либо успехов, как отрицательное качество (высокомерие) и как внешнюю величественность. При этом единиц с отрицательной коннотацией намного больше: из проанализированных 65 диалектных лексем 60 выражают отрицательную оценку и только 10 – положительную или нейтральную. Таким образом, если количественное соотношение единиц, выражающих положительную и отрицательную оценку, в рамках СГ *горд-* в русском литературном языке составляет примерно 1 : 2,3, то в русских диалектах – 1 : 6. Среди диалектной лексики данного СГ с положительной оценочностью – пск. *гордиться* ‘испытывать чувство удовлетворения, радости из-за успехов, достоинств кого-н. (*Атец гордицца: в ынститут попадё [сын]*) [4. Т. 7. С. 100], и смол. *гордый* – ‘смелый’ [5. Вып. 7. С. 22]), а также свадебная обрядовая лексика: единицы *гордые, гордные, горды* и др. повсеместно употребляются для величания молодых, их родственников и гостей, для восхваления праздничного стола (напр., яросл. *гордные* ‘молодые, приехавшие или пришедшие в гости на другой день после свадьбы’; арх. *гордокняжная* (*фольк.*) ‘сватья’ (*Уж ты сватья, ты, сватьюшка, да гордокняжая сватьюшка!*) [Там же. С. 32].

Помимо различий в аксиологическом аспекте, круг понятий, выражаемых диалектными единицами словообразовательного гнезда *горд-*, намного шире, чем в литературном языке. Дериваты *гордый* (*гордой*) в русских диалектах, служат для обозначения не только гордости, но и других качеств человеческого поведения и внешних и содержательных признаков предметов. Эти диалектные единицы также двуоценочны. Так, единицы с отрицательным аксиологическим компонентом выражают следующие понятия:

1) «упрямство; непокорность» (смол. *гордыбачиться* ‘упрямиться, возражая, не соглашаясь’ (*ну чаго ты гырдыбачисся, Нада матку паслухъть*) [6. Вып. 3. С. 56], пск. *гордиться* [4. Т. 7. С. 99], смол., яросл., ряз., калуж., нижегор., урал., самар., симб., перм., екат. *горды(о)бачить(-ся)* ‘упрямиться, не соглашаться’ [5. Вып. 7. С. 30] и др.).

2) «пренебрежение, презрение» (смол. *гордовать, гордать* ‘пренебрегать, гнушаться кем-либо’ (*Ну што ж ты мой хлеп не йиси? Ти гордуши?*) [6. Вып. 3. С. 56]; пск. *гордость* ‘пренебрежение’ [4. Т. 7. С. 99], смол., перм. *гордиться,* пск., смол. *гордовать* [5. Вып. 7. С. 29]);

3) «хвастливость» (псков., урал. *гордыбачить* ‘хвастать’ [Там же. С. 30]);

4) «обидчивость» (пск. *гордистый* ‘обидчивый’ (*А уж гордистый-то муш у ниё: чють што – и надулся*) [4. Т. 7. С. 99]);

5) «капризность» (урал. *гордыбачиться* ‘капризничать, упрямиться’ (*Не хочет делать и идговари-*

вать, гордыбачится. Лошадь гордыбачится (не хочет идти) [7. Т. 1. С. 355];

6) «желание командовать, руководить» (нижегор., иван. *гордебачить* ‘распоряжаться, командовать’ (*Только иные уж болъно гордыбачут над нашим братом конторщиком; Прошло то время, когда господа над нами гордыбачили*) [5. Вып. 7. С. 30];

7) «дерзость; грубость; наглость» (пск. *гордый* – (3) ‘грубый, дерзкий’ (*Так она [дочь] гордая и со мной: крикнет – дак держись; Я не слышала гордого слова)* [4. Т. 7. С. 99]); казан., калуж., тул., орл., курск., твер., самар. *гордобачить(ся)* – ‘грубить, дерзить’ и др. [5. Вып. 7. С. 30]).

8) «угрюмость, необщительность» (пск. *гордый* – (4) ‘угрюмый, необщительный’ (*Харошая эта жэншшина, разговорчистая, веселая, другие гордые*) [4. Т. 7. С. 99]);

9) «крикливость, вздорность; желание спорить» (пск., орл., калуж., костром., смол., яросл., *горды(о)бачить,* яросл. *гордиться* ‘спорить, кричать; буянить’ [5. Вып. 7. С. 29] и др.);

10) «вспыльчивость; гнев» (пск. *гордый* – ‘вспыльчивый, несдержанный’ (*Вот уж этот гордый народ [испанцы]! Мужчина ввалится в суп – сразу заколет*) [4. Т. 7. С. 99], тул. *гордобачить* – ‘гневаться, горячиться’ [5. Вып. 7. С. 29]);

11) «сердитость» (олон., нижегор. *гордиться* – ‘сердиться, горячиться’ (*Не гордись на меня, чадо милое*) [Там же]).

Понятия, выражаемые данными единицами, могут быть рассмотрены как смежные понятию «гордость», т.е. как внешние проявления внутреннего чувства гордости или черты характера, обусловленные гордостью. В значениях диалектных единиц данной группы зафиксированы те семантические компоненты, которые содержатся в потенциале литературных лексических единиц, выражающих понятие «гордость». Так, гордость как неадекватная оценка своего положения проявляется в дерзости и непокорстве, в необоснованном желании руководить и командовать. Гордый человек, преувеличивающий свою значимость, также может проявлять в общении с окружающими гневливость, вздорность. Гордый высокомерный человек выказывает свое пренебрежение к окружающим, может быть обидчив, нелюдим, капризен, поскольку ставит свои желания выше желаний других, и, конечно, хвастлив.

Диалектных единиц СГ *горд-* с положительной оценкой намного меньше. Помимо понятия «гордость» они выражают также следующие:

1) «Величанье» (иркут. ‘гордыбанить’ – ‘величать’ [Там же]);

2) «Спокойствие» (пск. *гордо* – (2) ‘спокойно, не двигаясь, сохраняя выдержку’ (*Ета как пендицыт делали, ляжу гордъ. Ня будиш таг делать, будут фсе кишки на стале ляжать*) [4. Т. 7. С 99]);

3) «Пышность, красота» (смол. *гордый* ‘пышный, красивый, важный’ (*Бабуся моя горная, Параждэння твоя лехкая!)* [6. Вып. 3. С. 56]);

4) «Смелость» (волог. *Гордый* – ‘смелый’ *Он у меня такой паренек гордый: небось, не струсит*) [5. Вып. 7. С. 29]).

Данная группа единиц соотносится с понятием «гордость» как чувством собственного достоинства и его проявлением («величанье», «спокойствие», «пышность, красота»). Связь между гордостью и положительной эстетической оценкой отмечается и в литературном русском языке (ср. *гордые памятники*). Связь понятий «гордость» и «спокойствие», «смелость» не зафиксирована в семантической структуре литературных единиц СГ *горд-*, однако отмечается при дистрибутивном анализе прилагательного *гордый*: неоднократно фиксируется его употребление в одном синонимическом ряду с прилагательными *спокойный* и *смелый* (ср.: *Нет, существует подробный рассказ, как его не пускали и как он все-таки прошел – гордо, спокойно, окруженный друзьями, великолепно одетый* (Л.К. Чуковская); Хотя *он и меньше Васьки в десять раз и слабее, но птица гордая, смелая – и с юмором* (Ю. Нечипоренко) [3]).

В русских диалектах в составе СГ *горд-* зафиксированы также единичные примеры с нейтральным оценочным компонентом. К таковым относятся единицы, выражающие следующие понятия:

1) «сила, крепость» (о голосе, напитках) (дон. каз. *гордый* ‘насыщенный, концентрированный, крепкий (о жидкости)’ (*Гордая острая вотка, ие пить нильзя.* [5. Вып. 7. С. 29]);

2) «громкость» (*гордкий* ‘громкий (о голосе)’ [Там же]);

3) «дрожь» (брян. гордыхатъ ‘дрожать' (*Идешь по болоту, зуб до зубу не доходит, гордыхаешь, а бегишь*) [Там же. С. 30]).

Связь данных понятий с понятием «гордость» для носителей литературного языка непрозрачна. Соседство понятий «гордость» и «громкость» логически понятно из рассмотренного ранее материала и проявляется также в семантике таких единиц, как пск., орл., калуж., костром., смол., яросл. *горды(о)бачить,* яросл. *гордиться* ‘спорить, кричать; буянить’ [Там же. С. 29]. Возникновение дон. *гордая вотка*, возможно, связано с метафорическим перенесением человеческих качеств на предмет: гордость как резкость в характере, поведении (ср. яросл. *гордиться* ‘буянить’, пск. *гордый* ‘вспыльчивый, несдержанный’, тул. *гордобачить* ‘гневаться, горячиться’ [Там же]) переносится на свойства крепких напитков. Неясной остается семантическая связь с вышеприведенной лексикой брян. *гордыхать* ‘дрожать’.

Итак, в русских диалектах в отличие от русского литературного языка представлено более дискретное представление о гордости как об отрицательном качестве человека, а также о гордости как о чувстве собственного достоинства. При этом в диалектах зафиксирована связь понятия «гордость» с такими понятиями, как «смелость», «качественное превышение нормы» («сила, крепость», «громкость»), что позволяет предположить как синкретичную связанность данных понятий на более ранних этапах развития русского языка, так и новационный диалектный характер данных связей.

Анализ лексикографических источников древнерусского языка показывает, что единицы СГ *гърд-* в XI–XIV вв. выражали следующим понятия:

1) «гордость, высокомерие» (*гърдыи* (*Не боуди гърдъ; и отъ гърдааго и противьнааго оуклонитисѧ мьнить прѣгрѣшенїа*) (XI в.); *гърдитисѧ* ‘проявлять высокомерие, надменность; кичиться’; *гърдость* ‘высокомерие, надменность; кичливость’ и др.);

2) «дерзость»: ср. *гърдитисѧ* ‘проявлять непокорность, дерзость’ (*Прозвоутеръ аще боудеть еп(с)пъмь своимь т҃лоученъ… но ра||сколоу творѣ и гордѣсѧ. стꙑнѣ бїи принесеть… да боудеть проклѣтъ*) (XIII в.); *гърдыи* ‘непокорный, дерзкий’ (*изгна… злаго и пронырливаго. и гордаго лестьца. лжаго вл(д)ку Фewдорца. из Володимерѣ т҃ стꙑа Бц҃ѣ.* (XI в.) и др.;

3) «грозность, суровость», «жестокость», «свирепость»: *гърдьныи* ‘твердый, жестокий’ (*гръднаго срца*); *гърдыи* ‘жестокий, губительный’ (*нъ мл҃твою ми помозита на противнаго сего и оубищю гордаго.; ѩко гордыи сотона ѥсть именоборець в ни(х)*) (XIII в.); ‘суровый, безжалостный’ (*соудии гър<г>ыи [вм. гърдыи] на прѣстолѣ сѣдѧшитѣ*) (XI в.); *гърдитисѧ* ‘свирепствовать’ (*Горжю(с) ѩко звѣрь. и брешю ѩко песъ*) (XIV) и др. [8. Т. 2. С. 408; 9. Т. 1. С. 614].

4) «важность», «известность»: *гърдыи* ‘высокий важный’ (*помилоуи мене недостоинаго твоему гръдомоу… имени въслѣдовавъшаго* (Минеи Чети)*; И гордаго и(х) художества и множаишаа хитрости* (Временник Георгия Арматола); ‘важный, дивный’ (*Чюдо чюда гръдее сіе оного выше есть* (Слово Иоанна Болгарского); *Чюдо гърдо бѡше видимо* (Житие Нифонта); *гърдо же по истинѣ и дивьно* (Изборник 1076) [9. Т. 1. С. 614; 10]. Словарь древнерусского языка указывает на то, что фиксации ЛСВ *гърдыи* ‘высокий, значительный’ является только результатом смешения при переводе греческого περιφνής ‘известный, знаменитый’ и ὑπερήφνος ‘гордый’ [8. Т. 2. С. 408]. Однако данные лексикографических источников, а также картотеки словаря древнерусского языка, указывающие на неединичность фиксации прилагательного *гърдыи* в значениях ‘важный’, ‘выдающийся’, а также на употребление данного ЛСВ в непереводных документах (Минеи Чети), говорят о том, что значения ‘важный’, ‘выдающийся’ были закреплены в семантической структуре древнерусского прилагательного.

На данный момент предложено две этимологии рус. *горд-*, убедительно объясняющие сочлененность в рамках СГ *горд-* понятий «гордость», «суровость», «жестокость», «дерзость», «свирепость» на ранних этапах развития русского языка (см. [11, 12]). Обе эти этимологические версии объясняют появление у единиц, восходящих к праслав. **gъrdъ,* значений ‘гордый / гордость / гордиться’ как развитие значения ‘обладающий высоким социальным статусом’[1]. Тогда аксиологическое расхождение внутри данного этимологического гнезда в рамках понятия «гордость» объясняется адекватностью / неадекватностью поведения субъекта своему социальному статусу. Это объясняет также появление у русских единиц СГ *горд-* таких семантических компонентов, как ‘смелость’, ‘пышность, красота’, ‘спокойствие’, ‘грозность, суровость’ как сопутствующих атрибутивных признаков человека высокого социального статуса. Принципиальное расхождение этимологических версий А.А. Кретова и Л. Кралика касается выявления первичного значения для этимологического гнезда **gъrdъ* в славянских языках. А.А. Кретов предполагает, что первичным значением для слав. **gъrdъ* является выражение размерной высоты: «Очевидно, ‘гордость’ первоначально интерпретировалась в рамках оппозиций “высокий-низкий” (во всех – в том числе и социальных – смыслах), “вертикаль – горизонталь”, “стоящий – лежащий”, “властитель – подвластный”» [12. С. 122]. В то же время Кралик, предполагая производность праслав. **gъrdъ* от и.-е. *gwher ‘горячий, жаркий’, в качестве исходного значения выдвигает ‘яростный’, ‘пылающий воинственной яростью’, послужившее, в свою очередь, производящим для значений ‘воин / воинственный’. Кралик рассматривает несколько вариантов связи значений ‘воинственный’ и ‘гордый’: ‘воинственный’ > ‘неповинующийся’ > ‘гордый’ или ‘воин’ > ‘осознающий свой героизм / военные заслуги’ > ‘гордый своими заслугами’ [11].

Детальный анализ семантического гнезда этимологического гнезда **gъrdъ* в славянских языках может пролить свет на установление его исходного значения и подтвердить одну из предложенных этимологий. Рассмотрение ареально-генетических связей русского *гордый* также помогает установить генетическую и мотивационную близость рассматриваемого лексико-семантического поля с другими, что, в свою очередь, позволяет представить определенный фрагмент картины мира праславянской языковой общности. Задачей данной части исследования, таким образом, является определение структуры семантического поля, выражаемой единицами ЭГ **gъrdъ* во всех подгруппах славянских языков.

Единицы ЭГ **gъrdъ* в украинском и белорусском языках

Русское прилагательное *гордый* восходит к праславянскому этимологическому гнезду **gъrdъ*, представленному в украинском языке словообразовательным гнездом с вершиной *гордий,* в белорусском языке – словообразовательным гнездом с вершиной *горды.* Согласно лексикографическим источникам, в этих восточнославянских языках единицы ЭГ **gъrdъ* имеют, в целом, ту же семантику, что и в русском, т.е. выражают понятие «гордость» с различными аксиологическими составляющими [13. С. 262; 14. Т. 1. С. 310–311; 15. Т. 1. С. 212; 16. С. 109]. Кроме этого в украинском и белорусском языках единицы ЭГ **gъrdъ* выражают также понятие «презрение, пренебрежение» (укр. *гордувати* ‘относиться к кому-л. или чему-л. пренебрежительно; пренебрегать кем-л., чем-л.’, белорус. диал. *гордаць* (сен.)*, гардзиць* (сев.-зап.) ‘пренебрегать, презирать’ [14. Т. 1. С. 310–311; 17. Т. 1. С. 114; 18. Т. 1. С. 426]).

Семантическая структура первообразных прилагательных и образованных от них абстрактных существительных анализируемых словообразовательных гнезд (укр. *гордий* и *гордість,* бел. *горды* и *гордасць*) идентична семантической структуре рус. *гордый* и

гордость. При этом отличается статус данных единиц в системе ЛСП «гордость». В украинском языке единицы СГ *горд-* являются ядерными для ЛСП «гордость», однако в белорусском языке они вступают в конкуренцию с единицами СГ *гонар*, также содержащими двойственную оценку (ср. *гонар* ‘честь, почет’, ‘высокомерие, чванство, самомнение’) [19. Т. 1. С. 329], что является следствием большего влияния на белорусский польского языка, где единицы СГ *honor* являются основными в ЛСП «гордость» [20. А–Л. С. 322; 21. С. 129; 22. Т. 1. С. 254].

Анализ частотности основных прилагательных показал, что в восточнославянских языках, при преобладании в составе анализируемых словообразовательных гнезд единиц с отрицательными коннотациями, прилагательные *гарды / гордий*, являющиеся вершинами словообразовательных гнезд, крайне редко выражают понятие «гордость» с отрицательными коннотациями (3–4% случаев). При этом в украинском языке прилагательное *гордий* может употребляться в значении ‘высокий, важный’ (о происхождении человека) (*Такою ж була і моя мати, яку батько взяв із бідного, але гордого роду – Такой же была и моя мать, которую отец взял из бедного, но «гордого» рода*), что, очевидно, является следами древнерусского *гърдыи* ‘важный, значимый’, ‘выдающийся’ (ср. др.-рус. *гръдомоу… имени*) (при анализе использовались данные Корпуса украинского языка [23], Белорусского корпуса [24]).

Таким образом, частотный анализ корпусных данных показывает, что во всех трех восточнославянских языках наблюдается тенденция к наращению положительных и убыванию отрицательных коннотаций в семантике единиц СГ *горд- / гард.* Различия касаются отдельных функционально-семантических особенностей лексем. Во-первых, в белорусском языке, в отличие от украинского и русского, единицы СГ с вершиной *гарды* являются не единственным главным средством выражения понятия «гордость», разделяя эту функцию с единицами СГ с вершиной *гонар*. Во-вторых, в украинском литературном языке единицы СГ *горд-* выражают также понятие «пренебрежение, презрение», в то время как в русском и белорусском языках такие значения зафиксированы только у диалектных единиц. В-третьих, анализ корпусных данных выявил, что в современнном украинском языке единицы СГ *горд-* могут выражать понятие «важность, значимость» (о социальном статусе), что не отмечается в современных литературных русском и белорусском языках. В-четвертых, анализ диалектного белорусского материала, а также употребления прилагательных *горды* (белорус.), *гордий* (укр.), *гордый* (рус.) позволяет говорить о связи гордости и положительной эстетической оценки, красоты, величественности, а также гордости и значительности, важности.

Единицы ЭГ *gъrdъ в южнославянских языках

В семантическом поле ЭГ *gъrdъ в южнославянских языках можно выделить пять семантических центров:

1) связанный с понятием «гордость» (все языки, кроме словенского): болг., макед. горд ‘гордый’, болг. гордея се ‘гордиться’, ‘быть надменным’, макед. горделив ‘горделивый’, серб. горд ‘надменный, неприступный’ и др. [25. С. 94; 26. С. 175; 27. Т. 1. С. 532];

2) связанный с понятиями «величие», «слава», «грозность», «устрашение» (болг., серб., старослав.): серб. поэт. *горд* ‘величественный’; болг. *гордея се* ‘быть известным, славиться’ [27. Т. 1. С. 532], старослав. *гръдъ* ‘величественный, поражающий, изумляющий’, ‘страшный’ (*ѥгда владыкѫ си видѣ чтома · и многоцѣнноѥ муро на гръджѣѫ ѥмоу главѫ видѣ лѣѥмо; поминаимъ оубо си присно словеса · с <кѫ>тыихъ цѣловании гръдааго лобъзаниа*; *гърдаго грѣха*), ст.-слав. *гръдѣ* ‘грозно, потрясающе’ [28. Т. 1. С. 439; 29. С. 178];

3) связанный с понятием «ругань, поношение» (зап. группа: серб., хорват., словен.): серб. *грдити* ‘ругать, бранить, поносить’, *грдња* ‘брань, ругань’, словен. *grditi* ‘клеветать, ругать’, диал. словен. *grdíti se* ‘браниться, ругаться’ [29. С. 87; 30. С. 73; 31. Вып. 7. С. 203];

4) связанный с отрицательной оценкой (все языки):

а) с отрицательной эстетической оценкой (все языки); болг. *гръдост* ‘уродство’, *гръдъ, гръдулявъ, гръдомазенъ* ‘дурной, безобразный’; *огръдя, огръдям, огръдвам* ‘делать некрасивым’ [32. Вып. 7. С. 206; 33. Т. 1. С. 420; 34. Т. 1. С. 288]; серб. *грд* безобразный, некрасивый, отвратительный’ (*врачарице грда – уродливая ведьма*) [27. Т. 1. С. 559]; макед. *грд* ‘уродливый, безобразный’, *грди* ‘делать что-л. уродливым, некрасивым’, *грдотија* ‘уродство’ [26. С. 78];

б) общеотрицательной оценкой: серб. *грд* злой, плохой’ (*грдни дане – плохие дни; грдни удес – злой рок, злая судьба*), *грдило* ‘мерзость, пакость, гадость’, болг. диал. *гърд, гръд* ‘страшный, безобразный, плохой’, диал. макед. *грдинец* ‘поганец, мерзавец’ [26. С. 78; 27. Т. 1. С. 559; 30. С. 73; 32. Вып. 7. С. 206];

5) связанный с понятием «превышение нормы в силе, объеме» (серб.): серб. *грдесија* ‘толпа, множество’, *грдосан* ‘очень большой, огромный’), *грдосија* ‘нечто огромное, большое; колосс, громадина’); *грдно* ‘сильно, очень, много’)*; грд* тяжелый (о ране, боли)’ (*грдна рано – тяжелая рана*) [27. Т. 1. С. 559].

В южнославянских языках мы наблюдаем устойчивую вариативность корневой морфемы единиц, восходящих к ЭГ **gъrdъ*, что связано с заимствованием в южнославянские языки восточнославянских форм при сохранении собственно южнославянских [34. Т. 1. С. 264]. За формальными вариантами закрепляется различная семантика: в болгарском, сербском и македонском языках русские варианты корня с гласной [о] (болг. *горд*, серб. *gord*, макед. *горд*) выражают только понятие «гордость» с различными оценочными компонентами и смежные с ним, в то время как собственно южнославянские варианты (ср. болг. *гръд*, серб. *gъrd*, макед. *грд* и др.) обозначают в современных языках другие понятия (серб. *грдинец* ‘поганец, мерзавец’; серб. *грд* ‘злой, плохой’; болг. диал. *гръд* ‘страшный, безобразный, плохой’; серб. *грдити* ‘ругать, бранить, поносить’, *грдња*

‘брань, ругань’ и др. [27. Т. 1. С. 532, 559–560; 32. Вып. 7. С. 202–206; 34. Т. 1. С. 201–211, 264, 303 и др.]). В словенский язык, большая часть носителей которого исповедуют католицизм, вост.-слав. *gord-*, отражающий фонетическую норму русского извода церковнославянского языка, заимствован не был. Понятие «гордость» здесь выражают единицы СГ *ponos-*. Однако исконные южнославянские единицы ЭГ **gъrdъ*, согласно данным словарей старославянского языка и исторических словарей болгарского языка, также выражали понятие «гордость» (ср. болг. *гръдый* ‘гордый’ (Геров, Дювернуа) [33. Т. 1. С. 420; 38. Т. 1. С. 234], ст.-слав. *гръдъ* ‘возгордившийся, надменный’, *гръдыни, гръдость* ‘надменность, гордыня’ [29. С. 178]. В южнославянских языках единицы, восходящие к **gъrdъ*, выражают понятие «гордость» и как положительно или нейтрально оцениваемое чувство собственного достоинства человека, чувство удовлетворения чьими-либо успехами, и как отрицательное качество, свойство поведения. Отрицательная оценка в рамках данных словообразовательных гнезд выражается большим количеством единиц, чем положительная. Анализ корпусных данных болгарского [39] и сербского языков [40] показывает, что в болгарском языке основные полисемантичные единицы СГ *горд-* чаще употребляются с положительной оценкой, в то время как в сербском языке более частотен ЛСВ *gord* ‘надменный, высокомерный’ с отрицательной оценкой.

В восточной группе южнославянских языков (болгарский, македонский) единицы, восходящие к ЭГ **gъrdъ*, представляют ядерную часть ЛСП «гордость» (болг., макед. *горд* ‘гордый’, болг. *гордея се* ‘гордиться’, ‘быть надменным’, макед. *горделив* ‘горделивый’ и др. [25. С. 94; 26. С. 175]). В западной же группе (сербский, словенский) данные единицы не входят в ядро поля (сербский), и даже в само поле (словенский), уступая это место СГ *ponos, ohol* [41. С. 56; 42. С. 146; 43. С. 129].

Связь понятий «гордость» и «высокий социальный статус» обнаруживается также при анализе корпусных данных болгарского языка. Так, ЛСВ *горд* ‘сознающий личное достоинство’ часто употребляется как характеристика человека высокого социального статуса (чего не наблюдается при анализе выборки контекстов восточнославянских языков): *горд мъж, горд воин, горды члены Империи, горди знаменосцы, горды благородници.* Наличие таких контекстов в БНК, как *горди като планински върхове (гордые как горные вершины), висок и горд* показывает, что для носителей болгарского языка актуальна связь понятий «гордость» и «высота» [39]. Связь понятий «гордость» и «высокий социальный статус» отражается также в фиксации серб.-хорв. имен собственных, восходящих к ЭГ **gъrdъ* (*Грдан, Grd, Grdović, Grdeša,* представляющих собой, согласно словарю П. Скока, сокращения от биноминальных антропонимов *Grdimir, Grdoslav*) [44. Т. 1. С. 613].

Выражение южнославянскими единицами ЭГ **gъrdъ* понятия «ругань, поношение» мы, вслед за А.А. Кретовым, рассматриваем как проявление конверсивной энантиосемии в рамках этимологического гнезда: «Если гордиться значит ‘выситься, выделяться высотой’, то унижая другого, человек тем самым возвышает себя, а возвышая себя – тем самым унижает других» [12. С. 130]. Таким образом, мы предполагаем, что южнославянские и русские диалектные единицы со значением ‘ругать, поносить’, ‘начинать ненавидеть’ являются развитием семантики ‘гордиться, вести себя высокомерно, считать себя лучше других’.

При сравнении данных южнославянских языков с данными восточнославянских языков выявляется главное различие: южнославянские языки, в отличие от восточнославянских, выражают общеотрицательную и отрицательную эстетическую оценку. Можно согласиться с А.А. Кретовым в том, что единицы, выражающие отрицательную эстетическую оценку, также выводятся из двойственности конверсивной ситуации самовозвышения – уничижения другого [Там же. С. 131]. При этом предполагается следующая модель развития рефлексов праслав. **gъrdъ*: ‘высота’ > ‘высокий (благородный)’ > ‘гордый, жестокий’ > ‘страшный, пугающий’ > ‘безобразный, уродливый, громадный’. Данные южнославянских языков, как и русских диалектов, обнаруживают связь понятия «гордость» с понятиями «важность», «превышение нормы в силе» (ср. рус. диал. *гордая водка, гордкий голос*), «ругань» (ср. рус. диал. *гордыбачить* ‘спорить, ругаться’).

Западнославянские языки

По свидетельству лексикографических источников, в западнославянских языках единицы анализируемого этимологического гнезда также выражают понятие «гордость». При этом в чехословацкой и лужицкой подгруппах единицы СГ *hrd-, hord-* являются ядерными в выражении понятия «гордость», в то время как в польском языке эту функцию выполняют единицы СГ *dum* [45. С. 126; 46. Т. 1. С. 222]. В чешском, словацком и лужицких языках единицы анализируемых СГ обозначают внутреннее чувство, оцениваемое положительно или нейтрально (в том числе ситуативно обусловленное), а также как отрицательное качество человека (ср. чеш. *národní hrdost* ‘национальная гордость’, *hrdý* ‘гордый кем, чем’: *hrdý na své děti* ‘гордый своими детьми’; *hrdý* ‘надменный, высокомерный’ [47. Т. 1. С. 225–226]; словац. *hrdý* ‘гордый кем, чем’: *je hrdý na svoja vlast*; *hrdý* ‘надменный, высокомерный’ [48. С. 116]). В польском же языке единицы СГ *hard-* выражают понятие «гордость» только с негативной оценкой (‘высокомерие, надменность’: ср. *hardy* ‘непокорный, дерзкий’, ‘высокомерный, гордый, надменный’, *hardość* ‘непокорность, строптивость’, ‘высокомерие, гордость, надменность, спесь’ [46. Т. 1. С. 258]).

Лексические данные западнославянских языков также указывают на связь гордости с высоким социальным статусом человека: в чешском и лужицких языках единицы СГ *hrd-* выражают значения ‘возвышенный’, ‘благородный’ (чеш. *hrdy* ‘величественный, горделивый (имя, звание)’, н.-луж. *gjardy* ‘благородный’ [32. Вып. 7. С. 206–207], в.-луж. *hordostny* ‘вы-

сокий’, ‘возвышенный’, ‘благородный’ [49. С. 55]), ‘величественный’ (чеш. диал. *hrdy* ‘великолепный, прекрасный, величественный’, в.-луж. *hordość* ‘величие’, ‘великолепие’ [32. Вып. 7. С. 206–207; 49. С. 55]); ‘герой / героический’ (словац. *hrdina* ‘герой’, *hrdinsky* ‘геройский, героический’, *hrdinstvo* ‘геройство, героизм’ [48. С. 116], чеш. *hrdina* ‘герой’ [47. Т. 1. С. 225]); ‘слава’ (н.-луж. *hordoćić* ‘прославлять’ [32. Вып. 7. С. 206]). Помимо этого, в верхнелужицком зафиксировано прилагательное *horendny* в значении ‘громадный, страшный, неимоверный’ [49. С. 56] (ср. др.-рус. *гърдыи* ‘суровый, жестокий’, ‘страшный’, *гърдыни* ‘дрожь’, серб. *грдòсија* ‘громадина, колосс’ [8. Т. 2. С. 408; 30. С. 73]).

Косвенным указанием на связь гордости с характеристикой человека высокого социального статуса является также фиксация западнославянских единиц ЭГ **gъrdъ*, выражающих положительную эстетическую оценку (чеш. диал. *hrdy* ‘великолепный, прекрасный, величественный’ [32. Вып. 7. С. 207], словац. *hrdy* ‘великолепный, чудесный, прекрасный’ [48. С. 116], в.-луж. *hordość* ‘величие, великолепие’ [49. С. 56], н.-луж. *gjardy* ‘роскошный’ [32. Вып. 7. С. 207]). Отметим, что связь понятий «гордость» и «красота» характерна также для восточнославянских языков (ср. рус. *гордый* ‘величественный’, рус. диал. *гордоленький* ‘грациозный’ [5. Вып. 7. С. 30], белорус. диал. *горны* ‘хорошенький, красивый’ [32. Вып. 7. С. 208]).

Помимо этого, в чехословацкой подгруппе зафиксированы единицы со значением ‘радоваться’ (словац. диал. *hrdit’ sa, hryd’it’ sa* ‘радоваться’ [Там же. С. 203]). Данное значение может быть рассмотрено как производное от значения ‘гордиться, испытывать чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов’ или ‘прославлять’.

В западнославянских языках единицы ЭГ **gъrdъ* выражают также понятия, смежные с понятием «гордость» как отрицательным качеством. В частности, в чешском и польском языке единицы СГ *hrd-* (чеш.) и *gard-/ hard-* (пол.) выражают значения ‘презрение, пренебрежение / пренебрегать, презирать’ (ст.-чеш. *hrdati* ‘презирать, пренебрегать’ [50. С. 44]; пол. *gardzenie* ‘презрение, пренебрежение’, *gardźić* ‘презирать, пренебрегать’ [46. Т. 1. С. 224]); ‘дерзкий, нахальный / дерзость, нахальство’ (пол. *hardy* ‘гордый, надменный, дерзкий; строптивый’, *hardo* ‘дерзко, надменно, нахально’, *hardość* ‘непокорность, строптивость; дерзость, надменность, нахальство’, ‘гордость, надменность’ [46. С. 258; 51. С. 140]). В верхнелужицком языке существительное *hordość* выражает значение ‘упрямство’ [32. Вып. 7. С. 206].

В верхнелужицком языке зафиксирована также единица *horendny* ‘громадный’ [49. С. 56]. В других западнославянских языках связь понятий «гордость» и «превышение нормы в размерах» в словарях не отмечена. Данная верхнелужицкая единица, возможно, является следствием существования более ранних междиалектных связей (ср. выше серб.).

Как видим, в западнославянских, как и в восточнославянских, языках единицы ЭГ **gъrd-*, помимо понятия «гордость» с различными оценочными коннотациями, выражают также положительную эстетическую оценку, важность субъекта, его высокий социальный статус (последнее в современных западнославянских языках проявлено четче), а также понятия, смежные понятию «гордость, высокомерие»: «пренебрежение», «презрение», «дерзость», «упрямство», что также характерно для восточнославянских языков. Специфическими для западнославянских языков являются словацкие диалектные единицы со значением ‘радоваться’ (словац. диал. *hrdit’ sa, hryd’it’ sa*), предположительно образованные по семантической модели ‘гордиться чем-либо’ > ‘радоваться’.

Таким образом, с точки зрения формальной реализации на уровне лексики ЭГ **gъrdъ* дало рефлексы *gord- / gard-* в восточнославянских языках (которые затем были частично заимствованы в южнославянские), *grъd-, grd-, hrd-* – в южнославянских и *hrd-, hord-, hard-, gard-* – в западнославянских. При анализе ареальных функциональных особенностей данных единиц отмечается практически повсеместное, за исключением словенского языка, их употребление для выражения понятия «гордость». При этом в южнославянских языках данное понятие выражается заимствованными из восточнославянских языков формами *gord-*, в то время как собственно южнославянские единицы с корневой морфемой *grъd- / grd- / hrd-* выражают понятия, не связанные с понятием «гордость». В русском, украинском, чешском, лужицких, болгарском и македонском языках единицы ЭГ **gъrdъ* являются основными средствами выражения понятия «гордость». В словацком и белорусском языках они делят ядро ЛСП «гордость» с другими единицами (белорус. *гонар-,* словац. *pych-*). В западной группе южнославянских языков (сербском, словенском) и в польском языке основными единицами выражения понятия «гордость» являются единицы других СГ (*понос- / ponos-*).

С точки зрения содержательной стороны в семантическом поле славянского ЭГ **gъrdъ* можно выделить четыре семантических центра:

1. «Гордость». К данному семантическому центру относятся единицы, выражающие понятие «гордость» как чувство собственного достоинства, чувство удовлетворения от сознания чьих-либо успехов, высокомерие, величественность, возвышенность. Сюда также включаются единицы, выражающие понятия, смежные гордости: «упрямство», «дерзость», «пренебрежение», «презрение», «нахальство», «хула / ругань».

2. «Высокий социальный статус человека». К данному семантическому центру относятся единицы, выражающие значения ‘величие’, ‘благородство, возвышенность’, ‘герой’, ‘прославлять / слава’, ‘высокий, важный’, русская диалектная свадебная обрядовая лексика, а также древнерусские единицы со значениями ‘суровость’, ‘грозность’, обладающие отрицательной оценочностью.

3. Общая и эстетическая оценка:

а) общая отрицательная и отрицательная эстетическая оценка.

К лексическим единицам ЭГ **gъrdъ*, выражающим отрицательную оценку, относятся лексемы со значе-

ниями ‘страшный’, ‘безобразный’, ‘уродливый’, ‘плохой’, ‘негодяй’;

б) положительная эстетическая оценка.

В данную подгруппу включаются единицы со значениями ‘великолепный’, ‘красивый, ‘роскошный’.

4. Превышение нормы в размерах, в силе.

Данный семантический центр объединяет единицы этимологического гнезда **gъrdъ*, выражающие значения ‘большой’, ‘тяжелый’, а также ‘крепкий’, ‘насыщенный’.

Первый и второй семантические центры являются общими для всех славянских языков, в то время как третий и четвертый – локальными: единицы третьего центра распространены в южно- и западнославянских языках; четвертый семантический центр характерен в основном для южнославянских языков.

Рассматриваемые в статье две этимологических версии рус. *гордый* сходятся в принятии того, что семантика, связанная с понятием «гордость», в рамках ЭГ **gъrdъ* предполагается производной от обозначения человека высокого социального статуса (у Кралика – воина). Проанализированный материал истории русского языка и других славянских языков это подтверждает. Однако предложенная Краликом семантическая модель ‘воин’ > ‘осознающий свои заслуги’ > ‘гордый’ кажется малоубедительной. В русском языке употребление единиц СГ *горд-* в значении ‘(испытывать / испытывающий) ситуативно обусловленное чувство’ (в конструкции *гордый / гордиться / гордость* чем-либо) зафиксировано достаточно поздно (XVIII в.), что дает основание полагать, что представление о гордости как о ситуативно обусловленном чувстве оформилось на достаточно поздних этапах развития славянской культуры. Более приемлемым кажется предложенный Краликом вариант семантического развития ‘непокорный, непокорившийся’ > ‘гордый’, однако и он не подтверждается анализом мотивационных особенностей единиц ЛСП «гордость» в славянских языках: модель оказывается нетипичной. Не проявлена в семантическом поле праслав. **gъrdъ* ни в каком варианте и предполагаемая Краликом как исходная температурная семантика (‘горячий’ > ‘горячий, вспыльчивый, яростный’).

В то же время анализ употребления единиц ЭГ **gъrdъ* в славянских языках подтверждает версию А.А. Кретова о мотивационной связи понятий «высота (размерная)» и «высота (социальная)». Так, в пользу того, что значение ‘превосходящий по размеру’ является производящим в рамках ЭГ **gъrdъ,* говорит факт наличия в современном русском литературном языке семантической связи между понятиями «высота» и «гордость», что проявляется в дистрибутивных признаках ЛСВ *гордый* ‘величественный’. В приводимых во всех словарях строках М.Ю. Лермонтова: *«В песчаных песках аравийской земли три гордые пальмы высоко росли»* – прилагательное *гордый* употреблено в значении ‘исполненный торжественный красоты’ [1. Т. 4 С. 296], ‘величавый’ [2. Т. 1. С. 332]. Однако, как замечает и Кретов, гордость пальм в данном примере является следствием не осознания ими своей красоты, а, скорее, именно их расположением на высоте. Пальмы горды, так как высоки [12. С. 117]. В других примерах употребления данного ЛСВ *гордый* в художественной литературе можно также обнаружить данный семантический компонент ‘высокий (по размеру)’: ср. *Обитатели* [крутых узких улиц] *редко подымались наверх в нарядный, всегда праздничный город с его зеркальными стеклами, гордыми памятниками* [Куприн, Гамбринус] (памятники высоки, и потому горды); *И кедров гордые вершины* (А.С. Пушкин, «Руслан и Людмила»); *Теперь я вижу пред собою Кавказа гордые главы* (А.С. Пушкин, «Руслан и Людмила») [3]. Свидетельства связи понятий «гордость» и «размерная высота» зафиксированы также в корпусе болгарского языка *(горди като планински върхови (гордые как горные вершины)*, *висок и горд* показывает, что для носителей болгарского языка актуальна связь понятий «гордость» и «высота» [39].

Другим косвенным (типологическим) аргументом в пользу версии о производящем в рамках ЭГ **gъrdъ* значении ‘высокий’ / ‘превосходящий по высоте’ являются мотивационные особенности единиц других этимологических гнезд, представленные в ЛСП «гордость» в славянских языках. Как показывает их анализ, в рамках ЛСП «гордость» в русском языке на различных этапах его развития одной из самых продуктивных мотивационных моделей является та, что основана на связи понятий «гордость» и «высота»: ср., напр., рус. *высокомерие*, прост. *заноситься, задаваться,* диал. смол. *повысочеть* ‘стать гордым’, *высота* ‘гордость’ [5. Вып. 6. С. 26], вят., смол. *горный* ‘гордый’ [Там же. С. 43], др.-рус. *высокыи* ‘высокомерный, гордый’ [9. Т. 1. С. 287], *высокогордение, высокомудрьныи; высокомыслие*, *высокопаривый* [8. Т. 1. С. 250–253, Т. 2. С. 383, 390; 9. Т. 1. С. 233–237, 452–453] и др. В других славянских языках данная мотивационная модель также обнаруживает свою продуктивность: ср. бел. *высакамерiе, высакамернасць* [20. Т. 1. С. 159], слвц. *povýšenost’* ‘гонор’ [52. С. 97], чеш. *povyšenýˊ* ‘высокомерный’ [53. Т. 1. С. 153]); пол. *szczycić się* ‘гордиться’ [45. С. 138] (от *szczyt* ‘вершина, верх’ [46. Т. 2. С. 398]); слвц. *vzletny* – ‘гордый’ [48. С. 98] и др.

Рассмотрение единиц ЭГ в контексте их системных отношений (т.е. в составе лексико-семантических полей) позволил точнее верифицировать существующие этимологические версии и выявить наиболее вероятное этимологически первичное значение слав. *gъrdъ*. Анализ материала славянских языков подтвердил, что переносные значения рус. лит. *гордый* ‘величественный’, ‘возвышенный’, а также диал. ‘смелость’, ‘пышность, красота’, ‘крепкий’ и др. являются следами более архаичных значений, связанных с характеристикой человека высокого социального статуса. ЛСП «гордость» оказывается связанным с ЛСП «эстетическая оценка», «превышение нормы в размерах, в силе», «слава», «герой», «высокий социальный статус», «смелость», «жестокость», «суровость», что сказывается на сочетаемости и на мотивационных особенностях единиц данного ЛСП.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Л. Кралик в качестве первоначального значения для праслав. **gъrdъ* предполагает при этом ‘воинственный; «пылающий воинственной яростью»’ (vor kriegerischer Wut Brenned) [11. С. 309].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большой* академический словарь русского языка. М. ; СПб. : Наука, 2004–2011.
2. *Малый* академический словарь – Словарь русского литературного языка : в 4 т. / под ред. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981.
3. НКРЯ – национальный корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru
4. *Псковский* областной словарь с историческими данными. Л., 1987.
5. *Словарь* русских народных говоров / под гл. ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М. ; Л. : Наука, 1968–2003.
6. *Словарь* смоленских говоров / под ред. А.И. Ивановой. Смоленск, 1974–2005.
7. *Малеча Н.М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. Оренбург : Оренбург. книжн. изд-во, 2002–2003.
8. *Словарь* древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / под ред. Р.И. Аванесова. М. : Рус. яз., 1988.
9. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912.
10. *Картотека* словаря древнерусского языка XI–XIV вв.
11. *Kralik L.* Urslawisch **gъrdъ* und seine baltischen Parallelen // Studia etymologica Brumensia. Praha, 2000. С. 305–309.
12. *Кретов А.А.* «*Гордый*»: славянская этимология. Этимология 2006–2008 / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН ; отв. ред. Ж.Ж. Варбот. М. : Наука, 2010. С. 115–134.
13. *Великий* тлумачний словник сучасної украиньскої мови / под ред. В.Т. Бусел. Киев, 2005.
14. *Словарь* українскої мови : в 3 т. / под ред. Б.Д. Гринчеко. Киев, 1907.
15. *Белорусско-русский* словарь / под ред. К. Крапивы. М. : Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1962.
16. *Словарь* белорусского наречия / сост. И.И. Носович. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1870.
17. *Слоўнік* сенненшчыны. Мінск : Беларуская навука, 2013.
18. *Слоўнік* беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларуси и яе пагранічча / под ред. Ю.Ф. Мацкевича. Мінск : Навука и тэхніка, 1979.
19. *Белорусско-русский* словарь : в 2 т. Минск : Белорус. сов. энциклопедия имени Петруся Бровки, 1988.
20. *Русско-белорусский* словарь / Национальная академия наук Беларуси, институт языкознания им. Я. Коласа. 8-е изд. Минск : Беларуская энцыклопедыя, 2002.
21. *Русско-украинский* словарь : в 3 т. 2-е изд., испр. Киев : Гл. ред. Украинской сов. энциклопедии, 1979.
22. *Русско-украинский* словарь / под ред. С.И. Головащук. Киев : Навукова думка, 1969.
23. *Корпус* української мови. URL: http://www.mova.info/corpus.aspx?l1=209
24. *Беларускі* N-корпус. URL: http://bnkorpus.info
25. *Бернштейн С.Б.* Болгарско-русский словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1966.
26. *Македонско-русский* словарь / под ред. Н.И. Толстого. М. : Гос. изд-во иностр. и гос. словарей, 1963.
27. *Речник* српскохрватскога књижевног језика. Загреб, 1967.
28. *Словарь* старославянского языка : в 4 т. Изд-е репринт. СПб., 2006.
29. *Старославянский* словарь (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. ; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1999. 842 с.
30. *Толстой Н.И.* Сербскохорватско-русский словарь. 7-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 2001.
31. *Котник Д.Я.* Словенско-русский словарь. 2-е изд. Любляна : Государственное издательство Словении, 1967.
32. *Этимологический* словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева. М. : Наука, 1974–2003.
32. *Дювернуа А.Л.* Словарь болгарского языка. М., 1889.
34. *Български* етимологичен речник / под ред. В.И. Георгиева. София : Издателство на Българската Академия на Науките, 1971.
35. *Речник* на болгарския язик. Т. I–XIV. София, 1977–2012. URL: http://www.ibl.bas.bg
36. *Речник* српскога језика. Измењено и поправљено издање. Нови сад : Матица српска, 2011.
37. *Дигитален* речник на македонскиот јазик. URL: http://www.makedonski.info
38. *Геров Н.* Рѣчникъ на блъгарскый языкъ (съ тлъкувание рѣчи-ты на блъгарскы и на русскы). Дружествена печатница «Съгласие», 1895.
39. *БНК* – Български национален корпус. URL: http://dcl.bas.bg/bulnc
40. *Korpus* savremenog srpskog jezika na Matematičkom fakultetu Univerziteta u Beogradu. URL: http://www.korpus.matf.bg.ac.rs
41. *Антанасиевич И.* Русско-сербский и сербско-русский словарь. 2008.
42. *Руско-српски* речник / Б. Станковић. 2-е изд., испр. и доп. Нови Сад : Будућност, Матица Српска ; М. : Рус. яз., 1998.
43. *Претнар Я.С.* Русско-словенский словарь. 2-е изд. Любляна, 1964.
44. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb : Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971.
45. *Русско-польский* словарь / под ред. А.Х. Дворецкого. 5-е изд., испр. и доп. М., 1964.
46. *Большой* польско-русский словарь : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз. ; Варшава : Ведза Повшехна, 1980.
47. *Чешско-русский* словарь : в 2 т. / под ред. Л.В. Копецкого, Й. Фимца и О. Лешки. 2-е изд., стереотип. М. : Рус. яз. ; Прага: Гос. педагог. изд-во, 1976.
48. *Коллар Д., Доротьякова В., Филусова М., Васильева Е.* Словацко-русский словарь. М. : Рус. яз. ; Братислава : Словацкое педагогическое издательство, 1976.
49. *Трофимович К.К.* Верхнелужицко-русский словарь. М. : Рус.яз. ; Бауцен : Домовина, 1974.
59. *Bělič J., Kamiš A., Kučera K.* Malý staročeský slovník. Praha, 1978.
51. *Дубровский П.П.* Полный словарь польского и русского языка. Варшава, 1901.
52. *Русско-словацкий* словарь. М. : Рус. яз. ; Братислава : Словацкое педагогическое издательство, 1989.
53. *Русско-чешский* словарь : в 2 т. / под ред. Л.В. Копешки и О. Лешки. М. : Рус. яз. ; Прага : Государственное педагогическое издательство, 1978.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 марта 2015 г.

AREAL-GENETIC CONNECTIONS OF UNITS OF THE RUSSIAN WORD FAMILY WITH THE ROOT *GORD-*

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 43–52. DOI 10.17223/15617793/394/8

Kuznetsova Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o.kuz.89@gmail.com

Keywords: Slavic languages; Russian literary language and its dialects; lexical semantic field; semantics; language history; etymology.

Units of the Russian word family with the root –*gord-* originate in the Proto-Slavic etymological word family * *gъrdъ*, which has reflexes *gord- / gard-* in East Slavic languages, *grd-, grd-, hrd-* in South Slavic and *hrd-, hord-, hard-, gard-* in West Slavic. These units express the concept "pride" almost in all Slavic languages (with the exception of Slovenian). In Russian, Ukrainian, Czech, Sorbian, Bulgarian and Macedonian units of etymological word family * *gъrdъ* are the main expression means of the concept "pride". In the Slovak and Belarusian languages there are also units with other roots (Belarusian *gonar-*, Slovakian *pych-*) in the nucleus of the lexical semantic field "pride". In the western group of South Slavic languages (Serbian, Slovenian) and Polish the basic units expressing the concept "pride" are lexemes of a word family with root ponos-. The semantic field of Proto-Slavic etymological word family * gъrdъ includes four semantic centers: 1) "pride" and related concepts ("obstinacy", "insolence", "scorn", "impudence", "abuse"); 2) "high social status", which includes words with meanings 'grandeur', 'majestic', 'nobility', 'loftiness', 'hero', 'glory', 'fame', 'importance', the Russian dialect ritual wedding lexis and Old-Russian units with meanings 'austerity', which contain negative connotations. The units of the following two semantic centers are registered in all Slavic language groups: 3) common and aesthetic evaluation: a) common negative and negative aesthetic evaluation: units expressing common and aesthetic negative evaluation with meanings 'ugly', 'hideous', 'bad' are registered in South Slavic, Old Slovak, Old Russian and Upper Sorbian languages; b) positive aesthetic evaluation; such units are recorded in West Slavic and East Slavic languages; 4) exceeding norms in size and strength; the units of the etymological word family * *gъrdъ* expressing meanings 'big', 'heavy' exist in Serbian and Upper Sorbian languages and Russian dialects. So, first and second semantic centers are common for all Slavic languages, while third and fourth are local. The units of the third center are registered in South and West Slavic languages. The fourth center is characteristic for South Slavic languages mostly. A.A. Kretov and L. Kralik suggested two well-founded etymology versions of Russian *gord-*. Both explain its semantics 'pride/proud/to be proud' as an extension of the meaning 'having high social status'. The main divergence of the two versions applies to the primary meaning of Proto-Slavic **gъrdъ*. A.A.Kretov supposes that Proto-Slavic **gъrdъ* primary meaning is 'dimensional height', while L. Kralik considers Proto Slavic **gъrdъ* as derived from Indo-European **gwher* 'hot' and believes that its primary meaning is 'furious'. Detailed Slavic lexis analysis and the structure of the etymological word family semantic field corroborates Kretov's version and shows that the meaning 'pride/proud/to be proud' of Proto-Slavic **gъrdъ* is related genetically to meanings 'high social level' and 'dimensional height'.

REFERENCES

1. *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Big Academic Dictionary of the Russian language]. Moscow; St. Petersburg: Nauka Publ., 2004–2011.
2. Evgen'eva A.P. (ed.) *Malyy akademicheskiy slovar' – Slovar' russkogo literaturnogo yazyka: v 4 t.* [Small Academic Dictionary – Dictionary of Russian literary language: in 4 v.]. 2nd edition. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1981.
3. Russian National Corpus. Available from: http://ruscorpora.ru. (In Russian).
4. Larin B.A. (ed.) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Oblast Dictionary with historical data]. Leningrad, 1987.
5. Filin F.P., Sorokoletov F.P. (eds.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1968–2003.
6. Ivanova A.I. (ed.) *Slovar' smolenskikh govorov* [Glossary of Smolensk dialects]. Smolensk, 1974–2005.
7. Malecha N.M. *Slovar' govorov ural'skikh (yaitskikh) kazakov: v 4 t.* [Dictionary of dialects of the Ural (Yaik) Cossacks: in 4 v.]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2002–2003.
8. Avanesov R.I. (ed.) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t.* [Dictionary of Old Russian (11th – 14th centuries): in 10 v.]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1988.
9. Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian written monuments]. St. Petersburg, 1893–1912.
10. Catalogue of the Dictionary of the Old Russian language of the 11th – 14th centuries. (In Russian).
11. Kralik L. *Urslawisch *g"rd" und seine baltischen Parallelen*. In: *Studia etymologica Brumensia*. Prague, 2000, pp. 305–309.
12. Kretov A.A. *"Gordyy": slavyanskaya etimologiya* ["Proud": Slavic etymology]. In: Varbot Zh.Zh. (ed.) *Etimologiya 2006–2008* [Etymology 2006–2008]. Moscow: Nauka Publ., 2010, pp. 115–134.
13. Busel V.T. (ed.) *Velikiy tlumachniy slovnik suchasnoï ukrain'skoï movi*. Kyiv: Perun Publ., 2005. 1728 p. (In Ukrainian).
14. Grincheko B.D. (ed.) *Slovar' ukraïnskoï movi: v 3 t.* Kyiv, 1907.
15. Krapiva K. (ed.) *Belorussko-russkiy slovar'* [Belarusian-Russian dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey Publ., 1962. 1048 p.
16. Nosovich I.I. (ed.) *Slovar' belorusskogo narechiya* [Dictionary of the Belarusian dialect]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk Publ., 1870. 756 p.
17. *Sloўnik sennenshchyny*. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., 2013. 719 p. (In Belorussian).
18. Matskevich Yu.F. (ed.) *Sloўnik belaruskikh gavorak paўnochna-zakhodnyay Belarusi i yae pagranichcha*. Minsk: Navuka i tekhnika Publ., 1979.
19. *Belorussko-russkiy slovar': v 2 t.* [Belarusian-Russian Dictionary in 2 v.]. Minsk: Belorusskaya sovetskaya entsiklopediya imeni Petrusya Brovki Publ., 1988.
20. *Russko-belorusskiy slovar'* [Russian-Belarusian Dictionary]. 8th edition. Minsk: Belaruskaya entsyklopedyya Publ., 2002.
21. *Russko-ukrainskiy slovar': v 3 t.* [Russian-Ukrainian Dictionary: in 3 v.]. 2nd edition. Kyiv: Gl. red. Ukrainskoy sov. Entsiklopedii Publ., 1979.
22. Golovashchuk S.I. (ed.) *Russko-ukrainskiy slovar'* [Russian-Ukrainian dictionary]. Kyiv: Navukova Dumka Publ., 1969.
23. Ukrainian Language Corpus. Available from: http://www.mova.info/corpus.aspx?l1=209. (In Ukrainian).
24. Belarusian National Corpus N-korpus. Available from: http://bnkorpus.info. (In Belarusian).
25. Bernshteyn S.B. *Bolgarsko-russkiy slovar'* [Bulgarian-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1966.
26. Tolstoy N.I. (ed.) *Makedonsko-russkiy slovar'* [Macedonian-Russian dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey Publ.,1963.
27. *Rechnik srpskokhrvatskoga kњizhevnog jezika*. Zagreb, 1967. (In Serbian).

28. *Slovar' staroslavyanskogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Old Church Slavonic: in 4 v.]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2006.
29. Tseytlin R.M., Vecherka R., Blagova E. (eds.) *Staroslavyanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Church Slavonic dictionary (the manuscripts of the 10th – 11th centuries)]. 2nd edition. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1999. 842 p.
30. Tolstoy N.I. *Serbskokhorvatsko-russkiy slovar'* [Serbo-Croatian-Russian dictionary]. 7th edition. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 2001. 736 p.
31. Kotnik D.Ya. *Slovensko-russkiy slovar'* [Slovene-Russian dictionary]. 2nd edition. Ljubljana: Slovenia State Publishing House, 1967. 817 p.
32. Trubachev O.N. (ed.) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov* [The etymological dictionary of Slavic languages]. Moscow: Nauka Publ., 1974–2003.
33. Dyuvernua A.L. *Slovar' bolgarskogo yazyka* [Dictionary of the Bulgarian language]. Moscow: Universitetskaya tipografiya Publ., 1889. 1483 p.
34. Georgiev V.I. (ed.) *B"lgarski etimologichen rechnik*. Sofia: Izdatelstvo na B"lgarskata Akademiya na Naukite Publ., 1971. 679+95 p. (In Bulgarian).
35. *Rechnik na bolgarskiya yazik. V. I–XIV*. Sofia, 1977–2012. Available from: http://www.ibl.bas.bg. (In Bulgarian).
36. *Rechnik srpskoga jezika*. Izmењeno i popravљeno izdaње. Novi sad: Matitsa srpska Publ., 2011. 1561 p. (In Serbian).
37. *Digitalen rechnik na makedonskiot jazik*. Available from: http://www.makedonski.info. (In Macedonian).
38. Gerov N. *Rѣchnik" na bl"garskyy yazyk" (s" tl"kuvanie rѣchi-ty na bl"garsky i na russky)*. Druzhestvena pechatnitsa "S"glasie", 1895. (In Bulgarian).
39. Bulgarian National Corpus. Available from: http://dcl.bas.bg/bulnc. (In Bulgarian).
40. Corpus of Contemporary Serbian Language at the Faculty of Mathematics, University of Belgrade. Available from: http://www.korpus.matf.bg.ac.rs. (In Serbian).
41. Antanasievich I. *Russko-serbskiy i serbsko-russkiy slovar'* [Russian-Serbian and Serbian-Russian dictionary]. Moscow: IF MAMIF Publ., 2008. 797 p.
42. Stankoviђ B. *Rusko-srpski rechnik*. 2nd edition. Novi Sad: Budђnost, Matitsa Srpska; Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1998. 1001 p.
43. Pretnar Ya.S. *Russko-slovenskiy slovar'* [Russian-Slovenian dictionary]. 2nd edition Ljubljana: Slovenia State Publishing House, 1964. 817 p.
44. Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971.
45. Dvoretskiy A.Kh. (ed.) *Russko-pol'skiy slovar'* [Russian-Polish dictionary]. 5th edition. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1964. 903 p.
46. *Bol'shoy pol'sko-russkiy slovar': v 2 t.* [Big Polish-Russian Dictionary: in 2 v.]. 2nd edition. Moscow: Russkiy yazyk Publ.; Warsaw: Vedza Povshekhna, 1980. 664 p.
47. Kopetskiy L.V., Fimets Y., Leshka O. (eds.) *Cheshsko-russkiy slovar': v 2 t.* [The Czech-Russian Dictionary in 2 v.]. 2nd edition. Moscow: Russkiy yazyk Publ.; Prague: State Pedagogical Publishing House, 1976.
48. Kollar D., Dorot'yakova V., Filusova M., Vasil'eva E. *Slovatsko-russkiy slovar'* [Slovak-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk Publ.; Bratislava: Slovak Pedagogical Publishing House, 1976. 768 p.
49. Trofimovich K.K. *Verkhneluzhitsko-russkiy slovar'* [Upper Sorbian-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk Publ.; Bautzen: Domovina, 1974. 564 p.
59. Bělič J., Kamiš A., Kučera K. *Malý staročeský slovník*. Praha, 1978.
51. Dubrovskiy P.P. *Polnyy slovar' pol'skogo i russkogo yazyka* [Complete Dictionary of Polish and Russian]. Warsaw: F. Gezik, 1901.
52. *Russko-slovatskiy slovar'* [Russian-Slovak dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk Publ.; Bratislava: Slovak Pedagogical Publishing House, 1989.
53. Kopeshka L.V., Leshka O. (eds.) *Russko-cheshskiy slovar': v 2 t.* [Russian-Czech Dictionary: in 2 v.]. Moscow: Russkiy yazyk Publ.; Prague: State Pedagogical Publishing House, 1978.

Received: 22 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 53–58. DOI 10.17223/15617793/394/9

УДК 811.111

П.Д. Митчелл, Н.И. Маругина

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ЦЕНТРА ПЕРЕВОДА ФИЯ ТГУ)

Рассматриваются вопросы перевода академических терминов, используемых в высшей школе. Авторы останавливаются на проблемах, связанных с трудностями интерпретации академических терминов, которые возникают в процессе перевода. Основным препятствием в правильной интерпретации русских и английских академических терминов следует считать расхождение двух систем образования.

Ключевые слова: академические термины; перевод; интерпретация; дублетность термина; многозначность термина.

В эпоху глобализации и интернационализации системы высшего образования преподаватели вузов и переводчики сталкиваются с необходимостью переводить различные материалы – от информационно-рекламных текстов до научных статей – с русского языка на английский и наоборот. Казалось бы, для профессионала это несложная задача. Однако проблема заключается в том, что некоторые неграмотные переводы и неверные представления о реалиях английского языка настолько укоренились в российском вузовском сообществе, что даже высококвалифицированные специалисты иногда допускают ошибки при переводе определенных академических терминов.

Термин в настоящее время рассматривается как особая языковая единица, основное средство выражения научного понятия (Д.С. Лотте, М.Н. Володина, А.С. Герд, В.А. Звегинцев, В.М. Лейчик, В.А. Татаринов, С.Д. Шелов, С.В. Гринев-Гриневич). Принадлежность терминологической единицы знаковой системе языка подтверждается тем, что термин может быть словом или словосочетанием и обладать такими семантическими и формальными признаками единиц языка, как денотативное, сигнификативное, синтагматическое, категориальное и грамматическое значения.

Выделяют *общенаучные, межнаучные и узкоотраслевые термины.* Согласно Н.И. Колесниковой, общенаучные термины выражают категориальные понятия, применимые ко всем областям научного знания (*система, элемент, фактор, структура, функция, метод* и т.п.). В отдельных областях знания эти термины приобретают различную конкретизацию. Понятие «межнаучная» (межсистемная) терминология включает в себя интегрирующие элементы внутри цикла наук (общегеодезические, общетехнические и т.п.) и отдельные терминологические единицы, именующие понятия, применимые в разных науках [1. С. 144]. По мнению Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева, термины могут быть признаны самостоятельными наименованиями, находящимися в отношениях омонимии (*вирус* компьютерный и *вирус* гриппа). Узкоспециальная терминология включает термины, которые используются только в определенной отрасли науки или в каком-либо одном ее направлении [2. С. 34].

В данной статье рассматриваются практические вопросы интерпретации и перевода отечественных и зарубежных академических терминов, употребляемых в высших учебных заведениях. Многие термины представляют трудности для понимания и перевода. Это происходит в силу того, что во многих случаях существует разнобой в их определении и в силу различий систем образования в других странах.

Академические термины – это термины, употребляемые в высшей школе применительно к сфере высшего профессионального образования и к высшим учебным заведениям [3]. В силу того что академические термины употребляются широкой аудиторией, они не могут быть обозначены как узкоотраслевые. Их отнесенность и принадлежность к вышепредставленной классификации скорее будут условными, так как среди проанализированных единиц мы можем обнаружить термины и общенаучного, и межнаучного плана.

Вопросы специфики терминов и способов их перевода освещались в работах В.Н. Комиссарова, А.Д. Швейцера, Я.И. Рецкера, И.В. Арнольд, Л.Л. Нелюбина, А.В. Федорова, Н.К. Рябцевой, Л.И. Борисовой и др. Актуальность изучения способов и проблем, связанных с переводом академических терминов, обусловлена расширением сотрудничества между российскими и зарубежными вузами-партнерами и растущим объемом коммуникации в данной профессиональной области. Необходимым условием коммуникации в высшей школе является владение академической терминологией на профессиональном уровне. Переводчикам приходится сталкиваться с разнообразными наименованиями объектов академической сферы. Данная статья позволяет разобраться со сложными, на наш взгляд, академическими терминами, используемыми в международном коммуникационном пространстве, и выявить наиболее адекватные варианты для их перевода.

Учитывая сложность и разнообразие различных традиций наименования высших учебных заведений в разных странах, многие переводчики сталкиваются с проблемой передачи названий учебных заведений. К примеру, в России до сих пор для обозначения высшего учебного заведения, научно-исследовательского института, а также для обозначения административно-управленческого учреждения используется термин «институт». В англоязычных странах слово «institute» используется только для обозначения научно-исследовательского института («research institute, scientific research institute»). Чаще всего названия учебных заведений подвергаются частичному или полному семантическому переводу. К примеру, За-

падно-Сибирский федеральный университет – Western Siberian Federal University, Московский государственный университет им. Ломоносова – Lomonosov Moscow State University, а ни в коем случае не Moscow State University named after Lomonosov. В американской системе образования широко употребляется термин «school» для обозначения целого ряда учебных заведений: к примеру, high school буквально означает «средняя школа высшей ступени», school of law переводится как «высшая школа права» или «юридический институт», graduate school, соответственно, будет иметь значение «аспирантура».

Перевод русского слова «факультет» на английский язык является одним из самых спорных моментов. Дело в том, что английское слово «faculty» полисемантично. Одним из основных его значений следует считать значение «профессорско-преподавательский состав» (в американском английском) [4. С. 546]. Вследствие этого некоторые российские преподаватели и вузовские администраторы (как правило, это те, кто отдает предпочтение американскому, нежели британскому английскому либо сотрудничает с коллегами из США) опасаются перевода слова «факультет» как «faculty», ссылаясь на то, что их американские коллеги могут неправильно понять смысл данного слова. Соответственно, появилась тенденция переводить слово «факультет» не только как «Faculty», но и как «Department» [5. С. 539]. Слово «Department» является типичным академическим термином, обозначающим структурное подразделение университета в США. Проблема заключается в том, что американские вузы имеют, как правило, совершенно разные организационные структуры с богатым разнообразием структурных подразделений. К примеру, в Йельском университете существуют академический термин «college» («колледж») для студентов, обучающихся в бакалавриате, и термин «schools» («высшие школы») по программам профессионального обучения (например, «Yale Law School»), в которые поступают после получения диплома бакалавра. Помимо этих административных структур, также имеются «departments» («кафедры»), специализирующиеся в конкретной научной области, такие как «Department of Slavic Languages and Literatures» («кафедра славянских языков и литератур») [6].

Здесь следует высказать еще одно соображение принципиального характера. Если перевести «факультет» как «department», тогда как следует перевести на английский язык слово «кафедра»? Многие переводчики и преподаватели, без сомнения, ответят, что это слово «Chair». И здесь скрывается, пожалуй, самая грубая ошибка, чаще всего встречающаяся при переводе данного термина с русского языка на английский. Термин «chair» обозначает, конечно, не только «стул». В академическом дискурсе этот термин является действительно частотным, но никоим образом не переводится как структурное подразделение. Как в британском, так и в американском английском слово «chair» имеет значение «профессорская должность». Например, «A scholar of international standing has been appointed to a new Islamic Studies Chair at Oxford» [7] – «Ученый международного уровня назначен на новую должность профессора исламоведения в Оксфорде» (во многих западных вузах работает лишь один профессор в конкретной научной области). Также за рубежом существует понятие «named chair» («именная профессура»). Данный термин используется для обозначения должности, которая определяется личным участием человека, который оказывает финансовую поддержку для учреждения этой должности, например «Лукасовский профессор математики» в Кембриджском университете («Lucasian Professor of Mathematics») [8]. Слово «chair» в англоязычной высшей школе имеет еще одно значение – руководитель учебного подразделения, например заведующий кафедрой – «Department Chair». Данный термин употребляется как в американском, так и в британском вариантах английского языка [4. С. 238]. Здесь стоит отметить, что для обозначения должности заведующего кафедрой во многих вузах англоговорящих стран также распространено использование словосочетания «Head of Department».

Очевидно, что если кафедры будут называться «Chairs» в англоязычных текстах, то этот факт будет больше смущать наших американских коллег, чем перевод слова «факультет» как «Faculty». Имеет смысл также подчеркнуть, что сторонники перевода слова «факультет» как «Department» не учитывают одного важного нюанса. Дело в том, что слово «Faculty» (с заглавной буквы), даже в американском английском, может иметь и значение структурного подразделения, о чем свидетельствует наличие «Faculties» в различных американских вузах, в том числе и Гарвардском университете, на базе которого существует так называемый «Faculty of Arts and Sciences» [9]. В Колумбийском университете [10] также существуют, например, «Faculties of Dental Medicine, Medicine, Public Health and Law» («факультеты стоматологии, медицины, здравоохранения, права»). Как и в России, эти факультеты включают в себя более узкоспециализированные структурные подразделения под названием «departments». К примеру, в Колумбийском университете на медицинском факультете есть «Department of Pathology and Cell Biology» («кафедра патологии и клеточной биологии») [Там же]. Эти же сторонники перевода слова «факультет» (а не «кафедра») как «department» забывают о том, что их американские коллеги всегда смогут отличить, в каком контексте использован термин «Faculty», который, мы выяснили, переводится и как «профессорско-преподавательский состав», и как «факультет».

Возвращаясь к вопросу о переводе названий структурных подразделений российских вузов, необходимо учитывать, прежде всего, специфику типичной российской вузовской организационной системы, т.е. наличие в университетах факультетов, институтов, высших школ, имеющих в своем составе кафедры. Не составляет большого труда подобрать эквиваленты и в британской вузовской системе. Интересно, что российская система довольно схожа с организационной системой Кембриджского университета [11], в котором существуют факультеты, аналогичные рос-

сийским, такие как, например, экономический, исторический факультет, факультет современных и древних языков и т.д. – «Faculty of Economics», «Faculty of History», «Faculty of Modern and Medieval Languages». И в Великобритании, и в России такие факультеты делятся на кафедры, к примеру, «Department of French» – кафедра французского языка [11]. На сайте Кембриджского университета [12] находим подтверждение данному факту: «University Faculties organise teaching and research into individual subjects or groups of subjects. Their work is normally organised into subdivisions called Departments» – «Факультеты Университета занимаются образовательной и научной деятельностью в отдельных или смежных областях. Их работа, как правило, производится в структурных подразделениях, называемых “кафедрами”».

Трудности в переводе на английский язык представляют русские наименования должностей профессорско-преподавательского состава. Это происходит частично из-за того, что в американской системе высшего образования чуть ли не все преподаватели университетов называют себя «professors». Тем не менее существует определенная иерархия должностей профессорско-преподавательского состава: «assistant professor», «associate professor», «(full) professor». Только последний академический термин является эквивалентом термина «профессор» российской высшей школы. Должность «associate professor» представляет собой аналог должности «доцент» в русском языке. Термин «assistant professor» означает первую ступень научно-педагогической карьеры, т.е. в соответствии с российской академической терминологией – «преподаватель». Но при этом возникает вопрос о том, как лучше перевести должность «старший преподаватель», ведь словосочетание «senior professor» будет явно неуместным, а термин «senior teacher» не будет адекватным, так как слово «teacher» в официальной английской речи используется для обозначения школьного учителя.

Если рассмотреть британскую систему высшего образования, то вопрос о переводе наименований должностей профессорско-преподавательского состава решается легче, поскольку имеются четыре ступени должностей, аналогичных должностям в российской академической системе: «lecturer», «senior lecturer», «reader», «professor». Слово «lecturer» хорошо понимается во всем англоговорящем мире – в американских вузах, в отличие от разного рода «professors», это, как правило, сотрудник, который скорее ведет занятия у бакалавров, чем занимается научной работой как основным видом деятельности [10]. Соответственно, отечественные должности «преподаватель» и «старший преподаватель» могут переводиться как «lecturer» и «senior lecturer». Название должности профессора переводится просто – «professor». Наименование должности доцента вызывает некоторые трудности, так как слово «reader» (буквально – «чтец») редко употребляется вне Великобритании в значении наименования должности работника вуза. Необходимо отметить, что многие вузы стран бывшего Британского содружества, такие как Австралия и Новая Зеландия, и даже некоторые вузы самой Великобритании вместо термина «reader» начинают использовать американский термин «associate professor», который, соответственно, подойдет для перевода должности доцента. С учетом вышеизложенного нам представляется логичным использовать следующие переводы наименований должностей российского профессорско-преподавательского состава: «lecturer» («преподаватель»), «senior lecturer» («старший преподаватель»), «associate professor» («доцент») и «professor» («профессор»).

Наименования руководящих должностей российских вузов чаще всего переводятся дословно, особенно если термин представляет собой словосочетание. В случае со словосочетанием «научный сотрудник» мы можем обнаружить, что существуют адекватные соответствия между британскими и русскими терминами, используемыми в академическом дискурсе. Существует так называемая должность «research fellow», которая будет понятна и в американском научном сообществе. Термин «старший научный сотрудник» так же легко переводится, как «senior research fellow», затем в британской системе идет «professorial (research) fellow» (эквивалент профессора), что в русском языке будет означать «главный научный сотрудник». Следует упомянуть, что существует промежуточная должность между старшим и главным научным сотрудниками – «ведущий научный сотрудник», которая не имеет эквивалента в английском языке, но может быть переведена следующим образом: «leading research fellow».

В англоговорящих странах существует изобилие различных вариантов перевода определенных академических терминов. О.И. Блинова к трудностям интерпретации терминологии относит «неоправданную многозначность», появляющуюся в процессе номинации, а также не всегда столь необходимую дублетность, возникающую в итоге поиска более удачного для исследователей терминообозначения [3. С. 29]. Дублетность терминов возникает в итоге поиска более удачного терминообозначения или каких-либо культурных предпочтений. К примеру, первое должностное лицо университета может называться «president» (термин «президент», прежде всего, используется в американских вузах), «chancellor» (термин «канцлер» используется в основном в английских вузах, но также и в США), «rector» (термин «ректор», как правило, характерен для шотландских вузов) и т.п. Названия данных должностей, в зависимости от традиций вуза и страны, объединяют несколько смыслов, так как ректор вуза является и лицом, стоящим во главе управления университетом, и почетным представителем университетского сообщества. В английских вузах термин «chancellor» используется для обозначения почетной должности, как правило, это публичная фигура, не имеющая никакого отношения к науке, а университет фактически возглавляет «vice-chancellor» («вице-канцлер»). С учетом этих сложностей не стоит при переводе менять русское слово «ректор» на несозвучный вариант, тем более что теперь и в российской высшей школе начали появляться и почетные руководители вузов в должности «президента».

У британского вице-канцлера университета заместители часто называются «pro-vice-chancellors» и реже – «deputy vice-chancellors». Должность «проректор» редко переводится как «pro-rector», что, скорее всего, объясняется редкостью использования латинской приставки «pro» как «заместитель» в современных русском и английском языках. Примечательно, что в английском языке также приставка «pro» употребляется только для обозначения этой должности. Учитывая современные тенденции использования языка, должность проректора можно смело перевести как «vice-rector» либо «deputy rector». Предпочтителен первый вариант, так как при появлении у проректора заместителя – что не редкость в современной отечественной высшей школе – словосочетание «deputy vice-rector» будет более адекватным переводом на английский язык, чем термин «vice deputy-rector».

Руководители факультета (в русском языке, как правило, «декан») в англоговорящих странах в основном называются «deans» (также деканы), хотя бывают и исключения. В Кембриджском университете, например, факультеты возглавляют «chairs», а кафедрами заведуют «heads» [13], в то время как в Даремском университете деканов факультетов недавно возвысили до «про-вице-канцлеров» [14]. В Дареме, как и в Кембридже, заведующий кафедрой будет передаваться с помощью термина «head of department». Принимая во внимание распространенную практику в англоязычной высшей школе, нам представляется правильным перевести должности «декан факультета» как «Dean of Faculty» и «заведующий кафедрой» – как «Head (или Chair) of Department».

С подписанием Россией Болонского соглашения и введением многоуровневой системы высшего образования перевод образовательных ступеней стал проще: «бакалавр» – «bachelor's degree», «магистр» – «master's degree», а также «бакалавриат» – «bachelor's studies», «магистратура» – «master's studies». Термин «специалист», конечно же, можно перевести как «specialist», но в данном случае потребуются дополнительные пояснения термина для зарубежных коллег, незнакомых с российской системой. С переводом ученых степеней кандидата и доктора наук дело обстоит иначе. Довольно часто можно встретить дословные переводы выше приведенных терминов: «candidate of science(s)» и «doctor of science(s)». В данный момент наблюдается тенденция переводить термин «кандидат наук» как «PhD» (западный «доктор философии»), который является в той или иной степени эквивалентом [15]. Тем не менее здесь стоит осторожно относиться к такому переводу, так как в англоязычных вузах степень «PhD» – это еще и наивысшая степень, за исключением почетных докторских степеней, так называемых higher doctorates, присуждаемых ученому без защиты диссертации. Для доктора наук, с учетом его положения, можно выбрать при переводе термин «DSc» (doctor of science), который используется в британских вузах для почетных докторов, или немецкий «Dr. habil.», который достаточно известен в англоговорящем научном сообществе и является юридически признанным эквивалентом рассматриваемого термина [15].

Перевод понятий «аспирантура» и «докторантура» также нуждается в более детальной интерпретации. В англоязычных системах есть понятие «postgraduate studies» (британский английский) или «graduate studies» (американский вариант), что включает в себя как «master's studies» (магистратура), так и «doctoral studies» (PhD), в то время как термин «undergraduate studies» означает получение высшего образования первой ступени, т.е. «бакалавриат». Соответственно, перевод аспирантуры как «postgraduate studies» либо «graduate studies» может привести к непониманию того, имеется в виду магистратура или PhD. Также перевод слова «докторантура» как «doctoral studies» может быть воспринят как «PhD». В то время как если мы переведем термин «аспирантура» как «doctoral studies», коллеги, знакомые с русскими реалиями, могут подумать, что речь идет о «докторантуре». Есть в англоязычной высшей школе термин «postdoctoral research» (более глубокие научные исследования, после получения PhD), который может быть переведен на русский как «докторантура», но это будет ошибочным переводом, так как postdoctoral research не предполагает защиту диссертации или же присуждение какой-либо ученой степени [16]. В недавние годы действительно данный термин чаще стал переводиться на русский язык как «пост-докторантура», т.е. перевод осуществляется способом транслитерации. Принимая это во внимание, предлагаем ограничить использование термина «(post)graduate studies» в применении к отечественной системе высшего образования, а использовать следующие переводы, во избежание недопонимания: «бакалавриат» – «bachelor's studies»; «магистратура» – «master's studies»; «аспирантура» – «PhD studies»; «докторантура» – «higher doctoral studies».

В последнее время предметом оживленных дискуссий становятся вопросы инновационного развития системы непрерывного образования, предлагаемого и осуществляемого различными зарубежными и российскими вузами. Словарные данные позволяют судить о наличии большого количества вариантов перевода термина «непрерывное образование». Так, в различных англо-русских словарях можно обнаружить несколько однотипных дублетов термина «непрерывное образование»: lifelong learning, lifelong education, continuing (continuous education), adult education, permanent education, recurrent education, ongoing learning, further education. Появление целого синонимического ряда для определения одного понятия является результатом интегративного характера терминосистем, что приводит к расширению семантического поля терминов. В русском языке, например, слово «класс» выступало со значениями: «разряд», «степень», «место, где проходят занятия», «все обучающиеся», «группа людей, объединенных по социальному и профессиональному признаку».

В английском языке также существует большое разнообразие терминов для обозначения слова «стипендия». Дело в том, что в Великобритании стипендиальные выплаты либо представляют собой единую

стипендию, выплачиваемую для всех, либо стипендию, которая предоставляется разово. В ходе осуществления устного и письменного перевода авторы статьи сталкивались со следующими наименованиями термина «стипендия» на английском языке:

1. «Bursary» («стипендия») – разовые либо регулярные выплаты для студентов (только в Великобритании), нуждающихся в материальной поддержке.

2. «Grant» («дотация», субсидия») – регулярные выплаты, которые покрывают расходы на проведение исследовательской работы с целью получения степени PhD.

3. «Fellowship» («дотация творческому или научному работнику») – разово или регулярно начисляемая сумма для поддержки исследователей, исследовательских организаций и научных коллективов. Выдается для проведения конференций, совместных проектов и исследований.

4. «Merit Award» («премия за высокие научные достижения») – предлагается в виде разовой выплаты за выдающиеся академические заслуги.

5. «Scholarship» («стипендия поощрительная») – выдается на регулярной основе студентам, обучающимся на магистерских и PhD программах, является финансовым поощрением от университета за выдающиеся академические и профессиональные заслуги.

6. «Studentship» («стипендия») – представляет собой нечто среднее между scholarship и grant, может выплачиваться коллективу или индивидуальному лицу. Индивидуальные выплаты предназначены студентам исследовательских программ. Коллективные выплаты предназначены для финансирования исследовательских коллективов или организаций, вовлеченных в выполнение какого-либо международного проекта.

7. «Stipend» (амер. «стипендия») – регулярная финансовая выплата студентам, обучающимся на магистерских и PhD программах, которая покрывает текущие расходы.

Необходимо отметить, что и в русском и в английском языках существуют термины, требующие глубокого понимания для корректной интерпретации и перевода. Такие термины обычно могут находиться под одним «зонтиковым» терминообозначением, как это было продемонстрировано на примерах со словом «стипендия». Однако если для русского языка термин «стипендия» не является таким многозначным, то для английского языка он представляет интерес для более детального рассмотрения и изучения каждой словарной статьи в отдельности.

Расхождения, выявляемые при сопоставлении ряда академических терминов, применяемых в вузовской системе, в основном соотносятся с экстралингвистической информацией. Системы высшего образования России, Великобритании и Америки имеют много различий. Соответственно, наименования для обозначения академических реалий будут различными. Данный факт проявляется во всем спектре академических терминов: в морфо-синтаксической структуре, в лексическом составе, в лексико-грамматической структуре терминов английского и русского языков.

Причиной некоторых переводческих несоответствий являются также традиции использования различных языковых единиц в академической сфере. Прежде всего, необходимо отметить, что основными препятствиями в правильности интерпретации терминов английского и русского языков являются формально-семантические характеристики. При сопоставлении терминологических единиц, употребляемых в системе высшего образования, мы обнаружили, что термины данной области могут быть применимы во многих областях научного знания, они обладают полисемантичностью, что ведет к некоторым трудностям и пониманию данных единиц только через контекст. Кроме того, многие термины представляют собой дублеты. Данная семантическая разветвленность, на наш взгляд, позволяет демонстрировать разнообразие языка, но в то же время любая новая лексическая единица создается для какой-то определенной цели. Термин не стремится создавать систему, он всегда моносемантичен, «единственный в своем роде». Поэтому терминологические единицы, создаваемые для определения одного и того же понятия, будут иметь некоторые оттенки «единичности», так как могут быть употреблены только в специальном контексте.

В данной статье были представлены наиболее адекватные варианты переводов академических терминов, которые широко используются в международном вузовском сообществе. При выборе соответствующего академического термина переводчик должен руководствоваться, с одной стороны, понятными для зарубежных специалистов лексическими единицами, а с другой стороны, правильно передавать реалии, существующие в отечественной высшей школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Колесникова Н.И.* Что важно знать о языке и стиле научных текстов // Высшее образование в России. 2010. № 6. С. 143–148.
2. *Граудина Л.К., Ширяев Е.Н.* Культура русской речи : учебник для вузов. М. : НОРМА ИНФРА, 1998. 560 с.
3. *Блинова О.И.* Термин и мотивированность // Терминология и культура речи. М. : Наука, 1981.
4. *Oxford* Advanced Learner's Dictionary. 8th edition. Oxford : Oxford University Press, 2010. 1796 p.
5. *Oxford* Russian Dictionary. 4th edition. Oxford : Oxford University Press, 2007. 1322 p.
6. *Yale* University: Academic Programs, Schools. URL: http://www.yale.edu/schools/index.html (дата обращения: 01.06.2014).
7. *Islamic* Studies Chair is appointed / University of Oxford. URL: http://www.ox.ac.uk/media/news_stories/2009/090730.html (дата обращения: 01.06.2014).
8. *Knox K., Noakes R.* From Newton to Hawking: A History of Cambridge University's Lucasian Professors of Mathematics. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 516 p.
9. *Harvard* University: Faculty of Arts and Sciences. URL: http://www.fas.harvard.edu/pages/what-fas (дата обращения: 01.06.2014).
10. *Columbia* University: Officers of Instruction. URL: http://www.columbia.edu/cu/vpaa/handbook/instruction.html (дата обращения: 01.06.2014).
11. *University* of Cambridge: Schools, Faculties and Departments. URL: http://map.cam.ac.uk/directory (дата обращения: 01.06.2014).
12. *University* of Cambridge: Colleges and Departments. URL: http://www.cam.ac.uk/colleges-and-departments (дата обращения: 01.06.2014).

13. *University* of Cambridge: Department of French. URL: http://www.mml.cam.ac.uk/french/staff/default.html (дата обращения: 01.06.2014).
14. *Durham* University: University Executive Committee. URL: https://www.dur.ac.uk/about/governance/uec (дата обращения: 01.06.2014).
15. *Национальный* информационный Центр по академическому признанию и мобильности. URL: http://www.russianenic.ru/int/agreements/german.html (дата обращения: 01.06.2014).
16. *National* Postdoctoral Association. URL: http://www.nationalpostdoc.org/policy-22/what-is-a-postdoc (дата обращения: 01.06.2014).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 марта 2015 г.

THE PROBLEM OF TRANSLATING RUSSIAN AND ENGLISH ACADEMIC TERMS (THE EXPERIENCE OF THE CENTER FOR TRANSLATION, FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES, TSU)

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 53-58. DOI 10.17223/15617793/394/9

Mitchell Peter J., Marugina Nadezda I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: peter_mitchell@mail.ru; marugina_nadya@mail.ru

Keywords: academic term; translation; interpretation; duplicate meaning of terms; multiple meaning of terms.

In the age of globalization and internationalization of the higher education system, university lecturers and academics are faced with the necessity of translating various materials – from information and advertising texts to research papers – from Russian into English and vice versa. It would seem to be a simple task for a professional, but the problem is that some incorrect translations and inaccurate beliefs about English language realia have become so ingrained in the Russian academic community that even highly-qualified specialists sometimes make mistakes when translating certain academic terms. The paper examines issues of translating academic terms used in academia. The authors focus on problems connected with difficulties of interpreting academic terms, which occur during the translation process. The main obstacle to the correct interpretation of Russian and English academic terms is the dissimilarity between the two systems of education. The authors analyze a range of academic terms used in higher education institutions and come to the conclusion that academic terms have multiple meanings. Many terms have duplicate meanings. These factors lead to confusion in selecting the appropriate term when translating. Moreover, as the analysis shows, a more detailed study of each academic term individually is necessary in order to correct convey its meaning in the target language. The dissimilarities identified during a comparison of a range of academic terms used in academia are mostly connected to extra-linguistic information. The systems of higher education in Russia, Great Britain, and America have many differences. Correspondingly, the names for different academic realia are different. This is shown in the whole specter of academic terms: in the morphological and syntax structure, in the lexical component, in the lexical and grammatical structure of terms in English and Russian. Extra-linguistic information is necessary for the correct interpretation of English and Russian academic terms. Without taking into account the influence of extra-linguistic factors on the appearance and functioning of a lexical item, it is impossible to correctly convey its meaning in the target language. The paper examines in detail terms connected with designations of academic staff, levels of education and academic titles in higher education institutions, stipends, and research fellow positions.

REFERENCES

1. Kolesnikova N.I. Chto vazhno znat' o yazyke i stile nauchnykh tekstov [What is important to know the language and style of academic texts]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, 2010, no. 6, pp. 143–148.
2. Graudina L.K., Shiryaev E.N. *Kul'tura russkoy rechi* [The culture of Russian speech]. Moscow: NORMA INFRA Publ., 1998. 560 p.
3. Blinova O.I. *Termin i motivirovannost'* [Term and motivation]. In: Kogotkova T.S., Skvortsov L.I. (eds.) *Terminologiya i kul'tura rechi* [Terminology and culture of speech]. Moscow: Nauka Publ., 1981.
4. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. 8th edition. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1796 p.
5. *Oxford Russian Dictionary*. 4th edition. Oxford: Oxford University Press, 2007. 1322 p.
6. Yale University: Academic Programs, Schools. Available from: http://www.yale.edu/schools/index.html. (Accessed: 01.06.2014).
7. University of Oxford. *Islamic Studies Chair is appointed.* Available from: http://www.ox.ac.uk/media/news_stories/2009/090730.html. (Accessed: 01.06.2014).
8. Knox K., Noakes R. *From Newton to Hawking: A History of Cambridge University's Lucasian Professors of Mathematics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 516 p.
9. Harvard University: Faculty of Arts and Sciences. Available from: http://www.fas.harvard.edu/pages/what-fas. (Accessed: 01.06.2014).
10. Columbia University: Officers of Instruction. Available from: http://www.columbia.edu/cu/vpaa/handbook/instruction.html. (Accessed: 01.06.2014).
11. University of Cambridge: Schools, Faculties and Departments. Available from: http://map.cam.ac.uk/directory. (Accessed: 01.06.2014).
12. University of Cambridge: Colleges and Departments. Available from: http://www.cam.ac.uk/colleges-and-departments. (Accessed: 01.06.2014).
13. University of Cambridge: Department of French. Available from: http://www.mml.cam.ac.uk/french/staff/default.html. (Accessed: 01.06.2014).
14. Durham University: University Executive Committee. Available from: https://www.dur.ac.uk/about/governance/uec. (Accessed: 01.06.2014).
15. The National Information Center for Academic Recognition and Mobility. Available from: http://www.russianenic.ru/int/agreements/german.html. (Accessed: 01.06.2014). (In Russian).
16. National Postdoctoral Association. Available from: http://www.nationalpostdoc.org/policy-22/what-is-a-postdoc. (Accessed: 01.06.2014).

Received: 27 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 59–65. DOI 10.17223/15617793/394/10

УДК 81'37; 003

Е.Ю. Моисеева

ОБЪЕКТИВАЦИЯ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОШКЕ В ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Рассматриваются наименования растений с компонентом кошка / Katze в русском и немецком языках. Классификация и сопоставление материала проводится с учетом номинационных признаков и мотивировок фитонимов. Отмечаются высокое сходство этнокультурных представлений о кошке в обоих языках, общность номинационных признаков и мотивировок. Выявляются черты, специфические для фитонимики каждого из анализируемых языков.

Ключевые слова: фитоним; зооним; номинационный признак; этнокультурные представления; русский язык; немецкий язык; кошка.

Фитонимы и зоонимы являются одним из наиболее архаичных пластов лексики, отражающих представления человека об окружающем его мире. Исследование данной лексики позволяет выявить этнокультурные особенности восприятия флоры и фауны, характерные для представителей различных этносов (ср., например, исследования на материале селькупского языка: [1–3]).

Отдельный пласт фитонимической лексики образуют наименования растений с компонентом-зоонимом, которые отражают взаимодействие зоонимного и фитонимического кодов. Сопоставительный анализ ботанических наименований, возникших в результате подобного взаимодействия, позволяет выявить этнокультурную специфику и универсальные представления носителей различных языков о том или ином животном, птице, насекомом и т.д. Данная статья посвящена сопоставительному анализу фитонимической лексики русского и немецкого языков, в частности наименованиям растений с компонентом *кошка* / *Katze*. Наиболее эффективным подходом в подобных исследованиях является изучение и сопоставление номинационных признаков фитонимов и выявление мотивировок, обусловивших связь животного кошка с определенным растением.

В фитонимической лексике русского языка было обнаружено 52 фитонима с компонентом *кошка*, в немецком языке число фитонимов, образованных от лексемы *Katze*, в три раза выше и составляет 172 единицы. Фитонимы рус. *кошачий горох* и *кошачий горошек* и т.п. рассматривались не как аллолексы, а как самостоятельные лексические единицы.

Среди номинационных признаков, обнаруженных у исследованных наименований, в первую очередь следует отметить «внешний вид растения или его частей». В русском языке фитонимы с таким номинационным признаком составляют около 44% от общего числа единиц, в немецком – около 73%. Способ номинации данных фитонимов – метафорический перенос, вызванный сходством внешнего вида кошки или частей ее тела с внешним видом растения или его частей. «Кошачьи названия», например, могут получать растения с вытянутыми и шаровидными опушенными соцветиями. Часто это затрагивает растения семейства сложноцветные (Asteracaea): ср. вор. *котык* (мелколепестник острый *Erigeron acris* L.), том. *котик* (пазник крапчатый *Hypochaeris maculata* L.), влад. *котки*, вор. *котовник* (клевер пашенный *Trifolium arvense* L.), рус. *кошечки* (кошачья лапка двудомная *Antennaria dioica* (L.) Gaertn.). В немецком языке указанный номинационный признак представлен не менее обширно: ср. рип. *Kätzle*, *Katt*, нем. *Kätzchen*, *Kätzerchen*, н.-алем. *Busel* (клевер пашенный *Trifolium arvense* L.), гесс. *Kad(se)* (гречишка змеиная *Persicaria bistorta* (L.) Samp.), нем. *Feldkatzen*, *Kätzlein* (жабник *Filago* L., кошачья лапка двудомная *Antennaria dioica* (L.) Gaertn.). В южно-немецких диалектах сравнение с кошкой отражают, кроме того, народные наименования тростника южного (Phragmites australis (Cav.) Trin. ex Steud.), имеющего пышное метельчатое соцветие: н.-алем. *Busel*, *Busili*, *Buselichris*, швейц. *Mau(w)eli*. Наименования растений с соцветием колос, особенно если этот колос достаточно опушен, также могут мотивироваться внешним сходством с кошкой, ее шерстью: ср. нем. *Katt* (рогоз *Typha* L.). Компонент *Katze* в некоторых случаях выступает в качестве уточняющего, например нем. *Kätzlinkraut*, *Katzenklee* (клевер пашенный *Trifolium arvense* L.), люкс. *Kâtzeklee* (язвенник ранозаживляющий Anthyllis vulneraria L.), р.-франк. *Kätzchengras* (лисохвост луговой *Alopecurus pratensis* L.).

Как в русском, так и в немецком языке были обнаружены «кошачьи» названия пушицы (*Eriophorum* L.), данные благодаря внешнему виду многочисленных прицветных чешуек или «пуховок». Однако если в русском языке подобные наименования получил только один вид – пушица влагалищная (*Eriophorum vaginatum* L.): ниж. *котюк*, то в немецком языке метафоризация образа кошки отразилась в наименовании всего рода. Во всех немецких диалектах указанное растение ласково называется кошечкой[1]: н.-нем. *Püesk*, *Püeske(n)gras*, *Püüskes*; тюр. *Heinzewunsen*, *Weinzekätzchen*, *Wuinsekatzen*; бав., алем. *Maukel*, *Katzl*, *Filzkatzl*, *Mooskatzl*, *Maunzerl*, *Fölzmaunln*, *Miezeln*, *graue Katzeln*, *Waugl'n*, *Maunl*, *Mönl*; швейц. *Baueli*, *Bauelgräs*, *Munneli*, *Mimeli*, *Maueli*, *Zizeli*, *Zimeli*, *Bauelblümli*, *Büseli*, *Chätzli*, *Buseli*, *Fäderäbuseli*, *Riedbauseli*, *Riedbuslä*, *Riedbusel*, *Büseligras*, *Bauseli*.

С шерстью кошки могут сравниваться опушенные сережки некоторых деревьев, в русском языке, например, соцветия ивы козьей (*Salix caprea* L.) на начальной стадии развития: том. *котики* [4. С. 149]. В немецком языке наименование нем. *Kätzchen* могут,

кроме ивы, также получать сережки лещины (*Corylus* L.). Благодаря своим нежным голубым цветам фиалка песчаная (*Viola hirta* L.) получила ласковое наименование вор. *котик*.

Отдельные части растения могут ассоциироваться с частями тела кошки. Так, например, сравнение растения с кошачьим хвостом достаточно популярно в немецком языке. Омонимический ряд включает в себя 15 ботанических видов и 6 родов и охватывает весь диапазон диалектов немецкого языка. Причиной сравнения и последующего метафорического переноса может стать характерная форма соцветия следующих видов растений: лещина обыкновенная (*Corylus avellana* L.), кипрей узколистный (*Epilobium angustifolium* L.), щирица хвостатая (*Amaranthus caudatus* L.), буквица лекарственная (*Betonica officinalis* L.), дербенник иволистный (*Lythrum salicaria* L.), марьянник луговой и полевой (*Melampyrum pratense* L., *M. arvense* L.), валериана лекарственная (*Valeriana officinalis* L.), шалфей луговой (*Salvia prantensis* L.), тимофеевка луговая (*Phleum pratense* L.), пустырник сердечный (*Leonurus cardiac* L.), язвенник ранозаживляющий (*Anthyllis vulneraria* L.), и ботанических родов: подорожник (*Plantago* L.), рогоз (*Typha* L.), коровяк (*Verbascum* L.), вероника (*Veronica* L.) и щетинник (*Setaria* Beauv.). С кошачьим хвостом в немецких диалектах сравниваются листья тысячелистника обыкновенного (*Achillea millefolium* L.): люкс. *Katzeschwanz*, м.-франк. *Katzenzohl*, эрцгб. *Katzenschwänzl*, алем. *Katzenschwanzl*, лютика плавающего (*Ranunculus fluitans* Lam.): н.-алем. *Katzenwadel*, и урути (*Myriophyllum* L.): нем. *Kattensteert*, *Kattenschwanz*. Необычным внешним видом стеблей может быть вызвана номинация народных названий хвоща (*Equisetum* L.). В немецких диалектах были обнаружены следующие наименования: нем. *Katzenzagel*, *Katzenwadel*, *Kattstart*, *Kattenstirt*, *Kattensteert*, *Katzenschweifel*, *Katzenwedel*, *Katzenstiel*; снс. *Kattenswanz*; пф. *Katzenzahl*; сил. *Kâtzazoila*.

В русских говорах с кошачьим хвостом могут сравниваться три вида растений: щирица колосистая (*Amaranthus retroflexus* L.) и щирица хвостатая (*Amaranthus caudatus* L.) – том. *кошачий хвост*, а также коровяк черный (*Verbascum nigrum* L.) – петер. *кошаник*, *кошачник*. Однако достаточно обширный омонимический ряд образуют фитонимы с номинационным признаком «сходство внешнего вида соцветий (плодов) с кошачьими яичками». Соцветия клевера пашенного (*Trifolium arvense* L.) и венерина башмачка настоящего (*Cypripedium calceolus* L.) называются ниж. *боровые котовые муды*, вят., пск. *котовы мудишки*, *котовы яички*, *котовые яйца* и том. *кошачьи мудишки* соответственно: ср. «Кошачьи мудишки, они синенькие. <…> Так два листочка, два или три листочка тут вот, а тут мудишки висят» [5. Т. 1. С. 29]. Плодики будры плющевидной (Glechoma hederaceae L.) и фиалки песчаной (*Viola hirta* L.)[2] также обусловили сравнение с соответствующей частью тела кота. Семена астрагала нутового (*Astragalus cicer* L.) заключены в мясистых круглых плодиках, за что растение и получило наименование урал. *котовы яички* [6. С. 56]. В немецком языке был обнаружен только один фитоним с подобной мотивировкой: нем. *Katzenklôt* обозначает бересклет европейский (*Euonymus europaeus* L.) по сходству формы и расположения ягод с соответствующим органом кота.

Примерно одинаковое количество фитонимов в обоих языках отражает сравнение растения с кошачьей лапой. Обычно в основе номинации лежит характерная форма соцветия. Войлочно-опушенный стебель и листья растения часто ассоциируются с шерстью кошки. Наиболее наглядно сравнение проявляется у растения кошачья лапка двудомная (*Antennaria dioica* (L.) Gaertn.). Если посмотреть на собранные в щитковидные соцветия цветки этого растения сбоку, то их внешнее сходство с пальцами кошачьей лапы проявляется особенно отчетливо. Во многих говорах русского языка именно это растение носит название сиб., вят., моск., тамб. *кошачья лапка*, том. *кисачьи лапки*. То же касается и немецких диалектов: ср. нем. *Kattenpootjen*, *rosa Katzenpfoten*, *Katzenpoten*, *Katzenpötchen*, *Kotzapfütla*, *Katzenbrankerl*, *Katzentrappel*, *Katzendäpplein*; тюр. *Katzenpfötchen*; алем. *Katzapfäitschl*; швейц. *Chatzetäpli*, *Chatze(n)-Pfötli*.

Кроме того, в обоих языках отмечен ряд наименований, в которых с кошачьей лапой сравниваются другие растения. В русском языке это крестовник обыкновенный (*Senecio vulgaris* L.), лапчатка серебристая (*Potentilla argentea* L.), тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.) и ястребинка (*Hieracium* L.): ср. «Кошачьи лапки мягкая трава.» (ястребинка) [7. Т. 3. С. 67], «А еще есть такие кошачьи лапки, есть такая небольшая травка. <…> Листья лапки напоминают» (лапчатка) [8. Т. 2. С. 21]. В немецком языке с лапой кошки сравниваются такие опушенные растения, как ястребиночка обыкновенная (*Pilosella officinarum* Vaill.): нем. *Kâtzeföß*, и язвенник ранозаживляющий (*Anthyllis vulneraria* L.): нем. *Katzenbratzerl*, н.-алем. *Katzentopen* и швейц. *Chatzatöpli*, *Chatzedalpi*. Кошачьей лапкой называются белые зонтичные соцветия калины обыкновенной (*Viburnum opulus* L.): нем. *Katzetåbbe* [9. С. 64]. Эвфемистическими следует признать обозначения бересклета европейского (*Euonymus europaeus* L.) нем. *Katzenpfötgen*, *Katzenpfote*, обычно называемого по характерной форме плодов нем. *Katzenhödchen* (см. выше) [Там же. С. 69].

Как в русском, так и в немецком языке мотивировкой некоторых фитонимов может служить сходство частей растения (чаще листьев) с ушами кошки. Листья будры плющевидной (*Glechoma hederaceae* L.) и «мягкие» соцветия клевера пашенного и клевера горного (*Trifolium arvense* L., *T. montanum* L.) послужили мотивировкой для наименования рус. *котовы ушки* [10. Т. 2. С. 466–468]; швейц. *Buseröri* обозначает кошачью лапку двудомную (*Antennaria dioica* (L.) Gaertn.).

В немецком языке большое число растений (9 видов и 2 рода) сравнивается с кошачьими глазами. Метонимический перенос становится возможен благодаря небольшому размеру и симметричной форме цвет-

ка (ср. сходные наименования с использованием компонента *курица* в русском языке [11]). Большинство растений данной группы имеют голубые или пурпурные цветы: ср., например, нем. *Katzanäugla* (очный цвет полевой *Anagallis arvensis* L.), нем. *Kåtzenäugl* (гвоздика-травянка *Dianthus deltoides* L.), нем. *Katzenaugen* (печеночница благородная *Hepatica nobilis* Mill.), люкс. *Katzenâ* (воловик полевой *Anchusa arvensis* (L.) M. Bieb.), м.-франк. *Katzenäugelchen*, н.-алем. *Katze(n)äugle* (незабудка *Myosotis* L.), швейц. *Chatzenäuli* (первоцвет мучнистый *Primula farinosa* L.), тюр. *Katzenauge* (вероника дубравная *Veronica chamaedrys* L.).

Четыре растения имеют неактиноморфный венчик, однако также могут ассоциироваться с кошачьими глазами, возможно, благодаря своему цвету: нем. *Katzenauge* (яснотка стеблеобъемлющая *Lamium amplexicaule* L., нивяник обыкновенный *Leucanthemum vulgare* (Vaill.) Lam.); возможно, кошачий компонент обусловлен не только цветом цветов, но и пристрастием кошек к растению и способностью последнего вызывать у них состояние сильного возбуждения: нем. *Katzena* (котовник кошачий *Nepeta cataria* L.). Наименование рода офрис (*Ophrys* L.) семейства орхидных (Orchidaceae) швейц. *Katzenäugli* представляется слабомотивированным (хотя Х. Марцелл приводит именно номинационный признак внешний вид соцветия [9. С. 47]), поскольку форма и цвет цветка очень отдаленно напоминают глаз, скорее осу или пчелу [12].

В немецком языке встречается несколько единичных наименований, содержащих сравнения с частями тела и различными органами кошки. Плотные крепкие стебли ситника жабьего (*Juncus bufonius* L.), растущие наподобие пучков, сравниваются с кошачьей бородкой: вестф. *Kâterbat*. Цветы таких растений, как пикульник обыкновенный (*Galeopsis tetrahit* L.), яснотка стеблеобъемлющая (*Lamium amplexicaule* L.) и очный цвет полевой (*Anagallis arvensis* L.), сравниваются с кошачьей мордой: нем. *Katzengesicht*, и кошачьей пастью: н.-алем. *Katzenmülele* (очный цвет). Мягкие опушенные стебли и щитковидное соцветие кошачьей лапки двудомной (*Antennaria dioica* (L.) Gaertn.) могут ассоциироваться не только с кошачьей лапой, но и с когтями: ср. нем. *Katzenkrallein* [9. С. 64]. В случае с просвирником незамеченным (*Malva neglecta* Wallr.): нем. *Kattenkrallen*, причиной метонимического переноса выступила загнутая, крючкообразная форма плодиков растения [Там же. С. 68]. Народное название мака самосейки (*Papaver rhoeas* L.) нем. *Katzenmagen* представляется затемненным с точки зрения его мотивировки. С одной стороны, форма и цвет лепестков мака вполне могут послужить основой для сравнения с желудком небольшого животного, однако неясным остается выбор в качестве мотиватора именно кошки. Возможно, фитоним представляет собой искажение народного-этимологического характера, подвергнуться которому вполне мог как первый, так и второй компонент лексемы.

Объективация народных представлений о кошке может осуществляться также посредством поэтической метафоры. Подобные фитонимы отмечены только в немецком языке. Так, одно из народных наименований валерианы лекарственной (*Valeriana officinalis* L.): швейц. *Chatze(n)-Buggel*, указывает, по предположению некоторых лингвистов, на склонность кошек выгибать спину вблизи растения, однако Х. Марцелл считает, что компонент *Buggel* означает не нем. *Buckel* ‘горб’, а является скорее обозначением зонтичных растений, ср. швейц. *Buggel* ‘зонтичные’ [9. С. 99]. С ним сложно не согласиться, так как из-за формы соцветий валериану действительно легко принять за растение семейства зонтичных (в научной ботанической номенклатуре растение относится к семейству валериановых (Valerianaceae) [12]). Еще одна поэтическая метафора отражается в названии стальника (*Ononis* L.): нем. *Katzensperre*, мекл. *Kattenspär*. Сравнение растения с «кошачьим» (т.е. маленьким, неопасным) копьем (нем. *Speer*) возникло благодаря наличию у многих видов стальника небольших шипов [9. С. 12, 141].

Следующим номинационным признаком, который был выделен в рамках исследуемой фитонимической лексики, является «возбуждающее свойство растения / способность растения привлекать кошек». Не только народная фитонимика, но и научная ботаническая номенклатура обоих языков отражает данный номинационный признак. В немецких диалектах «кошачьи» наименования носят три растения: валериана лекарственная (*Valeriana officinalis* L.), котовник кошачий (*Nepeta cataria* L.) и дубровник настоящий (*Teucrium marum* L.). В русском языке подобная мотивировка была обнаружена, кроме того, у народных наименований будры плющевидной (*Glechoma hederaceae* L.), котовника голого (*Nepeta nuda* L.) и полевого салата (*Valerianella locusta* (L.) Betcke).

Обширный омонимический ряд образуют немецкие народные наименования валерианы: нем. *Katzenblume*, *Katze(n)geil*[3], *Kattenkrut*, н.-алем. *Katzenwurzel*, швейц. *Chatze-Wurzel*, *Chatzewürze*, *Chatze-Chrut*. Валериана могла использоваться как средство для удержания кошки в доме [Там же. С. 99][4]. В наименовании нем. *Katzenaugenwurz* содержится указание сразу на два номинационных признака: «привлечение кошек» и «лечебные свойства растения». Иеронимус Бок и Леонхарт Фукс, в частности, пишут о том, что кошки любят нюхать растение и тем самым улучшают свое зрение[5] [Там же. С. 98]. Котовник и дубровник носят в немецких диалектах наименования нем. *Katzenkraut*, *Katzenminze*, *Katze’n-Münz*, швейц. *Chatze(n)-Chrut*, *Chatze-Münz*, нем. *Katzen-Gamander*, которые отражают сходное с валерианой свойство данных растений привлекать кошек.

Русские наименования валерианы несколько превосходят числом немецкие: ср. рус. *каташник*, *кашыр*, *кашнавица*, том., урал. *кошачий корень*, моск. *кошкина*, *кошачья трава*, сиб. *мяун-трава*, *маун*, *аптечный маун*. Синонимичные наименования были также отмечены и у котовников. Котовник кошачий (*Nepeta cataria* L.) носит в народной номенклатуре обозначения рус. *котовик*, *кошачья мята*, *кошки*, *кошачья трава*. Сходный в свойствах вид – котовник

голый (*Nepeta nuda* L.) – обозначается в русских диалектах вор. *кошачник*, урал. *котовик*, *кошачья мята*. Фитонимы рус. *кошачий майоран*, *кошачий марн*, *кошачья трава*, *кошачья мята* обозначают дубровник настоящий (*Teucrium marum* L.). Хотя Н.И. Анненков пишет, что некоторые наименования следует признать калькой с немецкого языка [6. С. 351], нельзя отрицать тот факт, что большинство перечисленных фитонимов имеют именно народное происхождение, поскольку опьяняющее свойство описанных растений является достаточно очевидным.

Будра плющевидная (*Glechoma hederacea* L.) получает в русском языке кошачьи наименования из-за своего мятного запаха [14], благодаря которому растение отождествляется с котовником и дубровником и как бы наследует их свойства: ср. вор. *котовник*, *котовик*, *кошечник*, моск., калуж. *котятник*. Наименование рус. *мауница*, обозначающее полевой салат (*Valerianella locusta* (L.) Betcke), появилось в русском языке ввиду сходства латинского наименования растения с наименованием валерианы (ср. лат. Valerianella и лат. Valeriana). Само растение не обладает способностью возбуждающе действовать на кошек.

Следующая группа наименований является особенно интересной с точки зрения анализа и сопоставления объективирующих представлений о кошке в русском и немецком языках. Мотивировкой ряда фитонимов выступают этнокультурные коннотации, связанные с указанным животным. В целом следует отметить, что отношение к кошке в русской и немецкой культурах неоднозначно. В русской культуре положительные коннотации обычно связаны с кошкой как символом дома и очага: «Кошка да баба в избе, мужик да собака на дворе» [10. Т. 2. С. 467]; «Кто кошку любит, будет жену любить» [15. Т. 2. С. 637]. Кошка оберегает дом от попадания молнии и от воров. Принесение кошки в жертву способствует плодовитости овец, предотвращает падеж скота [15. Т. 2].

В немецкой народной культуре также представлен ряд примеров положительного отношения к кошке. В основном они основаны на представлении о кошке как животном, приносящем счастье, удачу. Принесение кошки в жертву способствует хорошему росту посевов. Кошка защищает дом от попадания молнии и от пожара [16]. Однако в основном и русские, и немецкие этнокультурные представления о кошке носят отрицательный характер, их объем в несколько раз превосходит объем положительных черт, приписываемых этому животному. Кошка выступает как существо нечистое, демоническое, способное принести беду и несчастье. Нечистая сила предстает чаще всего именно в облике кошки. Большое количество немецких примет изображает кошку как вестника смерти. Например, кошка могла принести смерть, если жалобно мяукала возле дома, если умывалась у окна комнаты, где лежит больной, или не хотела покидать его. Также появление в доме чужой кошки означало смерть кого-то из домочадцев [Там же] и т.д.

Подобные народные представления о кошке как существе вредном и опасном, отчасти презрительное отношение к этому животному[6] отразились и в фитонимике обоих языков. В немецком языке «кошачьими растениями» могут называться трудноискоренимые сорняки, иногда не съедобные для животных и человека, например, нем. *Katzengras* (ежа сборная *Dactylis glomerata* L.) и нем. *Katzenkraut* (тысячелистник обыкновенный *Achillea millefolium* L.). Компонент *Katze* указывает также на противопоставление полезных, культурных растений растениям вредным, ядовитым, диким, ср. народное наименование дымянки аптечной (*Fumaria officinalis* L.): нем. *Katzenkörbel*, *Katzenkörblin*, *Kâtzekîrwel*, листья которой похожи на листья купыря (кервеля) (*Anthriscus* (Pers.) Hoffm.), применяемого в кулинарии [9. С. 131]. Ядовитое растение кокорыш обыкновенный (*Aethusa cynapium* L.), которое легко спутать с петрушкой, носит название нем. *Katzenpeterlein*, *Katzepeterli*, швейц. *Chatze(n)-Peterli*. Мята полевая (*Mentha arvensis* L.) и другие дикие виды мяты противопоставляются в немецком языке культивируемой мяте перечной (*Mentha piperita* L.), ср. швейц. *Chatze-Münz*. «Кошачьим» может называться дикий вид ячменя: ячмень мышиный (*Hordeum murinum* L.): нем. *Katzenkorn*; некоторые виды клевера или других растений с низкими кормовыми качествами: нем. *gelber Katzenklee* (клевер полевой Trifolium campestre Schreb.), нем. *Katzenblume* (ветреница дубравная Anemone nemorosa L.), нем. *Kattenblum*, швейц. *Chatze(n)-Blüemli* (маргаритка многолетняя Bellis perennis L.) и швейц. *Chatze(n)-Blueme* (нивяник обыкновенный *Leucanthemum vulgare* (Vaill.) Lam.) [Там же. С. 136]; марьянник полевой (Melampyrum arvense L.) называется «кошачьей пшеницей»: нем. *Katerweizen*. Ядовитость для скота некоторых видов хвоща, в особенности хвоща болотного (*Equisetum palustre* L.) [17], отразилась в наименованиях нем. *Katzenhalm*, *Katzenheu*. Внешняя форма, маленький размер и цвет цветков мышиного гиацинта незамеченного (*Muscari racemosum* Mill.), а также толстые мясистые листья очитка едкого и белого (*Sedum arce* L., *S. album* L.), краснеющие осенью, в шутку сравниваются с виноградом, однако не настоящим, а «кошачьим»: ср. н.-алем. *Katzentrübele* и нем. *Kattendruve*, *Katzentrübel*, *Katzentreublin*, *Katzentreübel männlin* (*S. acre* L.), *Katzentreübel weiblin* (*S. album* L.) соответственно.

Некоторые растения получают презрительные «кошачьи» обозначения ввиду схожести своего сока или плодов с продуктами питания, например, фитоним нем. *Kattenmiälk* обозначает молочай (*Euphorbia* L.), ядовитый млечный сок которого противопоставляется полезному коровьему молоку (ср.: [10. Т. 2]). Несъедобные плоды просвирника незамеченного (Malva neglecta Wallr.) и утолщенное цветоложе козлобородника лугового (*Tragopogon pratensis* L.) после облетания плодов-семянок называют «кошачьим сыром»: нем. *Katzekäsel*, *Kattenkaese*, *Kattenkees*, *Kattenkäsz* [9. С. 144–145].

В русском языке негативное отношение к кошке проявляется в наименованиях растений, которые крепко цепляются к одежде человека и шерсти животных, т.е. «поведение» растения сравнивается с поведением кошки. Такие фитонимы, как перм. *котовик*

(гравилат речной *Geum rivale* L.), пенз., вор. *кошечник* (липучка оттопыренная *Lappula squarosa* (Retz.) Dumort., шалфей луговой *Salvia pratensis* L.), том. *кошка* и моск., пенз. *кошки* (подмаренник цепкий, п. ложный *Galium aparine* L., *G. spurium* L., репешок аптечный *Agrimonia eupatoria* L., череда поникающая, череда трехраздельная *Bidens cernua* L., *B. tripartita* L.), отражают указанные свойства данных растений, часто их плодов. Плоды репешка волосистого (*Agrimonia pilosa* Ldb.) по тем же причинам называются в томском говоре *кошки* [4. С. 149]. Противопоставление диких, ядовитых растений растениям культурным, полезным объективируется в русском языке так же, как и в немецком. Например, вех ядовитый (*Cicuta virosa* L.) носит наименование рус. *кошечник*, *кошачья петрушка*, *кошачья мята*; плоды астрагалов (*Astragalus* L.), сходные с плодами гороха посевного (*Pisum sativum* L.), однако дикие и не употребляемые в пищу, именуются том. *кошачий горох*, *кошачий горошек*, *кошачий горач*.

В исследуемом материале было обнаружено несколько фитонимов, номинационный признак которых определен как «игровое применение растения». В русском языке фитонимов с подобной мотивировкой выявлено не было. В немецком языке отмечено два таких фитонима. Так, подорожник (*Plantago* L.) носит названия нем. *Katzestühlche*, *Katzestuhl*, н.-алем. *Katze(n)stege(n)*, поскольку дети плетут из его гибких стеблей стульчики или лесенки для кошки. В Эльзасе, например, существует следующая детская считалка: *D' Katz ge(h)t d' Steg nuf, lugt zum öwerstn Lade(n) nus* ‘Кошка поднимается вверх по лесенке, кладет в верхний ящичек орех’. При этом ребенок, отсчитывая по одной ступеньке, как бы передвигается снизу вверх по сплетенной им лесенке [9. С. 141].

Ряд «кошачьих» наименований в русском и немецком языках следует признать искажениями или результатом народной этимологии. В русском языке, к примеру, не поддается объяснению мотивировка таких наименований, как сиб. *кошачье мыло* (чернокорень лекарственный *Cynoglossum officinale* L.), моск., калуж. *кошечки* (будра плющевидная *Glechoma hederaceae* L.), рус. *кошики* (первоцвет весенний *Primula veris* L.), рус. *кошкина*, *кошачья дрема* (купальница европейская *Trollius europaeus* L.) и курск. *кошачья трава* (скерда кровельная *Crepis tectorum* L.). Названия клевера пашенного (*Trifolium arvense* L.) моск. *кошкина*, *кошачья трава* и волог. *котятник* следует признать кальками немецкого наименования данного растения: ср. нем. *Kätzchen*, *Kätzlinkraut*.

В немецком языке не проясненной остались этимология и мотивировка следующих кошачьих наименований: нем. *Katzekerwel* (подорожник средний Plantago media L.), нем. *Katzenleuterlein*[7] (плаун булавовидный Lycopodium clavatum L.) и нем. *Kattenwocken*, вестф. *Kattenrocken* (хвощ Equisetum L.).

В заключение следует отметить, что, несмотря на существенную разницу в количестве фитонимов с компонентом *кошка* / *Katze* в русском и немецком языках (52 и 172 единицы соответственно), вызванную диалектной разобщенностью немецкого языка, номинационные признаки и этнокультурные представления о данном животном в целом совпадают у носителей обоих языков.

Такие номинационные признаки, как «внешний вид растения и его частей» (со специфичным для «кошачьих» наименований признаком «опушенность листьев / цветов / стебля») и «свойство растения привлекать кошек», отмечены у фитонимов обоих языков. Образ кошки объективируется посредством метафоры (в том числе поэтической). В русской и немецкой фитонимике отражаются негативные представления о кошке как опасном существе, способном принести несчастье или смерть. Такого рода мотивировка присутствует в наименованиях опасных и ядовитых растений. Презрительное отношение представителей немецкого и русского этносов к кошке прослеживается в наименованиях бесполезных, диких, трудноискоренимых растений и сорняков.

В немецком языке были, кроме того, обнаружены два фитонима с номинационным признаком «игровое применение растения». Мотивировка ряда фитонимов в обоих языках осталась непроясненной, что является, по-видимому, следствием искажений народно-этимологического характера или ошибки составителей ботанических словарей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Фитонимы образованы с использованием диалектных уменьшительно-ласкательных обозначений кошки.

[2] Возможен также метонимический перенос по внешнему сходству нижних лепестков соцветия.

[3] Последний компонент отражает свойство валерианы вызывать у кошек сексуальное возбуждение, а также стремление котов пометить растение [9. С. 98–99], ср. одно из значений лексемы нем. *geil* согласно Толковому словарю немецкого языка (Дуден): «gierig nach geschlechtlicher Befriedigung, vom Sexualtrieb beherrscht, sexuell erregt» [13]. Сходные свойства были ошибочно приписаны синюхе голубой (Polemonium caeruleum L.), ранее именовавшейся лат. Valeriana graca [9]. Фитоним нем. *Chatzaseich*, где нем. *Seich* ‘моча’, также отражает стремление котов пометить растение [9. С. 78].

[4] Die Katze liebt den Geruch des Baldrians und wird von den Leuten dadurch in einem Hause festgehalten.

[5] «In Summa / Baldrian ist ein edel augenwurtzel / ganz nützlich zum blöden gesicht / das mag man bei den Katzen warnemmen / wie dann etliche sonder erfarnuss damit haben»; «Katzenkraut vnnd Augenwurtzel genennt / darumb das die katzen die wurtzel dises krauts gern riechen / vnd ihre augen darmit sterken».

[6] Ср. лексемы нем. *Katzenglaube* ‘суеверие’, *Katzensilber* и *Katzengold* ‘слюда’ [9. С. 127].

[7] То есть *Leiterchen* ‘лесенка’. Как правило, с лесенкой сравниваются параллельно расположенные сегменты перисто-рассеченного ланцетовидного листа, напоминающие ступеньки (например, листья тысячелистника обыкновенного (Achillea millefoium L.)), однако в данном случае мотивировка остается неясной.

СОКРАЩЕНИЯ

алем. – алеманнский; бав. – баварский; вестф. – вестфальский; влад. – владимирский; волог. – вологодский; вор. – воронежский; вят. – вятский; гесс. – гессенский; калуж. – калужский; курск. – курский; люкс. – люксембургский; м.-франк. – мозель-франкский; мекл. – мекленбургский; моск. – московский; н.-алем. – нижнеалеманнский; н.-нем. – нижненемецкий; нем. – немецкий; ниж. – нижегородский; пенз. – пензенский; перм. – пермский; петер. – петербургский; пск. – псковский; пф. – пфальцский; р.-франк. – рейнско-франкский; рип. – рипуарский; рус. – русский; снс. – северонижнесаксонский; сиб. – сибирский; сил. – силезский; тамб. – тамбовский; том. – томский; тюр. – тюрингский; урал. – уральский; швейц. – швейцарский; эрцгб. – эрцгебиргский.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карманова Ю.А.* Наименования птиц отряда воробьинообразных в селькупском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 10 (125). С. 76–80.
2. *Сахарова О.В.* Наименование дерева и ягоды «черемуха» в селькупском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 8 (86). С. 146–149.
3. *Полякова Н.В.* Дерево сквозь призму языка и культуры селькупов // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2013. Вып. 5. С. 140–142.
4. *Арьянова В.Г.* Словарь названий частей растений: говоры Среднего Приобья. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2010–2011. С. 149.
5. *Арьянова В.Г.* Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1 : А–К. Томск : Изд-во том. гос. пед. ун-та, 2006. С. 29.
6. *Анненков Н.И.* Ботанический словарь. СПб., 1876. 646 с.
7. *Арьянова В.Г.* Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 3 : У–Я. Словник. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. С. 67.
8. *Арьянова В.Г.* Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 2 : Л–Т. Томск : Изд-во том. гос. пед. ун-та, 2007. С. 21.
9. *Marzell H.* Die Tiere in deutschen Pflanzennamen: Ein botanischer Beitrag zum deutschen Sprachschatze. Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1913. 235 s.
10. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2 : И–О. М. : Изд. группа «Прогресс» ; Универс, 1994. С. 466–468.
11. *Моисеева Е.Ю.* Фитонимы с компонентами КУРИЦА, ПЕТУХ в народной и научной ботанике русского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. Вып. 4 (6). С. 13–20.
12. *Определитель* растений on-line [Открытый атлас сосудистых растений России и сопредельных стран]. URL: http://www.plantarium.ru/ (дата обращения: 25.09.2014).
13. *Duden*. Deutsches Universalwörterbuch. 7, überarbeitete und erweiterte Auflage. Zürich : Dudenverlag Mannheim, 2011. S. 688.
14. *Будра* плющевидная [Иллюстрированная энциклопедия «Лекарственные травы России»]. URL: http://www.e-pitanie.ru/lekarstvennie_travi/budra.php (дата обращения: 26.09.2014).
15. *Славянские* древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2 : Д–К (Крошки). М. : Междунар. отношения, 1999. С. 637–639.
16. *Handwörterbuch* des deutschen Aberglaubens. Hrsg. unter besonderer Mitwirkung von E. Hoffmann-Krayer und Mitarbeit zahlreicher Fachgenossen von Hanns Bächtold-Stäubli. Bd. 4 : HIEBFEST – KNISTERN. Berlin und Leipzig : Walter de Gruyter & Co., 1931–1932. S. 1107–1124.
17. *Хвощ* полевой [Народная медицина: рецепты и методы лечения при помощи народной медицины]. URL: http://www.oldmed.ru/sprav/45.html (дата обращения: 26.09.2014).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 февраля 2015 г.

OBJECTIVIZATION OF FOLK NOTIONS OF CAT IN RUSSIAN AND GERMAN PHYTONYMICAL LEXICON

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 59-65. DOI 10.17223/15617793/394/10

Moiseeva Elizaveta Yu. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: egyptcat17@gmail.com

Keywords: phytonym (plant name); zoonym (animal name); nominational feature; ethno-cultural notions; Russian; German; cat.

A number of plant names derive from animal names and demonstrate thereby the crossing of zoonimycal and phytonymical codes of language. The article deals with a comparative analysis of phytonymical lexicon in Russian and in German, in particular, of Russian and German plant names derived from the noun *koshka* / *Katze* 'cat'. The analysis is based on the comparison of nomination features and motivations of the mentioned plant names, which determine the interconnection of animal "cat" and particular plants. There are 52 plant names with the element *koshka* 'cat' in Russian. German phytonyms derived from the noun *Katze* 'cat' count 172 names. Among the nomination features, which were identified during the study, the first one to note is "habitus of plant / plant part". The way to nominate such phytonyms is a metaphorical transfer, caused by the habitus similarity of a cat or parts of its body and a plant or its parts, e.g. Swiss *Baueli*, *Bauelgräs* 'pussy cat, pussy cat grass' (Eriophorum L.), Tomsk *koshachiy khvost* 'cat's tail' (Amaranthus caudatus L.), and many other. Also some plant names can be identified as a poetic metaphor, e.g. Meckl. *Kattenspär* 'cat's spear' (Ononis L.). The next nomination feature is "stimulant property of plant / attraction of cats by plant". There are three species named according to this motivation in German and six species with such names in Russian, e.g. Ger. *Katzenblume* 'cat's flower', Moscow *koshkina, koshach'ya trava* 'cat's herb' (Valeriana officinalis L.), etc. Some phytonyms are motivated by ethno-cultural notions of cat. Russian and German traditional cultures show an ambiguous attitude toward the animal, nevertheless the studied plant names explicate only negative notions. The idea of a cat as a mischievous and dangerous creature as well as a contemptuous attitude to the animal were discovered in the names of wild, useless, poisonous and dangerous plants, often weeds, e.g. Ger. *Katzengras* 'cat grass' (Dactylis glomerata L.), Perm. *kotovik* 'cat plant' (Geum rivale L.), Russ. *koshach'ya petrushka* 'cat parsley' (Cicuta virosa L.), etc. There were also discovered three phytonyms in German with the nomination feature "plant as a part of game": Ger. *Katzestühlche*, *Katzestuhl*, Low Alem. *Katze(n)stege(n)* (Plantago L.). Children cane flexible plantain stems into little chairs and ladders for a cat. A number of plant names derived from the noun *cat* should be recognized as corrupt or reanalyzed forms. There are nine such phytonyms in Russian and four phytonyms in German. The reasons for motivational uncertainty of these names could vary from changes like folk etymology up to mistakes made by authors of botanical dictionaries.

REFERENCES

1. Karmanova Yu.A. Names of perching birds in the Selkup language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, is. 10 (125), pp. 76–80. (In Russian).
2. Sakharova O.V. Denominations of a bird cherry tree and a bird cherry in the Selkup language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2009, is. 8 (86), pp. 146–149. (In Russian).
3. Polyakova N.V. Derevo skvoz' prizmu yazyka i kul'tury sel'kupov [The tree in the language and culture of the Selkups]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*, 2013, is. 5, pp. 140–142.
4. Ar'yanova V.G. *Slovar' nazvaniy chastey rasteniy: govory Srednego Priob'ya* [Dictionary of parts of plants: the Middle Ob dialects]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2010–2011, p. 149.
5. Ar'yanova V.G. *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya* [Dictionary of the Middle Ob phytonyms]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2006. V. 1, p. 29.
6. Annenkov N.I. *Botanicheskiy slovar'* [Botanical Dictionary]. St. Petersburg, 1876. 646 p.
7. Ar'yanova V.G. *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya* [Dictionary of the Middle Ob phytonyms]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2008. V. 3, p. 67.
8. Ar'yanova V.G. *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya* [Dictionary of the Middle Ob phytonyms]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2007. V. 2, p. 21.
9. Marzell H. *Die Tiere in deutschen Pflanzennamen: Ein botanischer Beitrag zum deutschen Sprachschatze*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1913. 235 p.
10. Dahl V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Progress Publ., Univers Publ., 1994. V. 2, pp. 466–468.
11. Moiseyeva E.Yu. "Hen" and "cock" in folk and academic botanical terms in Russian. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, is. 4 (6), pp. 13–20. (In Russian).
12. The determinant of plants on-line [Open atlas of vascular plants of Russia and neighboring countries]. Available from: http://www.plantarium.ru/. (Accessed: 25.09.2014). (In Russian).
13. Duden. *Deutsches Universalwörterbuch*. 7, überarbeitete und erweiterte Auflage. Zürich: Dudenverlag Mannheim, 2011, p. 688.
14. *Budra plyushchevidnaya* [Boudreau hederacea]. Available from: http://www.e-pitanie.ru/lekarstvennie_travi/budra.php. (Accessed: 26.09.2014).
15. Tolstoy N.I. (ed.) *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 v.]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1999. V. 2, pp. 637–639.
16. *Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens*. Hrsg. unter besonderer Mitwirkung von E. Hoffmann-Krayer und Mitarbeit zahlreicher Fachgenossen von Hanns Bächtold-Stäubli. Bd. 4: HIEBFEST – KNISTERN. Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter & Co., 1931–1932, pp. 1107–1124.
17. *Khvoshch polevoy* [Horsetail]. Available from: http://www.oldmed.ru/sprav/45.html. (Accessed: 26.09.2014).

Received: 20 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 66–73. DOI 10.17223/15617793/394/11

УДК 83.371

Е.В. Трубникова

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ ФРАЗОВЫХ И РУССКИХ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Описываются английские фразовые и русские префиксальные глаголы как единицы, сходные в структурном и семантическом планах. В работе рассматривается способность составляющих компонентов данных единиц (послелога и префикса) трансформировать исконное пространственное значение, увеличивая семантический потенциал глагольной единицы в целом. На примере фразового глагола с послелогом over и глагола с префиксом пере- анализируется одна из моделей образования отпространственной семантики в русском и английском языках.

Ключевые слова: префикс; послелог; фразовый глагол; префиксальный глагол; пространство; пространственная семантика.

По мнению современных лингвистов, «язык стал изучаться не только как уникальный объект, рассматриваемый в изоляции, но в значительной мере и как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» [1. С. 9]. В связи с этим возник особый интерес к исследованию языковых единиц, отражающих первичные и вторичные пространственные отношения, поскольку данные единицы хранят сведения об осмыслении и концептуализации человеком окружающей действительности. Обращение к анализу подобных языковых явлений в сопоставительном аспекте представляется научно продуктивным.

Целью данной работы является обоснование возможности изучения семантических преобразований пространственных смыслов русских приставочных и английских фразовых глаголов с позиций когнитивной лингвистики. Указанные глаголы представляют собой особые пласты глагольной лексики в сопоставляемых языках. Выбор для исследования этих единиц обусловлен сходным принципом их структурной организации: основной глагол + пространственно-направительный элемент (соответственно префикс в русском языке и послелог в английском языке). Префиксы и послелоги являются инструментами передачи прямой пространственной семантики, которые способны выражать и иные, не пространственные смыслы. На основе сложившихся у носителей языка пространственных представлений (прежде всего о верхе и низе определенного пространства) со временем возникают иные представления: о временных пределах, количественных показателях и т.п. Анализ семантики указанных единиц позволит выявить особенности формирования отпространственных глагольных значений [2], проследить направления трансформации пространственной семантики русского и английского глагола.

Категория пространства является универсальной для всех лингвокультур, однако данная категория наряду с универсальными признаками обладает и специфическими чертами, которые характерны для ее осмысления представителями той или иной культуры, что вызвано разными направлениями когнитивной проработки пространственных параметров. В процессе накопления человеком знаний об окружающем мире его взгляды на пространство усложняются, на их основе рождаются новые смыслы, прямо или опосредованно связанные с пониманием пространства, что находит отражение в языке. Представление о пространстве варьируется в зависимости от модели мира, характерной для определенной языковой общности в целом и находящейся под влиянием природных, социальных, культурных и иных факторов. Это представление характеризует то, как человек воспринимает и осмысляет окружающий мир. Различия в интерпретации пространства, имеющиеся у представителей разных языковых культур, могут быть связаны с разными взглядами на него. Содержание категории пространства является объектом исследования разных областей знания, в современной науке рассматриваются физические, биологические, ментальные, социальные и другие параметры пространства. Нас прежде всего интересует лингвистический аспект описания рассматриваемой категории, который «может быть представлен как совокупность способов языкового выражения сущности философского и физического аспектов. Мир представляется человеку в реальностях пространства и времени и определяется не только в философских и логических формах, но также и в языке» [3. С. 202]. С позиций когнитивной науки пространство рассматривается как в разной степени геометрически концептуализированное (Л. Талми, Р. Лангакер, Б. Ли и др.). При этом «виденье ситуации в разных ракурсах или же в разной перспективе зависит от того, что в зависимости от личностных установок человека в фокусе его внимания оказываются разные детали, или же компоненты ситуации» [4. С. 91]. Это происходит оттого, что человек «воспринимает и членит действительность, так сказать, неравномерно: какая-то информация является для него базовой, исходной, а какая-то – новой, наиболее значимой в настоящий момент» [5. С. 289].

Описанию пространства, вариантам его концептуализации и языковой реализации посвящен ряд исследований функционального и когнитивного плана, среди которых следует отметить исследование поля локативности в рамках теории функциональной грамматики, теорию ментальных пространств Ж. Фоконье, топологическую семантику Л. Талми, а также исследования, освещающие общие и частные вопросы, касающиеся категории пространства (см. работы Е.С. Кубряковой, В.Г. Гака, В.А. Плунгяна, Е.В. Рахилиной, Г.И. Кустовой и др.). Несмотря на различие

аспектов исследования указанного объекта, объем и содержание привлеченного для анализа материала, их объединяет идея взгляда на первичность пространственных значений в языке, их исконность.

Во второй половине XX в. категория пространства явилась одним из объектов последовательного описания языка в рамках Теории функциональной грамматики. Функционально-семантическое поле локативности «трактуется как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и вместе с тем как функционально-семантическое поле, которое охватывает разноуровневые средства данного языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений» [6. С. 5]. Следует отметить, что средства выражения пространственных отношений многообразны: это могут быть единицы, так или иначе отражающие протяженность субстанции, связь двух субстанций и т.п. При этом для выражения категории пространства в языке существуют определенные средства, для которых передача локативных смыслов является первичной функцией. К ним следует отнести пространственную лексику (глаголы движения, перемещения, нахождения в пространстве; наречия места), «местные» падежные окончания, пространственные предлоги и именные и глагольные префиксы [Там же. С. 12–13]. Отметим, что, развиваясь, пространственная семантика этих единиц может трансформироваться, «в силу вступает действие когнитивных операций, в результате которых создается более сложная семантическая структура, в которой функциональный компонент может подавлять пространственный. В особенности это относится к семантической эволюции глагольных префиксов, прошедших, как и значительное большинство предлогов, путь развития значений от пространственных к непространственным (темпоральным, квалификационным и др.)» [7. С. 203].

Подтверждением сказанного является семантика английских фразовых и русских префиксальных глаголов, которые представляют собой единицы, обладающие не только формально-структурным сходством элементов (глагол + префикс / послелог), но и семантическим. Сопоставление подобных единиц способно, на наш взгляд, отобразить особенности построения и модификации глагольной семантики в вербальных представителях аналитических и синтетических языков. Семантика данных единиц складывается исходя из законов каждого языка и способов языкового представления окружающего мира, однако для обоих языков характерны семантические преобразования первичной пространственной семантики во вторичные значения глагольных единиц. В фокусе данного исследования находятся английские послелоги и русские глагольные префиксы как структурно-содержательные компоненты английских фразовых и русских приставочных глаголов.

Отметим, что, прежде всего, префиксы и послелоги являются средствами выражения пространственных значений. На основе сложившихся в человеческом опыте пространственных ориентиров носитель языка может далее осмыслять мир, используя эти ориентиры для создания на их базе иных значений. Как показывает анализ, и русские префиксы, и английские послелоги способны участвовать в создании концептуальных и языковых модификаций. Так, определенные компоненты глагольной семантики кодируются не глагольным корнем, а выражаются посредством набора служебных средств (префиксов, послелогов и т.д.): например, направление перемещения может маркироваться русской приставкой или английским послелогом: *вз-лететь – fly up* (приставочный компонент русского глагола и послелог английской единицы соотносятся со значением «движение, направленное наверх»), *вы-ехать – drive out* (приставка и послелог вносят значение «действие, направленное изнутри наружу»), а также *подбирать – pick up* (приставка *под-* указывает на значение «действие, направленное снизу вверх», а послелог *up* соотносится со значением «верх, верхний предел чего-либо») и т.д. В результате приставочные и фразовые глаголы отражают специфику представлений носителей соответствующих языков о пространстве, так как данные единицы отражают разный принцип номинации действия и демонстрируют особенности выражения этих представлений посредством релятивных единиц морфемного (в русском языке) и неморфемного (в английском языке) уровней.

Как и большинство языковых единиц, отражающих базовый уровень категоризации, глагольная лексика с прямой пространственной семантикой подвергается переосмыслению, «модели, обычно выражающие пространственные отношения, могут приспосабливаться для передачи значений иного рода, выполняя свои вторичные функции» [6. С. 5], при этом функции носителей пространственных значений (падежных окончаний, предлогов, префиксов и т.п.) расширяются, обретая вторичные (непространственные) значения. Несмотря на то что системы пространственных ориентаций в русском и английском языках во многом совпадают, частные пространственные значения способны переосмысливаться и интерпретироваться в разных языках по-разному.

История описания русского приставочного глагола насчитывает несколько веков, она представлена работами М.В. Ломоносова, Н.П. Некрасова, Н. Греча, Г. Павского, К.С. Аксакова, А.А. Потебни и др., а также современными дериватологическими, аспектологическими, функциональными и когнитивными исследованиями глагола. М.А. Кронгауз делит современные исследования в области глагольного приставочного словообразования на работы «парадигматического» и «синтагматического» планов [8]. Первые, как правило, сконцентрированы на семантическом устройстве одной приставки либо на области приставочного словообразования в целом. Работы второго плана – синтагматического – включают в себя семантическое взаимодействие приставки с глагольной основой и с контекстом в целом. Оба научных направления пересекаются между собой как в объекте исследования, так и в результатах: описаны общие и частные значения русских префиксов, структурно-семантические типы префиксальных гла-

голов, процессы формо- и словообразования русского глагола и т.д.

На современном этапе приставочный глагол рассматривается как языковая единица, значение которой складывается на базе структурного и семантического взаимодействия ее составляющих – префикса и глагольной основы. Как и у всех производных единиц, у префиксального глагола есть ряд своих семантических особенностей: с одной стороны, приставки призваны семантически дополнять глагол, вносить в него новые смыслы и даже «маркировать отдельные ситуации в семантической структуре производного глагола» [9. С. 81], с другой стороны, в ряде случаев «значение приставки не осознаётся носителями языка потому, что это значение совпадает с обобщённым лексическим значением глагольной основы, которая поглощает лексическое значение префикса» [10. С. 11]. В этой связи встает вопрос о семантической сущности префикса как связанной единицы.

Семантика префиксов, прежде всего, соотносима с соответствующими предлогами (в основном это пространственные значения), с другой стороны, значения приставок оказываются значительно шире, чем пространственные значения. Это вторичные значения префиксов, которые, в отличие от первичных значений, представляются более абстрагированными от конкретного действия и могут быть истолкованы как создающие определенную семантическую рамку глагола, «одновременно самостоятельную и связанную с глагольной основой, в эту рамку можно вставить то или иное глагольное содержание, соотносимое с ней семантически» [11. С. 120]. В этом заключается сложность в изучении префиксов как релятивных единиц языка: «...значение приставки представляет собой многоуровневую систему, а функционирование приставки может быть описано как грамматика сочетаемости элементов этой системы с глагольными основами и контекстами, причем сочетаемость в основном семантически мотивирована» [12. С. 34]. Такой взгляд на глагол делает описание приставки не менее важным, чем описание самого глагола, предполагает анализ всех возможных трансформаций ее значения как семантического корректора глагольной единицы.

Аналогичную картину развития глагольной семантики демонстрируют английские фразовые глаголы, которые представляют собой большой, активно развивающийся пласт лексической системы английского языка. «Человек, даже не являясь носителем английского языка, может овладеть фразовыми глаголами именно потому, что они представляют собой не хаотичное множество лексем, как может показаться, а систему, для которой свойствен определенный порядок, в которой выделяются неслучайные взаимосвязанные тенденции» [13. С. 21]. Фразовый глагол состоит из базового (основного) глагола *set, put, make* и др. и послелога (частицы) *down, up, over* и т.д. (термин «частица» (particle) употребляется преимущественно в работах зарубежных лингвистов, в то время как в отечественном языкознании этот термин обозначает несколько иной класс служебных слов). Фразовые глаголы являются часто употребляемыми в письменной и в устной речи. Данные единицы представлены в разных функциональных стилях и оказываются более предпочтительными в сравнении с аналогичными в семантическом плане глаголами латинского происхождения (*to find out – to discover* и т.д.) [14. С. 129]. При этом, как и русские префиксальные единицы, фразовые глаголы пополняют лексическую систему языка не только за счет создания новых единиц, но и за счет семантического развития уже имеющихся единиц языка.

В отличие от русских приставочных глаголов, история изучения фразовых единиц английского языка не столь длительна. Проблема описания фразовых глаголов начинается уже с определения самого термина, обозначающего глаголы типа *stand up, go through, come in* и т.д., для которых в лингвистике существует ряд определений: «фразовые глаголы (“phrasal verbs”), глагольные фразы (“verbal phrases”), сложносоставные глаголы (“compound verbs”), мультисловные глаголы (“multiword verbs”), глаголы с послелогами (“postpositional verbs”), конструкции, содержащие глагол и частицу (“verb-particle constructions”) и т.п.» [15. С. 99]. В силу сложившейся традиции термин «фразовые глаголы» является на данном этапе более употребительным.

О статусе второго компонента в составе фразового глагола у исследователей также нет однозначного мнения, его называют предлогом, препозитивом (это не соответсвует действительности, так как он является вторым компонентом в глаголе), наречием (Е.А. Зоненшейн, П. Робертс, Р.В. Пэнс, Д.В. Эмери), предложным наречием (А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова, В.Н. Макеенко) или предлогообразным наречием (В.Н. Ярцева), постпозитивом (И.П. Иванова), частицей (Р. Куирк, С. Гринбаум), наречной частицей (Л.И. Зильберман, И.А. Грузинская), адвербиальным послелогом (И.Е. Аничков) [16. С. 333]. В данной статье мы обозначаем второй компонент фразового глагола термином «послелог» (англ. postposition) и рассматриваем его как относительно зависимый от глагола и модифицирующий его семантику компонент.

Следующая проблема в описании фразовых глаголов заключается в определении семантического единства, идиоматичности этих единиц. А.В. Кунин считает, что глаголы типа *give in, give up, let on, take in* и т.д. являются особого рода сращениями, которые свойственны только английскому языку. Рассуждая над статусом второго компонента, ученый приводит высказывание А.И. Смирницкого: «Если в каком-либо языковом образовании АВ единица А (или В) есть часть слова, то и единица В (или А) есть по меньшей мере слово, т.е. либо слово, либо более сложное образование… фразеологическая единица или даже свободное словосочетание, но никак не часть слова» [17. С. 363]. Поэтому А.В. Кунин утверждает, что второй компонент бесспорно является словом [18. С. 390].

Дискуссионным остается вопрос и о влиянии семантики второго компонента на значение фразового глагола. Некоторые исследователи считают, что при соединении с глаголом послелог теряет свое значение, оно сливается со значением глагола, т.е. в целом са-

мостоятельное значение данного компонента отрицается (И.Е. Аничков, Дж. Поуви и др.). С.Е. Гурский считает, что при взаимодействии с глаголом предлог должен иметь определенное значение, иначе не существовало бы смысла его присоединять [19. С. 17]. При этом основной функцией послелогов фразовых глаголов признается функция модификации лексических значений глаголов [13. С. 33]. Ю.А. Жлуктенко считает второй постпозитивный компонент глагола постпозитивной приставкой, «частью аналитического слова, морфемой, обладающей абстрагированным функциональным значением и являющейся основным средством внутриглагольного словообразования», которая по функции и свойствам аналогична префиксу [20. С. 112].

В когнитивных исследованиях, объектом которых являются фразовые глаголы, можно проследить еще одну аналогию с русскими приставочными глаголами: значения послелогов рассматриваются как системные, до определенной степени анализируемые [21. С. 146] и отражающие особенности концептуальной системы человека [Там же. С. 143]. В результате исследователи приходят к выводам, что послелоги имеют особое самостоятельное значение, регулярно повторяющееся, которое они способны вносить в различные глагольные комбинации. Например, послелог *up* способен вносить значение «завершение, окончание» в глаголах *drink up – выпить до дна, eat up – съесть все, break up – прекращать*, послелог *off* – значение «препятствования, отграничения» в глаголах *block off – закрывать, cut off – отрезать, wall off – отгораживать,* послелог *down* – семантику «завершения» в глаголах *break down – разрушать, close down – закрывать*, *hunt down – поймать* и т.д. [Там же. С. 157].

В основе фразового глагола, как и в основе префиксальной единицы, лежит компрессия смысла, при которой базовое значение конкретизируется добавочным релятивным компонентом, появляется новое значение, которое «отрабатывается» в контексте и уже потом закрепляется в языке. При этом и фразовые, и префиксальные глагольные единицы репрезентируют особую когнитивную модель, на основе которой исконное значение единицы преобразуется и переходит в иную смысловую сферу. Такие модели могут совпадать и варьироваться в разных языках как на уровне когнитивного осмысления, так и на уровне языкового воплощения.

Для нас принципиально важным является то, что послелоги (изначально наречия, предлоги, частицы), как и приставки, имеют исконные пространственные значения, которые способны в дальнейшем развиваться, рождая совместно с глаголом новые смыслы. Глагол и послелог (как и префикс) «подстраиваются друг под друга, изначально совпадая по какому-либо одному концептуальному признаку или ряду признаков» [15. С. 100]: *drink up, eat up, gobble up* (объединяющая идея – завершенность); *spread out* – разбросать, *stretch out* – протягивать, растягиваться (о времени) (объединяющая идея – протяженность в пространстве) [15]. То же можно утверждать и в отношении русских приставочных глаголов (при этом в гораздо большей мере, чем у английского глагола, так как приставка при всей способности обладать собственной семантикой является связанной, служебной морфемой). Например, основное значение приставки *раз-* сводится к значению «разделение с одновременным движением в разные стороны от центра к периферии». Оно базируется на пространственных ориентирах действия, которые способны трансформироваться в иные параметры благодаря взаимодействию приставки с глагольной основой. Так, разделение объекта действия может расцениваться сознанием человека как нарушение целостности объекта, а следовательно, уничтожение результата предшествующего действия (при этом значение префикса характеризуется как «уничтожение ранее произведенного действия»): *размагнитить, раздумать, разлюбить*. Объект в данном случае может мыслиться не только как конкретный, но и как абстрактный: *разлюбить* – «перестать любить», нарушить целостность действия «любить», «расстаться» с объектом любви и т.д.

Сказанное дает основание полагать, что сопоставительный анализ английского фразового и русского приставочного глагола выявит не только особенности формирования их семантики (с присоединением префикса / послелога), но и позволит сопоставить особенности содержания, передаваемого этими единицами, на концептуальном уровне (т.е. специфику концептуальных структур, стоящих за префиксом / послелогом и глаголом в целом), и описать специфику представления пространственной семантики в русском и английском языках в сфере обозначения действия и направления ее трансформации.

Далее подробнее остановимся на анализе английского фразового глагола *bring over* (в значении «переубедить») и русского префиксального глагола *переубедить* с целью выявления когнитивных особенностей формирования отпространственных смыслов в их семантике. При этом стоит отметить, что и английский послелог *over*, и русский префикс *пере-* являются инструментами передачи пространственной семантики. Наряду с послелогами *up, on* и префиксами *на-, над-, вз-* указанные единицы являются выразителями семантики верхнего пространственного ориентира.

В русском префиксальном глаголе приставка *пере-*, несмотря на широкий круг значений (разделение чего-либо надвое; перевес, превосходство в каком-либо действии; прекращение действия как результат его длительного или сильного проявления и т.д.), в целом пересекающихся со значениями послелога *over* (нахождение или движение над чем-л., движение через что-л., изменение положения, переворачивание, переход из вертикального положения в горизонтальное и т.п., повторение и т.д.), в своем первичном значении обозначает «действие, названное мотивирующим глаголом, направить из одного места в другое через предмет или пространство» [22. С. 365]. В глаголе *переубедить* префикс характеризуется значением «повторно, заново, иногда по-новому, иначе совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [Там же].

Пространственное значение приставки *пере-* – «окончание перемещения субъекта / объекта от одно-

го пункта до другого по кратчайшему измерению пространственного ориентира по кратчайшей прямой» [23. С. 178] (например, *переехать, переплыть, перепрыгнуть* и т.д.). При этом прямое пространственное значение префикса *пере-*, способное включать сему «поперек и поверх» (*перелезть, перекинуть*), порождает пространственную семантику выхода за границы по верху за пределы какого-либо ориентира, изменения местоположения и т.д. (например, *перелить* воду из одного стакана в другой). Так, исконная пространственная семантика в данном случае переосмысляется и порождает значение «изменить место расположения объекта», которое (в силу отнесенности глагола *убедить* к ментальной сфере) включает в себя и значение «изменить содержание информации». В содержании данного глагола, подобно пространственному движению от одной точки к другой, происходит «вытеснение» одной информации, которая появилась в процессе первичного «убеждения», и появление на ее месте другой.

Таким образом, приставка реализует свою семантику «повторно, заново, по-новому» благодаря взаимодействию с глаголом *убедить* («заставить поверить чему-нибудь») и вносит значение появления чего-то (в данном случае информации), диаметрально противоположного тому, что было раньше и обозначалось мотивирующим глаголом. Действие, названное единицей *переубедить,* представляет в какой-то мере ситуацию «перенести какие-либо новые убеждения в прежнее ментальное пространство». Отметим, что в английском языке послелог *over* также способен передавать подобную русской приставке значение «повторно, заново, по-новому».

Кроме того, в русском глаголе *переубедить* приставка *пере-* вносит в глагол семантику «достижение какой-то определенной точки при определенном отправном пункте, а затем возвращения к нему». То есть в данном случае этим отправным пунктом является состояние, маркируемое глаголом *убедить*: без начального состояния «убеждения» действие «переубеждение» произойти не может, в результате при совершении действия, обозначаемого глаголом *переубедить*, происходит возврат к уже существовавшему состоянию «убеждения», но в ином качестве, с иным результатом. В английском глаголе с послелогом *over* траектория развития семантики представляется несколько иной.

Что касается английского послелога *over,* то в глаголе *bring over* он реализует значение «положение по другую сторону чего-либо; по ту сторону, за, через» [24. С. 511]. Единицу *bring over (переубедить)* можно рассматривать как представление мышления в виде биполярной системы координат (по аналогии с физическим пространством), где *over* маркирует перенесение убеждения как некоего объекта за некую ментальную границу со сменой качества действия. Пространственная модель, отраженная в семантике послелога *over,* а именно перемещение через что-либо, используется для передачи ментальной семантики. При этом концептуальная схема послелога, по которой движущийся объект достигает препятствия, а затем его преодолевает (сверху, через некую верхнюю точку), применяется и для выражения непространственных (в данном случае ментальных) смыслов. Представляется показательным выражение *привлечь на свою сторону* (т.е. переубедить), которое отражает ту же модель представления отпространственной семантики и указывает на положение объекта / субъекта по разные стороны чего-то.

Расхождения в семантике сопоставляемых глаголов можно объяснить, обратившись к пространственным конфигурациям фоны и фигуры (в терминологии Л. Талми), которые в данном случае в русском и английском языках не совпадают. Фигура – это движущийся или потенциально движимый предмет. Фон – это неподвижный предмет, являющийся точкой отсчета для движения, на его основе рассматриваются действия фигуры [25. С. 156]. Анализ семантики приставочных и фразовых глаголов посредством выявления конфигурации фона и фигуры позволяет продемонстрировать своеобразие формирования глагольного смысла в разных языках.

В русском языке действие «переубедить» реализует следующую схему: фигура движется от фона, возвращаясь к нему в новом качестве (возможно, есть смысл говорить о появлении фигуры № 2, так как это процесс убеждения в чем-то новом), при этом пространственный ориентир «сверху» в данном значении оказывается нейтрализованным. В английском языке глагол показывает, что фигура может находиться по две стороны от фона-рубежа (это точка убеждения и точка переубеждения), через который она переходит в результате совершенного действия. При этом в качестве определенного рубежа может выступать некоторое внутреннее сопротивление субъекта действия, его нежелание менять свою точку зрения на находящуюся на противоположной стороне его убеждений, т.е. действие *переубеждения* нужно перенести через это сопротивление.

Данные расхождения свидетельствуют о различных представлениях носителей языка о процессе переубеждения и, следовательно, о наличии в данных языках разных моделей формирования семантики рассматриваемых глаголов, несмотря на наличие сходного исконного пространственного значения компонентов. Различия в интерпретации данных действий вызваны тем, что за ними стоит разная когнитивная модель осмысления данной ситуации.

Префикс *пере-* помимо компонента повторности действия имеет значение «движение выше и поперек объекта», сходное со значением послелога *over*. В целом русский префикс *пере-* способен передавать значение, идентичное значению послелога *over*. Однако, несмотря на сходство указанных значений английских и русских единиц, говорить о регулярности языковых соответствий не всегда возможно. Значение «повторно, заново совершить действие», характерное для префикса *пере-*, как правило, в английском языке передается не послелогом *over*. В качестве средств передачи данной семантики выступают префикс *re-* и наречие / послелог *again*. (*rewrite – переписывать, do again – переделывать* и т.д.).

Таким образом, в английском языке существуют иные глагольные средства выражения повторности действия. Что же касается смыслового оттенка повторяемости действия в семантике глагола *переубедить*, то он также находит отражения в английском аналоге *bring over*. Однако, как уже отмечалось, в данном случае носители той или иной языковой общности выделяют различные аспекты действия при его интерпретации и вербализации. Необходимо отметить, что в данном случае проявляется связанный характер префикса: при присоединении префикса *пере-* к глаголу происходит их взаимовлияние; в то время как послелог *over* оказывается более самостоятельным и не утрачивает полностью первичной пространственной семантики.

Итак, английский послелог и русский префикс вносят в семантическую структуру соответственно фразового и приставочного глаголов определенное значение пространственной направленности, способное влиять на семантику основного глагола, модифицировать его, при этом ограничиваются рамки глагольного содержания за счет указания на пространственные ориентиры действия, и эти ориентиры переосмысляются применительно к иной смысловой сфере (в данном случае ментальной). Английские фразовые глаголы и русские приставочные глаголы, имеющие в своем составе пространственно-направительный элемент, делают возможным обозначение действия на основе существующей в языке пространственной модели, однако результаты применения этой модели в языках, как показывает представленный анализ, не всегда совпадают.

Стоит отметить, что русские префиксальные и английские фразовые глаголы – это особые глагольные единицы, способные передавать как первичные (пространственные), так и вторичные (отпространственные) смыслы. Сходная структурная организация данных единиц (глагол + пространственно направительный элемент) и потенциал формирования отпространственных смыслов делают возможным сопоставление указанных единиц при изучении смысловых модификаций пространственных значений в русском и английском языках и описании особенностей восприятия и осмысления носителями данных языков такой базовой категории, как пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
2. *Королева Ю.В.* Категория пространства и способы ее трансформации в языке (на материале русских глагольных префиксов) // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина [и др]. ; отв. ред. З.И. Резанова. Томск, 2007. С. 188–226.
3. *Ачкасова Т.Д.* Особенности языкового структурирования пространства // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 1. С. 202–203.
4. *Кубрякова Е.С.* О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 84–93.
5. *Рахилина Е.В.* Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 274–323.
6. *Теория* функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А.В. Бондарко [и др.]. СПб., 1996. 229 с.
7. *Королева Ю.В.* Категория пространства и способы ее трансформации в языке (на материале русских глагольных префиксов) // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина [и др]. ; отв. ред. З.И. Резанова. Томск, 2007. С. 188–226.
8. *Кронгауз М.А.* Исследования в области глагольной префиксации: современное положение дел и перспективы // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997. С. 4–28.
9. *Лебедева Н.Б.* Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 262 с.
10. *Соколов О.М.* О значении и функциях русских глагольных префиксов // Труды Томского государственного университета. 1964. С. 8–19.
11. *Королева Ю.В.* Полипрефиксальные глаголы в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 233 с.
12. *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы: грамматика сочетаемости // Семиотика и информатика. 1995. Вып. 34. С. 32–57.
13. *Богданова С.Ю.* Концептуализация и реконцептуализация пространственных отношений : на материале английских фразовых глаголов : дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2007. 350 с.
14. *Бохач Н.А.* Английские фразовые глаголы как средство развития иноязычной коммуникативной компетенции студентов 1 курса языкового вуза // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 15. С. 129–132.
15. *Самигуллина А.С.* В многомерном пространстве фразовых глаголов // Вестник Башкирского университета. 2006. Т. 11, № 4. С. 99–101.
16. *Рахматуллина Д.Э.* Референциальные особенности английских предлогов с фразовыми глаголами в высказывании с семантикой временного следования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6–2. С. 333–337.
17. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. 440 с.
18. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. Дубна : Феникс+, 2005. 488 с.
19. *Гурский С.Е.* Глагольные сочетания типа go out, melt away в современном английском языке. Львов : Изд-во Львов. гос. ун-та им. И. Франка, 1975. 183 с.
20. *Жлуктенко Ю.А.* О так называемых «сложных глаголах» типа stand up в современном английском языке // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 105–113.
21. *Kovacs E.* The Traditional vs. Cognitive Approach to English Phrasal Verbs // Электронная библиотека Elektronikus pereodika. Hungary, 2007. URL: http: //epa.oszk.hu/02100/02137/00022/pdf/EPA02137_ISSN_1219-543X_tomus_16_fas_1_2011_141-160.pdf (дата обращения: 25.03.2013).
22. *Русская* грамматика : в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
23. *Волохина Г.А., Попова З.Д.* Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1993. 196 с.
24. *Новый* англо-русский словарь / В.К. Мюллер, В.Л. Дашевская, В.А. Каплан и др. М. : Русский язык, 1998. 880 с.
25. *Скребцова Т.Г.* Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000. 202 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 марта 2015 г.

SPATIAL SEMANTICS OF ENGLISH PHRASAL AND RUSSIAN PREFIXAL VERBS: COMPARATIVE ASPECT

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 66-73. DOI 10.17223/15617793/394/11

Trubnikova Elena V. Tomsk State University. (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kondrushinaev@gmail.com

Keywords: prefix; postposition; phrasal verb; prefixal verb; space; spatial semantics.

A special interest for man's perception of the surrounding reality and its reflection in a language is characteristic of modern linguistics. Language units that reflect perception of the basic categories can be regarded as an instrument for research of this vision of the world. Understanding by native speakers of the notion of space, one of the basic categories of cognition, can be expressed through verbal lexicon. Russian prefixal and English phrasal verbs are the special layers of verbal lexicon of these languages. The prefix and the postposition can add meanings to the semantics of a verb that are connected with primary spatial orientations *(perceptions of space)* in various ways. Regardless of a similar structure (main verb + spatial directing element), prefixal and phrasal verbs are not always identical in terms of conveying a meaning – they actualize ideas of space from the perspective of the native speaker. Despite the multiple works by Russian and foreign researchers in the field of primary (as a rule, spatial) and secondary (post-spatial) semantics, the issue of formation of the specified meanings in the sphere of the verb as well as the study of the nominative features of the Russian prefixal and English phrasal verbs is still of current importance. Studying the process of formation of meanings for these units allows one to give answers to questions about the principles of modeling the perception of spatial orientations by Russian and English native speakers and about further development of the units with spatial semantics. With the aid of the research materials about the category of space and the specifics of the Russian prefixal and English phrasal verbs, this article provides justification for the research of ways of semantics formation from the perspective of cognitive linguistics. An example to this is the analysis of the Russian prefixal verb *pereubedit'* (to change someone's mind) and of the similar English phrasal verb *bring over*. Divergences in the principles of interpretation of spatial characteristics of action and their reflection in the semantics of an English phrasal and a Russian prefixal verb show the distinction between Russian and English native speakers' understanding of the process of "overpersuasion", different cognitive bases for the nomination of the specified action and, therefore, the existence in these languages of different models of semantics formation of the units under consideration on the basis of primordial spatial values.

REFERENCES

1. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Towards learning about language: Parts of speech with a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p.
2. Koroleva Yu.V. *Kategoriya prostranstva i sposoby ee transformatsii v yazyke (na materiale russkikh glagol'nykh prefiksov)* [Category of space and ways of its transformation in a language (based on Russian verbal prefixes)]. In: Rezanova Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: spatial patterns in the language and text]. Tomsk: UFO Plus, 2007, pp. 188–226.
3. Achkasova T.D. Osobennosti yazykovogo strukturirovaniya prostranstva [Features of linguistic structuring of space]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, no. 1, pp. 202–203.
4. Kubryakova E.S. *O ponyatiyakh mesta, predmeta i prostranstva* [The concepts of space, object and space]. In: Arutyunova N.D., Levontina I.B. (eds.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, pp. 84–93.
5. Rakhilina E.V. Kognitivnaya semantika: istoriya, personalii, idei, rezul'taty [Cognitive semantics: history, personalities, ideas and results]. *Semiotika i informatika – Semiotics and Informatics*, 1998, is. 36, pp. 274–323.
6. Bondarko A.V. et al. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Lokativnost'. Bytiynost'. Posessivnost'. Obuslovlennost'* [The theory of functional grammar: Location. Being. Possession. Condition]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1996. 229 p.
7. Koroleva Yu.V. *Kategoriya prostranstva i sposoby ee transformatsii v yazyke (na materiale russkikh glagol'nykh prefiksov)* [Category of space and ways of its transformation in a language (based on Russian verbal prefixes)]. In: Rezanova Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: spatial patterns in the language and text]. Tomsk: UFO Plus, 2007, pp. 188–226.
8. Krongauz M.A. *Issledovaniya v oblasti glagol'noy prefiksatsii: sovremennoe polozhenie del i perspektivy* [Research in verbal prefixes: current status and prospects]. In: Krongauz M.A., Paillard D. (eds.) *Glagol'naya prefiksatsiya v russkom yazyke* [Verbal prefixation in Russian]. Moscow: Russkie slovari Publ., 1997, pp. 4–28.
9. Lebedeva N.B. *Polisituativnost' glagol'noy semantiki (na materiale russkikh prefiksal'nykh glagolov)* [Poly-situational character of verbal semantics (based on the Russian prefixed verbs)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1999. 262 p.
10. Sokolov O.M. O znachenii i funktsiyakh russkikh glagol'nykh prefiksov [On the meaning and functions of Russian verbal prefixes]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1964, pp. 8–19.
11. Koroleva Yu.V. *Poliprefiksal'nye glagoly v russkom yazyke*: dis. kand. filol. nauk [Poly-prefixal verbs in the Russian language. Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2003. 233 p.
12. Krongauz M.A. Pristavki i glagoly: grammatika sochetaemosti [Prefixes and verbs: grammar of compatibility]. *Semiotika i informatika – Semiotics and Informatics*, 1995, is. 34, pp. 32–57.
13. Bogdanova S.Yu. *Kontseptualizatsiya i rekontseptualizatsiya prostranstvennykh otnosheniy: na materiale angliyskikh frazovykh glagolov*: dis. d-ra filol. nauk [Conceptualizing and reconceptualizing spatial relations: on the material of English phrasal verbs. Philology Dr. Diss.]. Irkutsk, 2007. 350 p.
14. Bokhach N.A. Angliyskie frazovye glagoly kak sredstvo razvitiya inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii studentov 1 kursa yazykovogo vuza [English phrasal verbs as a means of foreign language communicative competence development in first-year university students]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 15, pp. 129–132.
15. Samigullina A.S. In multidimensional space of phrasal verbs. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2006, v. 11, no. 4, pp. 99–101. (In Russian).

16. Rakhmatullina D.E. Referentsial'nye osobennosti angliyskikh predlogov s frazovymi glagolami v vyskazyvanii s semantikoy vremennogo sledovaniya [Referential features of English prepositions with phrasal verbs in statements meaning temporal sequence]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2009, no. 6–2, pp. 333–337.
17. Smirnitskiy A.I. *Morfologiya angliyskogo yazyka* [English Morphology]. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1959. 440 p.
18. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [The course of modern English language phraseology]. Dubna: Feniks+ Publ., 2005. 488 p.
19. Gurskiy S.E. *Glagol'nye sochetaniya tipa go out, melt away v sovremennom angliyskom yazyke* [Verbal combinations like 'go out', 'melt away' in modern English]. L'vov: L'vov. State University Publ., 1975. 183 p.
20. Zhluktenko Yu.A. O tak nazyvaemykh "slozhnykh glagolakh" tipa 'stand up' v sovremennom angliyskom yazyke [On the so-called "compound verbs" like 'stand up' in the modern English language]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1954, no. 5, pp. 105–113.
21. Kovacs E. *The Traditional vs. Cognitive Approach to English Phrasal Verbs*. Hungary, 2007. Available from: http://epa.oszk.hu/02100/02137/00022/pdf/EPA02137_ISSN_1219-543X_tomus_16_fas_1_2011_141-160.pdf. (Accessed: 25.03.2013).
22. Shvedova N.Yu. (ed.) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 v.]. Moscow: Nauka Publ., 1980. V. 1, 783 p.
23. Volokhina G.A., Popova Z.D. *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verbal prefixes: semantic struture, system relations]. Voronezh: Voronezh State University Publ., 1993. 196 p.
24. Myuller V.K., Dashevskaya V.L., Kaplan V.A. et al. *Novyy anglo-russkiy slovar'* [New English-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1998. 880 p.
25. Skrebtsova T.G. *Amerikanskaya shkola kognitivnoy lingvistiki* [The American School of Cognitive Linguistics]. St. Petersburg: Anatoliya Publ., 2000. 202 p.

Received: 27 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 74–78. DOI 10.17223/15617793/394/12

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 130.33

А.И. Бобков

СОЦИАЛЬНАЯ ЛИМИНАЛЬНОСТЬ И СКОНСТРУИРОВАННАЯ ЭТНОАРХАИКА: РАЗЛИЧИЕ СМЫСЛОВ

Проводится философский анализ процесса дезактуализации лиминальных практик в современных незападных обществах и замены последних на этноархаические конструкты социального безволия этноса. Подробно рассматривается механизм объективации незападных этносов как фактор господства ксенократических структур через замену лиминальности на этноархаическую праздность.

Ключевые слова: лиминальность; этноархаика; антиструктура; ксенократия; социальная субъектность; этническое самосознание; миф; смысл этнического.

Духовный кризис социума, предложенный как основа для анализа социальной сущности религиозного опыта, является на сегодняшний день очевидным для одних и надуманным для других. Эта двойственность восприятия является объективной характеристикой данного словосочетания.

Если один приспособился к состоянию изменения духовных ценностей или даже к их исчезновению, то другой не может с ним смириться в связи с тем, что вместе с духовными ценностями утрачивается смысл многих форм человеческой деятельности и сами эти формы исчезают. Как показывает современная ситуация господства социальной симуляции, исчезновение этих форм приводит к состоянию потери способности видеть в основании тех или иных социальных феноменов воплощение мыслительной деятельности. Мы в очередной раз сталкиваемся с тем, что водораздел мысли проведен не там, где он должен быть проведен. Исток одних социальных форм дан в одном месте, а исток других – в другом. Чтобы не быть голословным, в качестве примера приведем тот факт, что такой социальный субъект, как этнос, создается больше благодаря эмоциям, нежели работе мысли. Этнос действительно не укладывается в рациональные схемы, не позволяет себя анализировать с целью долговременных прогнозов. Но это вовсе не значит, что мыслительная деятельность в создании образа этнического самосознания отсутствует.

Однако «засечь» эту деятельность не представляется возможным в силу того, что она скрывается за привычными оценками этнического самосознания как некоего агрессивного и подавляющего феномена. Страх не порождает мысли, а несет разрушение, безумие, социальную деградацию. Конечно, следует согласиться с А.С. Панариным в том, что подавляющий характер носит этноархаика, но ведь это более поздний конструкт западной мысли, предусматривающий этничность как экзотику, а не конкурента на поле истории. Можно сказать, что этноархаика есть этничность без самосознания, этничность без мысли. Этноархаика – это желание понравиться чужому, т.е. поставить наше этническое «мы» на то место, которое указали «они». Нахождение в этом месте через одобрение и есть смысл снижения конкуренции в пространстве интеллектуальных проектов истории. Указанное «нам» место или подход к нему и есть методология работы с неевропейским этносом в современных условиях. Конечно, нельзя не заметить и положительного значения этноархаики, ее потенциала сопротивления политике аккультурации. Вместе с тем уповать на то, что она не является манипулятивным конструктом, тоже не стоит. Здесь необходимо согласиться с мнением В.М. Хачатурян, утверждающей: «…нужно учитывать, что оживающие “остатки” архаики не могут быть полностью тождественны собственно архаическим культурным феноменам и представляют собой их модифицированные под влиянием цивилизации версии (например, дериваты или аналоги)» [1. С. 59].

Здесь важно заметить, что этноархаический образ «мы» легко позволяет расстаться со значимостью собственной мыслительной культуры, но не позволяет обрести понимание смысла иной. Следует заметить, что этноархаика не есть этническое мышление, потому что последнее подвергает сомнению рациональное структурирование социального бытия как единственного акта освобождения мышления субъекта.

Мысль этноса можно понимать как уход от рациональной структуры в сторону лиминальности. Рациональное провозглашает лиминальность как практику неприятия мира, как отсутствие смысла. Однако справедливости ради следует отметить, что любая работоспособная структура есть лишь закрепление лиминальных практик в иерархическом ранге. Любая структура есть эксплуатация лиминальной идеи, с одной стороны, и недопущение ее продолжения – с другой. Этническое самосознание метафизического характера есть, наоборот, продолжение того социосозидающего смысла, который был утрачен в результате процесса легитимации социальной структуры.

При лиминальном дискурсе этнического самосознания последнее направлено на поиск идеи, открытой «до нас» нашими предками и даже переданной нам, но в связи с внедрением рациональных форм мировоззрения не обнаруженной. Невозможность обнаружения пришла не сразу, более того, она пришла в результате «расколдовывания мира» (М. Вебер). В данном контексте под ним следует понимать лик-

видацию возможности обретения иного смысла лиминальных практик, кроме экзотического. Их театральный дискурс подавляет их функцию передачи смысла социального.

Лиминальность с этой точки зрения может выступать как предотвращение превосходства структуры над функцией. Как практика предотвращения превращения собственной элиты в ксенократическую.

Примечательно то, что такая угроза отчуждения элиты от собственного народа осознавалась человечеством очень давно. В антропологическом смысле она заключалась в привитии герою комплекса вины перед племенем за контакт с чужаками, пусть даже и враждебный.

Иначе с рационализированным универсальным миром. Здесь налицо опережение одних и «запаздывание» других. Причину этого запаздывания многие исследователи искали и находили в том, что лиминальные практики отвлекают внимание социума от усвоения универсальных социальных норм. Рационализация социального порядка направлена не на равноправие, а на закрепление недопущения обнаружения нелегитимности рациональной структуры господства и подчинения.

Смысл лиминальности и заключается в том, что она основана на практике разрушения структуры с целью возвращения экстатического состояния самобытности. Самобытие является в данном контексте конечным смыслом истории, а его отрицание – лишь временным тупиковым состоянием, отличающимся большими социальными жертвами. Ведь любая структура вертикального характера предусматривает вытеснение одних или принесение их в жертву. Часто эта жертвенность символична, но ее последствия реальны. Если прибегать к терминологии Ж. Бодрийара, то это «смерть социального».

Поэтому в условиях рационализации этнического следует говорить о двух элитах. Одна из них латентна, а другая публична. Одна структурирует и рационализирует все вокруг для того, чтобы господствовать как можно дольше, а другая незаметно возобновляет лиминальные практики с демонстрацией невозможности социотворения без них. Она латентна. Ее незаметное действие позволяет говорить о ее отсутствии с точки зрения социальной реальности нелиминального характера.

Скрытая элита – это элита, занятая вопросом о том, как не допустить утраты этнической субъектности. Утрата этнической субъектности в данном случае может трактоваться как смена генезиса этнического с социального мышления на экзотическое чувство. Этноархаика и начинается тогда, когда этничность возникла сама собой или из-за страха перед другим. Она легко модернизируется, когда страх пред ксенократией или перед этническим самоубийством сменяется мифологемой их отмены.

Хитроумная гримаса истории в данном контексте заключается в том, что этноархаический тип этнического самосознания таит в себе снятие агрессивности окружающего мира, спокойствие дифференциации и симуляцию любви чужого. Иначе говоря, гнет социальной вертикали или иерархии растворяется в экстатическом единении с чужаком, которое до этого было невозможно.

Видимо, следует признать очевидным тот факт, что структура возникает не как насилие над «своими», а как снятие тревожности со стереотипа «мы – они». С чужим можно праздновать, ему можно репрезентировать свои лучшие качества, предварительно подвергнутые ревизии.

Ревизия осуществляется путем предложения систематизированной, теоретической модели заимствованного характера, отличающейся неким порядком и рациональностью. Этнос в них обходится без многих социальных практик, до этого воспитывающих доминанту национального характера и воплощающих его наличие. Комплекс вины за жизнеустройство этнического космоса на самобытных началах, «комплекс неучастия в истории» порождает многочисленные структуры. Их первооснова и заключается в том, что они снимают его. Этноархаика – одна из форм снятия этих комплексов.

Секрет успеха этноархаики, на наш взгляд, заключается в том, что она очень четко отвлекает от сути подлинной этнической субъектности. Эта суть в контексте антиструктурного социального анализа заключается в контроле над механизмами социального признания с применением иного масштаба к оценке их состояния. Этот масштаб исторически более широк, нежели масштаб, предлагаемый в контексте этноархаики. Последствия борьбы со структурой здесь оцениваются не как историческое недоразумение, а как обозначение присутствия этнического самосознания как первоосновы творения социума.

При этом становится очевидным, что этноархаика – это результат изменения процесса осмысления этнического самосознания. Взгляд на него переходит с метафизического на индивидуально-критический уровень. При этом материалистическое, вещное мировоззрение требует отказа от многих идей, составлявших основную суть нормального этнического бытия. Например, идея реализации этнического самосознания в истории становится неактуальной и признается искажением ее смысла. Вместе с тем любая попытка доказать обратное признается политически экстремистской или противоречащей общечеловеческим ценностям.

Общество должно быть тотально структурировано и избегать цивилизационной самобытности. Самобытность же этничности в том, что она способствует временному поддержанию чувства потребности в поглощении коллективом. Главное – не дать этническому самосознанию путем лиминальных практик засечь факт того, что этноархаика является признаком наличия паразитирующей элиты. Что она позволяет симулировать единение с народом и воспринимать последнее не как необходимость политического развития социума, а как некое политическое мероприятие, проводимое от случая к случаю. Не случайно, что в условиях этноархаических праздников «единение» с народом происходит по явно чужому сценарию.

Лиминальность выводит из состояния приспособления в состояние осмысления. Она позволяет до-

биться торжества социальной справедливости здесь и сейчас, в то время как этноархаика настаивает на ее невозможности. Невозможность справедливости в этноархаическом дискурсе заключается не в том, что она невозможна на самом деле, а в том, что она сознательно путается с равенством, в то время как речь идет о братстве. Братство в данном случае воспринимается как социальная необходимость интеграционного начала. Этноарахаика не допускает понимания смысла братства в вытеснении чужого. Она похищает смысл, творя миф о братстве как опошляющей уравниловке. Поэтому индивидуальное сознание любого человека, глядя с такой позиции, предпочтет безобидную этноархаику лиминальности.

Теперь следует более подробно разобраться с естественным характером лиминальности и с искусственным – этноарахаики. Всякое естественное состояние социума предполагает успешную реконструкцию социального развития без присутствия некой чуждой силы. Оно есть причастность к открытию социальных закономерностей здесь и сейчас. Такое открытие позволяет совершить отказ от «данайских» даров, ибо выявляет смысл последних в качестве искажающих или замещающих социальные закономерности.

Лиминальность и есть тот взгляд на социум, когда обнаруживается различие между структурами естественного социального происхождения и структурами привнесенными. Их связь с иной социокультурной почвой позволяет выявить их смысл как укрепляющих господство чужаков. Лиминальность нарушает догму о том, что без этих структур общество обойтись не в силах, ибо оно теряет историческую субъектность. С другой стороны, лиминальность как раз восстанавливает этническое самобытие и ту субъектность, которая была потеряна.

Другой (чужой) вытесняется лиминальностью на периферию социума, а этноцентрум восстанавливает свой господствующий смысл. Лиминальность обнаруживает начало этнической десубъективации и искусственность этнического безволия. Следует отметить, что лиминальность не расправляется с чужаком, она предлагает ему ассимилироваться, а не ассимилировать. Важно отметить тот факт, что лиминальность в первую очередь сосредоточена не на могуществе другого (чужака), а на собственных практиках принятия его даров и непонимании их смысла в момент этого принятия.

Ответим на вопрос «Почему лиминальность уступает этноархаике?». Причина этой уступки в том, что лиминальное социальное действие определяется как действие заблудшего разума, подверженного воздействию мифа. При этом миф понимается как альтернатива логосу. Миф создает бессилие и безволие человека, он сеет страх. В связи с этим лиминальная практика как исчезновение структуры этот страх усугубляет. Структура же наоборот является практикой изменения мировоззрения, т.е. лишения страха некой почвы.

Учитывая потребность в неком возврате в прошлое, структура предлагает некий симулякр лиминального действия, коим и выступает этноархаика. При этом постоянно идет акцентуация внимания субъектов на том, что погружение в бессмысленную лиминальность – это удовлетворение потребности отличаться, но отличаться безвредно. Этноархаика позволяет массе убеждать себя в том, что никакого похищения практик социотворения не было. Легкое возращение под власть структуры убеждает массу в том, что лиминальные акты, представленные в этноархаическом ритуале, не несут иного измерения братства, чем братство праздное.

Следует отметить, что такое понимание лиминальности, скорее всего, произошло в результате цензуры лиминальных ритуалов со стороны некоего социального субъекта, коему лиминальные практики явно мешали занять господствующее положение. Ему следовало доказать невозможность мышления в рамках лиминального космоса. Поэтому сначала в Европе лиминальность разрушал католик, а потом ее стал разрушать буржуа. Ему необходимо было интегрировать на основе рационального, а лиминальность иррациональна, поэтому он настаивает на ее неопределенности.

Справедливости ради отметим, что уничтожить лиминальность не удалось, но запретить искать в ней смысл – вполне. Обряды инициации нового времени, столь очевидно несправедливые, стали приемлемыми, когда историчность этноса была определена как тотальная несвобода. История была поделена на нетворческое существование и творческое пробуждение.

Теперь для большинства нет сомнения в том, что любое разрушение устойчивой структуры бессмысленно и вызывает в человеке лишь необузданные инстинкты. Однако мало кто различает лиминальное разрушение социальной структуры и этноархаическое. Разница между ними в том и состоит, что первое направлено на разрушение структур, возникших после второго этноархаического разрушения, отличающегося как раз господством тех самых необузданных инстинктов толпы.

Почему мы так строго различаем данные процессы? Все дело в том, что лиминальные практики носят ярко выраженную направленность на зависимость бытия конкретной общности от ритуалов перехода конкретного человека, выполненных с невероятным напряжением его интеллектуальных и эмоционально-волевых качеств. Эти ритуалы не вызывают ни малейшего желания их симулировать, так как содержат репрезентацию последствий симуляции. Субъект, пытающийся их симулировать, сразу подвергается отторжению, становясь чужаком или «не человеком».

Практики этноархаические предусматривают тотальное человеческое существование, они снимают проблему чужого при помощи установления банкротства антитезы «свое – чужое». Смысл «своего» раскрывается как некое пережитое состояние заблуждения. Антиструктуры лиминального характера признаются неконкурентоспособными заблуждениями, не несущими смысла бытия конкретного индивида и конкретного общества в целом.

Усомнившись в смысле традиционных коллективных практик построения антиструктур, субъект уже стремится к тому, чтобы сделать размышления над их существованием неактуальными. Если же результат

этих размышлений все-таки наличествует, то его сразу сравнивают с теми ксенократическими образцами, где он заранее определен как заблуждение, лишающее его носителя шанса на социальный успех.

Здесь не устанавливается очевидность нахождения механизмов социального признания в руках конкретных людей, симулирующих ритуалы перехода, нечестным путем занявших роль судей в угоду чужакам и накладывающих ограничение там, где лиминальные практики способны доказать обратное. Обратное в смысле признания успешными тех сценариев социального взаимодействия, которые до этого считались аутсайдерскими.

В этом подлинная суть лиминальности. Она есть акт демонстрации возможности справедливого действия механизмов социального признания. Лиминальность – это, скорее всего, разыгрывание сценария доступа к механизмам социального признания тех, кто не поддался этноархаике и не стал менять собственное мировоззрение в угоду ксенократическим нормам. Они только здесь имеют возможность продемонстрировать социальный потенциал актуализации антиструктурных процессов.

Следует заметить, что логика лиминальных практик укрыта только тогда, когда репродукция социальных институтов нормального характера является для нас независимой от воли конкретного человека. Он убежден, что этот процесс происходит «сам собой». Мы иллюзорно предполагаем, что аутсайдерские позиции многих людей – это объективный процесс социального развития.

Возможно, методологическая ошибка социального знания и состоит в том, что столкновение структуры и антиструктуры игнорируется. Структура как акт закрепления власти собственного ксенократа изображается таким образом, что иного не дано. Исторически мы упускаем процесс антиструктурного противодействия на всех этапах становления структур. Причина этого упущения в том, что симуляция антиструктурного действия, коей является этноархаическая практика, обозначается как подлинная лиминальность. Это усугубляется еще и тем, что общества, порекомендовавшие введение тех или иных структур, постарались свои лиминальные практики укрыть от чужого глаза. Однако их этноархаика носит совершенно иной характер, заключающийся в том, что она не воспринимается как экзотика. Она служит сокрытию лиминальности, но по-иному, ибо они создатели всех этноархаик в силу их первенства в открытии смысла лиминальности. Поэтому их этноархаика – это прикрытие, а этноархаики других – это отказ от собственной лиминальности.

Возможно ли изменение такого положения дел? Сказать, что нет, – значит отказать обществу, попавшему в стадию господства этноархаики над лиминальностью, в возможности развиваться творчески. В условиях господства структуры над функцией последняя если и выполняется, то экстаза от выполнения не приносит. Не приносит его и этноархаическая экзотика. Но предел структурирования наступает, заимствованные структуры управления с не прошедшими лиминальные ритуалы в качестве субъектов власти уже не в состоянии наделить субъектностью остальных. Ритуалы объективации заменяют всю полноту жизни, но ведь они не предполагают возрождение. Предписанная этносу беспомощность рано или поздно обнаружится. Она предстанет как технология этноразрушения, и следом обозначится замена лиминальности на этноархаику. Далее будет установлен их противоположный смысл. Социальная антисубъектность этноархаики на основании установления ее генезиса потребует отказа от заимствования, а значит, станет необходимостью осуществление поиска практик иного характера. И здесь ничего кроме лиминальности обнаружено не будет. Но это в то же время означает исчезновение величия чужого и отказ от восприятия этнического как пережитой экзотики. Этничность обозначит свое, не пережитое присутствие. Безмолвие этноса превратится в постоянное определение социального развития через ритуальные практики. Произойдет обнаружение связи там, где ксенократом связи не усматривалось, и исчезновение там, где эта связь утверждалась как наличествующая.

Такое переструктурирование, обнаруженное путем замены сконструированной этноархаики на лиминальность, даст в итоге снижение ксенократических структур в процессах управления и снизит аккультурационную компоненту бытия российского социума, с одной стороны, и остановит клановизацию – с другой. Ведь этнократия, по сути, легитимируется за счет сконструированной этноархаики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хачатурян В.М.* Процессы архаизации в современной России // Человек. 2014. № 2. С. 56–70.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 27 января 2015 г.

SOCIAL LIMINALITY AND CONSTRUCTED *ETHNOARCHAICS*: DIFFERENCE OF MEANINGS

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 74-78. DOI 10.17223/15617793/394/12

Bobkov Alexandr I. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail:iab71@inbox.ru

Keywords: liminality; ethnoarchaics; anti-structure; Xenocrates; social subjectivity; ethnic identity; myth; ethnic sense.

In modern societies, the process of modernization often faces ethnoarchaics as a resistance factor of reforming social structures. In this connection the problem of ethnoarchaics legitimation became a basis for the consideration of cultural, socio-political and economic discourse. These interpretations include the natural character of ethnoarchaics and often understand it as a technology of ethnocratic character. Such an approach is justified, but not complete, because it does not reflect the fact that ethnoarchaics can be a constructed phenomenon of artificial nature with an aim of preventing the alternative ways of social solidarity emergence. In this

connection, liminality is an alternative project of social consolidation which shows, on the one hand, the destructive nature of the artificial ethnoarchaics and, on the other, denotes a specific subject initiating this process in order to prevent the alternative models and modernization of contemporary Russian society. Therefore, it is necessary to offer a comparison of social liminality and constructed ethnoarchaics as a methodological move leading to the discovery of the xenocratic element as an objective phenomenon of social reality construction. This phenomenon needs simulation of the nation's spiritual revival and bringing it into the "harmless" exotics state. In this regard, the analysis of ethnoarchaic practices should emphasize that the representation of the exotic nature of ethnoarchaics completely lacks liminality as a funding beginning of society creation. Given the need for a certain return to the past, the structure offers a simulacrum of a liminal action, which is ethnoarchaics. The subjects' attention is drawn to the fact that immersing into senseless liminality is the satisfaction of the need to differ, but differ harmlessly. Ethnoarchaics allows the masses to convince themselves that no society creating practices have been stolen. An easy return under the power of a structure convinces the masses that liminal acts presented in the ethnoarchaic ritual bear only idle measure of brotherhood. It should be noted that such an understanding of liminality is, most probably, a result of liminal ritual censorship by a social entity that saw liminal practices as a clear obstacle to power. This entity had to prove the impossibility of thinking within the liminal space. Therefore, Catholics were first to destroy liminality in Europe, later the bourgeois destroyed it. The entity needed integration on the basis of the rational, while liminality is irrational, and the entity insists on its uncertainty.

REFERENCES

1. Khachaturyan V.M. Protsessy arkhaizatsii v sovremennoy Rossii [Processes of archaization in modern Russia]. *Chelovek*, 2014, no. 2, pp. 56–70.

Received: 27 January 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 79–83. DOI 10.17223/15617793/394/13

УДК 165.9

О.В. Боровкова

ПРОСТРАНСТВА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Предпринят анализ пространства как одного из понятий, определяющих специфику исторической науки. Показано, что в настоящее время понятие пространства находится в процессе трансформации: возникли новые представления о его соотношении с понятием времени, что усилило сложность его изучения. Одним из результатов стало переосмысление взаимовлияния социально-исторического пространства и других видов пространства (природного и географического), которые учитываются при историческом исследовании. Представления о малосущественности природного и географического пространства при формировании исторического пространства сменились признанием их определяющего значения.

Ключевые слова: социально-историческое пространство; социальное пространство; географическое пространство; природное пространство; социально-историческое время; историческая наука.

Пространство – одна из координат исторической науки, без которой невозможно историческое знание. Без обозначения пространства, места расположения происходящего история лишится своей специфики, а следовательно, и научности. Как писал Р. Коллингвуд, «картина» историка «должна быть локализована в пространстве и времени» [1. С. 234]. Но прежде чем говорить о пространстве, необходимо зафиксировать тот достаточно известный факт, что пространство не мыслится без представления о связи со временем, хотя эта связь достаточно противоречива.

С одной стороны, пространство и время противоположны: время – это «становление», возникающее как функция изменения, атождественности вещей, т.е. как такая длительность, в которой вещь становится иной [2. С. 185]. Пространство же – «ставшее». С другой стороны, пространство является единой со временем формой, и его изучение не может обойтись без учета временных отношений. Представление о противоположности этих категорий приводит к мысли о возможности существования пространства без времени, где ничего не изменяется, где все является тождественным себе. Но в любом случае возникнет вопрос о появлении вещей, а это – изменение.

В настоящее время существует ряд представлений о взаимосвязи времени и пространства. В естественных науках за последние десятилетия больших изменений моделей их взаимодействия не произошло – они рассматриваются «в духе» Эйнштейна, т.е. физическое время полагается координатой пространства. В области же социально-гуманитарных наук, а прежде всего в исторической науке, картина совершенно иная: две традиции – традиции модерна и постмодерна – до сих пор сосуществуют. В них по-разному представляются концепции пространства и времени, их взаимосвязи.

В духе модерна единое социально-историческое время полагается «первичным» по отношению к пространству, доминирует над пространством и даже его формирует. Пространство-ставшее является результатом завершения становления, т.е. временного развития. Такие представления предполагают понимание исторического процесса как единого, непрерывного и направленного (цель исторического процесса предопределена и известна). Социально-историческое время в этом случае выступает как организующий центр, объединяющий многочисленные локальные культуры, который «синхронизирует события внутри одной культуры», «задает всем культурам единый ритм функционирования и развития» [3]. Отношения между обществами или культурами предполагают субординацию, т.е. неравенство позиций, иерархию. Иерархия, субординация не представляются чем-то застывшим, незыблемым: общества, культуры находятся в процессе постоянной трансформации, которая выдвигает их на различные позиции, но субординация в любом случае остается.

В постмодерне же основная идея – культурный плюрализм, который предполагает координацию отдельных локальных культур. То есть общества, представляющие культуры, находятся в равном положении именно потому, что каждое из них полагается единственным в своем роде, и, как пишет Н.С. Кирабаев, «каждая локальная культура может претендовать на роль центра» [4]. Такая точка зрения (претензия на центральное положение любой культуры) предполагает иной взгляд на соотношение пространства и времени. Ф. Джеймисон обозначил ситуацию постмодерна как ту, где «доминируют скорее категории пространства, чем времени, как это было в предшествующий период модернизма» [5. С. 155].

Необходимо отметить и позицию «равноисходности» пространства и времени, получившую выражение в философских концепциях Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и др. и породившую так называемое пространство-время, означающее «открытость, просвечивающую во взаимном протяжении наступающего, осуществившегося и настоящего» [6. С. 399] (хотя Dasein Хайдеггера выступает как пространственность, производная от времени). Пространственно-временная интерпретация мира свойственна и философским взглядам Ж. Деррида. Он пишет о едином «пространственном-становлении-времени», «задающем многомерные метрики бытия» [7].

В связи с тем, что в традициях модерна идея социально-исторического времени как времени единого исторического процесса была доминирующей, до недавнего времени в многочисленных трудах, посвященных исторической науке, исследователи были склонны уделять больше внимания историческому, социально-историческому времени как ее сущностной характеристике, и гораздо меньше – историческому пространству, определения которого характеризуются разнообразием и неопределенностью. Эта неопреде-

ленность связана с представлением о характере взаимосвязи времени и пространства и с «взаимодействием» пространств, без учета которых невозможно полноценное историческое исследование.

Понятие, которое более всего раскрывает суть пространства как одной из категорий исторической науки, – это социально-историческое пространство. Достаточно часто этот род пространства называют либо социальным, либо историческим. В контексте исследования, не касающегося данной темы напрямую, это не искажает смысла понятия. Но прямое исследование пространства исторической науки требует уточнения, так как понятия «социальное пространство» и «историческое пространство» имеют и свой собственный специфический смысл. Недостаточно для исторического познания иметь дело с социальным пространством, так как для этого вида пространства не очень важна категория времени. Недостаточно назвать такое пространство лишь историческим, так как оно предполагает историю не только людей, но и любых природных объектов. Другими словами, социально-историческое пространство – это особый самостоятельный вид пространства, существующий наряду с историческим и социальным.

Социально-историческое пространство можно назвать одним из видов исторического пространства по аналогии с выделением видов исторического времени (историко-геологическое время, историко-биологическое и др.).

Концепция исторического пространства была сформулирована японским философом К. Янагида. В книге «Философия истории» он говорит о том, что «история вовсе не подобна прямой линии, не имеющей ни ширины, ни толщины, а всегда обладает определенным распространением пространственной среды» [8. С. 104]. Янагида, таким образом, дал определение исторического пространства, которое легло в основу модернистского понимания пространства.

Историческое пространство представляется распространением не только в длину (как время), но и в ширину. Ограниченное историческое пространство (место) – это остановленное движение времени, его «срез», на котором фиксируются и «обозреваются» этапы эволюции обществ в различных ее проявлениях, выявляются переходы от одного этапа к другому, обозначаются пределы возможностей человека в ту или иную эпоху. В этом случае история понимается как единый динамический процесс, который для исследования нуждается в «остановке». Таким образом, историческое пространство, в отличие от других пространств, тесно связано с социально-историческим временем, являясь «вторичным» по отношению к нему, и располагается перпендикулярно его «линиям».

Рамки социально-исторического пространства могут задаваться хронологией, единицами исторического времени (периодами, этапами и др.), территориями. Например, можно говорить о пространстве XIX в. Его анализ в рамках единого исторического процесса включает исследование того, что происходило в ряде обществ, государств именно в это время. Здесь рамки пространства (места) задаются хронологией. Но историческое пространство может ограничиваться и единицами исторического времени: можно говорить, например, о периоде феодальной раздробленности, эпохе социализма и др. Нахождение на одинаковых отрезках исторического времени не означает совпадение хронологических границ. Другими словами, время в историческом пространстве может быть синхронизировано пространственно.

Историческое пространство может скрываться под именем времени. Например, как заметил известный отечественный исследователь М.А. Барг, говоря «время Грозного», мы говорим и об историческом пространстве (остановленном времени), но также предполагаем географическое пространство – страну, где правил Иван Грозный. В этом случае «время и пространство выражены в их неразложимом единстве, в котором смысл одного прозревается в очертаниях другого: пространственное олицетворение времени, равно как и временное обозначение пространства» [9. С. 52]. Но здесь страна, где он правил (географическое пространство) вторична, так как историческое пространство обозначается прежде всего историческим временем.

Однако историческое пространство может быть выражено в терминах не только времени, но и других пространств (территорий). Можно выделить период капитализма в России, Великобритании и др. Также можно говорить об историческом пространстве XIX в. в Италии, Турции и др. Таким образом, для исторического пространства свойственны как временные, так и пространственные параметры.

«Присутствие» в понятии «социально-историческое пространство» метрики других пространств привело к проблеме взаимодействия социально-исторического и географического, природного и других пространств, что получило наибольшее распространение в настоящее время. Сформировались две основные точки зрения по этому поводу. Одна из них предполагает, что историческое пространство не связано с географическим и природным пространствами. Например, советский исследователь А.Н. Лой считал, что при определении социально-исторического пространства «очевидна малосущественность социально-географической (экологической) метрики пространства» [10. С. 3]. Другая точка зрения заключается в том, что географическое пространство включается в понятие социально-исторического пространства и играет определяющую роль.

Необходимо заметить, что обе точки зрения по поводу взаимодействия пространств учитывают историки в своих исследованиях, но в настоящее время доминирует вторая. Она, в частности, представлена в работе Б.В. Личмана, где историческое пространство определяется как «совокупность природно-географических, экономических, политических, общественно-культурных процессов, протекающих на определенной территории». В данном определении на первое место выходит не время, а пространство, «историчность» которого проявляется лишь в обозначении различных процессов, протекающих на некой территории. Основным понятием здесь является понятие

«территория», и именно территория и природно-географические факторы играют определяющую роль, так как под их воздействием «формируются быт народов, занятия, психология; складываются особенности социально-политической и культурной жизни» [11].

Как мы видим, географическое и социально-историческое пространство связывают сложные «взаимоотношения». Исследователи, затрагивавшие эту проблему, занимают иногда противоположные позиции. Это, в некотором роде, обусловлено и различием в модернистском и постмодернистском понимании социально-исторического пространства. Если в модерне историческое пространство полагается мало зависимым от географического, природного и других пространств, так как формируется временем, то в постмодерне зависимость весьма существенная, хотя здесь не существует жесткой привязки – скорее это можно назвать тенденцией.

Таким образом, очевидно, что историческая наука с необходимостью должна оперировать не только пространствами, напрямую связанными с обществом или его движениями, изменениями. Здесь справедливо учитывать и другие пространства, так как человек обитает не только в социальном пространстве и не только оно влияет на исторический процесс. Весьма важным в этом смысле, кроме географического, представляется природное пространство.

Природное пространство, по определению В.И. Иовлева, – это «неосвоенное человеком естественное окружение, сохранившее естественные географические качества ландшафта» [12]. Это пространство, включающее природные объекты и являющееся средой обитания человека. Природные объекты определяют условия жизни людей, способ их деятельности, способ построения жилищ, одежду, пищу и др.

Однако природное пространство для историков – это пространство, «участвующее» в исторических событиях, влияющее на исторический процесс и на его осмысление. Э. Гуссерль в своей работе «Кризис европейского человечества и философия» пишет, что природа историков и культуроведов «не природа в естественнонаучном смысле, а то, что считали природой древние греки, что стояло у них перед глазами как природная реальность окружающего мира». Историк, продолжает он, «не может заниматься Древней Грецией, не учитывая ее физической географии, древнегреческой архитектуры – без учета материала ее строений и т.д. и т.п.» [13]. Также и А.Ф. Лосев считал, что природа вторична для истории: «Не история есть момент в природе, но всегда природа есть момент истории» [14].

Географическое пространство – это представление о природном пространстве, его систематизация, именование и упорядочивание природных объектов и территорий. Природное пространство представляет собой неоднородную протяженность, безразличную к границам, что отличает его от географического пространства. Но природные объекты могут обозначать границы географического пространства, использоваться в качестве границ для обозначения социального или политического пространства, но могут и не использоваться.

Использование природных объектов как границ государства имело место более всего в древних цивилизациях, так как главной проблемой была проблема защиты от внешних врагов. Поэтому горная цепь, границы котлована, берега острова или болота не раз становились границами государств, княжеств, городов. Географическое пространство, по словам И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, очерчивает «пространство социальных взаимодействий» [15. С. 443]. В обоих случаях природное и географическое пространство очень важны для исторического познания. Они взаимодействуют между собой и задают условия социальной, а затем и исторической жизни людей.

Таким образом, историческое пространство «вырывается» из-под власти времени, которое представлялось как единая линия исторического процесса и обеспечивало относительно единые взгляды на историческое пространство. Историческое пространство из статичного, постоянного (как противоположность времени) превращается в непостоянное и подвижное. Оно может расширяться и сжиматься. Завоевания, объединения, географические открытия приводят к изменениям исторических пространств, образованию новых. Иногда имеет место несовпадение исторического пространства и территории. Историческое пространство может быть «разорвано».

В любом случае историческое пространство нуждается в границах, так как оно теперь не полагается сформированным временем и поэтому не может для своей фиксации использовать временные границы (эпохи, этапы, периоды и др.). Поэтому для «устойчивости» ему нужны другие границы, границы другого – географического пространства. Как пишет А.В. Рубцов, характеризуя новые взгляды на социально-историческое пространство, «география теснит историю» [16. С. 43].

Как мы видели, представления об историческом пространстве в традициях модерна и постмодерна различны, тем не менее можно выделить его общую особенность – использование «чужих» границ. В первом случае – временных, во втором – границ другого пространства.

Еще одной особенностью социально-исторического пространства называется ретроспектива. Б. Илизаров полагает ретроспективу единственным условием существования в социально-историческом пространстве и, в отличие от четырехмерных пространств в физическом мире, его пятым измерением. Другими словами, прошлое или «историческое инобытие» и является историческим пространством. В качестве еще одного отличия от других пространств Илизаров выделяет, опять же, отношения со временем. Но здесь уже на первом месте не вопрос преобладания времени либо пространства, а вопрос обратимости. Время в социально-историческом пространстве обратимо «от настоящего к прошлому и обратно». Кроме того, время в историческом пространстве, в отличие от других пространств, по Илизарову, «неподвижно подвижно», «не знает временности в обыденном смысле» [17. С. 5].

Американский ученый и философ Ф. Езингтон, выдвинувший концепцию пространственной теории истории, заявляет о том, что именно прошлое является историческим пространством. Он приводит следующие аргументы: прошлое не может существовать во времени, так как время не может быть ограниченным. Прошлое, по его мнению, существует только в пространстве и измеряется координатами пространства-времени. Историческое прошлое, таким образом, – это подобие карты с обозначенными местами (топосами), которые возникли в результате деятельности человека [18. С. 465]. Кроме того, он пишет, что, рассматривая время как противоположное пространству, исследователи для его характеристики используют пространственные метафоры, что является вполне обоснованным. Своеобразие концепции Езингтона состоит в том, что, связывая историческое пространство с прошлым (прошлое полагается модусом или элементом времени), он стремится отделить прошлое от времени.

Таким образом, подводя итоги, необходимо заметить, что понятие «социально-историческое пространство» характеризуется неоднозначностью. Это проявляется в его «двойственности», включающей особенности как социального, так и собственно исторического пространства. Двойственность проявляется и в существовании двух основных концепций пространства, свойственных модернистскому и постмодернистскому пониманию, предполагающему первичность социально-исторического времени в первом случае и первичность пространства – во втором. Границы социально-исторического пространства обозначаются, соответственно, в терминах социально-исторического времени, в терминах других пространств.

Попытки «выдвинуть» социально-историческое пространство на первый план по отношению ко времени влекут за собой изменения трактовок пространства данного рода. Это проявляется: 1) в придании социально-историческому пространству границ географического пространства; 2) «помещении» социально-исторического времени в рамки социально-исторических пространств; 3) выделении пространственных характеристик прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коллингвуд Р.* Идея истории. М. : Наука, 1980. 512 с.
2. *Шпенглер О.* Закат Европы. Новосибирск, 1993
3. *Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования / отв. ред. Ю.Г. Волков. URL: http://www.do2.gendocs.ru›docs/index-411696.html (дата обращения: 21.08.2013).
4. *Кирабаев Н.С.* Мультикультурализм // Глобалистика : энциклопедия. М., 2003.
5. *Jameson F.* Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, NC, 1991.
6. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993.
7. *Деррида Ж.* Голос и феномен (работы по теории знака Гуссерля). URL: http://www.gumer.info›bogoslov_Buks/Philos/derr_gol/ (дата обращения: 27.02.2014).
8. *Янагида К.* Философия истории. М. : Прогресс, 1969. С. 104. URL: http://www.bookre.org›reader?file=1215027 (дата обращения: 20.08.2014).
9. *Барг М.А.* Шекспир и история. 2-е изд. М. : Наука, 1979.
10. *Лой А.Н.* Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство». Киев, 1978. 136 с.
11. *Личман Б.В.* История России. Теории изучения. Книга первая. С древнейших времен до конца XIX века : учеб. пособие / под ред. Б.В. Личмана. Екатеринбург : Изд-во СВ-961, 2001. 368 с.
12. *Иовлев В.И.* Гуманитарно-экологический подход к архитектурному пространству // Архитектон: известия вузов. Апрель 2006. № 14. URL: http://www.archvuz.ru ›2006_2/7 (дата обращения: 04.08.2013).
13. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия. URL: http://www.infoliolib.info›philos/gusserl/crisis.html (дата обращения: 04.08.2013).
14. *Лосев.* Диалектика мифа: Мысль. М., 2001. URL: http://www.rpczmoskva.org.ru ›…content/uploads/Losev…Mifa.pdf (дата обращения: 05.08.2013).
15. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. Т. 1 : Конструирование прошлого. СПб. : Наука, 2003. 632 с.
16. *Рубцов А.В.* Архитектоника постмодерна. Пространство // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 34–44.
17. *Илизаров Б.* Об историческом гештальте, историческом пространстве и тварях истории // Индекс/Досье на цензуру. 2001. № 14.
18. *Ethington Philip J.* Placing the past: ‘Groundwork’ for a spatial theory of history // Rethinking History: The Journalof Theory and Practice. December 2007. Vol. 11, № 4. P. 465–493.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 15 марта 2015 г.

SPACES OF THE HISTORICAL SCIENCE

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 79-83. DOI 10.17223/15617793/394/13

Borovkova Olga V. Rubtsovsk Industrial Institute, Branch of Altai State Technical University named after I.I. Polzunov (Rubtsovsk, Russian Federation). E-mail: o.v.borovkova@gmail.com.

Keywords: socio-historical space; social space; geographical space; natural space; time; historical science.

Historical knowledge is impossible without space which is one of the historical science coordinates. Space is not readily conceivable if it is unrelated to time though this relationship is quite contradictory. Time is a period during which an object becomes different while space is characterized by sameness of objects and conditions. On the other hand, space combines into an indivisible configuration with time therefore we cannot consider the category of space, especially the socio-historical space, ignoring temporal relations. Nowadays there are a number of conceptions concerning the interrelation of time and space. According to modern philosophy, which traditionally regards the historical process as a single whole, socio-historical time is primary with respect to space of the same kind: it dominates the space or even forms it. Socio-historical time in this case acts as an organizing center that integrates numerous local cultures. The basic idea of postmodern philosophy is cultural pluralism where the category of space becomes dominant rather than that of time. It is also necessary to note the position expressed by the philosophical concepts of Husserl, Heidegger and others

which gave rise to the so-called space-time. In view of a change in conceiving the relationship between time and space, this category needs to be better comprehended. Several researchers supporting the idea of time primacy see the specificity of historical space in its close connection with time: historical space is viewed as a stopped motion of single time or its "section". Against this background we can remark what features the societies have in common in different epochs and recognize the differences. But in the "new" understanding historical space acts as a primary thing. Its "historicity" appears only in designation of various processes in a specified territory. The basic concept here is the notion of "territory" which includes a variety of processes. Time-dependent socio-historical space fixes chronological periods of time while the "new" historical space acquires such properties as impermanence and mobility. It can either expand or shrink or even mismatch the territory of a state. Besides the socio-historical space it is necessary to involve the concepts of "natural space" and "geographical space" which act as a human habitat and partially determine historical peculiarities of a society. Though socio-historical space possesses the features characteristic to the spaces it interacts with, it however has a peculiarity that distinguishes the socio-historical space from other kinds of spaces. This peculiarity is a special dimension – retrospective, which is, according to some researchers, the only condition of existence in this space. Retrospective is the fifth dimension distinguishing socio-historical space from four-dimensional spaces in the physical world. Thus, the peculiarities of socio-historical space are its social constituent, its relation to time and retrospective.

REFERENCES

1. Collingwood R. *Ideya istorii* [The idea of history]. Translated from English. Moscow: Nauka Publ., 1980. 512 p.
2. Spengler O. *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Translated from German. Novosibirsk: Nauka Publ., 1993. 584 p.
3. Lubskiy A.V. *Al'ternativnye modeli istoricheskogo issledovaniya* [Alternative models of historical research]. Available from: do2.gendocs.ru›docs/index-411696.html. (Accessed: 21.08.2013).
4. Kirabaev N.S. *Mul'tikul'turalizm* [Multiculturalism]. In: Mazur I.I., Chumakov A.N. (eds.) *Globalistika: entsiklopediya* [Global Studies: Encyclopedia]. Moscow: Raguga Publ., 2003.
5. Jameson F. *Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, NC, 1991.
6. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and Being]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem Publ., 1993. 447 p.
7. Derrida J. *Golos i fenomen (raboty po teorii znaka Gusserlya)* [Speech and *Phenomena*: And Other Essays on *Husserl's Theory* of Signs]. Available from: gumer.info›bogoslov_Buks/Philos/derr_gol/. (Accessed: 27.02.2014).
8. Yanagida K. *Filosofiya istorii* [Philosophy of history]. Moscow: Progress Publ., 1969, p. 104. Available from: bookre.org›reader?file=1215027. (Accessed: 20.08.2014).
9. Barg M.A. *Shekspir i istoriya* [Shakespeare and history]. 2nd edition Moscow: Nauka Publ., 1979. 216 p.
10. Loy A.N. *Sotsial'no-istoricheskoe soderzhanie kategoriy "vremya" i "prostranstvo"* [The socio-historical content of the categories "time" and "space"]. Kyiv: Naukova dumka Publ., 1978. 136 p.
11. Lichman B.V. *Istoriya Rossii. Teorii izucheniya* [History of Russia. Theories of study]. Ekaterinburg: SV-961 Publ., 2001. V. 1, 368 p.
12. Iovlev V.I. Gumanitarno-ekologicheskiy podkhod k arkhitekturnomu prostranstvu [Humanitarian and ecological approach to architectural space]. *Arkhitekton: izvestiya vuzov*, 2006, no. 14. Available from: archvuz.ru ›2006_2/7. (Accessed: 04.08.2013).
13. Husserl E. *Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofiya* [Philosophy and the Crisis of European Humanity]. Available from: infoliolib.info›philos/gusserl/crisis.html. (Accessed: 04.08.2013).
14. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Moscow: Mysl' Publ., 2001. 559 p. Available from: rpczmoskva.org.ru ›…content/uploads/Losev…Mifa.pdf. (Accessed: 05.08.2013)
15. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya: v 2 t.* [Knowledge of the past: the theory and history: in 2 v.]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. V. 1, 632 p.
16. Rubtsov A.V. Arkhitektonika postmoderna. Prostranstvo [Architectonics of postmodern. The space]. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 4, pp. 34–44.
17. Ilizarov B. Ob istoricheskom geshtal'te, istoricheskom prostranstve i tvaryakh istorii [The historical gestalt, historical space and creatures of history]. *Indeks / Dos'e na tsenzuru*, 2001, no. 14.
18. Ethington Ph.J. Placing the past: 'Groundwork' for a spatial theory of history. *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*, December 2007, v. 11, no. 4, pp. 465–493.

Received: 15 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 84–91. DOI 10.17223/15617793/394/14

УДК 37.0+316.66

Е.Ю. Быкова

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ АПАТИИ УЧИТЕЛЕЙ

Рассматриваются особенности современного социального самочувствия учителей. Показано, что они проявляются в виде возникновения и усиления социальной апатии. Данный вывод сделан на основе распространенности в педагогической среде безынициативности, безразличия, отсутствия заинтересованности в высоких образовательных результатах, утраты интереса к своему делу. В статье предпринята попытка выявить основные причины, порождающие и усиливающие социальную апатию среди педагогов.

Ключевые слова: социальная апатия; учителя; профессиональные особенности; школьное образование; социальная пассивность.

На протяжении двух последних десятилетий в России наблюдается повышенный интерес к проблемам образования. Развивающееся общество ждет перемен в системе общего и профессионального образования, предъявляя к ней новые социально-экономические, духовно-нравственные, культурологические требования. Школа – в широком смысле этого слова – должна стать важнейшим фактором гуманизации общественно-экономических отношений, формирования новых жизненных установок личности. Развивающемуся обществу нужны образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, обладают развитым чувством ответственности за судьбу страны. Образование, согласно Дж. Дьюи, способно создать в обществе такое умонастроение, при котором социальные изменения, организация более эффективной жизни будут происходить постепенно, не сопровождаясь беспорядками и внешним принуждением [1. С. 96].

В процессе реформирования неоднократно корректировался курс образовательной политики, стратегия развития системы образования меняла свои задачи и содержание. За последние годы наиболее ощутимые и значимые перемены произошли в системе общего образования в связи с переходом на единую итоговую аттестацию выпускников школ, введением профильного обучения, внедрением информационных технологий в образовательный процесс, укреплением материально-технической базы школ, развитием инновационных методов и технологий обучения детей. При этом учительство, будучи одной из самых массовых профессий, является важнейшим компонентом системы школьного образования и современной культуры, имеющим решающее влияние на функционирование общества и на его будущее. В последнее время отечественные и зарубежные исследователи и педагоги все больше сходятся во мнении, что единственным наиболее значимым фактором, определяющим образовательные достижения ученика, являются квалификация учителя и качество его преподавания [2]. А.М. Сидоркин отмечает, что ни одна из характеристик школы – ни размер класса, ни затраты на обучение, ни содержание образования – не влияет на результаты так, как качество преподавания, качество учительского труда. Даже в стенах одной и той же школы одни учителя из года в год добиваются значительно большего уровня знаний учащихся, чем другие [3. С. 137].

Однако, несмотря на заявленную приоритетную значимость системы образования, в современной школе продолжает падать качество образования, что неизбежно приводит к дальнейшему снижению престижа профессии учителя, увеличению недовольства со стороны родителей и общества в целом. О данных проблемах пишут известные отечественные исследователи Ф.Г. Зиятдинова, Д.Л. Константиновский, И. Шмерлина, В. Ясвин и др.

Один из существенных факторов, влияющих на снижение качества образования, текучесть педагогических кадров, отсутствие высококвалифицированных молодых педагогов в современных российских школах, как мы предполагаем, связан с распространением в современной социальной среде состояния, для обозначения которого можно использовать понятие социальной апатии. Современная трактовка состояния апатии характеризуется эмоциональной пассивностью, безразличием, упрощением чувств, равнодушием к происходящим событиям и ослаблением побуждений и интересов [4]. При этом в психологии апатия, проявляющаяся как потеря интереса к жизни и своего рода «эмоционально-мотивационный паралич» [5], рассматривается как психическое состояние, вызванное утомлением, тяжелыми переживаниями или заболеванием и внутренними конфликтами [6]. Мы полагаем использовать данное понятие не столько для психологической характеристики или состояния личности, сколько для обозначения общей объективированной социальной черты, возникающей вследствие определенных трансформаций современного общества.

В данной статье предпринята попытка выявить основные черты, которыми характеризуется апатия учителей, и очертить возможные условия и причины ее возникновения. Феномен социальной апатии западными авторами рассматривается в основном как экзистенциальная, психологическая и политическая проблема. Ж. Бодрийяр [7], Ж. Липовецки [8], Р. Мэй [9] и другие учёные считают данный феномен хроническим недугом нашего времени, указывая при этом в большей части на «счастливую апатию», характерную для общества, пресыщенного различными благами. Такие авторы, как К. Ясперс [10], Г. Маркузе [11], А. Швейцер [12], П. Бурдье [13] и другие, анализируя современное общество, говорят о социальной апатии

в иных терминах: «негарантированность», «пассивность», «бездумье», «равнодушие», «безличность» и т.д.

По мнению С.Н. Яременко с соавторами, в основе апатии лежат феномены отчуждения, одиночества и некоммуникабельности, отражающие сложные процессы развития общества и распространение безразличного отношения к себе и миру [14. С. 53–59]. Косвенными признаками социальной апатии как формы реагирования на дискомфортные условия выступают фрустрация, неопределенность и чувство тревоги, по мнению социальных философов, являющиеся неотъемлемыми характеристиками постмодернистского общества.

В России проблема социальной апатии рассматривается скорее как социальная и историческая, в большинстве своем имеющая иные экзистенциальные основания. Политическая и психологическая апатия в России не отделяется столь явно, как на Западе, от исторической и социальной. Общепринятым в научной среде является тезис о том, что гражданская позиция и социальная апатия россиян связаны с тяжелыми экономическими и социально-бытовыми условиями жизни, что ведет к ситуации, когда людей полностью поглощает работа и частная жизнь. В итоге, анализируя положение в нашей стране, такие исследователи, как В.Г. Федотова [15], М. Восканян [16], Т. Кутковец и И. Клямкин [17], С.Н. Яременко и др. [14], единогласно приходят к выводу о состоянии глубокой апатии, в котором находится в данный момент Россия, хотя некоторые утверждают, что состояние апатии является временным и естественным в условиях транзитивного российского общества [18].

По мнению французского философа Ж. Липовецки, особенно заметно влияние феномена апатии на сферу образования, «где за какие-то несколько лет с молниеносной быстротой престиж и авторитет преподавателей исчезли почти окончательно». Школу автор сравнивает с «мумией, в которую усталые преподаватели неспособны вдохнуть жизнь», а также с «пустыней, где молодежь растет, не имея перед собой великих целей и не проявляя ни к чему интереса» [Там же. С. 63–64].

Анализ состояния апатии учителей предполагает выделение некоторых прямых и косвенных признаков, отражающих низкую мотивированность, отсутствие активной социальной позиции, эмоциональную усталость, проявление равнодушия, некоего индифферентного отношения педагогов к ученикам и своей профессии. Рассмотрим данные признаки подробнее:

1. *Безынициативность и инфантилизм большинства учителей*, связанные с профессиональными особенностями российских педагогов. Многочисленные исследования психологов показали, что постоянное выполнение своих профессиональных обязанностей накладывает сильный отпечаток на личность человека, который проявляется как специфическая профессиональная черта характера [19. С. 233]. Многие авторы отмечают явный дефицит конкретных исследований, связанных с анализом специфических видов профессиональной деятельности и условий её реализации в современных условиях. В ряд малоизученных с этой точки зрения профессий попадает и профессия педагога [20. С. 138]. Исследования, посвященные анализу профессиональных особенностей, присущих российским учителям, проводятся достаточно редко. В рамках тех или иных исследований периодически затрагивается данный вопрос, хотя основное внимание авторов касается социальных условий деятельности педагогов и их рефлексии относительно своего положения.

Так, И. Шмерлина в своем глубинном исследовании отношения учителей к образовательным реформам делает интересные выводы по поводу профессиональных особенностей российского учительства: автор отмечает наличие советских пережитков в восприятии учителями своей профессии, выражающихся в демонстрации учителями высокого уровня уважения к педагогическому сообществу и отношения к себе как к «героям», на плечи которых взвалили задачу воспитания современного поколения [21. С. 75–76]. При этом, несмотря на демонстрацию социальной значимости своих усилий в подготовке и воспитании молодежи, учителя проявляют низкий интерес (а иногда не проявляют совсем) к проводимым в настоящее время реформам.

Безынициативность и инфантилизм – так характеризует И. Шмерлина отношение массы учителей к нововведениям в области образования. Одно из таких нововведений – проведение конкурсов для учителей; большинство педагогов не только не стремятся к саморазвитию, но и испытывают раздражение и зависть к победителям (в интервью звучали мнения о «выскочках»). Таким образом, можно говорить о том, что одним из проявлений социальной апатии учителей является их безынициативность в отношении саморазвития, несмотря на присущее «миссионерское» представление о своей роли в обществе.

2. Вслед за Шмерлиной еще одну специфическую, исторически сложившуюся особенность мировоззрения и профессионального самовосприятия учительства можно охарактеризовать как *патерналистские настроения* как в профессиональной, так и социальной позиции учителей, в результате чего социальные установки педагогов во многих отношениях воспроизводят типичные социально-ролевые паттерны административно-командной системы [21. С. 76]. К такому выводу исследователь пришла в результате проявившегося на фокус-группах среди учителей откровенного нежелания проявлять инициативу, даже когда государство готово её финансово поощрить. Индикатором, благодаря которому данная установка педагогов проявилась более отчетливо, стал национальный проект «Образование», направивший в педагогическую среду чужеродный для нее импульс инициативы и конкуренции.

Получается, что большинству педагогов необходимы административные рычаги введения инноваций, поскольку даже страдая от бюрократического давления, учителя не настроены проявлять инициативу вне подобного давления, несмотря на тот факт, что эта инициатива выгодна в первую очередь им самим [21. С. 76]. Как отмечает Л.Н. Собчик, наличие такой патерналистской установки объясняется особенностями подготовки учи-

телей и их отбора в советское время, когда в область педагогики направлялись в основном конформные и исполнительные люди, готовые подчиняться жестким инструкциям и правилам [22. С. 365–366].

3. Современные российские учителя, по мнению исследователей, отличаются высокой исполнительностью и патерналистскими установками, однако при этом проявляют *склонность к безразличному отношению к профессии и отсутствию самокритичности*. Наличие таких профессиональных черт у российских учителей показали, в частности, глубинные интервью с педагогами, проведенные Центром социологических исследований МГУ [23]. По наблюдениям авторов исследования, педагоги даже не пытались посмотреть на себя со стороны и ответить на вопрос о том, насколько учительство соответствует тем требованиям, которые к нему предъявляет общество, рассматривающее общее образование в качестве средства получения другого, более высокого уровня. Учителей практически не волновали вопросы собственного участия в управлении школой и отсутствия возможностей повышения квалификации, они не предпринимали попытки назвать факторы, зависящие от самого учителя, которые могли бы повлиять на изменение отношения к нему в обществе.

Таким образом, безразличие, отсутствие самокритичности и заинтересованности в высоких результатах образовательной деятельности и повышении профессиональной компетентности также можно считать индикаторами социальной апатии современного российского учительства. Позиция педагогов, при которой они считают себя заведомо достойными повышения своего статуса, без осуществления каких-либо действий со своей стороны, подтверждает наличие апатичных настроений в учительской среде.

4. В исследовании Центра социологических исследований МГУ также была выявлена тревожная *тенденция к маргинализации учителей*, выражающаяся в вольном или невольном отчуждении от культуры, утрате интереса к своему делу, усилении утомленности, чувства заброшенности, ненужности [23]. Последствия такой субъективной пассивно-иждивенческой позиции учителей, отсутствия стремления к социальному успеху в профессии проявляются в их неспособности занять активную позицию в преобразовании общества и всей страны.

5. *Распространенность синдрома эмоционального выгорания в учительской среде* также указывает на социальную апатию педагогов, поскольку исследователи часто рассматривают её в качестве одного из компонентов данного синдрома. Несмотря на то что проблему социальной апатии учителей можно считать междисциплинарной, основной вклад в разработку данной проблемной области сделан психологами и педагогами, описывающими такие признаки эмоционального выгорания, как ощущение утомленности, заброшенности, ненужности учителей. Подверженность учителей данному синдрому не вызывает сомнений у исследователей-психологов в силу наличия в педагогической деятельности многочисленных стрессовых факторов.

Эмоциональное выгорание в педагогической среде проявляется, как правило, в виде хронической усталости, состоянии апатии, эмоциональном истощении и в некоторых случаях может иметь четко выраженные психосоматические последствия. Очень частым результатом крайней формы эмоционального выгорания является увольнение учителей и уход из профессии, при этом в состоянии социальной апатии педагоги могут оставаться на своей должности в течение всей жизни, поскольку она становится своеобразной формой адаптации к непростым условиям профессиональной среды.

Доказано, что стресс и эмоциональное выгорание учителей неизбежно влияют на образовательную среду и препятствуют достижению образовательных целей, так как ведут к отчужденности, цинизму, апатии, прогулам педагогов и в конечном итоге к решению покинуть профессию [24]. Субъективное переживание синдрома эмоционального выгорания и возникновение социальной апатии зачастую обусловлено низким уровнем мотивационной вовлеченности педагога в деятельность, косвенно отражающейся в степени удовлетворенности специалиста своим трудом. Вовлечённость как эмоциональное и интеллектуальное состояние, которое мотивирует сотрудников выполнять свою работу как можно лучше, зависит от стажа работы, отношения сотрудника к организации и от стиля работы (авторитарный, демократический, либеральный). Эмоциональному выгоранию, соответственно, в большей степени подвержены учителя, затрачивающие больше личностных, эмоциональных ресурсов.

6. *Низкая мотивация на достижения у российских учителей* часто находится в центре внимания исследователей, поскольку связана с качеством преподавания и, следовательно, с образовательными результатами учеников. Например, для описания особенностей профессиональной мотивации и вовлеченности современных учителей В. Ясвин использует термин «педагогический блеф». Автор объясняет его как явление, при котором наблюдается рассогласование между поступками и эмоциональным, познавательным компонентами мотивации и отношения учителей к своей профессии. При этом большое значение для мотивации и вовлеченности учителя имеет то, насколько его организаторская, руководящая, направляющая, т.е. «поступочная», деятельность согласуется с его собственным отношением к изучаемым объектам и явлениям. Другими словами, принципиально важно, чем обусловлена профессиональная активность педагога – высоким познавательным интересом к своему предмету или же формальным исполнением соответствующих педагогических обязанностей [25].

Согласно Ясвину, в силу обнаруженного «эффекта педагогического блефа» школьных учителей нельзя назвать ни увлеченными, ни равнодушными к своей профессии. Наличие данной особенности современных педагогов показывает, что сверхнормативная активность многих учителей обусловлена формальным соблюдением ими правил и предписаний согласно своей социальной роли, а не личностными потребностями. В результате существенно снижаются доверие

учащихся к таким учителям и, соответственно, воспитательная эффективность всего педагогического процесса. Наличие такого противоречия в восприятии учителями своей профессии может усугублять проблему социальной апатии, способствовать прогрессированию синдрома эмоционального выгорания, вести к внутренней отстраненности и безразличию к своим обязанностям. По мнению автора, низкая мотивация учителей может проявляться в форме социальной апатии и ведет к профессиональной неэффективности.

Социальную и профессиональную апатию учителей Ясвин также описывает как педагогическую пассивность, отсутствие интереса к повышению профессиональной квалификации, чтению профессиональной периодики, освоению новых педагогических технологий. Корни такого отношения учителей к своей профессии автор видит в особенностях функционирования школы в советском тоталитарном обществе, а также в неверии педагогов в возможность повлиять на решения школьной администрации. В итоге учителя начинают замыкаться в рамках преподавания своего предмета, абстрагируясь от проблем личностного развития учащихся.

Таким образом, согласно исследованиям И. Шмерлиной, В. Ясвина, Л.А. Осьмук, В.В. Лукьяновой и др., состояние социальной апатии среди российских учителей можно считать распространенным. Вывод о массовом «заражении» российских учителей социальной апатией можно сделать на основании таких косвенных признаков, выделяемых различными авторами, как безынициативность большинства учителей; склонность к патерналистским настроениям; безразличие, отсутствие самокритичности и заинтересованности в высоких результатах образовательной деятельности и повышении профессиональной компетентности; тенденция к маргинализации учителей; распространенность синдрома эмоционального выгорания; низкая мотивация на достижения или её отсутствие.

Распространенность перечисленных признаков свидетельствует о необходимости изучения социальной апатии учителей в России. Какими бы терминами исследователи ни описывали особенности данного социального явления, большинство из них сходится в том, что истоки его не сводятся только к индивидуально-психологическим и институциональным характеристикам, но имеют более глубинные основания. В связи с этим имеет смысл выделить социально-культурные причины и условия, порождающие и усиливающие проблему социальной апатии учителей в России.

Причины социальной апатии учителей можно рассматривать как с позиции влияния более общего социального фона, так и конкретных условий, касающихся собственно работы педагогов. Относительно первого Ж. Бодрийяр, А. Швейцер, Р. Мэй обращают внимание на некоторые глобальные характеристики современного социума, порождающие социальную апатию в обществе в целом: изменчивость социальной реальности, кратковременная идентичность, нестабильность, страх, изоляция, отчуждение, новизна, постоянные трансформации в обществе, перенасыщение информацией, материальными благами, возможностями, разрушение целостной картины мира. В данном аспекте социальная апатия выступает реакцией транзитивного общества на происходящие в нем трансформации и, с одной стороны, носит негативный характер, так как выражается в отчужденности личности от общества, а с другой – является защитной реакцией на деструктивные изменения социальной реальности. Можно предположить, что особенно сильно данное состояние будет проявляться у учителей, которые находятся в наиболее уязвимом положении в связи с тем, что общество предъявляет к ним серьезные требования как к важнейшим агентам социализации и накладывает определенные ожидания в отношении результатов их деятельности.

Помимо этого, сама профессия учителя связана с некоторыми институциональными и психологическими факторами, усугубляющими проблему социальной апатии в педагогической среде. Одной из главных причин, определяющих ухудшение социального самочувствия учителей, исследователи и сами педагоги называют *институциональные факторы:* от 40 до 50% педагогов не удовлетворены своей работой [26. С. 78] по причине плохой технической оснащенности, больших нервно-психических нагрузок, низкого социального престижа образования, низкого заработка и отсутствия перспектив для преодоления сложившейся ситуации, касающейся низкого социального статуса педагога [27. С. 55–56]. Также часто авторы указывают на проблему постоянных нововведений в области государственных экзаменов и мониторинга среди преподавателей, увеличения обязанностей по заполнению многочисленной документации и т.д.

Профессия педагога является одним из наиболее интеллектуально и эмоционально напряженных видов труда. К педагогам предъявляются повышенные требования со стороны социума в условиях неадекватной, часто заниженной социальной и материальной оценки труда, что приводит к падению престижа профессии, «оттоку кадров», количественному и качественному снижению уровня жизни специалистов данного профиля. К *стрессовым факторам*, провоцирующим состояние социальной апатии учителей на индивидуально-психологическом уровне, можно отнести: многообразие функций и нагрузок (к примеру, почти половина учителей (48%) в исследовании, проведенном в школах Новосибирской области, считает, что школа негативно повлияла на их здоровье; изучение вопросов о переутомлении также показало, что практически постоянно это ощущение присутствует у каждого третьего учителя [28. С. 99]); специфику педагогического общения (процесс обучения осложняется спецификой учеников, общение с которыми зачастую носит сложный, конфликтный характер); затрудненность адекватной оценки достигнутых результатов (C.A.R. Munson сравнивает работу учителей с трудом Сизифа, поскольку на практике учителя редко видят свои достижения: каждый год к ним поступают новые ученики, с которыми они работают от пункта А до пункта Б в учебном континууме, однако уже в сле-

дующем учебном году учитель должен начать тот же самый учебный процесс с уже новой группой учеников, которые находятся на том же уровне, что и «прошлогодние школьники» [29. С. 4]).

Специфические черты педагогического общения, требующие больших эмоциональных затрат, связанные с постоянным межличностным взаимодействием, позволяют характеризовать профессиональную деятельность педагога как потенциально аффектогенную, выступают в качестве базовой причины возникновения фрустрации, конфликтов и провоцируют развитие синдрома выгорания. Труд педагога многими авторами оценивается как наиболее напряженный в эмоциональном плане [30. С. 130]. Наиболее часто в литературе эмоциональное выгорание учителей, тесно переплетающееся с проблемой социальной апатии, связывается со стажем педагогической деятельности: исследователи выделяют два основных кризиса, во время которых педагоги особенно подвержены влиянию стресса – кризис адаптации к профессии (1–3 года) и «педагогический» кризис у педагогов со стажем 10–15 лет вследствие рутинной работы и отсутствия возможности профессионального роста [30. С. 139–140].

На профессиональную и трудовую мотивацию учителей также негативно влияет *амбивалентное отношение многих учителей к школьникам*: в учительском сообществе сформировался устойчивый негативный стереотип современного ученика, противоречащий позитивным поведенческим стратегиям учителей. Л.А. Осьмук и соавторы приводят данные своего исследования, согласно которым учителя описывают современного ученика следующим образом: в отношении паттернов поведения – «раскрепощенные, без комплексов, непоседливые, расторможенные, слишком сексуальны, невнимательны, быстро утомляются, слишком свободны»; в отношении *воспитания* – «некоторые плохо воспитаны, долго находятся под опекой, вседозволенность, избалованность, завышенные амбиции, индивидуализм, низкий уровень культуры, низкий уровень толерантности, иждивенцы, неухожены, циничны, безнравственны, вседозволенность, наглость»; относительно *личностных качеств* – «эгоистичны, прагматики, жестокость, уверенность в завтрашнем дне и в себе, расчетливы, более агрессивны, инициативны, мобильны, прямолинейны» [28. С. 98]. Г.С. Абрамова также отмечает наличие у учителей негативных установок в отношении школьников: например, на вопрос анкеты «Современные подростки – это...» 25% учителей с 10-летним стажем дали подросткам отрицательные характеристики – «потребители», «лодыри и верхогляды», «современные барчуки» и т.п. [31. С. 97].

Как видно из приведенных высказываний, большинство характеристик, которыми учителя наделяют учеников, имеют негативный характер: педагоги осуждают их интересы, излишнюю осведомленность, отсутствие мотивации к учебе. Возникает следующее противоречие: почти все учителя говорят о своем желании общаться с детьми, но при этом в отношении школьников у них сформирован устойчивый негативный стереотип. Причины данного несоответствия Осьмук и соавторы видят в *невнимательном отношении к проблеме психосоциального благополучия учителей*. Кроме того, современные ученики отличаются по своим характеристикам даже от школьников 1990-х гг., большинству учителей при этом сложно воспринять подобные перемены. Они продолжают ориентироваться на прежний тип молодых людей, что разрушает условия эффективной коммуникации в современной системе образования и создает дополнительные предпосылки к усилению негативных стереотипов в отношении учеников.

Вслед за Ясвиным [25] можно выделить ряд *профессионально-психологических барьеров*, некоторых установок, усиливающих состояние социальной апатии учителей. Во-первых, это *барьер субъект-объектного отношения к учащимся*, который заключается в том, что деятельность учителя направлена не на личность школьника, а лишь на его познавательные способности, воспитательная активность при этом направлена на формирование «удобного ученика» (этот феномен отмечался еще Я. Корчаком [32]). Такая позиция затрудняет взаимодействие со школьниками, провоцирует возникновение частых конфликтов и высокой эмоциональной напряженности.

Нередко возникают ситуации, при которых, даже обладая представлением о негативном влиянии на личность ребенка собственных действий, учителя продолжают их воспроизводить в своей практике. Ясвин характеризует данное положение дел как *барьер педагогической безответственности*.

Третий тип барьеров данный автор связывает с *недостаточной технологической подготовленностью учителя к функции воспитателя, проектировщика и организатора образовательной среды*: эффективная реализация новых приоритетов образовательной деятельности требует особых технологических навыков в области психолого-педагогического взаимодействия и проектирования образовательной среды, приобретение которых затрудняется не только в силу первостепенного внимания к дидактике и методике преподавания, но и по причине низкой заинтересованности учителей в саморазвитии (о чем, к примеру, свидетельствуют результаты исследования И. Шмерлиной [21]).

Фактором, влияющим или усиливающим социальную апатию учителей, также можно считать *барьер сокрытия педагогических трудностей*, который Ясвин объясняет как нежелание учителя обсуждать с коллегами возникающие трудности, свой профессиональный неуспех, в результате чего теряется мощный ресурс коллективного анализа педагогических ситуаций и их преодоления на основе партнерского взаимодействия между педагогами, что ведет к накоплению эмоционального напряжения, повышающего риск эмоционального выгорания.

Анализ перечисленных профессионально-психологических установок показал, что все они так или иначе приводят к безразличному отношению учителей к своей профессии или к какому-либо из её компонентов и могут существенно снижать профессиональную эффективность педагогов. Как отмечает автор, преодоление данных барьеров предполагает реализацию после-

довательной кадровой политики, направленной на формирование педагогического коллектива, состоящего из социально активных, личностно зрелых, по настоящему увлечённых своей работой учителей [25].

Таким образом, социальная апатия современных российских учителей характеризуется наличием таких характеристик, как пассивность, безынициативность, безразличие, отсутствие самокритичности, низкая мотивированность на образовательные результаты, тенденция к отчужденности от культуры и утрата интереса к своему делу. Феномен социальной апатии можно считать фундаментальной характеристикой современного общества. Применительно к учителям данное состояние усиливается вследствие некоторых институциональных и социально-психологических особенностей профессии, при которых социальная апатия, пассивность и безразличие становятся своеобразными формами адаптации педагогов к сложному психосоциальному контексту их работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дьюи Дж.* Демократия и образование / пер. с англ. М., 2000. 384 с.
2. *Teacher* attrition: a costly loss to the nation and to the states // The National Commission on Teaching and America's Future (NCTAF). URL: http://nctaf.org/wp-content/uploads/teacherattrition.pdf (дата обращения: 20.01.2015).
3. *Сидоркин А.М.* Профессиональная подготовка учителей в США: уроки для России // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 136–157.
4. *Головин С.Ю.* Апатия // Словарь практического психолога. URL: http://slovar.world-psychology.ru/ apatiya.html (дата обращения: 12.01.2015).
5. *Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г.* Апатия // Большой психологический словарь. URL: http://slovar.world-psychology.ru/apatiya.html (дата обращения: 12.01.2015).
6. *Карманов А.* Апатия // Психологический словарь. URL: http://azps.ru/handbook/a/apat896.html (дата обращения: 12.01.2015).
7. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. URL: http://development.placeforpeople.com/site_media/wizard/docs/Bodriyar_Obschestvo_potrebleniya_7.pdf (дата обращения: 15.12.2014).
8. *Липовецки Ж.* Эра пустоты / пер. с фр. В.В. Кузнецова. СПб., 2001. 336 с.
9. *Мэй Р.* Любовь и воля. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Mei/index.php (дата обращения: 15.12.2014).
10. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / пер. М.И. Левина. М., 1991. URL: http://e-libra.ru/read/355748-smisl-i-naznachenie-istorii-sbornik.html (дата обращения: 16.12.2014).
11. *Маркузе Г.* Одномерный человек. URL: http://modernlib.ru/books/markuze_gerbert/odnomerniy_chelovek.html (дата обращения: 16.12.2014).
12. *Швейцер А.* Культура и этика. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Schweitzer/_Index.php (дата обращения: 16.12.2014).
13. *Бурдье П.* Негарантированность повсюду. URL: http://www.redflora.org/2013/07/blog-post_23.html (дата обращения: 16.12.2014).
14. *Яременко С.Н., Пазина Л.О., Бабахова Л.Г.* Социокультурный габитус апатии в транзитивном обществе. Ростов н/Д, 2010. 166 с.
15. *Федотова В.Г.* Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 3–19.
16. *Восканян М.* В стране социальных мертвецов. URL: http://www.globoscope.ru/content/articles/1404.html (дата обращения: 08.12.2014).
17. *Кутковец Т., Клямкин И.* Нормальные люди в ненормальной стране // Московские новости. 2002. № 25. 3 июля. URL: http://www.liberal.ru/articles/cat/885 (дата обращения: 10.12.2014).
18. *Акунин Б.* Золотой Век России // Liberation. Франция. URL: http://inosmi.ru/inrussia/20070322/233566.html (дата обращения: 08.12.2014).
19. *Осницкий А.В.* Проблемы психического здоровья и адаптации личности. СПб., 2004. 379 с.
20. *Величковская С.Б.* Дифференциация негативных последствий стресса и развитие синдрома выгорания в деятельности педагогов // Современные проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий / под ред. В.В. Лукьянова и др. Курск, 2008. С. 138–153.
21. *Шмерлина И.* Заметки о российском учительстве в контексте национального проекта «Образование» // Социальная реальность. 2007. № 1. С. 5–19; № 2. С. 49–76.
22. *Собчик Л.Н.* Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб., 2005. 624 с.
23. *Бацын В.* Социологический портрет современного учителя. URL: http://socialaisdarbs.lv/index.php?id=324&Itemid=30&option=com_content&task=view (дата обращения: 08.12.2014).
24. *Guglielmi R.S., Tatrow K.* Occupational stress, burnout, and health in teachers: a methodological and theoretical analysis // Review of educational research. 1998. Vol. 68, № 1. P. 61–99.
25. *Ясвин В.* Педагогический блеф и другие психологические барьеры профессиональной эффективности школьных учителей // Директор школы. 2010. № 6 (149). С. 27–33.
26. *Алексеенок А.А., Никитина Н.В.* Социальное самочувствие учителей в современном российском обществе // Образование и общество. 2009. № 5. С. 76–80.
27. *Беляева О.С.* Субъект и объект образования: способы взаимодействия в решении образовательных задач // Вестник Пермского университета: Философия. Психология. Социология. 2011. № 3 (7). С. 49–59.
28. *Осьмук Л.А., Сафронова М.В., Захир Ю.С.* Психосоциальное благополучие и профессиональная деятельность российских учителей // Идеи и идеалы. 2013. Т. 1, № 3(17). С. 91–104.
29. *Munson C.A.R.* Teacher motivation deprivation: individual and institutional response. A dissertation… for the degree of Doctor of education in educational leadership. Northern Arizona, 2002. 292 p.
30. *Современные* проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий / под ред. В.В. Лукьянова и др. Курск, 2008. 336 с.
31. *Абрамова Г.С.* Некоторые особенности педагогического общения с подростками // Вопросы психологии. 1988. № 2. С. 96–99.
32. *Корчак Я.* Как любить ребенка. URL: http://modernlib.ru/books/korchak_yanush/kak_lyubit_rebenka /read.html (дата обращения: 15.02.2015).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 15 марта 2015 г.

THE SPECIFIC OF TEACHERS' SOCIAL APATHY

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 84-91. DOI 10.17223/15617793/394/14

Bykova Elena Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nimai@sibmail.com

Keywords: social apathy; teachers; professional characteristics; schooling; social passivity.

The article discusses the features of modern teachers' social well-being manifested in the form of social apathy. This conclusion is based on the prevalence in the pedagogical environment of inertia, indifference, lack of self-criticism and personal commitment to high educational results, the trend of alienation from traditional values of the school environment, deprivation of work interest. In spite of the fact that the government proclaimed the priority importance of education, its quality in modern schools continues to reduce, which inevitably leads to a further decline in the prestige of the teachers' profession, increasing dissatisfaction from parents and society as a whole. The article suggests that one of the major factors contributing to the decline in the education quality, the teachers' turnover, the lack of highly qualified young teachers in modern Russian schools is associated with the spread in modern social environment of a state which can be indicated by the concept of social apathy. The article defines the main features that characterize teachers' apathy and identify the conditions and reasons for its occurrence. Analysis of teachers' apathy is based on the presence of some direct and indirect signs reflecting low motivation, lack of active social position, emotional tiredness, indifferent teachers' attitude towards students and their profession. The causes of teachers' social apathy are considered from the perspective of the social background impact associated with the global characteristics of modern society, and from the perspective of the presence of more specific conditions relating to the actual teachers' work. The latter may include institutional factors, stressful working conditions, and the perception features of students by teachers, inattention to teachers' psychosocial well-being problems and some professional psychological barriers, connected with the lack of teachers' preparedness to the function of an educator and designer of educational space, that increase the state of social apathy in the pedagogical environment. Basing on the analysis of the main features and causes of social apathy in the pedagogical environment, it is concluded that this phenomenon is an ontological characteristic of modern society, but for teachers this state is also a result of some institutional and socio-psychological characteristics of a profession, in which social apathy, passivity and indifference become a form of teachers' adaptation to the complex psychosocial work context.

REFERENCES

1. Dewey J. *Demokratiya i obrazovanie* [Democracy and Education]. Translated from English Moscow: Pedagogika-Press Publ., 2000. 384 p.
2. The National Commission on Teaching and America's Future (NCTAF). *Teacher attrition: a costly loss to the nation and to the states*. Available from: http://nctaf.org/wp-content/uploads/teacherattrition.pdf. (Accessed: 20.01.2015).
3. Sidorkin A.M. Professional Teacher Training in the US: Lessons for Russia. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*, 2013, no. 1, pp. 136–157. (In Russian).
4. Golovin S.Yu. *Apatiya* [Apathy]. In: Golovin S.Yu. (ed.) *Slovar' prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of Practical Psychologist]. Available from: http://slovar.world-psychology.ru/ apatiya.html. (Accessed: 12.01.2015).
5. Zinchenko V.P., Meshcheryakov B.G. *Apatiya* [Apathy]. In: Zinchenko V.P., Meshcheryakov B.G. (eds.) *Bol'shoy psikhologicheskiy slovar'* [Big Dictionary of Psychology]. Available from: http://slovar.world-psychology.ru/apatiya.html. (Accessed: 12.01.2015).
6. Karmanov A. *Apatiya* [Apathy]. In: Karmanov A. (ed.) *Psikhologicheskiy slovar'* [Dictionary of Psychology]. Available from: http://azps.ru/handbook/a/apat896.html. (Accessed: 12.01.2015).
7. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer society]. Available from: http://development.placeforpeople.com/site_media/wizard/docs/Bodriyar_ Obschestvo_potrebleniya_7.pdf. (Accessed: 15.12.2014).
8. Lipovetsky G. *Era pustoty* [The era of emptiness]. Translated from French by V.V. Kuznetsov. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2001. 336 p.
9. Mae R. *Lyubov' i volya* [Love and Freedom]. Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Mei/index.php. (Accessed: 15.12.2014).
10. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]. Translated from German by M.I. Levin. Moscow: Politizdat Publ., 1991. 527 p. Available from: http://e-libra.ru/read/355748-smisl-i-naznachenie-istorii-sbornik.html. (Accessed: 16.12.2014).
11. Marcuse H. *Odnomernyy chelovek* [One-Dimensional Man]. Translated from English by A.A. Yudin. Moscow: AST Publ., 2002. 526 p. Available from: http://modernlib.ru/books/markuze_gerbert/odnomerniy_chelovek.html. (Accessed: 16.12.2014).
12. Schweitzer A. *Kul'tura i etika* [Culture and ethics]. Available from: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Schweitzer/_Index.php. (Accessed: 16.12.2014).
13. Bourdieu P. *Negarantirovannost' povsyudu* [Insecurity is Everywhere]. Available from: http://www.redflora.org/2013/07/blog-post_23.html. (Accessed: 16.12.2014).
14. Yaremenko S.N., Pazina L.O., Babakhova L.G. *Sotsiokul'turnyy gabitus apatii v tranzitivnom obshchestv*e [Socio-cultural habitus of apathy in a transitive society]. Rostov-on-Don: Don State Technical University Publ., 2010. 166 p.
15. Fedotova V.G. Apatiya na Zapade i v Rossii [Apathy in the West and in Russia]. *Voprosy filosofii*, 2005, no. 3, pp. 3–19.
16. Voskanyan M. *V strane sotsial'nykh mertvetsov* [In the country of the social dead]. Available from: http://www.globoscope.ru/content/articles/1404.html. (Accessed: 08.12.2014).
17. Kutkovets T., Klyamkin I. Normal'nye lyudi v nenormal'noy strane [Normal people in an abnormal country]. *Moskovskie novosti*, 2002, no. 25. 3 July. Available from: http://www.liberal.ru/articles/cat/885. (Accessed: 10.12.2014).
18. Akunin B. *Zolotoy Vek Rossii* [The Golden Age of Russia]. Available from: http://inosmi.ru/inrussia/20070322/233566.html. (Accessed: 08.12.2014).
19. Osnitskiy A.V. *Problemy psikhicheskogo zdorov'ya i adaptatsii lichnosti* [Issues of mental health and personal adaptation]. St. Petersburg: Serebryannyy Vek Publ., 2004. 379 p.
20. Velichkovskaya S.B. *Differentsiatsiya negativnykh posledstviy stressa i razvitie sindroma vygoraniya v deyatel'nosti pedagogov* [Differentiation of the negative effects of stress and burnout in the activities of teachers]. In: Luk'yanov V.V. et al. (eds.) *Sovremennye problemy issledovaniya sindroma vygoraniya u spetsialistov kommunikativnykh professiy* [Modern problems of studies of the burnout syndrome among specialists of communicative professions]. Kursk, 2008, pp. 138–153.
21. Shmerlina I. Zametki o rossiyskom uchitel'stve v kontekste natsional'nogo proekta "Obrazovanie" [Notes on Russian teaching in the context of the national project "Education"]. *Sotsial'naya real'nost'*, 2007, no. 1, pp. 5–19; no. 2, pp. 49–76.

22. Sobchik L.N. *Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki* [Psychology of personality. Theory and practice of psycho-diagnostics]. St. Petersburg: Rech' Publ., 2005. 624 p.
23. Batsyn V. *Sotsiologicheskiy portret sovremennogo uchitelya* [Sociological portrait of the modern teacher]. Available from: http://socialaisdarbs.lv/index.php?id=324&Itemid=30&option= com_content&task=view. (Accessed: 08.12.2014).
24. Guglielmi R.S., Tatrow K. Occupational stress, burnout, and health in teachers: a methodological and theoretical analysis. *Review of Educational Research*, 1998, v. 68, no. 1, pp. 61–99.
25. Yasvin V. Pedagogicheskiy blef i drugie psikhologicheskie bar'ery professional'noy effektivnosti shkol'nykh uchiteley [Teaching bluff and other psychological barriers of schoolteachers' professional effectiveness]. *Direktor shkoly*, 2010, no. 6 (149), pp. 27–33.
26. Alekseenok A.A., Nikitina N.V. Sotsial'noe samochuvstvie uchiteley v sovremennom rossiyskom obshchestve [Social well-being of teachers in modern Russian society]. *Obrazovanie i obshchestvo – Education and Society*, 2009, no. 5, pp. 76–80.
27. Belyaeva O.S. The interaction of subject and object in education. *Vestnik Permskogo universiteta: Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*, 2011, no. 3 (7), pp. 49–59. (In Russian).
28. Os'muk L.A., Safronova M.V., Zakhir Yu.S. Psychosocial well-being and professional occupation of Russian teachers. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2013, no. 3(17), pp. 91–104.
29. Munson C.A.R. *Teacher motivation deprivation: individual and institutional response*. A dissertation for the degree of Doctor of Education in educational leadership. Northern Arizona, 2002. 292 p.
30. Luk'yanov V.V. et al. (eds.) *Sovremennye problemy issledovaniya sindroma vygoraniya u spetsialistov kommunikativnykh professiy* [Modern problems of studies of the burnout syndrome among specialists of communicative professions]. Kursk, 2008. 336 p.
31. Abramova G.S. Nekotorye osobennosti pedagogicheskogo obshcheniya s podrostkami [Some features of pedagogical communication with teenagers]. *Voprosy psikhologii*, 1988, no. 2, pp. 96–99.
32. Korczak J. *Kak lyubit' rebenka* [How to love a child]. Available from: http://modernlib.ru/books/korchak_yanush/kak_lyubit_rebenka /read.html. (Accessed: 15.02.2015).

Received: 15 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 92–96. DOI 10.17223/15617793/394/15

УДК 130.2

О.В. Головашина

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ КАК СПОСОБ ОВЛАДЕНИЯ ВРЕМЕНЕМ

Рассматриваются причины популярности «Memory studies» в современной гуманитарной науке. Одной из основных причин автор считает темпоральную трансформацию, изменившую место прошлого. В период ускорения и нелинейности протекающих процессов социальная память становится человеческим осмыслением времени, попыткой его понять и освоить.
Ключевые слова: социальная память; темпоральность; социальное время; овладение временем.

Тема социальной памяти является одной из самых популярных среди современных исследователей. Регулярно защищаются диссертации (в среднем 2–3 в год, а в 2013 г. – даже 6) по философии, истории, психологии. Количество статей и монографий, по данным библиотеки elibrary, растет с каждым годом. Конечно, актуальность этой темы не требует подтверждения. Информационная трансформация вызывает нарушения привычных прежде механизмов трансляции опыта предыдущих поколений. В период переоценки ценностей, изменения образа прошлого в обществе возрастает потребность в устойчивых стабильных категориях. В том или ином виде эта мысль присутствует во всех работах, касающихся исследования социальной памяти. Однако только данной причиной объяснить подобное внимание нельзя. Все-таки «эпоха коммеморации», как метко выразился один из основоположников «Memory studies» Пьер Нора, зародилось в западных странах, прошлое и настоящее которых являются более стабильными, чем России. И сейчас именно западных авторов в основном цитируют отечественные исследователи и развивают высказанные ими идеи. Я. Ассман еще в 1992 г. писал, что «вокруг понятия воспоминания выстраивается новая парадигма наук о культуре, что различные явления и сферы культуры – искусство и литература, политика и общество, религия и право – могут быть рассмотрены в новой связи» [1. С. 11]. П. Нора разрабатывал теорию своих знаменитых «мест памяти» в 1980-е гг., тогда же Э. Хобсбаум обратил внимание на «изобретение традиций», М. Агюльон рассказывал об истории политического символизма еще раньше. Это классики, без ссылок на которых редко обходится современное исследование каких-либо аспектов социальной памяти. Но свои фундаментальные произведения они создавали тогда, когда современное ускорение не стало частью даже фантастических романов.

Другой причиной повышения интереса к памяти могла бы стать особенность развития гуманитарных наук, в поле зрения которых попадают все новые и новые проблемы. Интеллектуальная история, влияние различных ментальных аспектов на социальную и культурную динамику стали объектами внимания исследователей только в последний трети XX в. и продолжают разрабатываться сейчас. В философии, как и в историографии, «как это ни парадоксально, чем мощнее и авторитетнее интерпретация, тем больше письма она порождает» [2. С. 90]. Однако в «Memory studies» нельзя говорить об определяющем влиянии какой-либо школы или направления. Как междисциплинарная область исследования памяти отличаются крайней методологической всеядностью. Хотя ссылки на Хальбвакса являются практически обязательными в любой крупной работе, посвященной какому-либо аспекту социальной памяти, его концепция так и не получила продолжения. Отдавая дань уважения Нора, Ассману и другим крупным специалистам, современные исследователи стараются дать новые трактовки или обратиться к аспектам, которые предшественники обходили вниманием. Даже путаница с терминами (приблизительно на равных правах существуют понятия о культурной, коллективной, социальной памяти; историческая память, хотя, как правило, оговаривается исследователями отдельно, тем не менее зачастую не обладает специфическим объемом понятия) говорит о нечеткости самого объекта исследования. Попытка разграничить используемые термины не дает результата. Сейчас уже получают распространение обозначение коллективных представлений о прошлом как надындивидуальная память (А.И. Макаров), коллективная социально-историческая память (А.В. Дахин) и т.д. Конечно, в мире, в котором слова имеют больше значения, чем смыслы, определение понятий является необходимым. Но о памяти говорят школьники, которые не смогли выучить урок, психологи, специализирующиеся на познавательных процессах, философы, историки, пытающиеся по-новому взглянуть на вечные проблемы человека и мира. Представление о социальной памяти как об абстрактной категории влечет обвинения в позитивизме, а попытка дать ей объективное обоснование часто невозможна из-за эпистемологических проблем. Все это свидетельствует об отсутствии среди исследователей какой-либо концептуации социальной памяти. И дело здесь не в непрофессионализме гуманитариев, а в том, что нет парадигмы, в рамках которой память может быть проанализирована.

Долгое время представление о памяти не выходило за рамки метафор (например, след или клетка с птицами у Платона). Даже коллективные воспоминания выражались образно (мир идей у того же Платона). Впервые за пределы метафор вышел Д. Локк, однако он рассматривал только личную память. С точки зрения Локка, именно она лежит в основе процессов идентификации. Каждое конкретное воспоминание относится к единичному моменту времени, и совокупность этих моментов обеспечивает непрерывную длительность человеческого сознания. Локк говорил об индивидуальном сознании и индивидуальной памяти, однако его идеи с легкостью переносятся иссле-

дователями на ставшие популярными в XX в. вопросы коллективной идентичности. Психологическая трактовка памяти на долгое время останется наиболее признанной, хотя философы не уделяли ей серьезного внимания. Именно так оценивали социальную память и советские исследователи (А.Р. Лурия, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн), а также представители психоанализа (К. Юнг и др.). Несмотря на попытки связать концепт социальной памяти с мифологическим сознанием первобытного общества или какими-либо ценностями традиционной культуры, о ней стали говорить тогда же, когда стало актуальным представление о социуме как о возможном акторе культурной динамики. Интересно, что это совпало с распространением представления о мире как об организме, которое пришло на смену другой базовой метафоре – мир как механизм. А о том, какое место занимает память в организме, уже достаточно много говорил и Локк, и после него. Одним из первых, кто обосновал *социологическую трактовку памяти*, был Дюркгейм, исследовавший коллективные представления, затем Хальбвакс и так далее, вплоть до наших современников (И. Ирвин-Зарецка, Б. Дубин, Ж.Т. Тощенко и др.).

Психологическая и социологическая трактовки до сих пор являются самыми авторитетными среди исследователей памяти. Однако, несмотря на определенный эвристический потенциал этих подходов, они не соответствуют потребности философского осмысления социальной памяти, так как за пределами внимания исследователей остаются фундаментальные онтологические категории, определяющие и социальные процессы, и психологические особенности индивида. Поэтому в данной работе *социальная память рассматривается как человеческое осмысление времени, попытка принять его и освоить в период темпоральной трансформации.*

Темпоральная трансформация представляет собой смену парадигмы восприятия времени человеком и обществом. Мир уже сталкивался с этим, когда циклическое время устной традиции уступило место линейному. Сейчас, когда вероятность и случайность становятся фундаментальными категориями, будущее уже не определяется настоящим. Неустойчивость приводит к необратимости, и прошлое, настоящее, будущее вместо линейной последовательности становятся фракталом, влияя друг на друга в зависимости от сиюминутных потребностей субъекта. Вероятность, которая не может быть ни определенной, ни неопределенной, став частью фундаментальных законов физики, вышла за рамки ньютоновского детерминизма. Хаос, какой бы порядок из него не рождался, в сознании большинства людей остается хаосом; невозможность контролировать будущее ведет за собой неуверенность в завтрашнем дне. Хаос – это состояние событий на предельной скорости (Ж. Делез, Ф. Гваттари), воплощение ускорения и нелинейности современного мира. Время, освободившись от вечности, пугает своей недеконструированной бесконтрольностью. Прошлое, лишенное онтологического статуса, уже не является фундаментом, на котором строились массивные здания идентичностей Нового времени. Дискредитация истории – личной, общественной – привела к тому, что память (хотя это абсолютно необъективно) воспринимается субъектом как достоверный источник. В этих условиях «бум памяти» является одним из аспектов овладения временем в условиях темпоральной трансформации.

О связи памяти с временем писали многие исследователи, однако этой связи не принято уделять особого внимания. Аристотель, упомянув, что «любая память – вместе со временем. И значит, помнят только те животные, у которых есть ощущение времени, причем помнят тем же, чем и ощущают» [3. С. 514], в дальнейшем не касается данной темы. Это вполне объяснимо, так как в Античности время не требовало осмысления. Человек ощущал себя как часть Космоса, т.е. порядка. Время не являлось чем-то отдельным от субъекта. Кронос и Мнемозина – отдельные персонажи в олицетворявшей все греческой мифологии. Первую известную метафору времени – «дитя, играющее камешками» – связывают с именем Гераклита, однако время в Античности – это всего лишь «подвижный образ вечности» (Платон), поэтому внимания стоила вечность, а не время. Несмотря на то что Ф.А. Йейтс считает возникшую в Античности «одержимость памятью» лейтмотивом дальнейшего развития всей европейской цивилизации, ни социальную память, ни время как онтологическую категорию в то время не осмысляли.

В период теоцентризма представление о порядке-космосе оставалось, только над этим порядком стоял Бог. Вечность, в числе всего остального, также принадлежала Богу, поэтому если и можно было говорить об ее осмыслении, то – никогда об овладении. Человек был лишен автономности и права на производство смысла. Поэтому и память имеет права на существование, прежде всего, как жилище Бога: «Если не найду Тебя в моей памяти, значит, я не помню Тебя. А как же я найду Тебя, если я Тебя не помню?» [4. С. 161].

Вечность еще долго будет занимать европейских философов; осмысление времени в широком смысле этого слова невозможно было без определения его отношения к вечности вплоть до XIX в., когда критика метафизики достигла апогея, а обращение к Богу и вечности перестало соответствовать крайнему номинализму европейских мыслителей. Кант отвел времени место атрибута бытия, которое было признано последующими философами достаточно достойным, чтобы не уделять ему серьезного внимания. И только когда к философии стала применима темпоральная приставка «пост»-, вопрос о месте времени снова показался актуальным. Хотя философия не только определяет происходящие изменения, но и, в свою очередь, определяется ими. Время ворвалось не только в философию, но в окружающую действительность, воспринимаясь более прагматичными современниками атрибутом не столько бытия, сколько менее абстрактной жизни. Конец XIX – начало XX в. проходили под знаком поисков не столько «утраченного времени», сколько потерянного прошлого. Линейность стала теряться за отсутствием веры в будущее и утратой связи с прошлом. «Потерянными» были не

только ровесники Ремарка, но и вся послевоенная Европа. Мир менялся быстрее, чем поколения, и впервые жалобы старших на тему, как раньше было подругому, стали иметь под собой объективное основание. Самое бытие теряет метафизический характер, а понятие онтологии расширяется. Время без вечности становится более доступным.

С идеей «овладения временем» в 1920-х гг. впервые выступил академик А.Е. Ферсман [5], хотя его брошюра носит не философский, а популярный для того периода пропагандистский характер, вполне объяснимый для академика-естественника, если принять во внимание всеобщее увлечение временем. «Можно ли им овладеть?», – спрашивает Ферсман, но в его трактовке это даже не вопрос, а призыв к действию. Никакой научной концепции в его работе не было, поэтому термин «овладение временем» вошел в философский дискурс с творчеством современника Ферсмана русского философа Валериана Николаевича Муравьева. Его концепция несет на себе следы космизма Н.Ф. Федорова, «длительности» А. Бергсона, но – прежде всего – эйфории первых лет существования советской власти и ее амбиций, связанных с трансформацией всего мира. Теперь уже мало реформ, революций, единственная достойная цель – это «овладение всеми вообще процессами движения и изменения путем завоевания их общего корня – времени» [6. С. 32]. Повернуть реки вспять, сады в пустыне – все эти планы кажутся мелкими по сравнению с тем, который предлагал Муравьев.

Идея Федорова о воскрешении человека мыслится Муравьевым как следствие победы над временем, которая позволит оборачивать все процессы вспять, совершить «прыжок из царства необходимости в царство свободы» [Там же. С. 91]. В отличие от Бердяева, Муравьев считает воскрешение реальным, а не символическим актом. Это должно осуществиться благодаря совместным действиям социальных групп, личные, космические и коллективные цели которых всегда приводят к преобразованию мира. Как и положено «космистам», В.Н. Муравьев называет «овладением временем всякое вообще содержательно и целесообразно произведенное изменение в природе, поскольку оно создает или воссоздает реальность согласно имеющемуся образцу» [Там же. С. 126], т.е. считает человека только действующей силой природы. Однако реализация поставленной им глобальной цели возможна еще и потому, что «у нас есть разум, мыслящий в категориях обратимости, повторяемости, общности» [Там же. С. 132], т.е. сама природа человека подготовила его к жизни во времени, к деятельности. В эпоху абсолютной веры в могущество советского человека «овладение временем» становится главной целью, а не только способом преодолеть экзистенцию.

Призыв Муравьева, несмотря на его соответствующий времени утопический пафос и всеобщее увлечение проблемами темпоральности, не получил огласки в Советском Союзе, а сам автор «через несколько лет он погиб в Нарыме: революция беспощадна не только к тем, кто отстает от нее, но и к тем, кто ее “опережает”» [7. С. 142–143].

Сейчас идея Муравьева развивается в современной синергетике, в которой она понимается как управление коэволюционной сложностью, т.е. воздействие на разнообразные подсистемы с целью конструирования желаемого будущего [8].

Муравьев в своем труде не касается памяти. Страна, в которой он жил, диктовала взгляд в будущее, а не прошлое (против чего, кстати, выступал Бердяев [9]). Но в тот же период в другой стране появляется также не оцененный современниками труд о коллективной памяти, ссылка на который теперь является обязательной для всех начинающих исследователей «Memory studies». М. Хальбвакс связывает память больше с пространством, чем с временем (особенно в поздней работе «Легендарная евангельская топография в Святой земле»), а влияние Дюркгейма в его фундаментальной работе ощущается больше, чем Бергсона. «Воспоминание может и не сохраняться – наше нынешнее сознание содержит в себе и находит вокруг себя средства, позволяющие его выработать» [10. С. 129]. Однако, несмотря на однозначную социологическую направленность, одна из основных идей Хальбвакса – это конструирование пространства и времени через образы памяти. Скорее всего, Хальбакс был знаком с произведением еще одного поклонника Бергсона М. Пруста. Его не столько длинный, сколько длительный, бесконечный, как само время, роман больше, чем какое-либо академическое произведение, показал метафорически-метафизическую связь памяти и времени.

С этого периода идея памяти как способа конструирования времени довольно часто появляется в среде интеллектуалов. Однако, как у Хальбвакса, социальная память традиционно больше связывается с пространством, чем со временем. П. Рикер называет памятью направленность сознания в прошлое. Воспоминания как продукт являются способом возвращения к самому себе. Однако датирование и локализация, с точки зрения Рикера, представляют собой «взаимосвязанные феномены, свидетельствующие о существовании неразрывной связи между проблематикой времени и проблематикой пространства» [11. С. 98]. Человеку, с точки зрения М.К. Мамардашвили, свойственна определенная «незавершенность», т.е. отсутствие полноты восприятия мира во времени и пространстве. Социальная память как воспоминание не только индивида, но и окружающих дает человеку новое восприятие прошлого [12]. Таким образом жизненный мир индивида расширяется, охватывая больший промежуток времени, чем он обладает объективно. Время – непонятное и непонятое – ассоциируется в сознании с уничтожением и потерями, однако «память противостоит уничтожающей силе времени. Память – это преодоление времени, преодоление пространства» [13. С. 65]. В любом случае «ум, память и время являются самосоотносящимися понятиями, и при их анализе мы уподобляемся человеку, пытающемуся поднять себя за волосы» [14. С. 148].

Все более ускользающее в XX в. прошлое требовало практик коммеморации. Переживший социальные катаклизмы, ничего не оставившие от ушедшего мира, Бердяев считал прошлое практически сакраль-

ным. Он вообще готов отказать времени в его объективном существовании, поскольку не время является условием изменений, а напротив, изменения порождают время. Время – это «состояние вещей», его характер определяет память, а не личность, как доказывают сторонники психологического подхода.

У Бердяева память становится экзистенциальной категорией. Постоянные изменения пугают человека, однако представления о наличии у него какой-либо внутренней неизменной структуры его подавляют, а значит, мешают творчеству. «Моя судьба осуществляется во времени, разбитом на прошлое и будущее... и вместе с тем прошлое и будущее существуют только в моем настоящем». Однако Бердяев разделяет прошедшее как то, что может исчезнуть из памяти человека, и прошлое как часть бытия. Воспоминания преобразуют прошлое, создают его заново. Поэтому память как «творчески активное начало» «есть онтологическое сопротивление власти времени» [15. С. 232].

Экзистенция невозможна без осознания не только прошлого, но и вообще – временности бытия человека. Именно «воспоминание конструирует время», настаивает Э. Гуссерль [16]. В общем не отрицая существования «природного времени (Raum-Zeit), он не уделяет ему внимания, как и не анализирует вопрос о взаимосвязи времени как такового и природного времени. Он пишет о необходимости «внутреннего сознания времени», имманентном конструировании времени из опыта, так как именно оно, а не природное время, оказывает ключевое влияние на жизнь человека. Опыт, воображение определяют время, поэтому нет традиционной линейности, а прошлое и будущее существуют в настоящем. Но если у Гуссерля поток времени направлен, как и в представлениях классиков, в будущее, то у Хайдеггера, в целом повторяющего представление о времени своего учителя, время, сливаясь с бытием, перестает быть объективным, абсолютным временем классической эпохи: «Бывшее заодно с будущим и настоящим только и делает возможной экзистенцию» [17. С. 352]. Человек, который не хочет видеть бытие во времени, забывает о своем бытии, а потом забывает о своем забывании. Память возвращает бытие человека во времени как истинное бытие.

Время в современной философии сохраняет свою не «деконструированную» роль. Темпоральная трансформация, которой, безусловно, касались многочисленные исследователи «Шока будушего», «Конца истории» и так далее, еще не получила достойного осмысления. Жизненный мир индивида достиг размеров планеты (Э. Гуссерль), окружающее пространство меняется быстрее, чем картинки вокруг становятся привычными, ценности перестают быть основополагающими, а стабильность ассоциируется с застоем. Все это вызывает у современного человека «тревожно-любопытную тягу к своим корням» [18]. Эта «завладевшая нами ностальгия, маниакальный поиск истоков, повальное увлечение исторической консервацией, сильнейшая приверженность к национальному наследию – все это показывает, с какой интенсивностью мы по-прежнему ощущаем прошлое» [19. С. 21], которое, тем не менее, остается «чужой страной» и требует осмысления. В этой ситуации память – это «темпоральное измерение сознания как пространства символического обмена» [20].

Однако «подлинный опыт есть тот, в котором человек осознает свою конечность» [21. С. 420], и это осознание диктует необходимость овладения временем. Не как Муравьев – его вера в деятельность человека и светлое будущее могла быть только в эпоху абсолютно-линейного устремления вперед; в эпоху хаоса от времени остается только память вместо опыта и мечты вместо стремлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Assmann J.* Das kulturelle Gedachtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identitat in fruhen Hochkulturen. Munchen : Beck, 1992.
2. *Culler J.* On Deconstruction: Theory and Criticism after Structuralism. London, 1983.
3. *Аристотель.* О памяти и припоминании // Вопросы философии. 2004. № 7.
4. *Августин Блаженный.* Исповедь // Августин. Творения / сост. С.И. Еремеева. СПб. : Алетейя ; Киев : Уцимм-пресс, 1998. Т. 1.
5. *Ферсман А.Е.* Время. Пг. : Время, 1922.
6. *Муравьев В.Н.* Овладение временем. М. : РОССПЭН, 1998.
7. *Воробьев О.А.* «В Сталина нужно стрелять»: Переписка Н.В. Устрялова и Н.А. Цурикова 1926–1927 годов // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 142–143.
8. *Князева Е.Н.* Овладение временем и управление коэволюционной сложностью. URL: http://spkurdyumov.ru (дата обращения: 25.11.2014).
9. *Бердяев Н.А.* Время и вечность // На переломе. Философские дискуссии 1920-х годов: Философия и мировоззрение. М. : Политиздат, 1990. С. 402–410.
10. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина М. : Новое издательство, 2007.
11. *Рикер П.* Память, история, забвение. М., 2004.
12. *Мамардашвили М.К.* Стрела познания (набросок к естественноисторической гносеологии). М., 1997.
13. *Лихачев Д.С.* Прошлое – будущему. М. : Наука, 1985.
14. *Уитроу Дж.* Естественная философия времени. М., 1964.
15. *Бердяев Н.* Я и мир объектов. Опыт философского одиночества и общения // Философия свободного духа. М. : Республика, 1994.
16. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления / пер. с нем. Д.В. Скляднева. СПб. : Наука, 1998.
17. *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001.
18. *Бодрийяр Ж.* Система вещей / пер. с фр. М. Рудомино. М., 1995.
19. *Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна. М. : Владимир Даль, Русский Остров, 2004.
20. *Макаров А.И.* Феномен надындивидуальной памяти. Волгоград, 2009.
21. *Гадамер Г.Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 28 февраля 2015 г.

SOCIAL MEMORY AS A WAY OF MASTERING TIME

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 92-96. DOI 10.17223/15617793/394/15

Golovashina Oksana V. Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Keywords: social memory; temporality; social time; mastering time.

The theme of social memory is one of the most popular among modern researchers. This cannot be explained solely by changes in society or by features of the Humanities, thus we associate the growth of interest in the memorial issue with modern temporal transformation. Psychological (J. Locke, K. Jung, and others) and sociological (M. Halbwachs, I. Irwin-Zarecka and others) interpretations are still the most authoritative among memory researchers. They have heuristic potential; however, they do not correspond to the needs of the philosophical understanding of social memory because fundamental ontological categories that define both social processes and psychological characteristics of the individual remain outside researchers. Therefore, in this paper social memory is seen as human understanding of time. Many researchers, starting with Aristotle, mentioned the connection between time and memory. However, in the Antiquity time was part of the global space-to-order, in the Middle Ages it belonged to God and, therefore, could not enter into the circle of research interests. When linearity was lost because of the lack of faith in the future and loss of connection with the past, philosophers (V.N. Muravyov, M. Halbwachs) began to comprehend the temporal aspects of genesis. The past slipping away in the twentieth century required commemoration practices, so memory became an existential category. However, existence is not possible without comprehension of the temporality of human existence. E. Husserl and M. Heidegger insist that only memory returns the genesis of people in time as the true being. Now, the past devoid of ontological status is not a foundation on which the massive buildings of identities of the New time was built. Temporal transformation happened. It was a change of the paradigm in the perception of time by man and society. The world has already experienced it, when the cyclic time of the oral tradition gave way to the linear one. Now, when the probability and randomness become fundamental categories, the future is not determined by the present. Instability leads to irreversibility, and, instead of a linear sequence, the past, the present and the future become fractal, influencing each other depending on the immediate needs of the subject. The probability, which can be neither certain nor uncertain, becoming a part of the fundamental laws of physics, went beyond the determinism of Newton. The discrediting of personal and public history resulted in memory (though it is absolutely biased) is perceived by the subject as a reliable source. In these conditions the "Memory Boom" is one of the aspects of mastering time in terms of temporal transformation. Thus, social memory is perceived as one of the variants of mastering time and a method of its construction.

REFERENCES

1. Assmann J. *Das kulturelle Gedachtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identitat in fruhen Hochkulturen*. Munchen: Beck, 1992.
2. Culler J. *On Deconstruction: Theory and Criticism after Structuralism*. London, 1983.
3. Aristotle. O pamyati i pripominanii [On memory and recollection].*Voprosy filosofii*, 2004, no. 7.
4. St. Augustine. *Tvoreniya* [Works]. St. Petersburg: Aleteyya Publ.; Kyiv: Utsimm-press Publ., 1998. V. 1.
5. Fersman A.E. *Vremya* [Time]. Petersburg: Vremya Publ., 1922. 58 p.
6. Muravyov V.N. *Ovladenie vremenem* [Mastering time]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1998. 320 p.
7. Vorob'ev O.A. "V Stalina nuzhno strelyat'": Perepiska N.V. Ustryalova i N.A. Tsurikova 1926–1927 godov ["Stalin needs to be shot": Correspondence of N.V. Ustryalov and N.A. Tsurikov in 1926–1927]. *Voprosy istorii*, 2000, no. 2, pp. 142–143.
8. Knyazeva E.N. *Ovladenie vremenem i upravlenie koevolyutsionnoy slozhnost'yu* [Mastering time and management of co-evolutionary complexity]. Available from: http://spkurdyumov.ru. (Accessed: 25.11.2014).
9. Berdyaev N.A. *Vremya i vechnost'* [Time and Eternity]. In: Alekseev P.V. (ed.) *Na perelome. Filosofskie diskussii 1920-kh godov: Filosofiya i mirovozzrenie* [At the turn. Philosophical discussion of the 1920s: philosophy and outlook]. Moscow: Politizdat Publ., 1990, pp. 402–410.
10. Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social frameworks of memory]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 348 p.
11. Ricoeur P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury Publ., 2004. 728 p.
12. Mamardashvili M.K. *Strela poznaniya (nabrosok k estestvennoistoricheskoy gnoseologii)* [The arrow of knowledge (sketch to the natural history of epistemology)]. Moscow: Shkola; Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 304 p.
13. Likhachev D.S. *Proshloe – budushchemu* [The past to the future]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 575 p.
14. Withrow J. *Estestvennaya filosofiya vremeni* [The natural philosophy of the time]. Translated from English. Moscow: Progress Publ., 1964. 431 p.
15. Berdyaev N. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of free spirit]. Moscow: Respublika Publ., 1994, pp. 230–243.
16. Husserl E. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. Translated from German by D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka Publ., 1998. 315 p.
17. Heidegger M. *Osnovnye problemy fenomenologii* [Basic Problems of Phenomenology]. Translated from German by A.G. Chernyakov. St. Petersburg: VRFSh Publ., 2001. 445 p.
18. Baudrillard J. *Sistema veshchey* [The system of things]. Translated from French by M. Rudomino. Moscow: Domino Publ., 1995. 172 p.
19. Lowenthal D. *Proshloe – chuzhaya strana* [The past Is a Foreign Country]. Translated from English by A.V. Govorunov. Moscow: Vladimir Dal' Publ., Russkiy Ostrov Publ., 2004. 624 p.
20. Makarov A.I. *Fenomen nadyndividual'noy pamyati* [The phenomenon of supra-individual memory]. Volgograd: Volgograd State University Publ., 2009. 216 p.
21. Gadamer H.G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germenevtiki* [Truth and Method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress Publ., 1988. 704 p.

Received: 28 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 97–101. DOI 10.17223/15617793/394/16

УДК 1.16.165.1

М.В. Гончаренко

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Сформулировано утверждение, что позитивное знание, апеллирующее к элиминации «несоответствующих» сегментов актуальной для нас действительности, наделяет такую модель реальности несоответствием высокого порядка, а сокрытие такого положения вещей «позитивное» знание производит посредством объявления всего нерационального бессмысленным. Речь идёт об использовании унаследованного принципа средневековой традиции, и поэтому на данном этапе постмодернистский дискурс является своеобразной попыткой преодоления крайне негативного социокультурного противоречия рационального – иррационального.

Ключевые слова: объективное знание; фальсификация; рациональность; интеллектуальная ситуация; реальность.

Принято считать, что проблема фальсификации тесно связана с проблемой демаркации. Однако, учитывая некоторые особенности понятия «объективности» (а следовательно, и особенности объективного знания), возникает вопрос об аспекте видения, который определяет собственно объективность той или иной системы знания. Другими словами, проблема достоверности основания знания сохраняет свою актуальность, невзирая на такой инструмент, как демаркация. В контексте рассуждения П. Фейерабенда о теориях и экспериментальных результатах, которые «никогда не являются вполне формализованными и интерпретированными, класс базисных утверждений никогда не “дан” просто» [1. С. 222–223], мы сталкиваемся с реальным подтверждением рациональной несводимости так называемых утверждений (базиса) и соответствующих выводов (следствий). Во-первых, базисные утверждения – пресуппозитивны (и К. Поппер был не единственным, кто не смог это опровергнуть: невозможна *полная* информация и интерпретация знания), во-вторых, именно их во многом интуитивная природа и структурирует определенным образом теории, гипотезы – в общем, все, что мы называем знанием. «Содержание и теории, и эксперимента часто образуется опровержением, осуществленным и признанным научным сообществом. Опровержения тогда не являются базисом решения фальсифицируемости: ученый… благодаря этому решает, какого вида теорию он хочет получить» [1. С. 223], – но довольно часто различного рода опровержения лежат на поверхности и, следовательно, a priori принимают участие в конституировании теории (т.е. процесс может иметь такой же вид, но протекать в ускоренном режиме) именно того вида, который необходим *здесь* и *теперь*. Проблема в том, что теории любого вида по определению, с точки зрения объективного знания «карикатурны», что совершенно исключается и игнорируется как К. Поппером, так и его последователями.

Поскольку атрибутом рациональной схемы принято считать объективное знание, то помимо возникающего непонимания феномена *объективности* актуален вопрос о возможности последнего (объективного знания) как архетипа. Во-первых, чем обусловлено само непонимание феномена объективности, если десигнат реальности и десигнат истинного определён со времён древнегреческой архаики? Во-вторых, признание за принципом целесообразности статуса объективности весьма напоминает природу декартовского сомнения. Поэтому в конечном счете не может быть ничего удивительного и неожиданного в актуализации современного постмодернистского дискурса, основанием которого явилась, вне всяких сомнений, именно система «позитивного» знания, сумевшая ко второй половине XX столетия в своей *объективности* превзойти известные схоластические и алхимические системы прошлого. «В эйнштейновской теории гравитации представление о материи и её динамических взаимодействиях базируется на понятии геометрической структуры, внутренне присущей пространственно-временному континууму. Идеальным устремлением этой теории, ее конечной целью является не более не менее как доказательство следующего утверждения: четырехмерный континуум, наделённый определённой внутренней геометрической структурой, структурой, которая подчинена определённым, присущим чисто ей геометрическим законам, должен представлять адекватную модель или картину “окружающего нас реального мира в пространстве и времени” со всем, что он содержит, описывающую его поведение как целого, – картину всех событий, разыгрывающихся в нём» [2. С. 10], – рассуждает австрийский физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии. «Поиски геометрического образа мироздания – центральное место современной Теории Великого Объединения, где в геометрической фигуре должны непротиворечиво объединиться четыре фундаментальные силы: сильное, слабое, электромагнитное и гравитационное взаимодействия, которые действуют в природе и на базе которых объясняется строение и эволюция материи. Современный научный смысл Теории Великого Объединения формируется выражением “всё связано со всем”, где задача теории – найти основу этой связи» [3. С. 183], – делает не менее эпохальный вывод о «теории» доктор филологических наук, профессор А. Гируцкий. Приведенные примеры, к сожалению, являются узаконенной нормой теоретических систем позитивного знания. Таким образом, современная система знания, структурированная архетипом *объективного*, естественным образом является высокоточным образцом постмодернистского дискурса.

Социальный аспект реальности вне реальности эпистемологической – нонсенс, так как именно от

того, что принимается в качестве *реального* в конкретной системе социальных отношений в конкретный исторический момент, и одновременно от того, какие эпистемологические методы «востребованы» реальностью, зависит тип так называемого социокультурного компонента (контекст научных революций всегда имеет социальную природу, по Т. Куну). Другой вопрос в том, почему определенные сообщества делают именно *этот* выбор: «Решение о том, что следует считать реальным, является одним из наиболее важных решений как отдельного индивида, так и группы людей, ибо оно оказывает влияние на частную и общественную жизнь каждого человека» [1. С. 228]. Другими словами, чем обусловлена целесообразность конкретного выбора и вообще можем ли мы ее указать: иррациональные аспекты дискурса и тут напоминают о себе позитивному знанию, предлагающему в этой связи отговорки весьма сомнительного характера (мышление – это процесс отражения объективно существующей действительности, данной нам в восприятии и т.д.).

Рационализм в различных модификациях (вплоть до вульгарного марксизма) не теряет надежды на обретение *абсолютного* основания системы знания, при этом демонстрируется несокрушимая уверенность в возможности полной его рационализации; при этом неизбежное системное противоречие (возможность субстанционального познания при отрицании субстанции) игнорируется. Соответственно, социальная реальность в этом случае приобретает черты рационального диктата. К примеру, если дарвинистская теория эволюции соответствует представлению, то этого достаточно для того, чтобы объявить библейский миф о грехопадении опровергнутым вышеуказанной теорией (принципиальная невозможность противоречия данных контекстов не учитывается и не прослеживается). Впрочем, избитый пример коперниканской революции и позиция высоких схоластов – классический пример диктата с точностью до наоборот. Таким образом, факт как результат социального дискурса является и объектом «воздействия» и субъектом «действия» одновременно. Социальная реальность как конкретизированная форма, «форма жизни» [4] – это не что иное, как объект, исследование которого не может определиться с тем «первым шагом», без которого конституирование целостной системы невозможно: «Первичная импрессия есть [нечто] абсолютно немодифицированное, первичный источник для всего дальнейшего сознания и бытия» [5. С. 71].

Ввиду изложенного, т.е. ввиду того что реальность (в истолковании Парменида), «отождествившись» с рациональной моделью (реальности) и исключив по определению фактор субъектности, объявив фактически процедуру доказательства единственно возможной для получения *истинного* знания, следует: «Фраза “приблизиться к истине” лишена смысла» [1. С. 244], так как бесконечная процедура доказательства не может пренебрегать другими актуальными для нас элементами восприятия и не может посредством суммы доказательств структурировать модель, представленную элементами, неактуальными для системы доказательства. Следовательно, позитивное знание, апеллирующее к элиминации «несоответствующих» сегментов актуальной для нас действительности, приговаривает такую модель реальности к *несоответствию* довольно высокого порядка, а сокрытие такого положения вещей «позитивное» знание производит посредством объявления всего нерационального бессмысленным. Фактически речь идёт об использовании унаследованного принципа средневековой традиции. Поэтому постмодернистский дискурс, в самом широком смысле, является своеобразной попыткой преодоления крайне негативного социокультурного противоречия рационального – иррационального. В конце концов сколько бы мы ни пытались убеждать себя в возможности *полного* постижения реальности, на поверку при этом мы имеем высказывания духовных лиц следующего типа: «Знание должно быть достоверным».

В этой связи приведем одно интересное рассуждение Э. Маха: «Схемы формальной логики и индивидуальной логики приносят [ученому] мало пользы, поскольку интеллектуальные ситуации никогда в точности не повторяются» [6. С. 200]. Интеллектуальные ситуации как структура какого-либо контекста, или как неотъемлемый элемент деятельности, или как, возможно, теоретическая система – это всегда упорядоченная модель реальности, которая de facto является определенного рода проекцией конституирующего основания, т.е. мы можем рассматривать любую интеллектуальную ситуацию как проекцию познающего субъекта, основание которой есть как раз так называемый познаваемый объект (реальность) с точки зрения позитивного знания. Проблема в том, что интеллектуальные ситуации неповторимы: схемы имеются, но возможность / невозможность их модификации (и их успешного применения) определяет в дальнейшем возможность / невозможность новой интеллектуальной ситуации как теоретической системы. Другими словами, именно основание, не без учёта пресуппозиции, обусловливает саму возможность интеллектуальной ситуации как аргументированную систему взаимоотношений различных элементов с точки зрения конкретной парадигмы знания, поэтому и ученый, и теолог, и, как это ни странно, художник не могут и никогда не смогут использовать так называемые *копии* или *образцы* интеллектуальных ситуаций. Пресуппозиция всегда конституирует новый ансамбль отношений в каждом конкретном случае посредством введения и использования новых элементов и их конфигураций: «Элемент как таковой не обладает совсем специфическим содержанием; все свое значение он получает только из занимаемого им в системе относительного положения» [7. С. 142], – отмечает Э. Кассирер. Действительно, если бы система квантовой физики была калькой теоретической системы относительности, то, вероятно, мы бы, собственно, не имели и представления о квантовой физике. В связи с этим актуален вопрос А. Карпенко: «Наверное, не одному человеку приходила в голову мысль, что если логика даже одного класса континуума людей (разумных существ) всегда конечное число и пусть каждый рас-

суждает по-своему, то что же тогда представляет собой Логика как таковая?» [8].

Логика – атрибут / элемент деятельности: поскольку деятельность разнообразна, постольку и логика разнообразна. Данный подход к проблеме логики и, следовательно, разнообразий интеллектуальных ситуаций частично обусловлен следующим сравнением Ф. Капры: «В теории Эйнштейна вещество не мыслится вне этого гравитационного поля, а гравитационное поле не мыслится без искривлённого пространства. Таким образом, вещество и пространство воспринимаются как непрерывно связанные понятия… как взаимосвязанные частицы единого целого» [9]. Вопрос об эпистемологических принципах, с одной стороны, не имеет (и не может иметь) никакого отношения к психологии, а с другой стороны, чем можно обосновать антипсихологизм пресуппозиции в принципе? Если любое высказывание системы (теоретической и др.) обусловлено пресуппозицией, то каким же образом система остается в целом вне пресуппозиции? Если «методы влияют на наши понятия» [10. С. 34], то каким же образом обусловленная ими та или иная модель реальности остается вне этого процесса? То есть правомерно ли допускать возможность модели реальности, которая не испытывает на себе влияние пресуппозиции, или может ли интуитивно конституируемая модель быть лишена компонента амбивалентности психофизической природы субъекта? Весьма сомнительно, в том числе и потому, что любые модели всегда сугубо историчны (птолемеевская астрономическая система, элиминированная физической картиной Ньютона и т.д.).

Действительно, реконструкция фактов, так же как и конституирование модели реальности, – процесс, который подвергнут опасности не только опровержения, но и частичного или полного несоответствия существующим стандартам знания. При этом не важно, что первое связано с ретенцией (как удерживанием), т.е. направлено назад, в прошлое, а второе – с протенцией (как продлением), т.е. задано будущим. Принятые стандарты настоящего одинаково «несводимы» ни к прошлому, ни к будущему, поэтому возникает вполне естественная проблема оснований, вернее, их метафизического статуса в контексте различных моделей реальности. Объект, как инвариант факта, во многом предопределяет «область допустимых значений» модели, т.е. утверждение Галилея о том, что Земля крутится, рассматривалось с точки зрения научного дискурса как «истинное» или «ложное», а с точки зрения телеологического дискурса как правомерное или неправомерное, но это утверждение не рассматривалось с точки зрения религиозного дискурса как моральное или аморальное, потому что религиозный дискурс предопределен приоритетом морально-этических понятий / категорий, к которым, по определению, вращение планеты не может иметь отношения. Именно этот фактор определяет возможные контексты использования приведенного высказывания, т.е. нельзя «отклонить» основания дискурса по причине какого-то нового фактора, не имеющего к нему никакого отношения. Система «тайных знаний» и теорий, «объединяющих все элементы», здесь в расчёт принята быть не может. Следовательно, возможные приоритеты оснований и их метафизический статус обусловлены непосредственно моделью реальности: «Великое значение оснований заключено в их связи со всеми конкретными частями науки, но тем большей опасности они подвергаются перед лицом любого нового фактора» [1. С. 258], – приходит к заключению А. Эйнштейн, и «это созвучно утверждению Маха об авторитетности инстинктивных принципов и о необходимости приспосабливать к ним эмпирические факты» [Там же], – продолжает П. Фейерабенд.

Рассмотрим, вслед за П. Фейерабендом, некоторые выводы А. Эйнштейна о научной системе Э. Маха: «Система Маха изучает отношения, существующие между данными эксперимента: для Маха наука есть совокупность этих отношений. Такая точка зрения ошибочна, и в действительности Мах создает каталог, а не систему <…> Мах призывает всегда иметь в виду целое. В его представлении историческое развитие механики заключалось в постепенном раскрытии, в сущности, “одного большого факта”» [1. С. 260–261], – приходит к выводу П. Фейерабенд. Очевидно, А. Эйнштейн делает вышеприведенное заключение на основе противопоставления, собственно, каталога и системы. То есть система, таким образом, либо исключает каталог как своеобразное упорядочивание элементов структуры, либо каталог как «данные эксперимента» вообще не может иметь отношения к научной системе, так как последняя структурирует непосредственно саму реальность, по отношению к которой любой эксперимент – всего лишь попытка выявления существующих / несуществующих взаимосвязей. При этом важно отметить, что любой эксперимент может быть как удачным, так и провальным.

По Э. Маху, факты как целое – это некое следствие инстинктивных принципов, т.е. возможность реконструкции факта – это не что иное, как акт феноменологического полагания, обусловленный психофизической реальностью субъекта, континуальность которого актуализирует мир как совокупность фактов, по Л. Витгенштейну. Поэтому исключение эксперимента, как и его данных, из области реального и соотнесение его только с конкретными моделями реальности весьма необоснованно, так как актуальность реальности вне модели невозможна. Реконструкция фактов – это процесс, напоминающий следующее положение вещей: ретенция как континуум [5. С. 13]. Поэтому проблема демаркации знания в контексте объективного знания выглядит как весьма надуманная, если общие факты и принципы их реконструкции предопределены континуальностью ретенции. В этой связи имеет смысл обратиться к противопоставлению исторической и абстрактной традиции, неоднократно упоминаемой П. Фейерабендом. Во-первых, принципиально исключается историчность абстракции, т.е. абстракция всегда эксклюзивна, более того, она вытеснена за пределы культурно-исторического «протекания». Во-вторых, историческая традиция странным образом нивелирует саму идею абстрактного, так как эта традиция определена исключительно объектами

(языком объектов), и не имеет значения, как в конечном итоге этот язык объектов конституирует взаимосвязи данных элементов. Другими словами, утверждение и аргументация двух традиций – это разные системы, противопоставленность которых не может быть упразднена посредством констатации наличия в них тождественных элементов. Итак: «Абстрактная традиция формирует утверждение. Утверждения подчинены определенным правилам (правилам логики, проверки, аргументации и т.д.) и события воздействуют на утверждения только в соответствии с этими правилами. <...> Это, как говорят, гарантирует "объективность" информации, сообщаемой этими утверждениями, или "знания", которые они содержат» и «люди изучают сам язык объектов, а не то, что из него получается после обработки посредством абстрактных процедур (экспериментов, математизации)» [1. С. 389]. Язык объектов лишен функции формирования утверждений (следовательно, и представлений), и за этим следует невозможность тождества абстрактных процедур (аргументация, эксперимент и многое другое), без которых невозможна ни одна из существующих традиций, точно так же как невозможна и внеисторическая абстракция.

Таким образом, мы можем констатировать, что и абстрактность, и историчность – это принципы, являющиеся обязательными для любой модели (или системы представлений, системы знаний), так как модель реальности, одновременно выступая и как элемент деятельности, связанной с описанием мира, и как картина представлений, т.е. как конкретизация момента непрерываемого / длящегося процесса, является определенным образом структурированной системой, обладающей как правилами формирования, так и правилами интерпретации, что невозможно вне принципа абстрагирования и вне принципа историчности. Правила проверки и аргументации, правила употребления и т.д. – это атрибуты любой языковой игры, достоверность которой имеет конвенциональную природу, по Л. Витгенштейну, и как вид деятельности она не может быть ограничена, по определению, лишь некоторыми избранными дискурсами.

Исходя из этого, попытаемся проанализировать тезис о том, что модель, в которой элементы-индексы, указывающие во взаимодействии на то, что возможно и что невозможно в пределах текста, определяют соотношение, собственно, самого текста и реальности, его конституировавшей. Другими словами, структурный анализ текста моделирует не только инварианты языковых единиц, позволяющих определить их соотношение с соответствующими единицами конкретного реального текста, но также он моделирует и возможные / актуальные для нас «принципы» реальности, которые определенным образом конституируют сам текст. Следовательно, дискурс модели обусловлен дискурсом возможного понимания, который, в свою очередь, не ограничен исключительно рациональным аспектом знания.

В этой связи приведем известную проблему аутентичности «Слова о полку Игореве», суть которой состоит в том, что подлинность памятника, сгоревшего в московском пожаре 1812 г., установить невозможно из-за отсутствия самого памятника. А. Зализняк, известный специалист в области структурной грамматики русского языка, на основании лингвистического анализа «Слова о полку Игореве» приходит к выводу о том, что установление факта подлинности памятника может быть произведено только на основании данных структурного, функционального, сравнительно-исторического анализа его элементов, т.е. рассмотрение данного объекта (памятника) в ретроспекции возможно только с точки зрения существующих на данном этапе средств анализа. «Необходимо, однако, ясно представлять себе общую ситуацию в конце XVIII в. Исторической лингвистики, т.е. науки об изменении языков во времени, еще не существует, до ее первых шагов еще остаются десятилетия. Никаких каталогов рукописей еще нет <…> палеография, позволяющая датировать рукописи по форме букв, еще находится в зачаточном состоянии. Никаких грамматик древнерусского языка еще нет. Никаких описаний фонетики и орфографии древних рукописей еще нет. Все эти знания были накоплены исторической лингвистикой лишь на протяжении последующих двух веков <…> И вот всех этих знаний наш фальсификатор должен был достичь сам – начиная от открытия самого фундаментального принципа изменяемости языка во времени и кончая сотнями конкретных деталей из фонетики, орфографии и грамматики рукописей разных веков и разных уголков Руси» [11]. Следовательно, если есть памятник, а принципы, актуальные для формирования его различных грамматических структур непрозрачны (отсутствуют критерии верификации / фальсификации), то создание его в более поздний период как подделки просто невозможно. То есть если нам неизвестна, по сути, сама лингвистическая реальность XV–XVI вв. по тем или иным причинам (вернее, принципы ее конституирования), то создание такого рода модели как «подделки» просто исключено.

Модель вне реальности (в смысле какого-либо положения вещей) – нонсенс. Модель, по определению, всегда *реалистична*, так как обусловлена актуальной реальностью для познающего субъекта. Природа так называемых тайных знаний обладает эзотерикой исключительно по причине элиминированной реальности для непосвященного субъекта. То, что приобретает символическую (знаковую) форму выражения, т.е. текст как объект безусловно, определенным образом соотнесен с реальностью, а правила данного образца соотношения являются принципами конституирования конкретного текста / модели, поэтому если последние по различным причинам нам недоступны, сам текст как модель реальности для нас не существует, т.е. смысл и значение последнего для нас рассеиваются в контексте культурно-исторического поля. Именно в таком аспекте сопоставление примеров рационального и иррационального дискурсов ($E = mc^2$ и догмат о Троице) указывает на принципиальную невозможность противопоставления оных по причине отсутствия критериев для аргументов в пользу *рациональности* иррационального. То есть если смысл и значение модель приобретает из контекста, то в силу того, что объективно существуют различные модели (как рациональные, так и

иррациональные), точно так же объективно существуют и контексты, их структурирующие. Неслучайно в «Перекрестке бытия» Ж. Деррида отмечает: «Итак, нужно выбирать между текстами и темой. Недостаточно установить многозначность тематики, чтобы открыть беспредельное движение письма. Последнее не просто увязывает множество нитей в одном-единственном термине, как если бы, потянув за эти нити, мы могли бы в конечном счете вытащить все его “содержание”» [12. С. 439].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фейерабенд П.* Прощай, разум. М. : Астрель, 2010. 477 с.
2. *Шрёденгер Э.* Пространственно-временная структура Вселенной. М. : Наука, 1986. 224 с.
3. *Гируцкий А.А.* Общее языкознание. Минск : Тетра Системс, 2001. 303 с.
4. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. II. С. 78–319.
5. *Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени // Собрание сочинений. М. : Гнозис, 1994. Т. I. 162 с.
6. *Мах Э.* Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М. : Бином. Лаборатория знаний, 2003. 456 с.
7. *Кассирер Э.* Познание и действительность. СПб. : Шиповник, 1912. 454 с.
8. *Карпенко А.* Логика на рубеже тысячелетий. URL: http://library.by/portalus/modules/philosophy/referat_show_archives.php?subaction=show-full&id=1107274875&archive=1208465572&start_from=&ucat=1& (дата обращения: 13.07.2014).
9. *Капра Ф.* Дао физики. Общие корни современной физики и восточного мистицизма. URL: http://philosophy.ru/library/kapra/0.html (дата обращения: 15.08.2014).
10. *Мах Э.* Механика. Историко-критический очерк её развития. Ижевск, 2000. 456 с.
11. *Зализняк А.А.* Проблема подлинности «Слова о полку Игореве». URL: htpp://www.historia.ru/2008/01/slovo.htm (дата обращения: 21.08.2014).
12. *Деррида Ж.* Диссеминация. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 580 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 19 марта 2015 г.

THE PROBLEM OF OBJECTIVE KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF VARIOUS INTELLECTUAL SITUATIONS

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 97-101. DOI 10.17223/15617793/394/16

Goncharenko Mark V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: markgon73@rambler.ru

Keywords: objective knowledge; falsification; rationality; reality model; reality.

There exists a statement that positive knowledge appealing to the elimination of "inappropriate" segments of the reality relevant for us endows such a reality model with discrepancy of a high level. The "positive " knowledge disguises such a situation by means of qualifying everything irrational as senseless. Here we can speak about the use of the inherited principle of medieval tradition. That is why at this stage postmodernism discourse is an attempt of overcoming of extremely negative social and cultural contradiction of the rational and the irrational. Intellectual situations are a structured model of the reality, which in a way is a projection of a constituent basis; one can consider any intellectual situation as a projection of the cognizer, the basis of which is the so-called cognized object (reality) from the positive knowledge point of view. The problem is that intellectual situations are not repeated: there are schemes, but the possibility of their modification determines the possibility for further creation of a new intellectual situation as a theoretical system. It is the basis, including presuppositions, that determines the possibility of intellectual situation as an argumentative relations system of various elements from the point of view of some concrete knowledge paradigm. That is why a scientist, a theologian and even an artist will never be able to use the so-called copies or samples of intellectual situations. Presupposition always constructs a new ensemble of relations in any concrete case by means of introduction and usage of new elements and their configurations. Fact reconstructing, as well as reality model constructing, is a process, which can be not only refuted, but also recognized as partially or fully inappropriate to the existing knowledge standards. The existing standards of the present can equal to neither the past nor the future. That is why there appears quite a natural problem of foundations or, rather, their metaphysical status in the context of various models of reality. The object as an invariant of the fact predetermines the "sphere of allowable meanings" of a model. The model beyond the reality is nonsense. The model is real, because it is determined by the reality for the cognizer. So the fact is the object of " impact" and the subject of "action" at once.

REFERENCES

1. Feyerabend P. *Proshchay, razum* [Farewell to Reason]. Moscow: Astrel' Publ., 2010. 477 p.
2. Schrödenger E. *Prostranstvenno-vremennaya struktura Vselennoy* [Spatial and temporal structure of the universe]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 224 p.
3. Girutskiy A.A. *Obshchee yazykoznanie* [General Linguistics]. Minsk: Tetra Sistems Publ., 2001. 303 p.
4. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Moscow: Gnozis Publ., 1994. Pt. II, pp. 78–319.
5. Husserl E. *Sobranie sochineniy* [Works]. Moscow: Gnozis Publ., 1994. V. I, 162 p.
6. Mach E. *Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psikhologii issledovaniya* [Knowledge and Error. Essays on the psychology of research]. Moscow: Binom. Laboratoriya znaniy Publ., 2003. 456 p.
7. Cassirer E. *Poznanie i deystvitel'nost'* [Cognition and Reality]. St. Petersburg: Shipovnik Publ., 1912. 454 p.
8. Karpenko A. *Logika na rubezhe tysyacheletiy* [Logic at the threshold of the Millenniums]. Available from: http://library.by/portalus/modules/philosophy/referat_show_archives.php?subaction=show-full&id=1107274875&archive=1208465572&start_from=&ucat=1&. (Accessed: 13.07.2014).
9. Kapra F. *Dao fiziki. Obshchie korni sovremennoy fiziki i vostochnogo mistitsizma* [The Tao of Physics. Common roots of modern physics and Eastern mysticism]. Available from: http://philosophy.ru/library/kapra/0.html. (Accessed: 15.08.2014).
10. Mach E. *Mekhanika. Istoriko-kriticheskiy ocherk ee razvitiya* [Mechanics. The historical-critical study of its development]. Izhevsk, 2000. 456 p.
11. Zaliznyak A.A. *Problema podlinnosti "Slova o polku Igoreve"* [The problem of authenticity of The Tale of Igor's Campaign]. Available from: htpp://www.historia.ru/2008/01/slovo.htm. (Accessed: 21.08.2014).
12. Derrida J. *Disseminatsiya* [Dissemination]. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ., 2007. 580 p.

Received: 19 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 102–106. DOI 10.17223/15617793/394/17

УДК 130.12:159.923.2

О.Н. Новикова

РОЛЬ ИГРОВЫХ ПРАКТИК В ФОРМИРОВАНИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ПОКОЛЕНИЙ

Раскрывается философско-антропологический аспект игровых практик, оказывающих влияние на выбор жизненных стратегий поколений. Выбираемые и предпочитаемые игры указывают на социокультурный тип личности, уровень ее духовного и нравственного развития. Люди одного поколения, прошедшие через одни и те же игры, обладают сходным типом мышления и восприятия окружающего мира, близкими аксиологическими координатами и жизненными стратегиями.
Ключевые слова: игра; игровые практики; идентификация; жизненные стратегии.

В современной науке выдвинуто и доказано немало положений о значении игры в становлении человеческой культуры, ее роли в социализации, передаче накопленного опыта, адаптивных возможностей и т.д. С изменением социокультурной ситуации меняется не только сама игра как действие и качество, но и жизненные стратегии играющих, так как через игровое действие, как правило, проявляются жизненно важные цели человека. Выбираемые и предпочитаемые игры указывают на социокультурный тип личности, возможности его духовного и нравственного развития.

Изначальное игровое познание мира не только помогает с легкостью принять социальность, адаптироваться к определенным условиям, усвоить нормы и правила конкретного исторического процесса, но, главное, без видимых усилий изменяет как саму личность, так и окружающее пространство.

В культурологической среде не раз были предприняты попытки представить игру как форму бытия, являющуюся мотивацией для удовлетворения потребностей, формирующих конкретные жизненные стратегии. Так, известна типология игр Ю. Громыко, базирующаяся на деятельностном факторе, через триаду: play – game – perfomance. По стратегическому принципу классифицирует игру известный французский философ, социолог Р. Кайуа: игра-mimicry, игра-agon, игра-alee, игра-ilinx.

Й. Хейзинга на своей знаменитой культурологической триаде: «paidia» – «agon» – «diagoge» выстраивает всю эволюцию человеческой культуры. В целом можно сказать, что игровые практики позволяют выразить наиболее значимые желания и цели личности, транслируют через свое содержание новые установки, адаптирующие индивида в социум. Так закладывается некая модель бытия, матрица дальнейших действий.

В научной практике сложились представления о череде сменяющих друг друга поколений, сформированных идентичностью приобретаемого жизненного опыта в детстве и проявляющегося в дальнейшем через самоидентификацию и схожие способы самопрезентации. Еще в XIII в. средневековый арабский мыслитель Абдуррахман ибн Хальдун (1332–1406), развертывая историю различных государств и династий в циклах, утверждает о последовательном чередовании четырех поколений – основатели, продолжатели (сыны основателя), имитаторы (внуки) и разрушители (правнуки). Схожая концепция разработана итальянским историком Дж. Феррари (1874). Его трактовка поколений условно распадается на «предшественников», «революционеров», «реакционеров» и «завершателей» [1].

Более современная постановка данного вопроса американскими исследователями Н. Хоув и В. Штраус (1991) на основе анализа исторической практики США содержит идею о том, что история развивается циклами, продолжительность которых равна среднестатистической жизни человека (80–90 лет) и подразумевает смену «идеалистов» на «реагирующих», «гражданских» на «приспосабливающихся». В 1997 г. данная терминология обновляется на «пророки – кочевники – герои и художники» [2. С. 106–116]. В сущности, поколения, сформированные благодаря одинаковому опыту ранней жизни, имеют идентичные коллективные характеристики и следуют схожим жизненным траекториям. Авторы подчеркивают, что каждое пятое поколение повторяет приверженность к ценностям и идеалам первого поколения, и цикличность аксиологического развития равна 80 годам.

Обыденная практика свидетельствует, что люди одного поколения обладают сходным типом мышления и восприятия окружающего мира, аксиологическими координатами и близким способом деятельности идентификации и самопрезентации себя, причем поколение одного архетипа формирует полярную общность. Родители, пройдя свой путь становления в социализации, воспитывают детей иначе, с учетом временных приоритетных ценностей. И для воспитания и образования детей, как правило, на практике применяется определенный тип игрового поведения, социализирующий ребенка в мир взрослых, благодаря которому и формируется определенный дальнейший алгоритм действий индивида, проявляющийся при определении жизненных задач, целей и ценностей.

Опираясь на теоретические представления американских ученых, проанализируем игровые предпочтения XX–XXI вв. и типичные формы самореализации и самоидентификации, проявляющиеся в культуре на данных этапах.

Итак, поколение **«гражданские», или герои (1901–1922)**, их формирование происходило под влиянием революций 1905 и 1917 гг., гражданской войны, НЭПа, стахановского движения, коллективизации и т.д. Данное поколение формируется еще на традиционных играх. «Пятнашки, лапта, городки, бабки, различные единоборства отражали и формировали коллективное сознание, круговую поруку, чувство

единства и сопричастности» [3. С. 77]. В процессе игры воспитывалась инициатива, поощрялась готовность принять брошенный вызов, преодолеть слабость в самом себе, взаимовыручка и т.д. Излюбленными потехами «сам на сам», «стенка на стенку» формировались стойкость, боевой дух, готовность прийти на помощь. Интересен тот факт, что традиционная русская пляска создавалась не как развлечение, а как уникальная система игровой тренировки славянских воинов. Ведь «барыня», «казачок», «хоровод» и другие русские народные танцы содержат в себе элементы пешего боя и стратегического маневрирования (например, сложные хороводные закрутки – прообраз кольцевого захвата). Традиционные народные игры «взапуски» (наперегонки), «невода» (перетягивание каната), снежки служили средством воспитания таких качеств, как сила, сноровка, чувство локтя. А излюбленное катание на санках выражало и формировало стремление в неизведанное, свободолюбие и даже некоторую бесшабашность. Приверженность устоявшимся коллективным игровым практикам реализовалась в самореализации, нацеленной на трудолюбие, оптимизм, коллективную ответственность и веру в светлое будущее.

Приспосабливающиеся (художники), или молчаливое поколение (1920–1940), взрослевшее на установке, что и «у стен есть уши», чье предпочтение в деятельности отдается не развитию индивидуального начала, креативной стороне бытия, а направлено на конкретное прикладное действие, дающее возможность приспособиться к имеющимся условиям. Их социализация приходится на время сталинских репрессий, ужасы военного времени, участие в восстановлении разрушенной страны. Практика свидетельствует, что принятые в данный период игровые технологии выстроены на принципах подражания – самом древнем механизме, с помощью которого происходит элементарное знаковое общение и усвоение нового, чего-то более сложного. Правила игровой имитации просты: показ движения, жеста, слова – ответная демонстрация соответствующего знакового символа. Несмотря на примитивность действий, данный тип игры связан непосредственно с умственной деятельностью и игрой воображения, так как в них проецируются и моделируются дальнейшие социальные коммуникации. Большинство правил игр веками не меняются (игры на подражание действиям взрослых; молчаливые игры – в шахматы, шашки, карты, лото; коллективные игры – городки, прятки, пятнашки и т.д.). Игра воспроизводит стабильное инновационное в жизненной повседневности и является деятельностью, через которую правила и условности игры приобретают устойчивые традиции и нормы. Повторяемость правил игры и создает тренинговую основу развития личности.

Игровые предпочтения данного периода вводили игрока в свой иллюзорный мир реальной ирреальности, демонстрирующий счастье и гармонию через соблюдение выполнения обычного рутинного действия, вершителем которого является сам человек.

Поколение **«идеалистов» (пророков) (1946–1963)** социализируется в послекризисный период, формирующий установки, новый уклад и качества жизни. Представители данного времени покорили космос, создали крепкую супердержаву (СССР), сформировали некий единый стандарт жизни и обучения. Ценностные ориентиры приобретались в детстве не только через активную подвижную игру, но и через средства массовой информации (детскую литературу, театральные и идеалистически ориентированные, патриотически выстроенные массово-развлекательные мероприятия). Полученные в детстве навыки через игры, выстроенные на агональном начале, будоражат фантазию, «безграничную веру в инобытие», позволяют ориентироваться оптимистично и в дальнейшем считать себя вершителями судеб, правителями мира. Игровые установки детства через большое количество подвижных, развивающих игр («казаки-разбойники», «прятки», «догонялки», вышибалы) сформировали поколение победителей, уверенных в себе людей, коллективно настроенных, с осознанным чувством локтя, активных и любознательных, верящих в свои силы и возможности. Оптимистично настроенное поколение реализуется в личностном росте и коллективном самосознании, командном духе и культе молодости.

Игра как интрига, соревнование, соперничество сильнейших сформировала уверенность в собственных силах, понимание, что от воли любого зависит судьба мира и человечества. Представители данного поколения сейчас доминируют во всех сферах бытия: политике, экономике, праве, культуре и вершат историю мира.

«Реагирующие» (кочевники) (1960–1980), поколение X – самостоятельно формирующееся поколение, где старшие опекают младших, объединяясь в разновозрастные группы (пионерские, комсомольские отряды). Самостоятельно организуется досуг, придумываются дворовые игры, посещаются кружки, досуговые центры (театральная студия, музыкальная или художественная школа, танцевальные, рукодельные кружки, спортивные секции). Это время расцвета спортивных подвижных игр, настольно-развивающих (лото, шашки, шахматы, карты и т.д.), интерес к глубокому анализу и моделированию, кодирование полученной информации в символах и знаках. Данный игровой формат вырабатывает креативный потенциал, развивает индивидуальность, нестандартность мышления, возможность эксперимента, самостоятельно выбранного пути, тягу к тайнам и неизведанному. Нередко индивид реализовывает себя через зрелищность, художественную гротескность, увлечение среди молодежи запретными субкультурами (хиппи, стиляги, рокеры и т.д.). Данная форма игровой театрализации позволяет защититься от окружающего мира, авторитарности и запрограммированности, освобождает от излишней опеки и идентифицирует человека среди единомышленников. Это не только способ продемонстрировать свою избранность (все субкультурные нововведения всегда зарождались в среде детей номенклатурных работников, элиты), но и иллюзия ухода от нищеты и разрухи советского быта. Сознательное нарушение правил, устойчивых норм, жела-

ние привлечь к себе внимание через внешнюю атрибутику, гротескность поведенческих действий, выбранный жизненный стандарт: нацеленность на отдых, получение удовольствия, катарсическое начало в литературных и музыкальных пристрастиях, употребление запрещенных препаратов. Изменились поведенческие реалии (поцелуи, объятия в публичных местах), произошло нивелирование половых различий (брюки у девушек, длинные волосы у молодых людей). Интрига, манипуляция и азарт ориентируют индивида в пространстве через приоритет личностного над общественным, самоидентификацию на эмоциональном и прагматичном уровне, тягу к экспериментам, служащим формой претворения в жизнь невостребованных личностных талантов, реализацией ожиданий, креативным началом бытия. Данный игровой формат формировал будущих предпринимателей, людей, ищущих по жизни нестандартные решения, приверженцев постоянных экспериментов, новаторства в технологических практиках. Это поколение современных экономистов, банкиров и владельцев частной собственности, базирующихся на индивидуализме, личностных амбициях, высокой самооценке, масштабной информированности и готовности к разным «пробам жизни» как способу осуществления нереализованных талантов.

Гражданские (герои) (1980–2000) – поколение Y, живущее по правилам «выполнения своего долга», некоей вселенской миссии, следования идеализированному образу – создателя, спасителя человечества, рор-идола или кумира. Время взросления данного поколения приходится на распад СССР, первые военные террористические конфликты, социальную дестабилизацию, что формировало представление о хрупкости и эфемерности мира.

Этот тип сформировался на играх-подобиях в героев, полубогов, суперменов, обладающих уникальными скрытыми способностями при внешней обычности. Время глобальных социальных и технологических трансформаций формировало убеждение, что нет ничего невозможного, фантастика становится реальностью, каждый может получить задуманное, если будет действовать. Игра как возможность померяться силами, стать призером жизни задает жизненный эталон, направленный на получение расширенных знаний, идентификацию себя во многих сферах, дающих разнообразный эмоциональный опыт. Жизненное кредо данного времени – заниматься лишь тем, что интересно, что приносит выгоду здесь и сейчас. Дети поколения Y конкретны, ценят время, надеются на себя и стремятся получить от жизни максимум удовольствия. Для них нет тайн и секретов, так как информация становится естественной средой обитания, дающей возможность не только развиваться, но и менять социальное пространство. Адаптивность, высокая мобильность сформировались благодаря игровому пространству индустрии развлечений, активно развивающемуся в данный период. Всевозможные компьютерные игры, увлеченность книгами фэнтези формируют более спокойный «сидячий» образ жизни, именно с этим поколением нивелируются дворовые игры, групповые посиделки на скамейке, изменяется стиль коммуникации с постепенным предпочтением опосредованного контакта (виртуального).

Ценить данный момент, не загадывать на будущее, жить здесь и сейчас, так как завтра эфемерно, нестабильно – это есть цель бытования. Флеш-мобы, интернет-мемы, замещение реальной жизни коммуникационным пространством в социальных сетях, работа и учеба в стиле fan – презентация себя и желание глобального социального признания через виртуальную самопрезентативность. Желание выделиться из толпы, массы задает стандарт неформального образа жизни и мышления, представители данного поколения политически социально активны, но, как правило, радикально настроены по отношению к правящей партии (неонацисты, скинхеды, гопники, ярые коммунисты и др.).

Понимание и самопрезентация себя «вечными детьми», устоявшееся желание продлить время отрочества реализуются в продолженном образовательном акте (многие получают несколько профессий, имеют несколько высших образований). Налаженный быт родительского дома отодвигает время создания семьи, рождение собственных детей, это поколение нередко именуют поколением Питера Пена. Поиск себя в разных сферах, профессиях и видах работ, стремление подстроить условия работы под свой образ, стиль жизни, эмоциональное удовольствие и материальное удовлетворение от профессиональной деятельности делает жизнь индивида по своей сути игровой. Меняя материалы, игровые ориентиры, замещая смыслы и значения, индивид получает мнимую сиюминутную свободу от условностей и канонов повседневности. Не прилагая максимальных усилий, представители поколения Y верят в чудо, так как постоянно ожидают от жизни больших даров, чем заслуживают. Соединяя в себе рациональное и иррациональное, необходимое и случайное, правила и свободу выбора, игровой подход бытования преобразует хаотичные начала в природе индивида, подчеркивая уникальность и самобытность жизненного момента.

Современное Поколение Z (2002–…) – поколение эпохи глобализации и постмодерна, исходя из научной логики, должно активно предъявлять миру аксиологическую практику, сходную с поколением «молчаливых» (1920–1940). Это поколение взращивается в технологизированной среде, расширенном виртуальном пространстве, дающем возможность уйти от реальности опасного мира. Улица, двор для большинства из них под запретом: гуляют под присмотром родителей, гувернеров, тренеров или воспитателей. Редко бывают на улице, если досуг не организован взрослыми. Малоподвижны, не любят физический труд, зато интеллектуально опережают предшествующие поколения по наличию знаний и навыков. Практика свидетельствует, что к 9–10 годам ребята уже определяются с жизненными целями и исходя из логики выбранного пути создают свой мир в виртуальной среде либо предпочитают игры-сражения с нескончаемыми врагами (прототипами реальной жизни), знания о которых получают из средств массовой информации.

Специфика жизни и учебы, все большая зависимость от виртуальной среды формируют поколение, менее зависимое от родителей; постепенно стирается преемственность, авторитетность родственников, так как не родительская среда, а интернет и виртуальное пространство открывают все тайны мироздания и социальности. Конфликт отцов и детей существовал всегда, но противоречивость современности состоит в том, что пренебрегая советом и мудростью родителей, молодое поколение возлагает на старшее поколение моральную ответственность за собственные неудачи. Инфантильно-эгоцентричный взгляд на жизнь формируется и благодаря тому, что семья как институт предъявляется в своих суррогатных формах, так как все больше в семье не живут, а «играют в нее» (гражданский брак, гостевой брак и т.д.).

Возможности выстраивания множественного «Я», как в виртуальной среде, так и в прикладной действительности, требуют от играющего постоянного переключения с одной социальной ситуации на другую, так формируется клиповое мышление, создающее прерывность повседневности. Имея доступ к огромному информационному пласту, индивид перестает её ценить, так как мало думает над содержанием, а стремится к компилированию. Обычно мозаичные знания не подкрепляются опытом и не прорабатываются эмоционально в сознании.

Зато молодое поколение, обладающее клиповым мышлением, способно с большей скоростью обработать полученную информацию, так как сформирован навык быстрого переключения с одного смыслового фрагмента на другой. Современные дети обладают *способностью к многозадачности;* практика свидетельствует, что делая уроки, они как правило, слушают музыку, общаются в чате, редактируют фото, бродят по сети и т.д. Конечно, дети менее сконцентрированы, предпочитают не рассудочные, а визуальные символы, стремятся к повышенному вниманию к себе и желают получать все и сразу.

Поколение Z – индивидуальны по своей сути, им трудно быть частью некой группы, презентуют себя как одиночки, легче работают самостоятельно, нежели в команде, лучше идут на контакт с людьми в сети, где предпочитают общение с незнакомыми или малознакомыми людьми.

Специфически сформировавшийся стиль коммуникации: больше общения в виртуальной среде с меньшей коммуникацией в прикладной действительности формирует тип человека, погруженного и зацикленного на себе. Так реализуется, с одной стороны, стремление жить в обществе, а с другой стороны – дистанцирование от общества. У современного поколения нет героев, авторитетов, кумиров для подражания, они формируются в культуре, где об одном и том же человеке средства массовой информации распространяют противоречивые сведения. Как правило, привлекательными сегодня считаются эпатажные, одиозные персоны, разрушающие стандарты и устои вследствие самопрезентации собственных комплексов и нерешенных проблем. Большинство современников разыгрывают по жизни выбранные роли, реализуемые в виде бесконечных стратегий самоопределения.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что каждое поколение, в ходе социализации усваивая мир и ценности, формирует тип дальнейшей жизнедеятельности, определенный способ самореализации и самопрезентации, использует полученные игровые навыки детства как основу, определяющую форму и стратегический сценарий жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время: в поисках утраченного. М. : Языки русской культуры, 1997. 800 с.
2. *Strauss W., Howe N.* The Fourth Turning: An American Prophecy .What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. N.Y. : Broadway Books, 1997. 367 p.
3. *Беляева Л.А., Новикова О.Н.* Игра как способ конструирования личностной идентичности // Образование и наука. 2012. № 5(94). С. 73–82.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 28 февраля 2015 г.

PLAYING PRACTICES AS WAYS OF DEVELOPING GENERATIONS' LIFE STRATEGIES

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 102-106. DOI 10.17223/15617793/394/17

Novikova Oksana N. Ural State Forest Engineering University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: oksnovi@mail.ru

Keywords: game; playing practices; individual's and generation's identity; life strategies.

The article reveals the philosophical-anthropological aspect of playing practices as a way of constructing personal identity that has a direct influence on the choice of the life strategies of generations. The phenomenon of play is in the invariant action realised in the form of being. Through the play actions vital goals of a person are expressed. Preferred plays indicate the sociocultural type of personality, level of spiritual and moral development. Based on the works of American researchers N. Howe and B. Strauss and the example of contemporary Russia, childhood playing skills as the basis for self-realization and self-presentation are analysed. Playing practices allow to express the most important desires and goals, to broadcast and form some new policies for adaptability of a person in society. Generation "civilan" or heroes (1901–1922) is formed on traditional plays raising diligence, optimism, collective responsibility and faith in the bright future. Adaptable (artists) or silent generation (1920–1940) is raised on the playing technology based on the principles of imitation. The iterative game rules create a basis for personal development. Generation of "idealists" (prophets) (1946–1963) is developed not only through some active games, but through the media (children's literature, theater and patriotic mass entertaining events). This the generation of winners was formed who are confident, active, inquisitive, enjoying its collective spirit. Generation X "Reactive" (nomads) (1960–1980) is a self-formed model: they organize their leisure time, invent some street games and visit clubs. These playing practices help to develop individuality and craving for mysteries and the unknown. Generation Y, the civil (heroes) (1980–2000), is formed on playing similarities with

heroes, demigods, supermen with unique hidden abilities. This time credo is to do only what you like, what is useful here and now. Modern Generation Z (2002– now) is created in the technologized environment. The possibility of building the multiple "I" both in virtual environment and in reality forms clip mentality and desire for compiling information. Most contemporaries role play certain life patterns, which are the endless strategies of self-determination. It was found that people of the same generation who went through the same playing practices have a similar type of thinking and perception of the world, close axiological coordinates and life strategies. A conclusion was made that the passion for computer games has an ambiguous effects on children's ideals, values and preferences and, ultimately, on choosing their life strategies.

REFERENCES

1. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Istoriya i vremya: v poiskakh utrachennogo* [History and time: in search of the lost]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 800 p.
2. Strauss W., Howe N. *The Fourth Turning: An American Prophecy. What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. N.Y.: Broadway Books, 1997. 367 p.
3. Belyaeva L.A., Novikova O.N. The Game as the Way of Personal Identity Development. *Obrazovanie i nauka – Education and Science*, 2012, no. 5(94), pp. 73–82. (In Russian).

Received: 28 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 107–113. DOI 10.17223/15617793/394/18

УДК 101.1 :: 316.472.4 (045)

О.А. Чигвинцева

ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ: ОТ ФАТИКИ К ПРАГМАТИКЕ

Рассматривается проблема перформативности коммуникации в пределах от фатики к прагматики. Существование языка по правилам раскрывается через понятие «генеративной грамматики», которая позволяет дать объяснение его существования, предполагает скрытую (*tacit*) компетенцию говорящего-слушающего, лежащую в основе языка конкретного исполнения (*performance*) в процессе производства и восприятия (понимания) речи. Коммуникативные пределы (*limit*) социального проявляются как границы перформативности коммуникации. На верхнем пределе – (идеальная) компетенция (*перформативные правила языка*), на нижнем – фатика (*перформативные неписаные правила социального*).

Ключевые слова: неписаные правила; фатическая коммуникация; генеративная грамматика; реальная / идеальная языковая компетенция; языковые игры.

Актуальность темы обусловлена резким возрастанием внимания в современных условиях к такому социальному феномену, как коммуникация. Она становится объектом исследования на различных уровнях и в различных концептах: социологическом, кибернетическом, политологическом, социобиологическом, философском, психологическом, лингвистическом, культурологическом и т.д. Такое положение является вполне закономерным и объяснимым. Происходящая в современном мире глобальная трансформация индустриального общества в информационно-коммуникативное общество сопровождается не только проникновением коммуникации во все сферы жизнедеятельности общества, возникновением и развитием качественно нового типа коммуникативных структур и процессов, но и глубоким переосмыслением коммуникативной природы социальной реальности [1], современных изменений в социально-коммуникативной сфере, места и роли коммуникаций в развитии общества.

Сегодня представления немецкого социолога Никласа Лумана о коммуникации как о сущностной характеристике самого общества, его утверждения о том, что «человеческие отношения, да и сама общественная жизнь невозможны без коммуникации» [2. С. 43], что «только коммуникация может осуществлять коммуникацию» [3. С. 17], приобретают новый смысл и вызывают особый интерес. Весьма актуальным в этом плане является осмысление с позиций современности теорий коммуникативного действия Юргена Хабермаса [4], коммуникативного сообщества Карла-Отто Апеля [5], коммуникативной рациональности. Ю. Хабермас разрабатывает концепцию интеракции (общения), определяя её как более универсальную по отношению к теории производственных отношений К. Маркса, К.-О. Апель свое видение общества и морали строит вокруг идеала «общества неограниченной коммуникации», Н. Луман понимает общество как систему коммуникаций. Именно здесь раскрывается сущность коммуникативности, коммуникативной общности, коммуникативного пространства, коммуникативной среды, коммуникативного действия, коммуникативного процесса, что, безусловно, имеет важное значение для понимания сущности и природы коммуникации.

Под коммуникативным действием Ю. Хабермас понимает такое взаимодействие, по крайней мере, двух индивидов, которое упорядочивается согласно нормам, принимаемым за обязательные. В коммуникативном действии, как и прежде, акцентировалась нацеленность «акторов», действующих лиц, прежде всего и именно на взаимопонимание, поиски консенсуса, преодоление разногласий. Если инструментальное действие ориентировано на успех, то коммуникативное действие – на взаимопонимание действующих индивидов, их консенсус. Это согласие относительно ситуации и ожидаемых следствий основано скорее на убеждении, чем на принуждении. Оно предполагает координацию тех усилий людей, которые направлены именно на взаимопонимание.

Выдвинутый Ю. Хабермасом коммуникативный подход представляет интерес для понимания реалий современной жизни, например виртуальной коммуникации, которая достигла в последние годы колоссального масштаба в большинстве развитых стран. Он выделяет три типа коммуникаций и соответствующих им действий. Когнитивной коммуникации соответствуют инструментальное и стратегическое действия, интерактивной коммуникации – нормативно регулируемые действия, и экспрессивной коммуникации – драматургическое действие [16].

Перенесённое на текст действие рассматривается как способ саморепрезентации индивидуальности в коммуникации (Ю. Хабермас). Перформативность вводится как альтернатива дескриптивности (англ. descriptive – описательный, *лингв.* описывающий), синхронного состояния языка (в какой-л. момент времени) посредством дистрибутивного метода. Дескриптивная (описательная) лингвистика возникла в Соединенных Штатах в 20–30-х гг. XX в. Поскольку в своих исследовательских приемах она опирается на структурные принципы, постольку ее рассматривают как одно из направлений структурализма. В последние десятилетия многие последователи этого направления сближаются в теоретических посылках с глоссематикой, однако американский дескриптивизм при зарождении не опирался на лингвистическую концепцию Ф. де Соссюра. Он основывался на «поведенческой» психологии (бихевиоризм), большое внимание уделял разработке исследовательских приемов при анализе текста и в значительной степени опирался на материал языков североамериканских индейцев. Будучи вызванной к жизни практической задачей изучения индейских языков, дескриптивная лингвистика в

последующем стремилась переносить выработанные ею принципы изучения языка на материал других языковых семей. В развитии ее принципов можно выделить несколько этапов, связанных с научной деятельностью ряда крупных языковедов – Ф. Боаса, Э. Сепира, Л. Блумфилда, 3. Харриса и др.

Ю. Хабермас рассматривает перформативность как коммуникативное требование для самопонимания и самоутверждения. Перформативный текст – это тип текста, являющегося в первую очередь действием: во-первых, коммуникативным действием, а во-вторых, действием саморепрезентации – репрезентации себя через актуализированные способы мысли и деятельности [17].

Изначально понятие перформативности было введено Дж. Остином по отношению к высказываниям, которые не просто описывают некоторые действия, но сами являются действиями. В основу теории речевых актов было положено понятие перформатива (от ср.-лат. performo – действую) как слова или высказывания, эквивалентного действию, поступку. Выделив перформативность в качестве особого языкового явления, Дж. Остин обобщил им в дальнейшем, по существу, все типы высказываний.

Перформативы (перформативные высказывания) по своей структуре совпадают с повествовательными предложениями, но, в отличие от последних, не описывают действие, а равносильны осуществлению действия. Свойством перформативности обладают глагольные формы изъявительного наклонения настоящего времени первого лица. Их употребление и позволяет назвать высказывание перформативом. «В то время как констативные высказывания описывают существующее состояние дел или утверждают факты и, как следствие, являются истинными или ложными, перформативные высказывания сами влекут за собой действия, которые они называют…» [6. С. 14].

Самым важным достоинством этого подхода является то, что он переводит обсуждение многих проблем философии языка в более широкий контекст дискуссий о действиях людей и человеческом поведении вообще. «Вместо того, чтобы смотреть на отношения между словами и миром как на существующие *in vacuo*, стало возможным видеть в них намеренные действия говорящих, использующих конвенциональные средства (слова, предложения)…» [Там же. С. 15].

Дж. Остин был, вероятно, первым кто обратил внимание на то, что языковые конструкции являются не только и не столько описаниями, выделив «тип высказываний, которые выглядят как утверждения и которые грамматически… классифицируются именно как утверждения, – но, не являясь бессмысленными, не могут быть ни истинными, ни ложными» [7. С. 264]. Очевидно, что использование перформативных высказываний не может быть истинным или ложным, зато оно может быть успешным или неуспешным. Рассмотрение тех условий, при которых перформативы будут результативными, заставляет Остина выстраивать целую классификацию возможных неудач, возникающих при несоблюдении некоторых из этих условий, и отличать, например, «осечки» (когда произнесение словесной формулы не производит соответствующего действия) от «злоупотреблений» (когда действия производятся, но рассматриваются как «притворные» или «неискренние»). «Учитывание же намерения говорящего подводит Остина к необходимости разграничить локутивное действие “он сказал, что…” от иллокутивного действия “он настаивал на том, что…” и от перлокутивного действия “он доказал мне, что…”» [8. С. 90].

Иначе говоря, получается, что одно-единственное высказывание разом совершает три действия, точнее, любое высказывание должно быть рассмотрено как минимум в этих трех аспектах; причем для Остина важнейшим является иллокуция в качестве собственно речевого действия, в отличие от локуции, отсылающей к значению и смыслу высказанного, и перлокуции, обозначающей последствия произнесения. Действенность, или иллокутивная сила высказывания, тогда будет зависеть от соблюдения (обще)принятых процедур и социальных конвенций. Однако конвенциональной значимостью могут обладать даже невербальные действия, не говоря уже об обычных констативах (например, «виновен» вместо перформативного «обвиняю»). Так что сам Остин вынужден признать, что исходно принятое различие между перформативными высказываниями и утверждениями в дальнейшем ослабляется настолько, что практически перестает быть таковым, и даже позднее заподозрить: «…не окажутся ли все высказывания перформативными?» [Там же]. А Серль уже вполне определенно резюмирует: «...точно так же, как высказывание определенных слов конституирует бракосочетание (перформатив), а высказывание других слов составляет обещание (еще один перформатив), так и произнесение определенных слов конституирует совершение утверждения (предположительно – констатив). Совершение утверждения – в той же степени осуществление иллокутивного акта, как и совершение обещания, заключения пари, предостережения и т.п. Любое высказывание состоит в осуществлении одного или нескольких иллокутивных актов» [9. С. 244–245]. Но если все высказывания оказываются перформативными, то это утверждение мало что дает – например, для понимания специфики тех высказываний, которые Остин первоначально назвал «перформативными». Поэтому стоило бы выделить перформативность как такой аспект любого речевого акта, который указывает на сам факт свершения высказывания, олицетворяющий выполненность соответствующего жеста. Тогда вполне четко можно сформулировать, что хотя перформативность в этом смысле и свойственна любому высказыванию, тем не менее в некоторых случаях она не является принципиальной (т.е. не требуется для понимания / объяснения высказываний и, тем самым, позволяет от нее абстрагироваться), а для других ситуаций будет неустранимой. Перформативные высказывания, в исходном остиновском смысле, точнее, самые яркие примеры, демонстрирующие перформативные эффекты, по самому своему устройству отличаются одной примечательной особенностью: они одновременно и описывают совершение некоторого действия (по модели ответа на вопрос «Что я

сейчас делаю?»), и самим (ф)актом произнесения выполняют его (по крайней мере, номинально – намерение говорящего, равно как наличие или отсутствие тех или иных последствий, в данном случае неважно). «Иными словами, хотя наличной выполненностью обладают любые высказывания – только уже в силу того, что они высказаны, – далеко не все из них производят самим фактом своего осуществления какие-либо заметные перформативные эффекты» [10. С. 138].

Перформативный эффект социального действия, вызываемый произнесением ритуальных слов в определенных ситуациях по принятым правилам (перформативных высказываний в исходном остиновском смысле), возникает совершенно независимо от намерений говорящего. Это значит, что язык есть (речевое) действие, в результате которого (в момент некоего артикулирования) совершается действие. Таким образом, артикуляция (сама) предъявляет себя, она само-предъявляется. Тем самым, её (*суть*) сущность – это совокупность того, «что она говорит» и «о чём она говорит».

Как отмечает В. Кузнецов, «…в практической коммуникации произнесенное в подходящей ситуации обещание или извинение автоматически расценивается как произведенное…» [Там же. С. 141]. Это и есть непосредственное (речевое) действие, и тогда коммуникация оказывается непосредственным действием. В результате можно заключить, что коммуникация перформативна.

Коммуникация перформативно развертывается на разных уровнях. «Любой коммуникативный жест должен быть выполнен, воплощен в некотором воспринимаемом действии (причем – в зависимости от ситуации – такого рода жестом вполне могут выступать и молчание, и бездействие)» [Там же. С. 142]. «Уже само по себе наличие произведенного высказывания неизбежно вытягивает из отсутствия и притягивает к присутствию (причем совершенно независимо от направленности речевого акта или намерения говорящего)» [Там же. С. 143]. Это значит, что речь идет об одновременном присутствии (*при-сути*) слова и действия. То есть перформативность находит выражение тогда, когда слово является действием, или, иначе, слово есть действие. Другими словами, наличие фразы (или некоего артикулирования) подразумевает совершение речевого действия.

Таким образом, проблема перформативности коммуникации заключается в способах ее самопредставленности в социальном дискурсе, объективация смысла которого предъявляется в опространствливании социального существования как пребывания в определенных границах: от фатики к прагматике. Чем выше уровень (*прагматического*) существования коммуникации, тем больше смысла она производит, чем уровень ее (*фатического*) существования ниже, тем смысла меньше.

Коммуникация только с точки зрения её существования проявляется как фатическая: «…фатическое общение, непосредственная коммуникативная задача которого неявно заключается в самом общении, перформативно воссоздает само себя и (заодно с проверкой работоспособности коммуникационных каналов) актуализирует сеть социальных связей, поддерживающую устойчивость общества» [10. С. 144]. Фатическое общение рассмотрено известным представителем английской антропологической школы Б. Малиновским и представляет некую *связность* социального, которая проявляется при помощи коммуникативных средств.

Фатическая функция языка (от гр. phatos – говорят) подчеркивает то, что этологи бы назвали «связью функции» языка. Иначе говоря, фатика – бессодержательное общение, использующее коммуникативные средства исключительно с целью поддержания самого процесса коммуникации, «о том, о сем, а больше ни о чем», разговор, в котором участвующие стороны не ставят перед собой никакой коммуникативной цели, не прибегают ни к каким речевым тактикам, а обмениваются репликами. Согласно словарю культуры речевого общения, фатические беседы тоже нужно уметь вести, соблюдая *неписаные правила* о их темах, ситуациях ведения и другое. Неписаные правила социального предъявляются посредством фатического общения.

Малиновский отмечал: «...я думаю, что обсуждая функцию речи, какую она выполняет в тех случаях, когда выступает лишь как некая условность при общении, мы подходим к одному из основных социальных аспектов человеческой природы. Всем людям свойственна хорошо известная тенденция объединяться, быть вместе, иметь удовольствие от общения. Многие инстинкты и внутренние стремления, такие как страх или агрессия, все типы социальных чувств, таких как амбициозность, тщеславие, жажда власти и богатства, зависят от фундаментальной тенденции, которая делает простое присутствие других людей необходимостью для человека» [11. С. 213].

Таким образом, речь неразрывно связана с тенденцией объединяться. Молчание собеседника не добавляет уверенности человеку, а напротив, выступает как тревожный или даже опасный признак. Незнакомец, который не говорит на понятном языке, для всех туземцев является естественным врагом. Для людей с примитивным сознанием, будь то дикари или представители необразованных классов, молчаливость означает не только недружелюбие, но и прямо-таки плохой характер. Это можно считать общим правилом. В результате прервать молчание, перекинуться парой слов – это первое, с чего начинается выражение дружелюбия, которое затем утверждается дележом пищи и совместной трапезой [18]. Современное английское выражение «*nice day today*», «*how are you?*» или меланезийская фраза «*откуда ты?*» необходимы для снятия странного, неприятного напряжения, возникающего когда встретившиеся лицом к лицу люди молчат [19].

В результате общность, достигаемая между людьми в процессе речевой деятельности, не имеет иного смысла, кроме *объединения* людей. Она носит форму фатического общения, которое приобретает характер *неписаных правил*.

Таким образом, речь идет о «нулевом» уровне языка социального, когда коммуникация не несет ни-

какой информации, кроме того, что она существует и подтверждает существование общества через саму себя. Когда мы говорим о «нулевой коммуникации», то подразумеваем существование «нулевого» уровня языка, где присутствуют слова с пустыми значениями. Эти слова входят в коммуникацию, и на её пределе – в «нулевом» общении – их смыслы не задействованы. То есть, например, когда мы задаем вопрос о погоде, никого не интересует содержание данного вопроса, какая в действительности погода, не имеет значения, а интересует форма – сам вопрос о погоде. Таким образом, нулевая коммуникация – это и есть «чистая» форма социального.

Понятие фатической / контактоустанавливающей функции языка в лингвистику ввел Р. Якобсон. В его концепции адресант и адресат осуществляют коммуникацию, в которой код является носителем смысла. Но если оба участника коммуникации знают код, то смысл (информативная составляющая) самой коммуникации на пределе утрачивается.

Иными словами, на пределе системы, задаваемой Якобсоном, утрачиваются значения (*отсылки к предметности*), информация исчезает, а коммуникация сохраняется как фатическая *чистая форма* социального. Смыслом такого общения служит его обнаружение в *нулевом* состоянии субъективности, или в *нулевом* значении её предъявленности. Иначе говоря, при фатическом общении социальное обнаруживается как *нулевая* субъективность в её *нулевом* состоянии. Содержание фатического общения также *нулевое*. Его смыслом становится сохранение контакта (*канала связи открытым*). Таким образом, *нулевая* субъективность существует, сохраняя предельный смысл – её сущность. Как отмечал М. Хайдеггер, «язык есть язык», делая акцент на способе самообнаружения (*сути*) языка.

В результате можно заключить, что в фатическом общении или тавтологическом высказывании («язык есть») *означаемое / форма* и *значение / содержание* совпадают. Фатическая коммуникация объективирует социальное на *нулевом* уровне социальной субъективности. Иначе говоря, в *нулевой* точке на пределе социального имеется *негласное / неписаное правило* о существовании коммуникации.

По мнению Хомского, «...лингвистическая теория имеет дело, в первую очередь, с идеальным говорящим-слушающим, существующим в совершенно однородной речевой общности, который знает свой язык в совершенстве и не зависит от таких грамматически несущественных условий, как ограничения памяти, рассеянность, перемена внимания и интереса, ошибки (случайные или закономерные) в применении своего знания языка при его реальном употреблении» [12. С. 9].

Хомский также отметил, что «можно провести фундаментальное различие между компетенцией (знанием своего языка говорящим-слушающим) и употреблением (реальным использованием языка в конкретных ситуациях). Только в идеализированном случае употребление – это непосредственное отражение компетенции. В действительности же оно не может непосредственно ее отражать. «Запись естественной речи показывает, сколь многочисленны в ней обмолвки, отклонения от правил, изменения плана в середине высказывания и т.п. Задачей лингвиста, также как и ребенка, овладевающего языком, является выявить из данных употребления лежащую в их основе систему правил, которой овладел говорящий-слушающий и которую он использует в реальном употреблении» [12. С. 9–10].

Иначе, задействуя понятие компетентности, Хомский попытался найти универсальные основания языка, его правила через объективацию фатической коммуникации. Так как в язык рождаются и ему обучаются, он имеет общее место (*топос*) начала его исследования.

Понимание содержания коммуникации внутри сообщества (*со-общества*) обеспечивается существующими правилами языка, выработанными в прошлом, а осуществление коммуникации происходит в настоящем. Н. Хомский, акцентировав внимание на правилах языка, ввел понятие *генеративной грамматики*, предусматривающей изначальную способность индивида к воспроизводству речи, способности к коммуникации. Под генеративной грамматикой, писал Хомский, «я понимаю описание скрытой *(tacit)* компетенции говорящего-слушающего, которая лежит в основе его конкретного исполнения (*performance*) в процессе производства и восприятия (понимания) речи» [Там же. С. 146]. Задачей генеративной грамматики, по мнению Хомского, является точное определение способов совмещения звуковых и смысловых отражений, диапазон которых бесконечен.

Таким образом, генеративная грамматика – это гипотеза о том, как говорящий-слушающий истолковывает высказывания; при этом она абстрагируется от многочисленных факторов, которые взаимодействуют со скрытым соответствием заданным паттернам и определяют их конкретный вид воплощения в жизнь. Тем самым модель универсальной / генеративной грамматики обнаруживает / объективирует, или натурализирует, фатическую коммуникацию. *Неписаным правилом* социального оказывается присутствие данной языковой фа(*к*)тической организации общества согласно идее о том, что язык (уже) существует или, иначе, «язык есть».

Таким образом, генеративная грамматика предусматривает в равной мере наличие языковой интуиции у ребенка и у лингвиста, наделенных общим основанием (*местом*) начала исследования языка.

Сам язык закладывает условия для осуществления фатической коммуникации. Так как «языковая компетенция» согласуется с *неписаными правилами* социального, инвариантность «культурной компетенции» предстает как предположение о возможности фатической коммуникации, которая оказывается условием понимания социального. Реальная компетенция – это отклонение от «универсальной прагматики», от системы правил / паттернов, лежащих в основе системы «полной» компетенции. Иными словами, компетенция – это идеальная прагматика языка. Она находится выше его реального употребления.

В итоге коммуникация социального определяется (*о-пределивается*), с одной стороны, коммуникацией,

существующей как языковое явление, где компетенция – это «перформативность правила языка», а с другой – коммуникацией как явлением (*контактом*) социальным, где фатика («*нулевой*» *уровень языка*) обнаруживает «перформативность неписаных правил социального». Таким образом, коммуникативные пределы (*limit*) социального проявляются как границы перформативности коммуникации. На верхнем пределе – (идеальная) компетенция (*перформативные правила языка*), на нижнем – фатика (*перформативные неписаные правила социального*).

Любые правила существуют как общие (среди них нет неких правил в их особенности вне языка и до него). Поскольку эти *языковые правила* актуализируются только перформативно, постольку овладение ими осуществляется в процессе употребления языка. О том, как осуществляется социальная коммуникация (о языковой прагматике), писал Л. Витгенштейн: «…весь процесс употребления слов в языке можно представить и в качестве одной из тех игр, с помощью которых дети овладевают родным языком. Я буду называть эти игры “языковыми играми” и говорить о некоем примитивном языке как о языковой игре. Языковой игрой я также буду называть единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» [13. С. 83].

Это значит, что в основу понятия *языковой игры* положена аналогия между поведением людей в *играх* как таковых и в разных системах *реального действия*, в которые вплетен язык. Их подобие усматривается, в частности, в том, что и там и тут предполагается заранее выработанный комплекс *правил*. В результате под *языковыми играми* понимаются модели (образцы, типы) *работы* языка и его варьируемых функций.

Сначала для каждого речевого *употребления языка* отыскиваются его *элементарные образцы*. Затем на этой основе осуществляется постепенное мысленное воссоздание, или «реконструкция», практик все более зрелых, в том числе тех, что связаны с применением искусственных языков. Иначе говоря, в *языке* различается как бы множество *языков*, выполняющих разные функции. Когда ребенок или взрослый, поясняет Витгенштейн, учатся тому, что можно назвать специальными техническими языками – употреблению карт, диаграмм, описательной геометрии, химической символике и т.д., то они учатся новым языкам.

Таким образом, применяя на практике *элементарные образцы* языка, согласующиеся с фатическим общением (где есть означаемое слов, а их значения пустые), возникают новые языки, выполняющие различные функции. Языковые игры – это *присвоение* или *пере-присвоение* значений в то время, когда язык находится в действии, в его употреблении. В результате, язык всегда *перформативен*, т.е. высказывание получает значимость, прежде всего, в речевом акте и через него.

Иначе говоря, социальная коммуникация начинает себя обнаруживать – объективировать – через языковые игры. В социальное могут включаться действия, которые можно понимать как язык, подчиненный определенным правилам. Другими словами, речь идет о *правилах*, раскрывающихся как общее основание языковых игр совместно с языком и действием. В итоге через понятие элементарного образца – «образца употребления» или «образца действия» – понятие языка расширяется на основе действия. То есть если речь идет о *правилах* как общем основании языка и действия, то возникает возможность появления новых языков. В результате охват (употребление) языка становится предельно широким, а это значит, что понимание правил, лежащих в основе «языкового взаимодействия», «языковой практики», или общения, обеспечивает понимание языка социальной коммуникации.

Как отметил Л. Витгенштейн, «...наша вера зависит от того что мы усваиваем… если мы вполне уверены в чем-то, это означает не только то, что в этом уверен каждый порознь, но и то, что мы принадлежим *к* сообществу, объединенному наукой и воспитанием» [14. П. 286, 298]. Это значит, что в каждом обществе (*со-обществе*) существует свой язык, свои *неписаные правила* (паттерны), лежащие в его основе. Данный язык усваивается на базе элементарных языков в результате языковой практики / прагматики, или коммуникации [15].

Итак, перформативность коммуникации осуществляется в пределах от фатики к прагматике. *Неписаные правила* социального объективируются в фатической коммуникации, например в идее *связности* общества – в бессодержательном общении, использующем коммуникативные средства исключительно с целью поддержания самого процесса коммуникации. Речь идет о «нулевом» уровне языка социального, когда коммуникация не несёт никакой информации, кроме той, что она существует и подтверждает существование общества через саму себя. Это значит, что «*пустые*» значения слов становятся «*чистой*» формой социального, или, иначе говоря, форма и содержание социального совпадают в субъект-объектном тождестве в фатическом общении, что подтверждает идею о перформативности коммуникации, применении языка в действии.

Другим способом проявления фатического общения или *неписаных правил* социального является, в частности, вежливость, которая обнаруживает себя в ситуации невежливости в качестве исключения через ее нарушения. Таким образом, с одной стороны, вежливость определяет (*о-пределивает*) своих и чужих, с другой – чужой, постоянно появляясь на пределе сообщества, объективирует вежливость на его границе. Нарушение правил вежливости как бы всё время выбрасывает сообщество на его границу, тем самым определяя его, а также актуализирует вопрос о способе идентификации индивида, оказавшегося на границе общества (*со-общества*). Таким образом, коммуниканты посредством правил приличия (вежливости) объективируют наличие фатической коммуникации, её перформативность.

Существование языка по правилам раскрывается через понятие «генеративной грамматики», предусматривающей изначальную способность индивида к воспроизводству речи и коммуникации. «Генеративная грамматика» позволяет дать объяснение существования языка, предполагает скрытую (*tacit*) компе-

тенцию говорящего-слушающего, лежащую в основе его конкретного исполнения (*performance*) в процессе производства и восприятия (понимания) речи. Её задачей является точное определение способов совмещения звуковых и смысловых отражений, диапазон которых бесконечен. То есть универсальная / генеративная грамматика позволяет обнаружить / объективировать, или натурализировать, фатическую коммуникацию. Здесь *неписаным правилом* социального оказывается присутствие данной языковой фа(*к*)тической организации общества, согласно идее о том, что язык (*уже*) существует или, иначе, «*язык есть*».

Существует фундаментальное различие между компетенцией (знанием своего языка говорящим-слушающим) и употреблением (реальным использованием языка в конкретных ситуациях). Только в идеализированном случае употребление предстает как непосредственное отражение компетенции. Для овладения языком исследователю необходимо понять его правила / паттерны, лежащие в основе идеальной компетенции / идеальной прагматики языка, так как она находится на другом уровне его реального употребления. Реальная компетенция – это отклонение от «универсальной прагматики», от системы правил / паттернов, лежащих в основе системы «полной» компетенции.

В итоге коммуникация социального определяется (*о-пределивается*), с одной стороны, коммуникацией, существующей как языковое явление, где компетенция – это «перформативность правила языка», а с другой – коммуникацией как явлением социальным, где фатика («*нулевой*» *уровень языка*) обнаруживает «перформативность неписаных правил социального». Коммуникативные пределы (*limit*) социального проявляются как границы перформативности коммуникации. На верхнем пределе – (идеальная) компетенция (*перформативные правила языка*), на нижнем – фатика (*перформативные неписаные правила социального*).

Языковая прагматика предусматривает наличие правил языка, которые находятся внутри него. Понятие «языковые игры» представляет совокупность (*правил*) языка и (*социальных*) действий, с которыми он переплетен. Модели (образцы, типы), или, иначе, «*языковые игры*» – это варианты работы языка и его варьируемых функций. Таким образом, в процессе употребления языка сначала подбираются его *элементарные (правильные) образцы*, согласующиеся с фатическим (*социальным*) общением, где значение и означаемое совпадают, затем возникают новые языки, выполняющие различные функции. Это значит, что языковая игра проявляется в языковой социальной коммуникации и развертывается по двум видам правил: языковых и социальных.

Перформативность коммуникации объективируется в фатическом общении на «*нулевом*» уровне социального языка, например, в правилах вежливости, а также в языковой прагматике – «языковых играх», предусматривающих присвоение или переприсвоение значений.

Таким образом, перформативность коммуникации актуализируется в ее дискурсивном самоопределении, где она, с одной стороны, оказывается тем, *кто* определяет, – субъектом (*прагматического*) дискурса, с другой стороны, тем, *что* определяется, – объектом (*фатического*) дискурса. Соответственно, возникает как возможность её идентификации через саморефлексию, так и возможность самоопределения коммуникации через объективные структуры. Мы полагаем, что перформативность коммуникации существует в границах от фатики к прагматике только тогда, когда она понимается (эксплицируется) в аспекте субъект-объектного тождества. Здесь коммуникация самопредставляется через самоотношение бытия (*неподвижного*) фатического основания, включающего правила языка и неписаные правила социальной реальности, и оказывается точкой со-бытия, т.е. некоторой социальной (*подвижной*) прагматической позицией (языковые игры), существующей в пространстве социальной реальности. Тем самым, перформативность коммуникации предъявляется как её самоманифестация в движении по поверхности социальной реальности. Прокладывая направления движения (*социального дискурса*), коммуникация само-предъявляется, одновременно проявляя структуру (*языковые и неписаные правила*) социального пространства, которая самоустанавливается как имманентная поверхность самоконструирования коммуникации. Смыслы социального дискурса – от фатики к прагматике – самоопределяются через точку самопредставленности коммуникации (*посредством языковых игр*) в поименованных структурах социальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Третьяк Г.Е.* Сущность коммуникации и ее место в социокультурной реальности. URL: http://www.festu.ru
2. *Луман Н.* Невероятность коммуникации. URL: http://u.to/IcYRCg
3. *Луман Н.* Что такое коммуникация? URL: http://u.to/6M8RCg
4. *Эйнштейн А.* Собрание научных трудов : в 4 т. М. : Наука, 1967. Т. 4. 879 с.
5. *Юм Д.* Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1965. Т. I. 846 с.
6. *Сёрл Дж.Р.* Философия языка / ред.-сост. Дж.Р. Сёрл ; пер. с англ. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2010. 208 с.
7. *Остин Дж.* Перформативные высказывания // Три способа пролить чернила. 2006.
8. *Остин Дж.* Как производить действия при помощи слов // Избранное. М., 1999.
9. *Серль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // Зарубежная лингвистика. II. М., 1999.
10. *Кузнецов В.* Перформативность и уровни коммуникации // Логос. 2009. № 2 (70). URL: http://u.to/ME9ZCg
11. *Малиновский Б.* Проблема значения в примитивных языках // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. V, № 3. С. 199–217.
12. *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. URL: http://u.to/qL0FBw
13. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. URL: http://u.to/08AFBw
14. *Витгенштейн Л.* О достоверности. URL: http://u.to/oJXOBg
15. *Витгенштейн Л.* Логико-философские исследования. URL: http://u.to/ixIWBw

16. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М. : Academia 1995. 256 с.
17. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1993. № 4. С. 43–63.
18. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингво-культурных традиций. URL: http://u.to/6hkWBw
19. *Яркеев А.В.* Этническая идентичность в дискурсе социального мифа. Ижевск : Удмуртский университет, 2009. 180 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 28 февраля 2015 г.

PERFORMATIVE COMMUNICATION: FROM PHATIC TO PRAGMATIC

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 107-113. DOI 10.17223/15617793/394/18

Chigvintseva Olga A. Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: ochigvintseva@list.ru

Keywords: unwritten rules; phatic communication; language competence: real/ideal; language games.

The performativity of communication is carried out from the phatic to the pragmatic. The unwritten rules of social reality are objectified in phatic communication, for example, in the idea of the connectedness of society – in the dialogue without content that uses communication tools for the sole purpose of maintaining the process of communication. It is the "*zero*" level of the social language, when communication does not have any information, it only exists and confirms the existence of society through itself. This means that the "*empty*" meanings of words become the "*pure*" form of social reality or, in other words, the form and content of social reality coincide in the subject-object identity in phatic communication, which reinforces the idea of performativity of communication, application of language in action. Another way to manifest phatic communication or unwritten rules of social reality is politeness which finds itself in a situation of incivility as an exception through its violation. The existence of language by the rules is revealed through the concept "generative grammar" which provides the original ability of an individual to reproduce speech, the ability to communicate. Its goal is to accurately identify ways of combining sound and meaning reflections whose range is infinite. Thus, the universal / generative grammar can detect / objectify or naturalize phatic communication. The unwritten rule of social reality here is the presence of this linguistic phatic / factual organization of society according to the idea that language exists (*already*) or, otherwise, "there is language". That is, the communication of social reality is determined (limited) by: on the one hand, communication existing as a linguistic phenomenon where competence is the "performativity of the language rule"; on the other, communication as a phenomenon of social reality (*social contact*), where phatic dialogues (*"zero" level of language*) are the "performativity of unwritten rules of social reality". Thus, communication limits (*borders*) of social reality appear as boundaries of the performativity of communication. The upper limit is the (*ideal*) competence (*performative language rules*), the lower is phatic communication (performative social unwritten rules). Linguistic pragmatics includes the presence of the rules of the language that are inside it. The language is intertwined with (social) actions and a set (*of rules*) of language that submit to the concept of "language games". The models (samples, types) or, otherwise, "language games" are options of language and its varied functions. Thus, during the use of the language, one initially chooses its elementary (right) samples, consistent with phatic (*social*) communication, where the meaning and the signified coincide, then new languages with different roles appear. This means that the language game manifests itself in the language of social communication, since it occurs in two types of rules: linguistic and social.

REFERENCES

1. Tret'yak G.E. *Sushchnost' kommunikatsii i ee mesto v sotsiokul'turnoy real'nosti* [The essence of communication and its place in the social and cultural reality]. Available from: http://www.festu.ru
2. Luhmann N. *Neveroyatnost' kommunikatsii* [Improbability of communication]. Available from: http://u.to/IcYRCg.
3. Luhmann N. Chto takoe kommunikatsiya? [What is communication?].Available from: http://u.to/6M8RCg.
4. Einstein A. *Sobranie nauchnykh trudov: v 4 t.* [Collection of Scientific Works: in 4 v.]. Moscow: Nauka Publ., 1967. V. 4, 879 p.
5. Hume D. Sochineniya: v 2 t. [Works: in 2 v.]. Moscow: Mysl' Publ., 1965. V. I, 846 p.
6. Searle J.R. *Filosofiya yazyka* [The philosophy of language]. Translated from English. 2nd edition. Moscow: Editorial URSS Publ., 2010. 208 p.
7. Austin J. *Tri sposoba prolit' chernila* [Three ways of Spilling Ink]. Translated from English. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2006. 335 p.
8. Austin J. *Izbrannoe* [Selected Works]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press Publ., Dom intellektual'noy knigi Publ., 1999, pp. 13–135.
9. Searle J.R. *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov* [The classification of illocutionary acts]. Translated from English by V.Z. Dem'yankov. In: Mazo V.D. (ed.) *Zarubezhnaya lingvistika* [Foreign Linguistics]. Moscow: Progress Publ., 1999. Is. 2, pp. 229–253
10. Kuznetsov V. Performativnost' i urovni kommunikatsii [Performativity and levels of communication]. *Logos*, 2009, no. 2 (70). Available from: http://u.to/ME9ZCg.
11. Malinovskiy B. The problem of meaning in primitive languages. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*, 2005, v. V, no. 3, pp. 199–217. (In Russian).
12. Chomsky N. *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the theory of syntax]. Available from: http://u.to/qL0FBw.
13. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Available from: http://u.to/08AFBw.
14. Wittgenstein L. *O dostovernosti* [On Certainty]. Available from: http://u.to/oJXOBg
15. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskie issledovaniya* [Logical-*Philosophical* Treatise]. Available from: http://u.to/ixIWBw.
16. Habermas J. *Demokratiya. Razum. Nravstvennost'* [Democracy. Reason. Morality]. Moscow: Academia Publ., 1995. 256 p.
17. Habermas J. Teoriya kommunikativnogo deystviya [Theory of communicative action]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya*, 1993, no. 4, pp. 43–63.
18. Larina T.V. *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvo-kul'turnykh traditsiy* [Category of politeness and communication style: A comparison of British and Russian linguistic and cultural traditions]. Available from: http://u.to/6hkWBw
19. Yarkeev A.V. *Etnicheskaya identichnost' v diskurse sotsial'nogo mifa* [Ethnic identity in the discourse of social myth]. Izhevsk: Udmurtia State University Publ., 2009. 180 p.

Received: 28 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 114–120. DOI 10.17223/15617793/394/19

ИСТОРИЯ

УДК 352.071 (-21)(571.5)(091)

Л.М. Дамешек, М.М. Плотникова

МОДЕЛИ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Рассматриваются разные модели городского самоуправления, существовавшие в Восточной Сибири в конце XVIII – первой четверти XIX в., на основании практической деятельности органов самоуправления Иркутска, Верхнеудинска, Киренска, Нижнеудинска и Красноярска. Обращается внимание на разную оценку реформ Екатерины II российскими и европейскими исследователями. Подробно разбирается, что из практики городского самоуправления сибирских городов послужило основой реформы М.М. Сперанского 1822 г. Авторы приходят к выводу, что губернский Иркутск стал одним из образцов для сибирской реформы М.М. Сперанского по части городского управления.

Ключевые слова: городское самоуправление; Восточная Сибирь; реформы Екатерины II; сибирская реформа М.М. Сперанского.

Немецкий теоретик исторической науки Р. Козеллек определяет границу современного мира, момент рождения современной системы социально-политических категорий концом XVIII – началом XIX в. Именно в это время стало формироваться современное государство в Российской империи под влиянием идей Просвещения. Главным проводником этой идеологии выступило само государство в лице Екатерины II, которая, как известно, переписывалась с Вольтером, пригласила в Россию Дидро и написала свой Наказ под влиянием идей Монтескье. Принцип разделения властей был положен в основу административных реформ, проводившихся императрицей. Компетенция вводившихся в административное управление наместников и губернаторов была расширена за счет надзора за сословным самоуправлением, а юстиция и финансы перешли в ведение других инстанций – губернского прокурора и Казенной палаты.

Тремя основными составляющими современного государства являются состоявшееся территориальное развитие, равные городские ассоциации и сила государства [1. С. 8]. В Российской империи были слабые городские ассоциации, следовательно, модернизация для Российской империи выражалась в формировании и развитии городских ассоциаций. В связи с этим введение Екатериной II городских дум и ее желание сформировать «средний род» людей являются шагом на пути формирования проекта современного государства.

Многие российские исследователи отмечают, что в «Жалованной грамоте городам» функции вводившегося органа самоуправления – думы – четко не прописаны. И городские магистраты, и городские думы должны были решать одинаковый круг хозяйственных вопросов. Только в «Учреждении для управления Сибирских губерний» М.М. Сперанский в 1822 г. определил зоной ответственности думы городское хозяйство, а городской магистрат стал заниматься только судебными делами [2. С. 24]. В частности, Л.Ф. Писарькова поддерживает точку зрения известного дореволюционного исследователя И.И. Дитятина о том, что в Городовом положении 1785 г. не были прописаны отношения с вышестоящими органами, которым поручен надзор над деятельностью дум (губернатор, казенная палата), а также с учреждениями, ведавшими делами города по другим законодательным актам (управа благочиния, приказ общественного призрения, магистраты) [3. С. 45–46].

Необходимо отметить особенность проведения реформ Екатериной II: это были отдельные законодательные акты, посвященные той или иной сфере деятельности, которые издавались с промежутком в несколько лет. Уже известный русский правовед А.Д. Градовский обратил внимание на то, что Городовое положение 1785 г. является не только составной частью «Жалованной грамоты городам», но и частью административных реформ Екатерины II. «Для понимания плана местного переустройства, задуманного Екатериной II, должно иметь в виду как самые «Учреждения для управления губерний» в двух его частях 1775 и 1780 гг., так и Устав благочиния, изданный в 1782 г., и Жалованные грамоты дворянству и городам, изданные 21 апреля 1785 г.» [4. С. 107].

Практика городского самоуправления показывает, что в отношениях как с вышестоящими органами, так и с Управой благочиния, магистратами и приказом общественного призрения городские думы хорошо знали пределы своей компетенции. Например, из контент-анализа архивных документов Иркутской градской думы следует, что гласные первых дум хорошо ориентировались не только в Городовом положении 1785 г., но и в Уставе благочиния и Учреждениях о губерниях. Например, в 1789 г. Иркутская градская дума обратила внимание, что для пожарного обоза нужны заливные трубы, которые в Иркутске не производились, и их нужно было привести из Екатеринбурга. На это требовалась потратить средства из городских доходов, а «оную без позволения его Превосходительства издерживать за силою Городового положения 154 статьей городская дума не может. О чем представить рапорт и испрашивать от его превосходительства повеления» [5. Л. 301 об.]. В 1790 г., когда в ведение Иркутской градской думы перешел перевоз через реки Иркут и Ангару, она обращала внимание,

что «устава благочиния 36 статьей управа благочиния в ведомстве своем имеет дороги, улицы, мосты» [6. Л. 22]. Гласный Иван Исаев, вступивший в должность казначея шестигласной Иркутской думы в феврале 1802 г., просил «во избежание выйти могущего сомнения и наблюдения лучшей целости, через кого следует, имевшую у меня за расходом на лице денежную сумму, с приходными и расходными книгами сообразно высочайшего от Управления губернии Всероссийской империи Учреждений XIII главы 160 статьи освидетельствовать» [7. Л. 5–5 об.]. Таким образом, архивные источники подтверждают, что если в работе думы возникали какие-либо вопросы, они решались согласно не только «Жалованной грамоте городам», но и «Учреждению об управлении губерний», и «Уставу благочиния».

Подчеркнем, что европейские авторы, например, балтийский исследователь немецкого происхождения Генрих Лаакманн, дают другую характеристику городскому порядку Екатерины II: «...под строгим разделением юстиции и управления города получают сравнительно широкое самоуправление» [8. С. 5]. Немецкий исследователь Ральф Тухтенхаген отмечает, что Екатерина II сломала старые жесткие сословные перегородки и ввела значительно менее четкое определение гражданства. Теперь и дворяне, имеющие собственность в городе, считались его гражданами, хотя и принадлежали к иному сословию. Критерием принадлежности к определенной категории граждан стало не происхождение, а богатство [9. С. 245]. Также Г. Лаакманн отмечает, что выбирались городские суды, управление было сосредоточено в руках городского головы и шестигласной думы, в которую каждый из шести классов жителей выбирал своего представителя. По этим же шести классам граждане могли быть зарегистрированы в Городской обывательской книге. То есть европейские исследователи расценивают городскую реформу Екатерины II как шаг вперед на пути к проекту современного государства, в отличие от российских, которые считают «Жалованную грамоту городам» «историческим памятником благих намерений просвещенной государыни» [10. С. 207].

Авторы настоящей работы задались вопросом: почему Екатерина, придерживающаяся идеи разделения властей, не разделила полномочия Думы и магистратов, и после нескольких лет работы с архивными документами ответ был получен. Подчеркнем, что законодателем изначально предполагалось, что разные формы городского самоуправления будут в столицах и других городах империи. Согласно «Жалованной грамоте городам» на собраниях градского общества могли присутствовать все члены градского общества, но право голоса и пассивное избирательное право имели только лица, достигшие 25-летнего возраста и обладавшие капиталом, проценты с которого составляли не менее 50 руб. [11. С. 104]. Это означало, что выбирать и баллотироваться на выборные должности могли люди, которые объявляли капитал не ниже 5 000 руб. и плативший ежегодный налог 1% с объявленного капитала. Этому требованию соответствовали купцы 1-й и 2-й гильдий. Именно они должны были производить выборы заседателей магистрата и словесного суда, старост и депутатов для составления городовой обывательской книги. И была сделана оговорка, что «где капиталов нет, там дозволяется и меньше капитал имеющим голос иметь и таковых же избирать». Например, в губернском Иркутске в 1789 г. купцов 1-й и 2-й гильдии было всего 16 человек, которые согласно законодательству могли выбирать и быть избранными, поэтому купцы 3-й гильдии также избирались в гласные Иркутской градской думы. Кроме этого, при выборах в Городовой магистрат, заседателей в губернский и словесный суды «полного числа из купцов за разъездом по торгу и промыслу быть в тех кандидатах недостаточно, и что мещане находят в своем сорте людей достоинства имеющих и способных в каждом присутствии быть, потому и от них кандидаты представлены» [12. Л. 27]. В Красноярске также купцы 2-й и 3-й гильдий были городскими головами, в силу того что купцов 1-й гильдии не было в городе, а 2-й гильдии только 3 человека в 1795 г. [13. С. 52].

Законодатель определил также, что в небольших городах управление городом остается в ратушах. В Иркутской губернии градская дума была открыта только в губернском Иркутске. Когда в 1819 г. сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанский запросил сведения о городских доходах и расходах по городам Иркутской губернии, губернское правительство потребовало такие сведения предоставить Иркутскую градскую думу, нижнеудинского городничего, верхнеудинский и нерчинский магистраты, селенгинскую, кяхтинскую, киренскую и якутскую ратуши, начальников Охотского порта и Камчатки [14. С. 39]. Из архивных документов следует, что перед реформой М.М. Сперанского на территории Иркутской губернии была только одна городская дума в губернском Иркутске, в уездном г. Нижнеудинске был только городничий, в уездном Верхнеудинске городскими делами ведал магистрат, в уездном Киренске, а также в Селенгинске, Кяхте и Якутске – ратуша. Таким образом, в некоторых сибирских городах управление городским хозяйством осталось в ведении городовых магистратов. Именно поэтому, на наш взгляд, в «Жалованной грамоте городам» городовые магистраты наряду с думами получили ряд обязанностей по управлению городом.

Начало екатерининских административных и городских реформ совпало со временем территориально-административного развития Сибири, особенно восточной ее части. Получилось, что накопленный опыт в управлении городами европейской части Российской империи стал моделью для развития городов Восточной Сибири. В 1780 г. вышла вторая часть «Учреждений для управления губерний», где было указано, что в губернском городе должны быть следующие выборные должности: городового старосты, судей Словесного суда, членов Городового магистрата и Городового Сиротского суда, возглавляемого выборным градским головой. В уездном городе, который возглавлял городничий или комендант, выбирали городового старосту, судей Словесного суда, Городовой магистрат, Сиротский суд [15. С. 286–287].

В 1783 г. Иркутская губерния была преобразована в Иркутское наместничество в составе четырех областей: Иркутской, Нерчинской, Охотской и Якутской. Иркутская область в свою очередь делилась на четыре уезда: Киренский, Нижнеудинский, Верхнеудинский и Иркутский. Иркутск стал центром не только уезда, но и наместничества, города Киренск, Нижнеудинск и Верхнеудинск стали уездными городами. Красноярск стал в 1783 г. уездным городом Колыванского наместничества.

С точки зрения современной географии к Восточной Сибири относятся Красноярск, Иркутск, Киренск и Нижнеудинск, с точки зрения конца XVIII в. – Иркутск, Киренск, Нижнеудинск и Верхнеудинск, поэтому в статье будут рассмотрены модели управления Красноярском, Иркутском, Киренском, Нижнеудинском и Верхнеудинском.

В Иркутске выбирали судей в Словесный суд, городского голову, возглавлявшего Сиротский суд, членов Городового магистрата. Согласно «Жалованной грамоте городам» 1785 г. следовало выбрать две думы – общую и шестигласную, и в 1787 г. в губернском Иркутске было выбрано 20 гласных в общую городовую думу и шесть – в шестигласную. В думе должно быть представлено 6 разрядов населения: купцы, мещане, городские обыватели, именитые граждане, иногородние купцы и ремесленники. Поскольку в Иркутске не было именитых граждан, а иногородних купцов записалось всего 6 человек, в Иркутской градской думе оказались представлены только купцы, мещане и ремесленники, причем последних – большинство, согласно количеству цехов в городе. В Иркутской общей градской думе в 1790–1792 гг. были представлены иконописный, серебряный, медный, резной, портной, сапожный, плотничный, каменный, лосинный, маркитанский (закуп скота), рыбопромышленный, кузнечный, шерстобитный и кожевенный цеха [16. Л. 74].

Однако вскоре выяснилось, что многие гласные от ремесленных управ были не способны вести хозяйственные дела в думе по причине неграмотности. Уже в 1794 г. состоялись первые перевыборы, когда вместо одних гласных от цеховых были избраны другие. В 1798 г. от ремесленных управ было избрано уже всего четыре гласных, в 1819 г. – двое. С 1805 г. в Иркутской городской думе появился гласный от иногородних купцов. В 1819 г. в Иркутскую градскую думу были выбраны 2 купцов, 3 мещан, 2 ремесленников и представитель от иногородних купцов, итого 8 гласных [14. С. 35]. То есть практика городского самоуправления в губернском Иркутске сформировала такой сибирский «симбиоз» из предлагаемой законодателем шестигласной и общей думы. Этот результат был закреплен законодательно М.М. Сперанским в проводимой им в 1822 г. сибирской реформе. Согласно этой реформе дума должна была состоять из городского головы, двух, трех или четырех гласных, смотря по пространству города и по назначению Главного Управления. В Иркутске, согласно «Учреждению для управления Сибирских губерний», было избрано пять гласных – по двое от купечества и мещан, один – от цеховых, в Красноярске – городской голова и двое гласных составляли Красноярскую городскую думу.

Можно утверждать, что губернский Иркутск стал одним из образцов для сибирской реформы М.М. Сперанского в той ее части, которая касалась городского управления. В губернском Иркутске ведущей социальной группой было купечество, дворян было мало, они в основном приезжали на службу, отслужив, возвращались в европейскую часть Российской империи. Через Иркутск проходил «Великий чайный путь», город стал главным складом товаров в Восточной Сибири, здесь формировался новый тип купечества, ориентированный на торговлю с Китаем и европейской Россией, производивший торговые операции на всей территории Сибири и имевший многочисленных приказчиков по разным городам.

М.М. Сперанский обратил внимание на специфику сибирского градского общества, которое часто бывало в разъездах по торговым делам. Например, в Иркутске отлучались из города не только купцы, но также мещане и цеховые. В составе Иркутской градской думы 1820–1822 гг. практически сразу были сделаны перемены гласным по причине отлучки из города. М.М. Сперанский предусмотрел на случай таких отлучек выбор кандидатов, которые должны были избираться на каждое звание и по усмотрению губернского начальства занимать места на определенное время, но не более четырех месяцев.

Проводя сибирскую реформу, М.М. Сперанский учел территориально-демографический фактор сибирских городов, которые существенно различались по количеству проживающих в них людей, и разделил города на три категории: многолюдные, средние и малолюдные. Иркутск с численностью населения 14 447 чел. стал многолюдным городом, Верхнеудинск с 2 069 чел. – средним, Киренск с 689 чел. и Нижнеудинск с 432 – малолюдными городами. А Красноярск с численностью 3 124 чел. стал центром новой Енисейской губернии [17. С. 28, 12, 32, 50, 36].

Также М.М. Сперанский предусмотрел, что из-за перемещения торговых путей состояние городов могло изменяться, и предоставил Главному Управлению менять их разряды сообразно их населению и нуждам [18. С. 122]. Киренск, Красноярск и Нижнеудинск как раз являют собой пример городов, состояние которых изменилось благодаря перемещению торговых путей.

Уездный Киренск представлял собой пример города, являвшегося транзитно-транспортным узлом на реке Лене. В конце XVIII в. городское развитие Киренска стало активизироваться благодаря тому, что соседний город Илимск постепенно утратил свое значение вследствие перемещения главного торгового пути на Московский тракт. В 1814 г. в Киренске было учреждено две ярмарки – сплавная летняя и зимняя. Д.Я. Резун и О.Н. Беседина в своей книге приводят цитату из дневника известного иркутского публициста Н.С. Щукина, которая прекрасно отражает городскую идентичность: «Киренск имеет легкую физиономию города, но внутри Константинополь» [19. С. 29]. Киренские купцы и мещане обеспечивали продовольствием, которое они закупали, в том числе и в

округе Иркутска, более северные территории – Якутск и Олекминск. В Киренске не было базара, и жители делали необходимые закупки во время летней ярмарки на целый год в больших количествах, включая продукты питания. Одной из особенностей городского развития г. Киренска была дороговизна жизни, на которую они регулярно жаловались генерал-губернатору Восточной Сибири.

В Киренске из выборных должностей были словесный староста и мещанский староста, который возглавлял Киренскую земскую избу, подчинявшуюся Иркутскому городовому магистрату. В 1807 г. в Киренске была открыта городская ратуша, перенесенная из Илимска [20. Л. 9 об.]. В ратуше заседали бургомистр и два ратмана. Киренские купцы и мещане собирали ратушный трактамент. В 1807 г. ратушный трактамент был определен с 129 душ киренских купцов и мещан в 451 руб. 50 коп. [20. Л. 7]. Илимские мещане также должны были платить ратушный трактамент Киренской ратуше. При ратуше был избран маклер. Также киренские купцы и мещане избирали депутата в Иркутск в Комитет для уравнения земских повинностей.

После реформы Сперанского 1822 г. город получил упрощенную схему управления, городское общество возглавил городской староста, стал избираться Словесный суд. Интересно отметить, что если кандидат на должность городского старосты отказывался от должности, то он должен был заплатить 250 руб. в Словесный суд, чтобы кто-то другой принял за него эту должность [21. Л. 105].

Нижнеудинск находился на Московском тракте, посередине пути между Иркутском и Красноярском. Городом он стал благодаря тому, что городской статус потерял Балаганск. Городское развитие Нижнеудинска в первой половине XIX в. определяло соперничество самого города с Подгорно-Удинской слободой, лежащей непосредственно на Московском тракте. В 1811 г. в Нижнеудинске насчитывалось 74 жилые постройки, в слободе – более 130 [22. С. 49]. Объединение состоялось только в 1851 г. Подчеркнем такую деталь городского развития – окрестные крестьяне не собирались на рынке как таковом, а развозили привезенные продукты и изделия прямо по домам нижнеудинских горожан.

В Нижнеудинске в конце XVIII в. из выборных должностей был только мещанский староста. О его выборах извещал Иркутский городовой магистрат [23. Л. 2]. Интересно, что в 1817 г. Иркутская градская дума пожертвовала в г. Нижнеудинск машину для тушения пожаров и давала деньги на ее поправку [24. Л. 25], в то время как в Киренск заливная машина была продана за 397 руб. 17 ½ коп. Таким образом, за городским управлением и развитием Нижнеудинска следили Иркутский городовой магистрат и Иркутская градская дума. Следует отметить, что в конце XVIII – начале XIX в. в Иркутской губернии существовала такая практика, когда на содержание Иркутского городового магистрата собирали трактаментную сумму и острожные – балаганские, верхоленские, идинские и бельские купцы и мещане, дела которых рассматривались в Иркутском городовом магистрате, потому что содержать свои магистраты им было накладно [16. Л. 400].

Активное торговое развитие уездного Верхнеудинска напрямую связано с развитием русско-китайской торговли. Художник-пейзажист А.Е. Мартынов, сопровождавший в Китай в 1805–1806 гг. свиту графа Ю.А. Головкина, отметил, что «Кяхтинская торговля оживляет всех обитателей Сибири. Кроме того, что они весьма выгодно сбывают излишние продукты свои, но и перевозка их взад и вперед оставляет значительные суммы в Сибири» [25. С. 57]. Для Верхнеудинска роль извоза была велика, здесь этим промыслом занимались в основном мещане. Одновременно город мог выставить 250 одноконных и 60 двуконных подвод [26. С. 33].

Верхнеудинск был уездным центром с магистратским управлением, в отличие от уездных Киренска и Нижнеудинска. Это было связано с тем, что в Киренске и Нижнеудинске не было купеческого сословия, поэтому Иркутское наместничество решило городовой магистрат не утверждать, пока купечеством не обзаведутся. Как и Иркутскому магистрату, Верхнеудинскому подчинялись Ильинская, Кабанская, Селенгинская и Кяхтинская земские избы [27]. Кроме этого, здесь выбирали городскую ратушу и городского голову, возглавлявшего Сиротский суд. Подчеркнем, что хотя населения в губернском Иркутске проживало больше, чем в уездном Верхнеудинске, однако купцов по отношению к остальному населению было больше в Верхнеудинске: 2,17% – в Верхнеудинске и 0,94% в Иркутске соответственно [17. С. 12, 28].

Красноярск находился на границе между Восточной и Западной Сибирью, и поэтому долго оформлялось его административно-территориальное положение. Красноярск в 1783 г. по счастливой случайности остался уездным центром Колыванского наместничества: в 1773 г. в городе случился страшный пожар, уцелело чуть более трех десятков домов. По распоряжению сибирского губернатора Д.И. Чичерина из Тобольска прибыл геодезист сержант Петр Моисеев, которому было предписано «помогать обывателям возводить новые дома по всем правилам архитектурного искусства» [28. С. 31]. То обстоятельство, что Красноярск был выстроен по плану, стало одним из доводов генерал-губернатора Иркутской и Колыванской губерний И.В. Якоби, приведенных для императрицы против переноса уездного центра из Красноярска в Абакан. Вторым доводом стало положение купечества, которому пришлось бы переселиться в новый уездный центр из Красноярска для поддержания своей торговли. В 1796 г. было упразднено Колыванское наместничество, и Красноярск стал уездным городом Тобольской губернии. В 1804 г. Красноярск стал уже уездным городом Томской губернии, а в 1822 г. – центром Енисейской губернии.

Через Красноярск проходил Московский тракт – и с развитием русско-китайской торговли через пограничную Кяхту увеличивалась и проходимость транспортных потоков через Красноярск. Для того чтобы попасть в город, необходимо было переправиться через Енисей. В 1787 г. в городской доход за

перевоз поступило 351 руб. 47 коп. [29. Л. 5 об.], в 1797 г. уже 628 руб. [29. Л. 20 об.], т.е. за 10 лет почти в два раза увеличились транспортные потоки, а в 1802 г. – 1 779 руб. 91 коп. [29. Л. 34 об.], т.е. еще почти в три раза. Вышеупомянутый А.Е. Мартынов, который проезжал через Красноярск в 1805–1806 гг., отметил: «Прямая дорога в Сибирь из России идет через сей город, а потому от ноября до февраля тысячи возов тащатся беспрестанно по здешним улицам» [25. С. 40].

В Красноярске избирались Городовой магистрат, Словесный и Сиротский суды. Городское самоуправление возглавлял городской голова, который писал отчеты о городских расходах и доходах губернатору и в Казенную палату, по неоткрытию думы в Красноярске. В 1803 г. сибирский генерал-губернатор И.О. Селифонтов предложил тобольскому губернатору Б.А. Гермесу предоставить ему ведомость о доходах и расходах Красноярска по форме, предложенной министром внутренних дел В.П. Кочубеем [29. Л. 43]. Тобольский губернатор предложил в свою очередь Красноярскому городовому магистрату и городскому голове составить ведомость о городских расходах и доходах за 1803 г. по этой форме. Эта форма требовала много времени для заполнения, потому что нужно было указать доходы и расходы города по указанным категориям. В апреле 1804 г. тобольский губернатор Б.А. Гермес обращался с этим предложением к Красноярскому городовому магистрату и городскому голове, а 27 июля 1804 г. томский гражданский губернатор обращался уже к Красноярской градской думе с предложением доставить ему ведомость о приходах и расходах города для составления штата полиции [29. Л. 47]. Таким образом, Красноярская градская дума была открыта только в 1804 г.

Итак, система городского самоуправления в Восточной Сибири формировалась всю последнюю четверть XVIII в. Этот процесс совпал с формированием и развитием новых уездных центров Иркутской губернии – Киренска, Нижнеудинска и Верхнеудинска, которые получили таковой в 1783 г. Согласно реформе М.М. Сперанского, Иркутск стал многолюдным городом, Верхнеудинск – средним городом, Нижнеудинск, Киренск – малолюдными городами, а Красноярск – губернским центром новой Енисейской губернии.

В конце XVIII в. городское самоуправление было представлено в Иркутске градской думой, в Красноярске – городским головой, в Киренске и Нижнеудинске мещанскими старостами, в Верхнеудинске городской ратушей и городским головой. В 1804 г. в Красноярске была избрана Градская дума. В 1807 г. в Киренске открывается городовая ратуша, перенесенная из Илимска. Полноценным губернским городом со всеми избираемыми органами, согласно существовавшему законодательству, был Иркутск, а полноценным уездным – Верхнеудинск. Красноярск с 1804 г. стал уездным городом с избираемой градской думой. В Киренске и Нижнеудинске не было магистрата и выборных судов по причине отсутствия купечества. Иркутская градская дума брала на себя обязанности по городскому развитию других городов Иркутской губернии – Нижнеудинска и Балаганска.

Авторы приходят к выводу, что М.М. Сперанский просто законодательно оформил уже сложившиеся в городах Восточной Сибири модели городского управления в рамках теории разделения властей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wunder B.* Die Entstehung und Entwicklung der staatlichen Bezirksämter in Baden, 1803 bis 1863 // 140 Jahre kommunale Selbstverwaltung im Landkreis Karlsruhe: Entstehung und Entwicklung, Aufgabe und Organe, Wahlen und Abgeordnete / bearb. von Bernd Breitkopf. Mit Beitr. von Michael Bock. Ubstadt-Weiher : Verl. Regionalkultur, 2003.
2. *Городское* самоуправление в Иркутске: 220 лет / под общ. ред. М.М. Плотниковой. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008.
3. *Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и Московская дума. М. : Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010.
4. *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Т. 3, ч. 1 : Органы местного управления. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1883.
5. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д.32.
6. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 95.
7. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 312.
8. *Laakmann H.* Das Bürgerbuch von Pernau 1787–1889. J.G. Kruger, Tartu, 1939.
9. *Tuchtenhagen R.* Zwischen Aufklärung und Absolutismus. Staatliche Reformen in den Ostseeprovinzen unter Katharina II // Aufklärer im Baltikum. Europäischer Kontext und regionale Besonderheiten / Hrsg. Kronauer, Ulrich: Heidelberg 2011 (Akademiekonferenzen; 12).
10. *Дамешек Л.М., Плотникова М.М.* Екатерина II и Павел I об управлении городами: тандемность или разномыслие // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2012. № 2 (82).
11. *Грамота* на права и выгоды городам Российской империи 21 апреля 1785 г. // История самоуправления Иркутска: от Екатерины Великой до Медведева. Иркутск : Оттиск, 2008.
12. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 110.
13. *Комлева Е.В.* Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века) / отв. ред. Д.Я. Резун ; РАН. Сибирское отд. Объед. ин-т истории, филологии и философии. М. : Academia, 2006.
14. *Плотникова М.М.* Иркутское городское развитие при сибирском генерал-губернаторе М.М. Сперанском // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 7. Серия «История».
15. ПСЗ-I. Т. 20.
16. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 54.
17. *Штер М.П.* Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год / Составленное из официальных сведений под руководством директора Департамента полиции исполнительной, тайного советника Штера. Санктпетербург : Печатано в тип. Ивана Глазунова, 1829 (обл. 1830).
18. *Учреждение* для управления Сибирских губерний // История самоуправления Иркутска: от Екатерины Великой до Медведева. Иркутск : Оттиск, 2008.
19. *Резун Д.Я., Беседина О.Н.* Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в.: Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск : Наука, 1993.
20. ГАИО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 4

21. ГАИО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 4.
22. *Иркутский* край. Четыре века. История Иркутской губернии (области) XVII – XXI вв. / А.В. Гимельштейн, Л.М. Дамешек, Ю.А. Зуляр, С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин, В.П. Шахеров и др. ; гл. ред. проф. Л.М. Дамешек. Иркутск : Восткнига, 2012.
23. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 527.
24. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1031.
25. *Мартынов А.Е.* Живописное путешествие от Москвы до Китайской границы. В Санктпетербурге, печатано в тип. Александра Плюшара, 1819.
26. *История* Улан-Удэ. Кемерово : Виртрон, 2012.
27. НАРБ. Ф. 20. Оп. 1.
28. *Бердников Л.П. Лонина С.Л.* Два века красноярского самоуправления. История и современность (1822–1917). Красноярск : Издательские проекты, 2003.
29. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 марта 2015 г.

LOCAL GOVERNMENT MODELS IN EASTERN SIBERIA (LATE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES)

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 114-20. DOI 10.17223/15617793/394/19

Dameshek Lev M., Plotnikova Maria M. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: levdameschek@gmail.com; someforme@yandex.ru

Keywords: local government; Eastern Siberia; reforms of Catherine II; Siberian reform of M.M. Speransky.

There are different estimates of the local government reform of Catherine II by European and Russian researchers. Russian researchers believe that *The Charter on the Rights and Benefits of Cities of the Russian Empire, 21 April 1785* is a sample of the good intentions of the sovereign. European researchers believe that Catherine took a step forward with respect to the modern state formation. She separated justice and management and gave the cities broad self-government. The beginning of Catherine's administration and city reforms coincided with the time of the administrative-territorial development of Siberia, especially in its Eastern part. A model for the urban development in Eastern Siberia was the accumulated experience in the management of cities in the European part of the Russian Empire. The provincial city was to elect the city chief, the magistrates and the city mayor. The county town was to elect the city chief and the magistrates. The article classified Irkutsk, Kirensk, Verkhneudinsk, Nizhneudinsk and Krasnoyarsk as the cities of Eastern Siberia on the basis of the historical experience of the city development. The system of local government was formed in Eastern Siberia in the last quarter of the 18th century. This process coincided with the formation and development of new county centers in Irkutsk Province: Kirensk, Nizhneudinsk and Verkhneudinsk, which became cities in 1783. Municipal self-government was the City Duma in Irkutsk, the city mayor in Krasnoyarsk, the bourgeois chief in Kirensk and Nizhneudinsk, the City Hall and the City Mayor in Verkhneudinsk in the late 18th century. The City Duma was elected in Krasnoyarsk in 1804. The City Hall was opened in Kirensk in 1807. It moved from Ilimsk. Irkutsk became a populous city, Verkhneudinsk became a medium-sized town, Nizhneudinsk and Kirensk became porly populated cities, and Krasnoyarsk became a provincial center of the new Yenisei Province after the reform of M.M. Speransky. A full provincial city was Irkutsk with all elected positions according to the law. Verkhneudinsk was a full county town. Krasnoyarsk became a county town with a parliamentary government in 1804. There were no elected magistrates in Kirensk and Nizhneudinsk. Irkutsk City Duma took on the responsibility for urban development of other cities of Irkutsk Province, Nizhneudinsk and Balagansk. The Siberian reform of M.M. Speransky legislatively confirmed the already established local government model in the framework of the separation power theory in the Eastern Siberian cities.

REFERENCES

1. Wunder B. *Die Entstehung und Entwicklung der staatlichen Bezirksämter in Baden, 1803 bis 1863*. In: *140 Jahre kommunale Selbstverwaltung im Landkreis Karlsruhe: Entstehung und Entwicklung, Aufgabe und Organe, Wahlen und Abgeordnete*. Bearb. von Bernd Breitkopf. Mit Beitr. von Michael Bock. Ubstadt-Weiher: Verl. Regionalkultur, 2003.
2. Plotnikova M.M. (ed.) *Gorodskoe samoupravlenie v Irkutske: 220 let* [Municipal government in Irkutsk: 220 years]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2008. 243 p.
3. Pisar'kova L.F. *Gorodskie reformy v Rossii i Moskovskaya duma* [Municipal reform in Russia and the Moscow Duma]. Moscow: Novyy khronograf: AIRO-XXI Publ., 2010. 735 p.
4. Gradovskiy A.D. *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava* [Beginnings of Russian state law]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ., 1883. V. 3, pt. 1.
5. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 70. List 1. File 32.
6. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 70. List 1. File 95.
7. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 70. List 1. File 312.
8. Laakmann H. *Das Bürgerbuch von Pernau 1787–1889*. J.G. Kruger, Tartu, 1939.
9. Tuchtenhagen R. *Zwischen Aufklärung und Absolutismus. Staatliche Reformen in den Ostseeprovinzen unter Katharina II*. In: *Aufklärer im Baltikum. Europäischer Kontext und regionale Besonderheiten*. Hrsg. Kronauer, Ulrich: Heidelberg, 2011 (Akademiekonferenzen; 12).
10. Dameshek L.M., Plotnikova M.M. Catherine II and Paul I about management of cities: tandem or different sights. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii – Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2012, no. 2 (82), pp. 207–212. (In Russian).
11. *Gramota na prava i vygody gorodam Rossiyskoy imperii 21 aprelya 1785 g.* [The Charter on the rights and benefits of cities of the Russian Empire, 21 April 1785]. In: *Istoriya samoupravleniya Irkutska: ot Ekateriny Velikoy do Medvedeva* [The history of government of Irkutsk, from Catherine the Great to Medvedev]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2008.
12. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 70. List 1. File 110.
13. Komleva E.V. *Eniseyskoe kupechestvo (poslednyaya chetvert' XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [Yenisei merchants (last quarter of the 18th – first half of the 19th centuries)]. Moscow: Academia Publ., 2006. 381 p.

14. Plotnikova M.M. Urban Development of Irkutsk Under the Government of M. M. Speransky. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Irkutsk State University, Series "History"*, 2014, v. 7, pp. 32–43.
15. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1845, v. 20. (In Russian).
16. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 70. List 1. File 54.
17. Shter M.P. *Statisticheskoe izobrazhenie gorodov i posadov Rossiyskoy imperii po 1825 god* [Statistical description of the cities and settlements of the Russian empire in 1825]. St. Petersburg: tip. Ivana Glazunova Publ., 1829.
18. *Uchrezhdenie dlya upravleniya Sibirskikh guberniy* [Establishment for administrtion of Siberian Province]. In: *Istoriya samoupravleniya Irkutska: ot Ekateriny Velikoy do Medvedeva* [The history of government of Irkutsk, from Catherine the Great to Medvedev]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2008.
19. Rezun D.Ya., Besedina O.N. *Gorodskie yarmarki Sibiri XVIII – pervoy poloviny XIX v.: Yarmarki Vostochnoy Sibiri* [Urban fairs of Siberia in the 18th – first half of the 19th centuries: Fairs of Eastern Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1993. 157 p.
20. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 36. List 1. File 4
21. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 472. List 1. File 4.
22. Dameshek L.M. (ed.) *Irkutskiy kray. Chetyre veka. Istoriya Irkutskoy gubernii (oblasti) 17th – XXI vv.* [Irkutsk Region. Four centuries. History of Irkutsk Province (Oblast) in the 17th – 21st centuries]. Irkutsk: Vostkniga Publ., 2012. 880 p.
23. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 70. List 1. File 527.
24. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 70. List 1. File 1031.
25. Martynov A.E. *Zhivopisnoe puteshestvie ot Moskvy do Kitayskoy granitsy* [The scenic journey from Moscow to the Chinese border]. St. Petersburg: tip. Aleksandra Plyushara Publ., 1819.
26. Tsybiktarov A.D. et al. *Istoriya Ulan-Ude* [The history of Ulan-Ude]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2012. 160 p.
27. National Archive of the Republic of Buryatia (NARB). Fund 20. List 1.
28. Berdnikov L.P. Lonina S.L. *Dva veka krasnoyarskogo samoupravleniya. Istoriya i sovremennost' (1822–1917)* [Two centuries of Krasnoyarsk authorities. History and Modernity (1822–1917)]. Krasnoyarsk: Izdatel'skie proekty Publ., 2003. 285 p.
29. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 173. List 1. File 1.

Received: 22 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 121–126. DOI 10.17223/15617793/394/20

УДК 902+323.1

Д.А. Михайлов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МЕСТА СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Рассматриваются факторы, определяющие мобилизующий потенциал археологических источников; характеризуется роль археологии в формировании социальной памяти национального сообщества. Консолидирующие свойства археологических источников оцениваются с точки зрения таких свойств мест социальной памяти, как способность к объективации социальных явлений, регулярность, престижность, конвенциональность и тривиальность.

Ключевые слова: археология; социальная память; псевдоархеология; национализм.

В начале XIX в. археологи включились в производство версий прошлого, в которых в качестве универсальных субъектов исторического процесса выступали нации. При этом в «предках» подчеркивались личностные характеристики, которые высоко ценились в настоящем [1. С. 2]. Исторические нарративы, кристаллизуясь со временем в виде элементов социальной памяти, обеспечивают легитимность национальных государств [2], в том числе и не имеющих древней истории, таких как США [3. С. 49–50]. Сакрализация власти с помощью обращения к древним верованиям, языкам и символам превращает национальную идеологию современных государств в гражданскую религию. Без археологии поставить современное национальное сообщество в контекст древней истории и дать историко-культурное обоснование национальному единству было бы невозможно или крайне затруднительно [4. С. 1–13]. Археология дает культурно-историческое обоснование новой политической идентичности, которая выступает в качестве альтернативы традиционным религиозным и династийным принципам политической лояльности. К примеру, египетский национализм, опираясь на славу Древнего Египта, который активно изучался и был очень популярен в Европе во второй половине XIX в., смог провести границу с арабской и турецкой идентичностью, что в конечном итоге привело к провозглашению египетской нации в 1919 г. [5. С. 214]. Более того, археология может служить обоснованием текущей политической ситуации. К примеру, работы, объясняющие гибель цивилизации майя неадекватностью бюрократических механизмов, появлялись во время масштабного сокращения государственного аппарата США [6. С. 316].

Стремление отделить политическую конъюнктуру от науки заставляет археологов обращаться к проблемам методологии, раскрывающим сущность исторического сознания, его взаимоотношений с другими формами восприятия прошлого. В связи с этим в последние годы археологов все чаще привлекают вопросы социальной памяти. Внимание при этом сосредоточено как на проявлениях самого феномена в древности, так и на его роли в процессе познания (см.: [7–9]). Природа социальной идентичности превращает прошлое, представленное в виде интегрирующих символов, в один из главных факторов солидарности. «Социальным группам необходимы свидетельства своего существования в прошлом, – пишет Дж. Тош, – но им требуется такая картина прошлого, которая служит объяснению или оправданию настоящего, часто за счет исторической достоверности» [10. С. 14]. Актуальность проблемы общественно-политического контекста археологической науки связана с постоянно расширяющейся практикой использования древнего прошлого в целях политической мобилизации. Материалы археологии, в силу особенностей предмета и методов науки, обладают с точки зрения конструирования социальной идентичности специфическими качествами, систематизация которых – основная цель данной работы.

Качественные характеристики исторического сознания и социальной памяти наиболее контрастно проявляются при попытках их разграничения. Будучи объективно неотделимы друг от друга, история и память постоянно находятся в состоянии либо конфликта, либо неустойчивого консенсуса [10. С. 11–15; 8. С. 531–540; 11. С. 42–43; 12. С. 93–94]. При этом характерной чертой памяти является ее ориентированность на современность. «Память, – отмечал Ю.М. Лотман, – скорее всего можно представить как генератор, воспроизводящий прошлое заново, способность в результате некоторых импульсов включать генерирование мыслимой реальности, переносимой сознанием в прошлое. Способность эта часть общего процесса мышления и неотделима от него» [13. С. 384].

Автор первого крупного исследования посвященного проблемам социальной памяти М. Хальбвакс понятия «память» и «история» противопоставлял. Если память ориентирована на поиск сходства и преемственности, то история ищет разрывы преемственности и отличия. Память показывает группу изнутри, формируя такой образ ее прошлого, чтобы она всегда могла себя с ним идентифицировать. История же, напротив, сосредоточена на изменениях как процессе или результате [14. С. 384].

По мнению Д. Лоуэнталя, различие между памятью и историей следует искать не только в способе приобретения и подтверждения знания о прошлом, но и в том, каким образом оно передается, сохраняется и изменяется. История, по Лоуэнталю, не подвержена случаю; основанная на фактах, она всегда может быть пересмотрена. В то же время история в меньшей степени поддается изменениям, в отличие от воспоминаний она не меняется в угоду текущему политическому моменту [15. С. 336–338].

В качестве отличительных свойств памяти П. Нора отмечает ее динамичность, избирательность, игнорирование процесса, стихийность. Нора рассматривает

образы социальной памяти как точки в ее символическом пространстве – топосы, которые акцентируют внимание на явлениях прошлого, обеспечивающих социальное единство. Им были охарактеризованы четыре типа мест социальной памяти. Во-первых, топографические места памяти, «полностью зависящие от их точной локализации». К ним относятся туристические места, архивы, библиотеки, музеи и т.д. Во-вторых, монументальные места памяти, которые представлены, прежде всего, архитектурными сооружениями. В-третьих, функциональные места памяти, к ним Нора относит учебники, мемуары, хрестоматии и т.д. Наконец, в-четвертых, символические места памяти – всевозможные памятные мероприятия, паломничества и т.д. [16].

С функциональной точки зрения можно выделить следующие свойства мест социальной памяти. Во-первых, свойства социальной памяти детерминированы их главной функцией – объективировать социальные отношения и обеспечивать мобилизацию сообщества. Во-вторых, они должны вызывать сильные чувства, лучше всего – являться предметом гордости, соответствовать принятым критериям престижности. В-третьих, они должны быть конвенциональны – образ сообщества должен иметь одинаковое значение для всей группы, он теряет смысл, если провоцирует внутренний конфликт [17. С. 142]. В-четвертых, места социальной памяти должны быть регулярными, легко воспроизводиться и, следовательно, легко рутинизироваться. «Граждане сложившихся наций не принимают каждый день сознательного решения о необходимости дальнейшего существования нации. С другой стороны, нация и не воспроизводится сама собой. Для этого необходимы банальные практики, а не сознательный выбор или коллективные акты воображения» [18. С. 36]. Из этого вытекает еще одно неотъемлемое качество социальной памяти – ее содержание должно быть простым. Тривиальность, как и рутинность – ключевое свойство любых институциональных значений: «Поскольку человеческие существа зачастую ленивы и забывчивы, должны существовать процедуры – если необходимо, принудительные и вообще малоприятные, – с помощью которых эти значения могут быть снова запечатлены в сознании и запомнены. Но так как человеческие существа зачастую еще и глупы, то в процессе передачи институциональные значения упрощаются настолько, чтобы набор институциональных формул можно было легко выучить и запомнить последующим поколениям» [19. С. 117].

Главное преимущество археологических мест социальной памяти заключается в том, что древнее прошлое исказить или представить в нужном свете значительно проще. Это связано с известной ограниченностью и фрагментарностью археологического источника и, как правило, наличием большого числа противоречивых интерпретаций. С точки зрения конструирования социальной реальности большое значение имеет то, что древние сообщества «много легче изобразить в виде культурных целостностей и наделить их единой волей, превратив в коллективных былинных богатырей, культурных героев» [20. С. 279]. Это позволяет отождествлять археологические источники с социальными организмами и устанавливать их непосредственную связь с современными сообществами. Характерным приемом, присущим в большей степени псевдонаучным произведениям, стал монизм, выражающийся в отождествлении лингвистических, культурных, расовых, генетических феноменов с археологическими источниками, и позволяющий строить произвольные социологические реконструкции. К примеру, сравнения элементов орнамента, гаплогрупп, археологических культур и этнических общностей привели А.А. Клесова и А.А. Тюняева к выводу, что «праславяне (арии)» жили в V тыс. до н.э. на территории современного Китая [21. С. 279].

Престижность археологических мест социальной памяти предопределяется их древностью. «Популярно мнение, – отмечает В.А. Шнирельман, – что многовековая преемственность придает особый престиж культуре и заставляет считаться с ее носителями, позволяя им претендовать на высокий социальный статус» [20. С. 280]. В идее первичности проявляются психологические особенности понимания престижа. Яркий пример – пилтдаунская история. При всем скепсисе, который существовал в отношении этой находки в научном мире, важную роль в ее признании и популяризации сыграли ожидания английского общества. Накануне Первой мировой войны национализм переживает период рассвета во всем мире, а находка древнейшего человека позволяла испытывать чувство гордости за свою нацию, а вместе с тем и превосходство по отношению к французским и немецким древностям [22. С. 184].

Стремление к максимальному удревнению своих исторических корней приводит к тому, что ключевой для любого сообщества вопрос о происхождении также оказывается связан с археологическим наследием. Эдвард Саид отмечал, что «происхождение – это молчаливая нулевая точка, замкнутая в себе самой», которая доминирует над тем, что из нее проистекает [23. С. 69]. Это событие занимает одно из центральных мест социальной памяти, является своего рода точкой отсчета, обращение к которой способствует развитию и укреплению чувства солидарности. Как подчеркивал П. Рикер, «невозможно представить себе сообщество, которое бы не праздновало, с большей или меньшей степенью мифологизации, собственное появление на свет» [24. С. 23]. Универсальный характер потребности больших сообществ к изобретению «золотого века», великого прошлого славных предков перекликается с фрейдистской традицией, рассматривающей в качестве ключа к пониманию личности события глубокого детства [4. С. 20]. В то же время престижность сама по себе зависит от сложившейся системы ценностей, что хорошо проявляется в случае с государственной идеологией. К примеру, в СССР проблема норманизма была важнейшим политическим вопросом, который с 1930-х гг. разрешался в основном средствами археологии [25. С. 37–89]. В 1982 г. прошло масштабное празднование 1500-летия Киева, были проведены многочисленные мемориаль-

ные мероприятия. Дополнительную символичность этому событию придавал еще один юбилей, связанный с идеей зарождения государственности – 60-летие образования СССР. В вышедшей к празднованию книге Б.А. Рыбакова предпринимается попытка, во многом опираясь на археологические находки, доказать, что Киев с VI в. являлся центром древнерусской государственности, зарождавшейся на основе слившихся с Русью полян [26. С. 107]. Праздновать образование столицы соседнего государства или захват князем Олегом Киева в 882 г. не совсем логично и корректно с точки зрения текущего политического момента. Очевидно, поэтому была возрождена традиция празднования легендарного призвания новгородцами Рюрика, и осенью 2012 г. страна отпраздновала 1150-летие российской государственности.

Конвенциональность археологических мест социальной памяти связана с тем, что исторические события, в отношении которых отсутствует национальный консенсус, всегда тесно связаны с текущим политическим контекстом, и их конфликтность будет угасать по мере удаления от современности. Артефакты выглядят пустыми сосудами, которые можно наполнять любым, порой самым парадоксальным, общественно-политическим смыслом. В то же время политические претензии к археологическим данным проявляются со стороны общественности значительно слабее. С точки зрения эмоциональной остроты и психологической вовлеченности дискуссии по этим вопросам менее конфликтны и, как правило, остаются на уровне историографии. Если мотивационные формулировки «моего деда раскулачили» или «если бы не Горбачев» с точки зрения обывательского восприятия прошлого выглядят естественными, то претензии к скифам или древним тюркам требуют небанальных творческих усилий, что препятствует их широкому распространению.

Тривиальность археологических мест социальной памяти определяется их вещественностью. «Наглядность археологических источников – их большое преимущество в пропаганде исторических знаний» – отмечал А.Л. Монгайт [27. С. 65]. В качестве археологического источника может выступать единственная вещь, что делает их легкодоступными для восприятия. При этом их историческое и общественное значение кажется очевидным и убедительным. Это позволяет задействовать археологические источники в различных формах презентации прошлого, ориентированных на самую широкую аудиторию. К примеру, олень «золотые рога» из кургана Иссык изображен на казахстанских денежных знаках.

Вещественность предопределяет и возможности рутинизации археологических мест социальной памяти. Исторически роль регулярной презентации прошлого играли музеи. Первые специализированные археологические музеи появляются в начале XIX в. Развитие демократических процессов приводит к трансформации закрытых частных собраний древностей в национальные музеи. При этом, как замечает Б. Андерсон, «музеи и музейное воображение в глубине своей политичны» [28. С. 196]. Используя коллекции для обоснования тех или иных историософских и политических концепций, в которых нуждается общество или его элита, музей играет огромную роль в формировании социальной памяти [29. С. 24]. Экспозиция, построенная по хронологическому принципу, сама по себе указывает на историческую преемственность культуры сообщества с культурой предшествующих периодов, уходящей в глубокую древность.

Еще одно свойство археологических памятников упрощает их рутинизацию в качестве мест социальной памяти – они как правило четко географически привязаны и вписаны в историко-культурный ландшафт. Это позволяет формировать на их основе топографические места памяти. Часто археологические памятники ставятся в один смысловой ряд со скульптурными и архитектурными памятниками. Туристические, научные и культовые посещения памятников дополнительно концентрируют на них внимание общественности. Благодаря этому археологические объекты могут играть исключительную роль в оформлении восприятия национальной территории. В частности, Янис Хамилакис показал, какое значение для формирования греческой нации сыграла территориальная самоидентификация, которая начала проводиться на основе античных памятников еще до начала войны за независимость. При всей важности древнегреческой мифологии и культуры, нация нуждалась в материальных ориентирах, которые своей осязаемостью придавали ей дополнительное ощущение реальности [30. С. 79].

Вещественность и наглядность археологических памятников упрощают их использование в качестве национальных символов. Государственная символика естественным образом входит в повседневность и является важнейшим фактором формирования социальной памяти. Задействование археологической тематики в государственной символике широко распространено на постсоветском пространстве. Один из примеров – герб Республики Саха. На нем изображен всадник-знаменосец, оригинал которого был обнаружен на скалах у деревни Шишкино на реке Лене академиком А.П. Окладниковым. Окладников отнес эти изображения к раннесредневековой курумчинской археологической культуре VI–X вв. и связал ее с описанным в китайских источниках народом – курыканами. «В мифологии же бурят и якутов, – отмечал Окладников, – дошли до нас отголоски курыканского эпоса, отголоски тысячелетних легенд» [31. С. 74]. Именно отождествление якутов с курыканами определяет содержание герба Республики Саха.

Еще одним способом рутинизации археологических мест социальной памяти являются школьные программы и учебники. М. Ферро пишет: «Не нужно себя обманывать: образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории» [32. С. 8]. На многочисленных примерах В.А. Шнирельман показывает, что национальный дискурс в школе основывается на декларации прямой преемственности современных государств народам, населявшим эти территории в древности [33]. В итоге по-

лучается стройная картина последовательного развития народа-государства, в которой периоды до появления письменных источников представляют сменяющие друг друга археологические культуры.

Важнейшим современным фактором формирования социальной памяти являются СМИ. И здесь археологические памятники, приправленные легендарной историей, иногда с откровенно мистическим налетом, также обладают значительными преимуществами, привлекая широкую аудиторию и обеспечивая коммерческую прибыль [34. С. 157]. По этой же причине образы археологии широко используются массовой культурой. В свою очередь вовлеченность широкой общественности в процесс потребления прошлого создает еще одно проблемное поле – экономическое. Коммерческая эксплуатация археологических мест социальной памяти особенно рельефно проявляется в туристической индустрии [35]. С одной стороны, привлечение средств туристического бизнеса позволяет проводить новые исследования, обустраивать археологические объекты, формировать на их основе музейные площадки, в целом популяризировать археологическую науку. Однако у взаимоотношений археологии и бизнеса есть и другая сторона. Для привлечения клиентов туристический бизнес формирует коммерческую версию археологического объекта, что зачастую сопровождается упрощением его исторического содержания или вовсе выдумкой. Проблема заключается в том, что использование археологии туризмом неизбежно сопровождается искажением археологического знания. Богатство рекреационных ресурсов при слабой изученности историко-культурного наследия в национальных республиках заставляло туристический бизнес России прокладывать новые маршруты без должного научного сопровождения, т.е. фантазию экскурсоводов ничто не ограничивало. Влияние на общественное сознание таких объектов сложно переоценить, ведь через них проходят тысячи туристов, на них трудятся многие местные жители (иногда это единственное средство существования целых населенных пунктов), производится и распространяется соответствующая литература, создаются всевозможные информационные поводы. Особенно интенсивно археология эксплуатируется в политически нестабильных странах и регионах, где туристическая индустрия играет ключевую роль.

В качестве одного из последних примеров сочетания усилий ученых, бизнеса и государства в конструировании археологического места социальной памяти можно привести открытие кузбасскими археологами «кабырзинской принцессы». Археологи Кузбасской этноэкологической экспедиции, выполняя заказ председателя Кемеровского областного Совета народных депутатов Н.И. Шатилова и главы Таштагольского района В.Н. Макуты, раскопали в районе поселка Усть-Кабырза в Горной Шории женское захоронение, которое сопровождал «богатый погребальный инвентарь: глиняный орнаментированный сосуд, бронзовый нож в ножнах, бронзовые и каменные бусы, бронзовое зеркало и шейная гривна» [36. С. 194]. Очевидно, в контексте планируемого создания туристического комплекса погребенная была провозглашена «принцессой»: «Возле некрополя “Кабырзинской принцессы”, на другой стороне ручья, по тропе, ведущей на культовую шорскую гору, будет размещена реконструкция стана древних литейщиков и рыболовов». Средствами массовой информации «кабырзинская принцесса» была провозглашена подругой «йети» – другого бренда, активно раскручиваемого в Кемеровской области («У кузбасского йети появилась подруга»). Таким образом, информационное сопровождение туристического проекта поспособствовало формированию нового места национальной памяти шорцев, которое фактически сразу же приобрело конфликтный характер. В частности, авария на Саяно-Шушенской ГЭС была объявлена местными шаманами «местью принцессы». Можно не сомневаться, что в случае изменения социально-экономической ситуации в Кузбассе «кабырзинская принцесса» обретет свой народ, и чем это закончится, в частности, для потревоживших ее ученых, вряд ли кто-нибудь возьмется предсказать. Тем более что у сибирской археологии уже имеется подобного рода негативный опыт: общественная ситуация вокруг «кабырзинской принцессы» очень схожа с открытием «принцессы Укока», следствием которого стали неутихающие почти двадцать лет национальные страсти и мораторий на проведение археологических работ на юге Горного Алтая [37. С. 44]. Но двадцать лет назад была иная общественно-политическая ситуация, сама находка была иного научного и культурного уровня, и главное, не было двадцатилетнего опыта выстраивания археологами отношений с национальной общественностью.

Таким образом, археологические места социальной памяти благодаря способности к объективации социальных явлений, регулярности, престижности, конвенциональности и тривиальности позволяют с особой идеологической силой удерживать субъект в поле притяжения политического сообщества. Это означает, что исторические интерпретации археологии не могут рассматриваться вне общественно-политического контекста. Поскольку современная методология не проводит жесткой границы между историческим сознанием и социальной памятью, неизбежно актуализируются проблемы псевдонауки. Невозможность получения рафинированного исторического знания заставляет археологов в последние годы активнее обращаться к проблемам профессиональной этики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Silbermab N.A.* Between Past and Present: Archaeology, Ideology, and Nationalism in the Modern Middle East. New York : Henry Holt, 1989.
2. *Diaz-Andreu M.A.* World history of Nineteenth-Century Archaeology, Nationalism, Colonialism, and the Past. Oxford ; New York, 2007.
3. *Silberman N.A.* Promised lands and chosen peoples: the politics and poetics of archaeological narrative // Kohl Ph.L., Fawcett C. (eds). Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology. Cambridge, 1995. P. 249–262.

4. *Kohl Ph.L., Kozelsky M., Ben-Yehuda N.* Introduction // Selective Remembrances: Archaeology in the Construction, Commemoration, and Consecration of National Pasts. Chicago, 2007. P. 1–31.
5. *Hassan F.A.* Memorabilia Archaeological materiality and national identity in Egypt // Archaeology Under Fire. Nationalism, Politics and Heritage in the Eastern Mediterranean and Middle East. London, 1998. P. 200–216.
6. *Wilk R.R.* The Ancient Maya and the Political Present // Journal of Anthropological Research. 1998. Vol. 41. 3. P. 307–326.
7. *Van Dyke R.M., Alcock S.E.* Archaeologies of Memory: An Introduction // Archaeologies of Memory. Oxford, 2003. P. 1–15.
8. *Шнирельман В.А.* Российская школа и национальная идея // Неприкосновенный запас. 2006. № 6. С. 232–249.
9. *Boric D.* Introduction: Memory, archaeology and the historical condition // Archaeology and Memory. Oxford, 2010. P. 1–35.
10. *Тош Дж.* Стремление к истине. М. : Весь мир, 2000.
11. *Репина Л.П.* Память и историописание // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М. : Кругъ, 2006.
12. *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М. : Канон, 2007.
13. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М. : Языки русской культуры, 1996.
14. *Ассман Я.* Культурная память. М. : Языки славянской культуры, 2004.
15. *Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна. СПб. : Владимир Даль, Русский остров, 2004.
16. *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. № 26. P. 7–24.
17. *Репина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. М. : ГУ-ВШЭ, 2005. С. 122–170.
18. *Биллиг М.* Повседневное напоминание о Родине // Логос. 2007. № 1 (58). С. 34–71.
19. *Берегер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1995.
20. *Шнирельман В.А.* Президенты и археология, или что ищут политики в древности: далекое прошлое и его политическая роль в СССР и в постсоветское время // Ab imperio. 2009. № 1. С. 279–325.
21. *Клёсов А.А., Тюняев А.А.* Происхождение человека (по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии). М. : Белые альвы, 2010.
22. *Goulden M., Balmer A.S.* Almost Human: Scientific and Popular Strategies for Making Sense of "Missing Links" // Contested Categories: Studies of the Life Sciences in Society / Bauer S., Jessen H., Wahlberg A. (eds.). Hampshire, 2009. P. 181–203.
23. *Эткинд А.М.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение, 2013.
24. *Зорин А.Г.* Кормя двуглавого орла... М. : Новое литературное обозрение, 2001.
25. *Клейн Л.С.* Спор о варягах. СПб. : Евразия, 2009.
26. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и киевские княжества XII–XIII вв. М. : Наука, 1982.
27. *Монгайт А.Л.* Археология и современность. М. : Академия наук, 1963.
28. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма. М. : Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
29. *Шнирельман В.А.* Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 8–26.
30. *Hamilakis Y.* The Nation and its Ruins: Antiquity, Archaeology, and National Imagination in Greece. New York, 2007.
31. *Окладников А.П.* Олень золотые рога. Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1989.
32. *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М. : Высшая школа, 1992.
33. *Шнирельман В.А.* Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. № 5. С. 79–87.
34. *Arnold B.* Pseudoarchaeology and Nationalism: Essentializing difference // Archaeological Fantasies: How pseudoarchaeology misrepresents the Past and Misleads the Public. New York, 2006. P. 154–179.
35. *Мескелл Л.* Места насилия: терроризм и наследие в археологическом настоящем // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 69–88.
36. *Кимеев В.М., Ширин Ю.В.* Этоархеологический комплекс бассейна реки Мрассу // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я.А. Шера. 2011. № 25. С. 192–198.
37. *Михайлов Д.А.* Алтайский национализм и археология // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 37–51.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 марта 2015 г.

ARCHAEOLOGICAL PLACE OF SOCIAL MEMORY

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 121-126. DOI 10.17223/15617793/394/20

Mikhailov Dmitriy A. Siberian Branch of Russian Presidential Academy (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: damihan@yandex.ru

Keywords: archeology; social memory; pseudoscience; nationalism.

The article characterizes the determinants of the mobilizing potential of archaeological sources and considers the role of archeology in the formation of social memory. The determinants of mobilizing potential archaeological sources; characterized the role of archeology in the formation of social memory. From the point of view of social reality construction, the identification of archaeological sources of a social organism and the establishment of their direct link with a modern community are of great importance. An indicative tool inherent to pseudoscientific works was monism, expressed in the identification of linguistic, cultural, racial, genetic phenomena with archaeological sources, and allowing to construct arbitrary sociological reconstructions. Conventionality of archaeological places of social memory is due to the fact that historical events, for which there is no national consensus, are always closely related to the current political context, and their conflicts will fade away with time. Archaeological sources may only be a thing, which facilitates their perception. Their historical and social significance seems obvious and compelling. Materiality determines the possibility of routinization of archaeological sites of social memory. Another feature of archaeological sites simplifies their routinization as places of social memory: they tend to be geographically referenced and clearly inscribed in the historical and cultural landscape. Thus, archaeological sites of social memory due to their ability to objectify social phenomena, regularity, prestige, conventionality and triviality allow to keep the subject in a political community gravity field with particular ideological force. This means that the historical interpretation of archeology can not be considered outside the socio-political context. As the current methodology does not make rigid boundaries between historical consciousness and social memory, problems of pseudoscience are inevitably relevant. Inability to obtain refined historical knowledge makes archaeologists address the issues of professional ethics in recent years.

REFERENCES

1. Silbermab N.A. *Between Past and Present: Archaeology, Ideology, and Nationalism in the Modern Middle East*. New York: Henry Holt, 1989.

2. Diaz-Andreu M.A. *World history of Nineteenth-Century Archaeology, Nationalism, Colonialism, and the Past*. Oxford; New York, 2007.
3. Silberman N.A. *Promised lands and chosen peoples: the politics and poetics of archaeological narrative*. In: Kohl Ph.L., Fawcett C. (eds.) N*ationalism, Politics, and the Practice of Archaeology*. Cambridge, 1995, pp. 249–262.
4. Kohl Ph.L., Kozelsky M., Ben-Yehuda N. *Introduction*. In: Kohl Ph.L., Kozelsky M., Ben-Yehuda N. (eds.) *Selective Remembrances: Archaeology in the Construction, Commemoration, and Consecration of National Pasts*. Chicago, 2007, pp. 1–31.
5. Hassan F.A. *Memorabilia. Archaeological materiality and national identity in Egypt*. In: Meskell L. (ed.) *Archaeology Under Fire. Nationalism, Politics and Heritage in the Eastern Mediterranean and Middle East*. London, 1998, pp. 200–216.
6. Wilk R.R. The Ancient Maya and the Political Present. *Journal of Anthropological Research*, 1998, v. 41, 3, pp. 307–326.
7. Van Dyke R.M., Alcock S.E. *Archaeologies of Memory: An Introduction*. In: Van Dyke R.M., Alcock S.E. (eds.) *Archaeologies of Memory*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2003, pp. 1–15.
8. Shnirel'man V.A. Rossiyskaya shkola i natsional'naya ideya [Russian school and the national idea]. *Neprikosnovennyy zapas*, 2006, no. 6, pp. 232–249.
9. Boric D. *Introduction: Memory, archaeology and the historical condition*. In: Boric D. (ed.) *Archaeology and Memory*. Oxford: Oxbow Books, 2010, pp. 1–35.
10. Tosh J. *Stremlenie k istine* [The Pursuit of History]. Translated from English. Moscow: Ves' mir Publ., 2000. 296 p.
11. Repina L.P. *Pamyat' i istoriopisanie* [Memory and historiography]. In: Repina L.P. (ed.) *Istoriya i pamyat': Istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and Memory: Historical culture of Europe before modern times]. Moscow: Krug" Publ., 2006.
12. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. Moscow: Kanon, 2007.
13. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek-tekst-semiosfera-istoriya* [Inside thinking worlds. Man-text-semiosphere-history]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 464 p.
14. Assmann J. *Kul'turnaya pamyat'* [Cultural memory]. Translated from German. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 368 p.
15. Lowenthal D. *Proshloe – chuzhaya strana* [The past Is a Foreign Country]. Translated from English by A.V. Govorunov. Moscow: Vladimir Dal' Publ., Russkiy Ostrov Publ., 2004. 624 p.
16. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. *Representations*, 1989, no. 26, pp. 7–24.
17. Repina L.P. *Kontseptsii sotsial'noy i kul'turnoy pamyati v sovremennoy istoriografii* [The concept of social and cultural memory in contemporary historiography]. In: Savel'eva I. M., Poletaev A. V. (eds.) *Fenomen proshlogo* [Phenomenon of the past]. Moscow: GU-VShE Publ., 2005, pp. 122–170.
18. Billig M. Povsednevnoe napominanie o Rodine [A gentle reminder of the homeland]. *Logos*, 2007, no. 1 (58), pp. 34–71.
19. Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti* [The Social Construction of Reality]. Translated from English by E. Rutkevich. Moscow: Medium Publ., 1995. 323 p.
20. Shnirel'man V.A. Prezidenty i arkheologiya, ili chto ishchut politiki v drevnosti: dalekoe proshloe i ego politicheskaya rol' v SSSR i v postsovetskoe vremya [Presidents and archeology, or what are politicians looking for in antiquity: the distant past and its political role in the Soviet Union and in the post-Soviet era]. *Ab imperio*, 2009, no. 1, pp. 279–325.
21. Klesov A.A., Tyunyaev A.A. *Proiskhozhdenie cheloveka (po dannym arkheologii, antropologii i DNK-genealogii)* [The Descent of Man (according to archeology, anthropology and DNA genealogy)]. Moscow: Belye al'vy Publ., 2010. 1024 p.
22. Goulden M., Balmer A.S. *Almost Human: Scientific and Popular Strategies for Making Sense of "Missing Links"*. In: Bauer S., Jessen H., Wahlberg A. (eds.) *Contested Categories: Studies of the Life Sciences in Society*. Hampshire, 2009, pp. 181–203.
23. Etkind A.M. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal colonization. Imperial Russia's experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 448 p.
24. Zorin A.G. *Kormya dvuglavogo orla...* [Feeding the double-headed eagle . . .].Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 416 p.
25. Kleyn L.S. *Spor o varyagakh* [The dispute over the Vikings]. St. Petersburg: Evraziya Publ., 2009. 400 p.
26. Rybakov B.A. *Kyivskaya Rus' i kievskie knyazhestva XII–XIII vv.* [Kyivan Rus and Kyivan principalities of the 12th – 13th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 599 p.
27. Mongayt A.L. *Arkheologiya i sovremennost'* [Archaeology and modernity]. Moscow: Akademiya nauk Publ., 1963. 112 p.
28. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshlenie ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kanon-press-Ts Publ., Kuchkovo pole Publ., 2001. 288 p.
29. Shnirel'man V.A. Museum and the Construction Of Social Memory: A Cultural Studies Approach. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*, 2010, no. 4, pp. 8–26. (In Russian).
30. Hamilakis Y. *The Nation and its Ruins: Antiquity, Archaeology, and National Imagination in Greece*. New York, 2007.
31. Okladnikov A.P. *Olen' zolotye roga* [Deer with golden horns]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1989. 208 p.
32. Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How stories are told to children around the world]. Translated from French. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1992. 351 p.
33. Shnirel'man V.A. Ocharovanie sedoy drevnosti: Mify o proiskhozhdenii v sovremennykh shkol'nykh uchebnikakh [The charm of antiquity: myths about the origins of modern school textbooks]. *Neprikosnovennyy zapas*, 2004, no. 5, pp. 79–87.
34. Arnold B. *Pseudoarchaeology and Nationalism: Essentializing difference*. In: Fagan G.G. (ed.) *Archaeological Fantasies: How pseudoarchaeology misrepresents the Past and Misleads the Public*. London & New York: Routledge, 2006, pp. 154–179.
35. Meskell L. Mesta nasiliya: terrorizm i nasledie v arkheologicheskom nastoyashchem [Places of violence: terrorism and heritage in the archaeological present]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review,* 2013, no. 1, pp. 69–88.
36. Kimeev V.M., Shirin Yu.V. *Etoarkheologicheskiy kompleks basseyna reki Mrassu* [Ethnoarcheological complex of the Mrassu R. basin/]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri. K 80-letiyu Ya.A. Shera* [Archeology of Southern Siberia. To the 80th anniversary of Ya.A. Sher]., 2011, no. 25, pp. 192–198.
37. Mikhaylov D.A. Altayskiy natsionalizm i arkheologiya [Altai Nationalism and archeology]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2013, no. 1, pp. 37–51.

Received: 23 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 127–129. DOI 10.17223/15617793/394/21

УДК 378.126

К.А. Михалева

РОЛЬ КОНКУРСНОЙ ПРОГРАММЫ «АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ» ФОНДА МИХАИЛА ПРОХОРОВА В РАЗВИТИИ ГРАНТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ВЫЯВЛЕНИИ НОВЫХ МАТЕРИАЛОВ В РАМКАХ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АСПИРАНТА

Раскрывается определение понятия «академическая мобильность», характеризуется деятельность Фонда Михаила Прохорова. Дается краткий обзор конкурсных направлений Фонда в целом и академической мобильности в частности. Раскрывается причина необходимости финансовой поддержки аспирантов по выявлению и сбору материалов по теме индивидуального исследования с целью работы в архивах, библиотеках и других хранилищах. Автор делится своим опытом участия в программе «Академическая мобильность» Фонда М. Прохорова.

Ключевые слова: академическая мобильность; грант; Фонд Михаила Прохорова; научные исследования.

Академическая мобильность является одним из приоритетных направлений международной деятельности в учебных заведениях среди студенческого и научного сообщества. Она предоставляет возможность студентам, аспирантам и молодым ученым продолжить образование или приобрести научный опыт за рубежом путем участия в краткосрочной образовательной или научно-исследовательской программе.

Целью развития программ академической мобильности является повышение качества образования, улучшение взаимопонимания между различными народами и культурами, воспитание нового поколения, подготовленного к жизни и работе в международном информационном сообществе. Академические обмены реализуются в соответствии с договорами, соглашениями с международными компаниями, организациями и фондами.

Например, Фонд Михаила Прохорова (Благотворительный фонд культурных инициатив г. Красноярска; далее Фонд) поддерживает развитие академической мобильности среди студентов и аспирантов. Этот Фонд был учрежден в 2004 г. по инициативе бизнесмена М.Д. Прохорова и стал первой в России благотворительной организацией, имеющей региональную стратегию работы. Выбранная стратегия выражается в том, что для каждого из регионов Фонд разрабатывает свою уникальную программу, учитывающую историческую, экономическую и культурную специфику территории. Фонд ориентирован также на реализацию федеральных и международных проектов, направленных на включение российской культуры в мировой контекст. Его деятельность отмечена почетными наградами: премия «Золотая маска» в номинации «За поддержку театрального искусства России» (2010 г.), премия Инновация «За поддержку современного искусства России» (2013 г.), премия «Звезда театрала» в номинации «Меценат года» (2013 г.) [1].

За 10 лет работы благотворительный бюджет Фонда увеличился в 13 раз, а общий объем финансовых средств превысил 2 млрд рублей. Экспертным советом рассмотрено около 11 тыс. грантовых заявок, из которых поддержано более 4 тысяч. Кроме того, инициировано и реализовано более 30 собственных проектов, большая часть из которых осуществляется на ежегодной основе, зрителями и участниками мероприятий Фонда стали более 1 млн человек [1].

Всего в рамках благотворительной программы Фонда действует 15 конкурсных линий (открытые и закрытые благотворительные конкурсы, стипендиальные, грантовые и специальные программы), грантовый фонд которых составляет 100 млн рублей. Среди них такой конкурс, как «Дорогу талантам», который является открытым благотворительным конкурсом, предусматривающим гранты на поездки в творческих и учебных целях. К участию в конкурсе приглашаются воспитанники учреждений образования, культуры и искусства Красноярского края.

«Профессиональная мобильность» – еще один открытый благотворительный конкурс, направленный на финансирование грантов на поездки для специалистов в сфере образования, культуры и искусства, проживающих на территории Красноярского края.

«Академическая мобильность» – благотворительный конкурс на финансирование тревел-грантов для участия в научных конференциях и семинарах, работы в архивах и библиотеках, стажировок в научных учреждениях страны и за рубежом для студентов старших курсов, аспирантов и молодых преподавателей (в возрасте до 35 лет). Конкурсная программа рассчитана на участников, проживающих и обучающихся на территории Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, Воронежской, Липецкой, Тамбовской, Рязанской областей, Пермского края и г. Тольятти.

Таким образом, Фонд М.Д. Прохорова за время существования разработал свою уникальную программу по всем конкурсным направлениям и увеличил объем финансовых средств, что позволило поддержать большое количество заявок.

Итак, автор данной статьи, работая над диссертационным исследованием по теме «Памятники архитектуры исторического города как культурное наследие России (на материалах Республики Бурятия)», представляет, что Бурятия является уникальной территорией, богатой объектами историко-культурного и природного наследия, в том числе входящими в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В рамках создания особой экономической зоны туристско-рекреационного типа (ОЭЗ ТРТ) «Байкальская гавань» объектам наследия отводится ведущая роль в продвижении туристских услуг и формированию положительного регионального имиджа республики. Поэтому памятники архитектуры и их естественная среда бытования, т.е. культурный ландшафт той части города, с которой связана история его основания, рассматриваются как историко-культурный ресурс, необходи-

мый для включения в туристско-экскурсионные маршруты. Это, в свою очередь, является формой репрезентации данных памятников и обращает внимание на проблему их состояния и использования.

Исторический центр г. Улан-Удэ (до 1943 г. Верхнеудинск), который территориально ограничен рамками охранной зоны, насыщен историко-культурными объектами, большая часть которых приходится на памятники архитектуры. Несомненно, г. Улан-Удэ как столице Республики Бурятия надлежит быть современным и развиваться с учетом передовых технологий в строительстве, поэтому город должен расти вширь. Для этого необходимо осваивать свободные территории вокруг города, перенося туда застройку жилых комплексов, бизнес-площадей и административных зданий. В настоящее время наблюдается ситуация, когда активное строительство ведется, напротив, в центре города. В основном это торгово-развлекательные центры, офисные здания и жилые высотные новостройки. Но так как для данных построек необходимо наличие свободного места, наблюдаются случаи сноса памятников архитектуры или их кардинальной перестройки. Данная проблема ставится одной из основных в диссертационном исследовании.

Памятники архитектуры как объекты культурного наследия анализируются автором в рамках концепта исторического города. Исторический город как понятие подразумевает наличие объектов культурного наследия, памятников, ансамблей, достопримечательных мест. Города Забайкальского края (Чита, Нерчинск, Сретенск, Петровск-Забайкальский, Шилка) и Иркутской области (Киренск, Нижнеудинск, Иркутск, Усолье-Сибирское), как и города Республики Бурятия (Баргузин, Селенгинск, Улан-Удэ, Кяхта, Бабушкин), были включены в Список исторических городов России в редакции от 2002 г.

Учитывая специфику объектно-предметной базы диссертации, а именно рассматривая памятники архитектуры как объекты культурного наследия в условиях исторического города, и соответствие работы критериям полноценного научного исследования, предполагающего аналитико-сравнительный и компаративный анализ с сопредельными территориями (в частности Иркутской областью и Забайкальским краем), были необходимы дополнения источниковой базы и сбора фактологического материала в виде документальных, фото- и других видов источников, отложенных в различных хранилищах Читы и Иркутска.

Таким образом, Фонд М.Д. Прохорова поддержал автора исследования, профинансировав две поездки (14–28 июля 2013 г. и 3–17 августа 2014 г.) по программе «Академическая мобильность» для работы в архивах, библиотеках и центрах по сохранению историко-культурного наследия Забайкальского края и Иркутской области.

Во время поездки в Забайкальский край, г. Читу, работа проходила в Государственном архиве Забайкальского края (ГАЗК). Автором было выявлено и изучено тринадцать архивных дел по истории развития памятников архитектуры края. Наиболее важные из них: дело о постройке 1-го каменного Общественного собрания в г. Чите, дело о постройке 2-го Читинского Общественного собрания, дело о постройке 7-го и 8-го приходских училищ, дело о разрешении постройки в г. Чите мечети, переписка о постройке в городе каменной синагоги и т.д. Перечисленные объекты в настоящее время являются памятниками архитектуры, стоящие на государственной охране. Документы были использованы в качестве сравнительного материала во второй главе диссертационного исследования, посвященной практике актуализации памятников архитектуры в условиях исторического города. В Центре по сохранению историко-культурного наследия Забайкальского края были проработаны 220 паспортов на памятники архитектуры, что дало возможность изучить каждый объект. Документы содержат подробную историческую справку. Здесь отметим, что паспорта данного центра в сравнении с аналогичными документами центров по сохранению наследия Иркутской области и Республики Бурятия представлены еще в старой форме, т.е. в них отсутствуют пункты, содержащие описание охраны объекта культурного наследия, границ территории данного объекта, правового режима (режимов) земельных участков в границах территории объекта культурного наследия и т.д., имеющееся в паспортах нового образца. Поэтому информация, отраженная в материалах центров Иркутска и Улан-Удэ по памятникам архитектуры, репрезентативна, более подробна и основана на архивных справках. Кроме того, была проведена работа в Забайкальской краевой библиотеке им. А.С. Пушкина с литературой по гражданской архитектуре края.

В Иркутске работа проходила в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО). Были выявлены и изучены архивные дела по истории развития памятников архитектуры области. Например, дело по материалам охраны памятников архитектуры (решения, докладные записки, сведения, списки, переписка и т.д.); дело по материалам охраны памятников архитектуры – Белого дома 1950–1954 гг.; дело по материалам архитектуры г. Иркутска 1956–1958 гг.; дело по материалам совещания по застройке городов Иркутской области и г. Иркутска (стенограмма, доклады, рекомендации) от 1 августа 1968 г.; постановления, приказы, решения, указания СМ СССР, СМ РСФСР, Управления по делам архитектуры при СМ СССР и СМ РСФСР и Иркутского облисполкома; переписка с Управлением архитектуры СМ РСФСР и райисполкомами по вопросам государственной охраны памятников архитектуры 1944–1951 гг. Данные документы также были использованы в качестве аналитико-сравнительного материала в диссертации. В Центре по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области были проработаны 88 паспортов по памятникам архитектуры и 25 исторических справок по объектам культурного наследия. Паспорта в старой форме, но на каждый объект культурного наследия отдельно сделана историческая справка с архивными выписками. Кроме того, в Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского была проведена работа с литературой по объектам культурного наследия города.

Данные поездки позволили автору провести сравнительный анализ развития и современного состояния исторических городов Забайкальского края, Иркутской области и Республики Бурятия. В результате было выявлено, что на территории Забайкальского края расположены 4 679 объектов историко-культурного наследия; среди них на государственной охране в г. Чите находятся 34 памятника истории, 73 памятника архитектуры и градостроительства. В Республике Бурятия 352 объекта культурного наследия; среди них в г. Улан-Удэ на государственной охране находятся 52 памятника истории, 177 памятников архитектуры и градостроительства. Помимо этого, автору удалось провести полевые исследования памятников архитектуры в виде частичных натурных изысканий, в ходе которых была изучена степень сохранности памятников. В г. Иркутск по ул. Урицкого были исследованы следующие объекты: усадьба наследников Чернядевой, усадьба Я.В. Аксенова, усадьба мещанина Шверицкого и жилые дома по этой улице, которые также являются объектами наследия; кроме того, 130-й квартал города и усадьбы именитых купцов Второвых и Сукачева (во второй сейчас размещен музей). В Чите исследован Доходный дом Полутовых, здание почтово-телеграфной конторы, Торговый дом Шумовых, застройка квартала товарищества братьев Полутовых, здание пожарной охраны и другие памятники архитектуры, которые были включены во вторую главу диссертационной работы и рассмотрены в качестве объектов экскурсионного показа.

Также результаты поездок были использованы в написании статей, т.е. увеличена публикаторская активность [2–4]. Кроме того, были введены в научный оборот ранее неопубликованные источники, благодаря чему повышался уровень исследовательского потенциала диссертации. С помощью внедрения собранных материалов были дополнены и обновлены лекционные курсы («Памятники архитектуры как объекты историко-культурного наследия», «Ландшафтная архитектура») для студентов, обучающихся по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», степень бакалавр.

Таким образом, использование подобных грантов считается целесообразным, так как академическая мобильность предоставляет возможность значительно расширить источниковую базу индивидуального исследования и приобрести опыт работы с первоисточниками, а также навыки научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фонд* Михаила Прохорова. URL: http://prokhorovfund.ru/ (дата обращения: 20.11.2014).
2. *Михалева К.А.* Актуализация памятников архитектуры как объектов экскурсионного показа (на материале г. Улан-Удэ) // European Social Science Journal. 2014. № 4. С. 342–353.
3. *Михалева К.А.* К вопросу о формировании архитектурного наследия исторических городов Бурятии // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 7 (26). Ч. 1. С. 76–80.
4. *Михалева К.А.* Формирование методологических основ музеефикации памятников архитектуры в условиях развития исторического города // Казанская наука. Казань : Казанский Издательский Дом, 2014. № 9. С. 28–32.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 декабря 2014 г.

ROLE OF THE COMPETITIVE PROGRAM "ACADEMIC MOBILITY" OF THE MIKHAIL PROKHOROV FOUNDATION IN THE DEVELOPMENT OF GRANT ACTIVITY AND IDENTIFICATION OF NEW MATERIALS WITHIN THE SCIENTIFIC RESEARCH OF THE GRADUATE STUDENT

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 127-129. DOI 10.17223/15617793/394/21

Mikhaleva Ksenia A. East-Siberian State Academy of Culture and Arts (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: ksenia.mihaleva@mail.ru

Keywords: academic mobility; grant; Mikhail Prokhorov Foundation; scientific research.

This article presents the concept "academic mobility" which is one of the main competitive directions of travel grants of the Mikhail Prokhorov Foundation and a priority for young scientists and graduate students. In the introduction the author considers the development of competitive lines of the Foundation. Further, the role of "academic mobility" in finding new materials for writing a dissertation research is revealed. The research "Monuments of Architecture of a Historic City as Cultural Heritage of Russia (on Materials of the Republic of Buryatia)" needed additional sources and factual material in documents, photos and other forms which were preserved in various storages of Chita and Irkutsk. A complete research included a comparative analysis with adjacent territories, namely, the historical cities of Irkutsk Oblast and Zabaykalsky Krai. The Mikhail Prokhorov Foundation supported two trips of the author of this article to Irkutsk and Chita. Thus, archives on architecture monuments were revealed and studied; work with the passports of architecture monuments in the Centers for preservation of historical and cultural heritage of Irkutsk Oblast and Zabaykalsky Krai was carried out; literature on civil architecture of these cities was studied in libraries. The material allowed to carry out the comparative analysis of the development and current state of the historical cities of Zabaykalsky Krai, Irkutsk Oblast and the Republic of Buryatia. In addition, the author managed to conduct field research over monuments, namely, on-site investigation of the condition of various monuments. The results of the trips were used in writing articles. By means of introduction of the collected materials lecture courses "Monuments as Objects of Historical and Cultural Heritage", "Landscape Architecture" for the bachelor students of the Museology and Protection of Objects of Cultural and Natural Heritage direction were extended and updated. In conclusion, the author states that the use of similar grants is considered expedient as academic mobility gives an opportunity to considerably expand the source base of individual research, gain experience with primary sources and skills of scientific research.

REFERENCES

1. Mikhail Prokhorov Foundation. Available from: http://prokhorovfund.ru/. (Accessed: 20.11.2014). (In Russian).
2. Mikhaleva K.A. Updating of monuments of architecture as objects of excursion display (on the material of Ulan-Ude). *European Social Science Journal*, 2014, no. 4, pp. 342–353. (In Russian).
3. Mikhaleva K.A. To the question of formation of architectural heritage of the historical cities of Buryatia. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*, 2014, no. 7 (26). Ch. 1, pp. 76–80. (In Russian).
4. Mikhaleva K.A. Formation of methodological bases of museumification of monuments of architecture in the conditions of development of the historic city. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*, 2014, no. 9, pp. 28–32.

Received: 24 December 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 130–134. DOI 10.17223/15617793/394/22

УДК 069 (571.5)

О.Э. Мишакова

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ МУЗЕЙНОЙ ПРАКТИКИ В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Анализируется становление и особенности формирования музейного дела в Западном Забайкалье (Бурятии) в конце XIX – начале XX в. На конкретном примере основания и первых лет существования комплексного музея в Кяхте, будущего Национального музея в Верхнеудинске рассматривается зарождение и развитие в регионе краеведения, отделения Императорского Русского Географического Общества, научных исследований, народного просвещения, культуры в целом. Также обращается внимание на роль местного купечества и интеллигенции в организации музейной работы региона.

Ключевые слова: музейное строительство; музей; Западное Забайкалье; Кяхта; Верхнеудинск; Императорское Русское Географическое Общество; краеведение; купечество; Всемирная выставка.

Музей как особое культурное пространство концентрирует и представляет исторический опыт. Для его появления на определенном этапе развития человеческого общества необходимы достаточно развитый уровень экономики, общественного сознания и «коллективной памяти», а также формирование таких институтов, как наука и образование. Вариативность миссии музеев соответствует уровню эволюции социума.

Процесс становления музейных институций начался в России почти на два столетия позже, чем в Европе. Это связано с тем, что в Московском государстве не получила развития ренессансная культура с ее гуманистическими идеями и формированием новой личности. Несмотря на то что в России появление коллекционирования относится ко времени Киевской Руси, оно имело утилитарное значение: русская знать не столько коллекционировала, сколько копила в своих сокровищницах дорогие изделия художественного ремесла, родовые реликвии и предметы старины.

Во второй половине XIX в. большую роль в формировании музеев сыграло ИРГО (Императорское Русское Географическое Общество), образованное в 1845 г. В последующие годы в Сибири было создано несколько его филиалов: в Иркутске (1851 г.), в Омске (1877 г.), кроме того, в ряде городов функционировали их отделы и подотделы. При филиалах и отделах ИРГО, как правило, возникали музеи, игравшие важную роль в систематическом изучении обширного края [1].

В последней трети XIX в. развитие краеведения в Сибири, растущая потребность в изучении природных богатств, экономики и истории региона, рост общественной активности привели к появлению музеев «местного края», публичных музеев комплексного профиля, т.е. прообразов краеведческих [2]. Кроме того, Сибирь, являясь местом политической ссылки, обладала необходимым интеллектуальным потенциалом, который нашел свое отражение в краеведческих исследованиях и их пропаганде.

Местные музеи явились формой культурной деятельности, которая максимально отвечала требованиям времени. В особо отдаленных районах они часто являлись единственным научным учреждением, в котором хранились, обрабатывались и систематизировались собранные коллекции.

В Забайкалье деятельность краеведов-любителей, составлявших описание края, ведущих метеорологические и фенологические наблюдения, а также создававших частные коллекции, получает широкое распространение в 50–60-е гг. XIX в. Наибольшую известность приобрели коллекции А.М. Курбатова в Верхнеудинске и М.А. Зензинова в Нерчинске [3].

На территории Западного Забайкалья (современная Бурятия) первый краеведческий музей появился в конце XIX в. В 1886–1894 гг. происходит становление музейного дела в Кяхте – Троицкосавске. Предпосылками для его образования именно здесь послужила предшествующая история развития города как крупного экономического, общественного и культурного центра Забайкалья и Восточной Сибири в XVIII–XIX вв. [4. С. 54]. Кяхту посетили и некоторое время жили в ней многие известные путешественники, ученые, педагоги, писатели. С начала 1840-х гг. большое влияние на местную интеллигенцию и купечество оказали декабристы. С 1862 г. в городе начал выходить «Кяхтинский листок», ставший первой печатной газетой в Забайкалье. Преподаватели учебных заведений города, представители интеллигенции и купечества увлекались наблюдениями за природой и изучением истории края, собирали и коллекционировали образцы горных пород, растений, животных, предметы этнографии, археологии и другие материалы.

С 1870 г. Кяхта стала отправным пунктом для центрально-азиатских экспедиций ИРГО, которые возглавляли известные ученые и путешественники Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, В.И. Роборовский, Д.А. Клеменц, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, П.К. Козлов и В.А. Обручев. Кяхтинские купцы помогали в подготовительных работах экспедиций снаряжением, проводниками и охраной. Исследования Центральной Азии способствовали тому, что передовая интеллигенция города более пристально стала изучать природу, историю, материальную и духовную культуру народов Забайкалья и соседней Монголии.

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. в Кяхте образовался кружок людей, увлекавшихся краеведением и активно участвовавших в общественных и культурных мероприятиях города. В 1887 г. их силами была создана первая общественная библиотека, выполнявшая роль своеобразного клуба передовой интеллигенции, в которую входили представители купечества, чиновничества, учителя, врачи, служащие фирм, политические ссыльные. Все свои силы участники кружка направили на изучение природы и истории Забайкалья и Монголии.

В результате сформировались благоприятные условия для основания в городе публичного музея, показывающего природу, историю и культуру двух пограничных регионов. Идея образования музея принадлежала И.И. Попову и Н.А. Чарушину, их поддержал известный путешественник-этнограф Г.Н. Потанин.

В 1889 г. увлеченные наукой и краеведением члены кружка В.С. Моллесон, П.С. Михно, Н.П. Левин, И.И. Попов, Н.А. Чарушин, В.В. Попов и др. объединили свои коллекции и разместили их на квартире П.С. Михно, учителя городского четырехклассного училища [5]. В 1890 г. был создан временный комитет для ведения текущих дел музея, в том числе для поиска средств и учета поступающих коллекций. В состав комитета вошли семь человек: учитель городского училища, первый хранитель музея и составитель первого каталога П.С. Михно, учитель женской гимназии Н.П. Левин, кяхтинский купец первой гильдии И.Д. Синицын, учитель реального училища Н.Г. Сарычев, кяхтинский купеческий сын Г.М. Осокин, забайкальский лесничий И.А. Гонести и инспектор городского училища В.В. Попов. На коллекции была заведена инвентарная книга, первая запись в которой была сделана 1 августа 1890 г. Эту дату принято считать днем основания музея. В 1891 г. был составлен первый отчет по музейной коллекции [6].

Таким образом, в Забайкалье по сравнению со всей Сибирью процессы музейного строительства начались с задержкой почти на столетие. Причины, повлиявшие на более позднее здесь возникновение музейных институтов, обусловлены не только и не столько географической удаленностью от центра, сколько политическими мотивами, которые не позволили Забайкалью использовать совокупность всех благоприятных факторов для их формирования.

Территория региона являлась традиционным местом ссылки политических заключенных, которые были людьми образованными и просвещенными. Почти все они, включая декабристов, активно занимались изучением края, в котором им пришлось жить. Группировавшаяся вокруг них интеллигенция также проявляла обширный интерес к краеведению, но вся деятельность тех и других долгое время сводилась к частному собирательству и не смогла трансформироваться в идею об организации коллекций в единое целое. Причиной этому может служить тот факт, что деятельность ссыльных находилась под надзором соответствующих органов, а значит и все, с кем так или иначе они общались, попадали в поле зрения властей. Последние могли превратно истолковать действия по кооперации отдельно взятых людей в какое-либо общественное объединение.

Попытка официального открытия публичного музея в Кяхте, предпринятая в 1891 г., не увенчалась успехом. Год спустя собрания выросли уже настолько, что потребовалось отдельное помещение. Кяхтинские купцы выделили музею необходимые средства, на которые была снята квартира площадью 40 кв. м и закуплено необходимое музейное оборудование.

8 октября 1892 г. состоялось значимое событие в культурной жизни Кяхты – Д.А. Клеменцем была прочитана публичная лекция «Местные музеи. Их значение в провинциальной жизни», во многом определившая путь развития музейной практики в Западном Забайкалье. Известный ученый объяснил важность вопроса о местных музеях, который «все более и более начинает интересовать общество». Местные музеи, «сравнительно весьма недавно возникшие на русской почве», по мнению Д.А. Клеменца, не мода, не внезапно возникшее увлечение. Это – потребность общества и одновременно «орудие опытных наук». Изучение России вызвало основание, помимо научных (естественноисторических, археологических, этнографических) музеев, целого ряда специальных музеев прикладных знаний (сельскохозяйственных, педагогических, торговых, промышленно-художест-венных, ремесленно-технических, золотопромышленных и др.). Д.А. Клеменц подчеркивал: «...вопрос о местных музеях выдвигается на первый план и самой местной провинциальной жизнью и ее запросами». Местный музей, по его мнению, – «одно из пригоднейших учреждений для изучения местности, особенно в таком крае, как наша Сибирь. Пригоден он тем, что нагляден, пригоден тем, что дает возможность начать работу при сравнительно малых средствах...» [7]. Д.А. Клеменц особо подчеркнул, что возникновение музеев по частной инициативе, при помощи городских сообществ является доказательством зрелости и понимания своих обязанностей сибирскими городскими обществами. В заключение лекции ученый остановился на значении открытия местного музея в Кяхте. «Где есть люди, где есть человеческая любознательность, где есть потребность в изучении окружающего, там принесет свою пользу местный музей» [Там же] – таков общий посыл. Однако, по мнению исследователя, учитывая уникальное геополитическое положение, «относительно Кяхты возможны и особые задачи для музея». Таковыми, по мнению исследователя, должны были стать помощь в изучении Монголии, Китая и создание своеобразного «единственного в своем роде кяхтинско-монгольского музея» [Там же].

В том же 1892 г. в Кяхту приезжает окружной врач Ю.Д. Талько-Грынцевич. Впоследствии именно он выступил с инициативой об открытии в Кяхте отделения ИРГО (в том числе музея). Музей же продолжал развиваться, не имея официального статуса. В 1893 г. в музее хранилось свыше 2 тысяч экспонатов; однако Устав музея все еще не был утвержден.

Так как в открытии публичного городского музея в Кяхте властями было отказано, 12 апреля 1894 г. основатели музея приняли решение ходатайствовать об организации в городе отделения ИРГО, что должно было, по их мнению, вызывать у правоохранительных органов значительно меньше подозрений. Было решено переместить музей в двухэтажный каменный дом, который пожертвовал купец А.Д. Старцев (сын декабриста Н.А. Бестужева), а местное купечество взяло на себя расходы по его отоплению. В это же время в Приамурский отдел ИРГО была направлена телеграмма с просьбой об открытии Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отделения ИРГО (ТКО ПО ИРГО). 20 апреля 1894 г. из Хабаровска был получен положительный ответ [4. С. 60–62].

Музей получил надежную защиту, так как вошел в ведение ИРГО и стал официальным учреждением, а 1 января 1895 г. открылся для посещения публики по воскресным дням. Правителем дел ТКО ПО ИРГО был избран Ю.Д. Талько-Грынцевич. П.С. Михно стал членом распорядительного комитета, а консерватором музея был избран В.С. Моллесон. Краеведческая деятельность членов ТКО ПО ИРГО, ранее носившая «сумбурно-познавательный» характер, становится планомерной. Завязываются связи с учеными как России, так и зарубежных стран, начинают издаваться «Протоколы», а затем «Труды ТКОРГО» [8]. Из-за скудного финансирования со стороны Троицкосавской городской Думы музей существовал за счет членских взносов (по 10 руб. в год), частных пожертвований, выручки от постановок спектаклей и концертов, чтения лекций, продажи печатной продукции.

В период 1894–1897 гг. ТКО ПО ИРГО и музей прошли период становления: проводились экспедиционные работы, сбор и научная обработка естественнонаучных, этнографических и исторических материалов, заседания распорядительного комитета, собрания членов отделения. С первых лет официального существования музея в формировании его собраний приняли участие известные ученые и исследователи Центральной Азии – В.А. Обручев, Д.А. Клеменц, П.К. Козлов. Коллекции Троицкосавского музея пополнялись также благодаря исследованиям и многочисленным находкам Ю.Д. Талько-Грынцевича, Я.С. Смолева, А.П. Мостиц, В.С. и М.М. Моллесонов, П.С. Михно, И.А. Молчанова, Г.М. Осокина, А.Д. Корнаковой и др. В результате кропотливой работы были систематизированы обширные коллекции по энтомологии, орнитологии, герпетологии, ихтиологии, собраны геологические, ботанические и этнографические материалы.

Издание своих трудов, создание научной библиотеки, постоянное пополнение собрания позволили музею вступить в обмен коллекциями и изданиями со многими отечественными и зарубежными научными обществами и учреждениями. Так, уже в 1897 г. музей имел связи с 90 научными обществами не только в России, но и за ее пределами.

Организация и начальный период деятельности Кяхтинского музея ярко отражали ситуацию в музейном деле страны конца XIX в., когда оно развивалось при отсутствии единого органа управления, соответствующего законодательства, программ и уставов.

Также на данном этапе развития музеев Сибири были существенные материальные затруднения – отсутствие помещений, финансирования, полноценных коллекций, квалифицированных кадров. Способы решения этих проблем целиком зависели от местных условий [2. С. 65]. Финансирование музеев, как правило, определялось двумя видами источников: 1) средства, получаемые от учредителей или инициаторов создания музея; 2) пожертвования со стороны населения. Комплектование музейных фондов осуществлялось методом полевых исследований, которые подразумевали: 1) экскурсии работников музея или краеведов-любителей по округу, в котором находился музей; 2) экспедиции, которые осуществлялись научными обществами, как местными, так и центральными. Позже появились и другие источники пополнения фондов: дар от местных жителей и коллекционеров, закуп, обмен с другими музеями.

Штата сотрудников в современном понимании в музеях не существовало. Функции администрации в большинстве сибирских музеев выполняли особый комитет или комиссия, состоящие из высших чиновников округа, губернии, обычно избиравшиеся городской думой на полгода. Утвержденные уставами музеев распорядитель и хранитель должны были выполнять всю внутреннюю работу на общественных началах. Помимо избранных членов были и добровольные работники, обязанности которых не определялись уставами. К этой категории относились ученые-исследователи, местная интеллигенция и ссыльные.

В большинстве музеев поступавшие в фонд предметы проходили первичную обработку, в которую входили систематизация, научное определение и описание. Классификацией поступающих предметов занимались как сотрудники музея, так и их добровольные помощники.

Своеобразным результатом научно-фондовой деятельности стало составление каталогов музеев, которые представляли собой перечень предметов, находящихся в фонде и расположенных в определенном порядке.

Таким образом, сибирские музеи с момента их организации стали играть большую роль как культурно-просветительные, образовательные и научные центры. Основную массу посетителей сибирских музеев составляли учащиеся учебных заведений, представители интеллигенции и трудового населения – ремесленники, рабочие, крестьяне [2. С. 67].

XX в. для музейного дела Сибири начался с парижской Всемирной выставки 1900 г. По замыслу учредителей, на ней планировалось показать все то лучшее, чего достигло человеческое общество к началу XX в.

Значительная часть экспонатов, вошедших в раздел по Сибири, была представлена местными научными учреждениями и музеями. Так, коллекции музея Троицкосавского отделения ПО ИРГО запомнились посетителям своими материалами по археологии и этнографии, прежде всего предметами буддийского культа.

Участие музеев Сибири во Всемирной выставке было высоко оценено ее организаторами. Международное жюри по достоинству отметило этнографические коллекции: золотыми медалями были удостоены Троицкосавское отделение ПО ИРГО и Западно-Сибирский отдел РГО. Участие научных учреждений и музеев способствовало показу экономических возможностей, культурных и естественных богатств Сибири [Там же. С. 98].

Для Кяхтинского музея начало нового столетия было неоднозначным. С одной стороны, продолжались экспедиционные исследования и сборы коллекций. Так, сотрудниками Кяхтинского музея в 1902 г. была предпринята самая крупная экспедиция дореволюционного периода на оз. Хубсугул в Северо-Западную Монголию под руководством П.С. Михно, в результате которой были собраны интересные кол-

лекции по ботанике, энтомологии, геологии, орнитологии. Собрание музея, созданное в течение 14 лет, было представлено коллекциями по геологии, палеонтологии, орнитологии, ихтиологии, ботанике, этнографии, нумизматике, промышленности и сельскому хозяйству. Общее количество материалов составляло более 14 000 единиц хранения. Труды многих музейных сотрудников получили признание и высокую оценку в научном мире. В начале XX в. малые золотые и серебряные медали ИРГО были присуждены А.К. Кузнецову, М.М. Моллесону, П.С. Михно; Ю.Д. Талько-Грынцевич также был удостоен золотой медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Я.С. Смолев – серебряной медали. С другой стороны, в 1904–1911 гг. музей переживал период стагнации, темпы исследовательских работ резко замедлились, что было связано с началом русско-японской войны.

Тем не менее за этот период собрание музея увеличилось на 2 000 единиц хранения. Помимо традиционных исследований в области естественных наук, археологии, антропологии и этнографии, члены отделения ИРГО занимались изучением экономики, демографии, медицины, фольклористики, сейсмологии, метеорологии, гидрографии, топографии Забайкалья и Северной Монголии. За 20 лет существования было опубликовано 185 научных работ. Число посетителей музея увеличивалось с каждым годом: если в 1898 г. с коллекциями Троицкосавского музея познакомилось 2 382 чел., то в 1913 г. – 4 386 чел.

Начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война привела к сворачиванию научной деятельности ТКО ПО ИРГО и музея. В годы революции и гражданской войны музей почти прекратил свое существование, были утрачены связи с научными обществами, не поступали субсидии. В связи с последующими событиями – двумя революциями и гражданской войной – в стране сложилась тяжелейшая политическая и экономическая ситуация, что отразилось и на деятельности музеев.

Таким образом, первый период истории Кяхтинского музея (1890–1917 гг.) был временем интенсивных научных исследований, обусловленных развитием ТКО ПО ИРГО и самого музея как научных учреждений. Ими проводились серьезные, крупномасштабные по тем временам исследования природы и истории Забайкалья и прилегающих районов Монголии. В их деятельности четко прослеживались все этапы научного исследования: полевые наблюдения, сбор, хранение и научная обработка материалов, публикация результатов. Эти факты свидетельствуют о том, что именно деятельность музея и отделения ИРГО в Троицкосавске-Кяхте положила начало систематическим научным исследованиям в Бурятии, а сами они являлись прежде всего научными учреждениями, с которых началась не только история развития музейного дела в регионе, но и история развития науки в Бурятии [4. С. 63–82].

Неоднократно предпринимались попытки создания музея и в Верхнеудинске (современный Улан-Удэ, столица Бурятии). 14 февраля 1911 г. городская дума постановила открыть музей, отведя для этой цели одну комнату в Народном доме. Наблюдение за экспонатами и сбор материала были поручены А.С. Котову, состоявшему в должности городского техника. Музей был закрыт после четырех лет существования в связи с уходом А. Котова с должности заведующего музеем.

В октябре 1915 г. в городскую думу Верхнеудинска поступило прошение от инспектора Высшего начального училища Г. Саввиновой об учреждении школьно-педагогического музея. В мае 1916 г. группа верхнеудинской интеллигенции обратилась к военному губернатору Забайкальской области с ходатайством об открытии в городе отдела ИРГО [9. Д. 2947. Л. 144]. Подотдел задумывался как широкое культурное учреждение, в котором изучаются этнография, археология, история Забайкалья, с музеем и научной библиотекой. События Первой мировой войны и революционные течения в стране не позволили осуществить эти проекты, деятельность музеев в итоге оказалась практически свернута. Тем не менее в регионе продолжалась планомерная работа по изучению родного края, его истории, этнографии, культуры.

Таким образом, важную роль в формировании первых местных музеев сыграло Императорское Русское Географическое Общество и созданные впоследствии его филиалы. Во второй половине XIX в. происходит зарождение краеведения, в результате чего повсеместно открываются краеведческие музеи. На развитие музейного дела в России существенно повлияли реформы 1860–1870-х гг., результатом которых стала демократизация всех общественных процессов.

В Западном Забайкалье первый музей появился на рубеже XIX–XX вв. в Кяхте. Официальной датой открытия музея считается 1890 г. (хотя ряд исследователей данное положение оспаривает), а в 1894 г. на его базе было открыто Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отделения Императорского Русского Географического Общества. Основание первого в Бурятии музея вне административного центра провинции – особенность начального этапа развития музейного дела региона.

Для данного периода музейного строительства в крае характерно отсутствие музейной сети, деятельность единственного музейного учреждения проходила исключительно в общероссийском правовом русле. Работу по сбору и описанию экспонатов возглавили представители местной интеллигенции – ученые, краеведы, учителя, врачи. Формирование музейного фонда проходило в основном экспедиционным путем, таким образом определилась профилизация как фондовых собраний, так и экспозиций, носивших в большей степени естественноисторический характер.

В преддверии Первой мировой войны был предпринят ряд попыток открыть музей в Верхнеудинске, однако фактически они окончились неудачей. В 1914–1917 гг. «музейная жизнь» Бурятии находилась в стагнации, а после революции 1917 г. и вовсе была приостановлена; связи с научными обществами были утрачены.

В целом музеи, организованные и функционировавшие в последней трети XIX – начале XX в., зало-

жили фундамент для последующего создания музейной сети и развития музейного дела в республике. Музей как социальный институт приобрел статус «культурной нормы».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Труевцева О.Н.* Развитие музейного дела в Сибири XVIII – XX вв. // Музеология: стимул к международному сотрудничеству : колл. моногр. / под ред. О.Н. Труевцевой, Х.К. Виерегг. Барнаул : АлтГПА, 2010. С. 23–33.
2. *Шелегина О.Н.* Музеи Сибири : очерки создания, развития, адаптации. Новосибирск, 2010. С. 67.
3. *Найдакова Г.В.* У истоков бурятского музееведения // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. Новосибирск, 1989. С. 8–17.
4. *Попова Е.Е., Цыбиктаров А.Д.* История Кяхтинского краеведческого музея. Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2003. 320 с.
5. *Архив* БНЦ СО РАН. Ф. Р.–471. Оп. 1. Д. 149. Л. 18.
6. *Главная* инвентарная книга № 1 ОФ Кяхтинского краеведческого музея 1890–1939 гг. С. 1.
7. *Б.а.* Местные музеи. Их назначение в провинциальной жизни (публичная лекция, читанная в Кяхте 8-го октября 1892 года). Б.м. 35 с. (Национальная библиотека РБ. ОР и ЦИ. 374.7. М 53).
8. *Кузнецова В.Н.* 140 лет со дня рождения краеведа Петра Саввича Михно (1867–1937) // Бурятия-2007 : календарь знаменательных и памятных дат. Улан-Удэ, 2006. С. 126–132.
9. *Государственный* архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 2548. Л. 7.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 марта 2015 г.

THE SPECIFICITY OF THE ORGANIZATION OF MUSEUM PRACTICE IN WESTERN TRANSBAIKALIA IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 130-134. DOI 10.17223/15617793/394/22

Mishakova Oksana E. East-Siberian State Academy of Culture and Arts (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: oksana_mishakova@mail.ru

Keywords: museum building; museum; Western Transbaikalia; Kyakhta; Verhneudinsk; Russian Imperial Geographical Society; study of local lore; merchants; world exhibition.

Museum is a special cultural space that collects and represents historical experience. Activity of museums corresponds to the level of society development. Formation of museum practice in Russia began two hundred years later than in Europe. In the second half of the 19th century the Imperial Russian Geographical Society (IRGS) played a big role in formation of museums. In the last third of the 19th century, development of the local lore study in Siberia, the growing need in exploring the natural riches, economy and region history, growth of the population's public activity led to the establishment of museums of a complex profile. In Transbaikalia, the activities of regional specialists who created private collections extended in the 1850s – 1860s. Collections of merchants Kurbatov in Verkhneudinsk and Zenzinov in Nerchinsk were very popular. In Western Transbaikalia (Buryatia), the first museum of local lore appeared at the end of the 19th century. Since 1870 Kyakhta became a basic point for Central Asian IRGS expeditions headed by known scientists and travelers N.M. Przhevalsky, M.V. Pevtsov, V.I. Roborovsky, D.A. Klements, N.M. Yadrintsev, G.N. Potanin, P.K. Kozlov and V.A. Obruchev. Kyakhta merchants helped with preparations for expeditions. In the late 1870s – early 1880s a circle of people fond of the study of local lore was formed in Kyakhta. Favorable conditions for the establishment in the city of a public museum exhibiting the nature, history and culture of Transbaikalia and Mongolia were formed. In 1890 a museum was founded in Kyakhta. On October 8, 1892 D.A.Klements gave a public lecture "Local museums. Their Value in Provincial Life" in the city. In 1894 the museum moved to a two-storeyed stone house which merchant A.D. Startsev (the son of N.A. Bestuzhev) donated. The same year the Troitskosavsko-Kyakhta Office of IRGS was open. The museum published its works, opened a scientific library, continuously replenished its collection, which allowed it to exchange collections and editions with many domestic and foreign scientific organizations and establishments. The 20th century for the museum business of Siberia began with the Parisian World Fair in 1900. International experts noted ethnographic collections. The Troitskosavsky Office of IRGS was awarded a gold medal. In 1902 the employees of the Kyakhta Museum undertook the largest expedition of the pre-revolutionary period to Lake Khubsugul in the North Western Mongolia under the leadership of P.S. Mikhno. For the first 20 years of the museum, its employees published 185 scientific works. Thus, the organization and the initial stage of activities of the Kyakhta Museum reflected the situation in the museum business of the country of the end of the 19th century, when it developed in the absence of a uniform governing body, legislation, programs and charters. The Siberian museums played an important role as cultural, educational and scientific centers. The activities of the museum and of the IRGS Office in Kyakhta began systematic scientific research in the region, the history of museum business development in the region, the history of development of science in Buryatia.

REFERENCES

1. Truevtseva O.N. *Razvitie muzeynogo dela v Sibiri XVIII – XX vv.* [The development of museums in Siberia in the 18th – 19th centuries]. In: Truevtseva O.N., Vieregg Kh.K. (eds.) *Muzeologiya: stimul k mezhdunarodnomu sotrudnichestvu* [Museology: an incentive for international cooperation]. Barnaul: AltGPA Publ., 2010, pp. 23–33.
2. Shelegina O.N. *Muzei Sibiri: ocherki sozdaniya, razvitiya, adaptatsii* [Museums of Siberia: Essays on the creation, development, adaptation]. Novosibirsk: In-t istorii SO RAN, Nauchnyy sovet po muzeyam Publ., 2010. 243 p.
3. Naydakova G.V. *U istokov buryatskogo muzeevedeniya* [At the root of the Buryat museology]. In: *Pamyatniki byta i khozyaystvennoe osvoenie Sibiri* [Monuments of life and economic development of Siberia]. Novosibirsk, 1989, pp. 8–17.
4. Popova E.E., Tsybiktarov A.D. *Istoriya Kyakhtinskogo kraevedcheskogo muzey*a [The history of the Kyakhta local lore museum]. Ulan-Ude: IPK VSGAKI Publ., 2003. 320 p.
5. Archive of the Buryat Scientific Center, SB RAS. Fund R.–471. List 1. File 149. Page 18.
6. Inventory Book Number 1 of Kyakhta local lore museum of 1890–1939, p. 1. (In Russian).
7. National Library of Buryatia. Department of Rare and Valuable Books. 374.7. M 53. *Local museums. Their role in the provincial life (public lecture delivered in Kyakhta on October 8, 1892).* 35 p. (In Russian).
8. Kuznetsova V.N. *140 let so dnya rozhdeniya kraeveda Petra Savvicha Mikhno (1867–1937)* [140 years since the birth of local historian Petr Savich Mikhno (1867-1937)]. In: *Buryatiya-2007: kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat* [Buryatia 2007: Calendar of significant and memorial dates]. Ulan-Ude, 2006, pp. 126–132.
9. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 10. Page 1. File 2548. Page 7.

Received: 22 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 135–142. DOI 10.17223/15617793/394/23

УДК 930(092)

М.В. Симонова

ПОРТРЕТ И.И. БОЛОТНИКОВА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История Смутного времени всегда привлекала внимание историков, и в первую очередь исторические личности этого периода заслуживают подробного и внимательного изучения. В статье рассматривается личность Ивана Исаевича Болотникова, который возглавил крестьянское выступление в 1606–1607 гг. Проводится анализ оценок личности И.И. Болотникова и определения его социального статуса историками в дореволюционный (классический), советский и постсоветский периоды. Выделяются факторы, влияющие на работу историка в разные исторические периоды.

Ключевые слова: И.И. Болотников; крестьянская война; историография.

Иван Исаевич Болотников – руководитель восстания, имевшего значительный размах в 1606–1607 гг. во время Смуты, прославившийся как «большой воевода» царя Дмитрия (Лжедмитрия I).

Особенностью восстания под руководством И.И. Болотникова является то, что в состав его участников входили полярные социальные группы: служилые люди, горожане, крестьяне и казаки. Поэтому так важно выяснить, как оценивали вождя восстания историки разных эпох. Необходимо отметить особенность изучения данного сюжета, которая заключается в малочисленности источниковой базы. Кроме обозначенной задачи, перед нами стоял вопрос: от чего зависит работа историка и что на нее влияет?

В рамках классической историографии нами были проанализированы труды Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова. Описание происхождения И.И. Болотникова М.Н. Карамзиным, С.М. Соловьёвым и Н.И. Костомаровым [1] очень схоже (что наводит на мысль об одном и том же использованном источнике): в молодости он попал в плен к татарам, затем был продан туркам, где был галерным невольником. Через некоторое время он был выкуплен немцами либо венецианцами, после чего какое-то время жил в Венеции. Из Венеции И.И. Болотников отправился на родину через Польшу, где и познакомился с М. Молчановым (который выдавал себя за спасшегося царевича Дмитрия) и был им отправлен с письмом к Г. Шаховскому. Следует отметить, что мы не обнаружили в изложении историков упоминания о социальном положении И.И. Болотникова до того момента, когда он попал в плен. Мы можем предположить, что он мог быть служилым человеком, так как все авторы упоминают о его некоторых военных навыках, да и само пленение могло произойти именно во время службы.

Сметливость, дерзость и ум – основные качества, которыми характеризуют историки-классики И.И. Болотникова.

В.О. Ключевский приводит менее подробную характеристику руководителя восстания. Анализируя его основные качества, историк называет И.И. Болотникова «дельцом» [2. С. 44]. На наш взгляд, тем самым автор характеризует его как человека предприимчивого и обладающего сметливым умом.

С.Ф. Платонов вообще не указывает происхождение И.И. Болотникова, но выделяет основные причины его участия в восстании: помимо приверженности к первому самозванцу и патриотических чувств, которые он проявляет при знакомстве с М. Молчановым, он «нёс к Москве вражду к высшим классам вообще» [3. С. 248]. Таким образом, автор показывает борьбу противоположных сословий. С.М. Соловьёв причиной включения И.И. Болотникова в восстание называет ту цель, которую преследовал Г.Шаховской: «…надобно было подкрепить восстание, давши ему вождя смелого, таким явился Болотников» [4. С. 467], потому что М. Молчанов отказался играть роль Дмитрия, и это грозило спадом движения, что не было выгодно Г. Шаховскому.

Лозунги, исходящие от И.И. Болотникова, также могут характеризовать руководителя восстания, могут прояснить цель, которая заставляла Ивана Болотникова действовать. Классики сходятся на том, что лозунги И.И. Болотникова о социальном перевороте, о возможности имущественной наживы привлекали крестьян. На этом основании стоит отметить вывод В.О. Ключевского о том, что политических стремлений у крестьянства не было, они лишь хотели облегчить своё тяжёлое положение: «Холопы поднимались, чтобы выйти из холопства, стать вольными казаками, крестьяне – чтобы освободиться от обязательств, какие привязывали их к землевладельцам, и от крестьянского тягла, посадские люди – чтобы избавиться от посадского тягла и поступить в служилые или приказные люди» [2. С. 45]. Здесь можно поставить вопрос, относился ли сам И.И. Болотников к этим крестьянам (или беглым холопам) или же просто умело пользовался антагонистическими противоречиями между феодалами и крестьянами.

С.М. Соловьёв в своем труде охарактеризовал И.И. Болотникова как казака. Историк в соответствии со своей концепцией казачества как антигосударственного элемента описывает тягу казаков к грабежу: И.И. Болотников «…*обратился к своим*, обещая волю, богатства и почести под знамёнами Димитрия, и под эти знамёна начали стекаться разбойники, воры… беглые холопи и крестьяне, казаки… посадские люди и стрельцы…» [4. С. 468]. Именно из-за тяги к легкой наживе казаки присоединялись к отрядам И.И. Болотникова, да и сам руководитель этих отрядов, как следует из работы С.М. Соловьева, преследовал именно эту цель.

Показательны выводы Н.М. Карамзина о лозунгах Ивана Болотникова. И.И. Болотников по мере своего

движения вовлекал в восстание земли посредством агитации, в том числе и Рязанскую землю: «…шёл вперед и восстановлял державу Самозванца» [5. С. 469]. Агитация носила характер обещаний о лучшей жизни: «…приказывали им резать дворян и людей торговых, брать их жён и достояние, обещая им *богатство* и *воеводство*…» [Там же. С. 471]. Таким образом происходило расширение восстания.

Н.М. Карамзин не обозначает лозунги, которые исходили от самого И.И. Болотникова, но из содержания видно, что всё делалось во имя Лжедмитрия. Ведь сам И.И. Болотников величал себя «большим воеводой» царя Дмитрия. Так, после победы болотниковцев под Кромами И.И. Болотников «ругался над пленными: называл их кровопийцами, злодеями, бунтовщиками, а царя Василия *Шубником*» [Там же. С. 469]. Здесь виден характер восприятия власти народом – В.И. Шуйский был выборным царем, а Дмитрий должен был стать царем по наследству, как помазанник божий.

На основе грамот, которые И.И. Болотников рассылал, находясь под Москвой, С.М. Соловьев определяет характер восстания: «Велят боярским холопам побить своих бояр, жён их, вотчины и поместья им сулят, шпыням и безыменникам ворам велят гостей и всех торговых людей побивать, именье их грабить, призывают их, воров, к себе, хотят им давать боярство, воеводство, окольничество и дьячество» [4. С. 470]. Таким образом, по мнению С.М. Соловьёва, восстание имело разбойничий и грабительский характер, а его руководитель был главным бандитом.

В.О. Ключевский разделил лозунги, исходящие от И.И. Болотникова, на две части. К первой части относятся лозунги, благодаря которым предводитель пополнял ряды восставших: «…натравлял их против воевод, господ и всех власть имущих» [2. С. 44]. Ко второй части относятся лозунги, или «прокламации», как называет их сам историк, которые распространяли по Москве. Текст этих «прокламаций» совпадает с тем текстом, который приводили С.М. Соловьёв и Н.И. Костомаров. Таким образом, И.И.Б. выступает как умелый политик, использующий разные приемы убеждения в соответствии со складывавшейся ситуацией.

Еще один аспект портрета И.И. Болотникова в классической историографии можно проследить из описания С.М. Соловьевым событий раскола в лагере повстанцев. Историк, подобно Н.М. Карамзину, указывает на раскол в лагере повстанцев уже в то время, когда они находились у села Коломенского. Здесь, по мнению С.М. Соловьева, обнаруживается грабительский характер движения, поэтому дворяне начинают выходить из лагеря И.И. Болотникова: «…увидав, с кем у них общее дело, из двух, по их мнению, зол, решились выбрать меньшее, т.е. снова служить Шуйскому» [4. С. 470]. Историк называет причину перехода И. Пашкова на сторону правительства: «…Болотников не хотел уступать ему первенство, а Пашков не хотел быть ниже холопа» [Там же. С. 471]. Таким образом, руководитель движения охарактеризован историком как человек властолюбивый и стремящийся к этой власти.

Для анализа характеристики И.И. Болотникова историками советского периода нами были использованы труды М.Н. Покровского, И.И. Смирнова, В.И. Корецкого, Р.Г. Скрынникова, А.А. Зимина, В.И. Буганова.

В советский период историки применяют классовый подход. Противоречия в лагере повстанцев между аристократами и крестьянами М.Н. Покровский назвал классовыми [6. С. 50]. Предводитель восстания И.И. Болотников характеризуется автором в самом выгодном свете: «Человек смелый, предприимчивый, звал всё крестьянство свергнуть гнёт» [6. С. 50]. Таким образом, явственно проявилась политизированность в освещении темы восстания под предводительством И.И. Болотникова.

Более основательно вопросы крестьянских движений стали изучаться в 50-е гг. XX в. В 1951 г. вышел фундаментальный труд Ивана Ивановича Смирнова, посвящённый восстанию под руководством И.И. Болотникова, – «Восстание Болотникова 1606–1607». Само восстание И.И. Смирнов определил как «крестьянское восстание против феодального гнёта» [7. С. 6]. В вопросе о происхождении предводителя восстания прослеживается преемственность с историками-классиками.

В 1953 г. в журнале «Вопросы истории» (№ 6) вышла статья редакционной коллегии «О некоторых важнейших задачах советских историков». В ней содержался призыв к развёртыванию научных дискуссий, поэтому важным средством исторических исследований стала организация дискуссий.

В 1958 г. на страницах журнала «Вопросы истории» развернулась дискуссия о крестьянской войне в России начала XVII в. Основные вопросы дискуссии: определение и признаки крестьянской войны, хронология восстания и его движущие силы.

В ходе дискуссии снова был актуализирован вопрос о недостатке источников по вопросу восстания под предводительством И.И. Болотникова. В 1971 г. В.И. Корецкий в статье «Новое о крестьянском закрепощении и восстании И.И. Болотникова (вступительная статья)», опубликованной в журнале «Вопросы истории», обращается к материалам развернувшейся дискуссии. Историк обнаружил новую летопись, которая охватывает период с 1598 по 1632 г. По словам В.И. Корецкого, автор летописи крайне негативно оценивает восставших, а «информаторы составителя летописи – служилые люди северо-западных уездов» [8. С. 137]. Летопись вводит уточнения о сражении болотниковцев с правительственной армией под Кромами, а именно то, что благодаря И.И. Болотникову была одержана победа в этом сражении: «Честь победы над царскими войсками в сражении под Кромами, открывшей дорогу на Москву, действительно принадлежит И.И. Болотникову» [Там же. С. 136]. Несмотря на негативный отзыв о И.И. Болотникове автора летописи, упоминается такое его качество, как владение военным искусством.

В обнаруженной В.И. Корецким летописи присутствует и краткая характеристика самого И.И. Болотникова: «Всему злу вор и захватчик и всех злых дел

начальник» [8. С. 136]. Такая характеристика предводителя восстания подтверждает негативное отношение автора к повстанцам, что историки советского периода объясняют классовой борьбой.

В 1974 г. был опубликован сборник статей «Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения», в котором ряд статей был посвящён восстанию И.И. Болотникова. Исследователи рассматривают новые аспекты движения и углубляют или проясняют известные, такие как связь болотниковцев с польским населением, требования повстанцев, личность И.И. Болотникова и формирование его как вождя восстания, заключительный этап восстания и место крестьянских войн в истории. Ниже мы подробнее рассмотрим некоторые статьи этого сборника.

В.И. Корецкий провёл исследование по определению социального статуса И.И. Болотникова. Историк пришёл к выводу, что предводитель восстания был не просто боевым холопом князя А.А. Телятевского, а выходцем из среды тульских детей боярских. В.И. Корецкий сопоставил расположение земель князя А.А. Телятевского и детей боярских Болотниковых [9]. Впоследствии это суждение будет принято и другими историками. В работе 1975 г. историк напишет о важной роли И.И. Болотникова, а именно о том, что И.И. Болотников «способствовал усилению антифеодальных настроений и оформлению их в конечном счёте в программные требования» [10. С. 263]. Это суждение автора показывает И.И. Болотникова как истинного вождя восстания. Позднее Р.Г. Скрынников в 1988 г. подверг критике суждения В.И. Корецкого о социальной принадлежности И.И. Болотникова: «Вопреки гипотезе В.И. Корецкого, никаких сведений о пожаловании поместий Болотниковым в источниках нет» [11. С. 157]. По мнению историка, И.И. Болотников вышел из среды боевых холопов.

Позднее, в 1975 г., В.И. Корецкий выделил различия требований И. Пашкова и И.И. Болотникова: «И. Пашков требовал выдачи прежде всего царя и двух его братьев» [10. С. 304], а в письмах И.И. Болотникова «о которых говорится в “Английском донесении”, речь шла о “разных боярах”, указанных поимённо, то есть по существу о выдаче всей правящей верхушки» [Там же]. В.И. Корецкий также проследил процесс смены лозунгов руководителя восстания. По его мнению, обращения к холопам и городским низам стали определяющими «лишь тогда, когда иллюзии о возможности вступления в Москву путём переговоров оказались рассеянными и на очередь стала задача военного овладения столицей» [10. С. 307]. Таким образом, историк показывает И.И. Болотникова как блестящего руководителя, который не просто использует свои военно-полководческие способности для достижения определённой цели, но и применяет стратегические манёвры и хитрость. В противовес В.И. Корецкому, Р.Г. Скрынников отстаивал мнение о том, что «противостояние “программ” Болотникова и Пашкова не находит опоры в источниках» [11. С. 134]. Руслан Григорьевич исходит из того, что прокламации составлялись в Коломенском и рассылались по столице тогда, когда «коломенский лагерь возглавляли Болотников, Пашков и Беззубцев… все трое несли равную ответственность за “прелестные грамоты”» [Там же]. На этом основании Р.Г.Скрынников предположил, что грамоты адресовались не только холопам, а всему московскому населению.

Александр Александрович Зимин в статье вышеуказанного сборника охарактеризовал последний этап восстания – тульский период. Историк использовал две группы источников по данному вопросу: отечественные памятники и сказания иностранцев. Точка зрения автора состоит в том, что И.И. Болотников и Лжепётр не присягали В.И. Шуйскому после сдачи Тулы, а были выданы тулянами царю: русские источники, кроме расспросных речей Петра, «Сказания Авраамия Палицына» и «Иного Сказания», «прямо и недвусмысленно говорят о том, что “царевич Петр” и Болотников были выданы тульскими изменниками» [12. С. 54]. А.А. Зимин изучил и неизвестные до того документы, в которых подтверждалось суждение о выдаче тульскими сидельцами И.И. Болотникова и Лжепетра: «Казанское сказание», «Пискаревский летописец», обнаруженный В.И. Корецким летописец 10-х гг. XVII в. и «Бельской летописец». Историк не отрицает самого факта переговоров, но задаётся вопросом, с кем именно они велись и кому царь дал клятву не казнить оборонителей Тулы: «Как вариант адресатов: Пётр, Болотников, повстанцы в целом» [Там же. С. 59]. По утверждениям иностранцев К. Буссова и Геркмана, переговоры вели именно Пётр и И.И. Болотников. Но сам историк сомневается в этом и рассуждает следующим образом: «Если бы Болотников заключил какой-то договор с Шуйским, то скорее можно было бы ожидать, что царь Василий использует этого выдающегося военачальника в борьбе с не затихшим ещё шквалом народного восстания» [Там же. С. 62].

Таким образом А.А. Зимин обосновывает своё суждение о принудительной выдаче тулянами И.И. Болотникова и Лжепетра, а версию об их самовольной сдаче распространяло само правительство с целью прекращения выступлений в других частях страны. Автор сделал вывод, что «И.И. Болотников до самой своей гибели оставался *бескомпромиссным борцом с крепостническим* правительством Василия Шуйского» [Там же. С. 64].

В 1975 г. была опубликована монография В.И. Корецкого «Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России». В.И. Корецкий поставил себе задачу изучить то, как проходил раздел владений, отнятых у господ. Разрешение этой задачи привело его к выводу, что не только господские земли подлежали изъятию: «Есть основания думать, что поместная перестановка во время восстания Болотникова не ограничивалась кругом служилых людей, а захватывала и крестьян, и холопов» [10. С. 274]. Кроме этого, историк говорит о главенстве И.И. Болотникова над остальными руководителями движения: «Осуществлял верховную власть на территории, занятой его войсками, без оглядки на Путивль» [Там же. С. 280]. Это мнение исследователя подтверждает ра-

нее сделанный вывод о властолюбии И.И. Болотникова. Здесь же видим противоречивость поступков И.И. Болотникова, которая заключается в том, что сначала он в своих лозунгах призывает громить поместья феодалов и перераспределять их имущество среди обездоленных и обделенных крестьян, но этих погромов, как выясняется, не избежали и крестьянские владения.

Далее мы обратимся к двум работам В.И. Буганова за 1976 г. – «Крестьянская война в России начала XVII века» и «Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.». Историк полагает, что будущий предводитель восстания в Россию пришёл не один, а «во главе большого военного отряда, с которым вместе, вероятно, вёл борьбу против турок во время пребывания в Венгрии» [13. С. 30]. В таком случае, И.И. Болотников уже имел опору в виде военного отряда, который был ему верен. В свою очередь, Р.Г. Скрынников отрицает наличие войска, которое мог привести с собой И.И. Болотников: «Болотников был пленником, пробиравшимся с чужбины, и никаких воинских сил при нём не было» [11. С. 76]. Противоречие мнений В.И. Буганова и Р.Г. Скрынникова заключается в том, что они использовали разные источники. В.И. Буганов пользовался сведениями И. Массы, который пишет о войске, пришедшем с И.И. Болотниковым, а Р.Г. Скрынников использовал сведения К. Буссова.

В.И. Буганов выявил характеристики, которые давали вождю восстания источники разного происхождения. В современных восстанию русских и иностранных материалах И.И. Болотникова называют «начальником», «воеводой» восставших, «главным атаманом», но подчёркивается зависимость его от Лжедмитрия и Лжепетра – «гетман царя Димитрия», «боярин царевича Петра». Русские правительственные документы именуют И.И. Болотникова «вором». Некоторые современники-иностранцы называли его «отважным витязем», «отважным удальцом» [13. С. 30]. Как видим, в характеристике вождя восстания отражены разные цели и задачи тех людей, которые сообщали о нём. Например, неудивительно, что правительство характеризовало его негативно, а те люди, которые боролись против правительства, давали ему самые лестные оценки. Сам В.И. Буганов, на наш взгляд, симпатизирует личности И.И. Болотникова и его действиям. Это отражается в употреблении оценок, относящихся к И.И. Болотникову: «блестящая победа», «замечательная победа» и «герои осады Калуги и Тулы».

В противовес А.А. Зимину, Р.Г. Скрынников считал, что «именно вольное казачество, постоянно пополнявшееся за счёт беглых холопов и крепостных крестьян, стало одной из главных сил повстанческого движения начала XVII в.» [14. С. 250]. Поэтому историк уделил большое внимание казачеству и склонялся к тому, что сам И.И. Болотников был выходцем из этой среды. Казаки привлекались правительством для охраны южных границ: им предоставлялось земельное обеспечение: «Казаки владели землёй на тех же условиях обязательной службы, что и дети боярские» [Там же. С. 21]. Количество казаков при охране Засечной черты в 1957 г. примерно в два раза превышало количество остальных служилых людей.

Интересны замечания Р.Г. Скрынникова по поводу рассуждений И.И. Болотникова во время обороны Калуги. По свидетельству К. Буссова, вождь восстания неоднократно посылал в Путивль просьбы о подмоге царя Дмитрия, «а затем, убедившись в бесполезности этих попыток, направил письмо в Самбор, предлагая, чтобы кто-нибудь из близких Юрия Мнишека выдал себя за “Дмитрия” и поспешил в Россию, чтобы вызволить своих сторонников» [11. С. 192]. Значит, можно сделать вывод о том, что И.И. Болотников знал о подложности Дмитрия. Тогда утверждения других историков об уверенности И.И. Болотникова в истинности Дмитрия несостоятельны.

Историография восстания И.И. Болотникова постсоветского периода представлена работами В.И. Корецконо, Р.Г. Скрынникова, Л.Е. Морозовой, А.М. Панченко, Л.А. Черной, А.Л. Станиславского, К.В. Чистова и В.Я. Мауля.

В 1994 г. в первом томе «Энциклопедии» был помещён краткий очерк о восстании И.И. Болотникова, а также сведения о самом руководителе восстания. Прослеживается отход от определения восстания как классовой борьбы между крестьянами и феодалами. Авторство статьи о восстании И.И. Болотникова принадлежит В.И. Корецкому [15. С. 262].

О самом И.И. Болотникове в «Энциклопедии» ничего нового не говорится. Он представлен как выходец из холопов, таким образом, часть его биографии до попадания в холопство не освещена; предположение В.И. Корецкого о том, что И.И. Болотников вышел из обнищавших тульских дворян, не упоминается. Это приводит к мысли, что данное суждение В.И. Корецкого было воспринято широкими (хотя и не всеми) кругами научного сообщества как неподтверждённое. Предводителя восстания автор статьи наделял определёнными личностными качествами, которые позволили ему возглавить восстание: «Благодаря своим незаурядным личным качествам и опыту, возглавил поход на Москву» [16. С. 262].

Новшеством 1990-х гг. стали исследования в рамках культурологического подхода. В этой связи необходимо отметить монографию А.М. Панченко «Русская культура в канун петровских реформ». Один из сюжетов посвящён самозванчеству и восприятию власти народом. По мнению А.М. Панченко, концепция самозванчества была противопоставлена народом концепции Ивана Грозного: «Земля рассудила, что это ей не подходит, и гордыне монаршего “богоподобия” противопоставила бунт меньшой братии и гражданскую войну» [17. С. 15]. Поэтому самозванчество – это «народная оболочка бунта» [Там же]. Здесь мы наблюдаем сходство с концепцией К.В. Чистова, в соответствии с которой легенда о «царевиче-избавителе» стала идеологической основой движения И.И. Болотникова. Как уже упоминалось выше, И.И. Болотников шел под знаменами царевича Дмитрия и уверенно распространял влияние его имени среди населения. А.М. Панченко выделил несколько типов самозванцев: 1) нарушитель канонов (Лжедмит-

рий I); 2) народный царь-батюшка (самый распространенный тип). Как раз тип царя-батюшки тесно связан с легендой о «возвращающемся избавителе».

Л.А. Чёрная рассматривает Смутное время как начало переходного периода в русской культуре. Одной из причин, на её взгляд, стало иное, чем при Грозном, восприятие власти подданными: «На русском престоле оказались цари, лишённые богоизбранности (Борис Годунов, Василий Шуйский, не говоря уже о самозванцах)» [18. С. 178]. При царе Иване IV власть воспринималась как сугубо сакральная, но восшествие на престол перечисленных выше людей сломало это представление. Таким образом, формировался человек, который воспринимал происходящие события по-новому. Этому способствовали, по мнению автора, и веяния со стороны западных стран, от которых Россия отставала, но всё же пыталась перенимать их опыт. На основе выводов Л.А. Чёрной можно говорить о повстанцах как о борцах за традиционное мироустройство с некими маргиналами переходного периода.

А.Л. Станиславский подверг пересмотру состав повстанцев. Можно говорить о некоторой «реабилитации» казачества в качестве участников движения начала XVII в. Именно казакам посвящена работа историка. Автор рассмотрел те условия, которые побудили казаков вступить в антиправительственное движение. Одним из таких условий стал голод 1601–1603 гг.: «Резкое повышение в начале XVII в. цен на хлеб и другие продукты питания поставило казачество, всецело зависевшее от подвоза продовольствия из России, в особенно тяжёлое положение» [19]. В связи с этим участились разбойные нападения на Крым, Азов, Турцию и Россию. Б.Ф. Годунов принимал ограничительные меры в отношении казаков – запреты на торговлю и нахождение в приграничных городах. В результате казаки стали поддерживать самозванцев, преследуя собственные интересы. Историк обращает внимание на то, что и раньше исследователи (И.И. Смирнов, В.И. Корецкий, В.Д. Назаров, Б.Н. Флоря) говорили о значительном количестве казачества в лагерях самозванцев.

А.Л. Станиславский выделил характерные черты, которые, по его мнению, были присущи всем антиправительственным казацким выступлениям начала XVII в.: «Вера в “доброго” царя, резкая антибоярская направленность, значительная роль в казацком войске бывших холопов» [Там же]. Автор подтверждает мысль В.И. Корецкого о том, что с И.И. Болотниковым в Россию пришёл большой отряд казаков. Историк обратил внимание на самоназвание повстанцев – «воровские», «донские» или «вольные» казаки, что указывает на присутствие в большом объёме донских казаков в рядах болотниковцев.

Другим аргументом, подтверждающим присутствие значительного количества казаков в повстанческой армии, стала организация отрядов и порядок их обеспечения. А.Л. Станиславский проводит параллели со способом материального обеспечения казаков в Польше и России: «В Речи Посполитой служилые люди всех категорий в XVI–XVII вв. в качестве вознаграждения за службу нередко получали или забирали силой определённые территории в кормления – приставства» [Там же]. По его мнению, из Польши этот способ был перенесён в Россию.

2000-е гг. были плодотворнее 1990-х. В это время появились новые наработки по истории восстания болотниковцев. Историки стали чаще использовать антропологический подход и полностью избавились от идеологических шор. Были реабилитированы труды историков-классиков. Многие аспекты восстания были пересмотрены. Это отчётливо прослеживается в трудах Р.Г. Скрынникова.

Возвращаясь к проблеме социального статуса И.И. Болотникова, надо сказать, что Р.Г. Скрынников оспаривает версию о принадлежности вождя восстания к дворянам. Автор предполагает, что И.И. Болотников мог быть участником разбоев в 1602–1603 гг. Это предположение строится на основании английской записки о России, в которой вождь восстания назван «старым разбойником с Волги»: «Не значит ли это, что Болотников участвовал в разбое и грабеже холопов в 1602–1603 гг.?» [20. С. 650]. Таким образом, историк предполагает, вслед за А.Л. Станиславским, что предводитель восстания мог быть казаком.

Интересен тот факт, что, отказавшись от прямолинейного классового подхода, Р.Г. Скрынников перестал говорить о различии действий отрядов И.И. Болотникова и И. Пашкова: «Что касается репрессий, они носили примерно одинаковый характер и там, где шёл Пашков, и там, где двигался Болотников» [21. С. 223]. Историк даёт также новую оценку действий предводителя восставших – в ней исчезают нотки восхищения этими действиями: «Вождь неизменно терпел поражения, предоставленный своим силам» [Там же. С. 230].

В 2003 г. вышло новое переработанное издание работы К.В. Чистова «Русская народная утопия». Автор ставит проблему «народного монархизма». В рамках изучения этой проблемы К.В. Чистов ответил на вопрос, почему взбунтовавшийся народ требовал восстановления именно царистской формы управления: крестьяне не имели представления об ином способе управления государством, кроме монархического [22. С. 462]. Этот тезис подтверждает сюжетная схема складывавшихся легенд об «избавителях», т.е. люди имели четкое представление о том, какой власть должна быть.

Исследования о «народном монархизме» предпринимал и В.Я. Мауль. Историк проследил его связь с народными движениями XVII–XVIII вв.: «Знаковой чертой русского бунта является его тесная связь с народным монархизмом, основанным на идее “истинного” царя» [23. С. 7]. В этой связи автор предпринял исследование волны самозванства, связанной с именем сына Ивана IV – Дмитрием. В.Я. Мауль назвал составляющие «самозванческой харизмы»: отметины на теле, благочестие, взятие на себя обязанности защиты народных интересов, принесение присяги. В целом прослеживается преемственность мнений К.В. Чистова и В.Я. Мауля по вопросу распространения и бытования легенды о «спасшемся» царевиче Дмитрии Ивановиче.

Л.Е. Морозова выдвинула новую версию происхождения вождя восстания. Исследовательница указывает даже примерную дату рождения И.И. Болотникова – конец 1560 – начало 1570-х гг. в рязанском городке к югу от Оки. Его отец, по словам автора, был кадровым военным и нёс пограничную службу и по положению считался сыном боярским. Когда Иван Исаевич понял, что не сможет прокормиться на отведённой ему земле, то поступил на службу к А.А. Телятевскому и стал его боевым холопом. Некоторое время спустя И.И. Болотников стал казаком, но время пребывания его в казаках неизвестно [24. С. 192]. С этого момента биография И.И. Болотникова не расходится с повествованием других исследователей. К большому сожалению, автор не указывает источники, которые отражают те события из жизни вождя восстания, которые ею приведены.

Подводя итог, можно отметить, что все оценки личности и деятельности И.И. Болотникова носили неоднозначный характер. Это можно объяснить рядом факторов. Такие историки-классики, как Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев, в силу своих взглядов на государственное устройство характеризовали вождя восстания негативно, чаще как разбойника. Н.И. Костомаров давал положительную оценку деятельности И.И. Болотникова, что было связано также с его личными взглядами. В.О. Ключевский охарактеризовал не только социальные мотивы действий И.И. Болотникова, но и экономические и пришел к выводу, что Иван Болотников стремился к обогащению в сложившейся ситуации Смуты. Историки советского периода расширили источниковую базу исследования восстания И.И. Болотникова и были склонны к апологетике действий болотниковцев и самого их вождя. Такая позиция исследователей была связана с идеологическим режимом, в условиях которого они были вынуждены работать. Вынужденность эта прослеживается в том, что некоторые историки советского периода с падением СССР поменяли свои взгляды (например В.И. Корецкий, Р.Г. Скрынников). Важно отметить, что в советский период начинают появляться исследования, авторы которых предпринимали попытки установить социальный статус И.И. Болотникова, определяя его выходцем из мелкопоместных детей боярских. В постсоветские десятилетия наблюдается отход от классового принципа, и исследователи начинают использовать антропологический и культурологический подходы. Продолжились разыскания неизвестных источников по данному вопросу. Произошел пересмотр социального статуса И.И. Болотникова. Теперь Иван Болотников представлен как выходец из казаков, а его деятельность перестала характеризоваться с восторгом и одобрением.

Возвращаясь к вопросу о том, что же влияет на деятельность историка, а соответственно на даваемые им оценки, мы пришли к следующему выводу. Первостепенным фактором будет имеющаяся в распоряжении историка источниковая база, ведь очень трудно давать объективную оценку событию или человеку при отсутствии необходимого числа материалов. Немаловажным фактором будут личные взгляды ученого, этот тезис очень ярко иллюстрирует позиция С.М. Соловьева. Кроме перечисленных двух факторов, мы выделили еще один – идеология. Именно идеология определяла позиции историков советского периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Костомаров Н.И.* Смутное время в Московском государстве в начале XVII столетия. М. : Чарли, 1994. 800 с.
2. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Соч. : в 9 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. 415 с.
3. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. Переиздание. М. : Соцэкгиз, 1937. 499 с.
4. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен : в 15 кн. М. : Соцэкгиз, 1960. Кн. IV. 778 с.
5. *Карамзин Н.М.* История государства Российского : в 12 т. Калуга : Золотая аллея, 1993. Т. 12. 592 с.
6. *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке : в 3 ч. М. : Полиграфкнига, 1934. Ч. 1–2. 259 с.
7. *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607. Л. : Политиздат, 1951. 588 с. URL: http://www.twirpx.com/file/319351/
8. *Корецкий В.И.* Новое о крестьянском закрепощении и восстании И.И. Болотникова (вступительная статья) // Вопросы истории. 1971. № 5. С. 130–152.
9. *Корецкий В.И.* О формировании И.И. Болотникова как вождя крестьянского восстания // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М. : Наука, 1974. С. 122–147.
10. *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М. : Наука, 1975. 372 с.
11. *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л. : Наука, 1988. 255 с.
12. *Зимин А.А.* И.И. Болотников и падение Тулы в 1607 г. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М. : Наука, 1974. С. 52–64.
13. *Буганов В.И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1976. 223 с.
14. *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». М. : Мысль, 1988. 283 с.
15. *Корецкий В.И.* Болотникова восстание // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года : энциклопедия. Т. 1м :А–Д. М. : Большая росс. энциклопедия, 1994. С. 262–263.
16. *Морозов Б.Н.* Болотников // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года : энциклопедия. Т. 1 : А–Д. М. : БРЭ, 1994. С. 262.
17. *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л. : Наука, 1984. 205 с.
18. *Черная Л.А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к новому времени: философско-антропологический анализ русской культуры XVII-первой трети XVIII века. М. : Языки русской культуры, 1999. 304 с.
19. *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М. : Мысль, 1990. URL: http://annales.info/rus/stanislav/index.htm#gv
20. *Скрынников Р.Г.* 1612 год. М. : АСТ, 2007. 798 с.
21. *Скрынников Р.Г.* Василий Шуйский. М. : АСТ, 2002. 400 с.
22. *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб. : РАН, 2003. 539 с.
23. *Мауль В.Я.* Самозванные цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до пугачёвского восстания) // Вестник Томского ун-та. 2005. № 40. С. 5–43.

24. *Морозова Л.Е.* Смута: её герои, участники, жертвы (сложные, трагические и запутанные события Смутного времени в истории Российского государства). М. : Астрель, 2004. 544 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 марта 2015 г.

PORTRAIT OF I.I. BOLOTNIKOV IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 135-142. DOI 10.17223/15617793/394/23

Simonova Marina V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: simonova_marina42rus@mail.ru

Keywords: I.I. Bolotnikov; peasant war; historiography.

The article analyzes the personality of Ivan Bolotnikov in Russian historiography. I.I. Bolotnikov was a leader of the Peasant War in 1606–1607. The history of historical science was divided chronologically into three periods: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet. A feature of studying the uprising of I.I. Bolotnikov is the scarcity of sources. Therefore, the basis for portraying Ivan Bolotnikov was numerically small and incomplete data about him by his contemporaries, analysis of slogans put forward by I.I. Bolotnikov and his associates, as well as description of his activities. In the framework of classical historiography, the works of N.M. Karamzin, S.M. Solovyov, N.I. Kostomarov, V.O. Kluchevsky and S.F. Platonov were analyzed. To analyze I.I. Bolotnikov's portrait by historians in the Soviet period, the writings of M.N. Pokrovsky, I.I. Smirnov, V.I. Koretskiy, R.G. Skrynnikov, A.A. Zimin and V.I. Buganov were used. During this period, historians used the class approach and the leader of the uprising is characterized as a fighter for freedom and justice. It was during the Soviet decades that discussions unfold on the Peasant War of the early 17th century. In addition, historians of the Soviet period made the greatest contribution to the study of the details of the uprising and the search for new sources. Historiography of I.I. Bolotnikov's uprising in the post-Soviet period is represented by works of V.I. Koretskono, R.G. Skrynnikov, L.E. Morozova, A.M. Panchenko, L.A. Chernaya, A.L. Stanislavskiy, K.V. Tchistov and V.Ya. Maul. Historians of the 1990s – 2000s began to abandon the ideological regime of the Soviet decades. During these years, works of classical historians were rehabilitated. Thus, evaluation of the personality and activities of I.I. Bolotnikov were ambiguous. This can be explained by several factors. Historians and classics like N.M. Karamzin, S.M. Solovyov, because of their views on the state system, characterized the leader of the uprising negatively, more like a robber. Kluchevsky characterized the economic motives of I.I. Bolotnikov's actions and concluded that Ivan Bolotnikov sought personal wealth. Historians of the Soviet period expanded the source base of I.I. Bolotnikov's uprising research and were prone to the apologetics of Bolotnikov and his associates' actions. It is important to note that during the Soviet period studies appeared in which the authors attempted to establish the social status of I.I. Bolotnikov, defining him as a native of small nobles. The post-Soviet decades depart from the class principle; and researchers begin to use anthropological and cultural approaches. The search for unknown sources on the subject continues. I.I. Bolotnikov's social status is revised. Now Ivan Bolotnikov is presented as a native of the Cossacks, and his activities are no longer characterized with delight and approval.

REFERENCES

1. Kostomarov N.I. *Smutnoe vremya v Moskovskom gosudarstve v nachale XVII stoletiya* [Time of Troubles in the Muscovite state in the early 17th century]. Moscow: Charli Publ., 1994. 800 p.
2. Klyuchevskiy V.O. Sochineniya: v 9 t. [Works: in 9 v.]. Moscow: Mysl' Publ., 1988. V. 3, 415 p.
3. Platonov S.F. *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv.: opyt izucheniya obshchestvennogo stroya i soslovnykh otnosheniy v Smutnoe vremya* [Essays on the history of the Troubles in the Muscovite state of the 16th – 17th centuries: experience of studying social structure and class relations in the Time of Troubles]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1937. 499 p.
4. Solovyov S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen: v 15 kn.* [History of Russia since ancient times: in 15 books]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1960. Book IV, 778 p.
5. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: v 12 t.* [The History of the Russian State: in 12 v.]. Kaluga: Zolotaya alleya Publ., 1993. V. 12, 592 p.
6. Pokrovskiy M.N. *Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke: v 3 ch.* [Russian history in the most concise essay: in 3 pts.]. Moscow: Poligrafkniga Publ., 1934. Pt. 1–2, 259 p.
7. Smirnov I.I. *Vosstanie Bolotnikova 1606–1607* [The Bolotnikov Uprising of 1606-1607]. Leningrad: Politizdat Publ., 1951. 588 p. Available from: http://www.twirpx.com/file/319351/.
8. Koretskiy V.I. Novoe o krest'yanskom zakreposhchenii i vosstanii I.I. Bolotnikova (vstupitel'naya stat'ya) [New data on peasant enslavement and the uprising of I.I. Bolotnikov (introductory article)]. *Voprosy istorii*, 1971, no. 5, pp. 130–152.
9. Koretskiy V.I. *O formirovanii I.I. Bolotnikova kak vozhdya krest'yanskogo vosstaniya* [On the formation of I.I. Bolotnikov as the leader of a peasant uprising]. In: Cherepnin L.V. (ed.) *Krest'yanskie voyny v Rossii 17th–18th vekov: problemy, poiski, resheniya* [Peasant wars in Russia of the 17th – 18th centuries: problems, searches, solutions]. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 122–147.
10. Koretskiy V.I. *Formirovanie krepostnogo prava i pervaya krest'yanskaya voyna v Rossii* [Formation of serfdom and the first peasant war in Russia]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 372 p.
11. Skrynnikov R.G. *Smuta v Rossii v nachale XVII v. Ivan Bolotnikov* [The Time of Troubles in Russia in the early 17th century. Ivan Bolotnikov]. Leningrad: Nauka Publ., 1988. 255 p.
12. Zimin A.A. *I.I. Bolotnikov i padenie Tuly v 1607 g.* [I.I. Bolotnikov and the fall of Tula in 1607]. In: Cherepnin L.V. (ed.) *Krest'yanskie voyny v Rossii 17th–18th vekov: problemy, poiski, resheniya* [Peasant wars in Russia of the 17th – 18th centuries: problems, searches, solutions]. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 52–64.
13. Buganov V.I. *Krest'yanskie voyny v Rossii XVII – XVII vv.* [Peasant wars in Russia in the 17th – 18th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 223 p.
14. Skrynnikov R.G. *Rossiya v nachale XVII v. "Smuta"* [Russia at the beginning of the 17th century. "The Troubles"]. Moscow: Mysl' Publ., 1988. 283 p.

15. Koretskiy V.I. *Bolotnikova vosstanie* [Russia at the beginning of the 17th century. "The Troubles."]. In: Yanin V.L. (ed.) *Otechestvennaya istoriya. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do 1917 goda: entsiklopediya* [National History. History of Russia from ancient times to 1917: Encycl-lopediya]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1994. V. 1, pp. 262–263.
16. Morozov B.N. *Bolotnikov* [Bolotnikov]. In: Yanin V.L. (ed.) *Otechestvennaya istoriya. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do 1917 goda: entsiklopediya* [National History. History of Russia from ancient times to 1917: Encycl-lopediya]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1994. V. 1, p. 262.
17. Panchenko A.M. *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Bolotnikov]. Leningrad: Nauka Publ., 1984. 205 p.
18. Chernaya L.A. *Russkaya kul'tura perekhodnogo perioda ot Srednevekov'ya k novomu vremeni: filosofsko-antropologicheskiy analiz russkoy kul'tury XVII – pervoy treti XVIII veka* [Russian culture transition from the Middle Ages to modern times: the philosophical and anthropological analysis of Russian culture 17th – first third of the 18th century]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 304 p.
19. Stanislavskiy A.L. *Grazhdanskaya voyna v Rossii XVII v. Kazachestvo na perelome istorii* [The civil war in Russia of the 17th century. Cossacks at the turn of history]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. Available from: http://annales.info/rus/stanislav/index.htm#gv.
20. Skrynnikov R.G. *1612 god* [1612]. Moscow: AST Publ., 2007. 798 p.
21. Skrynnikov R.G. *Vasiliy Shuyskiy*. Moscow: AST Publ., 2002. 400 p. (In Russian).
22. Chistov K.V. *Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend)* [Russian folk utopia (the genesis and function of socio-utopian legends)]. St. Petersburg: RAS Publ., 2003. 539 p.
23. Maul' V.Ya. Samozvannye tsari i tsarevichi v sotsiokul'turnoy retrospektive russkogo bunta (do pugachevskogo vosstaniya) [Pseudo-tzars and princes in the socio-cultural retrospective of the Russian rebellion (until Pugachev's Rebellion)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Byulleten' operativnoy informatsii*, 2005, no. 40, pp. 5–43.
24. Morozova L.E. *Smuta: ee geroi, uchastniki, zhertvy (slozhnye, tragicheskie i zaputannye sobytiya Smutnogo vremeni v istorii Rossiyskogo gosudarstva)* [The Time of Troubles: its heroes, participants, victims (complex, tragic and confusing events of the Time of Troubles in the history of the Russian state)]. Moscow: Astrel' Publ., 2004. 544 p.

Received: 22 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 143–149. DOI 10.17223/15617793/394/24

УДК 94(470)«1992–1999»

И.С. Соловенко

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ ШАХТЁРОВ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ (1992–1999 гг.)

Рассматриваются цели и задачи протестного движения шахтёров России во время перехода к рыночным отношениям. Показывается их влияние на формы и методы протеста, приоритет политических союзников и т.д. В контексте выделенных этапов определяются причины изменений целей и задач, неоднозначное к ним отношение со стороны разных групп шахтёрского сообщества. Проводится сравнительный анализ с забастовочным движением 1989–1991 гг. Делается вывод о малоубедительности представлений об угрозе протестного движения шахтёров либерально-демократическому развитию страны в рассматриваемое время.

Ключевые слова: Россия; шахтёры; протесты; цели; задачи.

Центральным вопросом отечественной историографии в анализе протестного движения шахтёров России во время перехода к рыночным отношениям является определение его направленности. Одни историки считают, что очевидной целью борьбы рабочих было возвращение не только угольной отрасли, но и всего общества во времена «государственного социализма». По их мнению, протестное движение несло угрозу либерально-демократическому развитию страны [1, 2 и др.]. Другие исследователи, напротив, утверждают, что борьба рабочих угольной отрасли послужила препятствием на пути дальнейшего обнищания трудящихся, роста социальной дифференциации, а также уничтожения ростков демократии и нового государственного строительства [3–5 и др.]. Обе позиции до сих пор подкрепляются новыми и весьма убедительными аргументами [6, 7 и др.]. Противоречивость мнений по данному вопросу свидетельствует о сложности протекавших событий, неоднозначном поведении горняков и их представительных органов в контексте общей борьбы рабочего класса России, которая уже не выглядела столь единодушной и однонаправленной, как это было в период «перестройки» (1989–1991 гг.).

Трансформационные процессы 1990-х гг. существенно изменили взгляды российских рабочих на то, как необходимо отстаивать социально-экономические права и интересы в новых капиталистических условиях. Борьба широких народных масс против падения уровня жизни началась фактически с первых дней либеральных преобразований. В силу более выгодного социально-экономического положения [4. С. 182] рабочие угольной промышленности не сразу подключились к разворачивавшемуся по всей стране протестному движению. Однако на фоне быстрого роста цен и падения уровня жизни их социально-экономические преимущества быстро иссякали. Горняки вынуждены были активнее включаться в отстаивание своих трудовых прав. Попытки защитить свои интересы через суд оказались бесперспективными [8. Л. 58, 85]. Это стимулировало применение широкого перечня форм и методов протеста, в том числе и незаконного характера.

Новые политические и экономические реалии определили вектор шахтёрской борьбы, в основе которой находились иные, нежели в конце 1980-х гг., цели и задачи. В течение анализируемого периода они менялись, что было следствием динамики политических и социально-экономических причин и факторов протестного движения. Исследование показало, что в эволюции целей и задач борьбы можно выделить ряд отдельных этапов, критерием классификации которых является степень радикализации взглядов горняков. На первом этапе (1992–1997 гг.) они становились всё более оппозиционными по отношению к власти. В ходе второго этапа (январь – июль 1998 г.) цели и задачи шахтёров достигли пика непримиримости. Третий этап (август 1998 г. – 1999 г.) стал временем, когда стратегия и тактика борьбы рабочих угольной промышленности приобрели компромиссно-консенсусный характер. Этапы эволюции целей и задач в целом совпадают с динамикой протестного движения, которое соответственно указанному времени испытало подъём, кульминацию и спад.

На первом этапе шахтёры постепенно возвращают место авангарда борьбы рабочего класса России. В основе их протестного движения, в общем, был тот же смысл и те же ценности, что и в ходе крупномасштабных забастовок рубежа 1980–1990-х гг. – это стремление лучше жить, а именно: иметь стабильную и достойно оплачиваемую работу, обладать реальным механизмом защиты своих социально-экономических интересов, свободно и эффективно выражать собственную политическую позицию и т.д. На фоне широкой преобразовательной деятельности Кремля ни о каких реформах, в том числе и в сфере политических отношений, рабочие угольной промышленности не помышляли.

В начале 1990-х гг. инерция забастовочного движения, подпитываемая идеологией рабочкомов и других либерально настроенных рабочих организаций (например, Союза трудящихся Кузбасса), ориентировала политический потенциал шахтёров на реализацию демократических преобразований, провозглашённых Б. Ельциным. Подавляющее большинство рабочих продолжали верить президенту России, несмотря на усиление негативных тенденций в экономике и социальной сфере шахтёрских городов и посёлков. Противостояние Б. Ельцина и «консервативного» парламента отвлекало трудящихся от мысли об эффективности исполнительной власти. В данный момент цель шахтёрской борьбы во многом определяли рабочие комитеты и Независимый профсоюз горняков России (НПГР), которые, оправдывая про-

махи президентской политики, призывали поддерживать администрацию Б. Ельцина на пути реформ. Соответственно, в 1992–1993 гг. целью официально организованных акций протестов шахтёров являлась борьба с «антиреформаторскими силами». Не случайно самые громкие из них происходили в Москве [9. С. 323]. Хотя на местном уровне далеко не все горняки были согласны с таким подходом, их выступления носили разрозненный характер и не определяли совместной цели борьбы, что подтверждается весьма противоречивым перечнем социально-экономических требований. Среди шахтёров было распространено мнение, что «новая волна забастовок может ввергнуть страну в хаос» [10].

Борьба с «антиреформаторскими силами» определила две важнейшие задачи. Первая – противодействие противникам либеральных реформ в стране. Вторая – поиск и борьба с «виновниками» кризисных явлений на местах. Противниками либеральных реформ в стране объявлялись все прокоммунистические, левые организации и партии. По мнению главных идеологов рабочего движения, они тянули страну назад, т.е. во времена «государственного социализма», строили свою критику на фактах и трудностях «временного» характера и т.д. На государственном уровне главным олицетворением таких сил являлся Верховный Совет РСФСР, который блокировал многие указы президента РФ, что, по мнению Б. Ельцина, сдерживало динамику реформ и негативно отражалось на их эффективности. Поэтому важнейшими задачами представительных органов горняков являлись идейная борьба с противниками реформ (например, выступления и публикации в СМИ) и непосредственное участие в пропрезидентских акциях поддержки.

В начале «шоковой терапии» руководителям шахтёрского движения необходимо было объяснить и оправдать противоречивый характер реформ Б. Ельцина. Под влиянием прежде всего НПГР и рабочих комитетов одним из векторов их борьбы становится критика администраций угледобывающих предприятий. Главными «обвиняемыми» в шахтёрских проблемах являлись директора, их заместители, главные бухгалтеры и другие должностные лица, причастные к добыче, погрузке, переработке и отправке угля. Им ставили в вину нецелевое расходование бюджетных средств, разворовывание имущества, финансовые махинации и т.п., что, по мнению рабочих, в итоге приводило к низкой зарплате и её несвоевременной выплате. Соответственно, еще одной важнейшей задачей шахтёров на первом этапе отстаивания своих прав и интересов являлась борьба с неэффективным руководством угледобывающих предприятий. Уверенность в правильности проводимых рабочими акций протеста придавали отдельные факты привлечения менеджмента шахт и разрезов к административной и уголовной ответственности. Реализация вышеуказанных целей и задач не принесла ожидаемых результатов, хотя и продолжилась в последующие годы на уровне либерально ориентированных рабочих организаций.

Между тем социально-экономические проблемы угледобывающих территорий продолжали усиливаться. Соответственно, шахтёры стали меньше доверять либерально настроенным НПГР и рабочкомам [11. Л. 109 об.], менять свои протестные взгляды и выстраивать новые подходы в отстаивании жизненно важных интересов. Так же как и в конце 1980-х гг., в середине 1990-х гг. социально-экономические цели и задачи стали всё чаще подменяться политическими [12. Л. 71]. Отсутствие каких-либо позитивных перемен в жизни трудящихся после разгона Верховного Совета РСФСР, а также попытки консолидации оппозиционных сил страны сориентировали цель протестного движения шахтёров. Она заключалась в противодействии социально-экономическому курсу правительства РФ, а также критике деятельности главных проводников непопулярной политики на местах – руководителей шахтёрских территорий. В середине 1990-х гг. такую позицию разделяло большинство горняков. Важную роль в этом сыграли Росуглепрофсоюз и лево-патриотические организации, особенно КПРФ [13. Л. 138]. Шахтёрские города и посёлки стали территорией небывалого роста забастовок [14. С. 78] и других, в том числе радикальных, акций протеста.

Таким образом, цель протестного движения шахтёров на протяжении анализируемого этапа в корне изменилась. Она приобрела оппозиционный по отношению к политике правительства России характер. Новая цель существенно трансформировала задачи протестного движения горняков, ими стали: 1) борьба с потерявшими доверие администрациями угледобывающих регионов, городов и посёлков; 2) критика социально-экономического курса правительства России; 3) увеличение количества всевозможных акций протеста и привлечение к ним сочувствующих из числа представителей различных социально-профессиональных групп; 4) отстаивание не только экономических, но и политических требований.

В условиях несоответствия действий и результатов борьбы шахтёров возникла необходимость выработки новых подходов, которые, с одной стороны, не противоречили бы укрепившейся с 1989 г. идеологии забастовочного движения, с другой – могли повысить эффективность их протестного движения. Такой задачей не позднее чем с 1994 г. стала борьба рабочих с потерявшими доверие администрациями угледобывающих регионов, городов и посёлков. По мнению горняков, региональная и местная власти не справлялись с возложенными на них обязанностями, не отстаивали их интересы на федеральном уровне, попустительствовали не всегда обоснованному закрытию шахт, занимались демагогией, участвовали в совместных с администрацией предприятий коррупционных схемах и т.д. Участвовавшие в акциях протеста рабочие верили в то, что смена региональной власти позволит Кремлю скорректировать процесс реструктуризации угольной промышленности, сделает его более социально направленным. Данная задача стала особенно важной в конце рассматриваемого этапа, т.е. в 1996–1997 гг.

К тому времени социально-экономические проблемы шахтёрских городов и посёлков приобрели угрожающий характер. Постоянные обвинения лидеров рабочего движения в адрес «неумелых» руководителей шахт и разрезов перестали пользоваться по-

пулярностью, так как ротация кадров в общем не меняла кризисной обстановки в угольной промышленности. Тем более что в сложном экономическом положении находились не только предприятия шахтёрской отрасли, но и абсолютное большинство других отраслей промышленности страны. Горнякам сложно было резко изменить своё отношение к политическому курсу Б. Ельцина, которого они активно поддерживали на протяжении многих лет, поэтому их недовольство стало ориентироваться на проводимую правительством РФ «шоковую терапию». Президент и сам часто выражал неудовлетворённость результатами социально-экономической деятельности кабинета министров (в том числе и в угольной промышленности), что придавало рабочим чувство солидарности с Б. Ельциным. Поэтому центральной задачей протестного движения шахтёров в середине 1990-х гг. становится критика социально-экономического курса правительства РФ, в том числе и на уровне международных политических и экономических организаций [15. С. 120].

Угледобытчики не только критиковали, но и стремились наладить диалог с российскими министрами. Однако последние редко прислушивались к их мнению, игнорировали многие предложения по угольной промышленности и, в целом, проводили реструктуризацию, используя непопулярные меры. Поэтому другой важной задачей шахтёров являлось увеличение количества всевозможных акций протеста, благодаря которым можно было донести до членов правительства РФ свой голос. Шахтёрские профсоюзы стали ориентироваться не только на увеличение количества акций протеста, но и на рост их географии, а также расширение перечня требований. Особо важным моментом явилось осознание того, что достичь необходимых результатов борьбы горняки могли в случае широкого вовлечения в их акции протеста всех, кто проявлял недовольство деятельностью правительства РФ. Только таким образом можно было продемонстрировать солидарность, силу и решимость в борьбе за свои права и интересы, а также скорректировать общественное мнение в свою пользу.

Рост оппозиционных настроений среди шахтёров в середине 1990-х гг. поставил перед ними другую задачу – отстаивание не только экономических, но и политических требований. Они, по мнению горняков, должны были привести к отставке правительства В. Черномырдина и выработке нового социально-экономического курса. Реализация политических лозунгов являлась более сложной задачей, поэтому в ходе акций протеста даже в конце рассматриваемого этапа доминировали всё-таки экономические требования. Вместе с тем политические лозунги становились всё более востребованы российским обществом, поэтому явились одним из действенных факторов давления на федеральную власть.

Глава государства открыто не реагировал на политические требования горняков, был абсолютно уверен в правильности экономического курса. Однако он не мог полностью игнорировать требования протестующих, тем более такой важной общественно-политической силы, как шахтёры. Вполне выверенным было решение Б. Ельцина о смене политического руководства отдельных углепромышленных территорий. Показательным шагом навстречу шахтёрским настроениям стала смена в июле 1997 г. главы администрации Кемеровской области. Новый руководитель – А. Тулеев – действительно сумел на несколько месяцев снять напряжённость в крае. Между тем замена руководителя не привела к кардинальным изменениям в социально-экономической сфере ведущего угледобывающего региона. Несмотря на все попытки А. Тулеева снизить протестную активность горняков края, с конца 1997 г. она вновь стала нарастать. Таким образом, реализация требования смены руководства области показала в тот момент слабую зависимость социально-экономической обстановки от региональной власти.

В целом сторонникам президентского курса не удалось долго ориентировать социально-экономические претензии рабочих угольной отрасли в направлении борьбы с «противниками» либерального курса в стране. Между тем шахтёры оказались в замешательстве, были разобщены и действовали самостоятельно. Это снизило их протестные возможности, ограничило участие в реформировании угольной промышленности и подорвало социально-профессиональный статус в обществе.

В ходе второго этапа усиление политической составляющей в широком перечне требований шахтёров стало ещё более очевидным. Общее осложнение общественно-политической обстановки в стране, ухудшение положения в угольной отрасли, невыполнение правительством и президентом РФ обещаний перед шахтёрами, значительное увеличение объёмов задолженности по зарплате и многое другое способствовало дальнейшей радикализации взглядов, требований и действий во всех угледобывающих регионах страны [16. Л. 70]. Рабочие угольной отрасли России почувствовали себя не нужными их бывшему кумиру. Поэтому в первой половине 1998 г. весь их протестный потенциал был направлен в сторону федерального центра.

В то время не только горняки, но и фактически все социально-профессиональные слои населения показывали недоверие президенту и правительству России. Целью протестного движения шахтёров в ходе второго этапа являлась смена руководства страны. К достижению данной цели подключились почти все оппозиционные общественно-политические организации, в том числе и те, которые в предыдущие годы показывали лояльность президенту, например НПГР и рабочие комитеты, состав которых существенно изменился. Высокая степень недовольства трудящихся выражалась в увеличении количества радикальных форм протеста, расширении их географии.

Отставка президента, которая позволила бы изменить политический курс в стране, являлась сложновыполнимой целью. Лидеры горняцких профсоюзов, в наибольшей степени координировавшие в то время протестное движение рабочих, пытались её реализовать посредством решения следующих задач. Формально ведущей из них стала попытка убедить Б. Ельцина подать в отставку. Тесно связанной с ней была задача объединения вокруг шахтёров всех оппо-

зиционных общественно-политических сил для оказания ещё большего давления на Кремль.

Конституция РФ фактически не давала шанса на легальный способ смещения Б. Ельцина с поста президента. Между тем положение в угольной промышленности стало критическим. Отстранить президента, по мнению горняков, можно было используя коллективное давление и радикальные требования. Морально они были готовы переступить через закон, хотя и не считали это столь необходимым. Для того чтобы убедить Б. Ельцина самостоятельно подать в отставку, требовалось увеличить масштабы протестного движения шахтёров и привлечь на свою сторону трудящихся других отраслей экономики и бюджетных организаций. В течение второго этапа для этого имелись вполне благоприятные условия. В стране заметно усилились протестные настроения как в горняцких коллективах, так и среди трудящихся других отраслей экономики и бюджетных организаций [17]. Лидеры шахтёрских профсоюзов старались воспользоваться общественным мнением, которое складывалось не в пользу Кремля. Неотъемлемым элементом коллективного давления на Б. Ельцина стала радикализация требований рабочих угольной промышленности (как политического, так и экономического порядка). При этом был провозглашён приоритет политических лозунгов. Всё это свидетельствовало о намерении бескомпромиссной борьбы с президентом.

Убедить Б. Ельцина подать в отставку было легче, решив вторую задачу – объединив вокруг шахтёров оппозиционные общественно-политические организации. К тому времени шахтёры стали понимать, что они уже не та мощная сила, которая участвовала в успешном сломе советской системы. В новых исторических реалиях им нужна была опора на другие социально-профессиональные слои и группы, которые в свою очередь ориентировались на организации, представлявшие их в политической системе страны. Данная задача была не менее проблемной, чем предыдущая, так как оппозиция представляла собой конгломерат многочисленных и порой бескомпромиссных политических партий, движений и организаций. Однако без её решения рабочим угольной промышленности трудно было надеяться на успех протестных действий.

Рабочим было безразлично, с кем сближаться в надежде на смену президента [18]. Ситуацию осложняло отсутствие у них общей позиции по вопросу выбора силы, способной довести протест до логического конца. Весной 1998 г. заметно возросло влияние левопатриотических организаций на протестное движение трудящихся. Многие шахтёры готовы были встать под знамёна КПРФ. Однако против сближения с какими-либо политическими организациями выступали профсоюзные лидеры. Руководство НПГР и Росуглепрофсоюза предприняло попытку возглавить не только шахтёрский, но и всенародный протест.

Особенно близки к достижению поставленной цели (отставка президента) горняки были во время всероссийских «рельсовых войн» в мае 1998 г. Их протестные действия активно поддержали рабочие других отраслей экономики, медики, учителя и пенсионеры, которые непосредственно участвовали в железнодорожных блокадах [19. С. 66–67]. В те дни 62% россиян одобрили перекрытие важных транспортных магистралей [20]. «Рельсовые войны» активно поддержали оппозиционные партии, движения и организации левого фланга. Фракция КПРФ в Государственной Думе организовала деятельность по импичменту президента, по всей стране активизировались акции протеста трудящихся и т.д. Возможность серьёзных социально-политических катаклизмов в стране признавали даже представители верхних эшелонов власти. Обострение обстановки в шахтёрских регионах «создало угрозу политической стабильности, а в ряде случаев и национальной безопасности», заявил на брифинге пресс-секретарь президента С. Ястржембский, комментируя состоявшееся 25 мая 1998 г. в Кремле заседание Совета безопасности России [21. С. 1]. Однако Б. Ельцин, используя широкий спектр финансовых и политических мер, сумел купировать недовольство трудящихся и сохранить пост президента. Надежды горняков на собственные силы не оправдались. Общественно-политические партии и организации, в общем, ограничились моральной поддержкой. Соответственно, шахтёрам пришлось отказаться от радикальных взглядов и смягчить свои политические претензии к Кремлю.

Всероссийские «рельсовые войны» показали слабость рабочей солидарности. На всём протяжении второго этапа шахтёрское сообщество имело неоднородное мнение по вопросу политических лозунгов [7. С. 68]. Его умеренная часть по-прежнему была убеждена в бесперспективности политического противостояния с президентом и отказывалась от крайних методов борьбы. Этой позиции придерживались прежде всего рабочие передовых шахт и разрезов, которые отказывались от участия как в самостоятельных, так и в коллективных забастовках. Они почувствовали хоть и незначительные, но всё-таки положительные результаты реформ. Преобразования в других отраслях народного хозяйства, как это было в конце советской эпохи, рабочих угольной промышленности уже почти не интересовали. Они приняли рыночные преобразования и не хотели рисковать стабильностью. Так как проблемы с выплатой зарплаты имелись фактически везде, горняки сравнительно благополучных шахт и разрезов также прибегали к акциям протеста. Однако ими использовались такие формы и методы борьбы, которые не наносили урона собственным и смежным предприятиям, например, пикеты, демонстрации, митинги и т.п. Главной целью их участия в акциях протеста являлся поиск диалога с правительством России. Данную цель, в общем, поддерживали профсоюзы, в том числе и отраслевые. Заметным образом в течение второго этапа такую позицию усиливал Росуглепрофсоюз.

Важнейшим направлением умеренно настроенной части шахтёров являлось изменение правительством РФ курса реструктуризации отрасли в сторону усиления социальной защиты. Данная задача не противоречила интересам радикально настроенной части горняков, которые, в сущности, готовы были идти на

уступки Кремлю в случае позитивных перемен в социально-экономической сфере угольных территорий. Реальные и эффективные преобразования, по мнению не только рабочих, но и менеджмента шахтёрских предприятий, могли решить весь комплекс отраслевых проблем, а также вопросы жизнедеятельности городов и посёлков. Отсутствие среди рабочих всеохватывающей реальной политической солидарности во время всероссийских «рельсовых войн» в мае 1998 г., а также ужесточение конкурентной борьбы между угледобывающими предприятиями и компаниями актуализировали эту задачу в конце второго этапа. Ведущую роль в её претворении стали играть отраслевые профсоюзы. Они укрепили своё влияние на протестную активность горняков после стихийных акций протеста, которые имели весьма противоречивые результаты. Таким образом, шахтёрское сообщество дало сигнал Кремлю о готовности пересмотреть цели и задачи своей борьбы.

На третьем этапе наблюдалось значительное снижение протестной активности рабочих угольной промышленности. Ещё какую-то заметную борьбу они показывали в августе–сентябре 1998 г. Дальше наблюдался стремительный спад. Данные изменения во многом стали следствием малопродуктивной борьбы на предыдущем этапе. Они так и не смогли «поменять» президента. Шахтёрское сообщество было деморализовано, их борьба испытала серьёзнейший кризис. Ухудшение социально-экономического положения во второй половине 1998 г. не привело к новым масштабным акциям протеста. Всё меньше россиян верили в протестные возможности горняков, которые и сами стали сомневаться в способности достижения далеко идущих целей [22]. Это определило изменение стратегии и тактики отстаивания их трудовых прав и интересов. Несмотря на дальнейшее политическое давление осенью 1998 г., мало кто верил в возможность отставки президента РФ. Шахтёрская борьба приобрела разрозненный и ещё более конъюнктурный характер с преобладанием социально-экономических требований.

Вполне закономерно, что в основе новой стратегии и тактики протестного движения коренилась потребность сохранения места и роли шахтёров в общественно-политических процессах российского государства. Радикально настроенным горнякам пришлось менять содержание борьбы, так как их самостоятельные усилия не имели того эффекта, который был в 1989 г. За время реформ их стало значительно меньше (примерно в два раза [23. С. 17]), а действия носили разрозненный характер. Рабочие угольной промышленности были вынуждены ориентироваться и на общественное мнение, которое уже летом 1998 г. стало меняться не в их пользу [24. С. 71]. С августа того года целью протестного движения шахтёров стал поиск взаимовыгодного компромисса с властью, т.е. возобладал подход, ранее характерный только для умеренно настроенной их части. Достижение компромисса, с одной стороны, позволяло горнякам снять общественно-политическую напряжённость в угледобывающих регионах и начать совместно с органами власти и управления решать социально-экономические вопросы городов и посёлков, с другой – сохранить свой, и так ослабленный, статус и авторитет.

Нельзя утверждать о полной капитуляции горняков перед властью. Отдельные заметные акции протеста, хоть и по убывающей, но всё-таки происходили. К тому же в стране имелись и другие факторы дестабилизации общественно-политической обстановки (финансовый дефолт, ситуация на Северном Кавказе и т.д.), что не позволяло недооценивать протестный потенциал шахтёров. Компромисс был выгоден власти, поэтому начиная с мая она обозначила свои намерения по активизации действий в решении проблем угольной промышленности. В июне–июле наблюдалась позитивная динамика сокращения задолженности по зарплате шахтёрам. В итоге в августе–сентябре 1998 г. произошла существенная трансформация цели их протестного движения. Это изменение имело обратную эволюцию – от радикального до компромиссно-соглашательского подхода.

Ослабление протестного движения, а в результате – изменение его цели внесло свои коррективы в перечень задач шахтёров. Первой и главной из них становится поддержка действий отраслевых профсоюзов, которые стали основным контрагентом правительства РФ. Вторая, логически связанная с главной, – это ограничение шахтёрских коллективов от влияния леворадикальных общественно-политических партий и движений.

Рабочие угольной промышленности были согласны на компромисс с властью, но при этом пытались извлечь для себя максимальную выгоду. Так как власть показывала готовность контактировать только с официальными представителями, важнейшей задачей для всех сторон, заинтересованных в выводе угольной промышленности из кризиса, являлась поддержка отраслевых профсоюзов. Решение данной задачи позволяло горнякам в конструктивной форме выражать своё недовольство, выстраивать взаимовыгодный механизм сотрудничества, сохранять достойные место и роль в общественно-политических процессах. На это указывает факт заметного снижения количества стихийных и незаконных акций протеста. Все массовые и резонансные действия по отстаиванию социально-экономических интересов возглавляли шахтёрские профсоюзы.

Еще одной важной и взаимосвязанной с предыдущими задачей стало ограждение шахтёрских коллективов от влияния леворадикальных общественно-политических партий и движений. Таким образом укреплялось доминирование отраслевых профсоюзов, сохранялась политическая самостоятельность и независимость шахтёров как крупной социально-профессиональной группы. Отказ от массовых и радикальных акций протеста гарантировал доверительное и взаимовыгодное сотрудничество с властью.

Политический консенсус с властью осенью 1998 г. явился выгодным манёвром лидеров шахтёрских профсоюзов, позволившим перегруппировать силы для дальнейшей борьбы. В сложившихся политических и экономических условиях они уже не помышляли об открытом противостоянии с властью, стали ориентироваться на легальные формы защиты трудовых прав. В

следующем, 1999 г. основные политические надежды рабочих угольной промышленности были связаны с предстоящими парламентскими выборами. Это явилось следствием улучшения макроэкономической ситуации в стране, политической «усталости» шахтёров, а также усиления правовой ответственности как за задержку заработной платы, так и за участие в незаконных акциях протеста. В последние месяцы третьего этапа рабочие угольной промышленности стали объектом активной предвыборной борьбы со стороны партий и общественных движений. По справедливому мнению С.В. Позднякова, «партийное строительство существенно оттянуло на себя энергию политического протеста, отвлекло широкие массы от стихийных проявлений протестного характера, породило надежды на возможность решения актуальных жизненных проблем с помощью политических институтов, декларирующих заботу о различных категориях населения как свою основную задачу» [25. С. 118].

Взаимовыгодное сотрудничество определило цель протестного движения шахтёров того времени – отстаивание экономических интересов собственных предприятий. Эта цель не имела конфронтационного характера, устраивала все стороны, заинтересованные в решении социально-экономических вопросов шахтёрских территорий, в том числе и власть, которая действительно шла на уступки.

Таким образом, ослабление протестного потенциала шахтёров обусловило существенную трансформацию целеполагающих действий, которые стали вписываться в либерально ориентированную систему общественно-политических отношений.

Возвращаясь к поднятому в начале статьи вопросу, отмечу следующее. Если и была со стороны рабочих угольной промышленности угроза либерально-демократическому развитию России в течение рассматриваемого периода, то только в момент пика их протестного движения – это май 1998 г. Однако даже в тот критический для страны момент они особо не скрывали приоритет своих материальных интересов над политическими [26. С. 89]. В реальности целевые установки борьбы шахтёров в 1990-е гг. мало соответствовали духу забастовочного движения «перестроечного» периода. Это стало причиной частой критики в их адрес со стороны либеральных идеологов рабочего движения, в том числе критики необоснованной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гордон Л.А.* Крутой пласт: Шахтёрская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен. М., 1999.
2. *Кацва А.М.* Массовый протест в социально-трудовой сфере. Коллективные действия наемных работников в современной России: истоки, проблемы и особенности. М. ; СПб., 2002.
3. *Ильин В.И.* Власть и уголь: шахтёрское движение Воркуты (1989–1998 годы). Сыктывкар, 1998.
4. *Борисов В.А.* Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989–99 гг.). М., 2001.
5. *Максимов Б.И.* Рабочие в реформируемой России, 1990-е – начало 2000-х годов. СПб., 2004.
6. *Лопатин Л.Н.* Шахтёры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989–90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения.). Кемерово, 2009.
7. *Воронин Д.В., Воронина Н.В.* Голоса шахтёров 90-х. Томск, 2013.
8. *Национальный* архив Республики Коми. Ф. Р-1307. Оп. 1. Д. 1880.
9. *Хроника* трудового подвига. Междуреченск, 2005.
10. *Шальнев Б.* Цены выше крыши // Горняцкая солидарность (Новокузнецк). 1992. 23 янв.
11. *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 661. О. 1. Д. 268.
12. *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1578.
13. *Архивный* отдел администрации г. Берёзовского Кемеровской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 7.
14. *Пяткин А.М.* Социальная напряженность в углепромышленных регионах: социальный феномен, реальность и перспектива // Уголь. 2005. № 9.
15. *Борисов В., Бурнышев К.* Кузбасс: перед большим огнем // ЭКО. 1997. № 9.
16. *Центр* документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 3703. Оп. 1. Д. 32.
17. *Петрова А.* Россияне об акциях протеста. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/of19981603 (дата обращения: 13.02.2015).
18. *Ильясова Г.* Курс на Москву! // Заполярье (Воркута). 1998. 27 мая.
19. *Кертман Г.Л.* «Рельсовая война» в политическом измерении. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/form_anti/o836301 (дата обращения: 13.02.2015).
20. *Соловенко И.С.* «Рельсовые войны» в России в 1998 году. Томск, 2011.
21. *Акции* протеста шахтеров в мае 1998 года (информационно-аналитический обзор) // Горняцкая солидарность. 1998. 14 авг.
22. *Постановление* Независимого профсоюза горняков Воркуты, Воркутинской организации Росуглепрофсоюза и Воркутинского профсоюза горных инженеров // Заполярье. 1998. 4 авг.
23. *Яновский А.Б., Скрыль А.И.* Реструктуризация угольной промышленности России: предпосылки, опыт, проблемы, перспективы // Уголь. 1999. № 7.
24. *Анисимова Г.В.* Оплата труда и забастовочная активность трудящихся в 1990–2000 годы // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М., 2004.
25. *Позднякова С.В.* Политический протест : дис. … канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2002.
26. *Поцелуев С.П.* Ритуализация конфликта (по материалам «рельсовой войны» 1998 г.) // Полис. 2004. № 3.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 марта 2015 г.

GOALS AND OBJECTIVES OF RUSSIAN MINERS' PROTEST MOVEMENT DURING THE TRANSITION TO MARKET ECONOMY (1992–1999)

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 143-149. DOI 10.17223/15617793/394/24

Solovenko Igor S. Yurga Institute of Technology of Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: igs-71@rambler.ru

Keywords: Russia; transition to market economy; miners; protests; goals; objectives.

In the evolution of goals and objectives of miners' protest movement in the 1990s, a number of separate stages can be identified. *In the first phase (1992–1997)* officially organized miners' protests were aimed at fighting against "anti-reform forces". Its implementation was based on two tasks. The first one concerned opposition to the antagonists of liberal reforms. The second one aimed at fighting with the local "culprits" of the crisis. Meanwhile, the social and economic problems of coal-mining areas got worse. The aim of the protest movement changed. It became opposite to the government's policy. The new goal significantly transformed the tasks of the protest movement, they included: 1) struggle with those who did not trust the local authorities; 2) criticism of the social and economic policy of the government; 3) increasing protests and involving their supporters; 4) advocacy of both economic and political demands. Miners did not achieve serious results, which provoked further radicalization of their struggle. *In the second phase (January – July 1998)*, the protest movement of miners aimed at resignation of the president. The main goal was to try to persuade Yeltsin to resign. The task of uniting all opposition political forces around the miners was closely related to it in order to provide even more pressure on the Kremlin. However, Boris Yeltsin, using a wide range of financial and political measures, managed to reduce the disagreement of workers and retain the presidency. Miners' hopes on their own strengths did not materialize. They had to soften their political claims. *In the third phase (August 1998 – 1999),* the aim of miners' protest movement was to find a compromise with the government. The main task was to support actions of trade unions, which became the main contractor of the government. The second problem concerned the restriction of miner collectives from the influence of left radical political organizations. Thus, weakening of miners' protest potential identified a substantial transformation of purposeful actions, which entered into the liberal-oriented system of social and political relations. If there was a threat to the liberal-democratic development of Russia from the workers of coal industry in the period under review, it was only at the peak of their protest movement in May, 1998. But even at that critical moment for the country they did not avoid the priority of their material interests over political ones. In reality, the goals of miners' struggle in the 1990s did not match the goals of a strike movement during the period of perestroika. This was the reason for their frequent criticism from the liberal ideologists of labor movement, including the unfounded one.

REFERENCES

1. Gordon L.A. *Krutoy plast: Shakhterskaya zhizn' na fone restrukturizatsii otrasli i obshcherossiyskikh peremen* [A steep seam: Miner's life against the background of the restructuring of the industry and nationwide change]. Moscow: fond "Reformugol'", 1999. 352 p.
2. Katsva A.M. *Massovyy protest v sotsial'no-trudovoy sfere. Kollektivnye deystviya naemnykh rabotnikov v sovremennoy Rossii: istoki, problemy i osobennosti* [Mass protests in social and labor sphere. Collective actions of employees in modern Russia: origins, challenges and features]. Moscow; St. Petersburg: Letniy sad Publ., 2002. 200 p.
3. Il'in V.I. *Vlast' i ugol': shakhterskoe dvizhenie Vorkuty (1989–1998 gody)* [Power and coal: miners' movement in Vorkuta (1989–1998)]. Syktyvkar: Syktyvkar State University Publ., 1998. 270 p.
4. Borisov V.A. *Zabastovki v ugol'noy promyshlennosti (analiz shakhterskogo dvizheniya za 1989–99 gg.)* [The strike in the coal industry (the analysis of the miners' movement of 1989–99)]. Moscow: ISITO Publ., 2001. 416 p.
5. Maksimov B.I. *Rabochie v reformiruemoy Rossii, 1990-e – nachalo 2000-kh godov* [Workers in the reformed Russia, 1990s – early 2000s]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2004. 277 p.
6. Lopatin L.N. *Shakhtery i "nachal'stvo" o rabochem dvizhenii Kuzbassa v 1989–90-e gg. K 20-letiyu zabastovki (Istoriografiya. Analiz. Mneniya)* [The miners and the "bosses" of the labor movement in Kuzbass in 1989 – 1990s. To the 20th anniversary of the strike (Historiography. Analysis. Opinions)]. Kemerovo, 2009. 224 p.
7. Voronin D.V., Voronina N.V. *Golosa shakhterov 90-kh* [The voices of the miners of the '90s]. Tomsk, 2013.
8. National Archive of the Republic of Komi. Fund R-1307. List 1. File 1880.
9. Korolyov B.A. (ed.) *Khronika trudovogo podviga* [Chronicle of the labor deed]. Mezhdurechensk: Kontakt Publ., 2005. 427 p.
10. Shal'nev B. Tseny vyshe kryshi [Sky-high prices]. *Gornyatskaya solidarnost'*, 1992, 23 January.
11. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 661. List 1. File 268.
12. State Archive of the Russian Federation. Fund 10128. List 1. File 1578.
13. Archive Department of the Administration of Berezovsky city of Kemerovo Oblast. Fund 55. List 1. File 7.
14. Pyatkin A.M. Sotsial'naya napryazhennost' v uglepromyshlennykh regionakh: sotsial'nyy fenomen, real'nost' i perspektiva [Social tensions in the coal-mining regions: social phenomenon, reality and prospects]. *Ugol'*, 2005, no. 9.
15. Borisov V., Burnyshev K. Kuzbass: pered bol'shim ognem [Kuzbass: in front of a large fire]. *EKO*, 1997, no. 9.
16. Documentation Centre of the Modern History of Rostov Oblast. Fund 3703. List 1. File 32.
17. Petrova A. Rossiyane ob aktsiyakh protesta [Russians about the protests]. Available from: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/of19981603. (Accessed: 13.02.2015).
18. Il'yasova G. Kurs na Moskvu! [To Moscow!]. *Zapolyar'e*, 1998. 27 maya.
19. Kertman G.L. *"Rel'sovaya voyna" v politicheskom izmerenii* ["Rail war" in the political dimension]. Available from: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/form_anti/o836301. (Accessed: 13.02.2015).
20. Solovenko I.S. *"Rel'sovye voyny" v Rossii v 1998 godu* ["Rail war" in Russia in 1998]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publ., 2011. 209 p.
21. Aktsii protesta shakhterov v mae 1998 goda (informatsionno-analiticheskiy obzor) [he protests of miners in May 1998 (information-analytical review)]. *Gornyatskaya solidarnost'*, 1998. 14 August.
22. Postanovlenie Nezavisimogo profsoyuza gornyakov Vorkuty, Vorkutinskoy organizatsii Rosugleprofsoyuza i Vorkutinskogo profsoyuza gornykh inzhenerov []. *Zapolyar'e*, 1998. 4 August.
23. Yanovskiy A.B., Skryl' A.I. Restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti Rossii: predposylki, opyt, problemy, perspektivy [The restructuring of the coal industry of Russia: prerequisites, experience, problems and prospects]. *Ugol'*, 1999, no. 7.
24. Anisimova G.V. *Oplata truda i zabastovochnaya aktivnost' trudyashchikhsya v 1990–2000 gody* [Wages and strike activity of workers in 1990s – 2000s]. In: Churakov D.O. (ed.) *Rabochie v Rossii: istoricheskiy opyt i sovremennoe polozhenie* [Workers in Russia: historical experience and current situation]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 303 p.
25. Pozdnyakov S.V. *Politicheskiy protest*: dis. kand. polit. nauk [The political protest. Political Science Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2002.
26. Potseluev S.P. Ritualization of a Conflict (With Materials of the 1998 "Rails War" Examined). *Polis – Polis. Political Studies*, 2004, no. 3, pp. 83–94. (In Russian).

Received: 24 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 150–153. DOI 10.17223/15617793/394/25

ПРАВО

УДК 343.57

Р.А. Семенюк

НЕКОТОРЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Анализируются основные количественно-качественные показатели преступлений, совершаемых в состоянии опьянения. Рассматриваются наиболее актуальные, по нашему мнению, меры предупреждения пьяных преступлений: пропаганда культуры пития; создание социально-правовой системы предупреждения пьянства, алкоголизма, наркомании; запрет производства дешевого алкогольного суррогата; ликвидация неконтролируемого выпуска и сбыта низкокачественного дешевого алкоголя; ограничение производства алкогольной продукции; защита здоровья граждан, повышение уровня культуры, правосознания, нравственности, моральных принципов, организация досуга и труда, бытовая обустроенность нуждающихся и др.

Ключевые слова: преступления в состоянии опьянения; пьянство; алкоголизм; наркомания; меры предупреждения.

Анализ количественно-качественных показателей преступлений, совершаемых в состоянии опьянения на территории России, показал, что их количество и удельный вес с 2010 г. стабильно увеличиваются. Похожая динамика наблюдается в большинстве субъектов Российской Федерации [1].

В Концепции общественной безопасности Российской Федерации также отмечается, что значительное количество преступлений совершается в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Это свидетельствует об осложнении криминогенной обстановки в стране вследствие массового злоупотребления алкогольной продукцией, а также немедицинского потребления наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров [2].

Наибольший удельный вес преступлений (от числа расследованных), совершаемых в состоянии опьянения, наблюдается в Чукотском АО (51,6%), Кировской области (47,5%), Республике Тыва (46,5%), Республике Саха (45,8%), Курганской области (45,2%), Республике Алтай (44,1%), Кемеровской области (43,9%), Республике Коми (43,5%) , Республике Башкортостан (43,2%), Вологодской области (42,7%) [3].

Динамика числа зарегистрированных преступлений, совершенных в состоянии опьянения в России за 2008–2014 гг.

Преступления (без Крымского федерального округа)	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Преступления, совершенные в состоянии опьянения	244 622	228 461	252 111	282 185	340 547	369 372	384 836
Темпы прироста по сравнению с предыдущим годом, %	–10,7	–6,6	+10,3	+11,9	+20,7	+8,5	+19,7
Удельный вес от расследованных преступлений, %	14,2	13,9	17,6	21,5	27,2	29,8	32.7
Удельный вес от всех зарегистрированных преступлений, %	7,6	7,6	9,6	11,7	15	16,7	17,7

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России за 2014 г. почти каждое третье (29,9%) преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения. В Крымском федеральном округе почти каждое шестое (17,4%). Также стабилен рост (на 16,5% по сравнению с 2013 г.) и удельный вес (2,8% по отношению ко всем расследуемым преступлениям) преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения [3].

Только по официальным данным на душу российского населения в год (в перерасчете на абсолютный алкоголь) приходится 12 литров чистого спирта [4]. По заявлению Федеральной службы по контролю за наркотиками Российской Федерации, на 2014 г. рынок наркопотребления в России составляет 3 миллиона человек [5].

В России множество раз пытались решить проблему зависимости от алкоголизма, наркомании, токсикомании и преступлений, связанных с этими болезнями. В настоящее время алкоголизму и наркомании противостоит и законодательство, и медицина, и полиция, и мораль, и различные антиалкогольные, антинаркотические организации. Но это противодействие неэффективно потому, что причины данных негативных явлений лежат гораздо глубже, в жизнедеятельности населения, в неразрывной связи с общими социально-историческими, экономическими, семейно-бытовыми, нравственными, идеологическими, политическими и правовыми причинами. В итоге в настоящее время не работает система социальной профилактики пьянства, алкоголизации, наркотизации населения, отсутствует суровое и неотвратимое наказание за преступления и административные правонарушения, совершаемые в состоянии опьянения, а также связанные с незаконным оборотом алкогольной продукции и наркотиков. Эти наказания неэффективны, поскольку в большинстве своем они выражаются в

виде штрафа либо лишения свободы условно. Даже те больные, которые понесли реальное наказание в виде лишения свободы, при освобождении из исправительного учреждения остаются без должного внимания и в итоге продолжают алко- и (или) наркопотребление. Таким образом, практика показывает, что при отбытии уголовного наказания у освобождаемых больных лиц практически отсутствуют возможность, желание и волевая целеустремленность пройти полный курс лечения от алкоголизма либо наркомании до полного выздоровления.

Однако борьба с пьянством, алкоголизмом и наркоманией продолжается. Например, в 2009 г. разработана Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 г. Она направлена на снижение объемов потребления населением алкогольной продукции, улучшение демографической ситуации в стране, увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, формирование стимулов к здоровому образу жизни. В процессе обеспечения реализации данной концепции предусматривается создание единой системы государственного статистического наблюдения за потреблением алкогольной продукции населением страны, в том числе молодежью, на основе современных информационных технологий и с учетом международного опыта. Разработаны меры по реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации [4].

В 2010 г. вступила в силу Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г., направленная на совершенствование системы мер по сокращению спроса на наркотики, профилактику немедицинского потребления наркотиков, реабилитацию больных наркоманией [6]. С 2014 г. действует новая Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения», предусматривающая профилактику заболеваний и формирование здорового образа жизни, сокращение смертности, в том числе от потребления алкогольной продукции [7].

В субъектах Российской Федерации разрабатываются региональные программы, направленные на снижение объемов потребления алкогольной продукции, профилактику алкоголизма с учетом специфики каждого региона (доли сельского населения, обычаев и традиций) и в соответствии с мероприятиями, реализуемыми в сфере образования и здравоохранения.

Осуществляется и медицинская профилактика наркологических заболеваний. К ней относятся такие мероприятия, как информирование населения в средствах массовой информации, в сети Интернет, через системы мобильной связи о негативном влиянии на здоровье злоупотребления психоактивными веществами; раннее выявление лиц, употребляющих наркотики; разработка и внедрение программ медицинской профилактики для лиц, совершивших правонарушения в состоянии опьянения, и др. [8].

Сегодня во многих образовательных организациях проводятся тестирования учащихся на употребление алкоголя, наркотиков, циклы профилактических бесед, видеолекций по профилактике алкоголизма и наркомании, обучающие семинары для педагогов по раннему выявлению лиц, склонных к употреблению наркотических веществ. Все эти мероприятия необходимы в целях снижения уровня алкоголизма, наркомании и преступлений, совершаемых в состоянии опьянения.

Практика показывает, что состояние опьянения значительно повышает вероятность совершения как умышленных, так и неосторожных преступлений, а также риск виктимизации. Многократно возрастает риск случайного совершения преступления. Например, преступная активность лиц, больных алкоголизмом, превышает аналогичную активность умеренно употребляющих спиртное в 100 раз [9. С. 309]. В связи с вышеизложенным мы согласны с принятием мер по возвращению государственной монополии на производство и реализацию алкогольной продукции, а также реанимацию отечественного опыта принудительного лечения лиц, больных алкоголизмом [10. С. 27–30] и наркоманией.

По нашему мнению, наиболее актуальными в настоящее время являются следующие меры предупреждения преступлений, совершаемых в состоянии опьянения:

1. Пропаганда культуры пития. Профессор И.М. Мацкевич предлагает возродить народные праздники, гуляния, фестивали, одновременно постепенно навязывая умеренное употребление на этих праздниках алкогольных напитков [11. С. 844–854]. В процессе проведения праздничных мероприятий крепкие спиртные напитки нами предлагается продавать и разливать только с горячей пищей и только совершеннолетним лицам в специально оборудованных для этого местах.

В рамках воспитательной работы в общеобразовательных школах следует разъяснять учащимся общественную опасность и последствия чрезмерного употребления спиртного, наркомании и токсикомании. В целях более глубокого осознания проблем алкоголизации и наркотизма среди населения, с учетом категории обучающихся, предлагается создавать «Школы по профилактике алкоголизма и наркомании».

2. Запрет производства дешевого алкогольного суррогата и борьба с производителями спиртосодержащей продукции, не отвечающей обязательным требованиям стандартов, санитарных правил и гигиенических нормативов. Предлагается ликвидировать неконтролируемый выпуск, сбыт низкокачественного дешевого алкоголя и одновременно наладить производство высококачественной спиртной продукции. Обеспечение данного направления возможно, если в этом будут заинтересованы не только общество и государство, но и сами предприниматели, производящие алкогольную продукцию. При этом следует обеспечить жесткий контроль над производством высококачественного алкоголя.

3. Ограничение производства спиртных напитков, которые нами предлагается продавать только в специализированных магазинах либо в отдельных помещениях (залах) продуктового магазина, куда вход несо-

вершеннолетним был бы запрещен, о чем следует информировать граждан.

4. Защита здоровья граждан, повышение уровня культуры, правосознания, нравственности, моральных принципов, организация досуга и труда, бытовая обустроенность нуждающихся. Все эти мероприятия необходимы в целях предупреждения и пресечения алкоголизма и наркомании, и, соответственно, они будут способствовать снижению преступлений, совершаемых в состоянии опьянения. Как отмечают А.А. Зеленцов и Е.В. Коломийченко, снизить развитие алкоголизма в стране – значит сократить рост и развитие преступности в целом [12. С. 154].

При этом немаловажное значение имеет и общественное воздействие. Поэтому каждый факт правонарушений, совершаемых в состоянии опьянения, мы предлагаем рассматривать на собраниях трудовых коллективов, где следует формировать атмосферу нетерпимости и общественного осуждения употребления алкоголя либо наркотиков.

5. Создание социально-правовой системы предупреждения пьянства, алкоголизма, наркомании и пьяных преступлений, направленной не только на ужесточение наказаний за преступления, совершенные в состоянии опьянения, но и на создание системы реабилитации лиц, больных алкоголизмом и наркоманией. Возможно воссоздание соответствующих лечебных профилакториев (ранее действующих в советское время), которые предусматривали обязательное или принудительное лечение от алкоголизма и наркомании.

Во многих регионах России одним из основных направлений предусматривается воссоздание системы социальной профилактики правонарушений, направленной на активизацию борьбы с пьянством, алкоголизмом, наркоманией, преступностью, безнадзорностью несовершеннолетних, незаконной миграцией, на ресоциализацию и адаптацию лиц, освободившихся из мест лишения свободы [13]. Однако состояние и уровень пьяной преступности продолжают расти.

При привлечении лиц, больных алкоголизмом либо наркоманией, к административной либо уголовной ответственности нами предлагается в обязательном порядке учитывать возможность прохождения соответствующего лечения. Сегодня на больных наркоманией, находящихся под диспансерным наблюдением и продолжающих потреблять наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо уклоняющихся от лечения, а также на лиц, привлеченных к административной ответственности и нуждающихся в лечении от наркомании, по решению суда может быть возложена обязанность пройти лечение от наркомании. Лицо считается уклоняющимся от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании, если оно не посещает или самовольно покинуло медицинскую организацию или учреждение социальной реабилитации либо не выполнило более двух раз предписания лечащего врача [14]. При этом Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена ответственность за уклонение от лечения только от наркомании, а от алкоголизма – нет. Также, согласно ст. 82^1 УК РФ, больным наркоманией предоставляется возможность отсрочки отбывания наказания.

Однако практика показывает, что этих мер явно недостаточно. Анализ результатов проведенного нами опроса медицинских работников показал, что лечиться алкоголики и наркоманы не желают. В медицинские организации добровольно за помощью обращаются примерно 1–3% наркопотребителей и 6–8% – лиц, злоупотребляющих алкоголем. Остальные лечиться либо не хотят, либо вообще не признают себя алкоголиками или наркозависимыми, либо материально не в состоянии, либо не хватает силы воли полностью пройти курс лечения. Выход мы видим один – это возврат принудительного лечения лиц, больных алкоголизмом либо наркоманией, совершивших преступление либо административное правонарушение.

Таким образом, суду (судьям) при назначении наказания следует возлагать обязанность алкоголикам и наркоманам пройти соответствующее лечение. Иначе профилактика пьяных преступлений, а также алкоголизма и наркомании будет по-прежнему неэффективной. Кроме того, при проведении индивидуальной профилактической работы с больными алкоголизмом или наркоманией необходимо понимать, что только медицинскими мерами их излечение невозможно. Врач может вылечить тело, но не душу. Поэтому меры профилактического воздействия (по возможности) следует проводить совместно с представителями Русской православной церкви, родными и близкими больного, имеющими желание и возможность оказания необходимой помощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Состояние* преступности в России за 2009–2014 годы // Статистические данные о состоянии преступности и правонарушений (полная база данных ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России»). URL: http://10.5.0.15/ntica.misc /ntica_in.php
2. *Концепция* общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г.) // СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru, свободный (дата обращения: 11.01.2015).
3. *Состояние* преступности в России за 2014 год // Статистические данные о состоянии преступности и правонарушений (полная база данных ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России»). URL: http://10.5.0.15/ntica.misc/ntica_in.php
4. *Концепция* реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. № 2128-р. // Собрание законодательства РФ. 11.01.2010. № 2. Ст. 264.
5. *Информационно-аналитическая* справка о наркоситуации в Российской Федерации и результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков за 9 месяцев 2014 года. URL: http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/index.shtml, свободный (дата обращения: 20.01.2015).
6. *Стратегия* государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690 // Российская газета. № 128. 15.06.2010.
7. *Об утверждении* Государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 294 // Собрание законодательства РФ. 28.04.2014. № 17. Ст. 2057.

8. *Об утверждении* Концепции модернизации наркологической службы Российской Федерации до 2016 года: Приказ Министерства здравоохранения России от 5 июня 2014 года № 263 // СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru, свободный (дата обращения: 11.01.2015).
9. *Иншаков С.М.* Криминология : учеб. М., 2000.
10. *Ендольцева А.В., Никитин А.М.* Пьянство, его истоки и криминологическая сущность // Российский следователь. 2013. № 18.
11. *Мацкевич И.М.* Алкоголь и преступность // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7.
12. *Зеленцов А.А., Коломийченко Е.В.* Общая характеристика преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Бизнес в законе. 2010. № 4.
13. *Об утверждении* стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года: Закон Алтайского края от 21.11.2012 г. № 86-ЗС // Алтайская правда. № 350-354. 29.11.2012.
14. *Кодекс* Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СПС Консультант Плюс / Компания «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru, свободный (дата обращения: 20.01.2015).

Статья представлена научной редакцией «Право» 07 февраля 2015 г.

SOME MEASURES ON THE PREVENTION OF DRUNK CRIME

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 150-153. DOI 10.17223/15617793/394/25

Semeniuk Ruslan A. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation) E-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

Keywords: crime in the state of intoxication; drunkenness; alcoholism; drug addiction; prevention measures.

In Russia there have been lots of attempts to solve the problem of addiction to alcohol, drugs, toxic substances and of crimes associated with these diseases. Currently, legislation, medicine, police, morals, various anti-alcohol and anti-drug organizations oppose alcohol and drug abuse. But those activities are ineffective because the reasons for these negative phenomena are much deeper: in the way of life of the population, in close connection with general socio-historical, material and economic, moral, ideological, political and legal reasons. As a result, at present time the system of social prevention of alcoholism, alcohol abuse, drug addiction of the population does not work, there are no severe and enforceable penalties for crimes and administrative offenses committed in a state of intoxication, as well as for illicit trafficking of alcohol and drugs. These penalties are ineffective because most of them are inflicted in the form of a fine or suspended imprisonment. Even those patients who have suffered the real punishment of imprisonment, upon release from the correctional facility, are overlooked, and as a result, they continue alcohol and (or) drug abusing. In our opinion, at the moment the most relevant measures to prevent crimes committed in a state of intoxication are as follows: 1. Promotion of culture of drinking. We propose to sell strong alcohol beverages only accompanied with hot food and only for adult persons in specially equipped areas during celebrations. 2. Prohibition of the production of cheap alcohol surrogate and the fight against those manufacturers producing alcohol beverages which do not meet mandatory requirements of standards, sanitary and hygienic norms. It is proposed to eliminate uncontrolled production, sales of low-quality cheap alcohol and simultaneously set up production of high-quality alcoholic products. 3. Limitation of the production of alcoholic beverages, which are proposed to sell only in special stores or in a separate department (departments) of a food shop with prohibited access for teenagers. The citizens have to be informed about this limitation. 4. Protection of public health, raising of level of culture, justice, morality, moral principles, organization of leisure and work, living conditions of those in need, etc. 5. Creation of a socio-legal system of prevention of drunkenness, alcoholism, drug addiction and drunken crimes aimed not only at increasing penalties for crimes committed while intoxicated, but also at the creation of a system of rehabilitation of persons suffering from alcoholism and drug addiction.

REFERENCES

1. The state of crime in Russia in 2009–2014. Available from: http://10.5.0.15/ntica.misc /ntica_in.php. (In Russian).
2. Konsul'tant Plyus Legal Reference System. The concept of public security in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on November 20, 2013). Available from: http://www.consultant.ru. (Accessed: 11.01.2015). (In Russian).
3. The state of crime in Russia in 2014. Available from: http://10.5.0.15/ntica.misc/ntica_in.php. (In Russian).
4. The concept of implementation of public policy to reduce the abuse of alcohol and to prevent alcoholism among the population of the Russian Federation for the period up to 2020: the Order of the Government of the Russian Federation of December 30, 2009 no. 2128-p. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 11.01.2010, no. 2, Art. 264. (In Russian).
5. Information and analytical report on the drug situation in the Russian Federation and the results of the fight against drug trafficking for 9 months of 2014. Available from: http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/index.shtml. (Accessed: 20.01.2015). (In Russian).
6. Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation until 2020: Presidential Decree dated June 9, 2010 no. 690. *Rossiyskaya gazeta*, 15.06.2010, no. 128. (In Russian).
7. On approval of the State program of the Russian Federation "Health Development": Resolution of the Government of the Russian Federation dated April 15, 2014 no. 294. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 28.04.2014, no. 17, Art. 2057. (In Russian).
8. Konsul'tant Plyus Legal Reference System. On approval of the Concept of modernization of the Drug Service of the Russian Federation until 2016: Order of the Russian Ministry of Health of June 5, 2014 no. 263. Available from: http://www.consultant.ru. (Accessed: 11.01.2015). (In Russian).
9. Inshakov S.M. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 2000. 432 p.
10. Endol'tseva A.V., Nikitin A.M. P'yanstvo, ego istoki i kriminologicheskaya sushchnost' [Drunkenness, its origins and criminological essence]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*, 2013, no. 18.
11. Matskevich I.M. Alkogol' i prestupnost' [Alcohol and crime]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, 2013, no. 7, pp. 844–854.
12. Zelentsov A.A., Kolomiychenko E.V. The characteristics of the crimes committed while under the influence of alcohol. *Biznes v zakone – Business in Law*, 2010, no. 4, pp. 153–156. (In Russian).
13. On approval of the strategy for the socio-economic development of the Altai Territory to 2025: the Law of the Altai Territory of 21.11.2012, no. 86-AP. *Altayskaya pravda*, no. 350-354. 29.11.2012. (In Russian).
14. Konsul'tant Plyus Legal Reference System. The Russian Federation Code of Administrative Offences: Federal Law of December 30, 2001 no. 195-FZ. Available from: http://www.consultant.ru. (Accessed: 20.01.2015).

Received: 07 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 154–158. DOI 10.17223/15617793/394/26

УДК 347.922.33

Л.Г. Щербаков

РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ПРИСУЖДЕНИИ КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СУДОПРОИЗВОДСТВО В РАЗУМНЫЙ СРОК И ПРАВО НА ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ В РАЗУМНЫЙ СРОК АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ

Статья посвящена актуальной как в теоретическом, так и в практическом плане теме – институту компенсации за нарушения права на судопроизводство в разумный срок. Критикуется действующее процессуальное законодательство. Рассматриваются меры по исправлению недостатков правового регулирования. Авторами предлагается для повышения эффективности действия рассматриваемого законодательного акта усилить надзор и контроль за его реализацией, добиться неотвратимости ответственности виновных за их неисполнение.

Ключевые слова: арбитражные суды; разумный срок; нарушения права; компенсация; исполнение судебного акта.

Эффективность судебной защиты прав и свобод человека и гражданина во многом зависит от своевременности рассмотрения дел в судах и от исполнения судебных актов в разумные сроки. Гарантии обеспечения заинтересованным лицам, в том числе участникам арбитражного процесса и исполнительного производства, права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок установлены ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее Закон о компенсации) [1], вступившим в силу 4 мая 2010 г. Данный закон ввел в российскую судебную систему компенсационный механизм защиты прав граждан и организаций, которые были нарушены в процессе судебного разбирательства и при исполнении судебного акта.

Согласно ст. 6.1 АПК РФ [2] судопроизводство в арбитражных судах осуществляется в разумные сроки. Разумный срок судопроизводства в арбитражных судах представляет собой период со дня поступления искового заявления или заявления в арбитражный суд первой инстанции до дня принятия последнего судебного акта по делу.

Осуществление судопроизводства в арбитражных судах в разумный срок, а также исполнение судебного акта в разумный срок в своей основе базируются на следующих принципах:

а) по общему правилу срок рассмотрения отдельных категорий дел и исполнения судебных актов устанавливается соответствующими главами АПК РФ либо иными федеральными законами (например, ФЗ о банкротстве [3], ФЗ Об исполнительном производстве [4]);

б) нарушение процессуальных сроков рассмотрения дела или исполнения судебного акта, установленных законов не означает автоматического нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта (ч. 2 ст. 1 Закона о компенсации);

в) при определении разумного срока учитываются следующие обстоятельства: правовая и фактическая сложность дела, поведение участников арбитражного процесса, достаточность и эффективность действий суда, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, общая продолжительность судебного разбирательства (ч. 3 ст. 6.1, ч. 2 ст. 222.8 АПК РФ);

г) в случае длительного нерассмотрения дела и затягивания процесса заинтересованные лица вправе обратиться с заявлением об ускорении рассмотрения дела к председателю арбитражного суда (ч. 6–7 ст. 6.1 АПК РФ). Такое заявление рассматривается председателем суда в пятидневный срок со дня его поступления в арбитражный суд. По результатам рассмотрения заявления председатель суда выносит мотивированное определение, в котором может быть установлен срок проведения судебного заседания по делу и (или) могут быть указаны действия, которые следует осуществить для ускорения судебного разбирательства. В тексте закона ничего не сказано о том, извещаются ли заинтересованные лица о рассмотрении заявления председателем суда и о проведении судебного заседания по делу, ведется ли протокол процессуальных действий по рассмотрению заявления, возможно ли обжалование определения, вынесенного председателем суда, как быть в случае рассмотрения дела мировым судьей, поскольку у этого звена судебной системы нет председателя.

Закон о компенсации определяет, что нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта является основанием для присуждения компенсации. Следует отметить, что действие Закона о компенсации распространяется на случаи: а) нарушения разумных сроков судопроизводства по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции и арбитражными судами в соответствии с установленными процессуальным законодательством правилами подведомственности; б) нарушения разумных сроков исполнения судебных актов, вынесенных по искам или заявлениям к Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию о возмещении вреда, причиненного физическому или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо их должностных лиц; нарушения разумных сроков исполнения судебных актов, предусматривающих возложение обязанности на органы государственной власти, органы местного самоуправления, их должностных лиц, государственных или муниципальных слу-

жащих произвести выплаты за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета, а также судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета по денежным обязательствам бюджетных (казенных) учреждений. Вместе с тем действие Закона о компенсации не распространяется на требования о присуждении компенсации в случаях нарушения срока исполнения судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на денежные средства граждан, а также организаций, не являющихся получателями бюджетных средств [5].

Присуждаемая компенсация представляет собой денежное возмещение вреда, причиненного вследствие нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, выплачиваемое независимо от вины органа или должностного лица, причинивших этот вред [6].

Согласно ч. 2 ст. 1 Закона о компенсации компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок присуждается в случае, если такое нарушение имело место по причинам, не зависящим от лица, обратившегося с заявлением о присуждении компенсации, за исключением чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (непреодолимой силы).

Дела о присуждении компенсации в арбитражном процессе – это самостоятельная категория дел, отнесенных к ведению арбитражных судов, по рассмотрению требований заинтересованных лиц о присуждении компенсации (определенной денежной суммы) за нарушение права на судопроизводство в арбитражных судах в разумный срок или права на исполнение судебного акта арбитражного суда в разумный срок.

Согласно правилам родовой подсудности арбитражным судом, рассматривающим дела о присуждении компенсации в качестве суда первой инстанции, выступает АС округа (ч. 3 ст. 34 АПК РФ) либо ВС РФ, если требование о присуждении компенсации изложено в заявлении о пересмотре дела в порядке надзора.

Порядок рассмотрения дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в арбитражных судах в разумный срок или права на исполнение судебного акта арбитражного суда в разумный срок регламентирован, помимо Закона о компенсации, также самостоятельной главой 27.1 АПК РФ (в арбитражном процессе первое дело о взыскании компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок было рассмотрено в сентябре 2010 г. ФАС Московского округа: признав факт нарушения прав заявителя на судопроизводство в разумный срок, судом было вынесено решение о присуждении компенсации в размере 10 тыс. рублей) [7].

Глава 27.1 АПК РФ объединяет в совокупности две группы правил, регламентирующих порядок обращения в суд с требованием о присуждении компенсации и особенности судебного разбирательства по делам данной категории.

Порядок обращения в арбитражный суд с требованием о присуждении компенсации установлен следующий.

Заинтересованное лицо, полагающее, что нарушено его право на судопроизводство в разумный срок или право на исполнение судебного акта в разумный срок, вправе обратиться с заявлением о присуждении компенсации:

а) с заявлением о компенсации, связанной с задержкой исполнения судебного акта арбитражного суда, вправе обратиться лицо, в чью пользу вынесено судебное решение;

б) с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок вправе обратиться не только лица, участвующие в деле, но и другие заинтересованные лица в случаях, предусмотренных законом.

При этом к заинтересованным лицам, имеющим право на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации, относятся граждане РФ, иностранные граждане, лица без гражданства, российские, иностранные и международные организации, являющиеся в судебном процессе по делам, вытекающим из гражданских и публичных правоотношений, сторонами или заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора с третьими лицами.

Следует отметить, что присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок не препятствует возмещению вреда в соответствии со ст. 1069, 1070 ГК РФ [7], но лишает заинтересованное лицо права на компенсацию морального вреда за указанные нарушения (ч. 4 ст. 1 Закона о компенсации).

Статьей 222.1 АПК РФ установлен срок обращения в арбитражный суд с заявлением о присуждении компенсации – в течение шести месяцев со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятого по данному делу. В случае пропуска данного срока последний может быть восстановлен при наличии ходатайства об этом лица, подающего заявление о присуждении компенсации, но только в том случае, если лицо обладало правом на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации.

Кроме того, заявление о присуждении компенсации может быть подано:

– до окончания производства по делу в случае, если продолжительность рассмотрения дела превышает три года и заинтересованное лицо ранее обращалось с заявлением об ускорении рассмотрения дела;

– до окончания производства по исполнению судебного акта, но не ранее чем через шесть месяцев со дня истечения срока, установленного федеральным законом для исполнения судебного акта, и не позднее чем через шесть месяцев со дня окончания производства по исполнению судебного акта.

Заявление о присуждении компенсации оформляется в письменной форме исходя из требований, предусмотренных ст. 222.3 АПК РФ, и облагается государственной пошлиной: для физических лиц – 200 рублей и для организаций – 4 000 рублей

(п. 1 ст. 333.21 НК РФ [8]) и подается в арбитражный суд, полномочный рассматривать такое заявление, через арбитражный суд, принявший решение (ст. 222.2 АПК РФ). Отметим, что ответственность за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок несет государство, поэтому, к примеру, в качестве заинтересованного лица в заявлении о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок указывается Российская Федерация в лице Министерства финансов РФ (ч. 9 ст. 3 Закона о компенсации).

Вопрос о принятии заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок к производству арбитражного суда решается судьей единолично в пятидневный срок со дня поступления такого заявления в суд. При наличии оснований, предусмотренных ст. 222.6 АПК РФ, заявление о присуждении компенсации возвращается.

Заявление о присуждении компенсации рассматривается арбитражным судом (ФАС округа или ВАС РФ при пересмотре дела в порядке надзора) в коллегиальном составе по общим правилам искового производства с особенностями, установленными главой 27.1 АПК РФ и Законом о компенсации. Процессуальный срок рассмотрения дел указанной категории составляет два месяца со дня поступления заявления вместе с делом в суд, включая срок на подготовку дела к судебному разбирательству и на принятие судебного акта (ст. 222.7 АПК РФ).

Предмет доказывания по делам о присуждении компенсации – это установление при рассмотрении дела факта нарушения права заявителя на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. Часть 2 ст. 222.8 АПК РФ, определяя предмет доказывания по делам данной категории, прямо предусматривает, что факт нарушения прав заявителя устанавливается:

а) исходя из доводов, изложенных в заявлении, содержания принятых по делу судебных актов, материалов дела;

б) с учетом следующих обстоятельств: правовая и фактическая сложность дела; поведение заявителя и других участников арбитражного процесса; достаточность и эффективность действий суда или судьи, осуществляемых в целях своевременного рассмотрения дела, а также органов, организаций или должностных лиц, осуществляемых в целях своевременного исполнения судебного акта; общая продолжительность судопроизводства по делу и неисполнения судебного акта.

При оценке правовой и фактической сложности дела судами учитывается наличие обстоятельств, затрудняющих рассмотрение дела, число соистцов, соответчиков и других участвующих в деле лиц, необходимость проведения экспертиз, их сложность, необходимость допроса значительного числа свидетелей, участие в деле иностранных лиц, необходимость применения норм иностранного права и т.д.

При оценке действий суда (судьи) исследованию подлежат вопросы, связанные со своевременностью назначения дела к слушанию, проведением судебных заседаний в назначенное время, сроками изготовления судьей мотивированного решения и направления его сторонам, полнотой осуществления судьей контроля за выполнением работниками аппарата суда своих служебных обязанностей, в том числе по извещению участвующих в деле лиц о времени и месте судебного заседания, своевременным изготовлением протокола судебного заседания и ознакомлением с ним сторон, полнотой и своевременностью принятия судьей мер в отношении участников процесса и других лиц в сфере осуществления правосудия, направленных на недопущение их процессуальной недобросовестности и процессуальной волокиты по делу.

Среди факторов, оказывающих негативное воздействие на сроки рассмотрения судебных дел, отметим следующие: неудовлетворительная организация судебного процесса; отложение слушания дела без достаточных оснований на длительный срок, без назначения даты следующего судебного заседания; отсутствие контроля за проведением экспертизы; длительное бездействие после получения заключения экспертизы; несвоевременная выдача сторонам гражданского процесса мотивированных решений; несвоевременное направление дела в вышестоящую инстанцию; отмена решения судов первой инстанции в связи с существенными нарушениям норм права. Отложение рассмотрения дела, назначение и проведение экспертизы, участие судьи в рассмотрении иных дел сами по себе не противоречат действующему законодательству. Не могут рассматриваться как основания, оправдывающие превышение разумных сроков судопроизводства, обстоятельства, связанные с организацией работы суда (например, отсутствие необходимого штата судей, замена судьи ввиду его болезни, отпуска, пребывания на учебе, нахождения в служебной командировке, прекращения или приостановления полномочий) [9].

При рассмотрении заявления судья не связан доводами, содержащимися в заявлении о присуждении компенсации, и устанавливает факт нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок исходя из содержания судебных актов и иных материалов дела.

При этом орган, организация, должностное лицо, которые не исполнили судебный акт в разумный срок, обязаны представить объяснения, возражения и (или) доводы относительно заявления о присуждении компенсации в срок, установленный судом.

Установление факта нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок является основанием для принятия решения о присуждении компенсации.

В случае удовлетворения требований заявителя решение арбитражного суда обязательно должно содержать размер компенсации, присуждаемой в денежной форме, и иные данные, перечисленные в ст. 222.9 АПК РФ. Размер компенсации определяется судом самостоятельно исходя из требований заявите-

ля, обстоятельств дела, по которому было допущено нарушение, продолжительности нарушения и значимости его последствий для заявителя, а также с учетом принципов разумности, справедливости и практики ЕСПЧ (ст. 2 Закона о компенсации).

Следует отметить, что размер компенсации, присуждаемой судебными органами, в различных странах варьируется. К примеру, практика Страсбургского суда свидетельствует о присуждении компенсации в размере 500–3 000 евро; в Европе тарифы, установленные национальным законодательством, варьируются от 5 до 6 тыс. евро. Примерная шкала компенсаций применительно к уголовным и гражданским делам, разработанная в аппарате Уполномоченного РФ в Европейском суде по правам человека, составляет около двух евро в каждый день нарушения права на судопроизводство в разумные сроки. Относительно практики арбитражных судов практика определения справедливого размера компенсации находится в процессе формирования.

Решение арбитражного суда о присуждении компенсации вступает в законную силу немедленно, может быть обжаловано в кассационную инстанцию в порядке, предусмотренном арбитражным процессуальным законодательством и исполняется в трехмесячный срок со дня его поступления на исполнение. Исполнительный лист по данному решению направляется на исполнение самим арбитражным судом в пятидневный срок со дня принятия решения независимо от наличия ходатайства об этом взыскателя (ч. 3 ст. 319 АПК РФ).

Исполнение судебных решений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок возложено на Министерство финансов РФ, а о присуждении компенсаций за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок – на финансовый орган соответствующего уровня в зависимости от уровня бюджета, на средства которого обращено взыскание таким судебным актом. Так, расходы на выплату компенсации по судебному решению о присуждении компенсации предусматриваются в федеральном бюджете, бюджетах субъектов Российской Федерации, местных бюджетах (ст. 5 Закона о компенсации, ст. 242.2 Бюджетного кодекса РФ [10]).

ЛИТЕРАТУРА

1. *О компенсации* за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : Федеральный закон РФ от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 18. Ст. 2144.
2. *Арбитражный* процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. *О несостоятельности* (банкротстве) : Федеральный закон РФ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (с изм. и доп) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
4. *Об исполнительном* производстве : Федеральный закон РФ от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.
5. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 30/64 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 2.
6. *Решение* ФАС Московского округа от 07 сентября 2010 г. по делу № КГ-А41/8533-10 // Арбитражная практика. 2010. № 10.
7. *Гражданский* кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 1996 г. №14-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
8. *Налоговый* кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.
9. *Индан И.Я.* Своевременность рассмотрения дел мировым судьёй // ЕврАзЮж. 2011. № 11 (42). URL : http://www.eurasialaw.ru/index.php? (дата обращения: 18.02.2015 г.).
10. *Бюджетный* кодекс РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 марта 2015 г.

CONSIDERATION OF CASES ON COMPENSATION FOR VIOLATION OF THE RIGHT TO TRIAL WITHIN A REASONABLE TIME AND THE RIGHT TO EXECUTION OF A JUDICIAL DECISION WITHIN A REASONABLE PERIOD IN ARBITRATION COURTS

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 154-158. DOI 10.17223/15617793/394/26

Shcherbakova Lilia G. Volga Region (Saratov) Legal Institute, Branch of Russian Law Academy of The Russian Federation Ministry of Justice (Saratov, Russian Federation). E-mail: lilia100731@rambler.ru

Keywords: arbitration courts; reasonable period of time; violation of rights; payment; execution of judicial act.

Adopted in 2010, the Federal law "On compensation for violation of the right to trial within a reasonable time or the right to execution of a judicial act within a reasonable time", which entered into force on May 4, 2010, according to some researchers, did not solve all the problems related to compliance with a reasonable time of proceedings and execution of court acts. The practice of application of the Law has already identified some issues that require detailed study and finding ways to resolve them. Thus, considering the legal framework and the practice of production for reviewing applications for compensation for violation of the right to trial within a reasonable time or the right to execution of a judicial decision within a reasonable time, on the basis of the conducted research, the author comes to the following conclusions: 1. The notion of "reasonable time" of the proceedings is a matter of judgment, which largely depends on the discretion of the judge. 2. The determination of compensation for the violation of the right to trial within a reasonable time or the right to execution of a judicial decision within a reasonable time. 3. The unresolved question about the definition of the legal nature of the compensation and the establishment of the balance of this type of compensation with other remedies, including compensation for moral damage. 4. Need in more details on the question of the guilt of the participants of the proceedings in violation of the reasonable time frame for awarding compensation, as well as about the possible expansion of the circle of persons

entitled to compensation for the violation of the right to execution of a judicial act within a reasonable time. 4. The urgent problem of the correlation of the rules on compensation for violation of the right to trial within a reasonable time or the right to execution of a judicial act within a reasonable time and redress. 5. The factors that have a negative impact on the timing of litigation: poor organization of the judicial process; adjournment of the hearing without sufficient grounds for a long time, without assigning the next court date; lack of control over the conduct of the examination; long inaction after the conclusion of the examination; failure to remit the case to a higher authority; repealing decisions of the courts of first instance in connection with significant violations of law. 6. To increase the effectiveness of the considered legislative act it is necessary to strengthen the oversight and monitoring of its implementation, to achieve certainty of those responsible for their failure.

REFERENCES

1. On compensation for the violation of the right to trial within a reasonable time, or right in the performance of a judicial act within a reasonable time: the Federal Law of April 30, 2010 no. 68-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2010, no. 18, Art. 2144. (In Russian).
2. The Code of Arbitration Procedure of the Russian Federation of July 24, 2002 no. 95-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2002, no. 30, Art. 3012. (In Russian).
3. On Insolvency (Bankruptcy): the Federal Law of October 26, 2002 no. 127-FZ (rev. and amend.). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2002, no. 43, Art. 4190. (In Russian).
4. On Enforcement Proceedings: Federal Law of October 2, 2007 no. 229-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2007, no. 41, Art. 4849. (In Russian).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of December 23, 2010 no. 30/64 "On some issues in proceedings for compensation for the violation of the right to trial within a reasonable time or the right to the execution of the act in a reasonable time". *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, 2011, no. 2. (In Russian).
6. The decision of the Federal Antimonopoly Service of the Moscow District of 07 September 2010 on Case no. KG-A41 / 8533-10. *Arbitrazhnaya praktika*, 2010, no. 10. (In Russian).
7. The Civil Code of the Russian Federation. The second part of January 26, 1996 no.14-FZ (rev. and amend.). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1996, no. 5, Art. 410. (In Russian).
8. The Tax Code of the Russian Federation. The second part of August 5, 2000 no. 117-FZ (rev. and amend.) *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2000, no. 32, Art. 3340. (In Russian).
9. Indan I.Ya. Svoevremennost' rassmotreniya del mirovym sud'ey [Timeliness of cases heard in the magistrates' courts]. *EvrAzYuzh*, 2011, no. 11 (42). Available from: http://www.eurasialaw.ru/index.php? (Accessed: 18.02.2015).
10. The Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 no. 145-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1998, no. 31, Art. 3823. (In Russian).

Received: 19 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 159–169. DOI 10.17223/15617793/394/27

ЭКОНОМИКА

УДК 338.27, 311.2

В.И. Авдзейко, В.И. Карнышев, Р.В. Мещеряков, Л.В. Парнюк, А.А. Шелупанов

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ВЫДАЧИ ПАТЕНТОВ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ В ОБЛАСТИ СИЛОВОЙ ЭЛЕКТРОНИКИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 14-07-00449\14 а.

Исследуется метод опережающего прогнозирования развития конкретных тематик исследований на основе количественного и динамического анализа временных рядов патентов США за период с 1976 по 2013 г., формируемых по заданным группам, подгруппам Международной патентной классификации, ключевым словам и словосочетаниям.

Ключевые слова: базы данных; патенты; временные ряды; рефераты публикаций; прогнозирование; перспективные направления развития.

Актуальность разработки механизмов прогнозирования подтверждается его широким использованием в экономике, а именно в управлении различными отраслями науки и техники. В промышленности методы прогнозирования также играют первостепенную роль. По определению отдела прогнозирования ЮНЕСКО, «прогнозирование – это работа над различными сценариями будущего. Следовательно, оно отталкивается от настоящего, исследует зарождающиеся приметы будущих тенденций и рассматривает современные решения на предмет их возможных последствий» [1].

Согласно докладу, выполненному по результатам НИР в рамках комплекса работ по долгосрочному прогнозу важнейших направлений научно-технологического развития на период до 2030 г. «Анализ сходимости прогнозов научно-технологического развития, выполненных на базе различных методологических подходов» [2], в области прогнозирования в США заняты десятки тысяч специалистов. Прогнозные разработки выполняют государственные подразделения различного уровня, исследовательские организации, коммерческие прогнозные фирмы, частные промышленные, банковские и торговые корпорации. В США существует около 700 национальных лабораторий, выполняющих научно-технологические прогнозы, и около 100 крупных научных центров. В мире разрабатывается примерно 700 прогнозов научно-технологического развития, из них около 230 приходится на долю США, 130 – на долю Европы. В США прогнозирование считается одной из важнейших форм регулирования экономики. Подчеркивая важность прогнозирования, американский экономист О. Моргенштерн отмечал, что экономическая теория во всех ее видах в конечном итоге предназначена для построения прогнозов [Там же].

Прогнозирование развития экономики и ее научно-технических отраслей позволяет сосредоточить финансовые, материальные и кадровые ресурсы на решении наиболее актуальных и перспективных направлений и за счет этого сократить сроки проведения исследований, повысить эффективность и снизить их стоимость.

В нашей стране проблеме прогнозирования направлений экономического развития также уделяется большое внимание. На уровне руководства страны утверждены нормативные документы, определяющие направления развития страны: «Перечень критических технологий», «Приоритетные направления развития технологий и техники», «Основные направления фундаментальных исследований», «Основные направления технологической модернизации экономики России» [3–5].

По заданию Министерства образования и науки в Центре исследований и статистики науки был выполнен прогноз научно-технологического развития [6]. Свой прогноз сотрудники Центра построили на базе анкетирования 2 898 организаций. На наш взгляд, результаты анкетирования носят субъективный характер, так как опрашиваемые респонденты в анкетах отражают свое видение приоритетов и направлений развития науки и техники.

Минобрнауки России в результате конкурса, проведённого в рамках Федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2013 годы», заключило 15 контрактов с ведущими организациями и ведущими вузами страны для разработки прогнозов развития науки и техники, в том числе создало 6 отраслевых центров прогнозирования научно-технологического развития по приоритетным направлениям «Информационно-телекоммуникационные системы», «Науки о жизни», «Энергоэффективность и энергосбережение», «Рациональное природопользование», «Транспортные и космические системы» и «Индустрия наносистем» [7]. Результаты работы отраслевых центров до сих пор не опубликованы.

Большое внимание прогнозированию уделяется в Высшей школе экономики, в частности в Институте макроэкономических исследований и прогнозирования и Институте статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ).

Специалисты ИСИЭЗ участвовали в разработке следующих документов федерального и регионального уровней:

– Рекомендации по Стратегии социально-экономического развития РФ до 2020 г. (в рамках экспертной группы «Переход от стимулирования инноваций к росту на их основе»).

– Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г.

– Государственные программы РФ «Развитие науки и технологий» и «Развитие образования».

– Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.

– Стратегия развития науки и инноваций в РФ на период до 2015 г.

– Концепция долгосрочного прогноза научно-технологического развития РФ на период до 2025 г.

На базе Национального исследовательского Томского государственного университета создан и работает в интересах технологической платформы «Медицина будущего» один из таких отраслевых центров прогнозирования по приоритетному направлению развития науки, техники и технологий РФ «Науки о жизни» [8].

Как видно из перечня документов, направления проводимых исследований носят глобальный характер и не позволяют использовать полученные результаты для построения прогнозов и разработки тенденций развития конкретных направлений науки, техники и технологий на среднесрочный период.

Сложность и многогранность решения проблем прогнозирования подтверждается большим количеством подходов и методов, используемых для их решения.

Известно множество различных методов прогнозирования, отличающихся конкретными преимуществами и недостатками, они достаточно подробно проанализированы в работе [9]. В работе [10] эти методы условно разделены на интуитивные и формализованные.

Интуитивные методы прогнозирования позволяют получить прогнозную оценку состояния развития объекта в будущем независимо от информационной обеспеченности, а обобщенное мнение экспертов принимается как решение проблемы.

Формализованные методы базируются на фактически имеющемся информационном материале об объекте прогнозирования и анализе истории его развития.

Большое количество существующих методов охватывает широкую область их применения. Тот или иной метод имеет преимущество для каждого конкретного случая. С учетом имеющегося опыта, исходных данных и моделей исследований наиболее перспективными, по нашему мнению, в области развития науки и техники являются методы опережающего прогнозирования. Цель данных методов состоит в выявлении и определении возможностей и перспективности конкретных направлений научно-технического развития.

Методы опережающего прогнозирования [9] относятся к техническому прогнозированию и основываются на постоянном мониторинге новейших направлений исследований, результатов и достижений в различных областях знаний, оценке, анализе и обработке накопленной информации.

Перспективность и достоверность данных методов объясняется свойством научно-технической информации опережать по времени реализацию научно-технических достижений в производстве, определенными принципами специальной обработки научно-технической информации, реализующими в прогнозе ее свойство опережать развитие объекта прогнозирования [11].

К основным опережающим методам прогнозирования относятся [9]:

– патентный метод прогнозирования;

– публикационный метод прогнозирования;

– цитатно-индексный метод прогнозирования;

– метод значимости открытий и изобретений.

Эффективность применения этих методов основана на логической и временной упорядоченности информации, наличии данных о качественных сдвигах, отражающих глубинные процессы и связи происходящего научно-технического прогресса, возможности определения направлений развития и отслеживании взаимодействия науки и техники, тесной связи динамики научно-технической информации с научно-техническим прогрессом.

Основными источниками информации, используемой в опережающих методах прогнозирования, являются [12]: патентная документация (патенты, свидетельства, товарные знаки и т.д.), патентно-ассоциируемая документация (лицензии, коммерческая информация, каталоги, прайсы и т.д.), публикации в периодической печати и издания научно-технической литературы.

Патентный метод прогнозирования предусматривает оценку принципиально новых изобретений и исследование динамики их патентования. Публикационный метод прогнозирования базируется на оценивании содержания и динамики публикаций относительно объекта изучения [13]. Цитатно-индексный метод прогнозирования базируется на анализе динамики цитирования авторов разных публикаций относительно проблем, связанных с развитием в конкретных областях науки и техники.

Внимание экспертов в области прогнозирования к патентам не случайно. Патентная информация – огромный и постоянно расширяющийся источник сведений о направлениях совершенствования объектов техники и технологий, что делает ее чрезвычайно полезной при прогнозировании в данной сфере [14]. Патентная информация обладает следующими свойствами, которые делают ее наиболее предпочтительной для целей анализа тенденций в научно-технической сфере [15]: новизна, полнота, оперативность, достоверность, формализованность, информативность, при этом в большей степени, чем у других видов научно-технической информации.

В США, по данным [11], две трети запатентованных изобретений определяют в той или иной форме научно-технический прогресс в будущем. Известна также согласованность динамики патентования с динамикой производственно-экономических показателей. Так, анализ 40 показателей экономической системы Великобритании за период с 1945 до 1970-х гг. показал, что динамика заявок и патентов предваряет основные промышленно-экономические показатели или следует за ними, т.е. является своеобразным полномочным представителем динамики научно-техни-

ческого прогресса [11]. Срок упреждения прогноза при оценке динамики патентования равен среднестатистическому периоду внедрения изобретения (для машиностроения, например, 10–15 лет).

Патентная информация очень информативна, она позволяет:

– оценивать перспективность новых технологий и технических решений и эффективно использовать имеющиеся ресурсы для решения поставленных задач;

– определять стратегические изменения в направлении исследований по конкретным тематикам, корректировать и оптимизировать направление собственного технического развития;

– оперативно выявлять новые направления и новые источники информации и использовать передовые решения в своих разработках;

– определять лидеров в конкретных областях науки и техники и т.д.

Патентный метод прогнозирования основан на построении временных рядов количества патентов, сгруппированных по конкретным критериям. Достоверность соответствия динамики количества патентов уровню развития данного направления базируется на том, что зарубежные фирмы патентуют в основном только те инновационные идеи, которые имеют практическую значимость [12], а доля неинформационных патентов относительно мала.

Выявляя направления быстрого увеличения или изменения количества патентов-аналогов, можно установить направленность инновационной деятельности ведущих мировых фирм в развитии научно-производственного потенциала. Пример сравнения количества патентов по конкретной тематике выполнен в работе [16].

Перспективность и эффективность разработки опережающего метода прогнозирования на основе анализа зарегистрированных патентов подтверждается увеличением количества подаваемых заявок на изобретения и выдаваемых патентов. В докладе ВОИС [1] сообщается, что число поданных заявок на выдачу патентов во всем мире в 2011 г. выросло на 7,8% и превысило отметку в 2 млн, а общее число выданных патентов достигло миллионной отметки. Рост за год составил 9,7%. Большое количество заявок и их постоянный рост свидетельствуют о том, что патентный метод прогнозирования имеет хорошую и перспективную основу для разработки достоверных прогнозов.

Полнота информации в создаваемых специализированных базах данных патентов позволяет осуществлять следующие инновационные механизмы: проводить патентный поиск, проверять товары и образцы на патентную чистоту, оценивать технический уровень собственных разработок путем сопоставления их с последними запатентованными разработками, прогнозировать тенденции развития научных направлений техники и технологии.

По результатам анализа количества регистрируемых патентов и динамики их изменения за выбранный период времени можно сделать важные практические выводы:

– в случае увеличения количества патентов по данной теме направление можно считать перспективным, а тематику исследований актуальной;

– в случае стабильного количества патентов за рассматриваемый отрезок времени необходимо разрабатывать параллельные пути решения научных проблем, а тематику исследований расширить либо подкорректировать;

– если количество патентов уменьшается, то тема исследований не перспективна и не имеет достаточной новизны; при этом требуется провести дополнительные исследования по поиску новых подходов, принципов, способов, материалов либо изменить направление исследований.

Укрупненная система международной патентной классификации (МПК) состоит из 8 разделов, 118 классов, 617 подклассов, 6 тыс. групп и более 45 тыс. подгрупп и содержит большое количество и дробность рубрик. Это позволяет расширять систему для охвата новых областей техники.

Для каждого изобретения или патента указываются номер авторского свидетельства или патента либо номер заявки на патент, дата заявки (дата приоритета), индекс МПК, фамилия и инициалы изобретателя или название фирмы-заявителя, формула изобретения, которая отражает его новизну и полезность, а также необходимые для понимания сущности изобретения чертеж и схемы. Поэтому программное обеспечение системы поиска и получения необходимой информации должно обеспечивать скачивание полнотекстового описания патента.

Патентный метод прогнозирования наиболее полезен для мониторинга изменений в области конкретных технологий. Патенты представляют собой некие публично доступные описания технологий, а их анализ позволяет получить следующую информацию [12]:

– динамику активности разработок в данном направлении, которая характеризуется ростом или падением интереса к данной области технологий во времени, что находится в прямой корреляции с затратами на соответствующие НИР и ОКР;

– доминирование конкретного разработчика или производителя, определяемое численно по взаимному цитированию различных групп исследователей, работающих в близкой патентной области;

– характеристики индивидуальной патентной активности компаний, в которые могут входить не просто количество патентов, но и число авторов изобретений, средний «возраст» патента и т.д.;

– анализ портфеля патентов; результаты такого анализа содержат суммарную сводку патентов, права на которые имеет данная компания, а также их опубликованные патентные описания.

К недостаткам патентного анализа относится его сравнительная дороговизна, определяемая, главным образом, необходимыми затратами времени высокооплачиваемых сотрудников, а также тот факт, что не все изобретения патентуются, и, кроме того, существует, по крайней мере, 18-месячное (иногда до 36 месяцев) запаздывание между временем осуществления исследования и временем появления соответствующей заявки в патентной базе данных. Для обеспечения необходимой полноты сведений следует обновлять или повторять патентный поиск каждые 6–12 месяцев [17].

Несмотря на указанные недостатки, данный метод является наиболее многообещающим способом получения информации о конкурентах в области НИОКТР, о новых потенциальных продуктах и технологических процессах. Анализ патентов позволяет предсказать новые разработки на рынке за 6–18 месяцев до их появления и является в настоящее время одним из лучших способов отслеживания технических и технологических изменений по всему миру [9].

Известны методики патентного прогнозирования Н.М. Тимофеевой, Э.П. Скорнякова, В.Г. Гмошинского и других исследователей [11].

Коренное отличие предлагаемого нами подхода от известных заключается в том, что получение данных о количестве патентов, формирование постоянно пополняемых специализированных баз данных патентов, построение временных рядов, а также их обработка осуществляются с помощью специально разработанного программного обеспечения.

Поиск патентной и реферативной документации, как правило, осуществляется в базах данных, размещенных на сайтах соответствующих организаций (например, US PTO, Роспатент, EPO, WIPO, IEEEXplore и т.д.). Процедура поиска сводится к последовательному формированию запросов в поисковых системах, просмотру и выбору нужных патентов или рефератов и созданию информационных массивов для последующего углубленного анализа.

Авторами статьи была разработана технология автоматизации процесса формирования локальных специализированных баз данных патентной (СБДП) и реферативной (СБДР) информации [18]. Под локальной СБДП (СБДР) понимается упорядоченная совокупность полнотекстовых описаний патентов (рефератов) в различных форматах (*.htm, *.pdf, *.tif), не требующая интернет-соединения для работы с ней и снабженная опциями навигации, поиска и селекции информации в информационных массивах.

Подобные специализированные базы данных предназначены для:

– прогнозирования направлений развития конкретных тематик исследований в различных отраслях науки и техники;

– сокращения сроков и автоматизации рутинных процессов при поиске аналогов и прототипов изобретений;

– проверки патентной чистоты заявляемого технического решения;

– сравнительного анализа уровня собственных разработок и технических решений, уже получивших патентную защиту за рубежом;

– предотвращения споров с обладателями прав на объекты промышленной собственности при экспорте изготавливаемой продукции за рубеж;

– составления аналитических обзоров по интересующим техническим направлениям для оценки существующих тенденций и перспектив их развития в будущем;

– формирования обзоров при работе над монографиями, статьями, кандидатскими и докторскими диссертациями.

С целью существенного (на порядки) сокращения времени, затрачиваемого на поиск и селекцию информации, были сформированы вспомогательные информационные ресурсы: локальные версии Международного патентного классификатора, полные перечни патентов США по всем классам, группам и подгруппам МПК за 1976–2013 гг. и др. Разработанный инструментарий, возможности которого описаны в [18], позволяет в ускоренном режиме формировать списки патентов для последующей автоматизированной загрузки по номерам патентов, ключевым словам, подклассам МПК, глубине поиска. Созданный массив патентной информации может быть оформлен в удобном для потребителя виде.

Практический опыт формирования и эксплуатации обновляемых специализированных информационных баз данных свидетельствует о высокой эффективности разработанной технологии, обеспечивающей значительную экономию временных и человеческих ресурсов при проведении патентных исследований и подготовке обзорных материалов, а также о комфортности использования специализированных баз данных потребителями информации.

Показатели временных рядов, в отличие от простых статистических выборок в фиксированный момент времени, являются взаимозависимыми. Их информационная ценность убывает по мере их удаления от текущего момента времени [19].

Процесс построения временных рядов патентов и проведения патентного анализа на их базе рассмотрим на конкретном примере для основной подруппы МПК H02M7/00, к которой относятся: устройства, осуществляющие необратимое преобразование энергии переменного тока на входе в энергию постоянного тока на выходе (выпрямители), или необратимое преобразование энергии постоянного тока на входе в энергию переменного постоянного тока на выходе (инверторы). Вся подгруппа H02M7/00 (на конец 2013 г.) содержала 6 969 патентов. Поэтому для упрощения проиллюстрируем возможности патентного анализа на примере подгрупп H02M7/02 – H02M7/40: необратимое преобразование энергии переменного тока на входе в энергию постоянного тока на выходе, насчитывающего в сформированной БД 1919 патентов. На рис. 1 показаны временные ряды для подгрупп H02M7/02-40 за период с 1976 по 2013 г.

Динамика изменения количества патентов в рассматриваемый период времени имеет растущий тренд, хотя и обладает большой волатильностью.

Задачу выявления перспективных, а также устаревших технических направлений развития предлагается решать путем последовательного проведения патентного анализа для каждой подгруппы, а патентный анализ разбить на два этапа: статический и динамический.

Статический анализ. Статический анализ проводится на базе сравнения количества патентов, содержащихся в каждой подгруппе МПК, и позволяет на основе количественного сравнения выявить неперспективные, устаревшие направления развития техники.

Для проведения статического анализа результаты выборки СБДП по подгруппам МПК сведены в таблицу.

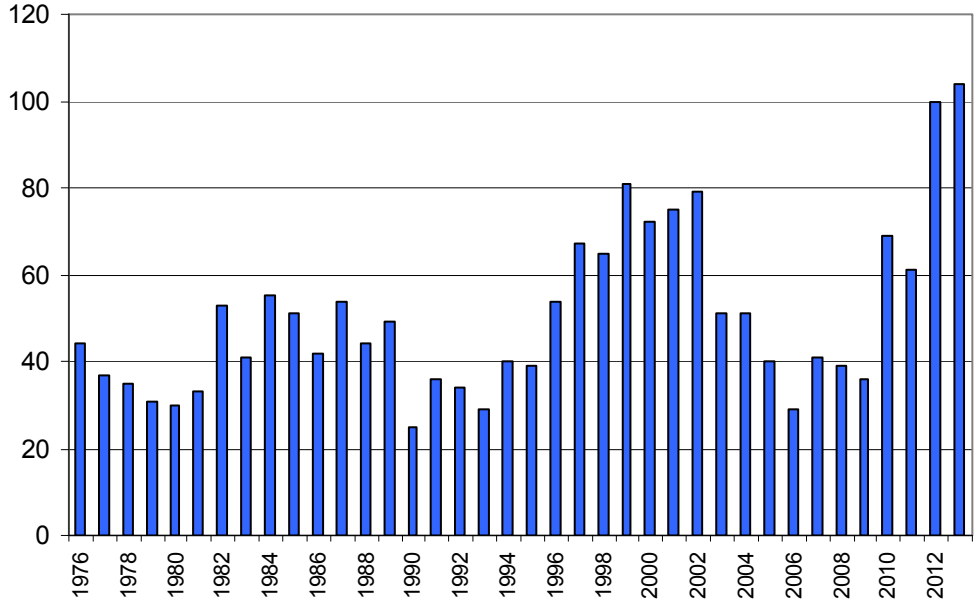

Рис. 1. Число патентов США, выданных по тематике «Необратимое преобразование энергии переменного тока на входе в энергию постоянного тока на выходе (выпрямители)»

Количество патентов по подгруппам патентной классификации H02M 7/02

МПК 8	Кол-во патентов	Наименование подгруппы МПК 8
H02M7/02	30	...необратимое преобразование энергии переменного тока на входе в энергию постоянного тока на выходе
H02M7/04	80	...с помощью статических преобразователей
H02M7/06	205	...выполненных на газоразрядных, электронных или полупроводниковых приборах без управляющего электрода
H02M7/08	91	...включенных параллельно
H02M7/10	188	...включенных последовательно, например для умножения напряжения
H02M7/12	344	...выполненных на газоразрядных, электронных или полупроводниковых приборах с управляющим электродом
H02M7/145	2	...с использованием приборов типа тиратронов или тиристоров, для которых требуются средства гашения разряда
H02M7/15	2	...с использованием только электронных или газоразрядных ламп
H02M7/155	138	...с использованием только полупроводниковых приборов
H02M7/162	168	...в мостовой схеме
H02M7/17	39	...включенных параллельно
H02M7/19	29	...включенных последовательно, например для умножения напряжения
H02M7/21	6	...с использованием приборов типа триода или транзистора, для которых требуется непрерывный сигнал управления
H02M7/213	1	...с использованием только электронных или газоразрядных ламп
H02M7/217	419	...с использованием только полупроводниковых приборов
H02M7/219	119	...в мостовой схеме
H02M7/23	36	...включенных параллельно
H02M7/25	13	...включенных последовательно, например для умножения напряжения
H02M7/26	0	...выполненных на приборах с открытой дугой, например выпрямители Маркса
H02M7/28	1	...выполненных на электролитических выпрямителях
H02M7/30	0	...с помощью динамических преобразователей
H02M7/32	3	...снабженных механическими элементами, служащими для замыкания контактов и размыкания
H02M7/34	4	...в которых механические элементы вращаются и коллекторы взаимодействуют со щетками или роликами
H02M7/36	0	...снабженных вибрирующими контактами, приводимыми в действие электромагнитным путем, например прерыватели, автоматические прерыватели вообще
H02M7/38	0	...снабженных одним или несколькими зажигающими электродами, вращающимися над встречными электродами
H02M7/40	1	...путем сочетания статических и динамических преобразователей; путем сочетания электромашинных и других динамических и(или) статических преобразователей

В соответствии с принятой классификацией (таблица) необратимое преобразование переменного тока на входе в энергию постоянного тока на выходе (выпрямители) может производиться с помощью статических преобразователей (СП) (подгруппы H02M7/04 – H02M7/28) и динамических преобразователей (ДП) (подгруппы H02M7/30 – H02M7/38), а также путем сочетания статических и динамических преобразователей либо путем сочетания электромашинных и других динамических и (или) статических

преобразователей (подгруппа H02M7/40). Патентов, выданных в США на динамические преобразователи, насчитывается всего 7 ед., а полученных на устройства, выполненные путем сочетания динамических, статических и электромашинных, – всего 1. Очевидно, что эти типы преобразователей не перспективны, они морально устарели, поэтому в ходе дальнейшего анализа рассматриваться не будут.

Статические преобразователи могут быть выполнены на газоразрядных, электронных или полупроводниковых приборах без управляющего электрода (H02M7/06) – неуправляемые выпрямители (НВ) или с управляющим электродом (H02M7/12) – управляемые выпрямители (УВ); на приборах с открытой дугой, например выпрямителях Маркса (H02M7/26) или на электролитических выпрямителях (H02M7/28). Преобразователи в подгруппах H02M7/26 и H02M7/28, содержащие соответственно 0 и 1 патент, не перспективны и для дальнейшего анализа не представляют интереса, т.е. по данным техническим направлениям научно-исследовательские работы не ведутся.

Построенная с учетом исключения подгрупп с малым количеством патентов структура раздела H02M7/02 может быть представлена в виде, изображённом на рис. 2.

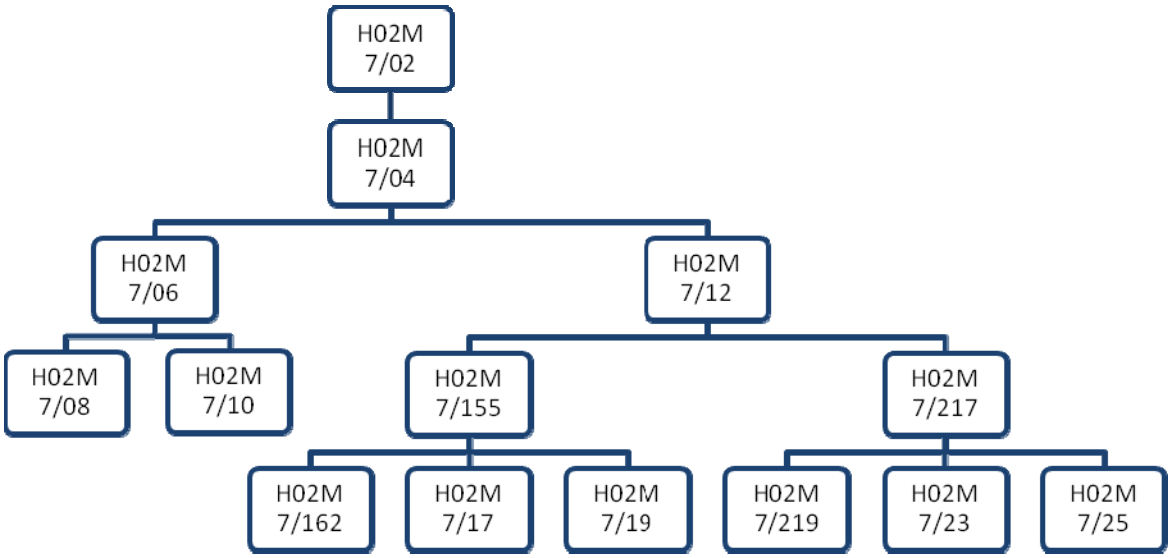

Рис. 2. Упрощенная структура раздела МПК H02M7/02

Динамический анализ. Динамический анализ позволяет выявлять тенденции развития конкретных изделий, устройств, элементов на уровне класса, подкласса, группы и подгруппы за рассматриваемый промежуток времени.

Для выявления перспективных направлений развития рассматриваемых типов выпрямителей был проведен динамический патентный анализ на базе построенных временных рядов. На рис. 3 показаны временные ряды, характеризующие динамику изменения выдачи патентов на СП, выполненных на газоразрядных, электронных или полупроводниковых приборах без управляющего электрода (неуправляемые выпрямители) H02M7/06 – H02M7/10 и с управляющим электродом H02M7/12 – H02M7/25 (управляемые выпрямители).

Зависимости на рис. 3 имеют слабовыраженный растущий тренд как для управляемых, так и для неуправляемых выпрямителей. Поэтому следующим шагом анализа является выявление составляющих роста выдачи патентов на неуправляемые выпрямители. В соответствии с классификацией (см. таблицу) выпрямители строятся по схемам с параллельным или последовательным включением газоразрядных, электронных или полупроводниковых приборов. Временные ряды патентов для этих разновидностей проиллюстрированы графиками на рис. 4, которые показывают, что рост количества патентов на рис. 3 объясняется ростом трендов для НВ, у которых данные приборы включены как параллельно (H02M7/08), так и последовательно (H02M7/10). Таким образом, обе эти силовые схемы неуправляемых выпрямителей в настоящее время нашли применение.

Аналогично был проведен анализ тенденций развития для управляемых выпрямителей. На рис. 5 показаны зависимости, отражающие динамику выдачи патентов на управляемые выпрямители, выполненные с использованием приборов типа тиратронов или тиристоров, для которых требуются средства гашения разряда (H02M7/145 – H02M7/19), и на управляемые выпрямители, выполненные с использованием приборов типа триода или транзистора, для которых требуется непрерывный сигнал управления (H02M7/215 – H02M7/25).

В связи с тем что на выпрямители, выполненные на электронных или газоразрядных лампах (H02M 7/15 и H02M 7/213), в рассматриваемый период выдано всего 2 и 0 патентов соответственно то можно с полным основанием утверждать, что в настоящее время неуправляемые и управляемые выпрямители разрабатываются с использованием только полупроводниковых приборов типа тиристоров или транзисторов. Количество

патентов на транзисторные УВ в рассматриваемый период времени растет с 4 в 1976 г. до 42 в 2013 г., а тиристорных – снижается до 2009 г., а затем к 2013 г. увеличивается с 2 до 10.

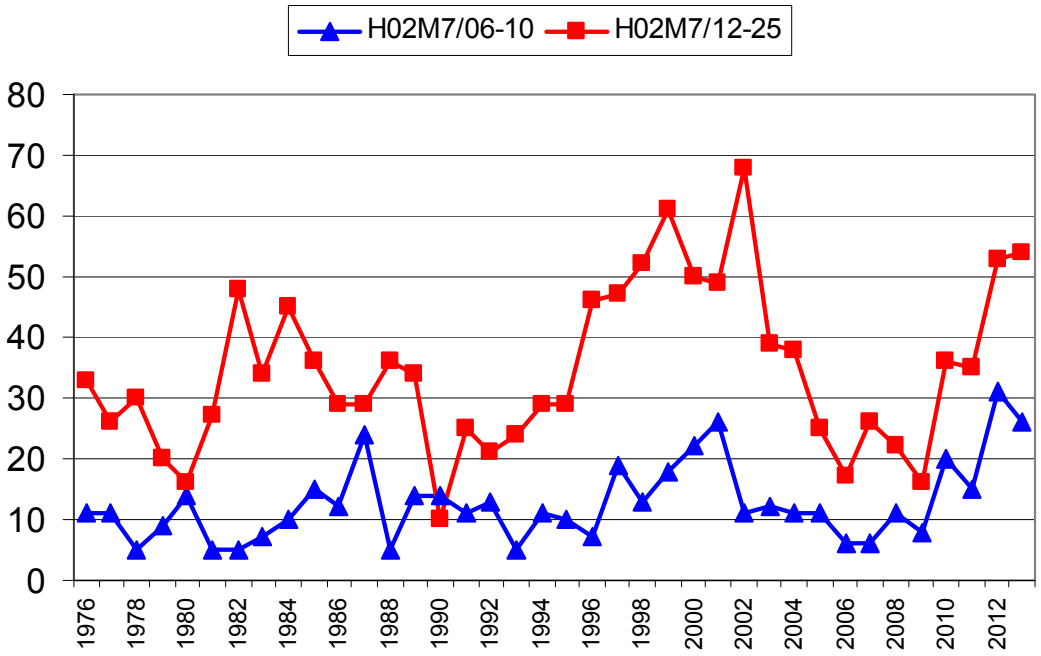

Рис. 3. Временные ряды патентов для неуправляемых и управляемых выпрямителей. «СП, выполненные на газоразрядных, электронных или п/проводниковых приборах без управляющего электрода или с управляющим электродом»

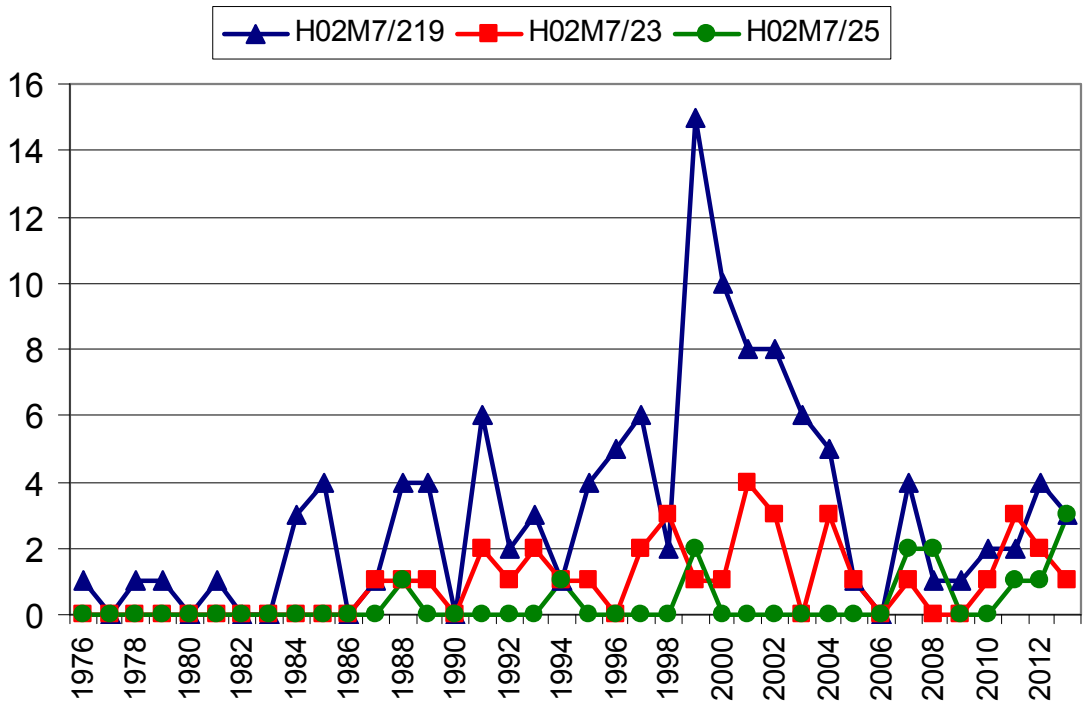

Рис. 4. Временные ряды патентов на неуправляемые выпрямители, выполненные на параллельно или последовательно включенных приборах. «СП на транзисторах, выполненные по мостовой схеме, а также включенных параллельно или последовательно»

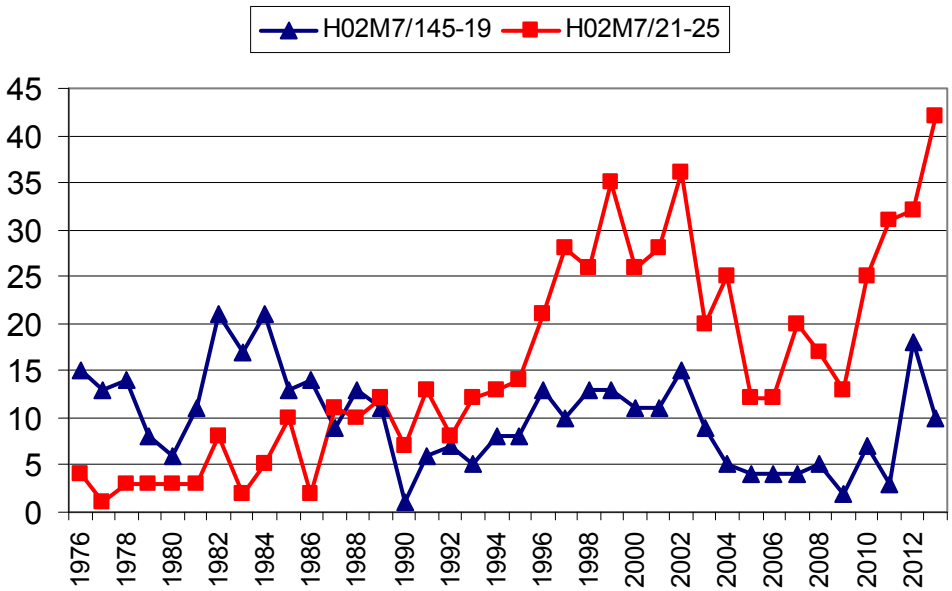

Рис. 5. Временные ряды тиристорных и транзисторных УВ. «СП, выполненные
с использованием тиратронов и тиристоров с гашением или триодов и транзисторов с непрерывным управлением»

Рост транзисторных и тиристорных УВ объясняется созданием мощных высоковольтных полупроводниковых приборов и развитием микроэлектронной техники, что позволило создавать многофункциональные управляемые выпрямители и значительно расширить область их применения. Количественное превосходство транзисторных УВ объясняется отсутствием необходимости использования контуров коммутации, которые ухудшают параметры выпрямителей и усложняют силовую часть выпрямителей.

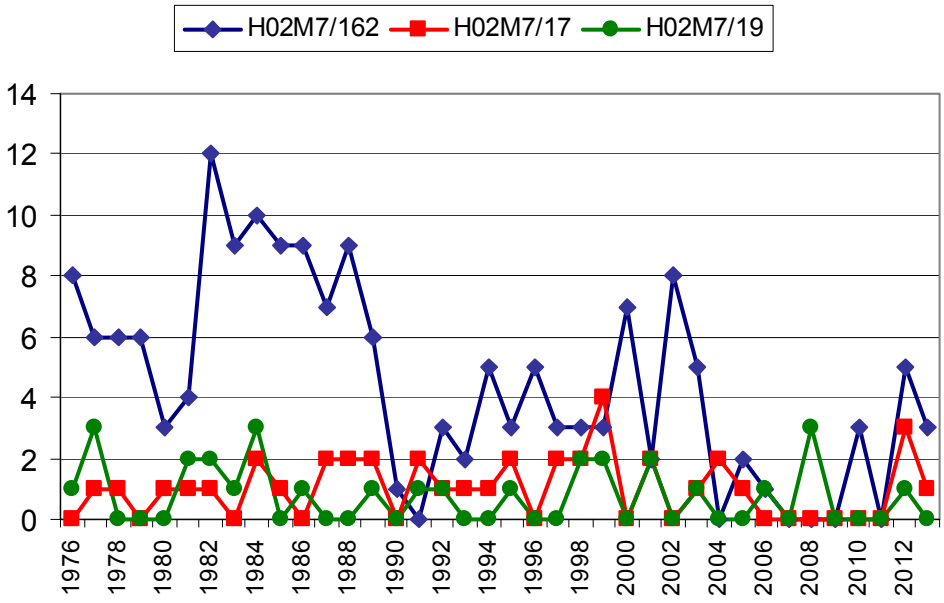

Рис. 6. Количество патентов, выданных на тиристорные УВ, собранные по различным силовым схемам.
«СП на тиристорах, выполненные по мостовой схеме, а также включенных параллельно или последовательно»

На рис. 6 показаны временные ряды патентов УВ на тиристорах, собранных по мостовой схеме (H02M7/162), с параллельным (H02M7/17) и последовательным (H02M7/19) включением силовых приборов. Параллельное и последовательное включение тиристоров патентовалось в количестве 1–3 ед. в год на всем временном интервале. Мостовая схема патентовалась гораздо чаще, хотя динамика количества патентов имела до 2009 г. падающий тренд (с 8 в 1976 г. до 0 в 2009 г.), и только начиная с 2009 г. количество патентов выросло до 3–5 ед. в 2013 г. Падение интереса к патентованию тиристорных УВ, на

наш взгляд, объясняется хорошей проработкой их силовых частей, а новизна регистрируемых патентов заключается не в силовой части, а в разработке схем управления или в расширении области их применения.

На рис. 7 проиллюстрирована динамика выдачи патентов на транзисторные преобразователи, собранные по таким же силовым схемам, что и тиристорные. Мостовые схемы в транзисторном исполнении имеют преимущество в виду своей универсальности. С 2009 г. наблюдается некоторое увеличение количества патентов, собранных как по мостовой схеме, так и по схеме с последовательным включением силовых транзисторов, но всего до 3–4 ед. в год. Столь малое количество патентов по силовым частям схем управляемых выпрямителей позволяет, так же как и для тиристорных УВ, сделать вывод о фактическом решении существовавших проблем по их разработке, падении интереса изобретателей к их модернизации, и об использовании ранее разработанных схем силовых частей управляемых выпрямителей.

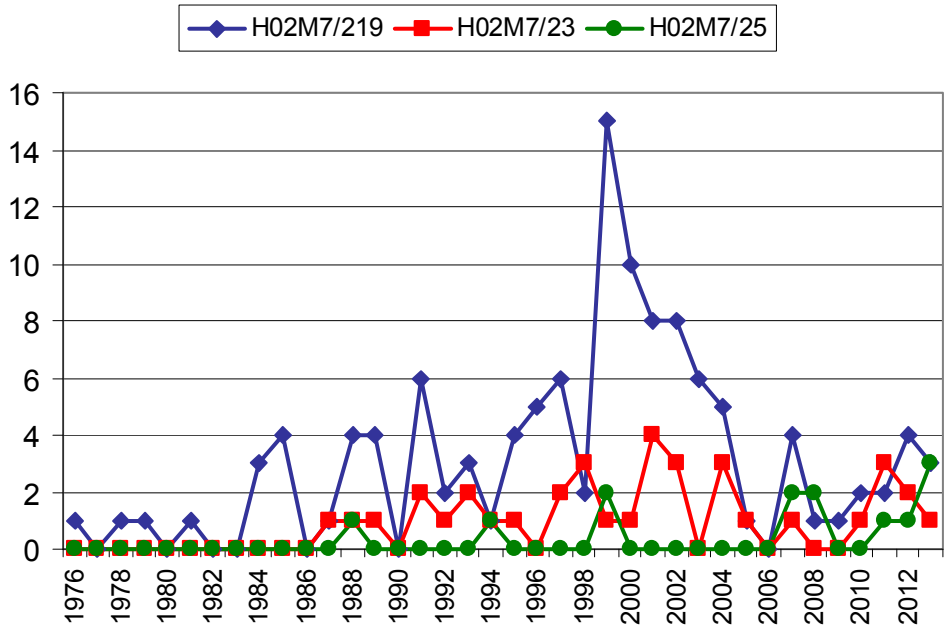

Рис. 7. Количество патентов, выданных на транзисторные УВ, собранные по различным силовым схемам.
«СП на транзисторах, выполненные по мостовой схеме, а также включенных параллельно или последовательно»

Предлагается разработанную методику проведения патентного анализа осуществлять в следующей последовательности:

1. Выбор группы, подгруппы МПК для решаемой задачи.
2. Формирование специализированной базы данных патентов.
3. Построение реестра для исследуемой основной подгруппы МПК с указанием количества патентов в каждой подгруппе.
4. Проведение статического анализа, исключение подгруппы с малым количеством патентов как неинформативных.
5. Упрощение структуры исследуемой подгруппы МПК.
6. Проведение анализа временных рядов патентов при последовательном переходе от верхних уровней к более низким.
7. Выбор перспективных направлений исследований с растущим трендом.

Таким образом, статический патентный анализ позволяет определить перспективность направления, в котором планируется реализовывать поставленную задачу, а динамический – выявить тенденцию развития конкретного технического решения. Проведенный анализ конкретного случая подтвердил очевидную истину о перспективности полупроводниковых статических преобразователей, что позволяет рекомендовать его для выявления перспективных направлений в области силовой электроники.

Патентный анализ временных рядов верхних уровней МПК позволяет обосновать перспективный путь создания новых видов техники, а выбор конкретного технического решения на низшем уровне остаётся за разработчиком с учётом его опыта, имеющегося научного задела и ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Global* IP Filings Continue to Grow, China Tops Global Patent Filings. 2012. URL: http://www.wipo.int/pressroom/en/articles/2012/article_0025.html
2. *Доклад* по результатам НИР в рамках комплекса работ по долгосрочному прогнозу важнейших направлений научно-технологического развития на период до 2030 года. Учреждение Российской академии наук Института народохозяйственного прогнозирования Российской академии наук. URL: http://www.hse.ru/data/2012/02/02/1262748930/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D0%98%D0%9D%D0%9F%20%D0%A0%D0%90%D0%9D.pdf

3. *Перечень* критических технологий. Утвержден Указом Президента Российской Федерации № 899 от 7 июля 2011 г. URL: http://минобрнауки.рф/документы/359
4. *Перечень* Приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации. Утвержден Указом Президента Российской Федерации № 899 от 7 июля 2011 г. URL: http://минобрнауки.рф/документы/359
5. *Основные* направления технологической модернизации экономики России. Озвучены на заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России 18.06.2009 г. URL: http://www.rfbr.ru/rffi/getimage/Основные+направления+технологической+модернизации+экономики+России.pdf?objectId=806253
6. *Миндели Л.Э., Мотова М.А.* Прогноз научно-технологического развития // Информационный бюллетень ЦИСН. 2006. № 1. С. 188. URL: http://np.tu-bryansk.ru/doc/any/17.pdf
7. *Долгосрочный* прогноз научно-технологического развития РФ до 2030 года. URL: http://prognoz2030.hse.ru/search/keywords.html?kw=38671278
8. *Ложникова А.В., Щетинин П.П., Скрыльникова Н.А.* Синтез долгосрочного научно-технологического и социально-экономического прогнозирования в современной России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 4 (24).
9. *Громова Н.М., Громова Н.И.* Основы экономического прогнозирования. М., 2006.
10. *Константиновская Л.В.* Методы прогнозирования. 2012. URL: http://edu.dvgups.ru/METDOC/CGU/SOTS_RAB_S/PR_PROEKT_SR/METOD/SMIRNOV/WEBUMK/frame/3_2.htm
11. *Современный* инжиниринг // Прогнозирование развития систем – важнейший аспект инжиниринга. 2011.
12. *Цыпленкова М.В., Моисеенко И.В., Гуремина Н.В., Бондарь Ю.А.* Основы менеджмента. М., 2013.
13. *Коцемир М.Н.* Динамика российской и мировой науки сквозь призму международных публикаций // Форсайт. 2012. Т. 6, № 1. С. 38–58.
14. *Новикова Н.В., Поздеева О.Г.* Прогнозирование национальной экономики : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. эконом. ун-та, 2007.
15. *Соловьев А.В., Логинов А.С.* Управление информационными потоками : сб. трудов Ин-та системного анализа Российской академии наук. М. : Едиториал УРСС, 2002. URL: http://cognitive.ru/assets/docs/ scienwork/sbornic3/solovjev.doc
16. *Наумов А.В.* Сравнительный анализ результатов отечественных исследований с аналогичными зарубежными разработками в области нанотехнологий (Нанотехнологии. Аналитика. Научные исследования). 2010. URL: http://popnano.ru/ analit/index.php?task=view&id=1103&limitstart=0
17. *Игами М., Оказаки Т.* Современное состояние сферы нанотехнологий. Анализ патентов // Форсайт. 2008. № 3. 12 с.; № 4. 10 с.
18. *Карнышев В.И., Авдзейко В.И., Парнюк Л.В.* Создание специализированных баз данных патентной и реферативной информации // Современное образование: проблемы обеспечения качества подготовки специалистов в условиях перехода к многоуровневой системе высшего образования : материалы междунар. науч.-метод. конф. Томск : Изд-во ТУСУР, 2012.
19. *Бутакова М.М.* Экономическое прогнозирование, методы и приемы практических расчетов. 2-е изд. М. : Кнорус, 2010.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 11 февраля 2015 г.

DYNAMICS PATENT ANALYSIS OF DEVELOPMENT IN PERSPECTIVE TRENDS OF POWER ELECTRONICS

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 159-169. DOI 10.17223/15617793/394/27

Avdzeyko Vladimir I., Karnychev Vladimir I., Mescheryakov Roman V., Parnyuk Lyubov V., Shelupanov Alexander A. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avi@main.tusur.ru; pio@main.tusur.ru; mrv@keva.tusur.ru; scinews@main.tusur.ru; saa@tusur.ru

Keywords: database; patents; time series; abstracts; forecast; perspective trends of development.

The present article describes the advance forecasting of scientific trends based on quantitative and dynamic analysis of US patent time series, which are grouped by IPC groups and key words and phrases. Forecast of the economy and its scientific and technical branches development allows to concentrate the financial, material and human resources in order to solve problems in the most urgent and promising areas, to shorten terms, increase efficiency and reduce cost of R&D. It is suggested to use the advance forecasting methods in order to predict the promising areas development of specific research topics in the scientific and engineering fields. The perspective and accuracy of these methods are explained by the property of scientific and technical information to be in advance compared with the implementation of scientific and engineering achievements. This property is realized by the use of special information processing. The patent method of forecasting based on quantitative and dynamic analysis and generated time series of US patents from 1976 to 2013 is suggested as a result of performed analysis. The given method features are shown for the case of analysis of development trends of AC power input into DC power output converters (IPC subgroup H02M7/00) based on using a generated specialized patent database of 6969 US patents. The goal of the developed technique for patent analysis based on the US Patent Office resources is to perform the following steps. 1) Selection of a group, a subgroup of the International Patent Classification (IPC) corresponding to the problem in question. 2) Formation of a specialized patent database. 3) Composition of a list for the chosen IPC main subgroup with the patent numbers in each subgroup. 4) Carrying out the static analysis, with elimination of the uninformative subgroups having a small number of patents. 5) Simplifying the structure of IPC subgroup in question. 6) Analysis of patent time series under successive transition from the upper levels of IPC to the lower ones. 7) Selection of the promising research fields with a rising trend. Thus, the static patent analysis allows to find out perspectives for development where the problem is planned to be realized, while the dynamic patent analysis allows to identify the development trend for a specific technical solution. The given analysis of the particular case confirms the obvious truth concerning the prospects of semiconductor static voltage converters. The given approach can be recommended for revelation of promising directions in power electronics. Patent analysis of time series of IPC upper levels allows to prove a promising way of new types of equipment development, while the technical solution choice at the lower level is a developer's area of responsibility based on his / her experience, available scientific background and resources. The given analysis confirmed the well known trend in the power electronics development based on semiconductor technologies, thus having proved the perspective use of the patent method of forecasting the various engineering branches.

REFERENCES

1. Global IP Filings Continue to Grow, China Tops Global Patent Filings. 2012. Available from: http://www.wipo.int/pressroom/en/articles/ 2012/article_0025.html.

2. A report on the results of research in the framework of works on long-term forecast of the most important areas of scientific and technological development for the period up to 2030. The Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. Available from: http://www.hse.ru/data/2012/02/02/1262748930/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0% B4_%D0%98%D0%9D%D0%9F%20%D0%A0%D0%90%D0%9D.pdf. (In Russian).
3. The list of critical technologies. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation no. 899 of July 7, 2011. Available from: http://minobrnauki.rf/dokumenty/359. (In Russian).
4. The list of priority areas of science, technology and engineering in the Russian Federation. Approved by the decree of the President of the Russian Federation no. 899 of July 7, 2011. Available from: http://minobrnauki.rf/dokumenty/359. (In Russian).
5. The main directions of the technological modernization of the economy of Russia. Announced at the meeting of the Commission for Modernisation and Technological Development of Russia's Economy on 18.06.2009. Available from: http://www.rfbr.ru/rffi/getimage/Osnovnye+napravleniya+tekhnologicheskoy+ modernizatsii+ekonomiki+Rossii.pdf?objectId=806253. (In Russian).
6. Mindeli L.E., Motova M.A. *Informatsionnyy byulleten' TsISN. Prognoz nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya* [Newsletter of Centre for Science Research and Statistics. The forecast of scientific and technological development]. Moscow, 2006. 188 p. Available from: http://np.tu-bryansk.ru/doc/any/17.pdf
7. Long-term forecast of scientific and technological development of the Russian Federation until 2030. Available from: http://prognoz2030.hse.ru/search/ keywords.html?kw=38671278. (In Russian).
8. Lozhnikova A.V., Shchetinin P.P., Skryl'nikova N.A. Synthesis of long-term scientific-technological and social-economic prognostics in modern Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*, 2013, no. 4 (24), pp. 37–47. (In Russian).
9. Gromova N.M., Gromova N.I. *Osnovy ekonomicheskogo prognozirovaniya* [Foundations of Economic Forecasting]. Moscow: Akademiya Estestvoznaniya Publ., 2006. 457 p.
10. Konstantinovskaya L.V. *Metody prognozirovaniya* [Methods of forecasting]. 2012. Available from: http://edu.dvgups.ru/METDOC/CGU/SOTS_RAB_S/PR_PROEKT_ SR/METOD/SMIRNOV/WEBUMK/frame/3_2.htm.
11. *Sovremennyy inzhiniring* [Modern Engineering]. In: *Prognozirovanie razvitiya sistem – vazhneyshiy aspekt inzhiniringa* [Forecasting system development is a key aspect of engineering]. 2011.
12. Tsyplenkova M.V., Moiseenko I.V., Guremina N.V., Bondar' Yu.A. *Osnovy menedzhmenta* [Fundamentals of Management]. Moscow: Akademiya Estestvoznaniya Publ., 2013. 129 p.
13. Kotsemir M.N. Dynamics of Russian and World Science through the Prism of International Publications. *Forsayt – Foresight-Russia*, 2012, v. 6, no. 1, pp. 38–58. (In Russian).
14. Novikova N.V., Pozdeeva O.G. *Prognozirovanie natsional'noy ekonomiki* [Forecasting of the national economy]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 2007.
15. Solov'ev A.V., Loginov A.S. *Upravlenie informatsionnymi potokami* [Information management]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2002. Available from: http://cognitive.ru/assets/docs/ scienwork/sbornic3/solovjev.doc.
16. Naumov A.V. *Sravnitel'nyy analiz rezul'tatov otechestvennykh issledovaniy s analogichnymi zarubezhnymi razrabotkami v oblasti nanotekhnologiy (Nanotekhnologii. Analitika. Nauchnye issledovaniya)* [Comparative analysis of domestic research with similar foreign developments in nanotechnology (Nanotechnology. Analysis. Research)]. 2010. Available from: http://popnano.ru/ analit/index.php?task=view&id= 1103&limitstart=0.
17. Igami M., Okazaki T. Current State of Nanotechnology: Patent Analysis. *Forsayt – Foresight-Russia*, 2008, no. 3, pp. 32–43; no. 4, pp. 22–31. (In Russian).
18. Karnyshev V.I., Avdzeyko V.I., Parnyuk L.V. [Creating specialized databases of patent and abstract information]. *Sovremennoe obrazovanie: problemy obespecheniya kachestva podgotovki spetsialistov v usloviyakh perekhoda k mnogourovnevoy sisteme vysshego obrazovaniya: materialy mezhdunar. nauch.-metod. konf.* [Modern education: problems of the quality of training in the transition to a multi-level system of higher education: Proceedings of the international scientific-methodological conference]. Tomsk: TUSUR Publ., 2012. (In Russian).
19. Butakova M.M. *Ekonomicheskoe prognozirovanie, metody i priemy prakticheskikh raschetov* [Economic forecasting, methods and techniques of practical calculations]. 2nd edition Moscow: Knorus Publ., 2010. 168 p.

Received: 11 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 170–174. DOI 10.17223/15617793/394/28

УДК 336.648

В.М. Багинова, А.Г. Ивасенко

СИСТЕМА ЗЕМЕЛЬНО-ИПОТЕЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

В подавляющем большинстве стран мира сегодня законодательно разрешено использовать земли в качестве кредитного обеспечения или залога для получения кредита. Преимущества земли как объекта залога объясняются постоянством местоположения, тенденцией непрерывного повышения стоимости, при этом физически конкретный земельный участок как заложенный объект можно оставить во владении и пользовании залогодателя. В статье исследуется система земельно-ипотечных отношений как совокупность институтов и механизмов реализации особой формы кредитных отношений, находящихся во взаимосвязи между собой и образующих некую целостность, которая обеспечивает передачу финансовых ресурсов на ипотечном рынке от кредиторов к заемщикам под залог земли с активным участием инфраструктурных элементов и государства.

Ключевые слова: система земельно-ипотечных отношений: объекты, субъекты, особенности формирования.

Система земельно-ипотечных отношений представляет собой совокупность институтов и механизмов реализации особой формы кредитных отношений, находящихся во взаимосвязи между собой и образующих некую целостность, которая обеспечивает передачу финансовых ресурсов на ипотечном рынке от кредиторов к заемщикам под залог земли с активным участием инфраструктурных элементов и государства.

Элементами системы земельного ипотечных отношений являются:

а) субъекты системы земельного ипотечного кредитования (кредиторы, заемщики и инфраструктурные элементы);

б) механизм кредитования (объект, метод и условия кредитования, обеспечение кредита, управление комплексным риском банка).

Система земельно-ипотечных отношений включает в себя две подсистемы: первичную и вторичную, которые представлены на рис. 1 [1].

Субъектами первичных ипотечных отношений выступают кредитор, залогодержатель, должник и залогодатель. Объект отношений представлен ипотечным обязательством и предметом ипотеки. Непосредственно ипотечные отношения реализуются путем заключения и исполнения договора об ипотеке, а также путем выдачи закладной.

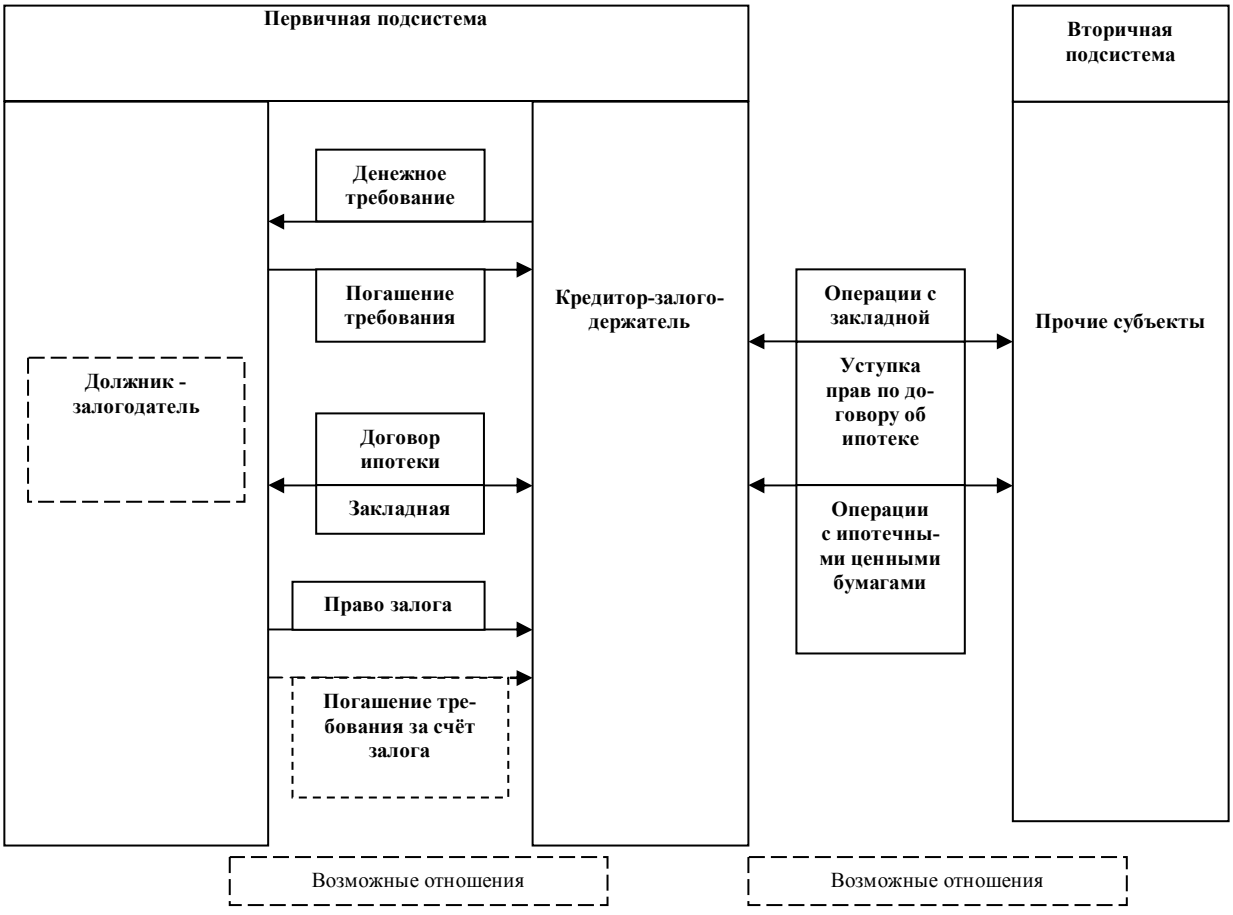

Рис. 1. Система земельно-ипотечных отношений

В рамках вторичной подсистемы ипотеки реализуются отношения рефинансирования ипотечных требований посредством операций с закладными или выпуска ипотечных ценных бумаг. Ипотечные ценные бумаги лишь косвенно связаны с залогом недвижимого имущества [2].

В подавляющем большинстве стран мира сегодня законодательно разрешено использовать земли в качестве кредитного обеспечения или залога для получения кредита. Преимущества земли как объекта залога объясняются постоянством местоположения, тенденцией непрерывного повышения стоимости, при этом физически конкретный земельный участок как заложенный объект можно оставить во владении и пользовании залогодателя [3].

В мировой практике базовыми организационно-финансовыми схемами, по которым развивается ипотека, являются:

– одноуровневая схема (немецкая или европейская, континентальная), когда привлечение средств в систему происходит через ипотечные банки;

– двухуровневая (американская, англоамериканская), когда привлечение необходимых ресурсов осуществляется посредством организации вторичного рынка ипотечных кредитов через небанковские кредитные организации – ипотечные агентства.

Одноуровневая организационно-финансовая схема ипотечного кредитования, или модель депозитного института (применительно к российским условиям – сберегательного банка), исторически сложилась в европейских странах, где земельно-ипотечное кредитование традиционно осуществляется через специальные ипотечные банки, кроме которых такое кредитование могут осуществлять ссудосберегательные ассоциации, кооперативы взаимного кредитования, страховые компании и т.д. В качестве инвесторов могут выступать другие кредитные и финансовые организации, страховые компании, пенсионные фонды, а также население.

Депозитные институты аккумулируют средства на цели ипотечного кредитования главным образом через вклады и контрактные сбережения. Они же предоставляют ипотечные займы и обслуживают их, собирают регулярные платежи в счет погашения кредитов, ведут счета, работают с должниками и т.п. Сберегательные банки сами выступают в роли инвесторов, т.е. формируют за счет выданных кредитов инвестиционный портфель [8, 9].

Ресурсы ипотечных банков складываются из собственных средств и средств, полученных от реализации инвесторам ценных бумаг (ипотечных облигаций, закладных листов), которые выпускаются под обеспечение недвижимости (земельных участков) и приносят инвестору фиксированный процентный доход. Выпуск закладных листов регулируется специальным законодательством, отличным от регулирования выпуска облигаций. Обеспечением исполнения обязательств по таким ценным бумагам служат ипотечные активы в виде имущественных прав требования по ипотечным кредитам. Специфика данной модели – замкнутость: в качестве источника предоставления земельно-ипотечных кредитов используются только те средства, которые накоплены участниками схемы контрактных сбережений. Банки, применяющие ее, обретают возможность предоставлять кредиты на условиях, лучших, нежели рыночных, так как уровень выплачиваемых по сбережениям населения процентов у них ниже рыночного (рис. 2) [4].

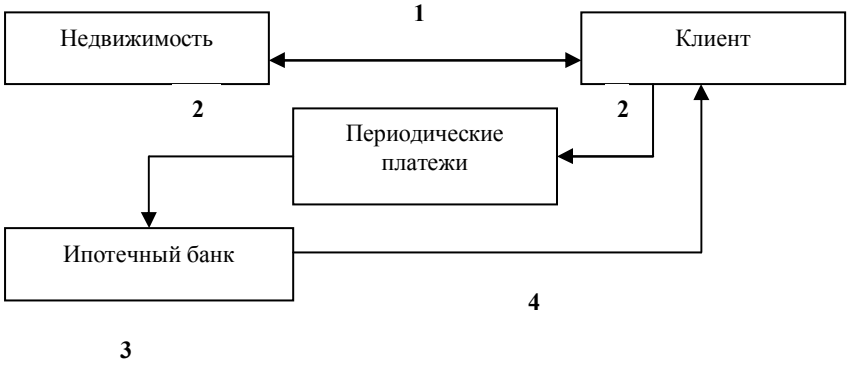

Рис. 2. Замкнутая модель депозитного института: *1* – клиент выбирает недвижимость, которую хочет приобрести; *2* – заемщик заключает договор с банком и вносит периодические платежи на специальный счет в банке в течение определенного периода; *3* – банк проверяет платежеспособность клиента; *4* – выдача кредита происходит при удовлетворении банком собранной информацией о платежеспособности клиента

Таким образом, обеспечение ипотечного кредитования дешевыми долгосрочными ресурсами производится путем создания замкнутого ипотечного финансового рынка, формируемого специализированными ипотечными кредитными организациями (ипотечными банками).

Такие системы функционируют в Нидерландах, Германии, Австрии, Финляндии, Великобритании и доминируют в Норвегии, Дании, Швеции и Канаде. Одноуровневая система, реализованная через монопольные государственные ипотечные банки, развита во Франции и Испании [7].

Ипотечные облигации благодаря жестко установленным законодательством требованиям к банкам-эмитентам, качеству ипотечного покрытия и т.п., являются одним из самых надежных финансовых инструментов. Надежность достигается за счет нескольких составляющих: специализированного надзора;

надзора от лица инвесторов, который осуществляет доверитель; гарантированности ипотечного покрытия за счет дополнительного покрытия в виде государственных обязательств; ограничения объемов эмиссии 60-кратным объемом капитала банка и т.д. Путем выпуска ипотечных облигаций европейский рынок долгосрочных ипотечных кредитов привлекает в среднем около 30% кредитных ресурсов [5].

Основным достоинством одноуровневой модели является относительно невысокая стоимость ее организации в сравнении с двухуровневой, что позволяет существенно снизить стоимость кредита для заемщика.

Вторая модель организации ипотечного кредитования получила название двухуровневая организационно-финансовая схема, или модель ипотечной компании (рис. 3) [1].

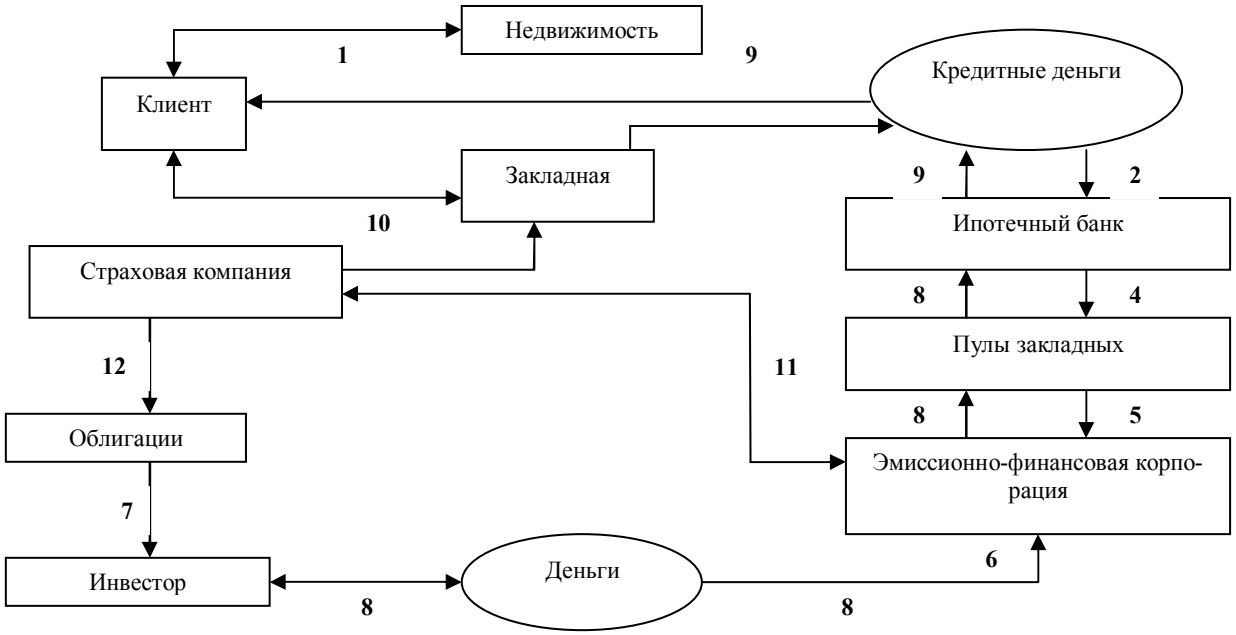

Рис. 3. Модель ипотечной компании: *1* – выбор заемщиком объектов недвижимости; *2* – обращение заемщика в банк, оформление закладной; *3* – андеррайтинг; *4* – формирование банком пула закладных; *5* – продажа пулов закладных эмиссионно-финансовой корпорации; *6* – выпуск эмиссионно-финансовой корпорацией ценных бумаг, обеспеченных закладными; *7* – размещение ценных бумаг; *8* – направление полученных от размещения ценных бумаг денежных средств на финансирование ипотечных банков для выдачи ипотечных кредитов; *9* – кредитование заемщика; *10*, *11*, *12* – страховая компания проводит страхование закладных и облигаций

Сравнительные характеристики ипотечного кредитования

Страны	Основная используемая модель ипотечного кредитования	Основные инструменты привлечения средств	Формы государственного участия в развитии ипотечного кредитования
США и Канада	Вторичный рынок закладных	Ценные бумаги, обеспеченные закладными	Поддержка операторов вторичного рынка, налоговое стимулирование, государственное страхование кредитов, налоговое стимулирование
Западной Европы	Одноуровневая, в последнее время набирает обороты рынок ипотечных облигаций	Сберегательные счета, ипотечные облигации	Государственные премиальные выплаты, жесткое регулирование рынка со стороны государства, налоговое стимулирование
Восточной Европы	Одноуровневая	Сберегательные счета, ипотечные облигации	Государственные премиальные выплаты, жесткое регулирование рынка со стороны государства, налоговое стимулирование
Азии	Одноуровневая, в некоторых странах имеется вторичный рынок	Сберегательные счета, ценные бумаги, обеспеченные закладными	Создание государственных кредиторов, направление государственных средств на ипотечное кредитование
Латинской Америки	Одноуровневая, в некоторых странах предпринимаются попытки создания вторичного рынка	Сберегательные счета	Привлечение государством средств в ипотечное кредитование, создание государственных операторов вторичного рынка

Начальные операции ипотечных компаний финансируются за счет собственного капитала и срочных займов. Выдав заем, ипотечные компании продают его третьему лицу – инвестору – или непосредственно или путем выпуска ценных бумаг, обеспеченных пулом ипотечных кредитов. Средства, полученные от продажи, компания снова пускает в оборот, выпуская новые займы, а ее прибыль складывается из сборов за предоставление кредитов и платежей за их обслуживание. Такая модель предполагает наличие достаточно развитого вторичного ипотечного рынка.

Двухуровневая организационно-финансовая схема базируется на трех составляющих:

1) ипотечное страхование, гарантирующее ипотечные кредиты от риска невозврата, что делает выдачу кредитов и покупку обеспеченных ими ценных бумаг более привлекательными для банков и инвесторов, а сами кредиты более доступными для заемщика;

2) рефинансирование – покупка ипотечных ценных бумаг, выпущенных банками;

3) секъюритизация – выпуск на базе банковских ипотечных ценных бумаг других, более ценных и, соответственно, более ликвидных на рынке бумаг [6].

Несмотря на то что первоначально кредиты выдают коммерческие банки, ссудосберегательные ассоциации и кредитные союзы, фактическими держателями основной части ипотечного портфеля являются специальные агентства, которым предоставляются государственные гарантии, обеспечивающие снижение рисков и стандартизацию займов [7].

Такое сопряжение рынка ипотечных кредитов и рынка ипотечных ценных бумаг превращает ипотеку в самофинансируемую систему, вовлекающую в оборот средства различных инвесторов.

На основе описанных выше моделей ипотечного кредитования в каждой стране формируются собственные механизмы ипотечного кредитования (см. таблицу) [1].

Анализ развития гражданско-правового института ипотеки и подходов к организации ипотечного кредитования в зарубежных системах показывает, что основное их различие заключается в принципах формирования ресурсной базы и соответствующих механизмов привлечения долгосрочных финансовых ресурсов для ипотечного кредитования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ивасенко А.Г., Казаков В.В., Никонова Я.И.* Инновации на финансовых рынках: теоретические и методологические аспекты. Томск : Изд-во НТЛ, 2013. 196 с.
2. *Каноков А.* К развитию залогового кредитования // Российский экономический журнал. М., 1996. № 5–6.
3. *Кассо Л.А.* Понятие о залоге в современном праве. 1898.
4. *Инвестиционный* менеджмент : учеб. пособие / кол. авторов ; под ред. В.В. Мищенко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : КНОРУС, 2008. 400 с.
5. *Никонова Я.И., Казаков В.В.* Механизм финансового обеспечения инновационной деятельности экономических систем // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 127–133.
6. *Ивасенко А.Г.* Методический подход к формированию системы земельно-ипотечного кредитования в России // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2009. № 3 (22): Экономические науки и методика их преподавания.
7. *Казаков В.В., Сотников А.С.* Управление развитием региональных комплексов и их финансовое обеспечение. Томск, 2006.
8. *Ивасенко А.Г.* Формирование системы земельно-ипотечного кредитования в сфере сельского хозяйства. Новосибирск : НГТУ, 2008.
9. *Ивасенко А.Г.* Земельно-ипотечное кредитование как инструмент развития предпринимательства. Новосибирск : НГТУ, 2009.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 15 февраля 2015 г.

SYSTEM OF LAND AND MORTGAGE RELATIONS: CHARACTERISTICS OF FORMATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS IN RUSSIA

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 170-174. DOI 10.17223/15617793/394/28

Baginova Victoria M. East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: fik@esstu.ru

Ivasenko Anatoly G. Siberian State University of Railway Transport (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ya_shka@ngs.ru

Keywords: land and mortgage relations: objects; subjects; features of formation.

In the vast majority of the world's countries today, law allows to use land as a collateral or a collateral for the loan. The advantages of land as a collateral are constancy of location, trend of continuously rising prices; physically land as a laid object can be left in the possession and use of the mortgagor. The article deals with the system of the land and mortgage relations as a set of institutions and mechanisms for the implementation of a particular form of credit relations; they are interconnected and form a kind of integrity which ensures the transfer of financial resources in the mortgage market from lenders to borrowers secured by land with the active participation of the infrastructure and the state. Land and mortgage relationship system includes two subsystems: primary and secondary. The subjects of primary mortgage relations are the creditor, the pledgee, the debtor and the pledger. The object of the relations is mortgage obligation and the subject of mortgage. Direct mortgage relations are implemented through the conclusion and implementation of a mortgage agreement, as well as through the issuance of mortgage payments. The secondary subsystem is mortgage refinancing claims through relationships with mortgages or mortgage-backed securities. Mortgage backed securities are only indirectly related to mortgage of immovable property. In the world practice the basic organizational and financial schemes of mortgage development are: one-level (German or European, continental) scheme when the attraction of means into the system occurs through mortgage banks; and two-level (American, Anglo-American) scheme when the attraction of the necessary resources is achieved by means of the organization of the second market for mortgages through credit organizations: mortgage agencies. The one-level organizational and financial scheme of mortgage lending was historically formed in the European countries, where land-mortgage crediting is traditionally made through special mortgage banks, as well as through savings bank associations, cooperatives of mutual crediting, insurance companies, etc. The investors can be other credit and financial organizations, insurance companies, pension funds, and also population. In the two-level scheme, the initial operations of mortgage companies are financed from their

own capital and urgent loans. After giving out loans, mortgage companies sell them to a third party, the investor, or directly either by the release of securities, provided for by the pool of mortgages. The company again uses the money obtained from sale to issue new loans; and its profit is harges for the assignment of credits and payments for their service.

REFERENCES

1. Ivasenko A.G., Kazakov V.V., Nikonova Ya.I. *Innovatsii na finansovykh rynkakh: teoreticheskie i metodologicheskie aspekty* [Innovations in financial markets: theoretical and methodological aspects]. Tomsk: NTL Publ., 2013. 196 p.
2. Kanokov A. K razvitiyu zalogovogo kreditovaniya [On developing collateral crediting]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal*, 1996, no. 5–6.
3. Kasso L.A. *Ponyatie o zaloge v sovremennom prave* [The concept of the pledge in modern law]. Yur'ev: tipografiya K. Matissena Publ., 1898.
4. Mishchenko V.V. (ed.) *Investitsionnyy menedzhment* [Investment management]. 2nd edition. Moscow: KNORUS Publ., 2008. 400 p.
5. Nikonova Ya.I., Kazakov V.V. Mechanism of financial security of innovative activity of economic systems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 364, pp. 127–133.
6. Ivasenko A.G. Metodicheskiy podkhod k formirovaniyu sistemy zemel'no-ipotechnogo kreditovaniya v Rossii [Methodological approach to the formation of the system of land mortgage lending in Russia]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*, 2009, no. 3 (22).
7. Kazakov V.V., Sotnikov A.S. *Upravlenie razvitiem regional'nykh kompleksov i ikh finansovoe obespechenie* [Managing the development of regional systems and their financial security]. Tomsk: NTL Publ., 2006. 204 p.
8. Ivasenko A.G. *Formirovanie sistemy zemel'no-ipotechnogo kreditovaniya v sfere sel'skogo khozyaystva* [Formation of the system of land mortgage lending in agriculture]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Publ., 2008. 160 p.
9. Ivasenko A.G. *Zemel'no-ipotechnoe kreditovanie kak instrument razvitiya predprinimatel'stva* [Land and mortgage lending as a tool for business development]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Publ., 2009. 235 p.

Received: 15 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 175–180. DOI 10.17223/15617793/394/29

УДК 334.021.1

О.В. Башорина, Л.С. Ружанская, Е.А. Якимова

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ БЫСТРОРАСТУЩИХ IT-КОМПАНИЙ НА ПРИМЕРЕ ЗАО «ПФ “СКБ КОНТУР”»

Быстрорастущие компании, и в первую очередь компании-«газели», являются точками роста экономики и агентами качественных изменений. Основной целью исследования является выявление инструментов стратегического управления, позволяющих компании сохранить рост в течение длительного времени в IT-секторе российской экономики. Для достижения цели использовались качественные (экспертные интервью, контент-анализ) и количественные (оценка финансовых показателей деятельности компании) методы исследования.

Ключевые слова: быстрорастущие компании; компании-«газели»; бизнес-модель; стратегические решения; IT-компания.

Введение

В условиях глобализации российского рынка IT-технологий в целом, усиливающейся конкуренции, в том числе и с возрастающей возможностью входа новых игроков в потенциально прибыльную отрасль, важным для компании является сохранение темпов роста. Примеров рыночного успеха и быстрого роста на этапе создания компании в IT-секторе российской экономики существует достаточное количество с учетом факта, что данный бизнес не требует близкого расположения к сырью, крупным городам или сегментам потребителей. Именно в такой ситуации стратегические решения для сохранения роста в длительном периоде в постоянно изменяющихся условиях рынка могут стать залогом развития компании в долгосрочной перспективе.

Тенденции развития быстрорастущих компаний

На протяжении шести последних лет тенденции в развитии динамичных компаний среднего бизнеса существенно менялись. В классическом понимании, заложенном Дэвидом Берчем [1. Т. 1. С. 76], «газелями» считаются компании среднего бизнеса с годовой выручкой от 10 до 350 млн долларов, демонстрирующих темпы роста от 30% ежегодно в течение 4 лет подряд. При этом хотя бы в один из периодов фирма должна показывать положительную прибыль. Из анализа традиционно исключаются компании с госучастием и аффилированные с крупными вертикально интегрированными структурами [2. С. 25], поскольку их бюджетные ограничения мягче, а ресурсный потенциал существенно шире.

До кризиса число компаний-«газелей» быстро росло, затем в кризисные годы они продемонстрировали устойчивость своих моделей развития, два года назад они подавали надежды на то, чтобы стать источником структурных сдвигов в экономике, но так им и не стали. Четыре года назад руководители быстрорастущего среднего бизнеса говорили в интервью[1], что главное, чего они ждут от государства, – это того, чтобы оно им не мешало, помощи никто не ждал. Сегодня таких высказываний уже не услышишь[2].

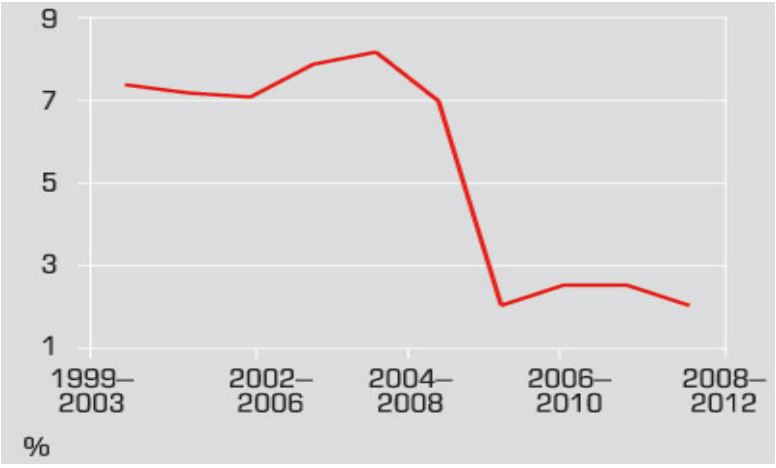

Рис. 1. Доля «газелей» в общей популяции крупных и средних компаний России (полный список «газелей», включающий как независимые, так и аффилированные компании). Источник: Эксперт. № 26 (905). 23 июня 2014 г.

Средний бизнес – это более половины экономики страны [3. С. 31]. Никаких специфических инструментов поддержки у государства нет, нет и инфраструктуры для того, чтобы малый бизнес становился средним быстрорастущим. Рынки постепенно насыщаются, возможности консолидации компаний среднего бизнеса сокращаются, а источники внутрикорпоративного совершенствования либо исчерпываются, либо до сих пор не осознаются. Кроме того, многочисленность в целом сектора средних компаний и относительно низкая социальная значимость каждой компаний в отдельности не позволяют привлечь то-

чечное внимание федерального и регионального госаппарата к этим компаниям, как это происходит с крупным бизнесом. Ко всему прочему региональный разрез по количеству быстрорастущих компаний оказывается весьма неравномерным, что еще больше снижает мотивацию региональной власти к поддержке ограниченного количества компаний. Так, на весь Урало-Сибирский экономический регион, по результатам исследования «Эксперт-Урал» [4. С. 12], оперировавшего данными «СПАРК Интерфакс», в традиционном измерении на период 2007–2012 гг. насчитывалось 30 компаний-«газелей». Для сравнения, всего по РФ таких компаний насчитывается 532. Если принять, что доля валового регионального продукта Урала в ВВП страны колебалась в этот период в пределах 12–15%, то число газелей в регионе должно быть минимум в два с половиной раза больше. В то же время число газелей в регионе с каждым годом сокращается, падает и их доля в региональном продукте. Причина негативной тенденции в развитии уральских «газелей», скорее всего, кроется в отраслевой структуре региональной экономики, если принять во внимание, что вряд ли удастся выявить специфическое влияние регулятора на этот сектор. Кроме того, в ближайшее время есть основания ожидать появления новых успешных средних компаний за счет реструктуризации крупных промышленных холдингов в базовых отраслях промышленности Урала: выделения из состава непрофильных предприятий. В целом же стоит отметить, что практически все динамично развивающиеся средние компании Урала – это компании, работающие на внутреннем рынке.

Многие «газели» росли за предыдущие годы за счет заполнения пустующих ниш на внутреннем рынке, но так и не выработали стратегии специализации, позволяющей конкурировать на внешних рынках. Так, например, поиском возможностей на внешнем рынке стали только недавно интересоваться наиболее успешные IT-компании, заработавшие свой успех за счет внутреннего рынка. Хотя именно сектор информационных технологий как никто другой демонстрирует по всему миру и в России без исключения возможности отраслевого лидерства независимо от того, где расположена штаб-квартира компании, размера стартового капитала и прочих характеристик успешного роста крупных компаний.

Драйверами роста в ближайшем будущем в IT-отрасли станут информбезопасность, SaaS-решения (модель продажи программного обеспечения, при которой поставщик разрабатывает веб-приложение и самостоятельно управляет им, предоставляя заказчикам доступ к программному обеспечению через Интернет), внедрение свободного ПО, электронные госуслуги (и информатизация органов власти в целом), а также услуги по поддержке существующей IT-инфраструктуры. Госсектор и ИТ-аутсорсинг – лишь ниши, стабильно генерирующие выручку. Государственный сектор мог бы стать драйвером развития IT-рынка, но таковым не становится вот уже более десяти лет, несмотря на то что у властей было множество инициатив, например «Электронная Россия». Но в результате все госпроекты локомотивами роста не стали. Они превратились в драйверы кратковременных затрат, не создав задела для длительного развития и роста рынка. Причинами является неудовлетворительный менеджмент государственных инициатив. Более того, развитие электронных госуслуг по рентоориентированной модели существующих взаимоотношений между крупным бизнесом и государством будет монополизировано крупнейшим игроком на этом рынке[3]. При внедрении «Электронного правительства» и госуслуг в частности востребованы будут те компании, которые имеют необходимые компетенции. И объем их участия не подвергнется изменениям из-за новых проектов. Несмотря на масштабность проектов, инициированных государством («Электронное правительство», «Информационное общество»), объем их финансирования сопоставим с инвестициями в автоматизацию серьезной корпорации. Причинами торможения развития проектов «Электронного правительства» является неверная модель создания рынка электронных госуслуг, ориентированная на предложение по схеме госзаказа, а не на спрос[4].

Причин, по которым IT-аутсорсинг не станет драйвером роста, несколько. Во-первых, многие предприятия не понимают экономического эффекта от передачи на аутсорсинг непрофильных функций. Во-вторых, руководители многих компаний боятся раскрытия третьим лицам информации компании (информационная закрытость и высокие риски прозрачности). В-третьих, ИТ-инфраструктура промышленных предприятий до сих пор неэффективна[5].

Так, ЗАО «ПФ “СКБ Контур”» – один из крупнейших в России производителей программных продуктов для автоматизации бухгалтерской отчетности, ищет для себя внешние и внутренние возможности для роста, наблюдая сокращение темпов увеличения выручки. Так, за 2013 г. выручка составила 4 470 млн руб., а темп роста в 2008–2013 г. увеличился в 2,5 раза, но по сравнению с предыдущими периодами аналогичный показатель был выше более чем в три раза [5]. Особенности институциональной среды российской экономики создают возможности даже для таких интернационализированных секторов экономики, как IT-сектор, выстраивания барьеров для конкуренции на международном и российском уровнях. Примером таких барьеров при конкуренции с иностранными компаниями могут служить российские стандарты бухгалтерского учета и специфика работы с российским клиентом, с российскими компаниями – активная GR деятельность компании.

Специфические условия роста в IT-секторе

«СКБ Контур» – инициативно-созданная компания (в 1988 г.), в настоящее время один из крупнейших производителей программных продуктов для автоматизации бухгалтерской отчетности. Для поддержания кадрового потенциала компания тесно сотрудничает с ведущим центром математического образования на Урале – Институтом МКН УрФУ.

Современная бизнес-модель компании «СКБ Контур» основана на идее развития независимых старта-

пов в создании продуктов и на идее дилерской сети в продажах. При этом «СКБ Контур» выступает в роли венчурного фонда для команд, которые приносят плодотворные идеи. Как правило, компания предпочитает работать со стартапами в ранней стадии, но готова рассматривать и посевные инвестиции в случае, если идея оценена экспертами компании как перспективная. Финансовая поддержка носит венчурный характер, компания не предоставляет кредитов и претендует на долю в новой компании, предлагая взамен инвестиции, доступ к клиентской базе и сети партнеров, экспертный опыт разработки и продажи веб-сервисов и ориентацию на сетевое взаимодействие. Таким образом, компания ориентирована на то, чтобы вырастить свой бизнес в десятки раз в ближайшие годы! Однако доля успешных стартапов очень мала, как, впрочем, в целом в мире венчурного бизнеса. В условиях ужесточающихся бюджетных ограничений компания задумалась над возможным пересмотром своей бизнес-модели[6]. Причинами для такого пересмотра стали растущая конкуренция на отраслевом рынке и осознание компанией внутренних проблем роста, связанных с жизненным циклом развития организации. Одним из решений этой проблемы руководство видит в централизации многих бизнес-процессов в компании, что позволит сократить издержки в многофилиальной и многофункциональной структуре.

Продвижением продуктов «СКБ Контур» занимается как сама компания, так и дилерская сеть. Дилер открывает сервисный центр по продаже веб-сервисов – инновационных продуктов. СКБ Контур – флагман на рынке электронной отчетности – разрабатывает новые методики работы с клиентами, создает у них ориентацию на работу в интернет-сервисах. Дилеры же должны распространить эти методики через сервисные центры. При этом с конечным потребителем контактируют в первую очередь сервисные центры по всей стране, и именно дилеры в большей степени получают обратную связь от конечного пользователя, что составляет трудность для разработчиков программных продуктов. Возникает неполнота информации о том, как работает продукт и чего ожидает клиент от продукта, какова его удовлетворенность. Дилерская схема финансовых взаимоотношений позволяет каждому партнеру быть в большей степени независимым от разработчика и выстраивать свой собственный бизнес так, как того требуют рыночные условия любого региона. Дилеры «СКБ Контур» не закупают оптом коробки с программами, а работают по факту появления продажи.

Спецификой компании является то, что ее деятельность напрямую зависит от деятельности государства. Сегодня компания «СКБ Контур» сотрудничает с крупнейшими федеральными контролирующими и исполнительными органами: Федеральной налоговой службой, Пенсионным фондом, Фондом социального страхования, Федеральной службой по тарифам, Росстатом, Росинформтехнологиями и др. Государство выступает для компании в роли регулятора, как и для всех остальных компаний, но одновременно государство, своими инициативами по автоматизации отчетности и упрощению ведения бизнеса и улучшению бизнес-климата в стране, создает идеи новых продуктов «СКБ Контура» и спрос на эти продукты.

На сегодняшний день среди топ-менеджеров и собственников компании наблюдается явное разделение на два лагеря, которые возглавляют два крупнейших собственника: создатель «СКБ Контур» В. Бублик, крупнейший акционер, и нынешний генеральный директор Д. Мраморов[7]. При этом разногласия лежат не в технической сфере, а именно в источниках роста компании. В. Бублик считает необходимым делать акцент на взаимодействии с регуляторами, которое ранее приносило и продолжает приносить основной доход компании. Д. Мраморов ориентируется не только на регулятора (отрицать его роль в создании денежных потоков компании, производящей программное обеспечение для бухгалтерской отчетности, было бы странно), но и на внутренние ресурсы роста инновационного бизнеса и возможности расширения рынка за счет большей эффективности, чем у конкурентов, а не только на создание новых продуктов под новые нормы, создаваемые регуляторами. Природа возникновения новых норм двояка:

– норма может возникнуть внутри регулятора;

– норма может возникнуть как ответ на потребность бизнеса в улучшении бизнес-климата, которую доводит до регулятора как раз IT-разработчик (например, электронная подпись, так, «СКБ Контур» предоставляет услуги крупнейшего в стране Удостоверяющего центра – генерация сертификатов ключей электронной цифровой подписи. На сегодняшний день общее количество сертификатов электронной цифровой подписи, выданных УЦ СКБ Контур, превышает 2 000 000).

Одним из инструментов стратегического развития компании стала особенность работы с персоналом. За годы работы в компании «СКБ Контур» Леонид Волков[8] пришел к выводу, что персонал делится на две категории – «наши» и «не наши». Поэтому с вновь набираемыми сотрудниками активно работали для создания «класса» лояльных сотрудников; лучших лояльных сотрудников продвигали и поддерживали, с остальными расставались.

Вторым уникальным качеством «газелей», которое развивают и поддерживают в компании на этапе поиска новых идей, считается креативность. Темпы роста компании удерживались на уровне 80% много лет подряд благодаря созданию web-сервиса для подготовки документов на удаленном сервере, доступного с любого рабочего места[9]. Электронный документооборот и облачные технологии руководство компании считает основным драйвером развития IT-рынка. Таким образом, в России мы наблюдаем не некие виртуальные разговоры о переходе бизнеса «в облако». Это совершенно реальные конкретные тенденции для бизнеса.

Антикризисные инструменты СКБ-Контур: прежний опыт компании

Кризисный 2009 г. стал для отрасли провальным. В среднем сегмент ИТ-услуг упал на 15–30%, разра-

ботка софта – на 10–15%, продажа оборудования – на 20%. Относительно стабильным оставался только сектор ИТ-аутсорсинга.

В период кризиса «СКБ-Контур» смог предложить своим клиентам, независимо от их специализации, не комплексные длинные и сложные проекты, а переориентацию на достаточно простые продукты с коротким внедрением и отдачей не больше года. Но эти проекты не были заплатками, компании покупали решения, способные интегрироваться в существующую и будущую ИТ-инфраструктуру.

Уже в 2010 г. все компании отмечали рост основных показателей бизнеса и возвращение на докризисный уровень. Самой быстрорастущей компанией по итогам 2009 г. оказался «СКБ Контур» (39,5% прироста; разработки бухгалтерского ПО). Однако рост в кризис оказался иной, более сложной природы, нежели докризисный, который осуществлялся за счет расширения клиентской базы. Дело в том, что, по данным ФНС, на 2009 г. около 60% предприятий в России перешли на электронную отчетность, и эта цифра с 2008 г. увеличилась всего на 5 процентных пунктов. Кризисный рост осуществлялся за счет внедрения дополнительных услуг в систему «Контур-Экстерн», а также запуска новых проектов (в 2006–2008 гг. – один новый проект, в 2009 г. – сразу три). По словам Л. Волкова, экс-заместителя генерального директора «СКБ Контур», «в этом плане кризис стал для нас благотворным, он позволил не расширяться слишком быстро. Когда твоя выручка увеличивается на 100% в год, у тебя все время рушатся какие-то бизнес-процессы, не хватает ресурсов, постоянно надо что-то перенастраивать. На это уходят все силы, и ты больше ничем не успеваешь заниматься. Самым счастливым месяцем стал для нас апрель 2010 г. – впервые за многие месяцы доля от продаж “Контур-Экстерна” в общей выручке упала ниже 90%. Стратегия диверсификации компании начала себя оправдывать. Диверсификация “СКБ Контура” – это три направления, из которых софт – только одно. Остальные два посвящены услугам. Например, мы хотим сделать самый большой в стране портал SaaS-решений. Наверное, это больше будет пользоваться популярностью у малого и среднего бизнеса, потому что дает ему существенную экономию. Все вычисления – в Интернете, никакого софта и оборудования устанавливать не надо, никаких лицензий, никаких трат на серверы. Все что нужно – браузер». Основной причиной устойчивости «СКБ Контур» в период кризиса стал характер основного продукта, спрос на который низкоэластичен. Д. Мраморов: «На нашем основном продукте – системе для сдачи отчетности в контролирующие органы через интернет “КонтурЭкстерн” – кризис практически не сказался. Конечно, в тех регионах, где промышленное производство, как в Свердловской области, упало на треть, мы чувствуем снижение количества новых подключений. Но если смотреть в целом, то наши показатели продаж соответствуют запланированным».

Выводы

IT-сектор в российской экономике обладает рядом особенностей: возможности отраслевого лидерства не зависят от расположения штаб-квартиры компании, близости к кадровым ресурсам, поставщикам, потребителям, а также от размера стартового капитала. Для роста компании также важны тенденции внедрения аусорсинговых проектов в других отраслях экономики. Единственным вызовом можно считать только вход новых игроков на рынок, как иностранных, так и российских компаний, и передел существующих ниш клиентов. Для конкурентной борьбы компания искусственно создает барьеры входа, чему способствует специфика российского рынка в целом и особенности работы с государственными и региональными органами власти.

На фоне негативных тенденций, угроз внешней среды, внутренних проблем – бюджетные ограничения, растущая конкуренция на отраслевых рынках, внутренние проблемы роста, низкая доля удачных стартапов, споры акционеров и топ-менеджмента о точках роста компании – «СКБ-Контур» удалось принять ряд верных стратегических решений не только для закрепления в своей нише на рынке, но также для эффективного расширения бизнеса. Такими решениями можно назвать пересмотр бизнес-модели компании в целом, диверсификацию, особенности в работе с персоналом компании, акцент на креативность в создании новых продуктов, активную работу с госорганами. Дополнительным направлением развития бизнеса может стать поддержка экспорта. Возможности для роста в условиях спада многие «газели» видят в выходе на рынки других стран. СКБ-Контур предполагает выйти со своим продуктом на рынки стран СНГ и Восточной Европы. В развитых странах одним из важнейших инструментов поддержки среднего бизнеса являются программы поддержки прямых инвестиций своих «газелей» за рубежом: им намного сложнее преодолеть барьеры выхода. В России нет ничего подобного, хотя многие субъекты федерации имеют сети представительств в других странах. Поддержка зарубежной активности средних компаний не противоречит задачам развития территории: рабочие места создаются в других странах, но добавленная стоимость (капитал) все равно возвращается на территорию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Материалы дискуссии представителей динамично развивающихся компаний, участников III Конгресса «газелей» в 2010 г.

[2] Материалы дискуссии представителей динамично развивающихся компаний, участников V Конгресса «газелей» в 2010 г.

[3] Леонид Волков: «Госуслуги локомотивом (развития) не станут по одной простой причине – все будет делать Ростелеком, до региональных рынков деньги не дойдут никогда. Это проект сродни Росгоспоиску или Росгоспочте или национальной операционной системе. У нас есть один подрядчик, есть инфраструктура, созданная парой бизнесов, этим и будем пользоваться. На уровне того подхода, который сейчас

демонстрируется, госуслуги локомотивом не станут. Конечно, есть много бизнесов, которые хотели бы бежать и делать сервисы, но, кажется, некуда будет бежать».

[4] Д. Мраморов: «Первая проблема – уверенность властей в том, что они могут все делать сами: писать техзадания, нанимать подрядчиков, консультантов для техподдержки. Главное, думали наши чиновники, – правильно потратить деньги на выбор нужного подрядчика. В рамках "Электронной России" было разыграно около 60 лотов. Победители добросовестно выполнили все, что от них требовали в техзадании. Только в итоге мы получили набор разрозненных услуг. Вторая проблема – опора на госзаказ. Любая качественная услуга должна возникать только там, где в ней есть потребность. Надо идти не от госзаказа, а от спроса. В первую очередь нам нужно автоматизировать регистрацию документов на получение загранпаспорта или постановку машин на учет в ГИБДД. Сервисы не должны быть бесплатными (как это задумывалось в "Электронной России"): люди и сейчас платят (ту же госпошлину за загранпаспорт) и готовы платить еще больше за срочность и качество. Еще одна проблема – правовая база. В России до сих пор остается множество законов, нормативных актов, в которых сказано, что те или иные документы должны предоставляться только на бумаге. Даже если разрешен электронный вид, то не определены форматы документов, стандарты их использования и передачи. Наконец, мешает политика государства в области информбезопасности. Законодательство в этой сфере перенесено в коммерческий сектор из сектора гостайны, где требуется абсолютная защита. Но бизнесу нужна не абсолютная, а адекватная защита».

[5] А. Куров, генеральный директор компании «Энвижн-Урал»: «Пример – мы обслуживаем два завода одного холдинга, находящиеся в Первоуральске и Челябинске. Задачи одинаковые, функционал тоже. Но нам пришлось создавать два обособленных ИТ-подразделения, чтобы обслуживать эти предприятия. ИТ-аутсорсинг эффективным станет только тогда, когда один и тот же специалист сможет обслуживать не одно, а два-три предприятия. В этом случае себестоимость услуги снизится в разы. Это идеальная картинка, к ней надо стремиться». Александр Давыдов, председатель совета директоров компании «Наумен» (разработка, ИТ-услуги): «Я считаю, что кризис длился недостаточно долго, чтобы аутсорсинг стал популярным. На рынке не появилось ни критической массы предприятий с качественным проектным менеджментом (службой заказчика), формализацией всех процессов, ни большого количества хороших предложений от ИТ-компаний. Когда случится очередной виток кризиса и нефть упадет до 40 долларов, тогда предприятия резко возьмут курс на снижение себестоимости всех процессов, в том числе и поддержки инфраструктуры. Только под большим рыночным давлением хозяин предприятия согласится оторвать от себя что-то родное».

[6] Данные интервью с Pekka Mattila, профессором университета Aalto Executive Education (Хельсинки): «Мы будем рассматривать инновации бизнес-модели с точки зрения предложений, выручки и отношений с клиентами. Это очень важная информация для компании "СКБ Контур" по инновационным инструментам, которых нет у конкурентов и которые позволят им добиться конкурентного преимущества».

[7] На основании данных экспертного интервью с акционерами и топ-менеджерами ЗАО «ПФ "СКБ-Контур"», проведенного авторами в декабре 2013 г.

[8] Инициатором таких изменений был бывший заместитель генерального директора «СКБ Контур» Леонид Волков, с 2009 г. депутат городской думы Екатеринбурга, с осени 2013 г. эмигрировал с семьей в Люксембург.

[9] Как говорит сейчас заместитель генерального директора екатеринбургской компании «СКБ Контур» Леонид Волков, расти много лет подряд на 80% в год позволила одна безбашенная идея: Первым нашим продуктом была обычная, хотя и очень хорошая бухгалтерская система учета труда и заработной платы. В 1996 г. на рынке появились предложения по сдаче отчетности в контролирующие органы на дискетах. Законодательство менялось постоянно, и для раздачи очередной версии нам надо было обежать все 50 тысяч (к тому времени) наших клиентов. Это тяжело. И мы придумали: а давайте-ка уйдем от всех этих обновлений и перейдем полностью на принцип "тонкого клиента" – сделаем web-сервис для подготовки документов на удаленном сервере, доступный с любого рабочего места. Сейчас это кажется абсолютно естественным, но в 2000 г., когда балом правили модемы, а электронная почта была не у всех предприятий, это был нонсенс. Но именно с этой безумной идеей, которую потом не смог повторить ни один наш конкурент, мы очень хорошо попали «в струю». Если сейчас мне описать параметры системы, которую мы в итоге построили, и сказать «вот инвестиции, делай», я бы ответил, наверное, что это нереальный проект.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Birch D.* The Job Generation Process. A report prepared by the Massachusetts Institute of Technology Program on Neighborhood and Regional Change for the Economic Development Administration. U. S. Department of Commerce, Washington, D. C. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1979.
2. *Юданов А.* Вторая половинка модернизации // Эксперт. 2011. № 20. С. 23–29.
3. *Жога Г.* Табун-призрак // Эксперт-Урал. 23–29 июня 2014. № 26 (606).
4. *Жога Г.* Холодный климат // Эксперт-Урал. 3–9 июня 2013. № 22 (558). С. 12–18.
5. *Официальный* сайт компании СКБ-Контур. URL: http://www.kontur.ru

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 11 февраля 2015 г.

STRATEGIC DECISIONS OF HIGH-GROWING IT-COMPANIES: A CASE-STUDY OF THE COMPANY "SKB KONTUR"

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 175-180. DOI 10.17223/15617793/394/29

Bashorina Olga V., Ruzhanskaya Liudmila S., Yakimova Elena A. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: o.basorina@mail.ru; l_ruzhanskaya@mail.ru; Ea.yakimova@yandex.ru

Keywords: high-growing companies; "gazelles"; business model; strategic solutions; IT-sector.

This paper is written in the form of a case study research. The object of research is strategic tools of the company "SKB Kontur" as a "gazelle" (or high-growing company), which works in the IT-sector. The paper includes information about indicators used to define the class of "gazelles". High-growing companies are the points of economic growth and qualitative change agents. Their efficiency and effectiveness are shown in all spheres of activity. Companies of this type are distinguished by the exponential growth of the revenue. However, this does not guarantee them the attention and support from the government at the regional level. In the crisis of the Russian economy, high-growing companies base on their previous experience and use a variety of strategic tools, depending on the market features that allow them not only to compete, but also to maintain the growth rate in the long run. The work mainly focuses on the identification of a strategic management tool allowing to maintain a high growth rate in the specific IT-sector of the Russian economy. To achieve the goal, the authors used qualitative (expert interviews, content analysis) and quantitative (measurement of financial performance of the company) methods. This allowed identifying the characteristics of the IT-sector, strategic solutions used by "SKB Kontur" to compete with foreign and Russian companies on rising and falling markets. The IT-sector in the Rus-

sian economy has a number of features: the possibility of industry leadership does not depend on the location of the company headquarters, suppliers, consumers, and the size of the start-up capital. The most important condition for success is the availability of quality human resources and access to administrative resources. Implementation of outsourcing projects in other sectors of the economy is also an important trend for the growth of the company. The challenge for the development can be considered as the entry of new players into the market and redistribution of existing markets. Major industry barriers to competition are the specifics of the Russian legislation, the monopolization of access to the client and close contacts with the authorities of state regulation.

REFERENCES

1. Birch D. *The Job Generation Process*. A report prepared by the Massachusetts Institute of Technology Program on Neighborhood and Regional Change for the Economic Development Administration. U.S. Department of Commerce, Washington, D. C. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1979.
2. Yudanov A. Vtoraya polovinka modernizatsii [The second half of modernization]. *Ekspert*, 2011, no. 20, pp. 23–29.
3. Zhoga G. Tabun-prizrak [A ghost herd]. *Ekspert-Ural*, 23–29 June 2014, no. 26 (606).
4. Zhoga G. Kholodnyy klimat [A cold climate]. *Ekspert-Ural*, 3–9 June 2013, no. 22 (558), pp. 12–18.
5. The official website of the company SKB Kontur. Available from: http://www.kontur.ru. (In Russian).

Received: 11 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 181–188. DOI 10.17223/15617793/394/30

УДК 336.221.264

М.О. Какаулина

НАЛОГОВАЯ НАГРУЗКА И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ПОИСК ЭФФЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ

Предложена классификация субъектов РФ по ресурсному потенциалу, предполагающая их деление на природно-ресурсные и инновационные. С учетом данной классификации разработана и апробирована авторская модель оценки влияния налоговой нагрузки на экономический рост региона, базирующаяся на линейной неоднородной производственной функции. На основе указанной модели рассчитаны критические значения оптимальной налоговой нагрузки в субъектах с различным ресурсным потенциалом.

Ключевые слова: концепция кривой Лаффера; оптимальная налоговая нагрузка; экономический рост; ресурсный потенциал; моделирование; регион.

Введение

В Бюджетном послании Президента на 2013–2015 гг. говорится: «Налоговая система должна не только выполнять фискальную функцию, но стимулировать предпринимательскую активность» [1]. Однако, повышая налоговую нагрузку, органы государственной власти зачастую не только не решают поставленные задачи, но и получают дополнительные проблемы и обратную реакцию экономики: налоговые поступления сокращаются, а хозяйствующие субъекты либо ликвидируются, либо начинают уклоняться от уплаты налогов.

Органы государственной власти РФ в настоящее время обсуждают возможность разрешить органам власти субъектов с 2015 г. вводить налог с продаж в размере от 3 до 5%. Кроме того, рассматривается возможность введения прогрессивной шкалы налога на доходы физически лиц (НДФЛ) или его повышения, а также увеличения налога на добавленную стоимость (НДС). Минфин РФ также предлагает повысить ставку обязательных страховых взносов на высокие зарплаты (свыше 624 тысяч рублей в год) для покрытия дефицита Федерального фонда обязательного медицинского страхования.

Указанные нововведения могут повлечь сокращение производства промышленной продукции, инвестиций, располагаемых денежных доходов. Так, попытка повысить фиксированные взносы для индивидуальных предпринимателей (ИП) с начала 2013 г. была пробным шагом и привела к очень негативным последствиям: за прошлый год с легального рынка ушло несколько сотен тысяч представителей малого бизнеса, несмотря на то что органы государственной власти в конце концов условно отыграли свое решение назад.

Наиболее уязвимыми в сложившейся ситуации оказываются экономики отдельных территорий, что напрямую связано с региональными и местными бюджетами. Однако в настоящее время при установлении налоговых ставок государством не принимается во внимание оптимальная величина налоговой нагрузки с точки зрения хозяйствующих субъектов. На правительственном уровне отсутствуют какие-либо общепринятые методики определения оптимального уровня налоговой нагрузки.

Особую актуальность при этом приобретают вопросы, связанные с разработкой методического инструментария определения оптимальной налоговой нагрузки региона с позиции экономического роста.

Отсюда цель исследования – разработка методических положений для оценки влияния налоговой нагрузки на экономический рост региона.

Поставленная цель определила необходимость решения следующих задач:

1. Рассмотреть модельный инструментарий воздействия налоговой нагрузки на экономический рост и выявить основные недостатки моделей.
2. Предложить классификацию субъектов РФ по ресурсному потенциалу.
3. Разработать модель оценки оптимальной налоговой нагрузки региона с учетом ресурсного потенциала.
4. Произвести классификацию субъектов РФ по значению оптимальной налоговой нагрузки с позиции экономического роста.
5. Определить критические значения оптимальной налоговой нагрузки в регионах с различным ресурсным потенциалом.

В экономической литературе представлено множество моделей определения оптимальной величины налоговой нагрузки, наиболее распространенные из них приведены в табл. 1.

Критический анализ модельного инструментария для определения воздействия налоговой нагрузки на экономический рост показал, что практическое применение представленных в экономической литературе моделей оценки оптимального уровня налоговой нагрузки не всегда представляется возможным. Это связано с существованием различного рода недостатков рассматриваемых моделей, что влечет недостоверность и противоречивость полученных результатов.

Недостатки моделей, задающих вид кривой Лаффера, систематизированы в табл. 2.

Использование на региональном уровне моделей оценки влияния налоговой нагрузки на экономический рост, изначально разработанных для макроуровня, не всегда допустимо. Это сопряжено с резкой дифференциацией регионов РФ по экономическому развитию, поэтому определение оптимальной налоговой нагрузки на региональном уровне целесообразно осуществлять с применением моделей, типичных для отдельных групп регионов и учитывающих их специфику.

Таблица 1

Модели определения оптимальной величины налоговой нагрузки

Автор	Время создания методики	Вид модели
В.Г. Папава	1996–2001 гг.	$Y = -Y_0 \ln T$ $Q = -TY_0 \ln T$ Y – выпуск (валовой внутренний продукт (ВВП); Q – налоговые доходы; T – налоговая нагрузка [2. С. 35]
Г.Г. Лоладзе	2002 г.	$Y = -Y_0 e^{\gamma t} T^{\delta} \ln T$ $Q = -Y_0 e^{\gamma t} T^{\delta+1} \ln T$, t – период времени (год); δ и γ – оцениваемые параметры [3. С. 11]
Е.В. Балацкий	2003–2004 гг.	$Y = \gamma L^{(a+bT)T} K^{(c+dT)T}$ $Q = \gamma T L^{(a+bT)T} K^{(c+dT)T}$ K – капитал; L – труд; γ, а, b, c и d – оцениваемые параметры [4. С. 89]
Ю.Ш. Ананиашвили	2009 г.	$Y = -Y_{\text{pot}} e T^{\delta} \ln T^{\delta}$ $Y/Y_{\text{pot}} = 1 - \lambda (u - u^*)$ $Q = -Y_{\text{pot}} e T^{\delta+1} \ln T^{\delta}$ Y_{pot} – потенциальный ВВП; u и u^* – фактический и естественный уровни безработицы; δ и λ – оцениваемые параметры [5. С. 90]
Е.В. Балацкий	2011 г.	$Y = mT + nT^2$ n и m – оцениваемые параметры [6. С. 207]

Таблица 2

Систематизация недостатков моделей определения оптимальной налоговой нагрузки с позиции экономического роста

Автор модели / Недостатки	В.Г. Папава	Г.Г. Лоладзе	Ю.Ш. Ананиашвили	Е.В. Балацкий (статическая трехфакторная)	Е.В. Балацкий (динамическая)
Математические				1. При определенных значениях параметров модели росту эффективности масштаба служит увеличение налоговой нагрузки 2. При определенных значениях параметров не соблюдается условие неотрицательности предельной производительности труда и капитала 3. Ассимптотичность точки Лаффера 1-го рода при неограниченном использовании одного из ресурсов 4. Тяготение точки Лаффера 2-го рода к точке Лаффера 1-го рода при неограниченном использовании одного из ресурсов	
Несоответствие теоретическому стандарту	Частично удовлетворяет положениям классической теории предложения			Частично отвечает постулатам классической теории предложения	
Учет небольшого количества факторов					Не учтены никакие факторы, кроме налоговой нагрузки
Отсутствие экономической интерпретации переменных		Показатель Y_0 экономически не интерпретирован			
Искомые показатели являются заранее установленными постоянными величинами	Показатель точки Лаффера 2-го рода является заранее установленной постоянной величиной и не зависит от ситуации в экономике				
Труднодоступность информации для расчетов			Труднодоступность статистической информации о естественном уровне безработицы и параметре Оукена		

Одним из критериев экономического развития территории, который необходимо учитывать в первую очередь, является ее ресурсный потенциал.

При проведении исследования в качестве дефиниции ресурсного потенциала региона нами принимается «совокупность всех имеющихся в его границах ресурсов, как вовлеченных в процесс общественного производства, так и тех, которые могут быть в перспективе использованы для роста экономики» [7. С. 76].

Предложенный нами вариант состава ресурсного потенциала представлен на рис. 1.

Рис. 1. Элементы ресурсного потенциала региона [8. С. 69]

Следует отметить, что трудовые и капитальные ресурсы являются основными и присутствуют в каждом регионе, а природные и инновационные ресурсы распределены по территории страны крайне неравномерно. Около 80% полезных ископаемых, лесных, водных, земельных богатств находится в азиатской части России, а инновационный потенциал и высококвалифицированные трудовые ресурсы в той же пропорции – в европейской.

Из-за проблемы неравномерности распределения природных и инновационных ресурсов в стране сформировалось два направления экономической деятельности, которые функционируют в принципиально различных условиях [9. С. 12].

Первое направление характерно для регионов с богатым природно-ресурсным потенциалом, оно направлено главным образом на внешний спрос и зависит от рыночных законов и конъюнктуры мировых рынков товаров, а также от изменения себестоимости их добычи и производства (инфляция предложения). Это нефтяная, газовая, лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная и химическая промышленности, черная и цветная металлургия.

Второе направление присуще регионам с высоким инновационным потенциалом и зависит от динамики внутреннего спроса. Это отрасли инновационного комплекса, машиностроение, легкая и пищевая промышленность, сельское хозяйство, транспорт и др.

По нашему мнению, наиболее полное и содержательное определение природно-ресурсному потенциалу дает В.А. Клочков, интерпретируя его как «совокупность всех видов природных ресурсов (минеральных, земельных, лесных, водных), которая расположена в границах определенной территории, используется в народном хозяйстве или может быть вовлечена в хозяйственный оборот при современном уровне развития производительных сил» [10. С. 107].

Для проведения исследования нами были отобраны следующие показатели, характеризующие обеспеченность территории тем или иным природным ресурсом: общие ресурсы (начальные суммарные ресурсы) основных полезных ископаемых, площадь земель сельскохозяйственного назначения, общий запас древесины и объем среднегодового речного стока.

Начальные суммарные ресурсы полезных ископаемых – совокупное понятие, включающее уже накопленную добычу (к моменту проведения оценки), разведанные запасы и предварительно оцененные запасы, а также перспективные и прогнозные ресурсы, определяемые на основе геологической оценки.

Согласимся с представлениями Л.Н. Фоломейкиной о том, что «инновационный потенциал территории (региона) – это совокупность различных видов ресурсов, включая материальные, финансовые, интеллектуальные, научно-технические и иные ресурсы, необходимые для осуществления инновационной деятельности» [11].

Одним из важнейших показателей, характеризующих инновационный потенциал территории, является показатель затрат на технологические инновации, который представляет собой выраженные в денежной форме фактические расходы, связанные с осуществлением различных видов инновационной деятельности, выполняемой в масштабе региона.

Учитывая сложившиеся направления экономической деятельности, нами была разработана классификация регионов РФ по ресурсному потенциалу, согласно которой они делятся на две группы: ресурсно-сырьевые и инновационные.

Группа ресурсно-сырьевых регионов, в свою очередь, подразделяется на четыре подгруппы в зависимости от вида природного ресурса, преобладающего в конкретном регионе, – минеральные, земельные, лесные и водные регионы.

В группу инновационных регионов было включено большинство субъектов РФ, входящих в Ассоциацию инновационных регионов России [12], а также субъекты РФ, занимающие с первого по десятое место в Рейтинге инновационной активности России, представленном Фондом «Петербургская политика», Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и газетой «РБК-Daily» [13].

Отнесение отдельного субъекта РФ к той или иной классификационной подгруппе было произведено на

основе такого критерия, как место, занимаемое им в рейтинге регионов РФ по объему запасов конкретного вида природного ресурса (основных видов полезных ископаемых, земель сельскохозяйственного назначения, древесины на корню, среднегодового речного стока). Указанные рейтинги были составлены нами на основе официальной статистической информации.

Группу ресурсно-сырьевых регионов, имеющих приток инвестиций и финансовых средств преимущественно за счет богатства природных ресурсов, обозначим группой A.

Подгруппа A_m – минеральные регионы, наиболее яркими представителями подгруппы являются Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО) – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) Тюменской области, а также Ненецкий автономный округ (НАО) Архангельской области.

Подгруппа A_g – земельные регионы, например Алтайский край, Оренбургская, Волгоградская и Ростовская области.

Подгруппа A_f – лесные регионы, в нее входят Республика Бурятия, Приморский край, Вологодская, Кировская области.

Подгруппа A_w – водные регионы, среди них Астраханская область, Еврейская автономная область, Амурская область, Республика Коми.

Группу инновационных регионов, характеризующуюся высокоразвитыми производствами, наукоемкими отраслями, развитой инфраструктурой, обозначим группой B. Инновационные регионы России – это г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Томская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Республика Татарстан.

Классификация субъектов РФ по ресурсному потенциалу приведена на рис. 2.

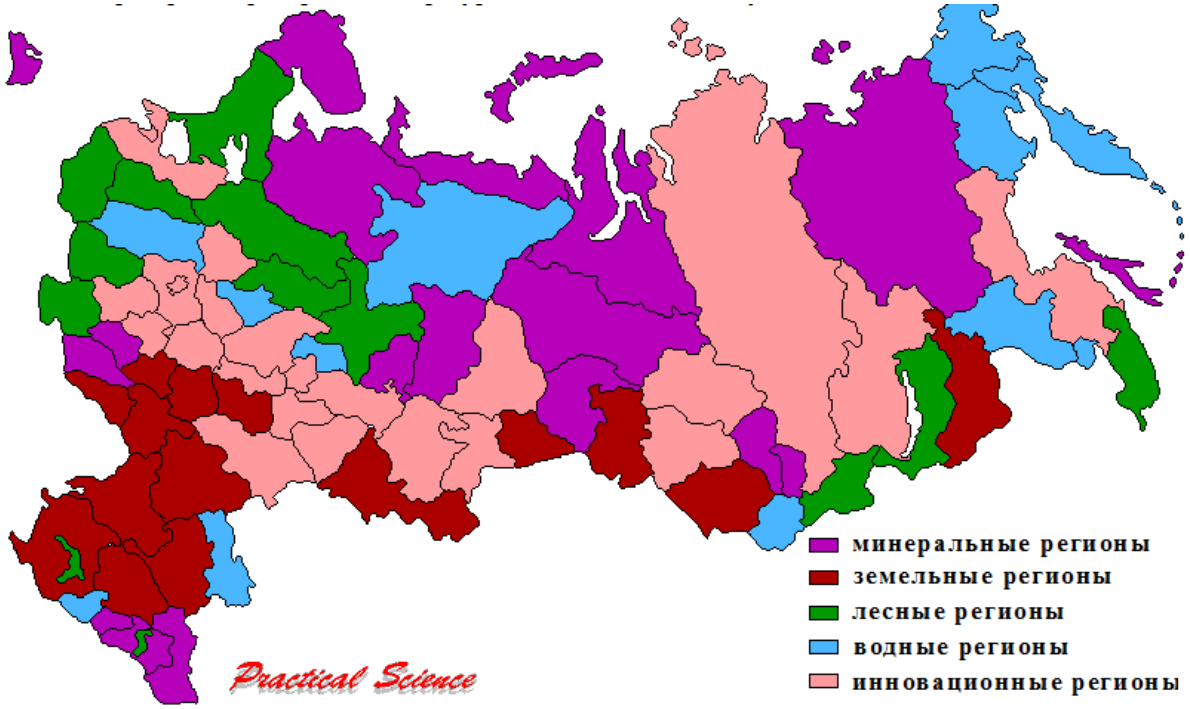

Рис. 2. Картограмма распределения ресурсного потенциала по субъектам РФ [8. С. 79]

На основе указанной классификации нами была разработана модель взаимодействия налоговой нагрузки и экономического роста, основанная на линейной неоднородной производственной функции.

В экономической теории к факторам производства относят: труд, капитал, землю (природные ресурсы), предпринимательскую способность и научно-технический прогресс (инновационные ресурсы). При моделировании функции выпуска для регионов группы A учет фактора природных ресурсов является столь же необходимым, как и учет факторов труда и капитала. Для регионов группы B, помимо труда и капитала, наиболее важным фактором будут являться инновационные ресурсы. Влияние всех остальных факторов осуществляется через производительность трех вышеперечисленных ресурсов и в течение длительных периодов времени остается достаточно устойчивым.

Таким образом, предлагаемая нами модель оценки влияния налоговой нагрузки на экономический рост региона будет иметь следующий вид [14. С. 780]:

1. Для регионов подгруппы A_m:

$$Y = (a + bT)TL + (c + dT)TK + (m + nT)TM + B, \quad (1)$$

$$Q = (a + bT)T^2L + (c + dT)T^2K + (m + nT)T^2M + BT, \quad (2)$$

где Y – выпуск (объем валового регионального продукта (ВРП) региона); Q – налоговые поступления (налоги, сборы и иные обязательные платежи в консолидированный бюджет РФ с территории конкретного региона); K – капитал (объем основных фондов региона); L – труд (численность занятых в экономике региона работников); M – природные ресурсы (валовая стоимость минерально-сырьевой базы региона); T – налоговая нагрузка (относительная налоговая нагрузка, исчисляемая как доля налоговых поступлений в ВРП, $T = Q/Y$); a, b, c, d, m, n, B – параметры,

оцениваемые статистически на основе ретроспективных динамических рядов.

2. Для регионов подгруппы A_g:

$$Y = (a + bT)TL + (c + dT)TK + (m + nT)TG + B, \quad (3)$$

$$Q = (a + bT)T^2L + (c + dT)T^2K + (m + nT)T^2G + BT, \quad (4)$$

где G – природные ресурсы (площадь земель сельскохозяйственного назначения).

3. Для регионов подгруппы A_f:

$$Y = (a + bT)TL + (cT + dT)TK + (mT + nT)TF + B, \quad (5)$$

$$Q = (a + bT)T^2L + (cT + dT)T^2K + (mT + nT)T^2F + BT, \quad (6)$$

где F – природные ресурсы (общий запас древесины).

4. Для регионов подгруппы A_w:

$$Y = (a + bT)TL + (c + dT)TK + (m + nT)TW + B, \quad (7)$$

$$Q = (a + bT)T^2L + (c + dT)T^2K + (m + nT)T^2W + BT, \quad (8)$$

где W – природные ресурсы (объем среднегодового речного стока).

5. Для регионов группы B:

$$Y = (a + bT)TL + (c + dT)TK + (m + nT)TI + B, \quad (9)$$

$$Q = (a + bT)T^2L + (c + dT)T^2K + (m + nT)T^2I + BT, \quad (10)$$

где I – инновационные ресурсы (затраты на технологические инновации).

Основные отличия введенной модели заключаются в следующем: во-первых, в ее основе лежит линейная неоднородная производственная функция, во-вторых, модель является четырехфакторной, в-третьих, квадратичными функциями налоговой нагрузки выступают предельные производительности факторов.

При оценке влияния налоговой нагрузки на экономический рост главной задачей является определение взаимного расположения точек Лаффера 1-го и 2-го рода и фактической величины налоговой нагрузки.

Точкой Лаффера 1-го рода называется величина налоговой нагрузки, при которой производственная кривая $Y(T)$ достигает локального максимума, т.е. когда $\partial Y / \partial T = 0$. Экономически точка Лаффера 1-го рода означает предел налоговой нагрузки, при котором экономика не переходит в режим рецессии. Следовательно, данная точка является верхним пределом оптимальной налоговой нагрузки по отношению к экономическому росту. Формула для расчета точки Лаффера 1-го рода функции (1) имеет вид

$$T^* = -\frac{aL + cK + mM}{2(bL + dK + nM)}. \quad (11)$$

Точкой Лаффера 2-го рода называется значение налоговой нагрузки, при котором фискальная кривая $Q(T)$ достигает локального максимума, т.е. когда $\partial Q / \partial T = 0$. Точка Лаффера 2-го рода указывает величину налоговой нагрузки, за пределами которой объем налоговых поступлений в бюджет начинает сокращаться. Данный фискальный индикатор для функции (2) определяется по следующей формуле:

$$T^{**} = \pm\frac{\sqrt{(aL + cK + mM)^2 - 3(bL + dK + nM)B} - (aL + cK + mM)}{3(bL + dK + nM)}. \quad (12)$$

Из двух фиксированных точек, рассчитываемых в соответствии с (12), точкой Лаффера 2-го рода будет являться точка максимума.

Аналогичным образом определяются точки Лаффера для других моделей.

При апробации работоспособности разработанной модели для субъектов РФ нами использовались два принципа: длина ряда не должна быть больше 17 лет, так как при изучении слишком длинных временных отрезков уменьшается точность расчетов; анализируемые периоды должны как можно ближе примыкать к настоящему моменту времени. Поэтому, учитывая наличие необходимой официальной статистической информации, был рассмотрен период с 2000 по 2012 г.

Единицы измерения труда, капитала, природных и инновационных ресурсов соответствуют единицам измерения, используемым в официальной статистике.

Следует отметить, что значения фактической налоговой нагрузки, полученные для таких регионов, как Республика Калмыкия и Республика Мордовия, не входят в область допустимых значений (превышают 100%) и тем самым исключают данные регионы из области проводимого исследования.

На основе авторской модели были выявлены верхние предельные значения оптимальной налоговой нагрузки для 72 регионов России. Результаты за 2012 г. отображены на рис. 3. При сопоставлении рис. 2 и 3 прослеживаются три основные закономерности.

Первая заключается в том, что верхний предел оптимальной налоговой нагрузки в большинстве инновационных регионов приближен к величине 17%.

Данное явление объясняется тем, что одним из направлений налоговой политики Российской Федерации на 2011 г. и на плановый период 2012 и 2013 гг. выступает налоговое стимулирование инновационной деятельности [15].

Так, в настоящее время существует ряд налоговых льгот для предприятий, осуществляющих инновационную деятельность, среди которых:

– освобождение от НДС при реализации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР);

– освобождение от НДС при реализации прав на результаты интеллектуальной собственности;

– упрощенный учет расходов на НИОКР;

– единовременный учет расходов на приобретение электронно-вычислительной техники;

– ускоренный порядок амортизации основных средств, используемых в научно-технической деятельности;

– освобождение от налога на прибыль средств целевого финансирования;

– инвестиционный налоговый кредит;

– создание резерва расходов на НИОКР;

– нулевая ставка по налогу на прибыль для образовательных организаций;

– пониженный тариф страховых взносов;

– право на применение упрощенной системы налогообложения (УСН).

Вторая закономерность связана с тяготением верхнего предела оптимальной налоговой нагрузки в большей части земельных регионов к значению 13%.

Третьей закономерностью является то, что для регионов, наиболее обеспеченных минеральными ресурсами, характерны значения верхнего предельного уровня оптимальной налоговой нагрузки, близкие к 54%.

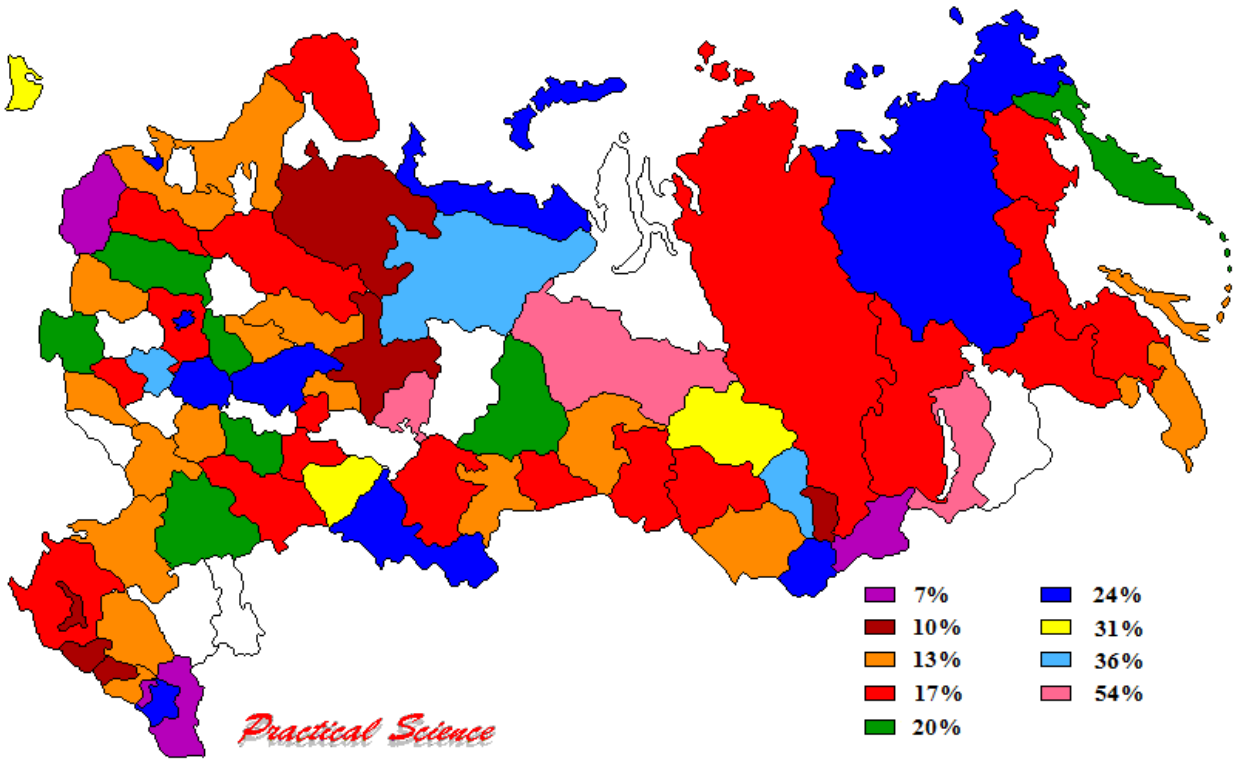

Рис. 3. Картограмма классификации субъектов РФ по значению
допустимой налоговой нагрузки в 2012 г. (рассчитано автором на основе данных [17–20])

Существование второй и третьей закономерностей определено дифференциацией фактического уровня налоговой нагрузки в разрезе отраслей экономики.

Основной отраслью специализации регионов, имеющих внушительные запасы минеральных ресурсов, является добывающая отрасль. На практике данная отрасль, действительно, несет очень существенную налоговую нагрузку из-за высоких объемов налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ), платежей за добычу полезных ископаемых и регулярных платежей за пользование недрами (рентале). Кроме того, в отраслях добывающего сектора доля затрат на приобретение сырья и материалов является низкой, по сравнению с отраслями обрабатывающего сектора и сферы услуг, отсюда высокие объемы налога на прибыль в добывающих регионах.

Главной отраслью специализации регионов, наиболее обеспеченных земельными ресурсами, является сельское хозяйство. Объемы единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН), поступающие с территорий данных субъектов в консолидированный бюджет РФ, несоизмеримо меньше объемов НДПИ и платежей за добычу полезных ископаемых, поступающих с территорий добывающих регионов.

В подтверждение вышесказанного приведем результаты рейтинга отраслей России по объему налоговых платежей в 2011 г., разработанного экспертами Центра экономических исследований «РИА-Аналитика» по данным Федеральной налоговой службы и Росстата. Так, согласно проведенным исследованиям, доля налогов в обороте отрасли составляет: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых – 35,6%; добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических, – 11,3%; сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство – 0,7% [16].

На существенную неравномерность налоговой нагрузки указывает также вклад рассматриваемых отраслей в ВВП страны. Здесь наблюдаются большие диспропорции: добывающая отрасль создает около 9% ВВП, при этом доля налоговых поступлений в бюджет с данной отрасли превышает 30%. Вклад в ВВП сельского хозяйства составляет порядка 3%, но вместе с тем удельный вес данной отрасли в налоговых поступлениях бюджета равен всего лишь 0,13% [Там же].

Отметим, что отрасли с невысоким уровнем налоговой нагрузки зачастую находятся в худшем финансовом положении, чем отрасли с высоким уровнем налоговой нагрузки, а повышение налогов для них может привести к массовому банкротству предприятий.

Например, если довести налоговую нагрузку в сельском хозяйстве до нефтяного уровня, то сельхозпроизводителей в нашей стране не останется – просто в силу преимущественно изначально низкой прибыльности этого бизнеса. Рост налогового бремени может сделать сельское хозяйство просто катастрофически невыгодным.

Заключение

В результате критического анализа модельного инструментария воздействия налоговой нагрузки на экономический рост нами были определены основные недостатки представленных в научной литературе моделей, такие как: математические недостатки, несоответствие теоретическому стандарту, учет малого количества факторов, отсутствие экономиче-

ской интерпретации переменных, априорность и константность искомых переменных, а также труднодоступность информации для расчетов. На наш взгляд, основная проблема заключается в том, что наличие указанных недостатков влечет получение недостоверных оценок, также результаты расчетов, полученных на основе данных моделей, часто противоречат друг другу, что усложняет выбор наиболее совершенной модели, и, наконец, все рассмотренные модели разрабатывались для уровня страны в целом, поэтому они не учитывают региональной специфики, в связи с этим их применение для анализа фискального климата отдельных регионов представляется крайне затруднительным. Следовательно, по нашему мнению, для регионального уровня целесообразно применять модели, типичные для отдельных групп регионов и учитывающие особенности их экономического развития.

Применение разработанной авторами модели, учитывающей ресурсный потенциал региона, позволит обратить внимание органов государственной власти на региональный уровень и даст возможность сформировать такую величину налоговой нагрузки, которая будет способствовать стимулированию производственной активности при сохранении необходимой пополняемости консолидированного бюджета страны.

Органам государственной власти РФ целесообразно ежегодно рассчитывать оптимальный уровень налоговой нагрузки для каждого субъекта федерации, затем агрегировать полученные результаты в группы и принимать данные значения в качестве ориентиров при установлении налоговых ставок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Российская* Федерация. Президент (2000–2008, 2012; В.В. Путин). Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации (о положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). Москва, 2012 // КонсультантПлюс. URL: http://base.consultant.ru/ cons/cgi/online.cgi?req=doc;base= LAW;n=131836 (дата обращения: 21.09.2014).
2. *Папава В.Г.* Лафферов эффект с последействием // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 7. С. 34–39.
3. *Лоладзе Г.Г.* О некоторых аспектах кривой Лаффера // Макро-, микроэкономика. 2002. № 9. С. 10–25.
4. *Балацкий Е.В.* Анализ влияния налоговой нагрузки на экономический рост с помощью производственно-институциональных функций // Проблемы прогнозирования. 2003. № 2. С. 88–107.
5. *Ананиашвили Ю.Ш., Папава В.Г.* Налоги и макроэкономическое равновесие: лафферо-кейнсианский синтез. Стокгольм : Издательский дом CA&CC Press, 2010. 142 с. ISBN 978–91–978153–5–2.
6. *Балацкий Е.В.* Налогово-бюджетная политика и экономический рост // Общество и экономика. 2011. № 4–5. С. 197–214.
7. *Сапегина О.П., Бочков М.А.* Социально-экономический потенциал региона: сущность и структура // Экономика и управление: теоретические и практические аспекты : материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2013. С. 76–80.
8. *Какаулина М.О., Цепелев О.А.* Моделирование влияния налоговой нагрузки на экономический рост региона с учетом ресурсного потенциала. Владивосток : Дальнаука, 2014. 428 с. ISBN 978-5-8044-1478-9.
9. *Погребняк Р.Г., Жукова М.С., Тускаева Ц.Г.* Влияние налоговой нагрузки на экономический рост регионов с различным природно-ресурсным потенциалом // Аудит и финансовый анализ. 2009. № 1. С. 12–16.
10. *Клочков В.А.* Определение природно-ресурсного потенциала территории как элемент оптимизации природопользования // Территориальная организация общества и управления в регионах. Воронеж, 1996. С. 107–109.
11. *Фоломейкина Л.Н., Игонченкова О.А.* Инновационный потенциал региона: подходы к исследованию // Актуальные проблемы географии и геоэкологии : электрон. науч. журн. 2009. URL: http://geoeko. mrsu.ru/2009-2/pdf/folomeikina.pdf (дата обращения: 13.08.2014).
12. *Ассоциация* инновационных регионов России. М., 2010–2014. URL: http://www. i-regions.org/ (дата обращения: 14.08.2014).
13. *Рейтинг* инновационной активности в России // Петербургская политика. РБК-Daily ежедневная деловая газета, 2012. URL: http://old.fpp.spb.ru/iRating_ 2012–03_05.php (дата обращения: 19.08.2014).
14. *Какаулина М.О., Цепелев О.А., Латкин А.П.* Моделирование влияния налоговой нагрузки на экономический рост региона с учетом ресурсного потенциала // Налоги и налогообложение. 2014. № 8. С. 774–790.
15. *Основные* направления налоговой политики Российской Федерации на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов [одобрены Правительством Российской Федерации 20 мая 2010 г.] // Министерство финансов Российской Федерации. URL: http://www.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2010/05/ONNP_20100526_ odobr.doc (дата обращения: 13.09.2014).
16. *Рейтинг* отраслей России по объему налоговых платежей в 2011 году // Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг». URL: http://riarating.ru/infografika/20120330/609785211.html (дата обращения: 01.10.2014).
17. *Федеральная* служба государственной статистики РФ. М., 1999–2014. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 10.10.2014).
18. *О состоянии* и использовании земель сельскохозяйственного назначения : доклад Министерства сельского хозяйства РФ. М., 2011. 155 с.
19. *О состоянии* и использовании минерально-сырьевой базы регионов РФ : справки Министерства природных ресурсов и экологии РФ, 2009. URL: http://www.vsegei.ru/ru (дата обращения: 15.09.2014).
20. *Реки* России // Федеральный портал PROTOWN.RU. 2010. URL: http://www. protown.ru/ russia/ruseconomy (дата обращения 8.09.2014).

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 2 марта 2015 г.

TAX BURDEN AND ECONOMIC GROWTH: SEARCH FOR AN EFFECTIVE MODEL

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 181-188. DOI 10.17223/15617793/394/30

Kakaulina Maria O. Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: beuty1@mail.ru

Keywords: concept of the Laffer curve; optimal tax burden; economic growth; resource potential; simulation; region.

The adjustment of monetary policy and macroeconomic indicators (exchange rate of the national currency, refinancing rate, inflation rate) justifies the need to clarify the priorities of the tax policy and to consider possible ways of reforming the current Russian tax system. Hence an adequate assessment of the impact of possible changes in tax legislation on economic development is very important not only at the country level, but also at the level of its regions. However, most existing methodologies for assessing the impact of tax burden on the economy have considerable disadvantages. From the above, particularly important are issues related to the development of methods of economic tools to evaluate the impact of the tax burden on the gross regional product (GRP), which will provide more efficient construction of the budget and tax system of the country taking into account interests of the state and business in different regions. The purpose of the research is determination of critical values of the optimal tax burden in regions with different resource potential. Theoretical and methodological base of the research was the concept of the Laffer curve. The most important indicator of economic development of

the area is its resource potential. The author of the article proposes the following elements of the resource potential of a region: labor, natural resources, innovation potentials, potential capital investment. It should be noted that basic labor and capital resources are present in every region, but natural and innovative resources are very unevenly distributed across the country. Taking into account this fact, the author develops a classification of the subjects of the Russian Federation in accordance with their resource potential. This classification involves division of regions into commodity and innovation regions. The group of commodity regions comprises four subgroups: mineral, land, forest and water regions. Using this classification, a model of the impact of the tax burden on GDP was developed, where the third factor (after labor and capital) for each classification group is its own indicator: natural (or innovation) resources. The model is based on a linear non-homogeneous production function, the quadratic functions of the tax burden are marginal productivities of factors. In theory, the proposed model is fitting, because the functions it presents behave satisfactorily at the extreme values of the tax burden, and these functions have all the properties inherent to a linear non-homogeneous production function. Based on this model, the critical values of the optimal tax burden in the subjects with varying resource potential are calculated. Thus, in the land regions the optimal level of the tax burden is approximately 13 %, in the innovation regions 17 %, and in the mineral regions 54 %. The results may be used by public authorities in determining the basic parameters of the regional tax systems.

REFERENCES

1. Konsul'tant Plyus Legal Reference System. The Russian Federation. President (2000-2008, 2012, Vladimir Putin). The Address from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation (the situation in the country and main directions of domestic and foreign policy). Moscow, 2012. Available from: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base= LAW;n=131836. (Accessed: 21.09.2014). (In Russian).
2. Papava V.G. Laffer's Effect with After-Action. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2001, no. 7, pp. 34–39. (In Russian).
3. Loladze G.G. O nekotorykh aspektakh krivoy Laffera [Some aspects of the Laffer curve]. *Makro-, mikroekonomika*, 2002, no. 9, pp. 10–25.
4. Balatskiy E.V. Analiz vliyaniya nalogovoy nagruzki na ekonomicheskiy rost s pomoshch'yu proizvodstvenno-institutsional'nykh funktsiy [Analysis of the impact of the tax burden on economic growth through production and institutional functions]. *Problemy prognozirovaniya*, 2003, no. 2, pp. 88–107.
5. Ananiashvili Yu.Sh., Papava V.G. *Nalogi i makroekonomicheskoe ravnovesie: laffero-keynsianskiy sintez* [Taxes and macroeconomic equilibrium: the Laffer-Keynesian synthesis]. Stockholm: CA & CC Press, 2010. 142 p.
6. Balatskiy E.V., Ekimova N. Tax-Budget Policy and Economic Growth. *Obshchestvo i ekonomika – Society and Economics*, 2011, no. 4–5, pp. 197–214. (In Russian).
7. Sapegina O.P., Bochkov M.A. [The socio-economic potential of the region: the nature and structure]. *Ekonomika i upravlenie: teoreticheskie i prakticheskie aspekty: materialy mezhdunar. zaoch. nauch.-praktich. konf.* [Economy and Management: Theoretical and Practical Aspects: Proceedings of the international distance scientific-practical conference]. Novosibirsk: SibAK Publ., 2013, pp. 76–80. (In Russian).
8. Kakaulina M.O., Tsepelev O.A. *Modelirovanie vliyaniya nalogovoy nagruzki na ekonomicheskiy rost regiona s uchetom resursnogo potentsiala* [Modeling the impact of the tax burden on economic growth in the region in view of the resource potential]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2014. 428 p.
9. Pogrebnyak R.G., Zhukova M.S., Tuskaeva Ts.G. Influence of tax pressure upon economic growth of regions with different natural resources potential. *Audit i finansovyy analiz*, 2009, no. 1, pp. 12–16. (In Russian).
10. Klochkov V.A. *Opredelenie prirodno-resursnogo potentsiala territorii kak element optimizatsii prirodopol'zovaniya* [Determination of natural-resource potential of the territory as part of the optimization of natural resources]. In: *Territorial'naya organizatsiya obshchestva i upravleniya v regionakh* [Territorial organization of society and governance in the region]. Voronezh, 1996, pp. 107–109.
11. Folomeykina L.N., Igonchenkova O.A. Innovatsionnyy potentsial regiona: podkhody k issledovaniyu [The innovative potential of the region: approaches to research]. *Aktual'nye problemy geografii i geoekologii*, 2009. Available from: http://geoeko.mrsu.ru/2009-2/pdf/folomeikina.pdf. (Accessed: 13.08.2014).
12. Association of innovative regions of Russia. Moscow, 2010–2014. Available from: http://www.i-regions.org/. (Accessed: 14.08.2014). (In Russian).
13. Rating of innovation activity in Russia. *RBK-Daily*, 2012. Available from: http://old.fpp.spb.ru/iRating_2012–03_05.php. (Accessed: 19.08.2014).
14. Kakaulina M.O., Tsepelev O.A., Latkin A.P. Modelirovanie vliyaniya nalogovoy nagruzki na ekonomicheskiy rost regiona s uchetom resursnogo potentsiala [Modeling the impact of the tax burden on economic growth in the region in view of the resource potential]. *Nalogi i nalogooblozhenie*, 2014, no. 8, pp. 774–790.
15. The Ministry of Finance of the Russian Federation. *The main directions of tax policy of the Russian Federation for 2011 and for the planning period of 2012 and 2013: [approved by the Government of the Russian Federation on May 20, 2010]*. Available from:http://www.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2010/05/ONNP_20100526_ odobr.doc. (Accessed: 13.09.2014). (In Russian).
16. RIA Rating Agency. *Ranking of Russian industries in terms of tax payments in 2011*. Available from: http://riarating.ru/infografika/20120330/609785211.html. (Accessed: 01.10.2014). (In Russian).
17. Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Moscow, 1999–2014. Available from: http://www.gks.ru. (Accessed: 10.10.2014). (In Russian).
18. *O sostoyanii i ispol'zovanii zemel' sel'skokhozyaystvennogo naznacheniya: doklad Ministerstva sel'skogo khozyaystva RF* [On the status and use of agricultural land: report of the RF Ministry of Agriculture]. Moscow, 2011. 155 p.
19. On the status and use of the mineral resource base of the regions of the Russian Federation: information from the RF Ministry of Natural Resources and Environment, 2009. Available from: http://www.vsegei.ru/ru. (Accessed: 15.09.2014). (In Russian).
20. PROTOWN.RU Federal portal. *Reki Rossii* [Rivers of Russia]. 2010. Available from: http://www. protown.ru/russia/ruseconomy. (Accessed: 8.09.2014).

Received: 2 March 2015

УДК 338.45:001.895

В.В. Спицын

НАУКА И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Исследования выполнены в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

Предложен методологический принцип формирования иерархической системы показателей для оценки результативности взаимодействия науки и промышленности. В соответствии с этим принципом разработана система показателей и проведен анализ взаимодействия науки и промышленности России. Выявлены особенности и проблемы взаимодействия и предложены методы его стимулирования. Показано, что современная система статистических показателей более ориентирована на анализ отдельных компонентов инновационной системы, а не связей инновационной системы. Предложены направления совершенствования статистики, позволяющие сформировать необходимую для комплексного анализа систему статистических показателей.

Ключевые слова: научно-образовательный комплекс; промышленность; результативность взаимодействия; методика; инновационная экономика России.

Одна из проблем современного экономического развития России состоит в том, что не удается запустить инновационную цепочку. В стране сохраняется научно-технический задел по отдельным направлениям, научно-исследовательские организации и научные кадры. Однако оказывается нарушенной взаимосвязь научных учреждений и исследователей и промышленного производства. Эта проблема представляется весьма актуальной, без решения которой невозможно обеспечить инновационное развитие экономики.

Целью настоящей работы является разработка методологического и методического инструментария комплексной оценки результативности взаимодействия науки и промышленного производства. Эта цель предполагает решение следующих задач:

– исследование доступных источников информации, которые могут быть использованы для оценки результативности;

– разработка методологических и методических положений, в том числе системы показателей, для оценки результативности;

– апробация методики оценки и разработка рекомендаций по повышению результативности взаимодействия науки и промышленного производства;

– разработка рекомендаций по совершенствованию системы статистических показателей для оценки.

В экономических исследованиях большое внимание уделяется проблемам научного-образовательного комплекса России (НОК), его развитию в докризисный, кризисный и посткризисный периоды. Выделим, в частности, работы И.Г. Дежиной, И.В. Шульгиной, Л.Э. Миндели, С.И. Черных [1–3]. Ученые отмечают проблемы развития НОК России в докризисный, кризисный и посткризисный период, слабое взаимодействие НОК и бизнеса, нечеткие и широкие формулировки приоритетных направлений научных исследований. Проводится анализ статистических показателей. Анализируется существующий механизм стимулирования научных исследований и разрабатываются рекомендации по его совершенствованию.

В рамках настоящей работы основной акцент делается не на изучении НОК как самостоятельного компонента инновационной системы, а на исследовании процесса взаимодействия НОК с промышленным производством (разделы C, D, E ОКВЭД), т.е. *исследовании связей инновационной системы*. Линейная модель инновационного процесса предполагает формирование прямой инновационной цепочки: «наука – инновации – производство». Однако взаимодействие НОК и производства происходит не по всем направлениям, а *преимущественно на уровне прикладных исследований и разработок*. Такой подход позволяет сместить акценты нашего исследования. Мы не преуменьшаем значения фундаментальных исследований, необходимость их финансирования и их влияния на будущее развитие экономики. Однако при оценке результативности текущих связей «наука – производство» *следует основное внимание уделять прикладным исследованиям и разработкам*.

Основные источники информации для анализа результативности взаимодействия науки и промышленного производства представлены в табл. 1 [4–8].

Таблица 1

Источники информации для анализа результативности взаимодействия науки и промышленного производства

Источники информации	Описание и роль в анализе
1. Eurostat, OECD.Stat Extracts	Интерактивные базы данных по статистике стран ЕС, а также других стран: России, США, Китая, Южной Кореи и т.д. Позволяют проводить сравнительный анализ между странами
2. Индикаторы науки	Статистический сборник, выпускаемый совместно с ВШЭ и Росстатом. Содержит детализированную информацию по НОК России
3. ЕМИСС	Интерактивная база данных по статистике России. Содержит ряд форм, посвященных статистике НОК, однако детализация этих форм в разрезе ВЭД и т.д. только формируется
4. Россия в цифрах, Российский статистический ежегодник, Регионы России	Статсборники Росстата. Содержат ряд таблиц, посвященных статистике НОК, охватывающих длительный период времени. Дополняют по ряду показателей (например, статистика НОК в разрезе регионов России) три предыдущих источника

В качестве *методологического принципа* анализа результативности (в дополнение к представленным в работе [9]) введем *иерархичность показателей по их экономической значимости*. Этот принцип позволит сконцентрироваться на важнейших показателях как в ходе анализа, так и при формировании и исполнении целевых ориентиров стратегий и программ развития НОК и инновационной деятельности на уровне России и регионов, а также оценке результатов их реализации.

В соответствии с принципом иерархичности показателей сделаем *основной акцент в методике оценки на показателях в денежном выражении и построении моделей показателей от общего к частным*. Также мы вправе требовать, чтобы в результате детализации общего показателя получались данные, связывающие НОК и промышленность (т.е. разделы C, D, E ОКВЭД и их детализацию).

Выделим *три общих* показателя:

1. Внутренние затраты на исследования и разработки (далее – ВЗ на ИиР), отражающие объем финансирования НОК из различных источников или значимость и ценность научных исследований.

2. Платежи за технологии.

3. Затраты на технологические инновации.

По доступным данным указанных выше источников [4–8] построим цепочки детализации по каждому из этих трех показателей (табл. 2).

Таблица 2

Иерархическая система показателей для исследования результативности взаимодействия науки и промышленности*

Внутренние затраты на исследования и разработки	по источникам финансирования	– финансирование со стороны бизнеса		– разделы C, D, E ОКВЭД и их детализация
	по формам собственности	– частная – смешанная с участием государства – госкорпораций – совместная российская и иностранная – иностранная		– разделы C, D, E ОКВЭД и их детализация
	по социально-экономическим целям НИР	– разделы C, D, E ОКВЭД и их детализация		– по источникам финансирования
	по исполнителям работ	– разделы C, D, E ОКВЭД и их детализация – K73 Научные исследования и разработки		– по источникам финансирования
	по типам НИР	– прикладные НИР – разработки – фундаментальные НИР		– разделы C, D, E ОКВЭД и их детализация
	по приоритетным направлениям развития	По источникам финансирования		– разделы C, D, E ОКВЭД и их детализация
Платежи за технологии	Платежи внутри России	Разделы C, D, E ОКВЭД и их детализация		
	Экспортные и импортные платежи	Импортные платежи	разделы C, D, E ОКВЭД и их детализация	По формам собственности плательщика (российская, иностранная, совместная российская и иностранная)
		Экспортные платежи		
Затраты на инновации	Разделы C, D, E ОКВЭД и их детализация	По видам затрат: – НИР; – приобретение машин и оборудования; – другие		Детализация приобретения машин и оборудования: – российское, сроком создания до 3 лет; – российское, сроком создания свыше 3 лет; – иностранное; – иностранное российской сборки
		По источникам финансирования		По видам затрат: – НИР; – приобретение машин и оборудования

* Серым цветом выделены детализации, которые необходимы для анализа, но в настоящее время не проводятся.

Сформировав систему показателей, проведем анализ доступных статистических данных и определим направления совершенствования статистики научной деятельности.

Оценка результативности взаимодействия науки и промышленности России

Доступные данные источников [4–8] позволяют исследовать и выявлять проблемы только по отдельным аспектам взаимодействия НОК и промышленности России. Сформулируем основные выводы в разрезе показателей.

1. ВЗ на ИиР.

Основные выводы:

а) более низкий объем ВЗ на ИиР по сравнению с развитыми странами. Отставание в 2–3 раза по отношению к ВВП в сравнении с США, ЕС, Японией, Южной Кореей и т.д. Отметим сокращение доли ВЗ на ИиР в ВВП России в наиболее благоприятные 2005–2008 гг., восстановление до 1,24% в 2010 г. и вновь снижение до 1,11% в 2011 г. Эту тенденцию можно объяснить тем, что госрасходы, определяющие ВЗ на ИиР, не успевали за ростом ВВП в 2005–2007 гг. и, напротив, сократили отставание в кризисный 2009 г. Значительно хуже обстоит дело с долей финансирования ВЗ на ИиР со стороны бизнеса в ВВП. Здесь Россия отстает в 3 раза от ЕС, и в 5–8 раз от США, Южной Кореи, Японии. Причем наблюдается достаточно устойчивая тенденция снижения этого показателя с 0,4% в 2003 г. до 0,28% в 2010 г.;

б) преобладание госфинансирования (67,1% в 2011 г.), доля которого возрастает. Финансирование со стороны бизнеса составляет 27,7%. Эта структура еще более ухудшается, если рассмотреть финансирование в

разрезе форм собственности. На долю государственной собственности приходится 74%, смешанной собственности с долей государства – 10%, госкорпораций – 1,5%, что в сумме дает 85,5% всех ВЗ на ИиР;

в) как следствие предыдущих пунктов – низкий удельный вес ВЗ на ИиР в промышленности. При общем объеме ВЗ на ИиР 610 млрд руб. в 2011 г. на долю промышленности (разделы C, D, E) приходится:

– по целям социально-экономического развития – порядка 100–159 млрд руб., или 16–26%;

– по исполнителям работ – 23 млрд руб. – 4% (основной объем НИР реализуется в независимых НИИ, работающих по разделу К73).

В зарубежных странах доля промышленности во ВЗ на ИиР составляет:

– по целям социально-экономического развития – 65% в Южной Корее в 2009 г.;

– по ВЭД «промышленность» – 58% в Германии в 2011 г.;

г) из положительных результатов можно отметить, что соотношение фундаментальных, прикладных исследований и разработок в России в целом практически идентично развитым странам: 19 – 20 – 65% в 2011 г. Эта детализация не означает, что результаты исследований доходят до промышленности и востребованы промышленностью. Как показывают предыдущие данные, только небольшая часть всех исследований реализуется в промышленности России;

д) доля ВЗ на ИиР по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в 2011 г. составила 59% всех ВЗ на ИиР. Это значение вызывает определенные вопросы. Получается, что более половины ВЗ на ИиР идет по приоритетным направлениям, что может означать и, на наш взгляд, означает нечеткие формулировки приоритетов. При таком подходе и таких формулировках ожидать прорыва и концентрации усилий крайне сложно. Данные статистики не позволяют определить востребованность ВЗ на ИиР по приоритетным направлениям промышленными предприятиями в России. Определенная детализация доступна только по нанотехнологиям. Преобладает государственный сектор, основные исследования проводятся научными организациями (К73) и они же используют большую часть созданных технологий. Основной объем продукции, связанной с нанотехнологиями, приходится на среднетехнологичные отрасли низкого уровня (производство кокса и нефтепродуктов), однако остается открытым вопрос, какие разработки (российские или зарубежные) использовались этими предприятиями.

2. Платежи за технологии.

Мы ограничимся в рамках настоящей работы рассмотрением только платежей за технологии (показатели в денежном выражении)[1]. Существенным недостатком статистики является отсутствие информации о платежах за технологический обмен внутри России. Поскольку у промышленных предприятий России преобладают российские технологии, получается, что из анализа выпадают существенные результаты взаимодействия НОК и промышленности. Соотношение импорта и экспорта технологий складывается явно не в пользу России, и это соотношение существенно ухудшилось по сравнению с 2000 г. Платежи за импорт в 2011 г. превысили поступления от экспорта более чем в 3 раза и составили около 56 млрд руб.[2] Из них 80% приходилось на промышленность, в том числе 74% – на обрабатывающие производства. С точки зрения реализации догоняющей стратегии развития России этот факт можно было бы оценить положительно, если бы не структура платежей по формам собственности. Из 56 млрд руб. платежей за импорт 26 млрд руб. (46%) приходится на предприятия в иностранной собственности и 14 млрд руб. (25%) – на предприятия в совместной российской и иностранной собственности. Следует сделать вывод, что российские предприятия не имеют возможностей (финансовых возможностей или им просто не продают технологии) или желания участвовать в догоняющем развитии. Технологии получают предприятия, контролируемые извне, и постепенно происходит усиление их позиций в экономике России в ущерб отечественным предприятиям.

3. Затраты на инновации.

Детализация этого показателя по видам инновационной деятельности позволяет определить, что же действительно получают предприятия, в том числе от НОК России. В 2011 г. затраты на технологические инновации промышленности составили 470 млрд руб., в том числе по разделам C, D, E – 71, 370[3] и 29 млрд руб. соответственно. Они сравнимы с ВН на ИиР (610 млрд руб.), но, в отличие от последних, все реализуются в промышленности. Однако структура затрат по видам инновационной деятельности существенно отличается от развитых стран. Только 15% (70 млрд руб.) направляются на исследования и разработки, а 61% (286 млрд руб.) идут на покупку машин и оборудования. У зарубежных стран пропорция обратная. Отметим также, что на приобретение новых технологий затраты практически отсутствуют, а должны быть 56 млрд руб. Здесь возможны два варианта объяснения: они отражаются в других затратах или предприятия не используют новые технологии для производства продукции.

Проведенный анализ показывает серьезные диспропорции в структуре финансирования НИР, отставание по объемам финансирования со стороны промышленности от развитых стран, а также низкую результативность взаимодействия НОК и промышленности и отсутствие спроса со стороны промышленности на НИР. При этом необходимо учитывать и использовать особенности российской модели: основной объем НИР выполняется в специализированных НИИ, где сконцентрировано необходимое для этого оборудование, закупленное в том числе за счет бюджетных средств.

Эти выводы позволяют сформировать следующие рекомендации по стимулированию взаимодействия науки и промышленных предприятий России:

– стимулирование с помощью широкого набора методов финансирования НИР со стороны промышленных предприятий (льготы по налогообложению, кредитование, субсидирование и т.д.);

– переориентация госфинансирования НИР на финансирование промышленных разработок и совмест-

ных проектов, при этом на начальном этапе именно государство должно выступать инициатором совместных проектов по НИР;

– создание и развитие центров коллективного пользования дорогостоящим оборудованием на базе специализированных НИИ и вузов и регулирование различных аспектов такой деятельности: конфиденциальность и коммерческая тайна исследований, льготное налогообложение доходов центров от аренды и заказов промышленных предприятий и т.д.;

– стимулирование выпуска предприятиями инновационной, наукоемкой и высокотехнологичной продукции;

– стимулирование развития российского производства современного оборудования и его приобретения промышленными предприятиями, приобретения российских и зарубежных технологий и, напротив, использование допустимых мер защиты российского рынка от зарубежных высокотехнологичных потребительских продуктов.

Направления совершенствования статистики научной деятельности

Отсутствие данных по детализациям, выделенным в табл. 2 серым цветом, не позволяет проводить комплексный анализ результативности взаимодействия науки и промышленности России. Покажем это на примере статистических данных [4–8].

Вход НОК: ВЗ на ИиР. Только по двум из шести детализаций показателя ВЗ на ИиР доступны данные в разрезе ВЭД. Так, ВЗ на ИиР по разделу D «Обрабатывающая промышленность» в 2011 г. составили:

– классификация по ВЭД (по исполнителям работ) – 23 млрд руб.;

– классификация по социально-экономическим целям – 100–159 млрд руб., причем здесь использована неточная классификация, позволяющая получать данные по подразделам D, но не содержащая данные по разделам C и D в целом.

Получается разница более чем в пять раз. Действительно, те же показатели по подразделу DM «Производство транспортных средств и оборудования» дают значения: 6,2 и 25,6 млрд руб. С одной стороны, это означает, что предприятия основную часть НИР (до 80%) заказывают специализированным научным организациям (подраздел K73). С другой стороны, остается открытым вопрос об источниках финансирования и инициаторах (заказчиках) этих 80% НИР. Действительно ли эти НИР инициированы предприятиями соответствующих ВЭД или они финансируются государством, вузами и могут оказаться невостребованными промышленными предприятиями?

Выход НОК: ценность созданных технологий и затраты на инновации предприятий. Для определения реальной ценности создаваемых внутри страны технологий (как результативности функционирования российского НОК) представляется целесообразным сбор соответствующей статистической информации. В настоящее время доступны данные только по коммерческому обмену технологиями с зарубежными странами. Особый акцент необходимо сделать на детализации затрат на инновации. Этот показатель напрямую характеризует востребованность разработок российской науки со стороны промышленности. Однако его текущая детализация недостаточна. Основной объем затрат на инновации в промышленности приходится на две статьи: исследования и разработки и приобретение машин и оборудования.

Необходимо определить их связь с российским НОК:

– исследования и разработки проводятся в России или зарубежными компаниями?

– оборудование приобретается новое российское или уже давно существующее на рынке или иностранного производства?

– каково процентное распределение затрат на российский НОК и новое оборудование и иностранный НОК и оборудование?

Также отметим еще несколько направлений совершенствования системы показателей:

– детализация показателей в разрезе регионов РФ, чтобы выявлять и исследовать региональные НОК – здесь, прежде всего, требуется формирование цепочки показателей: ВН на ИиР – источники финансирования (государство, российский бизнес, региональный бизнес, иностранные источники) – дальнейшая детализация российского и регионального бизнеса по ВЭД;

– детализация в разрезе совместных НИР, инициируемых и финансируемых государством и бизнесом, вузами и бизнесом и т.д.

В настоящей работе предложен методологический принцип формирования иерархической системы показателей для оценки результативности взаимодействия науки и промышленности. В соответствии с этим принципом разработана система показателей и проведен анализ взаимодействия науки и промышленности России. Выявлены особенности и проблемы взаимодействия и предложены методы его стимулирования. Показано, что современная система статистических показателей более ориентирована на анализ отдельных компонентов инновационной системы (НОК, инновационных предприятий промышленности и т.д.), а не связей инновационной системы (взаимодействия НОК и промышленности). Она не позволяет проводить комплексный анализ результативности связей инновационной системы, в то время как именно нарушение связей является одной из значимых проблем, препятствующих инновационному развитию экономики России. Предложены направления совершенствования статистики, позволяющие сформировать необходимую для комплексного анализа систему статистических показателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Для комплексного анализа результативности необходимо использовать широкий перечень показателей, в том числе показатели в натуральном выражении (количество созданных и используемых технологий и т.д.). Эти показатели также характеризуют отдельные аспекты результативности. В частности, по данным за 2011 г. они показывают:

– в промышленности преобладают российские технологии, хотя доля зарубежных тоже существенна – 26%;

– большая часть технологий создается в государственных НИИ (K73) – 47% всех созданных технологий;

– российские технологии востребованы не только российскими предприятиями, но и предприятиями в иностранной и совместной собственности.

Однако остается открытым вопрос о ценности (денежной оценке) этих технологий, которая может существенно изменить приведенные выше соотношения и выводы.

[2] Поступления от экспорта технологий составили в 2011 г. около 18 млрд руб. Основной объем платежей за экспорт поступает в государственные НИИ (К73).

[3] Из 370 млрд руб. 213 млрд руб. (58%) приходится на среднетехнологичные отрасли низкого уровня (производство кокса и нефтепродуктов, металлургия) и только 38 млрд руб. (10%) – на высокотехнологичные отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дежина И.Г.* Российская научная политика в условиях кризиса // Социология науки и технологий. 2010. № 1. С. 67–88. URL: http://elibrary.ru/download/61382729.pdf
2. *Шульгина И.В.* Российская наука в технологиях и инновациях (по материалам анализа статистики науки) // Социология науки и технологий. 2013. № 2. С. 54–63. URL: http://elibrary.ru/download/34335763.pdf
3. *Миндели Л.Э., Черных С.И.* Финансово-экономические аспекты инновационного развития // Инновации. 2011. № 9. С. 81–89.
4. *Eurostat.* URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database
5. *OECD. Stat Extracts*. URL: http://stats.oecd.org/#
6. *Индикаторы* науки: 2013 : стат. сб. / Росстат, Высшая шкла экономики. URL: http://www.hse.ru/primarydata/in2013
7. *Единая* межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do
8. *Федеральная* служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru
9. *Монастырный Е.А., Спицын В.В., Грик Я.Н.* Методологический подход к оценке эффективности инновационного развития региона // Инновации. 2010. № 1. С. 80–86.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 23 февраля 2015 г.

SCIENCE AND INDUSTRY: ASSESSING EFFECTIVENESS OF INTERACTION

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 189-193. DOI 10.17223/15617793/394/31

Spitsyn Vladislav V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia) Russian Federation). E-mail: spitsin_vv@mail.ru

Keywords: scientific and educational complex; industry; effectiveness of interaction; methods; innovative economy of Russia.

In economic research there is much attention to scientific and educational complex of Russia and its development in the pre-crisis, crisis and post-crisis periods. Scientists focus on the study of the scientific and educational complex as a component of the innovation system, and not on a comprehensive assessment of the effectiveness of its interaction with the industry (i.e. the study of innovation system communications). The system of statistical indicators allowing to make a comprehensive analysis of the interaction of the scientific and educational complex and the industry at present is not formed. The methodological positions of this paper are as follows. 1. The focus is on the study of the interaction of the scientific and educational complex with industry, i.e. the research of innovation system connections. 2. A methodological principle of the formation of a hierarchical system of indicators to measure the effectiveness of interaction between science and industry is proposed. It is shown that the most important source of information to evaluate the performance bonds are in financial terms: domestic expenditure on research and development; payments for technology; expenditure on technological innovation. Based on the details of these indicators, a system of indicators was developed and interaction between science and industry in Russia was analyzed by the available data of Russian and international statistics. The analysis revealed a significant imbalance in the analyzed structure of financing R & D (predominance of public funding), smaller funding from the industry than in the developed countries, poor performance in the interaction between the scientific and educational complex and the industry. The low proportion of expenditure on research and development in the costs of innovation speaks of the lack of demand from industry for research. It is necessary to take into account and use the features of the Russian model: most research is made in specialized research institutes, where the necessary equipment is concentrated which was purchased in part at the expense of budgetary funds. Based on these features and problems of interaction between science and industry, methods of encouraging this cooperation in Russia were proposed. It is shown that the current system of statistical indicators is more focused on the analysis of individual components of the innovation system (scientific and educational complex, innovative enterprises in industry and so on), but not on the innovation system relations (interaction between the scientific and educational complex and industry). It does not allow conducting a comprehensive analysis of the effectiveness of the innovation system links, while it is a violation of relations that is one of the major problems hindering the innovation development of Russia's economy. Main directions of improving statistics to create the necessary system of statistical indicators for a comprehensive analysis were proposed.

REFERENCES

1. Dezhina I.G. Rossiyskaya nauchnaya politika v usloviyakh krizisa [Russian science policy in the crisis]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy – Sociology of Science and Technology*, 2010, no. 1, pp. 67–88.
2. Shul'gina I.V. *Russian Science in the Light of Technologies and Innovations (Based on the Analysis of Science Statistics). Sotsiologiya nauki i tekhnologiy – Sociology of Science and Technology*, 2013, no. 2, pp. 54–63. (In Russian).
3. Mindeli L.E., Chernykh S.I. Finansovo-ekonomicheskie aspekty innovatsionnogo razvitiya [Financial and economic aspects of innovative development]. *Innovatsii*, 2011, no. 9, pp. 81–89.
4. Eurostat. Available from: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database.
5. OECD. Stat. Extracts. Available from: http://stats.oecd.org/#.
6. Rosstat, Higher School of Economics. *Indikatory nauki: 2013* [Indicators of science: 2013]. Available from: http://www.hse.ru/primarydata/in2013.
7. United interdepartmental statistical information system (EMISS). Available from: http://www.fedstat.ru/indicators/start.do. (In Russian).
8. Federal State Statistics Service. Available from: http://www.gks.ru. (In Russian).
9. Monastyrnyy E.A., Spitsyn V.V., Grik Ya.N. Metodologicheskiy podkhod k otsenke effektivnosti innovatsionnogo razvitiya regiona [A methodological approach to assessment of the effectiveness of innovative development of the region]. *Innovatsii*, 2010, no. 1, pp. 80–86.

Received: 23 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 194–200. DOI 10.17223/15617793/394/32

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 77.03.37:159.93

Ю.П. Бредихина, Ф.А. Гужов, Л.В. Капилевич, А.А. Ильин

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ И БИОМЕХАНИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ КООРДИНАЦИИ УДАРНЫХ ДЕЙСТВИЙ У СПОРТСМЕНОВ-ЕДИНОБОРЦЕВ

Основой для достижения высоких результатов в спортивном карате являются точность и быстрота реализации движений в условиях постоянно меняющейся ситуации. Если учесть, что особенностью данного вида спорта также является малая сила ударных действий, то именно эффективность и рациональность управления точностью ударных движений являются физиологической основой совершенствования мастерства для этого вида спорта. В основе сложно-координационной деятельности лежит сложнейшее взаимодействие вестибулярного анализатора, системы проприоцепторов (динамический анализатор), органов зрения и нервной системы. Основой координации движений является временная и пространственная организация процессов возбуждения и торможения в мышечном аппарате, которая обеспечивает выполнение двигательной задачи. С исследованием данных механизмов во многом связывают совершенствование спортивной техники и разработку новых подходов к тренировочному процессу.

Ключевые слова: карате; удары; анализаторы; регуляция; двигательный стереотип.

Введение. В настоящее время активно изучаются механизмы перестроек физиологических систем человека под воздействием спортивной тренировки. Однако проблема физиологического обеспечения двигательных действий у спортсменов, занимающихся сложно-координационными видами спорта, остается исследованной недостаточно. При этом именно уровень управления двигательными действиями лежит в основе мастерства спортсменов [1]. Основой для достижения высоких результатов в спортивном карате являются точность и быстрота реализации движений в условиях постоянно меняющейся ситуации. Если учесть, что особенностью данного вида спорта также является малая сила ударных действий, то именно эффективность и рациональность управления точностью ударных движений является физиологической основой совершенствования мастерства для этого вида спорта [2]. С исследованием данных механизмов во многом связывают совершенствование спортивной техники и разработку новых подходов к тренировочному процессу.

Механика ударных движений в спортивных единоборствах. Сила удара зависит от поступательного и вращательных движений звеньев тела в различных суставах вокруг вертикальной оси тела. При этом вертикальной осью является позвоночник. Это наихудший, с точки зрения биомеханики, способ нанесения удара рукой. Поэтому для дополнительного увеличения силы в карате используют реверс и амплитудный бросок тела в направлении удара [3]. Реверсом является разнонаправленное движение одной части тела по отношению к другой, например, при движении правой руки вперед резко отдергивается левая, или в момент движения вперед правого плеча отдергивается назад правое бедро. Также силу удара можно усилить за счет качания основных осей тела. Но в карате данный прием не используется, так как в результате промаха каратист потеряет равновесие [4]. И одним из элементов тренировки точности и координации у спортсменов, занимающихся карате, как раз является отучение «качанию» во время удара [5].

Потеря равновесия спортсменом происходит из-за того, что удар в спортивном карате является законченным движением, имеющим начало и конец. Удар выполняется из одного определенного положения и приходит в другое, столь же определенное, соответствующее строгим требованиям. Одно из важнейших требований, предъявляемых к этим положениям, это устойчивость. Если каратист, выполнив удар, теряет равновесие, он не переходит в многократно отработанную позицию, его мозг классифицирует его собственное действие как ошибку, он выпадает из заложенной в него системы координат, построенной на определенных стойках, перемещениях, ударах, защитах. Для минимизации потерь координации в карате распространены широкие стойки с низким центром тяжести. Также особенностью каратистов при ударе является передача большой скорости ударяющему сегменту, и в результате в момент удара они взаимодействуют с ударяемым телом с большой ударной массой [6].

В ударах ногой усилия передаются сначала от стопы на голень и бедро опорной ноги, затем на таз, и только потом на бедро, голень и стопу ударной ноги. При нанесении ударов рукой усилия передаются от стопы на голень и бедро, затем на таз, туловище, плечи и, наконец, на ударную поверхность кисти. Передача усилия при выполнении ударов в прыжке происходит с толчком одной или обеих ног и далее по соответствующей кинематической цепи к ударной поверхности [7]. Таким образом, начиная с первого момента ударного действия – толчка стопой – и до заключительного – самого удара, – сила и скорость как бы нарастают в каждом звене цепи.

Следующим фактором, влияющим на эффективность удара, является жесткость. Если удар нанесен с небольшой дистанции, то такой удар называется тычком. В него вкладывается малая масса, и для достижения результата тычок должен наноситься в болевые точки тела и быть достаточно резким. Для нанесения сильного жесткого удара надо: увеличить силу удара, для этого необходимо увеличить массу, вложенную в

удар; скорость удара и уменьшать время действия удара [8]. Для увеличения массы в карате рекомендуют перенос тяжести тела на переднюю ногу и нанесение удара до постановки ноги на землю. Однако следует учитывать возможность «провала» вперед, поэтому вектор силы тяжести не должен выходить за площадь опоры после постановки ноги. Это достигается за счет удлинения шага и понижения центра тяжести (подседа).

Чтобы удар был эффективным, он должен выполняться не по цели, а за цель или внутрь цели. Волнообразный удар (например, прямой удар в боксе) начинается с толчка ноги, далее идет вращение таза, которое переходит во вращение корпуса, и в последнюю очередь выбрасывается рука. К тому моменту, когда кулак подходит к цели, ноги и корпус уже совершили большую часть своего движения, поэтому в конце удара кулак движется по траектории в основном за счет разгиба руки. Жесткость любой конструкции определяется жесткостью ее самого слабого элемента, которым в цепи нога – корпус – рука является рука, она и будет определять жесткость удара. В волнообразном ударе в конце движения рука работает в динамическом режиме, идет ее активное разгибание, это движение полностью зависит от силы мышц руки. В результате жесткость удара будет определяться исключительно силой мышц руки и не будет зависеть от возможностей наиболее мощных частей тела, ног и корпуса [9].

Увеличение скорости достигается за счет расслабления до удара. Это необходимо, чтобы мышцы-антогонисты не препятствовали атакующему действию, так как время расслабления мышцы приблизительно в 1,5–2 раза больше, чем время напряжения. Кроме того, увеличению скорости способствует последовательное включение в работу разных групп мышц, так называемая волна. Для уменьшения времени удара тело должно превратиться в жесткую систему, исключить люфт из суставов, задействованных в ударе. В карате жесткость достигается скручиванием руки в продольном направлении, опусканием локтя, реверсом другой руки, вращением таза в прямом направлении, выпрямлением «задней» ноги и жесткой опорой на пятку [10].

Координация движений при максимально сильных ударах в карате зависит от скорости ударного звена в момент соприкосновения с ударяемым телом и от увеличения ударной массы в момент удара. Это достигается «закреплением» отдельных звеньев ударяющего сегмента путем одновременного включения мышц-антагонистов и увеличения радиуса вращения. Например, в боксе и карате сила удара правой рукой увеличивается примерно вдвое, если ось вращения проходит вблизи левого плечевого сустава, по сравнению с ударами, при которых ось вращения совпадает с центральной продольной осью тела. Время удара настолько кратковременно, что исправить допущенные ошибки уже невозможно. Поэтому точность удара в решающей мере обеспечивается правильными действиями при замахе и ударном движении [11].

Нейрофизиологические механизмы координации ударных движений спортсменов. Возможность выполнять сложно-координационную деятельность спортсмену позволяют физиологические механизмы, ответственные за саморегуляцию двигательной деятельности [12, 13]. Для того чтобы совершилось движение, необходимо поставить цель достичь конечного результата, удовлетворить какую-либо потребность. Движение также должно быть целенаправленным. По теории П.К. Анохина, для достижения цели и получения конечного результата необходимо активировать организм. При этом надо активировать не все структуры организма, а только те, которые необходимы для достижения конечного результата, – так называемую функциональную систему. Такое взаимодействие П.К. Анохин назвал взаимосодействием [14].

По мнению Н.А. Берштейна, для эффективного выполнения двигательного действия необходимо уменьшить количество степеней свободы в мышцах и суставах [15]. Каждый элемент нашего организма, каждая «функциональная система» имеет набор свойств. Для выполнения определенного действия требуется, как правило, только часть свойств системы. И чем более тренирован спортсмен, тем более успешно он справляется с отключением ненужных свойств системы для выполнения определенного двигательного акта – степеней свободы. Такое явление называется освобождением от избыточных степеней свободы [16].

Основываясь на этих выкладках, Н.А. Бернштейн предложил понимать под координационными способностями способность снижать степени свободы в различных суставах. Например, кисть человека может совершать движения в трех плоскостях и шести направлениях, когда же требуется движение кисти только в одном направлении, необходимо убрать все лишние степени свободы (направления движения), что выполняется с помощью соответствующего напряжения и расслабления мышц [17, 18].

Таким образом, когда в выполнение движения включаются те элементы и их свойства, которые необходимы для достижения цели, и выключаются мешающие им элементы и свойства, происходит формирование функциональной системы, направленной на достижение цели. Также функциональной системой можно назвать постепенное сочетание определенных компонентов, взаимодействие и взаимоотношение которых направлено на получение фиксированного полезного результата. Несмотря на разнообразие, организацию и отличия в количестве составляющих элементов, все функциональные системы имеют принципиально одинаковую функциональную архитектуру и принципы функционирования, под которыми понимаются определенные законы последовательной деятельности субсистем с целью получения необходимого результата [19–21].

Афферентный синтез, подчиняясь доминирующей в данный момент мотивации и под коррекцией памяти, ведет такой подбор возможных степеней свободы, при котором возбуждения избирательно направляются к мышцам, совершающим нужное действие [22, 23]. Для выполнения этой задачи в ЦНС формируется группа нервных центров – функциональная система.

Вначале формируется замысел движения, который в дальнейшем переходит в программу. В формировании замысла большая роль принадлежит обстановочной афферентации, мотивации, памяти – самым разнообразным отделам ЦНС, таким как ассоциативные, сенсорные, лимбические и др.

В реализации программы будущего движения участвуют все «этажи» моторных центров ЦНС, начиная от двигательной области коры больших полушарий и до мотонейронов спинного мозга. Чем сложнее движение, тем большее количество моторных центров его организует [24]. До 60-х гг. XX в. единственным центром ЦНС, ответственным за координацию движений, считался мозжечок. В дальнейшем исследования показали, что животные с удаленным мозжечком могут совершать простейшие движения в случае сохранения у них среднего мозга и вестибулярного аппарата. Удаление же этого центра приводило к расстройству двигательных функций: мышцы плохо сокращались, становились вялыми, походка становилась шаткой и неуверенной, наблюдался тремор головы и конечностей. Однако через две недели после удаления мозжечка нарушения почти бесследно исчезали [25].

В настоящее время доказано, что элементарные координации протекают на спинальном уровне и включают в себя довольно обширные функции. Нервные механизмы ствола мозга существенно обогащают двигательные программы, отвечая за наиболее эффективную позу тела в пространстве за счет шейных, спинальных и лабиринтных рефлексов и отвечая за оптимальное распределение мышечного тонуса [26]. За регуляцию и построение движений отвечают высшие двигательные центры. Мозжечок отвечает за такие качества, как точность и плавность движений, произвольное расслабление мышц с помощью регуляции временных, скоростных и пространственных характеристик движения [27]. Ядра таламуса участвуют в передаче информации в ядра коры головного мозга от рецепторов, информирующих человека об окружающем мире и его положении в нем.

Регуляция наиболее сложных координационных качеств осуществляется на уровне полушарий мозга (кора и базальные ядра). Полушария обеспечивают реализацию двигательных реакций, приобретенных в течение жизни. Осуществление этих реакций зависит от работы рефлекторного аппарата ствола мозга и спинного мозга, функционирование которых многократно обогащается деятельностью высших отделов центральной нервной системы [28]. В коре головного мозга выделяют первичную (прецентральная извилина) и вторичную (премоторная кора и кора верхней лобной извилины) моторные зоны. Раздражение первичной моторной коры вызывает сокращение мышц противоположной стороны тела (для мышц головы сокращение может быть билатеральное). При поражении данной корковой зоны человек утрачивает способность к тонким координационным движениям конечностями, в первую очередь к движениям пальцами рук. В функциональном плане вторичная моторная зона имеет главенствующее значение по отношению к первичной двигательной коре, осуществляя высшие двигательные функции, связанные с планированием и координацией произвольных движений [29, 30].

Таким образом, система регуляции движений является многоуровневой. Между различными отделами нервной системы существуют циклические взаимодействия, в образовании которых принимают участие не только двусторонние межцентральные связи, но и обратная афферентация от различных рецепторов [31].

Форма участия мышц в осуществлении двигательных актов весьма многообразна. Анатомическая классификация мышц (например, сгибатели и разгибатели, синергисты и антагонисты) не всегда соответствует функциональной роли мышц в движениях. Так, некоторые двухсуставные мышцы в одном суставе участвуют в сгибании, в другом – в разгибании. Для более точного выполнения двигательной задачи антагонист может возбуждаться одновременно с агонистом. В связи с этим, учитывая функциональный аспект мышечной координации, в каждом конкретном двигательном акте целесообразно выделить основную мышцу (основной двигатель), вспомогательные мышцы (синергисты и другие мышцы, помогающие выполнить двигательную задачу) и стабилизаторы (мышцы, фиксирующие суставы, которые не участвуют в движении) [32].

Роль афферентных систем в координации ударных движений спортсменов. Большое значение для воплощения программы в конкретный результат, выполнение конкретного движения, достижение поставленной цели имеет обратная афферентация, идущая по различным каналам. Прежде всего, это происходит через афференты мышц, суставов, т.е. сенсорные механизмы самого двигательного аппарата. Однако немаловажное значение имеет и афферентация от таких, казалось бы, далеких от моторной системы рецепторов, как зрение и слух. Особенно важное значение сиюминутная обратная связь имеет при регуляции медленных движений, когда есть время для исправления самой программы в ходе ее осуществления. Но если при выполнении быстрых движений обратная связь не успевает скорректировать программу в период самого движения, то обратная афферентация, помогая оценить результат, способствует обучению движениям, и при повторных выполнениях (тренировке) движения становятся более точными. Это означает, что сама программа стала более точной [33].

Для достижения поставленной цели вначале происходит «считывание» информации об окружающей среде, о положении самого человека в данный момент. Получение данной информации происходит с помощью сенсорных механизмов [34]. Значение каждого сенсора в управлении движениями менялось на протяжении всего времени их изучения. В начале XX в. основную роль отводили вестибулярному аппарату. В дальнейшем такие ученые, как А.В. Лебединский и Л.А. Орбели, высказывались за ведущую роль зрительного анализатора. В более поздних работах главенствовала идея о значительной роли органов проприоцептивной чувствительности в регуляции вертикальной позы и прямохождения [35].

Благодаря проприоцепторам суставов, сухожилий, связок и мышц происходит изменение мышечного напряжения, растягивание сухожилий и мышц. И в результате этого возможно уточнение и коррекция движений в соответствии с текущими потребностями выполнения произвольного действия [36]. На сегодняшний момент ученные поддерживают теорию взаимодействия всех сенсорных систем организма. В опорном положении ведущую роль играют вестибулярный и зрительный анализаторы. В безопорных положениях (в невесомости, при прыжках) ведущая роль принадлежит проприоцептивной чувствительности [37].

Таким образом, в основе сложно-координационной деятельности лежит сложнейшее взаимодействие вестибулярного анализатора, системы проприоцепторов (динамический анализатор), органов зрения и нервной системы. Взаимодействие механизмов, обеспечивающих координацию, происходит на самых разнообразных уровнях центральной нервной системы: в спинном мозге, стволе мозга, мозжечке, коре больших полушарий, куда поступает информация от проприоцепторов, вестибулярного и зрительного анализаторов. Несмотря на многочисленные исследования, посвященные изучению системы поддержания равновесия и координации, до сих пор отсутствует единая точка зрения на механизмы функционирования данной системы и значение отдельных её компонентов в удержании равновесия тела и координации движений [38].

Заключение. Управление координационными способностями человека происходит через нервную систему в результате сложного взаимодействия различных отделов ЦНС на основе как врожденных, так и выработанных связей, с участием многочисленных рецепторных систем. Основой координации движений является временная и пространственная организация процессов возбуждения и торможения в мышечном аппарате, которая обеспечивает выполнение двигательной задачи [39]. Большое количество степеней свободы обеспечивает чрезвычайное многообразие двигательных возможностей, но при этом делает управление движениями весьма сложным. В каждом движении используются лишь некоторые из степеней свободы, но ЦНС должна постоянно контролировать (ограничивать) все остальные [40, 41].

На достижение конечной цели (выполнение определенного движения) влияют не только силы, развиваемые мышцами, но и силы инерции участков тела, вовлекаемых в движение, эластическое сопротивление мышц-антагонистов и связок. При выполнении любого движения происходит смещение различных звеньев двигательного аппарата и изменяется положение тела, а следовательно, по ходу движения изменяются моменты упомянутых сил. Вследствие изменения суставных углов меняются и моменты мышечных сил. На ход движения влияет сила тяжести звеньев тела, моменты которой также меняются в процессе движения. Поэтому для эффективного выполнения движения необходима коррекция, по ходу движения основанная на показаниях рецепторов [42].

Таким образом, управление движениями зависит от двух основных механизмов. Первый механизм заключается в формировании определенной пространственно-временной структуры возбуждения мышц, соответствующей данной двигательной задаче и исходному положению двигательного аппарата, зависящей от врожденных связей и связей, выработанных в процессе предыдущего двигательного опыта. Второй механизм заключается во внесение коррекции в первоначальную структуру мышечного возбуждения. Для характеристики этих двух механизмов используют терминологию кибернетики, называя первый программой, а второй – коррекциями на основе обратных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балюк В.Г.* Взаимосвязь и значимость основных нейродинамических характеристик спортсменов различной специализации и квалификации : автореф. дис. … канд. биол. наук. Архангельск, 2009. 20 с.
2. *Алхасов Д.С.* Структура технической подготовки в карате // Теория и практика физической культуры. 2012. № 7. С. 75–78.
3. *Вагин А.Ю., Пьянников В.С.* Сравнительный биомеханический анализ различных видов ударов ногами в единоборствах // Теория и практика физической культуры. 2012. № 3. С. 69–70.
4. *Еганов В.А., Олин С.В.* Формирование защитных технико-тактических действий в ударных видах единоборств // Теория и практика физической культуры. 2012. № 4. С. 70–71.
5. *Chaabène H., Franchini E., Miarka B., Mkaouer B., Chamari K.* Time–motion analysis and physiological responses to karate official combat sessions: Is there a difference between winners and defeated karatekas? // Source of the Document International Journal of Sports Physiology and Performance. 2014. 9 (2). P. 302–308.
6. *Садовски Е.* Основы тренировки координационных способностей в восточных единоборствах. Белая Подляска, 2000. 415 с.
7. *Blažević S.* The effect of motor abilities on karate performance / S. Blažević, R. Katić, D. Popović // Collegium Antropologicum. 2006. 30 (2). P. 327–333.
8. *Колесник И.С.* Управление развитием ведущих двигательных координаций в боксе. М. : Теория и практика физической культуры и спорта, 2005. 173 с.
9. *Зинурова Н.Г., Денисов К.Г., Кузиков М.М.* Показатели статокинетической устойчивости спортсменов при адаптации к сложнокоординационным нагрузкам // Вестник ЮУрГУ. Сер. Образование, здравоохранение, физическая культура. 2011. Вып. 28, № 26 (243). С. 127–130.
10. *Chaabène H., Hachana Y., Franchini E., Mkaouer B., Chamari K.* Physical and physiological profile of elite karate athletes // Sports Medicine. 2012. 42 (10). P. 829–843.
11. *Iide K., Imamura H., Yoshimura Y., Miyamoto N., Moriwaki C.* Physiological responses of simulated karate sparring matches in young men and boys // Journal of Strength and Conditioning Research. 2008. 22 (3). P. 839–844.
12. *Алфимов М.Н.* Биологические критерии эффективности коррекции нервно-мышечного дисбаланса мышц нижних конечностей у высококвалифицированных спортсменов : дис. … канд. биол. наук. М., 2011. 137 с.
13. *Gerasimenko Y., Gorodnichev R., Machueva E. et al.* Novel and direct access to the human locomotor spinal circuitry // J. Neuroscience. 2010. 30(10). P. 3700–3708.
14. *Анохин П.К.* Узловые вопросы теории функциональной системы. М. : Наука, 1980. 197 с.

15. *Бернштейн Н.А.* Физиология движений и активности. М. : Наука, 1990. 350 с.
16. *Вагин А.Ю.* Биомеханические критерии рациональности и эффективности техники ударных действий в карате : автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2009. 24 с.
17. *Corbetta M.* Functional connectivity and neurological recovery // Dev Psychobiol. 2012. 54(3). P. 239–253.
18. *Шмидт Р., Визендангер М.* Двигательные системы // Физиология человека. М., 2005. Т. 1. С. 88–128.
19. *Елисеев Е.В.* Помехоустойчивость движений спортсмена: структура, механизмы, адаптация. Челябинск : Экодом, 2003. 236 с.
20. *Капилевич Л.В.* Физиологические координации движений в безопорном положении у спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2012. № 7. С. 45–48.
21. *Капилевич Л.В., Бредихина Ю.П.* Координация парных двигательных действий у спортсменов (на примере спортивных бальных танцев) // Бюллетень сибирской медицины. 2013. № 2. С. 204–210.
22. *Григорьев А.И., Козловская И.Б., Шенкман Б.С.* Роль опорной афферентации в организации тонической мышечной системы // Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова. 2004. Т. 90, № 5. С. 508–521.
23. *Козловская И.Б.* Опорная афферентация в контроле тонической мышечной активности // Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова. 2004. Т. 90, № 8. С. 418–419.
24. *Ланская О.В., Андриянова Е.Ю.* Исследование спинально-моторных проекций мышц нижних конечностей под влиянием долговременной адаптации к спортивной деятельности // ЛФК и спортивная медицина. 2011. № 6. С. 34–39.
25. *Управление* движениями – Основы психофизиологии / отв. ред. Ю.И. Александров. М. : Инфра-М, 1997. 340 с.
26. *Илларионова А.В.* Особенности биоэлектрической активности мышц при исследовании точности дозированных усилий у спортсменов // Вестник науки Сибири. 2014. № 4 (14). С. 234–240.
27. *Коваленко Е.В., Бойко А.В.* Особенности долговременной адаптации спортсменов, специализирующихся в карате // Фундаментальные исследования. 2013. № 11. С. 205–210.
28. *Кузиков М.М.* Особенности функционального состояния сердечной системы и статокинетической устойчивости спортсменов, занимающихся ушу : автореф. дис. … канд. биол. наук. Челябинск, 2013. 23 с.
29. *Базанова О.М.* Вариабельность индивидуальных характеристик альфа-активности электроэнцефалограммы и сенсомоторная интеграция : автореф. дис. … д-ра биол. наук. Новосибирск, 2009. 39 с.
30. *Manto M., Oulad ben Taib N., Luft A.R.* Modulation of excitability as an early change leading to structural adaptation in the motor cortex // J. Neuro. Sci. Res. 2006. № 83(2). P. 177–180.
31. *Капилевич Л.В.* Физиологический контроль технический подготовленности спортсменов // Теория и практика физической культуры, 2010. № 11. С. 12–15.
32. *Григорьев А.И., Шенкман Б.С.* Скелетная мышца в безопорном мире // Вестник РАН. 2008. Т. 78(4). С. 337–345.
33. *Baudry S., Maerz A.H., Enoka R.M.* Presynaptic modulation of Ia afferents in young and old adults when performing force and position control // J. Neurophysiol. 2010. 103(2). P. 623–631.
34. *Sbriccoli P., Camomilla V., Di Mario A., Figura F., Felici F.* Neuromuscular control adaptations in elite athletes: The case of top level karateka // European Journal of Applied Physiology. 2010. 108 (6). P. 1269–1280.
35. *Kozlovskaya I.B., Sayenko I.V., Sayenko D.G., Miller T.F., Khusnutdinova D.R., Melnik K.A.* Role of support afferentation in control of the tonic muscle activity // Acta Astronautica. 2007. Vol. 60. P. 285–294.
36. *Коваленко Е.В.* Сравнительный анализ состояния вестибулярной сенсорной системы в различных видах восточных единоборств // Проблемы развития физической культуры и спорта в новом тысячелетии. 2014. Т. 1, № 1. С. 147–150.
37. *Martinez De Quel O., Bennett S.J.* Kinematics of self–initiated and reactive karate punches // Source of the Document Research Quarterly for Exercise and Sport. 2014. 85 (1). P. 117–123.
38. *Pozo J.L., Bastien G., Dierick F.* Execution time, kinetics, and kinematics of the mae–geri kick: Comparison of national and international standard karate athletes // Journal of Sports Sciences. 2011. 29 (14). P. 1553–1561.
39. *Лях В.И.* Координационные способности: диагностика и развитие. М. : ТВТ Дивизион, 2006. 290 с.
40. *Лях В.И., Румба О.Г., Горелов А.А.* Критерии и методы исследования двигательной активности человека // Теория и практика физической культуры. 2013. № 10. С. 99–104.
41. *Лях В.И., Садовский Е.* О концепциях, задачах, месте и основных положениях координационной подготовки в спорте // Теория и практика физической культуры. 1999. № 5. С. 40–46.
42. *Немцов О.Б.* Теоретические основы точности движений // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 1. С. 34–45.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 10 марта 2015 г.

PHYSIOLOGICAL AND BIOMECHANICAL MECHANISMS OF SHOCK ACTION COORDINATION IN COMBAT SPORTS

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 194-200. DOI 10.17223/15617793/394/32

Bredikhina Yulia P. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: u2000@yandex.ru
Guzhov Fedor A. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: fedorguzhov@mail.ru
Kapilevich Leonid V. Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kapil@yandex.ru
Ilyin Alexandr A. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sport@rk.tusur.ru

Keywords: karate; strike; analyzer; regulation; motor stereotype.

Currently the mechanisms of human physiological system rearrangements under the influence of sports training are actively studied. However, the problem of physiological support of motor actions in athletes engaged in complex-coordinating sports remains insufficiently studied. In this case, it is the level of control over motor actions is at the core skills of athletes. The power of the strike depends on the translational and rotational motions in different parts of the body joints around the vertical axis of the body. The vertical axis is the spine. This is the worst, in terms of biomechanics, way of a hand strike. Therefore, to further increase the strength, karate uses reverse and amplitude throw of the body in the direction of the strike. Another factor influencing the effectiveness of the strike is rigidity. To strike hard it is necessary to increase the force of impact, it is necessary to increase the mass of the strike, its speed, and to decrease its time. The increase in speed is achieved by relaxing before the strike. This is necessary so that the muscles-antagonists do not interfere with the action of the attacker, as the muscle relaxation time is about 1.5–2 times greater than the tension time. Coordination of movements at the maximum strikes in karate depends on the speed of the shock level at the time of the contact with the body struck. The athlete's ability to perform complex-coordination activities is due to the physiological mechanisms respon-

sible for the self-regulation of motor activity. Currently, it is proved that basic coordination occurs at the spinal level, and includes fairly extensive functions. Neural mechanisms of the brain stem significantly enrich the motor program, responsible for the most effective position of the body in space due to cervical, spinal and labyrinth reflexes and for the optimal distribution of muscle tonus. Higher motor centers are responsible for the regulation and organization of moves. Thus, the system of move regulation is multilevel. The various divisions of the nervous system interact, which involves not only bilateral intercentral connections, but also reverse afferent impulses from different receptors. Of great importance for a particular result, for a particular move, for achievement of the goal is reverse afferentation, going through various channels. First of all, it occurs through afferents of muscles, joints, i.e. sensory mechanisms of the musculoskeletal system. No less important is the afferent impulses from such seemingly far from the motor system receptors, as sight and hearing. The core of complex-coordination activities is a complex interaction of the vestibular analyzer and proprioceptors (dynamic analyzer), eyes and nervous system. Thus, motion control depends on two main mechanisms. The first mechanism is the formation of a certain space-time structure of muscle activation corresponding to the given motor task and the initial position of the motor apparatus which depends on innate connections and relationships developed in the course of the previous motor experience. The second mechanism involves making corrections to the original structure of muscle activation. To characterize these two mechanisms the terminology of cybernetics is used: the first mechanism is called a program, the second correction based on a feedback.

REFERENCES

1. Balyuk V.G. *Vzaimosvyaz' i znachimost' osnovnykh neyrodinamicheskikh kharakteristik sportsmenov razlichnoy spetsializatsii i kvalifikatsii*: avtoref. dis. kand. biol. nauk [The relationship and the importance of the main neurodynamic characteristics of athletes of various specializations and qualifications. Abstract of Biology Cand. Diss.]. Arkhangelsk, 2009. 20 p.
2. Alkhasov D.S. Struktura tekhnicheskoy podgotovki v karate [The structure of technical training in karate]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury,* 2012, no. 7, pp. 75–78.
3. Vagin A.Yu., P'yannikov V.S. Sravnitel'nyy biomekhanicheskiy analiz razlichnykh vidov udarov nogami v edinoborstvakh [Comparative biomechanical analysis of different types of strikes in martial arts]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2012, no. 3, pp. 69–70.
4. Eganov V.A., Olin S.V. Formirovanie zashchitnykh tekhniko-takticheskikh deystviy v udarnykh vidakh edinoborstv [Formation of protective technical and tactical actions in shock types of martial arts]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2012, no. 4, pp. 70–71.
5. Chaabène H., Franchini E., Miarka B., Mkaouer B., Chamari K. Time–motion analysis and physiological responses to karate official combat sessions: Is there a difference between winners and defeated karatekas? International Journal of Sports Physiology and Performance, 2014, 9 (2), pp. 302–308. DOI: 10.1123/ijspp.2012-0353
6. Sadovski E. *Osnovy trenirovki koordinatsionnykh sposobnostey v vostochnykh edinoborstvakh* [Fundamentals of coordination abilities training in martial arts]. Belaya Podlyaska, 2000. 415 p.
7. Blažević S., Katić R., Popović D. The effect of motor abilities on karate performance. *Collegium Antropologicum*, 2006, 30 (2), pp. 327–333.
8. Kolesnik I.S. *Upravlenie razvitiem vedushchikh dvigatel'nykh koordinatsiy v bokse* [Managing the development of leading motor coordination in boxing]. Moscow: Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury i sporta Publ., 2005. 173 p.
9. Zinurova N.G., Denisov K.G., Kuzikov M.M. Pokazateli statokineticheskoy ustoychivosti sportsmenov pri adaptatsii k slozhnokoordinatsionnym nagruzkam [Indicators of statokinetic stability of athletes in adapting to complex coordinsation loads]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Obrazovanie, zdravookhranenie, fizicheskaya kul'tura – Bulletin of the of South Ural State University. Series "Education, Health Care, Physical Education"*, 2011, is. 28, no. 26 (243), pp. 127–130.
10. Chaabène H., Hachana Y., Franchini E., Mkaouer B., Chamari K. Physical and physiological profile of elite karate athletes. *Sports Medicine*, 2012, 42 (10), pp. 829–843. DOI: 10.2165/11633050-000000000-00000
11. Iide K., Imamura H., Yoshimura Y., Miyamoto N., Moriwaki C. Physiological responses of simulated karate sparring matches in young men and boys. *Journal of Strength and Conditioning Research*, 2008, 22 (3), pp. 839–844. DOI: 10.1519/JSC.0b013e31816a5af6
12. Alfimov M.N. *Biologicheskie kriterii effektivnosti korrektsii nervno-myshechnogo disbalansa myshts nizhnikh konechnostey u vysokokvalifitsirovannykh sportsmenov*: dis. kand. biol. nauk [Biological criteria of correction efficiency of neuromuscular imbalances muscles of the lower extremities in elite athletes. Biology Cand. Diss.]. Moscow, 2011. 137 p.
13. Gerasimenko Y., Gorodnichev R., Machueva E. et al. Novel and direct access to the human locomotor spinal circuitry. *J. Neuroscience*, 2010, 30(10), pp. 3700–3708. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.4751-09.2010
14. Anokhin P.K. *Uzlovye voprosy teorii funktsional'noy sistemy* [Central questions of the theory of functional systems]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 197 p.
15. Bernshteyn N.A. *Fiziologiya dvizheniy i aktivnosti* [The physiology of movements and activity]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 350 p.
16. Vagin A.Yu. *Biomekhanicheskie kriterii ratsional'nosti i effektivnosti tekhniki udarnykh deystviy v karate*: avtoref. dis. kand. ped. nauk [Biomechanical criteria of rationality and efficiency of shock actions in karate. Abstract of Pedagogy Cand. Diss.]. Moscow, 2009. 24 p.
17. Corbetta M. Functional connectivity and neurological recovery. Dev Psychobiol., 2012, 54(3), pp. 239–253. DOI: 10.1002/dev.20507
18. Schmidt R. (ed.) *Fiziologiya cheloveka* [Human Physiology]. Moscow: Mir Publ., 2005. V. 1, pp. 88–128.
19. Eliseev E.V. *Pomekhoustoychivost' dvizheniy sportsmena: struktura, mekhanizmy, adaptatsiya* [Immunity of athlete's movements: structure, mechanisms and adaptation]. Chelyabinsk: Ekodom Publ., 2003. 236 p.
20. Kapilevich L.V. Fiziologicheskie koordinatsii dvizheniy v bezopornom polozhenii u sportsmenov [Physiological coordination of athletes' movements in unsupported position]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2012, no. 7, pp. 45–48.
21. Kapilevich L.V., Bredikhina Yu.P. Pair motor coordination action in sports men (on the example of ballroom dancing). *Byulleten' sibirskoy meditsiny – Bulletin of Siberian Medicine*, 2013, v. 12, no. 2, pp. 204–210. (In Russian).

22. Grigor'ev A.I., Kozlovskaya I.B., Shenkman B.S. Rol' opornoy afferentatsii v organizatsii tonicheskoy myshechnoy sistemy [The role of supporting afferentation in the organization of tonic muscular system]. *Rossiyskiy fiziologicheskiy zhurnal im. I.M. Sechenova – Russian Journal of Physiology*, 2004, v. 90, no. 5, pp. 508–521.
23. Kozlovskaya I.B. Opornaya afferentatsiya v kontrole tonicheskoy myshechnoy aktivnosti [Support afferentation in control of tonic muscular activity]. *Rossiyskiy fiziologicheskiy zhurnal im. I.M. Sechenova – Russian Journal of Physiology*, 2004, v. 90, no. 8, pp. 418–419.
24. Lanskaya O.V., Andriyanova E.Yu. Issledovanie spinal'no-motornykh proektsiy myshts nizhnikh konechnostey pod vliyaniem dolgovremennoy adaptatsii k sportivnoy deyatel'nosti [Research of the spinal-motor projections of muscles of the lower limbs under the influence of long-term adaptation to sporting activities]. *Lechebnaya fizkul'tura i sportivnaya meditsina*, 2011, no. 6, pp. 34–39.
25. Aleksandrov Yu.I. (ed.) *Upravlenie dvizheniyami – Osnovy psikhofiziologii* [Motion control – Basics of psychophysiology]. Moscow: Infra-m Publ., 1997. 340 p.
26. Illarionova A.V. Osobennosti bioelektricheskoy aktivnosti myshts pri issledovanii tochnosti dozirovannykh usiliy u sportsmenov [Features of bioelectrical activity of muscles in the study of the accuracy of dosage effort in athletes]. *Vestnik nauki Sibiri – Siberian Journal of Science*, 2014, no. 4 (14), pp. 234–240.
27. Kovalenko E.V., Boyko A.V. Characteristics of long-term adaptation of athletes which are specializing in karate. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*, 2013, no. 11 (2), pp. 205–210. (In Russian).
28. Kuzikov M.M. *Osobennosti funktsional'nogo sostoyaniya serdechnoy sistemy i statokineticheskoy ustoychivosti sportsmenov, zanimayushchikhsya ushu*: avtoref. kand. biol. nauk [Features of the functional state of the heart system and statokinetic stability of athletes involved in martial arts. Abstract of Biology Cand. Diss.]. Chelyabinsk, 2013. 23 p.
29. Bazanova O.M. *Variabel'nost' individual'nykh kharakteristik al'fa-aktivnosti elektroentsefalogrammy i sensomotornaya integratsiya*: avtoref. dis. d-ra biol. nauk [The variability of the individual characteristics of EEG alpha activity and sensorimotor integration. Abstract of Biology Dr. Diss.]. Novosibirsk, 2009. 39 p.
30. Manto M., Oulad ben Taib N., Luft A.R. Modulation of excitability as an early change leading to structural adaptation in the motor cortex. *J. Neuro. Sci. Res.*, 2006, no. 83(2), pp. 177–180.
31. Kapilevich L.V. Fiziologicheskiy kontrol' tekhnicheskiy podgotovlennosti sportsmenov [Physiological control of the technical readiness of atheletes]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2010, no. 11, pp. 12–15.
32. Grigor'ev A.I., Shenkman B.S. Skeletnaya myshtsa v bezopornom mire [Skeletal muscle in the unsupported world]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2008, v. 78(4), pp. 337–345.
33. Baudry S., Maerz A.H., Enoka R.M. Presynaptic modulation of Ia afferents in young and old adults when performing force and position control. *J. Neurophysiol.*, 2010, 103(2), pp. 623–631. DOI: 10.1152/jn.00839.2009
34. Sbriccoli P., Camomilla V., Di Mario A., Figura F., Felici F. Neuromuscular control adaptations in elite athletes: The case of top level karateka. *European Journal of Applied Physiology*, 2010, 108 (6), pp. 1269–1280. DOI: 10.1007/s00421-009-1338-5
35. Kozlovskaya I.B., Sayenko I.V., Sayenko D.G., Miller T.F., Khusnutdinova D.R., Melnik K.A. Role of support afferentation in control of the tonic muscle activity. *Acta Astronautica*, 2007, v. 60, pp. 285–294. DOI: 10.1016/j.actaastro.2006.08.010
36. Kovalenko E.V. Sravnitel'nyy analiz sostoyaniya vestibulyarnoy sensornoy sistemy v razlichnykh vidakh vostochnykh edinoborstv [Comparative analysis of the vestibular sensory system in different kinds of martial arts]. *Problemy razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v novom tysyacheletii*, 2014, v. 1, no. 1, pp. 147–150.
37. Martinez De Quel O., Bennett S.J. Kinematics of self–initiated and reactive karate punches. *Research Quarterly for Exercise and Sport*, 2014, 85 (1), pp. 117–123.
38. Pozo J.L., Bastien G., Dierick F. Execution time, kinetics, and kinematics of the mae–geri kick: Comparison of national and international standard karate athletes. *Journal of Sports Sciences*, 2011, 29 (14), pp. 1553–1561.
39. Lyakh V.I. *Koordinatsionnye sposobnosti: diagnostika i razvitie* [Coordination abilities: diagnostics and development]. Moscow: TVT Divizion Publ., 2006. 290 p.
40. Lyakh V.I., Rumba O.G., Gorelov A.A. Kriterii i metody issledovaniya dvigatel'noy aktivnosti cheloveka [Criteria and methods of human motor activity research]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2013, no. 10, pp. 99–104.
41. Lyakh V.I., Sadovskiy E. O kontseptsiyakh, zadachakh, meste i osnovnykh polozheniyakh koordinatsionnoy podgotovki v sporte [Concepts, objectives, role and main provisions of coordination training in sports]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 1999, no. 5, pp. 40–46.
42. Nemtsev O.B. Teoreticheskie osnovy tochnosti dvizheniy [Theoretical foundations of precise movements]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, no. 1, pp. 34–45.

Received: 10 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 201–210. DOI 10.17223/15617793/394/33

УДК 374

И.В. Иванова

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И СОПРОВОЖДЕНИЕ САМОРАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Приведён сравнительный анализ идей сопровождения саморазвития личности, актуальных сегодня в контексте модернизации образования, и идей отечественных ученых-космистов в области космического образования. Показано содержательное и идейное единство феноменов дополнительного космического образования и сопровождения саморазвития личности в образовательном процессе. Теоретический поиск опирается на экзистенциальный подход к пониманию природы человека, определяющий направление самовоспитания и саморазвития личности. Идеи ученых-космистов являются особенно востребованными в контексте организации воспитания, развития и обучения в эпоху перемен, для которой характерны размывание рамок между миром взрослых и детей, духовный спад и скупость мировоззренческих установок личности. Материалы статьи могут представлять интерес для педагогов дополнительного образования, социальных педагогов, учителей и воспитателей, а также будут полезны специалистам системы образования, занимающимся вопросами саморазвития детей.

Ключевые слова: саморазвитие; космическое образование; дополнительное космическое образование; сопровождение саморазвития личности; духовно-нравственное воспитание.

Перед Россией сегодня стоит задача достижения приоритетности образования и превращения его в российском менталитете в ценность, что является стратегической задачей государственной политики и носит идеологический характер. Только при условии ее успешного решения образование может выступить как ресурс повышения конкурентоспособности личности, общества и государства. Перспективы прогрессивного развития российского общества во многом зависят от раскрытия творческого потенциала и неповторимой индивидуальности его представителей. Однако в настоящее время большинство людей оказываются не способными к проявлению инициативы и самостоятельности, саморазвитию и адекватному самовыражению. В связи с этим важной задачей деятельности образовательных организаций становится *оказание помощи растущему человеку в процессе самосозидания и обретения подлинного призвания*. Акцент в образовательной практике смещается в сторону *индивидуализации сопровождения саморазвития ребенка*, поддержки становления в растущем человеке ярко индивидуального, развития способности к самопознанию и самореализации.

Реализация данного подхода осуществляется посредством разработки траекторий развития детей, создания индивидуальных образовательных маршрутов и образовательных программ. В этой связи в образовательных учреждениях всех типов и видов важное значение приобретает специально организованная деятельность (сопровождение по целенаправленному созданию развивающей среды, позволяющей достигать результатов и эффектов в личностном, социальном, интеллектуальном развитии детей. Принятая Правительством РФ Концепция модернизации российского образования определяет приоритетные цели, решение которых требует построения *адекватной системы сопровождения*.

Идея сопровождения саморазвития личности учащихся является не новой, в том или ином виде присутствует во многих системах образования, в какой-либо форме провозгласивших приоритет гуманистических ценностей:

– *зарубежных* (Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо, Ф. Фребель, Ф. Дистервег, Жд. Дьюи, М. Монтессори, С. Френе, Я. Корчак, А. Нилл, Дж. Холл и др.);

– *отечественных* (Л.Н. Толстой, К.Н. Вентцель, К.Э. Циолковский, С.Н. Дурылин, С.Т. Шацкий, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, С.Л. Соловейчик, О.С. Газман, Г.И. Гурджиев и др.);

– *современных отечественных* (Ш.А. Амонашвили, В.П. Бедерханова, А.А. Галицких, И.Д. Демакова, Г.А. Цукерман, Б.М. Мастеров, В.А. Караковский, А.М. Лобка, С.Д. Поляков, А.Н. Тубельский, М.П. Черемных, М.П. Щетинин и др.).

В гуманистических образовательных системах идея сопровождения реализовывалась в разных формах и присутствовала как естественный фон доверительного взаимодействия педагога и учащихся.

В последние годы *проблема педагогической поддержки, сопровождения саморазвития детей* является достаточно актуальной и находит свое воплощение в отечественной образовательной практике. Особую актуальность реализация сопровождения учащихся приобретает в аспекте идей саморазвития личности (М.Р. Битянова, В.Г. Маралов, Б.М. Мастеров, А.Б. Орлов, В.А. Петровский, Г.А. Цукерман).

М.Р. Битянова дала развернутое определение сущности понятия *сопровождение* следующим образом: «…сопровождать ребенка по его жизненному пути – это движение вместе с ним, рядом с ним, иногда – чуть впереди, если надо объяснить возможные пути. Взрослый внимательно приглядывается и прислушивается к своему юному спутнику, его желаниям, потребностям, фиксирует достижения и возникающие трудности, помогает советами и собственным примером ориентироваться в окружающем Дорогу мире, понимать и принимать себя. Но при этом не пытаться контролировать, навязывать свои пути и ориентиры. И лишь когда ребенок потеряется или попросит о помощи, помогает ему вновь вернуться на свой путь. Ни сам ребенок, ни его умудренный опытом спутник не могут существенно влиять на то, что происходит вокруг Дороги. Взрослый также не в состоянии указать ребенку путь, по которому непременно нужно идти. Выбор Дороги – право и обязанность каждой личности, но если на перекрестках и развилках с ребенком оказывается тот, кто способен облегчить процесс выбора, сделать его более осознанным, – это большая удача» [1. С. 69]. Автор именно в таком понимании видит сопровождение личности. Как следует из опи-

сательного определения, если любой значимый взрослый будет способен стать в позицию сопровождающего, то процесс самопознания и саморазвития личности, нуждающейся в сопровождении, будет гораздо более эффективным.

Анализ трудов таких ученых, как В.Г. Маралов, Г.А. Цукерман, Б.М. Мастеров, В.Н. Колесников, В.В. Иванова, В.Л. и Ю.Л. Блиновы, позволяет прийти к теоретическому обобщению. Основными характеристиками *сопровождения саморазвития личности* являются следующие:

– сопровождение саморазвития дает возможность следовать за естественным развитием ребенка, опираясь не только на возрастные закономерности, но и на личностные достижения, в которых закреплены те усилия, которые он приложил для того, чтобы продвинуться вперед на пути саморазвития;

– признается безусловная ценность внутреннего мира каждой личности, индивидуальности, приоритетность потребностей, целей и ценностей саморазвития;

– взрослый не является опорой, «костылем», на который в случае необходимости может опереться ребенок (во избежание привычки делать все шаги по совету других), – в данном случае речь идет о побуждении ребенка к нахождению и принятию самостоятельных решений, помощи в принятии на себя необходимой ответственности, т.е. о создании условий для самопознания, саморазвития, осуществления личностных выборов [2. С. 75];

– сопровождение саморазвития личности строится на гуманистических принципах: сотрудничество детей с родителями и педагогами; личностный подход к ребенку; свобода выбора; идея опережения, создающая условия для мотивации ученика; формирование умений проводить самопознание и самоанализ; развитие рефлексии и самопрогнозирования [Там же. С. 95].

Взгляды ученых на проблему саморазвития личности едины в утверждении, согласно которому *в процессе саморазвития человек приобретает много новых качеств и способностей, которые ранее не были актуализированы*, что демонстрирует большую широту смысла саморазвития (К.А. Абульханова-Славская, Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев, Н.Н. Михайлова, Н.А. Низовских, А.Б. Орлов, В.С. Мухина, Г.А. Цукерман, И.С. Якиманская и др.).

Проведенный анализ трудов философов, педагогов и психологов по проблеме саморазвития личности (К. Роджерс, А. Адлер, Э. Эриксон, К. Юнг, Э. Фромм, В.Э. Франкл, Л.Р. Хаббард, А.Н. Леонтьев, А.Б. Орлов, В.С. Мухина, Н.А. Низовских, Г.А. Цукерман, Б.М. Мастеров, В.Г. Маралов и др.) позволил определить в качестве основных следующие *характеристики саморазвивающейся личности*:

– жизнедеятельность как непрерывный процесс целеполагания, деятельности и поведения человека, творчество;

– субъектность саморазвития;

– способность к свободе выбора и ответственности перед собой;

– активность, инициативность, самостоятельность личности;

– сформированное мировоззрение;

– овладение рефлексией;

– сформированные волевые качества личности;

– конгруэнтность личности.

Основываясь на результатах проведенного теоретического анализа литературы, можно полагать, что в качестве интегративной характеристики саморазвития личности, обеспечивающей актуализацию и согласованность всех ее элементов, выступает *ценностно-смысловая составляющая*, поскольку ее действие:

– связано с рождением рефлексии;

– определяет субъектность саморазвития;

– определяет ведущие цели, потребности и мотивы деятельности и поведения;

– формирует направленность «притязаний на признание»;

– обеспечивает направленность активности;

– определяет характер осуществления смысловых выборов, ответственность за их принятие;

– обеспечивает возможность, динамику, направленность и характер саморазвития личности [2. С. 35].

Сегодня, наряду с актуальностью и предзаданностью личностно-ориентированной тенденции модернизации образования, *образовательные организации дополнительного образования оказываются наиболее готовыми к реализации деятельности, направленной на сопровождение саморазвития детей*, создание условий для проявлении в ребенке изначально заложенных стремлений к саморазвитию в различных видах деятельности.

Уместно вспомнить высказывание Л.Н. Толстого о том, что важным условием, обеспечивающим гармоническое развитие личности, является сама образовательная система, в данном случае для полноценной реализации идей саморазвития требуется отсутствие предусмотренных заранее программ, жестких учебных планов, сдерживающих свободное появление Я ребенка, применение методов и средств с учетом интересов и желаний детей, их родителей и наличие соответствующих педагогов, любящих и хорошо знающий свой предмет [3].

Востребованность системы дополнительного образования сегодня нашла отражение в основополагающих документах образовательной политики страны: Национальной доктрине образования в РФ, Федеральной программе развития образования, ФГОС, Концепции модернизации российского образования, Концепции модернизации дополнительного образования детей РФ. В документах подчеркивается, что одной из приоритетных задач современного образования являются сопровождение саморазвития учащихся, создание условий для духовно-нравственного развития учащихся, формирования смысло-жизненных ориентаций и ценностей, что актуализирует экзистенциальный подход к рассмотрению сущности образовательного пространства.

Дополнительное образование – часть общего образования, позволяющая учащемуся приобрести потребность в познании и творчестве, максимально реализовать себя, самоопределиться профессионально и личностно. Пространство дополнительного образова-

ния является благоприятным и естественным для саморазвития ребенка. Оно позволяет саморазвиваться в том виде деятельности, который соответствует направленности личности, интересам и потребностям, что дает возможность быть успешным, почувствовать себя значимым, поверить в свои возможности.

Для дополнительного образования характерны отсутствие стандартизации и наличие вариативности, которая выражается в:

– добровольном, свободном выборе направлений и видов деятельности, содержании образования, объема и темпа его освоения, педагога, формы освоения образовательной программы;

– отсутствии универсальных, единых для всех стандартов содержания образования, жесткой регламентации образовательного процесса, что создает благоприятные условия для естественного роста, культурного и личностного становления, творчества, инновации, инициативы, успешности в достижении общезначимой цели [4. С. 354–355];

– учете индивидуальных потребностей ребенка и его семьи;

– реализации индивидуальных образовательных маршрутов и программ;

– учете педагогического принципа принятия и защиты индивидуальных интересов ребенка без учета его академических заслуг [5. С. 179–184].

Как пишет В.И. Слободчиков, «…образовательный процесс учреждений дополнительного образования детей характеризуется отсутствием универсальных, единых для всех стандартов содержания образования… наряду с этим, налицо подчиненность природе ребенка, его “нормальному развитию”, естественному росту, культурному и личностному становлению» [4. С. 354–355].

В системе дополнительного образования детей и молодежи присутствует та атмосфера комфортности и уюта, та самая «ситуация успеха» (по Л.С. Выготскому), партнерские отношения между педагогом и учащимися, которые способствуют гуманизации отношений. Такой тип образования представляет собой феномен и процесс свободно избранного ребенком освоения знаний, способов деятельности, ценностных ориентаций, направленных на удовлетворение интересов личности, ее самореализации и культурной адаптации, выходящих за рамки стандарта общего образования.

Методологической основой развития системы дополнительного образования детей является опора на идеи философии гуманизма, обращенной к внутренним истокам активности человека, его образу «Я», экзистенциальный подход к пониманию личности [5]. Важно заметить, что в качестве ведущего принципа саморазвития личности ученые (К. Роджерс, А. Адлер, Э. Эриксон, К. Юнг, Э. Фромм, В.Э. Франкл, А.Б. Орлов и др.) также отмечают *экзистенциальный подход к пониманию личности*.

В свою очередь, идеи гуманизма, саморазвития и самореализации рельефно представлены в трудах отечественных ученых-космистов (К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, А.В. Хуторской и др.). Механизмы, обеспечивающие личностно-ценностную продуктивность сопровождения саморазвития, имеют *экзистенциальную основу*, что дает основание предполагать наличие сущностной связи между идеями ученых-космистов в области космического образования и современными задачами сопровождения саморазвития личности.

Основой естественнонаучной концепции космического образования является активно-эволюционное (космическое) направление отечественной научно-философской мысли, возникшее в середине XIX в. и широко развернувшееся в XX в. Именно в России, ставшей родиной научного учения о биосфере и переходе ее в ноосферу, открывшего реальный путь в космос, возникло данное направление философии. Среди его представителей такие известные ученые, как В.Н. Вентцель, Н.Ф. Федоров, А.В. Сухово-Кобылин, Н.А. Умов, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, В.Н. Муравьев, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, Н.Г. Холодный, В.Ф. Купревич, А.К. Манеев и др. Космическое направление отечественной научно-философской мысли характеризуется следующими ведущими положениями: космос (или ноосфера) представляет собой целостное единство вселенской жизни и регулятор человеческого общества, при этом важнейшим нравственным императивом является утверждение учащимся своей роли в Космосе, стремление понять его законы.

Термин *космическое образование* впервые ввел в педагогику К.Н. Вентцель – мыслитель и педагог конца XIX – начала XX в., основоположник космической педагогики, оригинальность которой состоит в том, что он сумел объединить идеи космизма и свободного воспитания.

Высшей задачей космического образования, согласно Вентцелю, является развитие в ребенке космического самосознания – «сознания самого себя как нераздельной части космоса». Цель космического образования заключается в том, чтобы «воспитать сыновнее чувство космоса», донести до сознания каждого ребенка то, что он «является частью космоса» [6. С. 12]. При этом учитель должен, по мысли ученого, «создавать условия для полного слияния ребенка с Творческим Космосом и участвовать в его развитии» [Там же. С. 13].

А.В. Хуторской главной идеей космического образования считал активную творческую эволюцию человека от низшей свободы к высшей, к богочеловеку. По мысли ученого, образование человека заключается в личном самосозидании, расширении микрокосма до подобного ему макрокосма [7]. Космическое образование можно соотносить с духовно-нравственным воспитанием, целью которого является духовное самопознание личности в опоре на общечеловеческие ценности жизни и культуры, воспитание личности, способной и готовой к жизненному выбору и самоконтролю. В этом смысле образование понимается как раскрытие нравственного начала личности. Эти представления о человеке и его развитии близки к экзистенциализму как учению о построении своей судьбы и являются общей чертой идей космического воспитания мыслителей-космистов.

В трудах Н.Г. Холодного впервые применены к характеристике мировоззрения такие понятия, как «антропокосмизм», «антропокосмический гуманизм». Ученый пишет о необходимости формирования «космического сознания» как нового научного миропонимания и роли человека, воспитания у него «космического чувства», чувства нравственной ответственности за свою преобразовательную деятельность путем формирования нравственных идеалов и ценностных ориентиров, которые имели бы общечеловеческое значение» [8. С. 332–334]. В качестве космического чувства, способного приблизить человека к Космосу, ученый выделяет любовь к природе, включая в нее и самого человека. В этом понимании любовь к природе включает в себя самопринятие. Н.Г. Холодный, рассуждая о единстве человека со Вселенной, говорит о проблеме саморазвития личности: «Насколько совершеннее станут доступные науке и искусству средства восприятия и отображения природы, настолько шире и глубже будут наши знания о ней, настолько, наконец, изощреннее и тоньше станут в процессе развития интеллектуальные и эстетические способности человека» [9. С. 104].

Космическое образование, согласно Б.Г. Пшеничнер и С.П. Яценко, представляет собой «систему образования, которая рассматривает познание космоса как системообразующий фактор всей системы человеческого знания и мировоззрения» [10. С. 22]. Авторы подчеркивают его мировоззренческую, экзистенциальную основу: «Основной целью космического образования является формирование научного космического и экологического мировоззрения» [Там же. С. 24]. Космическое образование понимается как формирование нравственных и эстетических отношений сыновства, любви, благоговения и преклонения, которые объединены в религиозном отношении как созерцание Тайны. При этом под гармоническим развитием понимается развитие, согласованное с индивидуальной сущностью.

Прослеживая ретроспективу научных представлений о космическом образовании, приходим к выводу, что последнее десятилетие XX в. характеризуется появлением в психолого-педагогической литературе новой терминологии: «космическое образование», «ноосферное мышление», «глобальное воспитание», «духовное развитие», «космическое сознание» и др. В ней зафиксированы представления отечественных и зарубежных педагогов-гуманистов, философов-космистов, ученых – специалистов различных отраслей знания о «космичности» человека, гармонии Космоса и человека, единстве микро- и макрокосма. Ведущей идеей является идея совершенствования личности, в связи с этим ученые, разрабатывающие данное направление, пользуются такими философскими и психологическими единицами, как «смысл», «ценность», «сапопознание», «саморазвитие», «самосовершенствование», «самопрогнозирование».

Философские основы и сущность космического образования, основанного на принципах антропоцентризма, можно представить в общем виде следующими постулатами:

– космизм как принцип, лежащий в основе мировоззрения, позволяет рассматривать всё происходящее на Земле в тесном единстве с космическими процессами;

– провозглашение взаимозависимости человека и Космоса, их неразрывности;

– ведущая идея нравственного Всеединства человека, человечества и Вселенной;

– рассмотрение духовно-нравственного воспитания как условия взращивания гражданина Вселенной;

– провозглашение человека как существа разумного и созидающего, который выступает во Вселенной как сила, способная на основах разума и нравственности преобразовывать природу и воздействовать на динамику космической эволюции;

– придание личности самосозидающей функции, рассмотрение человека как ключевой единицы саморазвития через познание Вселенной;

– определение творчества и саморазвития в качестве важнейших факторов эволюции, призванных вести мир к совершенству и гармонии;

– придание космической направленности процессу преобразования человеком самого себя, своей духовной, нравственной природы;

– провозглашение идеи воспитания детей в духе всекосмического единства на основах нравственности;

– определение в качестве ведущей задачи космического образования создания условий для того, чтобы сделать человека высокоразумным и нравственным, а значит, и более совершенным и счастливым.

Данные постулаты имеют прямое отношение к сфере образования и воспитания, сопровождения саморазвития личности.

Анализ *феномена космического образования* позволяет судить о том, что его содержание по смыслу близко к пониманию *полного освобождения и раскрепощения личности*, обладающей собственной нравственной ценностью и осознающей себя Гражданином Вселенной; служению гуманистическим идеалам и вечным ценностям, Святыням, которые сопровождают историю человеческого рода от самых истоков (святость жизни, достоинство свободы, величие любви, лучезарность истины, неиссякаемый источник добра); соотнесению себя с всечеловеческим, осознанию своей сопричастности к другому, укреплению вселенской близости, основанной на единой принадлежности к человеческому роду; заботе о мире и согласии между людьми, о сохранении природы и гармонизации отношении с ней; видению мира как единого целого, где благополучие каждого зависит от благополучия остальных. В психологии сопровождения *процесс полного раскрепощения личности*, обеспечивающий свободное проявление «Я», является одним из механизмов саморазвития. Применительно к сопровождению саморазвития здесь речь идет о *персонификации личности* (Р. Ассаджиоли, П. Ферутто, Т. Йоуменс, Крэмптон и др.) [11].

Взгляды ученых-космистов согласуются с идеями представителей экзистенциального направления гуманистической психологии, ставшей основой концеп-

ций сопровождения саморазвития личности (М.М. Бахтин, М. Бубер, Р. Лэнг, О. Марер, Р. Мэй, В. Франкл и др.) в части *отрицания предзаданности развития личности и провозглашения условно-позитивной природы человека*. Экзистенциальный подход отрицает предзаданность развития личности. Человек сам делает выбор, решает, кем он будет, в каком направлении будет развиваться и делает акцент на самотворчестве – человек творит самого себя и есть «лишь то, что сам из себя делает» [12. С. 43].

В этом смысле взгляды ученых-космистов и представителей экзистенциального направления оказываются близкими к современным идеям сопровождения саморазвития личности, реализация которых направлена на *создание условий для организации самопознания, самопроектирования и самодвижения в деятельности личности на всех этапах саморазвития*.

Таким образом, приходим к выводу о том, что приоритетные идеи космического образования и сопровождения саморазвития личности, по сути, едины и заключаются в *создании условий для познания себя, окружающего мира и развития Самости*.

Регулятором направленности активности личности как показателя ее саморазвития можно считать сформированность ценностных установок. Согласно Д.А. Леонтьеву, в качестве основания регуляции жизнедеятельности личности на уровне конкретных поступков и на уровне жизни в целом выступают мировоззрение личности и ее бытие-в-мире. *Задачи формирования ценностно-смысловых ориентаций, духовно-нравственное развитие личности* выступают в качестве основных в русле реализации сопровождения саморазвития личности (О.С. Газман, В.Г. Маралов, Г.А. Цукерман, Б.М. Мастеров, Г.И. Гурджиев, Д.А. Леонтьев, К.А. Абульханова-Славская и др.).

В свою очередь, в трудах ученых-космистов красной линией проходит *идея формирования духовно-нравственной основы саморазвивающейся личности*.

В работах В.Ф. Одоевского, известного общественного деятеля и педагога, занимавшегося разработкой национальных и психологических основ русской педагогики, встречаем представление о человеке как о «микрокосме», идеи воспитания в духе самопознания и саморазвития, развития «ума небесного» [13. С. 34]. Одним из условий воспитания «совершенного человека» В.Ф. Одоевский определяет космическое образование, позволяющее личности, познавая законы Вселенной, познать себя и саморазвиваться. Формирование такой личности невозможно и нецелесообразно без развития в ней нравственной основы, которая, являясь основой формирования мировоззрения, имеет возможность обеспечить позитивное саморазвитие личности, которое будет идти не во вред социуму. Так, основой космического образования В.Ф. Одоевским, как и другими учеными-космистами определена духовно-нравственная сущность человека, развитие его ума и нравственности.

В «космической философии» К.Э. Циолковского, составными частями которой являются «космическая этика» и «космическая педагогика», ученый раскрывает ценность Человека, его цели и перспективы на Земле и на пути в Космос к достижению счастливого будущего. По убеждению ученого, смысл жизни и ценность человека, его воспитания состоит в том, чтобы «сделать как можно больше полезного для людей и стремиться к собственному духовному совершенству». Под словом «душа» он подразумевал «…совокупность свойств человека, его умственных и нравственных качеств и составляющих духовность личности» [14. С. 86]. При этом Циолковский отмечал, что если у человека отсутствует хотя бы одно из перечисленных выше свойств, то «цена человеку не высокая». Тем самым ученый указывал на необходимость гармонического воспитания всех свойств человека. К высшим нравственным ценностям он относил совесть, сострадание, великодушие. Ученый отмечал, что эти чувства должны регулироваться рассудком, именно в этом заключается великая роль воспитания. В представлении ученого, великой ценностью является способность личности к такому нравственному саморазвитию и преобразованию, которым не может обладать никто, кроме человека [Там же. С. 87].

Исходя из собственных этически-нравственных воззрений о том, что смысл жизни – «сделать как можно больше полезного для людей», Циолковский подчеркивает, что «высокий подъем чувств» должен реализоваться в «добрых плодах на благо человечества», в связи с этим изучать свойства человека, его внутренний духовный мир надо больше для того, чтобы «изменить все дурные свойства» на «общественно-полезные» [15. С. 14]. В этом состоит основной аксиологический смысл педагогических воззрении К.Э. Циолковского. Важно заметить, что данное положение ученого согласуется с идеями сопровождения в части оказания психолого-педагогической поддержки учащихся.

В антропоцентрической концепции К.Э. Циолковского проблемы воспитания «земного человека» переходят к человеку «космическому», «совершенному», у которого ум заменил «животные страсти», причинявшие страдания. Циолковский верил в то, что в будущем обществе вполне возможно существование такого «бесстрастного» человека, который не мучается, а чувствует себя всегда ровно и спокойно [15].

В русле изучения теории сопровождения саморазвития личности важным является *аспект создания условий для свободного творческого проявления Я, создание ситуации успеха* (О.С. Газман, Г.А. Цукерман, Б.М. Мастеров, Г.И. Гурджиев, А.Г. Асмолов, Д.А. Леонтьев, Р.М. Грановская, Ю.С. Крижанская, К.А. Абульханова-Славская, Т.И. Артемьева, А.А. Бодалев, В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев и др.).

Концепции космического образования учитывают данный принцип построения образовательного процесса. К.Н. Вентцель, основоположник космической педагогики, оригинальность которой состоит в том, что он сумел объединить идеи космизма и свободного воспитания, считал, что свобода – важнейший ориентир в теории космического образования. Осознание себя неотъемлемой частью Космоса, возможность создания «своей собственной свободной религии», вера в творческие возможности свободы, в духовный

рост человека – в этих положениях суть религии творческой жизни, по К.Н. Вентцелю. Педагог и ученый предложил строить новую культуру и педагогику на «космическом базисе» и воспитывать человека как «члена космоса, как гражданина Вселенной», постулировал необходимость развивать космическое сознание. Высшей задачей космического образования, согласно К.Н. Вентцелю, является развитие в ребенке космического самосознания – «сознания самого себя как нераздельной части космоса». Цель космического образования в том, чтобы донести до сознания каждого ребенка то, что он является частью космоса [3. С. 12–13]. При этом учитель должен, по мысли ученого, создавать условия для полного слияния ребенка с Творческим Космосом и участвовать в его развитии. Идеи связи микрокосма и макрокосма, провозглашение ребенка субъектом саморазвития согласуются с современными идеями фасилитирующего обучения, принципом свободного самопознания и саморазвития, а также с целевыми установками современного психолого-педагогического сопровождения саморазвития личности, а именно в определении ведущей роли смысло-жизненных ориентаций в процессе самосозидания личности (В.С. Мухина, Н.А. Низовских) [16. С. 67]. Говоря о проблеме самосозидания личности, В.С. Мухина пишет: «Быть личностью, по-моему, – неустанно трудиться душевно и духовно, стремиться созидать свой мир ценностей, сообразуя его с ценностями Великого идеополя общественного сознания, стремиться свободно и упорно их отстаивать в помыслах и поступках» [Там же].

Идеи космического образования, изложенные в трудах таких крупных философов, ученых и педагогов, как К.Н Вентцель, А.В. Сухово-Кобылин, Н.А. Умов, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, Н.Ф. Федоров, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, Н.Г. Холодный, В.Ф. Купревич, А.К. Манеев, Е.Л. Прасолова и другие, отчетливо сочетаются с современными тенденциями модернизации образования в РФ, основанными на постулатах саморазвития личности в плане стимулирования личностного роста, формирования способности и готовности к самопознанию, свободному саморазвитию и целенаправленному самосовершенствованию в целях изменения своего «Я», снижения нарастания рисков, проявляющихся в процессе социализации подрастающего поколения.

В результате проведения теоретического анализа и осуществления теоретического сравнения современных идей сопровождения саморазвития личности и постулатов космического образования приходим к *теоретическому обобщению*:

1) взгляды ученых близки в области рассмотрения личности как самоценности, определении экзистенциальной сущности саморазвивающейся личности;

2) учеными определен приоритет в развитии личности и ее сопровождении самопроцессам (самопознание, саморазвитие, самоактуализация, самосовершенствование, самопрогнозирование);

3) формированию духовно-нравственных ценностей, смысло-жизненных ориентаций принадлежит ведущая роль в саморазвитии личности;

4) провозглашается условно-позитивный взгляд на личность, вызывающий необходимость создания благоприятных условий для актуализации и развития потенциальных возможностей человека.

Эти идеи в различных сочетаниях можно найти в современных концепциях личностно-ориентированного образования, развивающего обучения, гуманистического воспитания, сопровождения саморазвития личности.

Наиболее рельефно данные идеи представлены и воплощены в системе *дополнительного космического образования*, соединяющего в себе две характерные тенденции развития современного образования – вариативность дополнительного образования и мировоззренческую основу личностно-ориентированного образовательного процесса, предоставляет максимум условий и возможностей для взращивания в ребенке мировоззренческой основы, развития космического мышления, которое в будущем предопределит, как говорил великий педагог, ученый-космист К.Э. Циолковской, формирование высокодуховной личности [17].

Применительно к изучению идей дополнительного космического образования сопровождение саморазвития личности соответствует культуре образования индивидуалистического типа, ориентированной на человека как высшую ценность. Методологической основой сопровождения саморазвития личности в дополнительном космическом образовании могут служить антропоцентрические концепции К.Н Вентцеля, В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского, Н.Ф. Федорова, Н.Г. Холодного и др., поскольку через их научные сочинения проходит мысль о связанности и целостности взаимодействия человека и природы, которая позволяет авторам концепций космического образования ставить как основополагающую задачу формирование гармоничного человека, способного к совершенствованию себя и окружающего мира.

Воззрения ученых-космистов представляют собой не только теоретически стройные постулаты и собрание концепций и теорий, но имеют реальное воплощение в образовательной практике организаций дополнительного образования, дошкольных образовательных учреждений, школ.

Организаций космического образования в настоящее время насчитывается не так уж много: Боровская ноосферная школа, Новосибирский космический лицей, космическая школа-лицей им. В.Н. Челомея г. Байконур, Международная космическая школа, Школа свободного воспитания пос. Черноголовка Московской области, Центр дистанционного образования «Эйдос», Детско-юношеский центр космического образования «Галактика» г. Калуги. Содержание деятельности данных организаций построено с учетом реализации идей космического образования. Кроме того, во многих из них действует система сотрудничества с образовательными организациями разных типов и видов через реализацию инновационных образовательных проектов космической направленности, что позволяет вовлечь большое количество детей.

Остановимся более подробно на описании образовательной практики дополнительного космического

образования г. Калуги, который славится как «колыбель космонавтики», где космическая составляющая представляет собой региональный образовательный компонент. Уникальную возможность осуществления дополнительного космического образования в Калуге создало наличие в городе Государственного музея истории космонавтики им. К.Э. Циолковского, Дома-музея К.Э. Циолковского, школ, где преподавал ученый, различных вузов, филиала НПО им. С.А. Лавочкина, сети организаций дополнительного образования детей, общественных организаций, пропагандирующих творческое наследие А.Л. Чижевского и К.Э. Циолковского (научно-просветительское общество «Гелиос», фонд К.Э. Циолковского).

Детско-юношеский центр космического образования «Галактика» г. Калуги (ДЮЦКО «Галактика») предоставляет широкие возможности школьникам в саморазвитии через приобщение к космическому наследию. Ведущими задачами деятельности образовательной организации являются пропаганда среди школьников знаний о космосе, организация среди них учебно-исследовательской, социально-педагогической, художественной и технической деятельности с целью стимулирования духовно-нравственного роста, развития научно-технического образа мышления, интеллектуального и творческого потенциала. Учащиеся школ г. Калуги имеют возможность принимать участие во многочисленных инновационных образовательных проектах, организатором которых является ДЮЦКО «Галактика» в рамках сетевого сотрудничества «школа – ДЮЦКО “Галактика”».

С 2012 г. ДЮЦКО «Галактика» является соорганизатором проекта «Школьный спутник в Калужской области». Это конкурс для школьников 7–10-х классов по созданию макета спутника из банки из-под газированного напитка 0,33 л. Макет должен иметь все служебные системы настоящего спутника и полезную нагрузку, которую выбирают сами школьники. Запуск обычно производится небольшой ракетой, поднимающей макет на высоту нескольких сотен метров или километров. Во время спуска команда должна получить телеметрическую информацию, затем обработать ее и представить научный результат полета. Целью проведения проекта является популяризация достижений отечественной ракетной техники и космонавтики, вовлечение школьников в проекты, связанные с инновационными технологиями и техническим проектированием. Общее руководство по организации и проведению проекта осуществляется специалистами ДЮЦКО «Галактика», КФ МГТУ им. Н.Э. Баумана», НПО им. С.А. Лавочкина», научно-исследовательской лаборатории аэрокосмической техники ДОСААФ [17].

Для младших школьников ДЮЦКО «Галактика» предлагает проект социально-педагогической направленности «Мой новый мир» и проект духовно-нравственной направленности «Маленький принц» [18].

Отдельно нужно отметить оригинальный проект для учащихся 12–17-летнего возраста «В космонавты я б пошел, пусть меня научат», представленный на встречах с космонавтами, профильными сменами по аэрокосмическому направлению, интеллектуально-творческими экспедициями. В рамках проекта были организованы встречи школьников города Калуги с космонавтами А.И. Лазуткиным, А.И. Лавейкиным, А.А. Волковым, Н.В. Тихоновым, Щ.Д. Кононенко, С.Н. Репиным, И.Р. Прониной, В.А. Джанибековым, В.М. Афанасьевым, А.А. Серебровым, Гэрриот Ричард Аллен. В процессе общения с космонавтами, участия в интеллектуально-творческих экспедициях, профильных сменах по аэрокосмическому направлению у школьников формируется ценностное отношение к выбору профессии как к средству самореализации и адаптации в социуме.

ДЮЦКО «Галактика» является автором оригинального проекта «Молодежное дизайн-бюро», объединившего космическое начало с художественным творчеством: это такие предметные области, как «Технология обработки ткани», «Мировая художественная культура», «Изобразительное искусство», «Информационные технологии», «Астрономия», «Дистанционное зондирование земной поверхности».

С целью расширения научно-технических знаний среди школьников в области ракетно-космической техники, астрономии и физики сотрудниками Мемориального музея космонавтики г. Москвы составлена музейно-образовательная программа для детей и педагогов «Гагаринские дни в Мемориальном музее космонавтики – Первая космическая сессия в ММК», ставшая основой проекта «Гагаринские дни в Мемориальном музее космонавтики», который реализуется совместно с ДЮЦКО «Галактика» через систему мероприятий: встречи с летчиком-космонавтом РФ, Героем России, директором ММК А.И. Лазуткиным, музейно-образовательные занятия по учебному курсу «История отечественной космонавтики» с использованием новейших разработок в области робототехники (занятия в игровой форме проводит дистанционно управляемый робот «КЕДР-1»), музейно-образовательные занятия по учебному курсу «Основы дистанционного зондирования земной поверхности», научно-популярные лекции по учебному курсу «Искусство озарения звездами», посвященные творчеству писателя-фантаста, ученого-палеонтолога, философа-космиста И.А. Ефремова, обзорные экскурсии по экспозициям ММК.

Кроме инновационных образовательных проектов, учащиеся г. Калуги ежегодно принимают участие в конференциях, турнирах, соревнованиях. Для ребят создана система мероприятий космической направленности, организатором которых выступает ДЮЦКО «Галактика»: городские конференции учащихся памяти К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского, «Старт в науку»; Всероссийские конференции учащихся «Юность. Наука. Космос»; турниры для школьников «Кто Вы, профессор Чижевский?», «Известный и неизвестный Циолковский»; городские фестивали воздухоплавания «Разноцветное небо Калуги»; городские соревнования по комнатным летающим моделям, простейшим летающим моделям, радиоуправляемым и комнатным моделям; открытые соревнования по ракетомодельному спорту на кубок К.Э. Циолковского; городские конкурсы-выставки «Конкурс глазами

детей», «Взлет» и др. Участвуя в мероприятиях, дети имеют возможность раскрыть свои таланты, узнать себя и других.

Педагог, исходя из потребностей детей, своих возможностей, особенностей реализуемой образовательной программы, также может выбрать тот вариант включения дополнительного космического образования в образовательную среду, который окажется наиболее востребованным.

Предлагаемая ДЮЦКО «Галактика» возможность реализации образовательного процесса с использованием космического компонента представляет собой систему сопровождения саморазвития учащихся через привлечение их к познанию космоса. Ребенок, находясь в атмосфере, насыщенной идеями космического образования, активно занимается познанием себя и окружающего мира, Вселенной, Космоса, при этом зачастую приемами самопознания выступают самонаблюдение, самоанализ, самомоделирование.

О результатах саморазвития детей свидетельствуют их достижения в области космического образования, которые достаточно высоки и определяются устойчивой численностью побед детей в городских, региональных, всероссийских и международных конференциях, выставках, конкурсах. Ребята выполняют творческие работы в различных областях науки и техники: космонавтика; ракетно-космическая техника; космическая биология и медицина; психология и космос; философия космизма, участвуют в научных конференциях городского (памяти К.Э. Циолковского), областного (памяти А.Л. Чижевского) и всероссийского уровней (в городах Королеве, Нижнем Новгороде, Звездном городке, Гагарине, Москве и др.). Семь учеников ДЮЦКО «Галактика» удостоены стипендии К.Э. Циолковского, одиннадцать учатся на аэрокосмическом факультете МАИ.

Важно отметить, что в Калуге дополнительное космическое образование представлено не только деятельностью ДЮЦКО «Галактика». Дополнительное космическое образование организуется также в дошкольных образовательных организациях и школах через реализацию дополнительных образовательных программ и программ внеурочной деятельности, насыщенных космическим компонентом.

В помощь педагогическим коллективам школ г. Калуги по наполнению вариативной части базисного учебного план ДЮЦКО «Галактика» предлагает широкий спектр вариативных программ внеурочной деятельности с их методическим и дидактическим обеспечением. Включение в систему дополнительного космического образования осуществляется по выбору образовательной организации на следующих уровнях:

1. Внедрение в базисный учебный план школ специальных предметов космической направленности или космического компонента в предметы.

2. Введение в вариативную часть творческих объединений и спецкурсов космической направленности (образовательная область «Наш дом – Вселенная», «Маленький принц», «Моя первая модель», элективный курс «CanSat»).

3. Создание системы школьных и участие в городских мероприятиях по данному профилю с выходом на мероприятия разного уровня.

4. Организация воспитательной деятельности с привлечением космического компонента [17].

Предлагаемая возможность реализации образовательного процесса с использованием космического компонента представляет собой систему, позволяющую обеспечить социализацию и саморазвитие личности школьника любого возраста. При этом каждый ребенок имеет неограниченные возможности развития своих индивидуальных способностей и потребностей, а педагог может выбрать, исходя из потребностей детей, своих возможностей и особенностей реализуемой образовательной программы, тот вариант включения дополнительного космического образования в образовательную среду, который является наиболее востребованным.

В завершение статьи хочется привести высказывание К.Э. Циолковского. На вопрос «Каким должно быть образование, чтобы оно смогло выполнить свою главную функцию – воспитать “совершенного человека”, заложить в нем высшие культурные, духовные и нравственные ценности?» ученый дал ответ: «Сфера образования, школа только тогда сможет выполнить свою человекосозидающую функцию, когда ее усилия, ее аксиологические приоритеты будут направлены на формирование гуманистически ориентированной личности, “гражданина Вселенной”, имеющего “высшую точку зрения” и руководствующегося ею в своей активно-преобразующей деятельности» [19].

Идеи К.Э. Циолковского и других ученых-космистов актуальны, содержательно и идеологически близки к пониманию сопровождения саморазвития детей как современного направления развития образования и имеют широкие возможности реализации в условиях дополнительного космического образования как образования, предоставляющего максимум условий и возможностей для взращивания в ребенке мировоззренческой основы, развития космического мышления, которое в будущем предопределит, как говорил великий педагог, ученый-космист К.Э. Циолковской, формирование высоко духовной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Битянова М.Р.* Организация психологической работы в школе. М. : Совершенство, 1997. 299 с.
2. *Иванова И.В.* Саморазвитие личности: психолого-педагогический аспект. Калуга : Изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. 265 с.
3. *Толстой Л.Н.* Педагогические сочинения. М. : Педагогика, 1989. 544с.
4. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология развития человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе. М. : Школьная пресса, 2000. 416 с.
5. *Иванова И.В.* Неформальное образование – инвестиции в человеческий капитал // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 179–184.
6. *Вентцель К.Н.* Религия творческой жизни. Проблема космического воспитания // Свободное воспитание. 1993. № 2. С. 12–13.

7. *Хуторской А.В.* Педагогика русского космизма. М. : Частная школа, 1993. № 2. С. 11–22.
8. *Холодный Н.Г.* Мысли натуралиста о природе и человеке // Русский космизм: Антология философской мысли. М. : Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
9. *Холодный Н.Г.* Избранные труды. Киев : Наукова думка, 1982. 163 с.
10. *Пшеничнер Б.Г., Яценко С.П.* Космическое образование школьников. М. : МГТДиЮ, 2000. 40 с.
11. *Ассаджиоли Р., Ферутто П., Йоуменс Т., Крэмптон М.* Психосинтез: Теория и практика. М., 1994. 288 с.
12. *Психология* с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М., 1997. 336 с.
13. *Одоевский В.Ф.* // Русский космизм: Антология философской мысли. М. : Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
14. *Касаткина С.Н.* Антропокосмическая концепция воспитания К.Э. Циолковского. Калуга : Изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2010. 200 с.
15. *Циолковский К.Э.* Нирвана // Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. М. : ПАИМС, 1992. 256 с.
16. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). М. : Прометей, 2010. 1088 с.
17. *Иванова И.В., Кононова А.Ю.* Практика социализации детей средствами космического образования // Дополнительное образование и воспитание. 2013. № 4. С. 50–56.
18. *Иванова И.В.* Модульная образовательная программа дополнительного образования детей «Человек – Вселенная». Калуга : Изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012. 154 с.
19. *Циолковский К.Э.* Какой тип школы желателен? // Архив РАН. Ф. 555. Оп. 1. Д. 386. Л. 1.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 23 февраля 2015 г.

SUPPLEMENTARY COSMIC EDUCATION AND SUPPORT OF SELF-IDENTITY: COMMON GROUND

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 201-210. DOI 10.17223/15617793/394/33

Ivanova Irina V. Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Kaluga, Russian Federation). E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru

Keywords: self-development; cosmic education; supplementary space education; support for self-development; spiritual and moral education.

A characteristic feature of the present stage of renovation of education is the orientation on the maximum individualization of child development support. The implementation of this approach is carried out through the trajectories of children's development, creating individual educational routes and educational programs. The concept of modernization of Russian education adopted by the Government of the Russian Federation defines the priorities solution of which requires construction of an adequate support system. In recent years, the problem of pedagogical support, support for children is quite popular and is embodied in educational practice. Of particular relevance the implementation of students' support is in terms of self-development ideas (V.G. Maralov, B.M. Masterov, A.B. Orlov, V.A. Petrovsky, G.A. Tsukerman). After examining the current state of children's self-development support, the author comes to a conclusion that, along with its urgent and predetermined character due to the personality-oriented trend of education modernization, it is educational institutions of children's supplementary education that are more willing to support the implementation of students' self-development in various activities today. The demand for a supplementary education system today is reflected in the basic documents of the educational policy of the country: the National Doctrine of Education in the Russian Federation, the Federal Program for the Development of Education, the Federal State Educational Standard, the Concept of Russian Education Modernization, the Concept of Children's Supplementary Education in the Russian Federation. The documents emphasize that one of the priorities of modern education is to support students' self-development, creating conditions for the spiritual and moral development of students, formation of life-sense orientations and values, which actualizes an existential approach to the consideration of the nature of the educational space. These ideas of education modernization are consistent with the views of Russian scientists-cosmists (K.E. Tsiolkovsky, A.L. Chizhevsky, A.V. Hutorskoy et al.). Mechanisms to ensure personal and axiological productivity of self-development support have an existential basis, which suggests an essential connection between the ideas of scientists-cosmists and contemporary challenges of self-development support. The views of representatives of Russian cosmism in cosmic education (K.N. Wentzel, A.V. Sukhovo-Kobylin, N.A. Umov, K.E. Tsiolkovsky, V.I. Vernadsky, A.L.Chizhevsky, N.F. Fedorov, A.K. Gorski, N.A. Setnitsky, N.G. Kholodny, V.F. Kuprevich, A.K. Maneev, E.L. Prasolova et al.) are close to modern ideas of self-development support: 1) consideration of the person as a value in itself, as an existential essence; 2) priority of self-processes in the development of personality (self-knowledge, self-development, self-actualization, self-improvement, self-prognosis); 3) recognition of the leading role of spiritual and moral values and life orientations in person's self-development; 4) relatively positive view of the person causing the need to create favorable conditions for the development and actualization of human potential. Supplementary cosmic education as education combining two distinct trends in the development of modern education (the variability of supplementary education and ideological basis of a student-centered educational process) provides a maximum of conditions and opportunities for nurturing a child's ideological foundations, cosmic thinking development, which in the future will determine the formation of a highly spiritual person. The basic ideas of space (including supplementary space) education and person's self-development support, in fact, are the same and consist in creating the conditions for knowledge of oneself and the world, development of the self.

REFERENCES

1. Bityanova M.R. *Organizatsiya psikhologicheskoy raboty v shkole* [Organization of psychological work in schools]. Moscow: Sovershenstvo Publ., 1997. 299 p.
2. Ivanova I.V. *Samorazvitie lichnosti: psikhologo-pedagogicheskiy aspekt* [Personal self-development: psychological and pedagogical aspect]. Kaluga: Kaluga State University Publ., 2013. 265 p.
3. Tolstoy L.N. *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical writings]. Moscow: Pedagogika Publ., 1989. 544 p.
4. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. *Psikhologiya razvitiya cheloveka: razvitie sub"ektivnoy real'nosti v ontogeneze* [Psychology of human development: the development of subjective reality in ontogeny]. Moscow: Shkol'naya pressa Publ., 2000. 416 p.

5. Ivanova I.V. Non-formal education as investment in human capital. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2015, no. 390, pp. 179–184. (In Russian).
6. Venttsel' K.N. Religiya tvorcheskoy zhizni. Problema kosmicheskogo vospitaniya [Religion of creative life. The problem of cosmic education]. *Svobodnoe vospitanie*, 1993, no. 2, pp. 12–13.
7. Khutorskoy A.V. Pedagogika russkogo kosmizma [Pedagogy of Russian cosmism]. *Chastnaya shkola*, 1993, no. 2, pp. 11–22.
8. Kholodnyy N.G. *Mysli naturalista o prirode i cheloveke* [Thoughts of a naturalist about nature and man]. In: Semenova S.G., Gacheva A.G. *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: An anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-Press Publ., 1993. 368 p.
9. Kholodnyy N.G. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Kyiv: Naukova dumka Publ., 1982. 163 p.
10. Pshenichner B.G., Yatsenko S.P. *Kosmicheskoe obrazovanie shkol'nikov* [Cosmic education of students]. Moscow: MGTDiYu Publ., 2000. 40 p.
11. Assagioli R., Ferutto P., Youmens T., Crampton M. *Psikhosintez: Teoriya i praktika* [Psychosynthesis: Theory and Practice]. Moscow, 1994. 288 p.
12. Leont'ev D.A., Shchur V.G. (eds.) *Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetskoy psikhologii* [Psychology with a human face: a humanistic perspective in post-Soviet psychology]. Moscow: Smysl Publ., 1997. 336 p.
13. Odoevskiy V.F. et al. *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: An anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-Press Publ., 1993. 368 p.
14. Kasatkina S.N. *Antropokosmicheskaya kontseptsiya vospitaniya K.E. Tsiolkovskogo* [Anthropocosmic concept of education of K.E. Tsiolkovsky]. Kaluga: Kaluga State University Publ., 2010. 200 p.
15. Tsiolkovskiy K.E. Ocherki o Vselennoy [Essays about the universe]. Moscow: PAIMS Publ., 1992. 256 p.
16. Mukhina V.S. *Lichnost': Mify i Real'nost' (Al'ternativnyy vzglyad. Sistemnyy podkhod. Innovatsionnye aspekty)* [Personality: Myths and Reality (An alternative view. The system approach. Innovative aspects)]. Moscow: Prometey Publ., 2010. 1088 p.
17. Ivanova I.V., Kononova A.Yu. Praktika sotsializatsii detey sredstvami kosmicheskogo obrazovaniya [The practice of socialization of children by means of cosmic education]. D*opolnitel'noe obrazovanie i vospitanie*, 2013, no. 4, pp. 50–56.
18. Ivanova I.V. *Modul'naya obrazovatel'naya programma dopolnitel'nogo obrazovaniya detey "Chelovek – Vselennaya"* [Modular educational program of supplementary education for children "Man – the Universe"]. Kaluga: Kaluga State University Publ., 2012. 154 p.
19. Tsiolkovskiy K.E. *Kakoy tip shkoly zhelatelen?* [What type of school is desirable?]. Archive of RAS. Fund 555. List 1. File 386. Page 1.

Received: 23 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 211–219. DOI 10.17223/15617793/394/34

УДК 159.9.075

В.И. Кабрин, Ю.В. Сметанова, Е.А. Звездина

ПИЛОТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСКУЛЬТУРАЛЬНОЙ ПСИХОСЕМАНТИКИ ЛИЧНОСТНО ЗНАЧИМЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ МИРОВ ИННОВАЦИОННО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОЛОДЕЖИ

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-06-00592а «Исследование особенностей ценностно-смысловой и когнитивной сферы инновационно- и предпринимательски ориентированной молодежи»).

Представлены результаты исследования транскультуральной группы предпринимателей из 12 стран. Выявлено более 100 конструктов, сгруппированных в шесть категориальных факторов, которые образовали индивидуальные психосемантические конфигурации по пяти биполярным ракурсам. Показано, что при качественной интенсификации опыта инновационно-предпринимательской деятельности в самосознании личности актуализируются децентрация и суперлидерская позиция в отношении своей команды.

Ключевые слова: транскультуральная психосемантика; ценностно-смысловые концепты; психосемантическая емкость категориальных факторов; биполярные ракурсы качественного анализа.

Введение. В связи с ростом инновационного предпринимательства и возрастающим интересом к поддержке венчурных проектов все более актуальной становится проблема ускорения перехода от интуитивно-ценных идей к явно конструктивным решениям. Поэтому задача разработки и применения релевантных методов психологического исследования креативного потенциала молодежи оказывается высоковостребованной.

В социально-психологическом и экзистенциальном плане творческая личность может быть достаточно полноценно представлена как созвездие коммуникативных миров. При этом сами коммуникативные миры, с центром сопряжения которых идентифицирует себя личность, представляют собой уникальные конфигурации добровольных, избирательных, взаимных, относительно устойчивых К-отношений (здесь и далее К – сокращение от слова «коммуникативный»). Их *интраперсональная* конфигурация (с интериоризированными партнерами) образует внутренний К-мир личности. *Интерперсональные* конфигурации К-отношений образуют межличностные К-миры общего жизненного мира личности [1].

Постановка проблемы. Уникальные созвездия К-миров инновационно и предпринимательски ориентированной молодежи, видимо, достаточно многоаспектны. На первом этапе пилотного исследования мы выбрали ключевые К-миры в качестве личностно-значимых ценностно-смысловые образований – «Я как лидер» и «Члены моей команды». Мы не можем непосредственно войти в мир переживаний и мыслей человека даже на основе таким образом сформулированных контуров этих миров. Можно только выдвинуть правдоподобную гипотезу, что К-мир «Я как лидер» преимущественно интраперсонален, а К-мир «Члены моей команды» – интерперсонален.

Возникает исследовательская *задача* – выяснить психосемантические качества, или *конструкты*, с помощью которых наши респонденты – инновационно и предпринимательски ориентированная молодежь – характеризуют эти свои К-миры. Названные ценностно-смысловые концепты К-миров, возможно, образуют полюса общего континуума. Характер их сходства, различий, взаимосвязей будет важен для анализа и прогноза творческой деловой эффективности наших респондентов.

Материалы и методы исследования. К настоящему времени *нарративная психология* – плод трудного пути от философской и методологической герменевтики [2, 3], феноменологического и дискурсионного анализа [4] – строится на принципах коммуникативного подхода и предлагает любые значимые фрагменты *самоповествования* (внутренней коммуникации), выраженные в языковой форме, интерпретировать как моменты личной истории автора. В этом случае они имеют глубокий ценностно-смысловой контекст. М.Л. Кроссли, в соответствии с концепцией лингвистической относительности Сепира-Уорфа [5], пишет, что в нарративной психологии «язык рассматривается как инструмент конституирования реальности, особенно реальности восприятия самости, а также инструмент, с помощью которого формируется неразрывная связь между самостью, языком, нарративом, другими людьми…» [6. С. 75]. При этом важно «исследовать те нарративные процессы, посредством которых мы сами и другие люди создают самих себя, стремясь к изменениям, потенциально несущим в себе свободу» [Там же. С. 250].

В таком методологическом контексте коммуникативно-нарративного подхода конкретная психосемантическая методика или техника [7] обретает более релевантный и емкий интерпретационный потенциал [8]. Для данного исследовательского проекта был предложен «Метод психосемантического графа» (МПСГ) в форме матрицы, в строки и столбцы которой респондентов просят внести 5–7 качеств, характеризующих значимый коммуникативный мир («кристаллизованную историю») как *ценностно-смысловой концепт* (здесь и далее ЦСК). Он по определению имплицитно содержит ассимилированные противоречия К-отношений [Там же].

Чувствительность к противоречиям в данном концепте фиксировалась количеством осознанных конфронтаций между качествами и отмечалась в клетках

матрицы на пересечении названных качеств знаком (–). Этот показатель хорошо зарекомендовал себя как индикатор креативности и зрелости личности в предыдущих исследованиях [1].

Поскольку ценностно-смысловой концепт задавался как «кристаллизация» самоповествования в контексте личной истории, а конструкты, его конкретизирующие, респондент называл в процессе исследования, мы получали возможность изучения особенностей взаимосвязей ценностно-смысловых концептов и когнитивных конструктов в сравнительном анализе психосемантической экспликации двух К-миров (или личных историй) «Я как лидер» и «Члены моей команды».

Методика МПСГ состоит из вводной инструкции и двух бланков «Я как лидер» и «Члены моей команды» в виде матриц, которые должен заполнить сам респондент.

Инструкция:

Ключевые миры моей инновационно-предпринимательской деятельности («Я как лидер», «Члены моей команды»)

Вам предлагается уникальный метод, стимулирующий осознание ключевых проблем и событий, с которыми Вы сталкиваетесь в своей предпринимательской (инновационной) деятельности.

Возможно, Вам легче было бы ответить на заготовленный ряд вопросов, которые касаются всех и никого лично. С этим Вы уже все знакомы. А эта методика рассчитана на Вашу личную инициативу, интуицию и самостоятельность.

Поэтому в предлагаемых ниже двух бланках Вы сами назовете главные качества (характеристики и признаки) ключевых для Вас проблемных ситуаций (личных историй): «Я как лидер» и «Члены моей команды». В правой верхней части каждого бланка опишите Вашу проблемную ситуацию (личную историю) в нескольких свободных фразах. В графе «Качества» строк матрицы запишите 5–7 наиболее важных качеств или характеристик этой ситуации. Внизу в столбцах матрицы эти качества пронумерованы в том же порядке.

После того как Вы сделали наиболее важную часть работы, проявите интуицию и проницательность и, поставьте в клетки пересечения различных качеств знаки, определяющие характер их связи:

– если качества дополняют друг друга или согласуются, поставьте знак «+»;

– если качества конфликтуют или противоречат друг другу, поставьте знак «–»;

– если качества нейтральны по отношению друг к другу (не влияют друг на друга вышеуказанными способами), поставьте знак «0»;

– возможен вариант, что в одну клетку Вы поставите знаки и «+», и «–»;

– оставьте клетки пустыми, если об отношениях качеств трудно сказать что-то определенное.

Когда у Вас все получится – поблагодарите себя и почувствуйте изменение восприятия Вашей проблемной ситуации.

Аналогичная матрица заполняется по проблемной ситуации «Члены моей команды».

Организуя исследование с помощью этой методики, мы стремились получить максимально разнообразную кросскультурную выборку респондентов фактически в ущерб статистической репрезентативности, отдавая пока приоритет сугубо качественному анализу.

Таблица 1

«Я как лидер»

№	Качества	Проблемная ситуация (личная история)						
1								
2								
3								
4								
5								
6								
7								
№		1	2	3	4	5	6	7

Выбор *максимально проективного* психосемантического метода (МПСГ), где представители разных культур самостоятельно осуществляют *конструктное* наполнение рамочных концептов, в пилотном исследовании существенно облегчает задачу преодоления межкультурных различий и семантических несоразмерностей [9]. Ценностно-смысловой концепт актуализируется респондентом на его интуитивно экспириентальной (*экспириентальный*, от англ. expirience – опыт, переживание – метод познания личности, основанный на феноменологическом исследовании. Отличается от *экспериментального*, основанного на позитивистской методологии естественных наук) основе; он, как «контейнер», самостоятельно наполняется респондентом его личным «контентом». Лишь постепенное накопление статистически репрезентативного контента из разных культур позволит непредвзято определять общие факторы, по которым можно избегать всех типов «отклонений», достигая оптимальной эквивалентности в сравнениях [Там же]. Тем самым мы предлагаем в кросс-культурном исследовании подход, альтернативный традиционному, в котором структурированные тесты, созданные в менталитете одной культуры, необходимо подвергнуть сложной корректировке, чтобы решить указанный комплекс проблем.

Другая особенность предлагаемого подхода состоит в переносе акцента с традиционно вязких кросскультурных тем, связанных с проблемами аккультурации, культурной адаптации и научения культурным компетенциям, поиска культурной идентичности и совладания с различными видами стресса, социокультурной поддержки и т.п., т.е. проблемами *кросскультурного выживания в мультикультурной среде* [10]. Акцент нашего проекта переносится на исследование мультикультурных концептов и ориентаций на *творческие достижения*. Это поиск кросс-культурных универсалий, факторов творческого инновационно-предпринимательского транскоммуникативного потенциала личности в мультикультурном контексте. Мы можем воспользоваться хорошими напутствиями.

К. Негус и М. Пикеринг, во-первых, четко отличают настоящую инновацию от новшества. Для нов-

шества характерна такая культурная модель: «Негативное сравнение наслаждения и новизны сохраняло свою силу на протяжении всего XX века… И причина такой интерпретации новизны заложена в постоянном акценте на ее… временности. То, что было когда-то таким “современным” вскоре отвергают как “совершенно устаревшее”» [11. С. 33–35]. Поэтому, с другой стороны, «…то, что является *просто* новым, предположительно должно уступать *инновации* в качественном отношении… ее сила исходит от альтернативных ценностей, облеченных в идею творчества… как альтернативного источника инноваций» [Там же. С. 33, 37].

Так же важен и второй отчетливо прописанный ими же акцент: «Если коммуникация – это движение вовне, от себя, от собственного “Я” к другим, то мы должны продолжать поиски более полного, подходящего словаря (лексикона) для того, чтобы выяснить, как повседневное локальное творчество способно определенным путем и в определенные моменты установить связь с разными временами и местами и, таким образом, трактоваться как то, что связано с определенным опытом, к которому коллективно могут обращаться совершенно разные люди» [Там же. С. 288].

Обсуждение результатов исследования:

1. Для начала реализации пилотного проекта мы воспользовались присутствием магистранта факультета психологии НИ ТГУ на международной Школе по социальному предпринимательству в Университете Маастрихт, Голландия (International School for social entrepreneurship at the University of Maastricht, the Netherlands). Удалось опросить представителей 12 стран в количестве 16 человек, из которых 4 респондента были из Нидерландов, 2 из Ганы, остальные (по 1 человеку) – представители Бразилии, Вьетнама, Германии, Италии, Канады, Китая, Новой Зеландии, России, США, Швейцарии. Общим кросскультурным фактором респондентов было владение английским языком, что вместе с их транскультуральной мотивацией образует *фактор глобализации*, находящийся, видимо, в процессе становления. При этом его влияние на психосемантику значимых концептов может быть универсально инкорпорированным.

2. Для *случайно выбранной группы респондентов*, которую нельзя назвать «выборкой» в статистическом смысле, но которая является случайной, уникальной констелляцией из *мира транскультуральной реальности*, первичным материалом является вся актуальная и потенциальная психосемантика *ценностно-смысловых концептов*, полученная от очень разных респондентов с помощью МПСГ. Основанием этого служит получившая большой резонанс в западной науке концепция «морфогенного поля» и «морфогенного резонанса» Р. Шелдрейка, подтвержденная несколькими исследованиями, но так и не получившая признания в официальной науке из-за ее слишком расширительного толкования для всех форм жизни: «...все подобные прошлые системы воздействуют на последующие подобные системы путем морфического резонанса. Условно принимается, что это воздействие не прерывается временем и пространством и продолжается неопределенно долго» [12. С. 156].

В последней книге «The Science Delusion» Р. Шелдрейк дает конкретизацию своей основной идеи, уже ближе к нашей теме: «…если люди начинают что-то создавать или осмысливать определенным образом, в будущем это им будет даваться значительно легче» [13. С. 38]. Он также отмечает соответствие этой концепции резонанса *принципу синхронистичности*, разработанному К.Г. Юнгом [14], что также содействует пониманию процессов аккультурации в кросскультурных исследованиях. На этой основе исходная гипотеза нашего исследования – признание самого *факта появления* какого-либо конструкта, наполняющего ЦСК, не менее важным, чем частоту его встречаемости. Появление любого нового конструкта единожды может означать, что он потенциально латентно уже существует в психосемантических полях других респондентов.

3. Все психосемантические поля конструктов двух ЦСК, актуализируемых в исследовании («Я как лидер» и «Члены моей команды»), на основе критерия семантической когерентности, близости, синонимичности группируем в *категориальные факторы*, соответствующие их типичным научным концептуальным описаниям. По этому критерию оказалось возможным сгруппировать конструкты в шесть категориальных факторов, присущих обоим вышеназванным ЦСК. Ими оказались: «Коммуникативная компетентность» [15]; «Лидерство – Суперлидерство» [16]; «Интеллектуальная культура» [17]; «Личностные особенности» [18]; «Деловые качества» [19, 20]; «Творческий потенциал» [21].

4. Эти категориальные факторы оказалось возможным представить в пяти *ракурсах*:

4.1. Вся психосемантика респондентов охватывается двумя фактически «зеркальными» ЦСК «Я как лидер» и «Члены моей команды». Они зеркально сравнимы (хотя и ассиметричны), поскольку способ восприятия команды через ее членов лидером этой команды может рассматриваться как дополнительная (проективная или комплиментарная) характеристика самого лидера. В этом прогностический смысл их сравнения.

Во *всех* следующих ракурсах поляризуются относительно независимые и в то же время относительно комплиментарные номинальные (двоичные) переменные, т.е. «качественные переменные».

4.2. *Гендер* все более осознается в кросскультурном контексте как важнейший э*кзистенциал* и этноса, и культуры. Если принимается базовый этнокультурный антропологический принцип – человек не просто особь (самец или самка), а созвездие этнокультурных отношений, то гендерные отношения, делающие из особей *личностей*, являются в этой констелляции ключевыми, а их роль в культурно-историческом и транскультуральном процессах постоянно усложняется и становится все более актуальной. Без плодотворных гендерных отношений ничего не существовало бы в качестве человеческого мира.

4.3. *Мотивация.* В русле темы исследования выделяются две полярные группы «новичков»: те, кто планирует начать инновационное предпринимательство и те, кто его не планирует.

4.4. *Опыт* или стаж предпринимательства совпал по естественным причинам с возрастом респондента. Здесь реально поляризуются респонденты с большим опытом-стажем (10 и более лет) и с очень малым (от 0 до 1 года).

4.5. *Уровень развития предпринимательства в стране*. Это относительно внешний контекстуальный ракурс, в котором также отчетливо выражена поляризация респондентов из стран с *высоким* и *низким* уровнем развития предпринимательства.

Таким образом, мы стремились выделить максимум векторов качественного анализа на основе опроса с помощью МПСГ уникальной случайной поликультурной группы респондентов.

5. Прежде всего, отметим важное ограничение, с которым столкнулся наш исследователь в опросе респондентов с помощью МПСГ. Практически все отметили трудность заполнения матрицы взаимосвязей конструктов, и многие отказались ее заполнять. В то же время предыдущий опыт применения МПСГ на выборках российской молодежи не вызывал такого рода затруднений. Есть два предположения, которые предстоит проверить в дальнейшем:

1) влияние ситуативного фактора, связанного с процессом Школы (не совсем подходящие условия);

2) влияние «теневой» стороны транскультуральной глобализации, непосредственно связанной с компьютеризацией и развитием интернета.

Если первый фактор легко коррегируем, то второй представляет стратегическую проблему. Еще в середине прошлого века А. Молль писал: «…на Западе существует глубокое органическое различие между гуманитарной культурой, которая основана на связной и упорядоченной системе главных понятий, рассуждений и результатов, с одной стороны, и современным мышлением, составляющем *мозаичную культуру*, – с другой. Эта последняя – результат случайного скопления разрозненных элементов» [22. С. 84]. В этом контексте А. Молль говорит о возникновении «войлочного сознания» индивида в результате его тотальной включенности в массовую культуру того времени. Симптоматично его предостережение: «Одной из этических проблем, поставленных массовой культурой, является проблема влияния *знаний, полученных без усилий* на создание новых элементов культуры» [Там же. С. 348]. Более чем через полстолетия, в XXI в., теперь уже сетевое, клиповое, кнопочное сознание современника, воспитанного на почве войлочного сознания масс-культуры прошлого, может дать и более опасные всходы. Потеря соотнесенности, сопоставимости, совместимости и транзитивности конструктивно-концептуальных единиц и отношений сознания, угнетающая креативный потенциал личности, уже не кажется необоснованной гипотезой [23].

«Человек мира» Иегуди Менухин успел сказать об этом так: «Например, негативные последствия данного процесса, отразившиеся на чтении и письме, – это потеря памяти и интуиции, которую некоторые пытаются заменить *техническими* инновациями, хотя компьютер в действительности влечет за собой атрофию способности к отвлеченному мышлению» [24. С. 258].

6. *Психосемантические факты и тенденции в системе открытых координат в исследовании.* Они обнаружены в сводных психосемантических таблицах всех респондентов, составленных на основе заполненных бланков МПСГ. Для компактности представления материала во всех пяти ракурсах анализа выделяем три относительных кластера: **А**. Общие конструкты в полюсах ракурса; **В**. Специфические конструкты первого полюса; **С.** Специфические конструкты второго полюса во всех шести категориальных факторах.

6.1. *Соотношение проективности и комплиментарности ЦСК «Я как лидер» и «Члены моей команды».* Они поляризуются по принципу комплиментарности, но также могут рассматриваться как зеркальные и проективные. На основе распределения всех конструктов по обоим ЦСК по шести категориальным факторам и трем ракурсам получаем обобщенную таблицу семантической емкости указанных координат анализа.

В табл. 2 и всех последующих в факторе «Лидерство – Суперлидерство» первая цифра означает лидерство в широком смысле (первая цифра – лидерство в узком смысле; вторая цифра – суперлидерство в узком смысле).

Таблица 2

Соотношение психосемантической емкости категориальных факторов ЦСК «Я как лидер» и «Члены моей команды»

№	Категориальные факторы	А. Общее	В. Я как лидер	С. Члены моей команды	Сумма S
1	Коммуникативная компетентность	4	8	8	20
2	Лидерство – Суперлидерство	4 (3,1)	18 (3,5)	2 (1,1)	24 (17,7)
3	Интеллектуальная культура	1	4	1	6
4	Личностные особенности	8	**17**	9	**34**
5	Деловые качества	4	4	5	13
6	Творческий потенциал	2	1	0	3
S	Суммарные значения ракурсов ЦСК	23	**52**	25	**100**

В целом психосемантическая емкость этой таблицы – 100 различных конструктов. Их значимые соотношения могут служить эмпирическим, экспириентальным основанием для гипотез будущего исследования. Отметим наиболее важные тенденции.

Несмотря на многие исследования лидерства американскими психологами середины прошлого века, доказавшими, что лидерство не столько личностный, сколько групповой феномен, активное поколение XXI в. остается более чувствительным к личностному фактору лидерства. Это ставит под сомнение оптимистическое предположение K. Gergen [25] о том, что открытия и результаты социальной психологии быстро становятся достоянием сознания современников.

Поэтому лидер по-прежнему в два раза сильнее *центрирован* на себе, чем *децентрирован* в отношении своей команды. Приоритет в интеллектуальной культуре он оставляет за собой, но отдает его команде по деловым качествам.

Очень симптоматично, что психосемантика лидерства в обычном смысле почти в 2,5 раза доминирует над потенциалом суперлидерства у самого лидера, но номинально уравновешено у членов команды. При этом может быть более важен сам факт появления отчетливых конструктов суперлидерства (способность вдохновлять, вдохновляющий, воодушевляющий, харизматичный, обаятельный) в ЦСК респондентов как потенциал их становления в качестве полноценных лидеров.

В целом конструкты интеллектуальной культуры и творческого потенциала оказались слабо дифференцированными по сравнению с другими категориальными факторами. С позитивистской точки зрения их можно было бы убрать в будущих исследованиях как статистически незначимые, но с экспириентальной точки зрения их можно рассматривать как еще не актуализированный резерв становления предпринимателя-инноватора.

6.2. *Гендерный аспект психосемантики ЦСК.*

Таблица 3

Соотношение психосемантической емкости категориальных факторов мужчин и женщин ЦСК «Я как лидер» и «Члены моей команды»

№	Категориальные факторы	Я как лидер				Члены моей команды			
		А. (о)	В. (м)	С. (ж)	S	А. (о)	В. (м)	С. (ж)	S
1	Коммуникативная компетентность	4	3	3	10	1	10	1	12
2	Лидерство – Суперлидерство	6 (3,3)	5 (1,3)	2 (2,0)	13 (6,6)	0	2 (2,0)	4 (2,2)	6 (4,2)
3	Интеллектуальная культура	1	2	2	5	0	0	2	2
4	Личностные особенности	6	**12**	10	**28**	1	9	8	**18**
5	Деловые качества	0	6	1	7	1	4	5	10
6	Творческий потенциал	0	1	2	3	1	0	1	2
S	Суммарные значения ракурсов ЦСК	17	**29**	20	66	4	25	12	50

Примечание. А. (о) – общее, В. (м) – мужчины, С. (ж) – женщины.

В качественно-экспириентальном смысле следующие интерпретации можно рассматривать как гипотетические ориентиры.

Гендерное сходство проявилось в том, что у мужчин и женщин значительно меньшая *общность* понимания своей команды по сравнению с общностью понимания себя ими как лидерами. Также сходство по обоим ЦСК отчетливо обнаружилось по одному из шести категориальных факторов – «Личностные особенности».

Характер комплиментарности мужской и женской психосемантик по разным ЦСК нуждается в дальнейшем герменевтическом или нарративном анализе. Например, при достаточном сходстве и одинаковом уровне специфической дифференцированности психосемантик мужчин и женщин по категориальному фактору «Коммуникативной компетентности» в ЦСК «Я как лидер» обнаруживается резкое расхождение уровней дифференциации по этому фактору в ЦСК «Члены моей команды» (мужчины указали 10 конструктов, женщины – 1). В то же время если характеристики суперлидерства в ЦСК «Я как лидер» – прерогатива только мужчин, то в ЦСК «Члены моей команды» этот фактор эксплицируется только у женщин. Это приводит к гипотезе об оптимальности *«гендерного ко-лидерства».*

Если выделить в табл. 2 четырехклеточный квадрат соотношений степени дифференцированности «Деловых качеств» и «Творческого потенциала» по *специфическим* конструктам у мужчин и женщин и подсчитать простейший непараметрический коэффициент сопряженности «Q» Юла, то получим очень высокое его отрицательное значение «–0,85». Это потому, что мужчины приписывают себе значительно больше деловых качеств, чем женщины, в то время как женщины несколько больше ориентированы на свои творческие характеристики. Женщины умеют спонтанно, между делом генерировать интересные идеи. Снова возникает гипотеза аттрактивной гендерной комплиментарности в виде ко-лидерства и в понимании своей команды.

6.3. *Мотивация в психосемантике категориальных факторов ЦСК «Я как лидер» и «Члены моей команды».*

Относительно высокая и явно низкая мотивация к предпринимательской деятельности определялась у респондентов, не имевших этого опыта, *положительным* или *отрицательным* ответом на вопрос «Вы планируете или нет начать свой бизнес?».

Таблица 4

Соотношение психосемантической емкости категориальных факторов у высоко- и низкомотивированных к предпринимательской деятельности респондентов в ЦСК «Я как лидер» и «Члены моей команды»

№	Категориальные факторы	Я как лидер				Члены моей команды			
		А. (о)	В. (+м)	С. (–м)	S	А. (о)	В. (+м)	С. (–м)	S
1	Коммуникативная компетентность	1	7	1	9	0	2	2	4
2	Лидерство – Суперлидерство	2 (1,1)	4 (3,1)	2 (1,1)	8 (5,3)	0	2 (2,0)	1 (1,0)	3 (3,0)
3	Интеллектуальная культура	0	2	0	2	0	0	0	0
4	Личностные особенности	1	**10**	5	**16**	0	**6**	3	**9**
5	Деловые качества	0	3	2	5	0	5	2	7
6	Творческий потенциал	1	1	0	2	0	0	0	0
S	Суммарные значения ракурсов ЦСК	5	**27**	10	**42**	0	**15**	8	23

Примечание. А. (о) – общее, В. (+м) – высокая мотивация, С. (–м) – низкая мотивация.

Из табл. 4 видно, что мотивационный ракурс проявился более рельефно по сравнению с предыдущими.

В целом психосемантическая емкость категориальных факторов «Я как лидер» уменьшается при низкой мотивации почти в три раза по сравнению с высокой, а по ЦСК «Члены моей команды» – в два раза.

Резко уменьшается *общность* конструктов по всем категориальным факторам в ЦСК «Я как лидер», а в ЦСК «Члены моей команды» она вообще отсутствует.

Тенденция уменьшения психосемантической емкости (в два раза) также проявилась в обоих ЦСК по максимально емкому во всех ракурсах фактору «Личностные особенности».

Минимально присутствующий субфактор «Суперлидерство» в ЦСК «Я как лидер» уже полностью отсутствует в ЦСК «Члены моей команды», заостряя общую тенденцию, присутствующую и в остальных ракурсах.

6.4. *Опыт (стаж предпринимательства) респондентов в психосемантике категориальных факторов ЦСК «Я как лидер» и «Члены моей команды».*

Между респондентами со стажем (от 9 до 25 лет) и начальным опытом (до 3 лет) образовался естественный случайный разрыв, позволивший разделить их на две группы с большим (БО) и начальным (НО) опытом.

Таблица 5

Соотношение психосемантической емкости категориальных факторов у респондентов с большим и начальным опытом предпринимательской деятельности в ЦСК «Я как лидер» и «Члены моей команды»

№	Категориальные факторы	Я как лидер				Члены моей команды			
		А. (о)	В. (БО)	С. (НО)	S	А. (о)	В. (БО)	С. (НО)	S
1	Коммуникативная компетентность	0	1	4	5	0	1	7	8
2	Лидерство – Суперлидерство	2 (1,1)	4 (4,0)	5 (2,3)	11 (7,4)	0	3 (2,1)	0	3 (2,1)
3	Интеллектуальная культура	1	1	1	3	0	1	0	1
4	Личностные особенности	1	**8**	6	**15**	0	**9**	1	**10**
5	Деловые качества	1	4	0	5	0	2	2	4
6	Творческий потенциал	0	3	0	3	0	2	0	2
S	Суммарные значения ракурсов ЦСК	5	**21**	16	**42**	0	**18**	10	**28**

Примечание. А. (о) – общее, В. (БО) – большой опыт, С. (НО) – начальный опыт.

Динамика психосемантической емкости категориальных факторов ЦСК у респондентов с начальным и большим опытом предпринимательства, так же как по другим ракурсам, далека от очевидности и, следовательно, весьма информативна в гипотетическом плане.

«Коммуникативная компетентность» оказалась значительно и качественно более емкой у респондентов с начальным опытом по обоим ЦСК. Это может говорить о том, что для *начинающих* эта проблема более остро осознаваема (синдром новичка), а у *опытных* – свернута в автоматизированные навыки и умения, которые уже труднее эксплицировать.

На первый взгляд, парадоксальным образом у начинающих ориентация на суперлидерство в ЦСК «Я как лидер» акцентирована (при полном отсутствии ее выраженности у опытных). В то же время начинающие полностью игнорируют этот субфактор у членов своей команды, а опытные, хоть и номинально, но его отмечают. Можно предполагать, что с опытом *децентрация* психосемантики в направлении членов своей команды у респондентов все же может возрастать.

Как и по другим аспектам, максимальная емкость категориального фактора «Личностные особенности» сохраняется и у начинающих, и у опытных предпринимателей – в ЦСК «Я как лидер». Но в ЦСК «Члены моей команды» наиболее емко и дифференцированно видят этот фактор именно опытные. Подтверждается важность формирования с опытом тенденции к децентрации этого фактора.

По всем шести категориальным факторам у начинающих и опытных предпринимателей почти не обнаружено *никакой общности*. Возможно, вклинивается фактор различия ментальности разных поколений, и это в дальнейшем необходимо учитывать.

В целом же видим, что по всем категориальным факторам с опытом их психосемантическая емкость возрастает. В какой-то мере это подтверждает правдоподобие предварительных результатов пилотного исследования.

6.5. *Уровень развития предпринимательства в стране и психосемантическая емкость факторов ЦСК и ее представителей*.

В соответствии с международным рейтингом 2014 г. (по данным The Legatum Institute, Prosperity Index) респонденты приблизительно поровну поляризовались на представителей стран с высоким (с 3 по 18 позиции) и низким (с 41 по 97 позиции) уровнем предпринимательства.

Таблица 6

Соотношение психосемантической емкости категориальных факторов у представителей стран с высоким и низким уровнем развития предпринимательской деятельности в ЦСК «Я как лидер» и «Члены моей команды»

№	Категориальные факторы	Я как лидер				Члены моей команды			
		А. (о)	В. (ВУ)	С. (НУ)	S	А. (о)	В. (ВУ)	С. (НУ)	S
1	Коммуникативная компетентность	5	3	3	11	1	1	10	12
2	Лидерство – Суперлидерство	5 (3,2)	3 (3,0)	**9 (6,3)**	17 (12,5)	0	0	**6 (4,2)**	6 (4,2)
3	Интеллектуальная культура	0	3	2	5	0	1	1	2
4	Личностные особенности	4	**17**	2	**23**	0	**11**	7	**18**
5	Деловые качества	2	2	2	6	1	4	5	10
6	Творческий потенциал	2	0	1	3	1	0	1	2
S	Суммарные значения ракурсов ЦСК	18	**28**	19	**65**	3	17	**30**	**50**

Примечание. А. (о) – общее, В. (ВУ) – высокий уровень, С. (НУ) – низкий уровень.

Несмотря на то что последний ракурс анализа предполагался как фоновый контекстуальный косвенный, МПСГ подтвердил свою чувствительность к основным категориальным факторам в обоих ЦСК.

Неожиданно в табл. 6 высветился «синдром неофита», похожий на «синдром новичка», который проявился в предыдущем ракурсе опыта. Низкий (начальный) уровень развития предпринимательства оказался рельефно сопряжен:

– с психосемантической емкостью, т.е. дифференцированным вниманием респондентов этой группы к

фактору «Коммуникативная компетентность» (в 3 раза больше, чем в группе «развитых»);

– с психосемантической емкостью субфактора «Суперлидерство» и общего фактора «Лидерство» в ЦСК «Я как лидер» и «Члены моей команды».

Фактор «Личностные особенности» по прежнему, как и в остальных ракурсах, выделяется значительно большей психосемантической емкостью по сравнению с другими категориальными факторами. Однако главной особенностью этого ракурса явилась емкость этого фактора именно у представителей стран с высоким уровнем развития предпринимательства.

Таким образом, фактор «Личностные особенности» оказался центральным во всех ракурсах обоих ЦСК.

Заключение. В процессе пилотного исследования обнаружены важные ситуативные и независимые переменные двух ценностно-смысловых концептов «Я как лидер» и «Члены моей команды», рассмотренные в пяти биполярных аспектах (лидер – команда; гендер; мотивация; опыт; уровень развития предпринимательства в стране) в контексте качественного сравнения (общее, специфическое, кумулятивное) психосемантики транскультуральной группы респондентов. Иерархия этих характеристик может быть методологическим и методическим основанием будущего исследования. Открывшаяся возможность группировать всю транскультуральную психосемантику респондентов в шесть категориальных факторов – «Коммуникативная компетентность», «Лидерство – Суперлидерство», «Интеллектуальная культура», «Личностные особенности», «Деловые качества», «Творческий потенциал», – определенно описанных в гуманитарных науках (прежде всего в психологии), позволяет считать их основой будущих кросскультурных исследований.

В пилотном кросскультурном исследовании МПСГ как одна из наиболее проективных психосемантических методик показала ситуативную и кросскультурную чувствительность, в результате чего с ее помощью выявились уникальные психосематические конфигурации по обоим ценностно-смысловым концептам, их категориальным факторам и ракурсам их анализа. МПСГ может служить методическим основанием для альтернативных (по сравнению с традиционными) кросскультурных исследований в силу ее минимальной «культурозависимости».

Однако обнаружено, что матричная форма бланка МПСГ вызвала у респондентов затруднения при поиске и оценке характера простейших отношений между названными ими же конструктами, конкретизирующими психосемантику ЦСК. Возможно, это связано с изменениями способов осознавания, вызванными современным цивилизационным натиском СМИ, глобальной компьютеризацией и качеством контента интернета и способом жизни в этой сети.

Так или иначе, нужен поиск более релевантных сознанию транскультурального современника модификаций МПСГ. Она может быть модифицирована в графическую, рисуночную, клиповую, нарративную и т.п. формы. Небольшая случайная группа респондентов не является статистически репрезентативной, но поскольку в ней представлены 12 стран со всех основных континентов и этнических регионов, то с точки зрения качественного анализа она и репрезентативна, и релевантна в поликультурном и транскультуральном смысле. Учитывая причастность всей группы к культуре английского языка и ее транскультуральную ориентацию, даже единственная манифестация конкретного психосемантического конструкта в поликультурном контексте «Школы социального предпринимательства» является репрезентативным и потенциально резонансным экспириентальным событием – *таких событий обнаружилось более 100*. Жанр статьи не предполагает презентацию первичных таблиц всего полисемантического тезауруса; однако его упаковка в шесть категориальных факторов, в соответствии с их научными концептуализациями, позволила построить пять обобщенных четырехуровневых матриц соотношений психосемантических *емкостей* в масштабе *ЦСК*, *факторов, ракурсов* и сравнительных *биполяризаций*. В них обнаружены значимые тенденции, существенные для постановки актуальных гипотез будущих исследований.

1. *Сопоставление конфигураций психосемантических емкостей ЦСК* «Я как лидер» и «Члены моей команды» показало центральную роль категориального фактора «Личностные особенности», который стал ведущим во всех остальных матрицах психосемантических конфигураций. Предприниматель в два раза сильнее центрирован на себе как лидере по сравнению с децентрацией в отношении своей команды. Однако постоянное появление психосемантики суперлидерства во всех аналитических матрицах указывает на чувство перспективы полноценного раскрытия личностью своего лидерского потенциала.

2. *В гендерном аспекте* обнаруживаются парадоксальные различия мужчин и женщин по фактору «Коммуникативная компетентность». У мужчин он в 10 раз дифференцированнее, чем у женщин. При этом только мужчины приписывают признаки суперлидерства себе как лидеру, а женщины – нет. Однако женщины, в отличие от мужчин, чувствуют этот субфактор в членах своей команды. В то же время мужчины значительно больше признают в себе деловые качества, а женщины несколько больше ориентированы на свои творческие качества. Все это ведет к *гипотезе о возможности оптимальности аттрактивной гендерной комплиментарности и в плане понимания команды, и в плане ко-лидерства*.

3. *При высокой мотивированности* на предпринимательскую деятельность респонденты обнаруживают в 2–3 раза более высокую психосемантическую емкость по большинству категориальных факторов в обоих ЦСК по сравнению с низкомотивированными. Между высоко- и низкомотивированными предпринимателями так же резко (вплоть до 0 в ЦСК «Члены моей команды») *обрушивается общность* по всем категориальным факторам (кажется, что они живут в параллельных психосемантических мирах).

4. *Ракурсы личного опыта и уровня развития предпринимательства* в странах, представителями которых являются респонденты, выявили общий для

них «синдром неофита»: новички в обоих ракурсах показали минимум в два раза более высокую озабоченность фактором коммуникативной компетентности, чем опытные и развитые. При этом у последних ощутимо возрастает психосемантическая емкость внимания по фактору «Личностные особенности» к себе как лидеру и особенно к членам своей команды. *Это позволяет выдвигать практико-ориентированную гипотезу о том, что при качественной интенсификации опыта в развитии инновационно-предпринимательской деятельности у личности будет раскрываться важнейшее качество: децентрация внимания в направлении команды и делегирование ответственности ее членам и, следовательно, становление суперлидерской позиции.*

Особенно знаменательно, что эта общая гипотетически значимая тенденция обнаружена в случайной и акцентированно транскультуральной группе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кабрин В.И.* Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005. 248 с.
2. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
3. *Бетти Э.* Герменевтика как общая методология наук о духе. М. : «Какон+» ; РООИ «Реабилитация», 2011. 144 с.
4. *Йоргенсен Марианне В., Филлипс Луиза Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод : пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков : Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
5. *Файерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М. : Прогресс, 1986. 542 с.
6. *Кроссли М.Л.* Нарративная психология. Самость, психологическая травма и конституирование смыслов. Харьков : Гуманитарный Центр, 2013. 284 с.
7. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М. : ЭКСМО, 2010. 480 с.
8. *Кабрин В.И.* Специфика синергии ценностных и когнитивных процессов в концептуальном развитии творческой личности // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 175–180.
9. *Вивьер Ф.* Эволюция кросс-культурных методов исследования // Психология и культура / под. ред. Д. Мацумото. СПб. : Питер, 2003. С. 135–173.
10. *Уорд К.* Азбука аккультурации // Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб. : Питер, 2003. С. 656–709.
11. *Негус К., Пикеринг М.* Креативность. Коммуникация и культурные ценности. Харьков : Гуманитарный Центр, 2011. 300 с.
12. *Шелдрейк Р.* Новая наука о жизни. М. : РИПОЛ классик, 2005. 352 с.
13. *Seldrake R.* The Science Delusion Sheldrake. London : Hodder&Stoughton, 2012. 400 p.
14. *Юнг К.Г.* Синхронистичность. М. : РЕФЛ-БУК, Ваклер, 1997. 314 с.
15. *Петровская Л.А.* Общение – компетентность – тренинг: избранные труды. М. : Смысл, 2007. 686 с.
16. *Бендас Т.В.* Психология лидерства. СПб. : Питер, 2009. 448 с.
17. *Иванова В.П.* Феноменология интеллектуальной культуры: общие характеристики // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 132–137.
18. *Психология* личности / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузырея, В.В. Архангельской. М. : АСТ: Астрель, 2009. 624 с.
19. *Covey S.* Principle-Centered Leadership. New York : Summit, 1991. P. 40–47.
20. *O'Toole J.* Leading Change: The Argument for Values-Based Leadership. New York : Ballantine, 1996. P. 23–24.
21. *Ильин Е.П.* Психология творчества, креативности, одаренности. СПб. : Питер, 2012. 448 с.
22. *Молль А.* Социодинамика культуры. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.
23. *Кабрин В.И.* Антропологическая или ноэтическая эмердженция сознания 3.0 // Сибирский психологический журнал. 2013. № 50. С. 17–37.
24. *Менухин И.* И лежащий в пыли человек может быть великим // Книга знаний: Беседы с выдающимися людьми нашего времени. М. : Прогресс-Традиция, 2010. С. 242–265.
25. *Gergen K.J.* Social Psychology as History // Journal of Personality and Social Psychology. 1973. Vol. 26, No. 2. P. 309–320.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 18 февраля 2015 г.

PILOT RESEARCH OF TRANSCULTURAL PSYCHOSEMANTICS OF PERSONALLY IMPORTANT COMMUNICATIVE WORLDS OF INNOVATION- AND ENTREPRENEURSHIP-ORIENTED YOUTH

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 211-219. DOI 10.17223/15617793/394/34

Kabrin Valery I., Smetanova Yulia V., Zvezdina Ekaterina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kabrin@list.ru; smetanova@mail.ru; kastar16@mail.ru

Keywords: transcultural psychosemantics; valuable and semantic concepts; psychosemantic capacity of categorial factors; bipolar aspects of qualitative analysis.

By means of a projective method of psychosemantic count, a pilot cross-culture research of casual polycultural group of entrepreneurs from 12 countries was conducted. More than 100 constructs of the general psychosemantics of two axiological concepts (AC) "I as the leader" and "Members of my team" were recorded. They were grouped by six categorial factors: communicative competence; leadership – superleadership; intellectual culture; personal features; business qualities, creative potential. These factors have psychosemantic configurations in five comparative bipolar aspects of analysis: AC (complementarity – decentration); gender (the general – the complementary); motivation to business activity (low – high); experience (initial – big); business level in the country of the respondent (low – high). The basis of the qualitative analysis was a scientific hypothesis that even a single manifestation of the construct in cultural-linguistically and transculturally oriented group would be potentially significant for all. Mapping of configurations of the psychosemantic capacities of AC "I as the leader" and "Members of my team" has shown the central role of the categorical factor "Personal features". Entrepreneurs are twice stronger centered on themselves as leaders in comparison with the decentration in respect of their teams. But the constant appearance of the constructs of superleadership in all AC aspects indicates the sense of the perspective of their leadership potential full manifestation. The gender aspect of communicative competence in men is 10 times more differentiated than in women. Only men characterize themselves as leaders with superleadership, while women feel this subfactor in their team members. Men recognize their business qualities significantly more often than women, while the latter are slightly

more focused on their creative qualities. This leads to a hypothesis about the possible optimality of attractive gender complementarity in understanding teams and in co-leadership. With high motivation to business activities, the respondents find twice or thrice higher psychosemantic capacity for most categorical factors in both AC compared with low motivation. High and low motivated entrepreneurs show a sharp difference in AC "Members of my team" in all categorical factors (they live in parallel psychosemantic worlds). In aspects of personal experience and level of entrepreneurship development in the countries, the respondents revealed a common "neophyte syndrome". This allows making a practice-oriented hypothesis that with qualitative intensification of experience in the development of innovation and entrepreneurial activity the person's consciousness is differentiated and his / her important qualities are revealed: decentration of attention in the direction of the team, delegating responsibility to its members, formation of the super-leadership position.

REFERENCES

1. Kabrin V.I. *Kommunikativnyy mir i transkommunikativnyy potentsial zhizni lichnosti: teoriya, metody, issledovaniya* [Communicative world and trans-communicative potential of the life of an individual: theory, methods, research]. Moscow: Smysl Publ., 2005. 248 p.
2. Gadamer H.G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germenevtiki* [Truth and Method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress Publ., 1988. 704 p.
3. Betti E. *Germenevtika kak obshchaya metodologiya nauk o dukhe* [Hermeneutics as the general method of the Geisteswissenschaften]. Moscow: "Kakon+", ROOI "Reabilitatsiya" Publ., 2011. 144 p.
4. Jorgensen M.V., Phillips L.G. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method]. Translated from English. 2nd edition. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr Publ., 2008. 352 p.
5. Feyerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected works on the methodology of science]. Moscow: Progress Publ., 1986. 542 p.
6. Crossley M.L. *Narrativnaya psikhologiya. Samost', psikhologicheskaya travma i konstituirovanie smyslov* [Introducing *Narrative Psychology*: *Self*, *Trauma* and the Construction of *Meaning*]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy Tsentr Publ., 2013. 284 p.
7. Petrenko V.F. *Osnovy psikhosemantiki* [Fundamentals of psychosemantics]. Moscow: EKSMO Publ., 2010. 480 p.
8. Kabrin V.I. Specifics of the synergy of axiological and cognitive processes in the conceptual development of the creative personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 379, pp. 175–180. (In Russian).
9. Viviers F. *Evolyutsiya kross-kul'turnykh metodov issledovaniya* [Evolution of cross-cultural research methods]. In: Matsumoto D. (ed.) *Psikhologiya i kul'tura* [Psychology and culture]. St. Petersburg: Piter Publ., 2003, pp. 135–173.
10. Ward K. Azbuka akkul'turatsii [Alphabet of acculturation]. In: Matsumoto D. (ed.) *Psikhologiya i kul'tura* [Psychology and culture]. St. Petersburg: Piter Publ., 2003, pp. 656–709.
11. Negus K., Pickering M. Kreativnost'. *Kommunikatsiya i kul'turnye tsennosti* [Creativity. Communication and cultural values]. Kharkiv: Gumanitarnyy Tsentr Publ., 2011. 300 p.
12. Seldrake R. *Novaya nauka o zhizni* [New science of life]. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2005. 352 p.
13. Seldrake R. *The Science Delusion*. London: Hodder&Stoughton, 2012. 400 p.
14. Jung C.G. *Sinkhronistichnost'* [Synchronicity]. Moscow: REFL-BUK Publ., Vakler Publ., 1997. 314 p.
15. Petrovskaya L.A. *Obshchenie – kompetentnost' – trening: izbrannye trudy* [Communication – Competence – Training: Selected Works]. Moscow: Smysl Publ., 2007. 686 p.
16. Bendas T.V. *Psikhologiya liderstva* [Leadership Psychology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2009. 448 p.
17. Ivanova V.P. Phenomenology of intellectual culture: general characteristic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2010, no. 334, pp. 132–137. (In Russian).
18. Gippenreyter Yu.B., Puzyrey A.A., Arkhangelskaya V.V. (eds.) *Psikhologiya lichnosti* [Personality Psychology]. Moscow: AST: Astrel' Publ., 2009. 624 p.
19. Covey S. *Principle-Centered Leadership*. New York: Summit, 1991, pp. 40–47.
20. O'Toole J. *Leading Change: The Argument for Values-Based Leadership*. New York: Ballantine, 1996, pp. 23–24.
21. Il'in E.P. *Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti* [Psychology of creativity and talent]. St. Petersburg: Piter Publ., 2012. 448 p.
22. Moll A. *Sotsiodinamika kul'tury* [Sociodynamics of culture]. Moscow: Izd-vo LKI Publ., 2008. 416 p.
23. Kabrin V.I. Anthropocentric or noetic emergency of consciousness 3.0. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2013, no. 50, pp. 17–37. (In Russian).
24. Menukhin I. *I lezhashchiy v pyli chelovek mozhet byt' velikim* [A person lying in the dust can also be great]. In: *Kniga znaniy: Besedy s vydayushchimisya lyud'mi nashego vremeni* [Conversations with the outstanding people of our time]. Translated from French by G. Naumova. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2010, pp. 242–265.
25. Gergen K.J. Social Psychology as History. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1973, v. 26, no. 2, pp. 309–320.

Received: 18 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 220–224. DOI 10.17223/15617793/394/35

УДК

Ю.В. Маслова, А.П. Коханенко

ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО И МОДУЛЬНОГО ПОДХОДОВ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ЛАБОРАТОРНОГО ПРАКТИКУМА ДЛЯ СТУДЕНТОВ РАЗНОГО УРОВНЯ ОБУЧЕНИЯ

Описана методика применения компетентностного и модульного подходов для разработки лабораторного практикума для обучения студентов – бакалавров, магистров и специалистов. Данные подходы позволяют целенаправленно и всесторонне развивать необходимые компетенции у будущих выпускников, что в дальнейшем дает им возможность быть конкурентоспособными на рынке труда.

Ключевые слова: компетенции; модульный подход; лабораторный практикум.

В настоящее время в связи с переходом на новую, инновационную модель рыночной экономики все более высокие требования предъявляются к качеству подготовки профессиональных кадров и образованию в целом. Перед преподавателями ставится задача подготовить «качественный продукт», удовлетворяющий требованиям непосредственных потребителей – работодателей. То есть на каждом этапе вузовского обучения необходимо формирование у обучающихся определенного набора компетенций, необходимых в их дальнейшей профессиональной деятельности [1].

Между тем понятие «качество образования» имеет множество трактовок, и от того, какая из них лежит в основе образовательного процесса в конкретном вузе, зависит конечный результат – уровень подготовки выпускника [2. С. 38]. По мнению авторов, проанализировав множество определений данного термина, можно сформировать наиболее общее и полное определение качества образования – это совокупность характеристик образовательного процесса, которые позволяют последовательно и эффективно формировать профессиональные навыки, знания и умения, удовлетворяющие потребностям работодателей и общества на современном этапе развития. Одним из способов разрешения противоречий в оценке качества подготовки выпускника между представителями вузов и работодателей является использование компетентностного подхода.

Идея компетентностного подхода в педагогике возникла в начале 80-х гг. XX в. Тогда в журнале «Перспективы. Вопросы образования» В. де Ландшеер опубликовал свою статью «Концепция “минимальной компетентности”». Первоначально речь шла не о подходе как таковом, а просто о компетентности, т.е. качествах личности как цели и результате образования. При этом компетентность трактовалась в самом широком смысле как «углубленное знание предмета или освоенное умение». С развитием образования расширялся смысл и объем данного понятия. И только в последнее время стали говорить о компетентностном подходе в образовании [3. С. 58–63].

Компетентностный подход ориентирован, прежде всего, на новое видение целей и оценку результатов профессионального образования. Но он предъявляет свои требования и к другим компонентам образовательного процесса, таким как содержание обучения, педагогические технологии, средства контроля и оценки. Главное здесь – это в процессе проектирования и реализации таких технологий обучения создавать ситуации, при которых студенты включаются в разные виды деятельности (общение, решение проблем, дискуссии, диспуты, выполнение проектов) [4. С. 25–28]. То есть необходимо обеспечить разрабатываемые курсы проблемными и прикладными задачами.

Принцип проблемности обучения отражает психолого-педагогическую закономерность, согласно которой эффективность усвоения учебного материала повышается, если вводятся такие стимулирующие звенья, как проблемная ситуация, визуализация информации, профессионально-прикладная направленность.

Здесь на помощь приходит модульный метод обучения, который позволяет в полной мере раскрыть все положительные стороны компетентностного подхода. Понятие «модуль» в педагогике встречается еще с 70-х гг. прошлого века. Например, один из основателей модульного обучения Дж. Рассел определял модуль как учебный пакет, охватывающий концептуальную единицу учебного материала и предписанных учащимся действий (1971). По мнению Б. и М. Гольдшмид, модуль – автономная, независимая единица в спланированном ряде видов учебной деятельности, предназначенная помочь студенту достичь некоторых четко определенных целей (1972).

Г. Оуэнс понимал модуль как обучающий замкнутый комплекс, в состав которого входят педагог, обучаемые, учебный материал и средства, помогающие обучающемуся и преподавателю реализовать индивидуализированный подход, обеспечить их взаимодействие (1975).

Современный исследователь П.А. Юцявичене определяет модуль как «блок информации, включающий в себя логически завершенную единицу учебного материала, целевую программу действий и методическое руководство, обеспечивающее достижение поставленных дидактических целей» [3. С. 112–118].

В одной из своих первых работ «Инвариантная модель интенсивной технологии обучения при многоступенчатой подготовке в вузе» В.В. Карпов и М.Н. Катханов трактовали понятие «модуль» с точки зрения профессионального обучения и определяли его следующим образом: «модуль – организационно-методическая структура учебного материала, предусматривающая выделение семантических понятий в соответствии со структурой научного знания, струк-

турирование информации с позиции логики познавательной деятельности будущего инженера» [5. С. 47–53].

Разные исследователи, работавшие над теорией модульного обучения, преследовали разные цели. Одни старались дать возможность обучающемуся выбрать наиболее удобный именно для него темп и способ обучения, другие – помочь обучающимся научиться тренироваться самостоятельно, используя корректирующие модули. Отечественные исследователи В.М. Гореев и М.Д. Миронова интегрировали различные методы и формы обучения и старались систематизировать знания и умения, полученные в рамках изучения учебной дисциплины [6].

Несмотря на множество определений понятия модуля, все их можно систематизировать по трем аспектам:

1) модуль как единица государственного учебного плана по специальности, представляющая набор учебных дисциплин, отвечающий требованиям квалификационной характеристики;

2) модуль как организационно-методическая междисциплинарная структура, которая представляет набор тем (разделов) из разных учебных дисциплин, необходимых для освоения одной специальности, и обеспечивает междисциплинарные связи учебного процесса;

3) модуль как организационно-методическая структурная единица в рамках разработки единого образовательного пространства (одной темы).

В соответствии с вышеизложенным на кафедре квантовой электроники и фотоники РФФ ТГУ авторами разработан лабораторный практикум, основанный на единой технической базе (разработанный экспериментальный комплекс лабораторных работ по волоконно-оптическим линиям связи (ВОЛС), позволяющий проводить лабораторные занятия для студентов разного уровня обучения (бакалавров, магистров и специалистов)) по курсам: «Волоконно-оптические линии связи», «Волоконно-оптические системы связи» и «Оптические устройства в радиотехнике» соответственно [9].

Особенностью данного практикума является использование методики, основанной на описанном выше компетентностно-модульном подходе. При разработке методики авторы использовали несколько основополагающих факторов: ФГОС нового поколения, требования работодателей к будущим выпускникам, а также эффективность усвоения учебного материала студентами.

Таким образом, лабораторный практикум состоит из нескольких блоков (модулей), каждый из которых специально разработан для того или иного уровня подготовки студентов (бакалавриат, специалитет, магистратура) и предназначен для развития определенного набора компетенций. На рис. 1 представлена блок-схема построения лабораторного практикума «Волоконно-оптические линии связи». Каждый из модулей в данной схеме может использоваться как отдельно, так и дополняя другой модуль.

Так, например, физический модуль предназначен для обучения будущих бакалавров. Он содержит в себе разделы, обеспечивающие знания студентов в области фундаментальных оптических явлений и физики процессов, происходящих в оптических волокнах при передаче по ним световых импульсов, а также основных параметров и критериев выбора оптического волокна. Лабораторные работы в данном модуле подобраны таким образом, чтобы при их выполнении студентами обеспечить формирование следующих профессиональных компетенций [8]: способность анализировать поставленную задачу, способность проведения исследований различных объектов по заданной методике, способность осуществлять наладку, настройку и проверку отдельных устройств фотоники и оптоинформатики, способность подготовки данных для составления обзоров, отчетов и другой технической документации. На рис. 2 приведена матрица компетенций, на которой можно наглядно отследить связь отдельных этапов лабораторного практикума (лабораторных работ) с основными профессиональными компетенциями, развитию которых способствует данный модуль.

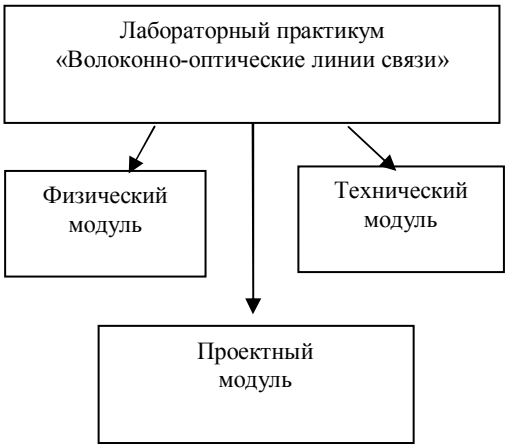

Рис. 1. Блок-схема построения лабораторного практикума

Технический модуль является логическим продолжением первого и развивает знания и умения студентов в области технологий измерения параметров оптических волокон, работы на измерительном оборудовании ВОЛС, а также в области тенденций развития современной аппаратуры. Этот модуль предназначается для инженеров по специальности «Радиоэлектронные системы и комплексы». Их профессиональные задачи несколько отличаются от рода деятельности будущих бакалавров, а значит и набор компетенций, необходимый выпускникам, здесь иной [10]: способность учитывать современные тенденции развития информационных технологий, способность владеть методами решения задач анализа и расчета характеристик линий связи, способность осуществлять эксплуатацию, техническое обслуживание, ремонт и настройку линий связи. Будущие инженеры выполняют лабораторные работы по калибровке оптических тестеров, измерению и расчету параметров оптического волокна и отдельных компонентов ВОЛС. Для данного модуля также была составлена матрица компетенций, представленная на рис. 3.

Компетенции / лабораторные работы	Способность проведения исследований по заданной методике	Способность осуществлять настройку и проверку отдельных устройств	Способность подготовки данных для составления технической документации	Расчет технологических нормативов и выбор типового оборудования	Проведение исследований различных объектов фотоники и оптоинформатики
Измерение полных потерь в оптическом световоде	✓		✓	✓	
Измерение потерь в зависимости от изгиба оптического волокна	✓	✓	✓		✓
Измерение числовой апертуры волоконного световода	✓	✓		✓	✓
Измерение эффективности ввода оптического излучения в волокно	✓	✓			✓

Рис. 2. Матрица компетенций для физического модуля

Компетенции / лабораторные работы	Способность осуществлять проектирование линий связи	Способность участвовать в наладке и испытаниях опытных образцов	Способность осуществлять эксплуатацию, техническое обслуживание, линий связи	Способность оценивать основные показатели работы систем связи	Способность владеть методами решения задач расчета характеристик линий связи
Изучение работы сварочного аппарата КСС-111			✓		✓
Соединение оптических волокон		✓	✓		✓
Использование оптического тестер	✓	✓			✓
Измерение потерь в оптическом волокне	✓	✓	✓	✓	
Измерение дисперсии		✓	✓	✓	✓

Рис. 3. Матрица компетенций для технического модуля

Особое место в данном практикуме занимает проектный модуль для магистрантов. Магистратура в современном обществе является переходным звеном между студенческой скамьей и деятельностью молодого ученого. И именно поэтому на данном этапе очень важным является развитие таких навыков, как умение анализировать и систематизировать полученную информацию, определять цели и задачи исследования, самостоятельно планировать и проводить эксперименты, правильно интерпретировать и представлять их результаты. Также немаловажной составляющей будущей успешной работы является умение работать в научном коллективе. Для развития всех вышеописанных компетенций студентам-магистрантам предлагается на выбор выполнить один из нескольких проектов по разработке, расчету параметров ВОЛС и проведению возможных исследований параметров разработанной линии связи.

Работа над проектом выполняется в группах по два-три человека, внутри этих трупп обучающимся также необходимо стратегически правильно распределить обязанности и зоны ответственности, что, в свою очередь, позволяет развивать навыки построения межличностных отношений внутри научного коллектива, а также выявлять лидерские качества. На рис. 4 представлена блок-схема проведения лабораторного практикума для студентов-магистрантов.

Кроме того, каждый модуль разработан так, что все его компоненты в совокупности составляют образовательную среду, в которой обучающиеся не только получают набор навыков, необходимых для конкретной профессиональной деятельности (инженерной, научной, исследовательской), но и учатся обобщать и применять знания, полученные в ранее изученных курсах (междисциплинарная составляющая модулей).

В качестве основы этой образовательной среды авторами выбрана виртуальная образовательная система MOODLE. Основными ее достоинствами, по сравнению с другими подобными системами, является ее бесплатное распространение и широкое использование по всему миру [11]. В данной системе созданы электронные образовательные ресурсы (ЭОР) по каждому модулю, входящему в лабораторный практикум. В них размещены методические пособия в электронном виде, ссылки на полезную литературу и другие материалы, необходимые для успешного изучения курса. Также в системе предусмотрена возможность сдачи и оценивания отчетов по лабораторным работам и форум для удаленного общения студентов с преподавателем и между собой. Промежуточный контроль знаний осуществляется с помощью тестового раздела.

В результате применения описанного выше подхода в практике обучения студентов по курсу «Волоконно-оптические линии связи» в течение одного семестра авторам удалось добиться некоторых результатов. Так, в процессе опроса более 80% обучающихся выразили свою заинтересованность в использовании данной методики, выделив несколько положительных, на их взгляд, моментов.

Рис. 4. Блок-схема проведения лабораторного практикума для студентов-магистрантов

Среди ответов наиболее часто встречаются такие характеристики, как хорошая структурированность курса, удобная последовательность изучения разделов курса, возможность удаленного доступа к дистанционному образовательному ресурсу MOODLE для самостоятельной работы, удобство работы с тестовыми модулями и сдача отчетов по лабораторным работам в электронном виде и др. Также в течение данного семестра проводилось промежуточное и контрольное тестирование студентов по курсу с целью оценки качества усвоения учебного материала. В результате обработки результатов тестирования и анкетирования авторами была выявлена тенденция к увеличению качества и количества знаний и навыков, полученных в результате изучения курса студентами, а также повышение заинтересованности обучающихся в получении новых знаний.

Таким образом, можно говорить, что созданная образовательная среда отвечает всем современным требованиям, предъявляемым к учебным курсам и программам. Методики, лежащие в ее основе, позволяют развивать необходимые профессиональные компетенции у студентов, а значит готовить высококвалифицированных специалистов, востребованных на рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Калачикова О.Н.* Формирование исследовательских компетенций студентов в вузе: потенциал программы образовательного сопровождения курсовых и дипломных работ // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 196–205.
2. *Скрипко З.А., Артемова Н.Д.* Методика и диагностика профессиональной компетенции студентов педвуза на лабораторных занятиях по физике // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2014. № 6 (147).
3. *Борисова Н.В.* От традиционного через модульное к дистанционному образованию. М. : Домодедово: ВИПК МВД России, 1999. 174 с.
4. *Миронова М.Д.* Модульное обучение как способ реализации индивидуального подхода : дис. ... канд. пед. наук. 198 с.
5. *Карпов В.В., Катханов М.Н.* Инвариантная модель интенсивной технологии обучения при многоступенчатой подготовке в вузе. М. ; СПб. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1992. 141 с.
6. *Гараев В.М., Куликов С.И., Дурко Е.М.* Принципы модульного обучения // Вестник высшей школы. 1987. № 8. С. 25–28.
7. *Миронова М.Д.* Модульное обучение как способ реализации индивидуального подхода : дис. … канд. пед. наук. 178 с.
8. *Маслова Ю.В., Коханенко А.П.* Использование электронного тестирующего модуля в системе MOODLE для развития необходимых компетенций у студентов // Изв. вузов. Физика. 2013. № 10/3. С. 156–158.
9. *Федеральный* государственный образовательный стандарт по направлению 200700 «фотоника и оптоинформатика». URL: http://rff.tsu.ru/FGOS-3/Fotonika_i_optoinformatika (дата обращения 15.01.2015).
10. *Федеральный* государственный образовательный стандарт по направлению «Радиоэлектронные системы и комплексы». URL: http://www.kai.ru/info/speciality/gos_standart/210601.pdf (дата обращения: 15.01.2015).
11. *Дунаевский Г.Е., Абдрашитов Ф.Р., Дейкова Г.М., Доценко О.А., Жуков А.А., Журавлев В.А. и др.* Использование СДО MOODLE для организации самостоятельной работы студентов при изучении радиотехнических дисциплин // Изв. вузов. Физика. 2010. № 9/3. С. 289–290.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 26 марта 2015 г.

USE OF THE COMPETENCY AND MODULAR APPROACHES TO THE ORGANIZATION OF THE LABORATORY WORKSHOP FOR STUDENTS OF DIFFERENT LEVELS OF TRAINING

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 220-224. DOI 10.17223/15617793/394/35

Maslova Yulia V., Kokhanenko Andrey P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mas22lova@sibmail.com; kokh@mail.tsu.ru

Keywords: competence; modular approach; laboratory practice.

This article describes the basic implementation principles of a laboratory course developed at the Department of Quantum Electronics and Photonics (Radiophysics Faculty of Tomsk State University). The basis of this course is a unitary technical base: an experimental complex of laboratory works on fiber-optic communication lines (FOCL) allowing to conduct laboratory practicals for students of different levels of training (bachelors, masters and specialists) within the disciplines "Fiber-Optic Communication Lines" and "Optical Devices in Radiotechnics". The peculiarity of this course is using a technique based on the competency building and modular approaches. While developing this technique, the authors have used the following fundamental factors: federal state educational standards of new generation, requirements of employers to future graduates, as well as the efficiency of students' learning of educational material. The laboratory course consists of several blocks (modules). Each of them is intentionally developed for different levels of students' training. For example, the physical "module" is aimed at training of the future bachelors. It contains sections that give students knowledge in the field of fundamental optical phenomena and physics of the processes taking place in optical fibers during transmission of light pulses. The technical "module" logically continues the former one and develops knowledge and skills in the field of technologies of measurement of optical fiber parameters. Students studying for a master's degree are suggested to choose one or more projects on design, calculation of FOCL parameters and conducting possible investigations of parameters of a developed communication line. The authors have chosen the virtual educational system MOODLE as the basis for this educational medium. In this system electronic educational resources for every module in the laboratory course are developed. This system has opportunities for report presentation and assessment for laboratory works. It also has a forum for remote communication between students and the professor. Thus, it is possible to say that the educational medium the authors created meets all the modern requirements for training courses and programs. The technique underlying this medium allows to develop necessary professional competences of students and prepare highly trained professionals demanded on labor market.

REFERENCES

1. Kalachikova O.N. Formation of research competence of students in higher school: potential of the term and graduate research educational support program. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 389, pp. 196–205. (In Russian).
2. Skripko Z.A., Artemova N.D. Methods and diagnostics of professional competence of students at laboratory works on physics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, no. 6 (147). (In Russian).
3. Borisova N.V. *Ot traditsionnogo cherez modul'noe k distantsionnomu obrazovaniyu* [From the traditional to distance learning through a modular education]. Moscow: Domodedovo: VIPK MVD Rossii Publ., 1999. 174 p.
4. Mironova M.D. *Modul'noe obuchenie kak sposob realizatsii individual'nogo podkhoda*: dis. kand. ped. nauk [Modular education as a way to implement an individual approach. Pedagogy Cand. Diss.]. Kazan, 1993. 198 p.
5. Karpov V.V., Katkhanov M.N. *Invariantnaya model' intensivnoy tekhnologii obucheniya pri mnogostupenchatoy podgotovke v vuze* [Invariant model of intensive training technology in the multi-step preparation in higher school]. Moscow; St. Petersburg: Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov Publ., 1992. 141 p.
6. Garaev V.M., Kulikov S.I., Durko E.M. Printsipy modul'nogo obucheniya [Principles of modular eduation]. *Vestnik vysshey shkoly*, 1987, no. 8, pp. 25–28.
7. Mironova M.D. *Modul'noe obuchenie kak sposob realizatsii individual'nogo podkhoda*: dis. kand. ped. nauk [Modular education as a way to implement an individual approach. Pedagogy Cand. Diss.]. Kazan, 1993. 198 p.
8. Maslova Yu.V., Kokhanenko A.P. Ispol'zovanie elektronnogo testiruyushchego modulya v sisteme MOODLE dlya razvitiya neobkhodimykh kompetentsiy u studentov [The use of an electronic testing module in the system MOODLE for the development of the competences necessary for students]. *Izvestiya vuzov. Fizika*, 2013, no. 10/3, pp. 156–158.
9. Federal State Educational Standard in the direction 200700 "Photonics and Optoinformatics". Available from: http://rff.tsu.ru/FGOS-3/Fotonika_i_optoinformatika. (Accessed: 15.01.2015). (In Russian).
10. Federal State Educational Standard in "Radio-electronic systems and complexes". Available from: http://www.kai.ru/info/speciality/gos_standart/210601.pdf. (Accessed: 15.01.2015). (In Russian).
11. Dunaevskiy G.E., Abdrashitov F.R., Deykova G.M., Dotsenko O.A., Zhukov A.A., Zhuravlev V.A. et al. Ispol"zovanie SDO Moodle dlya organizatsii samostoyatel"noy raboty studentov pri izuchenii radiotekhnicheskikh distsiplin [The use of Moodle system for organizing independent work of students in the study of radio-technical disciplines]. *Izvestiya vuzov. Fizika*, 2010, no. 9/3, pp. 289–290.

Received: 26 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 225–229. DOI 10.17223/15617793/394/36

УДК 94 “1941/1945”:378.4 (571.16)

Р.Г. Черданцева, В.О. Афанасенков

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-ФИЗКУЛЬТУРНОЙ ПОДГОТОВКИ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Статья посвящена работе кафедры военно-физической подготовки Томского государственного университета в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Кафедра была организована в 1941 г. в результате объединения военной кафедры и кафедры физического воспитания. На основании архивных документов, материалов периодической печати, документальных публикаций раскрывается система проведения занятий со студентами по военной и физической подготовке в условиях военного времени. Несмотря на трудности, кафедра внесла существенный вклад в физическое развитие будущих специалистов, содействовала подготовке резервов для Красной Армии.

Ключевые слова: Томский государственный университет; физическая культура; Великая Отечественная война; студенты; история Сибири; Всевобуч; методика преподавания.

С началом Великой Отечественной войны в Томском государственном университете (далее ТГУ), старейшем вузе за Уралом, вместо двух кафедр – военной и физического воспитания – была организована кафедра военно-физической подготовки, которую возглавил старший преподаватель Л.Г. Выдрин. Лев Георгиевич родился в 1902 г. в г. Богородицке Тульской губернии. Там же он в 1920 г. окончил школу 2-й ступени. После окончания школы Л.Г. Выдрин как комсомолец был мобилизован в комсомольский отряд по ликвидации крестьянских восстаний в Тульской губернии. В конце 1920 г. вступил добровольцем в Красную армию, откуда командованием был направлен, как человек, имевший среднее образование, в школу физического воспитания Московского военного округа в г. Ярославле. По окончании этой школы был откомандирован в распоряжение Тульского губернского Всевобуча, где его определили инструктором спорта и допризывной подготовки. В 1933 г. Л.Г. Выдрин поступил в Московский областной техникум физической культуры, который окончил в 1936 г. В 1937 г. обучался на повышенных годичных курсах преподавателей физкультуры в Москве, после чего Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта при Совнаркоме СССР направил его в г. Томск для работы методистом Томского городского комитета по делам физкультуры и спорта.

В ТГУ Л.Г. Выдрин работал с 1 сентября 1937 г. преподавателем физкультуры и спорта, а после освобождения Б.С. Ганжи от заведования кафедрой физического воспитания он с 15 сентября 1938 г. возглавил ее. В этой должности Л.Г. Выдрин проработал до 1960 г. [1. Л. 7]. В 1941–1942 гг. одновременно являлся председателем Томского городского комитета физкультуры и спорта. В период своего председательства он публиковал свои заметки, касающиеся спортивно-массовой работы, в газете «Красное знамя» [2–4].

Начавшаяся война потребовала перестройки всего учебного процесса. На основании указаний Наркомата просвещения РСФСР и Всесоюзного комитета по делам высшей школы от 25 июня 1941 г. «О перестройке учебной работы университетов и ускоренной подготовке специалистов в военное время» срок обучения в университете сократился до 3 лет. Однако уже в сентябре 1942 г. пятилетний срок обучения был восстановлен [5. С. 9].

Если на 10 июля 1941 г. на 6 факультетах обучалось 1130 студентов, то к началу 1942/43 учебного года их было всего 812. Практически столько же студентов обучалось вплоть до окончания войны. Всего за годы войны на фронт ушло около 400 студентов. Среди них были и те, кто неоднократно защищал спортивную честь университета.

Наряду с введением преподавания сельскохозяйственных дисциплин и Всевобуча имело место и усиление физкультурно-военной работы.

Перед кафедрой военно-физической подготовки были поставлены следующие задачи: «1) Освоение новых программ по военной подготовке студентов; 2) всесторонняя подготовка физического развития студентов, построенная на основе комплекса “Готов к труду и обороне”; 3) привитие практических навыков в военно-прикладных упражнениях; 4) перестройка работы кафедр в связи с введением Всевобуча и освоение программы Всевобуча; 5) организация массовой оборонно-спортивной работы среди студентов, научных работников, учебно-вспомогательного персонала, рабочих и служащих университета; 6) подготовка общественных инструкторов по отдельным видам спорта» [6. Л. 51].

Решением этих задач занималась кафедра, штат которой насчитывал всего шесть человек, среди которых было два совместителя. Помимо Л.Г. Выдрина на кафедре в 1941/42 учебном году работали ассистент Н.С. Розов, старший преподаватель К.А. Подлазник и И.С. Куценко и преподаватель Т.Г. Шанишашвили. По совместительству на кафедре работали старший преподаватель А.В. Соболевский и преподаватель Е.В. Куценко [7. С. 151]. В 1941 г. на фронт ушел преподаватель кафедры физического воспитания В.В. Кузьмин, а в 1942 г. Т.Г. Шанишашвили и И.С. Куценко [8. С. 15].

Военно-физическая подготовка студентов велась в трех основных формах: а) академические занятия; б) оборонно-спортивная работа; в) занятия со студентами, проходящими Всевобуч.

Учебные занятия по программе, утвержденной ВКВШ от 9 июля 1941 г., проводились на 1-, 2- и 3-м курсах всех факультетов.

Массовая оборонно-спортивная работа велась совместно с советами ДСО «Наука» и ОСОАВИАХИМ путем организации военных кружков и секционной работы по отдельным видам спорта.

Всевобучем были охвачены студенты-мужчины 1–3-го курсов. Мужчины 4-го курса были освобождены с обязательством сдать зачеты по программе Всевобуча.

Академическими занятиями по военно-физкультурной подготовке в ТГУ был охвачен 371 студент, в том числе 86 женщин и 285 мужчин. По плану нагрузка кафедры составила 7 078 часов, фактически же за 1941/42 учебный год было выполнено 6 998 часов. Общее выполнение учебного плана за 1941/42 учебный год составило 98,8%. Невыполнение учебного плана объяснялось сокращением часов, отведенных на практические занятия по уходу за ранеными. Довольно высокой (97,2%) была посещаемость занятий студентами, успеваемость составила 78,8% [6. Л. 55].

Занятия по военной подготовке со студентами-мужчинами по программе Всевобуча начались 12 декабря 1941 г. на основании приказа по университету № 405 от 1.12.1941 г. Все студенты-мужчины, проходившие военную подготовку, были сведены в одну роту из трех взводов. Укомплектование взводов производилось по курсовому принципу: 1-й взвод – 3-й курс, 2-й взвод – 2-й курс и 3-й взвод – 1-й курс.

Занятия проводились три раза в неделю. Одно занятие было включено в сетку часов по общеуниверситетскому расписанию и два – сверх сетки часов в вечернее время. Всего в неделю на Всевобуч отводилось 14 часов. Кроме того, кафедрой были использованы четырехдневные каникулы, во время которых занятия проводились ежедневно по 10 часов [6. Л. 55 об.].

В дни зимних каникул, на которые было отведено всего четыре дня (с 11 по 15 февраля 1942 г.), со студентами-мужчинами 4-го курса был проведен военный сбор. Целью сбора было повторение программы и изучение тех разделов программы, которые не были охвачены 140-часовой военной подготовкой. Начальником сбора был назначен Л.Г. Выдрин, а политруком доцент кафедры механики физико-математического факультета Г.А. Чеботарев. Весь курс был сведен в один взвод, командиром которого был назначен студент 4-го курса спецфака Величко. Студенты прошли тактическую, саперную, строевую, физическую и огневую подготовку, а также изучили курс воинских уставов [9. Л. 520–521].

Из 172 часов, отведенных на обучение, 32 часа были выделены на военные сборы. 28 февраля студенты 3-го и 4-го курсов в количестве 144 человек, закончив программу, были подвергнуты испытанию в комиссии, утвержденной приказом по университету (приказ № 13/с от 21.01.1942 г.) под председательством представителя горвоенкомата. Испытания выдержали 143 человека. Комиссия отметила хорошие результаты по штыковому бою, гранатометанию, лыжной и тактической подготовке.

30 апреля завершила выполнение программы 2-я очередь Всевобуча – 1-й и 2-й курсы. Из них испытанию подверглось 29 человек. Все они выдержали их успешно [6. Л. 55 об.].

И хотя программа Всевобуча была пройдена полностью, в связи со слабой физической подготовкой студентов 1-го курса на раздел «Строевая физическая подготовка» было затрачено больше часов, чем это предусматривалось программой. Это объяснялось недоработкой средней школы: вместо 25 часов ей было отведено 46 часов. Причем увеличение часов произошло за счет лыжной подготовки.

Посещаемость занятий Всевобуча 1-й очереди составила 99,2%, а средний балл успеваемости – 4,5. Посещаемость занятий Всевобуча второй очереди была 99,32%, а средний балл успеваемости – 4,8.

Об успешности массовой оборонно-спортивной работы в 1941/42 учебном году говорит то, что из числа студентов ТГУ было подготовлено 285 значкистов ПВХО, 45 значкистов «Ворошиловский стрелок», 6 медсестер запаса, 44 значкиста ГТО I ступени и 100 II ступени, 24 инструктора-общественника по рукопашному бою и 18 инструкторов по лыжной подготовке.

Наряду с массовой оборонно-спортивной работой в ТГУ действовало несколько спортивных секций: лыжная с охватом 50 человек, гимнастическая – 28 человек, баскетбольная – 24 человека, волейбольная – 36 человек.

В 1941/42 учебном году университетские команды первенствовали на городских лыжных соревнованиях, заняли 2-е место по волейболу среди спортивных обществ города и общее 3-е место по баскетболу.

Помимо этого студенты университета приняли участие в ряде других спортивных мероприятий. Так, в профсоюзном комсомольском лыжном кроссе имени XXIV годовщины РККА приняли участие 315 человек; в военизированной лыжной эстафете – 25 человек, в соревнованиях по лыжам, посвященным 8 Марта, – 18 человек, в осеннем первенстве города по волейболу и баскетболу – 20 человек, в весеннем первенстве города по волейболу и баскетболу – 30 человек, в военизированных соревнованиях с участием университетского подразделения Всевобуч – 50 человек [6. Л. 56].

Военно-физкультурная работа в университете находилась под постоянным контролем как учебной части университета, так и целого ряда городских и общественных организаций.

Весной 1942 г. кафедрой военно-физической подготовки были организованы курсы по подготовке преподавателей физкультуры для средних школ. Для набора слушателей была создана приемная комиссия в составе проректора ТГУ В.А. Пегеля, заведующего кафедрой военно-физической подготовки Л.Г. Выдрина, старшего преподавателя Н.С. Розова и комсомольского секретаря Смагина. Начальником факультативного курса был назначен Л.Г. Выдрин, а заведующим учебной частью Н.С. Розов. Набор производился из числа студентов 2–4-го курсов, военруков и преподавателей физкультуры средних школ [9. Л. 454]. Зачислено было 19 слушателей. Занятия проводились два раза в неделю: во вторник (с 16.00 до 21.30) и в воскресенье (с 9.00 до 15.00) [9. Л. 423].

Развитие военно-физкультурной подготовки в университете сдерживало отсутствие соответствующей материальной базы для совершенствования навыков. Так, на кафедре не было миномета, противотанковой гранаты, противогазов 08; таблиц по ИПВО, пожарной безопасности и военно-санитарной подготовке.

В течение года также ощущался острый недостаток в преподавателях по военной подготовке [6. Л. 56 об.].

Напряженным выдался и 1942/43 учебный год. Военную подготовку обязаны были проходить не только студенты-мужчины, но и женщины 1–3-го курсов. От прохождения ее освобождались только студенты-инвалиды Великой Отечественной войны и те студенты, которые по состоянию здоровья не были пригодны к военной службе. Так, из 165 студентов 1-го курса (35 мужчин и 130 женщин) было освобождено 24 человека, из 74 студентов 2-го курса (9 мужчин и 65 женщин) – 6 человек и из студентов 3-го курса (23 мужчины и 75 женщин) – 5 человек. Всего из 337 студентов (67 мужчин и 269 женщин) от занятий военной подготовкой было освобождено 35 человек. Учебный план военно-физической подготовки состоял из строевой подготовки (270 часов), огневой подготовки (675 часов), способов передвижения и преодоления препятствий (136 часов) и лыжной подготовки (340 часов). В целом учебный план был выполнен [10. Л. 85].

Учебные занятия по военной подготовке проводились по общеуниверситетскому расписанию в точном соответствии с директивами ВКВШ и Наркомпроса. Вся система обучения строилась на базе социалистического соревнования. Занятия одновременно посещали от 1 до 6 групп, которые были объединены в строевые подразделения: взвод, рота. Работающие на производстве были сведены в одну специальную группу. Академическая успеваемость по военной подготовке в университете составила 91,7%. Зачеты должны были сдавать 337 человек, но на деле их сдавали 309 человек.

Посещаемость занятий в первом семестре составила 92,8%. Почти все пропуски военно-физкультурных занятий приходились на студентов биологического факультета [10. Л. 85 об.].

Велась спортивно-массовая работа среди студентов. Она проводилась совместно с общественными организациями университета и строилась путем создания секций по видам спорта. В первом семестре 1942/43 учебного года работали следующие секции: волейбольная (20 человек), баскетбольная (23 человека), лыжная, легкой атлетики, рукопашного боя. Университетская лыжная команда стала победителем в городских соревнованиях по лыжам, за что университет был награжден грамотой горкома [11. Л. 10].

В ТГУ при кафедре военно-физической подготовки в первом семестре 1942/43 учебного года были организованы курсы для подготовки инструкторов-общественников по лыжам. На них было подготовлено два инструктора. Кроме того, было подготовлено три инструктора для завода № 355, размещенного в главном здании ТГУ. Инструкторы-общественники по лыжной подготовке курировали определенный факультет. В итоге лыжную подготовку прошли 298 человек. Тренировки проводились по особому распоряжению и под наблюдением преподавателей физической подготовки кафедры.

В зимний период 1942/43 учебного года университет принимал участие в таких городских спортивных мероприятиях, как открытие зимнего сезона, военизированные соревнования по лыжам, профсоюзно-комсомольский лыжный кросс [10. Л. 85 об.]. В этих соревнованиях приняли участие 318 студентов ТГУ.

Военные дисциплины преподавали два старших лейтенанта, имевших стаж работы свыше 10 лет, двое других отвечали за физкультурную подготовку студентов ТГУ. На кафедре, несмотря на квалифицированно подобранный преподавательский состав, ощущалась нехватка кадров [11. Л. 10]. В 1942 г. на кафедру были приглашены молодые преподаватели. С 19 ноября 1942 г. начал работать выпускник Ленинградского института физической культуры им. П.Ф. Лесгафта Адольф Адольфович Далингер, тренировавший секцию лыжников и легкоатлетов [12. Л. 4], а также выпускница Новосибирского техникума физической культуры Людмила Кузьминична Скороходова, тренировавшая секцию гимнастов и лыжников и сама участвовавшая в лыжных соревнованиях Томска и области [13. Л. 5].

Регулярно проводились кафедральные совещания с целью повышения квалификации преподавателей. На них обсуждались учебно-методические вопросы, связь спортивно-массовой работы с учебной работой ТГУ, разрабатывалась методика преподавания лыжной подготовки в условиях Великой Отечественной войны. На кафедре практиковалось взаимное посещение занятий преподавателями.

Самым существенным и основным недостатком, затруднявшим работу кафедры, было отсутствие специального помещения для организации военного кабинета и физкультурного зала, ощущалась нужда в пособиях для проведения занятий [10. Л. 86].

В 1943/44 учебном году военную подготовку и физическое воспитание студентов продолжила осуществлять военно-физическая кафедра. Правда, состав кафедры увеличился на одного человека и теперь включал пять штатных сотрудников, из которых двое были старшими преподавателями. Учебно-вспомогательного персонала было четыре человека. Во 2-м семестре этого учебного года от ВКВШ университетом были получены новые установки, изменившие установленный ранее порядок. Всего военно-физкультурную подготовку проходили 469 студентов, 88 студентов были освобождены от военных занятий. Из них мужчин – 44, девушек – 17, имевших долгосрочные отпуска – 27 [14. Л. 9].

Заметно улучшилась материальная база. Для проведения военных и физкультурных занятий кафедра располагала военно-спортивным залом, который располагался в студенческом общежитии ТГУ № 4 на ул. Никитина, 4 [15. Л. 222]; спортинвентарем, стрелковым тиром и некоторым количеством наглядно-иллюстративного материала. Все это активно использовалось в учебной работе кафедры.

Помимо академических занятий, проводилась кружковая, военная и физкультурная работа. Работали следующие секции: гимнастическая (20 человек), баскетбольная (15), волейбольная (22), лыжной подготовки (34), легкоатлетическая (28). Посещаемость учебных и кружковых занятий колебалась от 85 до 100%. За 1943/44 учебный год было подготовлено 156 ворошиловских стрелков, 456 значкистов ПВХО,

50 значкистов ГТО, 67 автоматчиков, 50 ручных пулеметчиков, 399 телефонистов. Физкультурная секция ТГУ принимала участие во всякого рода городских спортивных соревнованиях. Так, в зимний период она заняла 1-е место в соревнованиях по лыжам (среди вузов и воинских частей города). Четыре лучших лыжника ТГУ были включены в команду Томска и выступали на первенстве области [14. Л. 9]. 9 января 1944 г. городским комитетом по делам физкультуры и спорта были проведены лично-командные соревнования на первенство города по лыжам на дистанции 5 и 10 км. В соревнованиях приняли участие более 100 человек – лучших лыжников добровольных спортивных обществ. Среди женщин победила Л. Скорохватова [16], работавшая на кафедре военно-физической подготовки с 19 ноября 1942 г. [9. Л. 48].

В 1944/45 учебном году кафедры военной и физической подготовки вновь разделились, став самостоятельными. Состав военной кафедры увеличился до шести преподавателей (начальник кафедры – полковник А.В. Соболевский, три старших преподавателя – старший лейтенант Д.В. Цибрюк, капитан Я.М. Бровин и К.А. Подлазник, два преподавателя – Н.А. Шнейдер и С. Старостина) [15. Л. 246].

На протяжении всего года осуществлялось повышение деловой, военной и политической квалификации путем организации офицерской учебы по программам, утвержденным ВКВШ, и согласно указаниям штаба СибВО № 130/17-а от 2 февраля 1945 г. Кроме того, практиковались совместные занятия офицеров-сотрудников местных военных училищ. Имели место и другие формы повышения квалификации военных преподавателей и преподавателей физкультуры, например, лекции в Доме Красной Армии, посещение вечернего Университета марксизма-ленинизма и др. Для проведения учебных занятий были организованы соответствующие кабинеты и аудитории, удовлетворительно обеспеченные материальной частью. Правда, снабжение учебно-методическими пособиями по-прежнему оставляло желать лучшего, отсутствовало снабжение кафедры физической подготовки спортинвентарем [17. Л. 7].

Военная подготовка велась на 1–2-м курсах. В начале этого учебного года было проведено медицинское освидетельствование всех студентов этих курсов для определения их годности к прохождению военной подготовки и для формирования групп для занятий по физической подготовке. Было всего осмотрено 555 студентов (37 мужчин и 519 женщин). Негодными к военной службе со снятием с военного учета были признаны 58 студентов (22 мужчины и 36 женщин); признаны негодными к военной службе 53 студента (7 мужчин и 46 женщин). Годных к военно-строевой службе оказалось 428 (9 мужчин и 419 женщин).

К занятиям по физкультуре было допущено 436 человек (17 мужчин и 419 женщин) из 555, проходивших медицинское освидетельствование. Не допущенных к физической подготовке оказалось 69 человек (16 мужчин, 53 женщины). Профиль военной подготовки в ТГУ в связи с преимущественно женским составом был установлен: «медсестра» с количеством часов на физмате, спецфаке, биофаке, химфаке и геолого-почвенном факультете, определенным для вузов с 5-летним сроком обучения, а на геологическом и историко-филологическом факультете – с 4-летним обучением.

Программы военной и физической подготовки были рассчитаны на 30 учебных недель. В первом семестре были 17 учебных занятий по военной и физкультурной подготовке, которые в основном проходили удовлетворительно, хотя неблагоприятные общие условия отрицательно повлияли на учебный процесс. Так, в период больших холодов студенты целыми группами не являлись на занятия.

Кроме учебных занятий, проводилась массовая оборонно-спортивная работа совместно с ДСО «Наука» и оборонным сектором комитета ВЛКСМ. Работали следующие секции: лыжная, гимнастическая, бокса, легкой атлетики, шахматно-шашечная. За учебный год физкультурная организация ТГУ принимала участие во всех спортивных мероприятиях, проводимых областным и городским комитетом по делам физкультуры и спорта: в открытии зимнего сезона в первенстве города по лыжам, в областных соревнованиях по лыжному спорту, в лыжных соревнованиях на первенство Сибири, в комсомольско-профсоюзном лыжном кроссе, в закрытии зимнего спортивного сезона, в комсомольско-профсоюзном кроссе по легкой атлетике, в городских соревнованиях по легкой атлетике.

Во всех этих спортивных мероприятиях ТГУ имел хорошие показатели. Однако университет не имел нормального оборудованного спортзала и достаточного количества спортинвентаря, так как в Томске не было возможности его приобрести, а Наркомпрос РСФСР никакой помощи не оказывал. Все это сдерживало спортивно-массовую работу, поэтому приходилось ограничивать студентов занятиями в секциях [17. Л. 7 об. – 8].

Таким образом, в годы войны, несмотря на трудное положение, кафедра военно-физической подготовки (с 1944/45 учебного года – кафедра физического воспитания) ТГУ внесла существенный вклад в физическое развитие будущих специалистов, содействовала подготовке резервов для Красной армии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Государственный* архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 85. Д. 800.
2. *Выдрин Л.Г.* Каждый физкультурник – боец // Красное знамя (Томск). 1941. 20 июля.
3. *Выдрин Л.Г.* Все на лыжи! // Красное знамя (Томск). 1942. 1 февраля.
4. *Выдрин Л.Г.* Больше внимания лыжному спорту // Красное знамя (Томск). 1942. 1 марта.
5. *С верой* в Победу!: Томский университет в годы Великой Отечественной войны : сб. документов и воспоминаний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005.
6. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 34.
7. *Голиков В.И.* В едином строю: История военной кафедры, факультета военного обучения Томского государственного университета (1926–2006) / под ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во НТЛ, 2006. 624 с.: ил.

8. *Подвиг* их бессмертен: Судьбы студентов, аспирантов и сотрудников Томского государственного университета в годы Великой Отечественной войны / под ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Томский государственный университет, 2010. 232 с.: ил.
9. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 19. Д. 1.
10. *Государственный* архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 4. Д. 355.
11. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 964.
12. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 85. Д. 1058.
13. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 85. Д. 7395.
14. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 965.
15. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 22. Д. 18.
16. *Красное* знамя (Томск). 1944. 11 января.
17. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 969.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 20 февраля 2015 г.

ORGANIZATION OF MILITARY-SPORT TRAINING IN TOMSK STATE UNIVERSITY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 225-229. DOI 10.17223/15617793/394/36

Cherdantseva Raisa G., Afanasenkov Vladislav O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ffk@mail.tsu.ru; erpaison@gmail.com

Keywords: Tomsk State University; physical education; Great Patriotic War; students; history of Siberia; Vsevobuch, methods of teaching.

From the beginning of the Great Patriotic War, Tomsk State University (TSU), the oldest university behind the Urals, established the Department of Military-Sport Training instead of two Departments: Military and of Physical Education. L. G Vydrin was the head of it. The war required reconstruction of the educational process. On the basis of instructions of the Commissariat of Education of the USSR and the All-Union Committee of Higher Education from 25th June, 1941 "On restructuring of the university curriculum and accelerated training in wartime period", the study period at the university was reduced to three years. But in September, 1942 the five-year period was restored. The Department had to master the programs of military training of students, all-round physical development of students on the basis of the complex Ready for Labor and Defense, develop practical skills in military-applied exercises. Reorganization of the educational process was accompanied by mastering the Vsevobuch (Universal Military Training) program. Besides, the Department organized mass war-sports work among the students, research workers, auxiliary staff, workers and employees of TSU and trained public instructors in particular kinds of sports. Mass war-sports work was in progress with the councils of Nauka Voluntary Sports Society and OSOAVIAKhIM (Society for Facilitating Defense, Aviation and Chemical Construction) by organizing war circles and sectional work in particular kinds of sports. Male students of the first to third courses attended Vsevobuch. Men of the fourth course were released from it. Together with mass war-sports work in TSU there were some sports sections: skiing, gymnastic, basketball and volley-ball. War-sports work in the university was controlled by the Educational Office of the university and by municipal and public organizations. The development of war-sports training in the university was held back by the absence of the material base for improving skills. During the war the Department held different conferences to improve the qualification of the staff. Different educational and methodological questions, the connection of sport-mass work with the educational work of TSU were discussed at those conferences. Methods of skiing training were worked out in the conditions of the Great Patriotic War. The programs of war and physical training were calculated for 30 weeks. So, in spite of the difficult situation in the years of the Great Patriotic War, the Department of Military-Sport Training (the Department of Physical Education since 1944 / 45 academic year) of TSU made a valuable contribution to the physical development of future specialists, promoted preparation of reserves for the Red Army.

REFERENCES

1. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 85. File 800.
2. Vydrin L.G. Kazhdyy fizkul'turnik – boets [Each athlete is a soldier]. *Krasnoe znamya*, 1941. 20 iyulya.
3. Vydrin L.G. Vse na lyzhi! [All go skiing!]. *Krasnoe znamya*, 1942. 1 fevralya.
4. Vydrin L.G. Bol'she vnimaniya lyzhnomu sportu // Krasnoe znamya, 1942. 1 marta.
5. *S veroy v Pobedu!: Tomskiy universitet v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sbornik dokumentov i vospominaniy* [With faith in victory! Tomsk University in the Great Patriotic War: a collection of documents and memories]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2005.
6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 19. File 34.
7. Golikov V.I. *V edinom stroyu: Istoriya voennoy kafedry, fakul'teta voennogo obucheniya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (1926–2006)* [In a single line: the history of the Military Department, Faculty of Military Training at Tomsk State University (1926–2006)]. Tomsk: NTL Publ., 2006. 624 p.
8. Fominykh S.F. (ed.) *Podvig ikh bessmerten: Sud'by studentov, aspirantov i sotrudnikov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Their deed is immortal: Fate of students and employees of Tomsk State University in the Great Patriotic War]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2010. 232 p.
9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 19. File 1.
10. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-3. List 4. File 355.
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 964.
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 85. File 1058.
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 85. File 7395.
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 965.
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 22. File 18.
16. *Krasnoe znamya*, 1944. 11 January.
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 969.

Received: 20 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 230–238. DOI 10.17223/15617793/394/37

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 551.1/.4+528.7(571.65’62’56)

Б.П. Важенин

СЦЕНАРИИ ПРОРЫВА СЕЙСМОГЕННЫХ, ЛЕДНИКОВЫХ И ИНЫХ ПРИРОДНЫХ ПЛОТИН В ГОРНЫХ ДОЛИНАХ

С использованием материалов аэрокосмических съемок, в том числе из интернет-сервисов Google Earth и SASPlanet, а также полевых исследований проанализировано строение природных плотин разных генетических типов в горных долинах: сейсмогенных – обвальных, оползневых и тектонических, в виде конусов выноса, реликтовых моренных, ледниковых; вызывающих образование озёр и подпрудных бассейнов седиментации – фланговых и тыловых. Рассмотрены сценарии прорыва запруд, реализующиеся в природе. Плотины ранжированы по их устойчивости к разрушению в порядке: ледниковые, конусы выноса, обвальные, сейсмотектонические, моренные.

Ключевые слова: обвалы; ледники; морены; конусы выноса; горные долины.

Горные реки за тысячелетия их существования стремятся выработать продольный профиль равновесия долин. Однако ледники, оползни, обвалы, осыпи и сели осложняют решение этой задачи. Они нередко перегораживают долины, подпруживают поверхностный речной сток по ним и тем самым нередко вызывают образование подпрудных озёр, порой крупных – длиной в десятки километров. В геологическом масштабе времени такие запруды, надо полагать, эфемерны – эрозия не преминет когда-то их размыть. Содействие им в этом могут оказывать некоторые другие силы природы, например землетрясения, новые горные ледники, селевые потоки.

Морфология и прорыв природных плотин в горных долинах

Обвальные и оползневые плотины. В горных долинах при сильных землетрясениях нередко возникают сейсмогенные обвальные и оползневые плотины, которые затрудняют поверхностный сток, в результате чего появились подпрудные озёра: Сарезское и Яшилькуль на Памире, Рица и Казенойам на Кавказе, Кучерлинское на Алтае; *Голубое* (курсивом выделены географические объекты, исследованные автором не только дистанционно, но и в «поле»), оз. Обвал в Северном Приохотье; малые озёра *Орангутан* и Увязка в Бахапчинских горах, *Юрюн-Тас* в горах Черского (рис. 1) [1].

Обвальные сейсмогенные плотины являются довольно устойчивыми долговременными образованиями, поскольку они, как правило, занимают самый низкий гипсометрический уровень в долинах вблизи места их схода; формируются при высоких динамических условиях (скорость перемещения, давление, встряска), обеспечивающих дробление обваливающихся блоков горных пород до размерности глыб и щебня, уплотнение, распластывание и вписывание обвального тела в рельеф субстрата. Это в наибольшей степени относится к крупным скальным обвалам объемами свыше 1 млн м^3. Знаменитый Усойский обвал-оползень на Памире объемом 2,2 км^3, возникший при землетрясении 1911 г., имеет видимые горизонтальные размеры 3,7 × 4 км, а максимальную высоту более 730 м (рис. 1, *а*). Обвал, запрудивший другое памирское озеро Яшилькуль, простирается на 3,9 км по долине р. Аличур и на 1 км – поперек. Сейсмообвал *Улахан-Чистай-300* (здесь и далее число в названии гравитационного тела означает его объем в млн м^3) в одноименном хребте гор Черского на северо-востоке России имеет размеры 1,1 × 2,3 км и высоту над погребенным тальвегом ~360 м (рис. 1, *б*). Плащевидное обвальное тело *Чул-300* в Туманском хр. Северного Приохотья, запрудившее долины *р. Чул* и двух ее левых притоков, имеет размеры 2,2 × 2,3 км при мощности до 50–100 м. Обвал, подпрудивший Кучерлинское озеро на Алтае, имеет размеры 1,1 × 1,4 км и высоту до 250 м.

Устойчивость скальных оползней несколько ниже, так как ниже динамические условия их формирования, не обеспечивающие полного дробления смещающихся со склона масс горных пород до обломков размерности глыб и щебня, вписывание их в рельеф субстрата, и достижение наинизшего гипсометрического уровня в долине на пути их смещения. Порой они «зависают» на выположенных участках склона и могут сместиться вниз, например под воздействием нового сильного землетрясения.

На участке долины, расположенном выше завала, возникает подпрудный бассейн седиментации, в котором отлагается бóльшая часть влекомых водотоком наносов (рис. 1). При этом достаточно крупного подпрудного озера там ныне может и не быть (рис. 1, *б*). Его водный баланс, регулирующий заполнение и спуск озера, является функцией расхода воды блокированного водотока, фильтрационной способности завала и времени существования запруды. Бассейны седиментации различаются по величине и форме в зависимости от направления схода гравитационного тела – либо вдоль, либо поперек долины. Крупные удлиненные бассейны седиментации возникают при поперечном смещении гравитационных тел (рис. 1, *а–в*). По площади они стремятся к величине площади блокированного водосбора, но не достигают этого предела. Величина их зависит от места схода гравитационных тел. При блокировании долины в низовьях реки

площадь водосбора и, соответственно, бассейна седиментации будет больше, чем если это произойдет в ее верховьях. Так, например, срыв Усойского обвала-оползня вызвал образование Сарезского озера длиной свыше 75 км, являющегося, по сути, огромным подпрудным бассейном седиментации (рис. 1, *а*) в низовьях р. Мургаб (Бартанг). Несколько меньше (длиной 18,6 км) подпрудный бассейн другого крупного памирского озера Яшилькуль, возникшего при обвале в долине р. Аличур ранее XIII в.

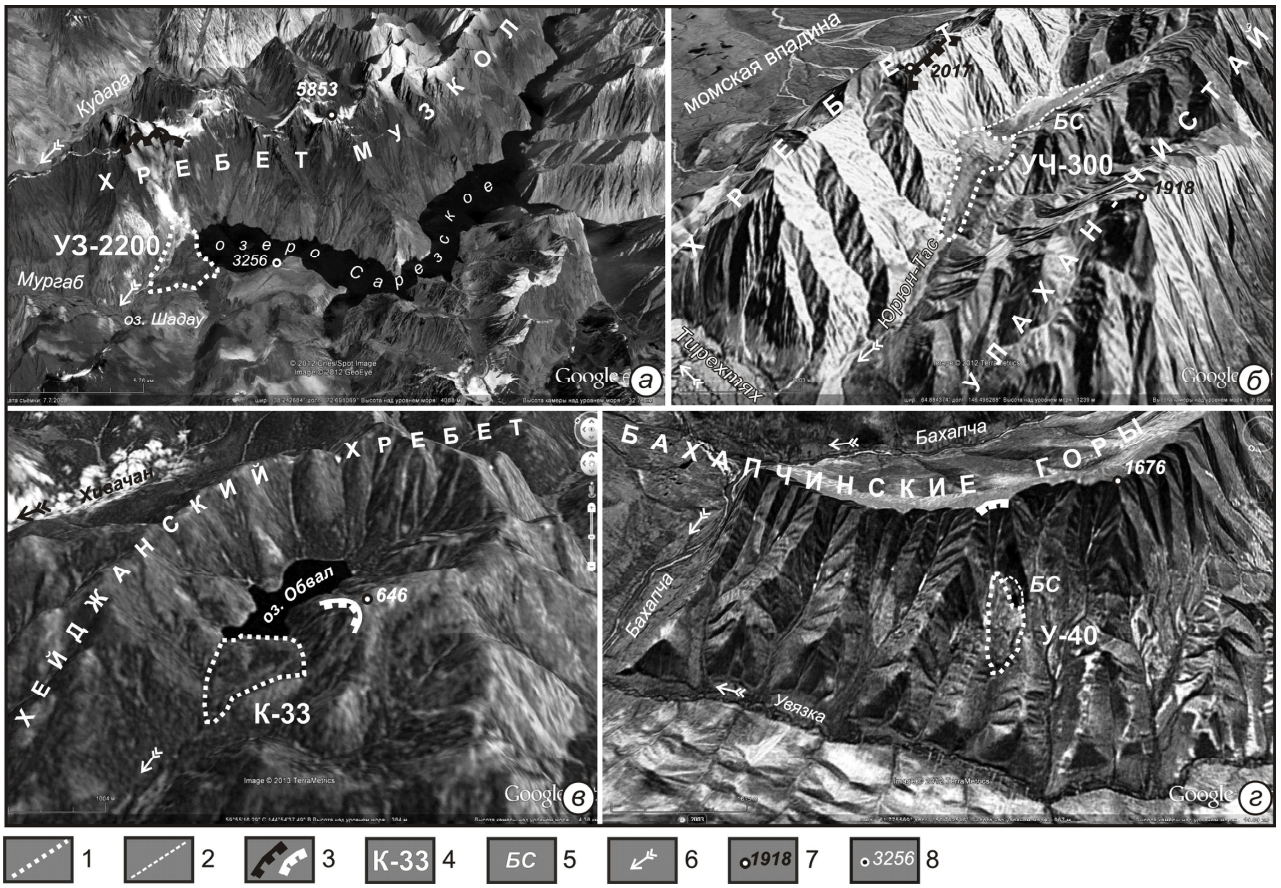

Рис. 1. Обвальные и оползневые плотины в горных долинах: *а* – на Памире, *б* – в горах Черского, *в*, *г* – в Северном Приохотье. *1* – контуры крупных (объемами свыше 1 млн м^3) скальных обвалов и оползней; *2* – контуры подпрудных бассейнов седиментации; *3* – бровки стенок срыва и ниш отрыва крупных обвалов и оползней; *4* – индексы обвалов и оползней, где буквы означают их названия: УЗ – Усойский завал, УЧ – *Улахан-Чистай*, К – Кумалкан, У – Увязка, а числа – их объемы в млн м^3; *5* – подпрудные бассейны седиментации; *6* – здесь и далее – направления поверхностного стока вод; *7* – здесь и далее – абсолютные отметки горных вершин в метрах; *8* – здесь и далее – абсолютные отметки уреза вод в метрах

Подпрудный бассейн на фланге сейсмообвала *Улахан-Чистай-300* имеет длину до 3 км и ширину около 0,5 км при длине блокированной долины выше завала около 6 км (рис. 1, *б*). Нижняя его часть (у левого фланга завала) длиной 1 км выстлана с поверхности супесчано-песчаными отложениями, верхняя представлена длинными песчано-гравийно-галечными пролювиально-селевыми конусами выноса. В подпрудном бассейне за время существования завала – около 4 тыс. лет – накопилась толща рыхлых отложений мощностью 140 м [1. С. 148]. В подпрудном бассейне у верхнего бьефа завальной плотины располагаются два небольших озерка размером до 100 м – предполагаемые остатки, возможно, существовавшего ранее более крупного подпрудного озера. Вода из них в виде воронкообразных водоворотов «уходит» под отложения бассейна седиментации и завала. Превышение низшей части гребня завала (в его тылу) над поверхностью бассейна седиментации составляет 50 м. Отсутствие следов её обработки водным потоком является свидетельством спуска предполагаемого озера не посредством перелива воды через запруду, а фильтрацией сквозь неё. Вода из подпрудного бассейна, просачиваясь сквозь завал, выходит на его правом фланге тремя мощными источниками, преодолев путь в его толще длиной 750, 1 100 и 1 600 м.

При срыве оползня или обвала в направлении, совпадающем с осью долины, что может быть только в ее верховьях, выше них – в тылу – образуются небольшие по площади, обычно изометричные в плане «тыловые» подпрудные бассейны, названные так в отличие от упомянутых ранее крупных и продолговатых – «фланговых». Примерами могут служить бассейны седиментации при сейсмообвалах *Сфинкс-150, Туманы-42, Уптар-16-37, Угловой-24, Оло-24*, Увязка-40 (рис. 1, *г*).

Из многих десятков изученных на северо-востоке России [1] долин с крупными сейсмозавалами лишь незначительная часть имеет ныне подпрудные озёра: *Орангутан* в Бахапчинских горах, *Голубое*; озеро с

говорящим названием Обвал в Северном Приохотье (рис. 1 *в*); озёра в тылу обвалов *Угловой-24* в горах *Елау*, *Сфинкс-150* и Увязка-40 в Бахапчинских горах, *Чул-300* в Северном Приохотье и у верхнего бьефа завала *Улахан-Чистай-300* (рис. 1, *б*) в одноименном хребте гор Черского.

Крупнейшие из них – озёра «фланговых» бассейнов седиментации: Обвал длиной 1 760 м (рис. 1, *в*) и *Голубое* – 520 м. *Голубое* образовалось в результате обрушения с правого борта устьевой части долины *руч. Голубой* (длиной 6,5 км) сейсмообвала *Голубой-20* размером около 0,6 × 1 км, высотой до 120 м. Ограниченная фильтрация воды сквозь завал, обеспечившая возникновение сравнительно большого озера при незначительном водосборе, обусловлена, вероятно, присутствием в теле завальной плотины помимо глыб и щебня еще и какого-то количества более водоупорных отложений конечной морены палеоледника Голубой и боковой морены палеоледника Светлый (имевшего длину 19,6 км).

Более крупное оз. Обвал, имеющее еще меньший водосбор, обязано своим существованием, по-видимому, тому, что запружено не хорошо проницаемым для воды обвалом, а оползнем (размером около 0,68 × 1 км) со слабо раздробленными скальными блоками в его теле, что угадывается в рельефе его поверхности, читаемом по стереомодели на космоснимках в интернет-сервисе Google Earth.

Прорыв обвальных плотин. При наличии достаточно мощного речного стока, блокированного обвалом, происходит его размыв за счет суффозии, довольно интенсивно протекающей в теле завала, сложенного грубообломочным трещиноватым материалом (глыбами и щебнем) со сравнительно небольшим количеством мелкоземистого заполнителя. Интенсивность суффозионного размыва усиливается резкой неравномерностью гранулометрического состава тела завала, которая создает каналы подземного стока с чередующимися расширениями и сужениями, благодаря чему из сужений, где повышается напор воды, легко вымывается мелкозем и, тем самым, пропускная способность завала возрастает. На поверхности завалов над каналами стока вод происходит просадка поверхности с образованием суффозионных ложбин. Такие ложбины наблюдаются на многих завальных плотинах, исследованных дистанционно и в «поле»: *Улахан-Чистай-300* (рис. 1, *б*), *Чул-300*, *Сфинкс-150, Туманы-42*, *Уптар-16-37*, *Угловой-24, Оло-24*, *Голубой-20*, Увязка-14 (рис. 1, *г*), Яшилькуль [1].

С течением времени за счет вымывания из тела обвала мелкоземистого заполнителя и более крупных гранулометрических фракций (пожалуй, до щебня включительно) и просадок глыб происходит превращение суффозионной ложбины в суффозионно-эрозионный каньон V-образного поперечного профиля с крутыми осыпными бортами и со значительным поверхностным стоком воды по нему. Это превращение возможно, разумеется, лишь при некоем достаточном расходе воды в блокированной завалом реке. Такой процесс реализован, например, в долине *р. Чул* (приток *р. Туманы*, бассейн Охотского моря) – горного водотока III порядка, шириной 20–30 м и длиной от завала до истоков 17 км (рис. 2). Во фронтальной части плащевидного обвала-потока *Чул-300*, перегородившей долину более 2 000 лет тому назад, образовался суффозионно-эрозионный каньон длиной около 1,5 км, шириной 70–100 м и глубиной до 60 м [1. С. 160–164]. Такие каньоны наблюдаются на обвалах *Туманы-42*, *Юрюн-Тас-50* [1. С. 147, 148, 164]. Не завершилось еще формирование каньонов на обвалах *Улахан-Чистай-300*, *Сфинкс-150*, *Уптар-16-37*, *Угловой-24*, где верхние части каналов стока фильтрующихся вод выражены в рельефе суффозионными ложбинами, а низовья – суффозионно-эрозионными каньонами. Обвалы неплохо блокируют сток влекомых наносов в подпрудных бассейнах седиментации. Ниже них по течению формируются аккумулятивные шлейфы из продуктов размыва завалов. При врезании водотоков в такие шлейфы и в отложения подпрудных бассейнов с течением времени образуются сейсмогенно стимулированные уровни речных террас, как это наблюдается у обвала *Чул-300* и Усойского завала.

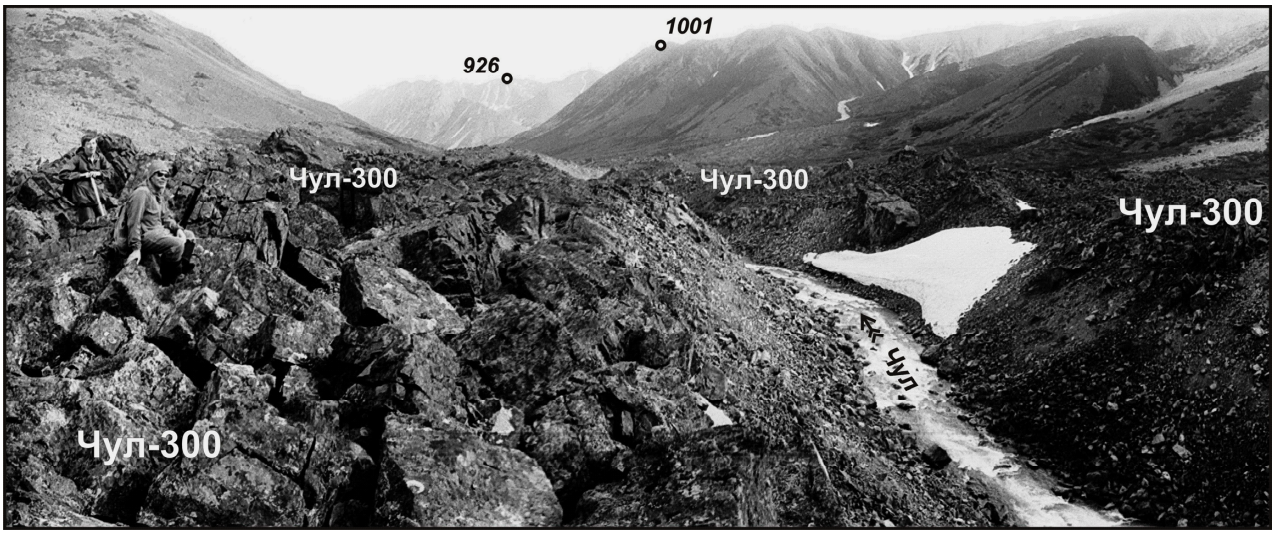

Рис. 2. Суффозионно-эрозионный каньон, прорезанный р.Чул во фронтальной части обвала *Чул-300* в Туманском хребте

Тектонические и сейсмотектонические запруды. Менее известны озёра, возникшие в результате полной или частичной запруды горных долин вследствие их деформаций обычно сейсмогенными сбросовыми и взбросовыми уступами, а также вертикальными и горизонтальными подвижками блоков земной коры размерами около первых километров: Амткел на Кавказе, *Дарпир*, Такалыр *и пра-Нуке* на северо-востоке России (рис. 3).

Озёра *Дарпир* (рис. 3, *б*; 4, *б*) и Такалыр (рис. 3, *б*, *в*) запружены сбросовыми (взбросовыми) уступами с их падением в направлении противоположном стоку воды, что обеспечивает высокую устойчивость к прорыву дамб из коренных скальных пород, слагающих днища долин. *Оз. Дарпир* дополнительно к этому подпружено крупными пролювиально-селевыми конусами выноса в долине *р. Дарпир-Сиен* (рис. 4, *б*), что позволяет ему поддерживать уровень воды глубиной около 75 м (по данным начальника *метеостанции Дарпир* Колымского УГМС А.Н. Кочетова), несмотря на брешь в уступе крупного сбрососдвига *Дарпир*, пробитую оперяющим его разломом, трассирующемся по долине *р. Дарпир-Сиен* [1. С. 152–156].

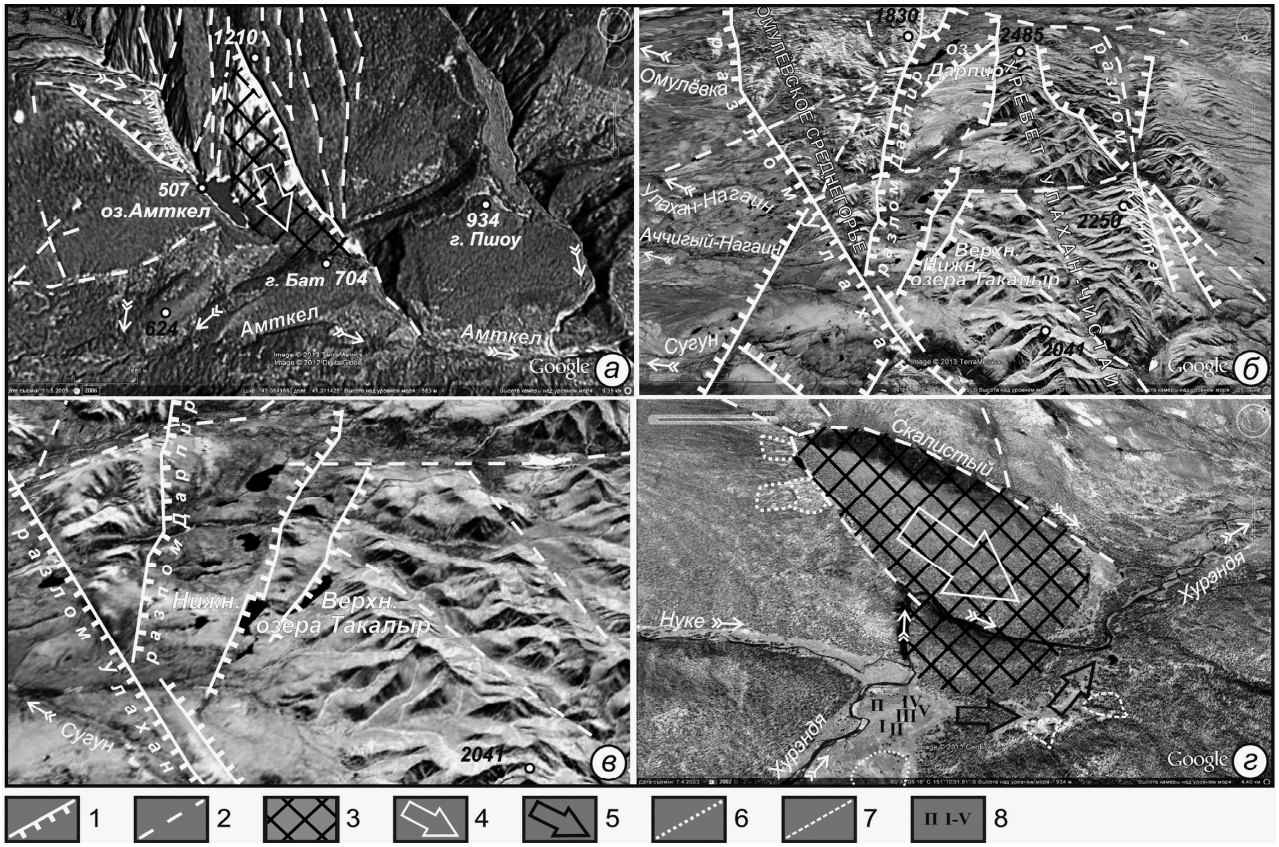

Рис. 3. Тектонические и сейсмотектонические запруды горных долин: *а* – оз. Амткел в Абхазии; *б*, *в* – озёр *Дарпир* и Такалыр в горах Черского; *г* – долины *р. Хурэндя* в Северном Приохотье. *1* – сбросовые и взбросовые уступы, местами со сдвиговой составляющей; *2* – разломы без заметной вертикальной составляющей, в том числе и раздвиговые; *3* – блоки горных пород, сместившиеся по вертикали и горизонтали; *4* – направления горизонтального смещения блоков; *5* – брошенный участок долины *р. Хурэндя*; *6* – контуры малых (объемами < 1 млн м^3) оползней; *7* – контуры пролювиально-селевых конусов выноса; *8* – пойма и надпойменные террасы на месте бывшего подпрудного озера *пра-Нуке*, сформировавшиеся за счет среза *р. Хурэндя* при спуске её вод через раскрывающуюся и промываемую расщелину

Оз. Амткел возникло после сильного землетрясения 1891 г. [2. С. 7–9] в результате просадки с амплитудой около 100 м блока горных пород размером 1,2 × 3 км в левом борту долины р. Амткел (рис. 3, *а*). Величина просадки оценивается по резкости и выдержанности по высоте сбросового уступа (вдоль всей его 3-километровой длины), послужившего сместителем этого блока и стыкующегося с расщелиной (глубиной более 250 м) между гг. Бат и Пшоу. При этом блок сместился, вероятно, на несколько десятков метров к югу, перекрыв собой свободный сток воды по долине р. Амткел. Из новообразованного сбросового уступа на поверхность блока рухнул обвал из глыб известняка размером до 30 м и более. Объем его оценен иркутскими сейсмогеологами в 100 млн м^3 [Там же. С. 7]. Они, однако, посчитали основной причиной возникновения запруды сход этого обвала. Однако столь крупный обломочный материал, слагающий обвальные запруды, да еще и известняковый, обладает высокой фильтрационной способностью, что не обеспечивает, как правило, образование крупного долговременного подпрудного озера [1. С. 37–68]. Кроме того, глыбы покрывают довольно равномерным по мощности слоем всю поверхность блока вплоть до его самой верхней части у горы с отметкой 1 210 м (рис. 3, *а*), тогда как стенка срыва классических обвалов (обычно сравнимая по площади с самим обвальным телом) всегда свободна от обломочного

материала (рис. 1, *а–г*). Наиболее вероятно, что подземный сток из озера осуществляется по трещинам (а возможно, и по карстовым пустотам) у южной периферии сместившегося блока и отчасти сквозь обвальное тело.

Еще один пример запруды за счет горизонтального смещения блока земной коры наблюдается в Северном Приохотье (рис. 3, *г*). *Река Хурэндя* (водоток IV порядка, приток р. Малтан, бассейн р. Колыма) без видимых причин «бросила» свою хорошо разработанную долину шириной около 0,5 км по днищу и «ушла» в гору по Г-образному в плане и V-образному в поперечном сечении ущелью в коренном левом борту [1. С. 175–178]. Длина ущелья около 1,15 км, глубина – до 50–70 м, ширина по бровкам обрывистых склонов – около 60–90 м, а по днищу, практически полностью занятому руслом реки, – 15–20 м. Ущелье имеет типичный облик сейсмотектонической расщелины. Возраст его определяется как позднеплейстоценовый-голоценовый – по разрыву им позднеплейстоценовой морены, выстилающей маломощным чехлом пологие склоны и низкие водоразделы, а также по отсутствию следов ледниковой денудации и аккумуляции в самом ущелье. Ущелье отсекает от ограниченного крутыми обвально-осыпными склонами блока коренных пород размером 2,1 × 1,4 км в левом борту долины *р. Хурэндя* близ устья *руч. Нуке* фрагмент поперечником до 0,6 км. Формирование ущелья и перехват им речного стока непротиворечиво объясняются сейсмогенными подвижками (или подвижкой) этого сейсмоблока – НУКЕ-1,5 [Там же. С. 70–72] – к востоку в долину *р. Хурэндя*, сопровождавшимися расколом его на две неравновеликие части, сходом оползней объемами до 1 млн м^3 с пологих склонов и селевой подпрудой днища долины за счет выносов из долин двух правых притоков *р. Хурэндя*. При этом возникло существовавшее некоторое время подпрудное озеро *пра-Нуке*, следы которого сохранились в рельефе в виде серии из шести уровней террас, образовавшихся за счет вреза *р. Хурэндя* в отложения бывшего подпрудного озера *пра-Нуке* при его спуске через раскрывающуюся и промываемую расщелину.

Прорыв тектонических и сейсмотектонических дамб, обладающих максимальной устойчивостью к речной эрозии, тем не менее, нередко происходит, как это демонстрируют пример уже прорванной запруды долины *р. Хурэндя* (рис. 3, *г*) и незавершившийся такой же процесс у озёр *Дарпир* (рис. 3, *б*; 4, *б*) и Амткел (рис. 3, *а*). Здесь решающую роль играют новообразованные тектонические и сейсмотектонические разломы.

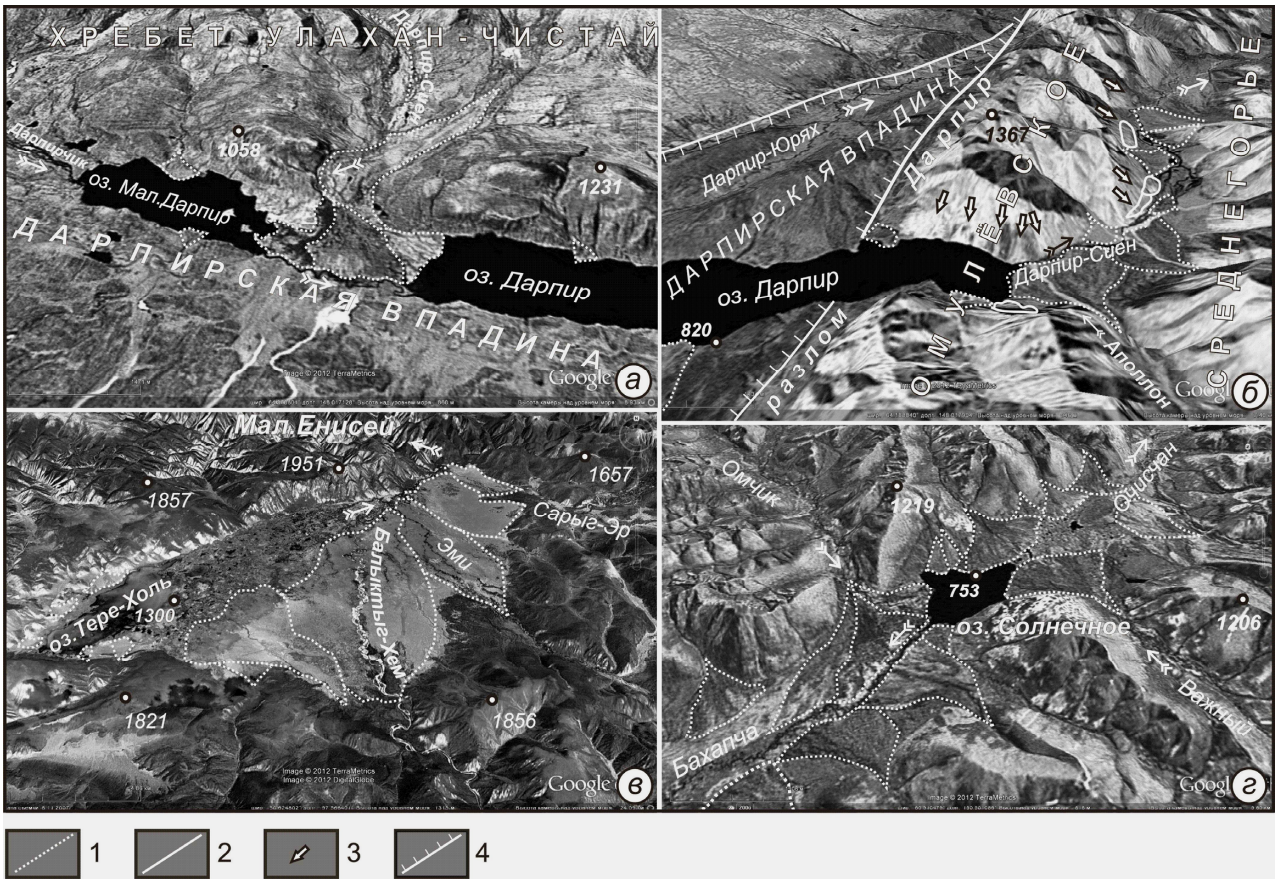

Рис. 4. Подпруда горных долин пролювиально-селевыми конусами выноса: *а* – разделение озёрного водоема конусом выноса (радиусом 2 км) *р. Дарпир-Сиен* на два озера – *Дарпир* и *Мал. Дарпир*; *б* – частичная подпруда *оз. Дарпир* конусом выноса (радиусом 1,8 км) *руч. Аполлон* и серией других таких же в долине *р. Дарпир-Сиен*; *в* – подпруда стока из оз. Тере-Холь в Терехольской впадине серией крупных (радиусом до 15 км) пролювиально-селевых конусов выноса; *г* – блокирование сквозной долины в водоразделе *рр. Бахапча* и *Армань* в Северном Приохотье с двух сторон с образованием оз. Солнечное. *1* – контуры пролювиально-селевых конусов выноса; *2* – контуры скальных обвалов объемами в первые млн м^3; *3* – направления схода обвально-осыпных конусов выноса; *4* – крупные сбросовые уступы высотой до 1 000 м

Пролювиально-селевые и обвально-осыпные конусы выноса могут производить частичную подпруду горных долин и внутригорных впадин. Обвально-осыпные конусы эту роль исполняют редко, поскольку залегают обычно у подножий смещающих склонов, блокируя только узкие долины с V-образным поперечным профилем, которые составляют преимущественно верхние звенья эрозионной сети с незначительным расходом водотоков. При частичной подпруде горных долин крупными (радиусом в километры – первые десятки километров) пролювиально-селевыми конусами выноса существуют озёра: *Дарпир* и *Мал. Дарпир* в Омулевском Среднегорье гор Черского; оз. Солнечное, Эликчанские озёра в Северном Приохотье; оз. Байкалёнок в Северо-Западном Приохотье; оз. Тере-Холь в Тыве (рис. 4).

Пролювиально-селевые конусы выноса (радиусом до первых десятков километров) распластываются по выположенным участкам днищ долин и внутригорных впадин, достигая их противоположных бортов, чем затрудняют водный сток по ним. Но эффективно блокировать его они не могут ввиду их сравнительно высокой проницаемости, определяемой преимущественно песчано-гравийно-галечным составом. Особенно широко они развиты в перигляциальных зонах позднеплейстоценовых оледенений и в плейстосейстовых областях сильных древних землетрясений. И ледники, и землетрясения поставляют в гидросеть большое количество грубообломочного материала, из которого водотоки, вышедшие на выположенные участки долин и впадин, и создают обширные конусы выноса. Примером таких образований может служить устьевой конус выноса (радиусом 1,8 км) 8-километрового *руч. Аполлон*, подпрудивший *р. Дарпир-Сиен*, вытекающую из *оз. Дарпир* (длиной до 12 км) в Омулевском Среднегорье гор Черского (рис. 4, *б*). Поскольку глубина *оз. Дарпир*, «сидящего» на одноименном крупном региональном разломе, превышает 75 м, а мощность отложений в дистальных частях таких конусов выноса едва ли достигает 10 м, то главную роль в возникновении *оз. Дарпир* играет тектонический фактор. Но некоторое повышение уровня озера всё же обеспечивается подпрудой этим и еще пятью такими же конусами, расположенными на 8-километровом участке долины *р. Дарпир-Сиен* ниже озера [1. С. 152–156]. Устьевой конус выноса радиусом 2 км верхней части *р. Дарпир-Сиен* разделяет когда-то бывшую единой озёрную чашу на два водоема *Дарпир* и *Мал. Дарпир* (рис. 4, *а*). Особенно крупные конусы выноса радиусами 15, 13 и 10 км выстилают две трети площади плоского днища внутригорной Тере-Хольской впадины (размером 18 × 34 км) в Тыве, подпруживая мелководное оз. Тере-Холь в истоках Малого Енисея (рис. 4, *в*). Здесь их роль в возникновении озера можно считать ведущей.

Прорезание подпруд в виде конусов выноса происходит, очевидно, довольно плавно и синхронно с поступлением новых порций обломочного материала, наращивающего конусы выноса в длину и по вертикали. Оно локализуется практически исключительно на их дистальных концах, где мощность пролювия ниже из-за «растекания» его веером от вершины к периферии конуса (рис. 4).

Древнеледниковые моренные запруды. Множество крупных (размером до 10 км и более) подпрудных озёр образовалось в результате деградации горно-долинного оледенения: Лаго-Маджоре, Комо, Гарда в Итальянских Альпах; Лама, Кета, Хантайское на плато Путорана; Лабынкыр в хр. Сунтар-Хаята; Табанда, *Джека Лондона*, Малык, Момонтай, Уи в горах Черского; Макси, Киси в Северном Приохотье; Коолен на Чукотке; *Азас*, Маны-Холь, Ноян-Холь в Тыве и др. (рис. 5). Здесь роль плотин играют реликтовые древнеледниковые морены – чаще конечные. Реже блокируют водный сток в пределах горных долин береговые морены с образованием небольших (размером до 1 км и более) озёр, например: в бассейне *руч. Дядя Ваня*, а также озёра *Мечта*, *Серая Чайка* и др., расположенные севернее *оз. Танцующих Хариусов* (рис. 5, *б*).

Возникновение «эффективных» (с образованием крупных озёр) моренных запруд происходило не только в долинах мощных ледников, обладавших высокой экзарационной и аккумулятивной способностью, но и в местах вертикальных тектонических движений переменного знака, благоприятных для возникновения водоемов. Таковы крупные ледниково-тектонические озёра южного склона Альп: Лаго-Маджоре, Комо, Гарда с площадью водного зеркала 212, 146 и 370 км^2 соответственно [БСЭ, 3-е изд.]. Их глубины – 370, 410 и 346 м – значительно превышают мощность подпруживающих конечных морен. Озёра *Джека Лондона*, Лабынкыр и Малык (рис. 5, *б–г*) подпружены конечными моренами длиной 11, 10 и 16 км, шириной 3, 6,31 и 6,25 км. Много более мощные конечно-моренные комплексы шириной в десятки километров подпруживают крупные озёра на западе плато Путорана (рис. 5, *а*).

Аномально мощные моренные подпруды могут возникать в плейстосейстовых областях древних сильных землетрясений в результате поступления на ледники обильного обломочного материала при сходе крупных сейсмогенных обвалов, оползней, осыпей, как это произошло, например, после Аляскинского землетрясения 1964 г. в горах Чугач и Святого Ильи [3. С. 292–299; 4. С. 73]. Тогда на поверхность ледников обрушилось более десятка только крупных обвалов объемами свыше 1 млн м^3, которые по прошествии почти 50 лет превратились в поверхностные морены, а некоторые, как на леднике Шерман в горах Чугач, уже трансформируются в конечно-моренные валы [1. С. 47].

Ввиду медленной транспортировки в теле и на поверхности ледников обломочный материал, вследствие многократных фазовых переходов воды, трения обломков друг об друга и о субстрат, дезинтегрируется по имевшимся трещинам на фрагменты, практически лишенные трещин; окатывается с образованием большого объема мелких гранулометрических фракций и сгружается в области абляции, формируя конечные морены. Эти образования у ледников длиной в десятки километров состоят из несортированного обломочного материала разных гранулометрических

фракций и потому обладают слабой фильтрационной способностью, о чем свидетельствует наличие многочисленных крупных и малых озёр при конечно-моренных комплексах (рис. 5).

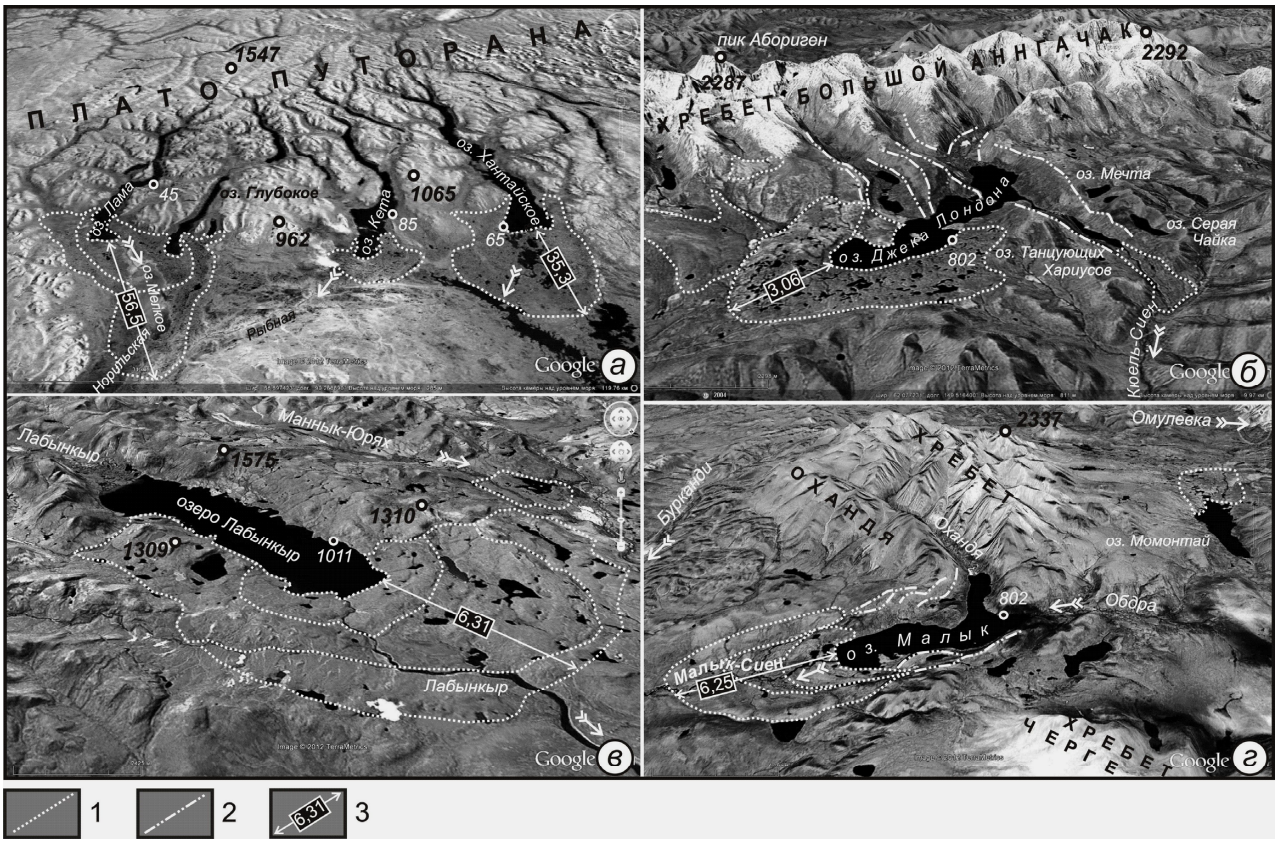

Рис. 5. Запруды горных долин реликтовыми моренами позднеплейстоценовых ледников: *а* – на плато Путорана; *б*, *г* – в горах Черского; *в* – в хр. Сунтар-Хаята. *1* – контуры конечно-моренных комплексов; *2* – хорошо выраженные в рельефе валы береговых морен; *3* – ширина конечно-моренных комплексов в километрах

Прорыв древнеледниковых моренных плотин. Крупные озёра после деградации горно-долинного оледенения остаются не во всех долинах, подпруженных моренами. Это наблюдается, в частности, в местах выхода языка долинного ледника на подгорную равнину или в широкую межгорную впадину, где экзарационное выпахивание ложа ледника заметно ослабевает, а мощность отложений конечно-моренного комплекса становится недостаточной для эффективной подпруды обильного водного стока. Такая ситуация хорошо выражена в долине позднеплейстоценового палеоледника Нярка длиной 27 км в Северном Приохотье, оставившего при отступании серию из пяти узких (до 50–100 м шириной) конечно-моренных дуг длиной до 8,7 км, вложенных одна в другую. И все они прорезаны руслом р. Нярка (бассейн Вилиги, впадающей в Охотское море) шириной до 30–40 м. А каких-либо следов спущенного подпрудного озера на материалах дистанционных съемок здесь не наблюдается. Следовательно, прорезание каждой из этих дуг происходило во время существования ледника – по мере его отступания.

Водоупорность конечно-моренных отложений крупных горных ледников не позволяет воде из подпрудных бассейнов фильтроваться сквозь тела таких плотин. Размыв их осуществляется за счет перелива воды через них и идет, как правило, довольно медленно – без перехлестывания через их гребни, поскольку они обычно довольно длинны и высота их не столь постоянна по длине, как у искусственных плотин. Поэтому поверхностный сток быстро локализуется в каком-то одном месте и регулируется величиной сечения прорана и притоком воды в озеро. Об этом свидетельствует анализ многочисленных материалов аэро- и космических съемок моренных запруд (рис. 5). Высокодинамичный спуск древнеледниково-тектонических озёр еще менее вероятен. Кроме того, следует учитывать и обычно очень большую ширину конечно-моренных дуг и, тем более, комплексов, измеряемую километрами и десятками километров, а также пологость их склонов, придающих им огромный запас устойчивости к внезапному прорыву.

Современные ледниковые запруды. Более редки озёра, подпруженные действующими ледниками: Мерцбахера на Тянь-Шане вблизи пиков Победы и Хан-Тенгри; небольшие озёра (размером до 1,5 км) в Рушанском хребте на Памире, сравнительно крупные озёра в горах Чугач на Аляске (рис. 6).

Озёра, подпруженные глетчерным льдом, могут возникать большей частью в местах слияния притоков с главными стволами сложных долинных и дендритовых ледников [3. С. 27]. Таковы небольшие озёра в Рушанском хребте на Памире (рис. 6, *в*). Также блокировать водный сток способны пульсационные по-

движки ледников с образованием озёр, таких как Берг и Софрон на флангах ледника Стеллер (притока ледника Беринга – крупнейшего в горах Чугач и в Северной Америке). На правом фланге ледника Майлс (рис. 6, *г*) располагается такое же оз. Ван Клив, почти спущенное ныне (космоснимок Google Earth, 2006 г.). А ранее этот ледник даже перекрывал своим языком долину (шириной более 6 км по днищу) большой аляскинской р. Коппер и подпруживал оз. Майлс размером 6,5 × 9 км. Оз. Мерцбахера располагается на поверхности ледника Сев. Иныльчек перед слиянием его с ледником Южный Иныльчек (рис. 6 *а*, *б*).

Прорыв ледниковых плотин происходит наиболее динамично. Оз. Мерцбахера, возникшее в XIX в., состоит из двух водоемов, разделенных ледовой перемычкой, и имеет общую длину до 2,6 км при ширине до 1 км. Дважды в год (летом и зимой) происходит полный сброс воды из нижней части в долину р. Иныльчек (рис. 6, *а*, *б*). Прорыв осуществляется в течение 2–7 суток с расходом сброса воды до 1 000 м^3/с [5]. По-видимому, не менее динамичен (если не катастрофичен) прорыв упомянутых аляскинских озёр Майлс и Ван Клив (рис. 6, *г* [3. С. 293–294]).

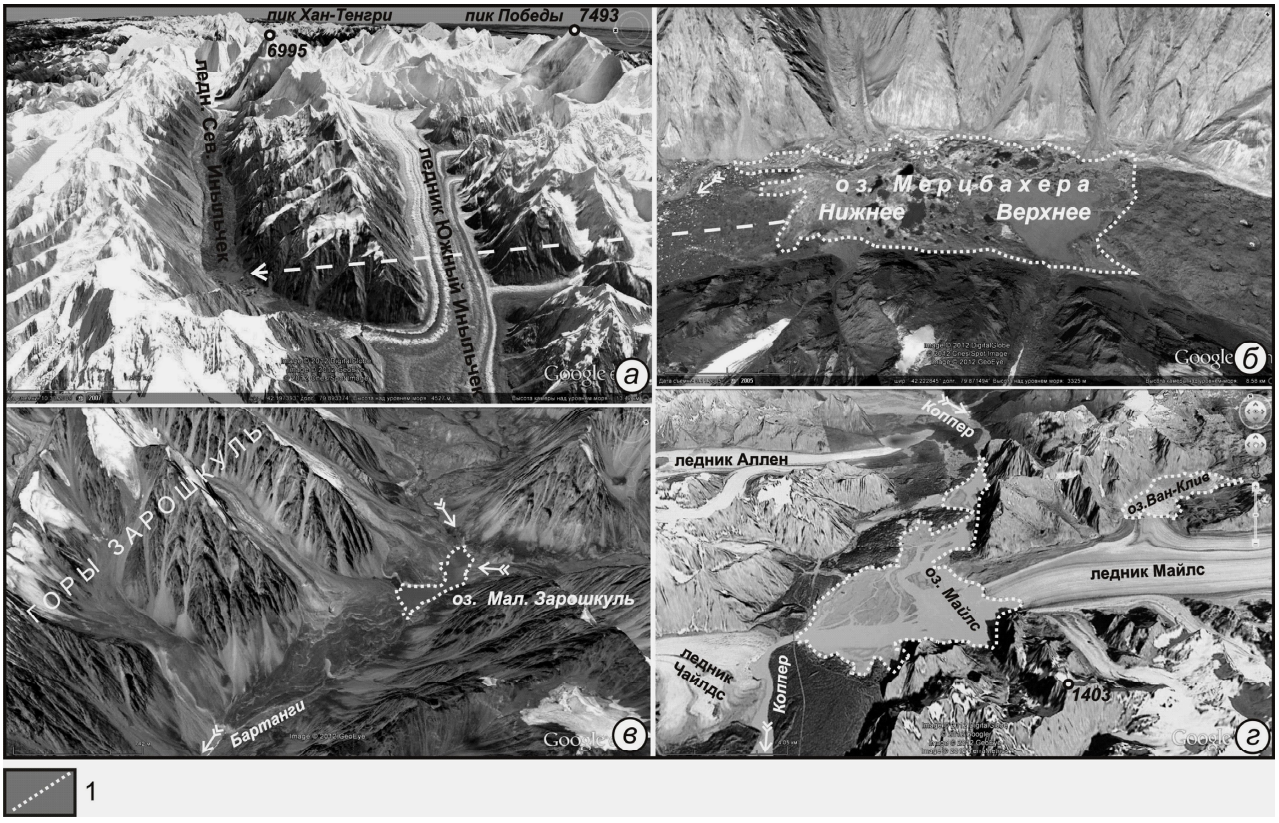

Рис. 6. Подпрудно-ледниковые озёра: *а*, *б* – в горах Тянь-Шань; *в* – в Рушанском хребте на Памире; *г* – в горах Чугач на Аляске. *1* – береговые линии озёр при максимальных уровнях

Выводы

Из пяти разновидностей природных запруд наиболее эфемерны и динамичны собственно ледниковые. На примере оз. Мерцбахера видно, что они способны как быстро и многократно разрушаться, так и восстанавливаться.

Пролювиально-селевые конусы выноса могут лишь отчасти подпруживать речной сток и легко размываются по наиболее слабому месту на их периферии.

Обвальные плотины, благодаря высокой фильтрационной способности, могут сохраняться в течение тысячелетий, существенно преобразуясь только над каналами стока подпруженных вод.

Тектонические и сейсмотектонические дамбы могли бы претендовать на звание «рекордсмена» по устойчивости к речной эрозии, если бы не тесная генетическая связь процессов созидания таких запруд и их сейсмотектонического прорыва.

Наиболее устойчивы широко распространенные конечно-моренные плотины – благодаря своей большой ширине, пологости поперечного профиля, водоупорности и сочетанию с подпрудой за счет тектонических движений и экзарационного выпахивания ложа водоемов.

В оживленной дискуссии в прессе и Интернете о возможности катастрофического прорыва Усойского завала, например, вследствие обрушения в Сарезское озеро Правобережного оползня объемом около 1,25 км^3 [6. С. 183–194] забывают как-то о результате, если можно так выразиться, «природно-технического эксперимента» при обрушении в 1963 г. в водохранилище Вайонт в Итальянских Альпах оползня объемом около 260 млн м^3 с образованием выплеска высотой около 250 м, при котором бетонная арочная плотина – «скорлупка» – высотой 262 м устояла [5]!

ЛИТЕРАТУРА

1. *Важенин Б.П.* Принципы, методы и результаты палеосейсмогеологических исследований на северо-востоке России. Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2000. 205 с.
2. *Хромовских В.С., Солоненко В.П., Жилкин В.М. и др.* Сейсмогенные структуры и некоторые закономерности сейсмотектонического развития Западного Кавказа // Современные сейсмодислокации и их значение для сейсмического микрорайонирования. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 5–14.
3. *Долгушин Л.Д., Осипова Г.Б.* Ледники. (Природа мира). М. : Мысль, 1989. 447 с.
4. *Апродов В.А.* Зоны землетрясений. (Природа мира). М. : Мысль, 2000. 461 с.
5. *Википедия.* Свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org
6. *Папырин Л.П.* Сарезская катастрофа: геофизический прогноз // Геофизика XXI столетия. М. : Научный мир, 2001. С. 183–194.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 25 февраля 2015 г.

DESTRUCTION SCENARIOS FOR SEISMOGENIC, GLACIAL AND ANY OTHER NATURAL DAMS IN MOUNTAIN VALLEYS

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 230-238. DOI 10.17223/15617793/394/37

Vazhenin Boris P. North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, FEB RAS (Magadan, Russian Federation). E-mail: vazhenin@neisri.ru

Keywords: rock falls; glaciers; moraines; talus cones; mountain valleys.

The structural types and destruction scenarios of natural dams, which differ by their genesis, are examined using the Google Earth and SASPlanet data and the author's field study results. As it is established, landslide and rock fall dams of seismic origins serve as the barriers for Sarezskoye and Yashilkul Lakes in the Pamirs, Ritsa and Kazenoyam Lakes in the Caucasus, Kucherlinskoye Lake in Altai, and Goluboye Lake in the northern Priokhotye. Typical rock falls consist of boulders and rubble rocks and have a high filtering capacity, and, as a result, they are subject to a rapid wash-out by the locked water flow, which process is associated with formation of suffusion scour channel followed by suffusion-erosion canyon, like in the Chul R. valley (the tributary of the Tumany River, the Sea of Okhotsk coasts). Natural dams of tectonic origins developed as a result of faulting processes in valleys and displacements of crustal blocks having size of about several kilometers. The examples are Amtkel Lake in the Caucasus, and Darpir, Takalyr and pra-Nuke Lakes in the Russian North-East, which display their maximum resistance to river-caused erosion processes. However, they often become destroyed due to newly-formed faults, as it is exemplified by the terminated destruction of the Khurendya R. valley dam and the still continuing wash-out of Darpir and Amtkel Lakes dams. Talus cones have their radial size up to several tens of kilometers and consist of sand, gravel and pebble rocks. They can be easily cut through over their distal areas having the minimum sediment thickness. The examples of the partial dam barriers are Darpir, Maly Darpir, Solnechnoye and Elikchanskiye Lakes in the North-East of Russia, Baikalyonok Lake in the northwestern Priokhotye, and Tere-Khol' Lake in Tyva. Many large lakes are dam-locked by end moraines and their complexes, which can be from several kilometers to tens of kilometers in size, and are the remnants of mountain valley glaciation. The examples are Maggiore, Komo and Garda Lakes in the Italian Alps; Keta, Lama and Khantayskoye Lakes over Putorana Plateau; Labynkyr, Tabanda, Jack London, Malyk, Momontay, Ui and Koolen Lakes in the North-East of Russia; Azas, Many-Khol', Noyan-Khol' Lakes in Tyva. A slow wash-out of wide, gently sloping and water-resistant end moraines occurs due to locked water overflow, and depends on the opening size and the lake influx. Active glacial dams are subject to the most intense destruction. Merzbacher Lake in the Tien-Shan consists of two parts separated by an ice dam and has a length of about 2.6 km. Twice a year, during 2–7 days, all lake water from the lower part is discharged into the Inylchek R. valley, the discharge rate about 1 000 m^3/sec. Miles and Van Cleve Lakes in Alaska appear to have the same dynamic dam destruction scenarios. Natural dams are classified by their destruction-resistance capacity as follows: glacial dams, talus cones, rock falls, seismotectonic and moraine dams.

REFERENCES

1. Vazhenin B.P. *Printsipy, metody i rezul'taty paleoseysmogeologicheskikh issledovaniy na severo-vostoke Rossii* [Principles, methods and results of paleoseismogeological research in northeastern Russia]. Magadan: SVKNII DVO RAN Publ., 2000. 205 p.
2. Khromovskikh V.S., Solonenko V.P., Zhilkin V.M. et al. *Seysmogennye struktury i nekotorye zakonomernosti seysmotektonicheskogo razvitiya Zapadnogo Kavkaza* [Seismogenic structures and some patterns of seismotectonic development of Western Caucasus]. In: Gorshkov G.P. (ed.) *Sovremennye seysmodislokatsii i ikh znachenie dlya seysmicheskogo mikrorayonirovaniya* [Modern seismic dislocations and their role in seismic zoning]. Moscow: Moscow State University Publ., 1977, pp. 5–14.
3. Dolgushin L.D., Osipova G.B. *Ledniki. (Priroda mira)* [Glaciers. (The nature of the world)]. Moscow: Mysl' Publ., 1989. 447 p.
4. Aprodov V.A. *Zony zemletryaseniy. (Priroda mira)* [The earthquake zones. (The nature of the world)]. Moscow: Mysl' Publ., 2000. 461 p.
5. Wikipedia. Free Encyclopedia. Available from: http://ru.wikipedia.org. (In Russian).
6. Papyrin L.P. *Sarezskaya katastrofa: geofizicheskiy prognoz* [Sarez catastrophe: the geophysical forecast]. In*: Geofizika XXI stoletiya* [Geophysics of the 21st century]. Moscow: Nauchnyy mir Publ., 2001, pp. 183–194.

Received: 25 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 239–249. DOI 10.17223/15617793/393/38

УДК 556.314 (571.54)

Е.М. Дутова, Д.С. Покровский, В.П. Парначев, В.Д. Покровский

ГЕОХИМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДЗЕМНЫХ ВОД ХОЗЯЙСТВЕННО-ПИТЬЕВОГО НАЗНАЧЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

Территория Республики Хакасия в геоморфологическом плане располагается в Минусинских котловинах (около трети наиболее населённой площади) и в горных сооружениях Кузнецкого Алатау и Западного Саяна (две трети). Основным источником водоснабжения населения республики являются подземные воды (96,7%). Изменчивость ионно-солевого состава, величина общей минерализации, качество вод подчиняются высотной зональности. В приподнятых гидрогеологических массивах в условиях избыточного увлажнения формируются пресные гидрокарбонатные воды. Воды степной части минерализованы и превышают нормативы по общей жесткости и минерализации, содержанию брома, лития, сульфатов, хлоридов, бора, стронция, бария. Подземные воды горно-таежного и подтаежного поясов, как правило, равновесны с каолинитом и кварцем, часть из них – с Ca- и Mg-монтмориллонитами, иллитом, карбонатными минералами, иногда с баритом. Воды степного пояса, наряду с упомянутыми минералами, равновесны с баритом, целестином, флюоритом и гипсом. Все эти минералы лимитируют уровень накопления в подземных водах соответствующих элементов.

Ключевые слова: подземные воды; воды хозяйственно-питьевые; химический состав; качество; геохимия подземных вод; равновесие с минералами; Республика Хакасия.

Введение. Обеспечение населения питьевой водой во всем мире является важнейшей и приоритетной проблемой. От качества питьевой воды зависят состояние здоровья людей, уровень их санитарно-эпидемиологического благополучия, комфортности проживания и экологической безопасности. Особенно актуальны вопросы качества для регионов с аридным и полуаридным климатом, в которых природные воды уже в естественном состоянии зачастую являются некондиционными по ряду нормируемых компонентов. Именно к таким регионам относится Республика Хакасия. Данная статья посвящена анализу закономерностей изменчивости химического состава подземных вод, использующихся для водоснабжения, пониманию механизма формирования качества подземных вод посредством изучения их равновесия как с минералами горных пород, являющимися источниками элементов, так и с минералами, формирующимися из раствора.

Основой для исследований послужил обширный фактический материал по составу вод эксплуатационных скважин водозаборов подавляющего большинства населенных пунктов, собранный нами при выполнении работ по созданию целевой программы «Обеспечения населения Республики Хакасия питьевой водой» [1, 2]. Кроме того, для характеристики подземных вод были использованы результаты полевых исследований, проведенных совместно с английскими и норвежскими учеными-гидрогеологами Д. Бенксом и Б. Френгстадом [3–5].

Общие сведения. Республика Хакасия находится практически в центре Азиатского материка и занимает площадь 61,9 тыс. км^2. Максимальная ее протяженность с севера на юг составляет 463 км, с запада на восток – 210 км. На севере и востоке Хакасия граничит с Красноярским краем, на юге и юго-западе – с республиками Тыва и Алтай, на западе с Кемеровской областью. Приблизительно одна треть её территории принадлежит равнинным пространствам Минусинских котловин и две трети – горным сооружениям Кузнецкого Алатау и Западного Саяна, обрамляющим котловины с запада и юга. В пределах горных сооружений преобладает среднегорный рельеф с подтаежными и горно-таежными ландшафтами, в наиболее приподнятых частях хребтов развиты участки высокогорного рельефа. Минусинские котловины (Южно-Минусинская, Сыдо-Ербинская и Северо-Минусинская) характеризуются степными и лесостепными ландшафтами. Климат Хакасии резко континентальный, с большими амплитудами колебаний сезонных температур (до 85–92°С), недостаточным увлажнением в степной зоне и избыточным – в горных сооружениях.

По данным Госкомстата РФ, в республике в 2012 г. проживали 533 тыс. человек, основная масса которых сосредоточена в пяти городах и четырнадцати поселках городского типа [6]. Сельское население проживает в 242 населенных пунктах. Наиболее освоены и густо заселены степная и лесостепная зоны Минусинских котловин. Немногочисленные населенные пункты, расположенные в пределах Кузнецкого Алатау и Западного Саяна, связаны преимущественно с горнорудными предприятиями и лесоперерабатывающей промышленностью.

Среднегодовая удельная обеспеченность местными водными ресурсами, формирующимися на территории республики, составляет 38 тыс. м^3, а с учетом расхода транзитных рек достигает 193 тыс. м^3 на душу населения [2]. Эти величины существенно превышают соответствующие общероссийские показатели, однако ресурсы распределены неравномерно и проблема надежного водоснабжения отдельных населенных пунктов стоит очень остро. Основой водоснабжения населения служат подземные воды, доля которых в общем водопотреблении составляет 96,7%.

В пределах Кузнецкого Алатау и Западного Саяна распространены трещинные, трещинно-карстовые и трещинно-жильные подземные воды, приуроченные главным образом к зонам экзогенной трещиноватости. Относительно низкие фильтрационные свойства и, соответственно, невысокая водообильность коренных пород не позволяют рассчитывать на формирование крупных запасов подземных вод. Исключение

составляют закарстованные карбонатные образования и разнообразные трещиноватые и брекчированные породы в зонах тектонических нарушений

В пределах Минусинских котловин средне-верхнепалеозойские (средний девон – пермь) в различной степени дислоцированные терригенные, терригенно-карбонатные, вулканогенно-терригенные отложения вмещают пластово-трещинные и трещинные воды и характеризуются неоднородной водообильностью. На фоне в целом невысокой обводненности повышенной водообильностью обладают песчанистые и карбонатные разности пород в верхней, наиболее трещиноватой зоне, особенно в долинах рек и депрессиях рельефа. При благоприятных условиях здесь формируются достаточно крупные водные ресурсы.

Четвертичные отложения развиты практически повсеместно и представлены широким спектром генетических типов, фаций и литологических разностей. Водоносные горизонты аллювиальных отложений крупных рек являются основным источником водоснабжения городов Абакана, Черногорска, Саяногорска и ряда других, более мелких, населенных пунктов.

Химический состав и качество подземных вод. Обобщенные сведения о химическом составе подземных вод представлены в табл. 1, 2.

Таблица 1

Химический состав подземных вод хозяйственно-питьевого назначения Республики Хакасия

Подземные воды	Число проб	pH	HCO_3	Cl	SO_4	NO_3	NO_2	Na	Ca	Mg	NH_4	$Fe_{общ}$	SiO_2	Окисляемость, $мгO_2/ дм^3$	Общ. жест., мг-экв/$дм^3$	Минерализация, $мг/дм^3$
			$мг/дм^3$													
Подтаежный, горно-таежный пояса																
Каменноугольных отложений	5	7,52	249	7,8	14,0	4,64	0,024	63,7	28,6	10,9	0,29	3,59	14,03	1,36	2,33	473
Девонских отложений	29	7,48	331	34,5	68,6	7,81	0,023	48,5	70,8	26,6	0,27	0,64	11,40	1,19	6,16	598
Кембрийских отложений	7	7,70	281	11,0	20,9	17,56	0,024	23,4	65,4	17,2	0,38	1,48	11,36	0,72	4,67	435
Рифейских отложений	4	8,07	344	12,0	16,2	3,81	0,002	32,7	58,0	25,5	0,25	0,1	5,35	1,23	5,08	522
Интрузивных образований	3	7,89	313	6,2	7,4	3,01	0,002	30,0	59,5	19,5	0,56	0,07	14,28		4,60	452
Подтаежного, горно-таежного поясов	48	7,60	313	25,0	51,5	8,55	0,021	44,6	64,1	23,2	0,30	0,94	11,50	1,11	5,37	550
Степной, лесостепной пояса																
Четвертичных отложений	37	7,73	254	65,9	99,1	19,43	0,011	80,6	56,6	23,8	0,19		14,60	1,19	4,79	626
Каменноугольных отложений	31	7,87	360	137,2	302,1	41,86	0,076	210,4	67,2	51,0	2,13	0,12	12,49	2,05	7,98	1187
Девонских отложений	71	7,80	368	113,4	200,0	22,55	0,024	125,7	93,9	51,6	0,43	0,28	9,78	1,72	9,12	1118
Кембрийских отложений	7	7,84	353	33,8	96,3	31,25	0,017	63,4	71,7	45,3	0,27	0,28	11,84	0,78	6,70	700
Рифейских отложений	5	7,98	368	26,6	78,1	8,20	0,030	52,1	47,9	34,4	0,06	0,05	10,87	3,57	6,95	699
Интрузивных образований	7	7,83	314	10,9	40,6	3,34	0,002	21,0	66,2	29,8	0,07	0,1	10,00	0,89	5,51	478
Степного, лесостепного поясов	158	7,81	335	98,3	203,1	25,61	0,029	133,1	76,5	43,4	0,63	0,25	10,88	1,63	7,57	988
Республики в целом	206	7,74	345	86,7	173,0	21,18	0,026	115,7	74,8	39,4	0,53	0,60	11,08	1,57	7,16	909

Таблица 2

Микрокомпонентный состав подземных вод хозяйственно-питьевого назначения Республики Хакасия, $мг/дм^3$

Параметры	PO_4	Cr	As	Mn	Zn	Cd	Pb	Cu	F	Ni	Co	Фенол
Подтаежный, горно-таежный пояса												
Среднее	0,0193	<0,01	<0,006	0,1085	0,014	0,0027	0,038	0,0099	0,299	0,0068	0,0065	0,0020
Минимум	<0,005	<0,01	<0,006	<0,002	0,004	<0,0001	0,005	0,0020	<0,02	0,0030	0,0025	0,0010
Максимум	0,0500	<0,01	<0,006	0,4000	0,027	0,0060	0,096	0,0360	0,640	0,0120	0,0110	0,0030
Счет	6	6	5	9	11	11	11	11	9	5	3	3
Степной, лесостепной пояса												
Среднее	0,0225	0,002	0,0008	0,0375	0,020	0,0042	0,032	0,0096	0,477	0,0080	0,0058	0,0027
Минимум	<0,005	<0,01	<0,006	<0,002	0,004	<0,0001	0,001	0,0020	<0,02	0,0060	0,0030	0,0010
Максимум	0,1000	0,020	0,0060	0,4370	0,094	0,0310	0,086	0,0350	1,300	0,0120	0,0100	0,0050
Счет	23	24	24	24	27	24	27	26	21	3	4	7
Республика Хакасия												
Среднее	0,0219	0,002	0,0008	0,0568	0,018	0,0037	0,034	0,0097	0,423	0,0073	0,0061	0,0025
Минимум	<0,005	<0,01	<0,006	<0,002	0,004	<0,0001	0,001	0,0020	<0,02	0,0030	0,0025	0,0010
Максимум	0,1000	0,020	0,0060	0,4370	0,094	0,0310	0,096	0,0360	1,300	0,0120	0,0110	0,0050
Счет	29	30	29	33	38	35	38	37	30	8	7	10

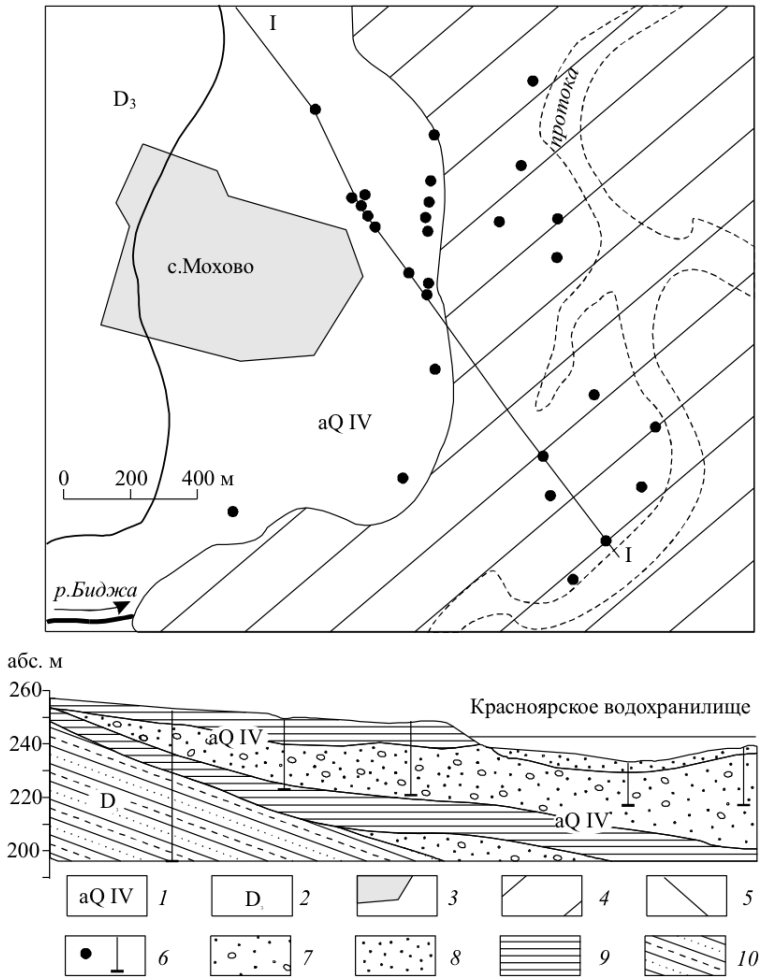

Рис. 1. Схема строения Моховского месторождения подземных вод: *1* – водоносный горизонт современных аллювиальных отложений; *2* – водоносный комплекс верхнедевонских терригенных отложений; *3* – площадь застройки; *4* – зона затопления Красноярского водохранилища; *5* – линия разреза; *6* – гидрогеологические скважины; *7* – гравийно-галечниковые отложения с песчаным заполнителем; *8* – пески; *9* – глины; *10* – алевролиты, песчаники, аргиллиты

Воды комплекса четвертичных аллювиальных отложений по своим естественно-природным характеристикам пресные, гидрокарбонатные с различным катионным составом, нейтральные и слабощелочные, мягкие и умеренно жесткие. Величина минерализации по средним величинам составляет порядка 600 мг/дм^3. В то же время сложившиеся в 70–80-х гг. представления о водоносном комплексе четвертичных аллювиальных отложений как о весьма однородном по химическому составу подземных вод и, с этих позиций, всегда благоприятном для эксплуатации в хозяйственно-бытовых целях требуют ревизии. Естественным исключением являются участки их техногенного загрязнения. Сравнительно однороден состав подземных вод аллювиальных отложений лишь в прибрежных участках долин крупных поверхностных водотоков. Минерализация подземных вод в этих условиях редко достигает средней величины. Непосредственно в береговой полосе на участках расположения крупных инфильтрационных водозаборов (города Абакан, Саяногорск, Абаза) минерализация зачастую составляет 110–130 мг/дм^3, но в этих случаях вода лишь по формальному признаку относится к водоносному комплексу четвертичных отложений. Фактически – это речные воды, доля которых в отбираемом водозабором расходе может достигать 80–90% и более.

В долинах же малых рек и на участках, удаленных от поверхностных водотоков, иногда встречаются подземные воды с повышенными содержаниями сульфатов, хлоридов, а в катионном составе – магния и натрия. Нередко встречаются воды, имеющие высокие (более 1 000 мг/дм^3) значения минерализации и повышенные до 7,3–8 мг-экв/дм^3 значения общей жесткости (пос. Кирба, Зеленое, Расцвет). Такие аномалии химического состава, вероятно, связаны с очагами разгрузки подземных вод из подстилающих коренных отложений. Положение может усугубляться работой водозаборных сооружений, вызывающей ухудшение качества подземных вод продуктивной толщи за счет подтягивания некондиционных вод смежных водоносных горизонтов. На долю таких загрязнений в России приходится около 50% от общего числа случаев загрязнения воды действующих водозаборов из подземных источников [7]. Подобные факты отмечены и в Республике Хакасия, в частности на участке шахтного водозабора ж/д станции Копьево в долине р. Чулым, где минерализация подземных вод, отбираемых из пойменных галечников, превышает

1 000 мг/дм^3, а жесткость достигает 16 мг-экв/дм^3. Показателен и пример Моховского месторождения, расположенного в долине р. Енисей на берегу Красноярского водохранилища (эксплуатируется для водоснабжения пгт Пригорск) (рис. 1). При отборе подземных вод из четвертичных аллювиальных отложений эксплуатационными скважинами водозабора минерализация в зависимости от положения уровня воды в водохранилище колеблется от 0,2 г/дм^3 при высоком его стоянии до 1,3, а иногда и 2,0 г/дм^3 при отступлении береговой линии от водозабора. Состав вод при этом меняется с гидрокарбонатного натриевого на сульфатный магниевый, сульфатный натриевый, характерные для вод девонских отложений, подстилающих продуктивный водоносный горизонт. Общая жёсткость достигает иногда 10 и даже 14,6 мг-экв/дм^3.

За пределами долин рек источниками водоснабжения населения, в основном сельского, являются подземные воды нижнекаменноугольных, девонских, кембрийских отложений, а также интрузивных образований. Химический состав подземных вод зависит от геолого-структурных и ландшафтно-климатических условий, определяющих интенсивность водообмена, и состава водовмещающих пород.

В пределах гипсометрически приподнятых и дренированных гидрогеологических массивов, в условиях избыточного увлажнения формируются и, соответственно, используются для водоснабжения преимущественно гидрокарбонатные воды. В гранитоидных интрузиях они магниево-кальциевые, в кембрийских и протерозойских породах – такие же гидрокарбонатные, но более сложные по катионному составу. В породах девонского возраста формируются подземные воды, в анионной части химического состава которых появляется «оттенок» сульфатности, а среди катионов, наряду с кальцием, присутствует натрий. Величина общей минерализации подземных вод горной и предгорной частей изменяется от 125 до 917 мг/дм^3, составляя в среднем 550 мг/дм^3 (табл. 1). Минимальная минерализация характерна для вод из гранитоидов и кембрийских известняков, а максимальная – для вод девонских отложений. Концентрации нормируемых макрокомпонентов, за исключением железа, общей жесткости и, редко, нитрат-иона, в водах отдельных населенных пунктов не превышают значений, предусмотренных требованиями СанПиН. Встречаемость вод с некондиционными показателями по железу достигает 52% (табл. 3). Содержания ионов железа в воде в отдельных случаях составляют десятки норм ПДК.

По величине общей жесткости подземные воды горной части преимущественно умеренно жесткие, реже мягкие (средние суммарные содержания кальция и магния 5,37 мг-экв/дм^3). Повышенные ее значения характерны для девонских, кембрийских и рифейских отложений, где доля водозаборов с некондиционными водами составляет 14–25%. Из микрокомпонентов в воде иногда наблюдаются превышения норм ПДК по содержаниям марганца (табл. 2).

Подземные воды степной части значительно более минерализованы (в среднем в 2,1 раза) и, конечно, в большей степени обогащены как макро-, так и микрокомпонентами. По средним значениям содержания гидрокарбонат-иона в 1,1, кальция в 1,2, магния – в 1,9, натрия – в 2,9, хлор- и сульфат-ионов – в 3,9–4 раза выше, нежели в водах горной части. В водах из нижнекаменноугольных отложений среди катионов ведущую роль приобретает натрий (содовые воды). Характерно повышение содержания и ряда других компонентов (табл. 1, 2). Следует отметить, что рост содержания отдельных компонентов в химическом составе далеко не всегда пропорционален росту каждого из них и минерализации в целом (рис. 2).

В региональном плане в условиях естественного режима минерализация подземных вод увеличивается от 0,2–1,0 г/дм^3 в предгорных районах до 3,8–8,0 г/дм^3 в пониженных участках Северо-Мину-синской котловины (в интервале глубин до 200 м), а гидрокарбонатный состав меняется на хлоридный и сульфатный.

Пространственно эти изменения весьма контрастны. Так, например, по данным мониторинговых работ Минусинской гидрогеологической партии, на залесенных участках западнее оз. Черного подземные воды из нижнекаменноугольных отложений имеют гидрокарбонатный натриевый состав и минерализацию 0,5–1,0 г/дм^3. Всего в двух километрах от озера, где лесной ландшафт сменяется на степной, их минерализация увеличивается до 1,5–2,8 г/дм^3, а ведущее место в составе приобретают анионы хлора и сульфата.

Таблица 3

Встречаемость некондиционных подземных вод, %

Подземные воды	Доля водозаборов с водами, некондиционными по показателям, %					
	Минерализация	Жесткость общая	Cl	SO_4	NO_3	Fe
Подтаежный, горно-таежный пояса						
Каменноугольных отложений	0	0	0	0	0	67
Девонских отложений	0	19	0	0	8	47
Кембрийских отложений	0	14	0	0	14	50
Рифейских отложений	0	25	0	0	0	0
Интрузивных образований	0	0	0	0	0	0
ПОДТАЕЖНОГО, ГОРНО-ТАЕЖНОГО ПОЯСОВ	0	17	0	0	6	52
Степной, лесостепной пояса						
Четвертичных отложений	11	19	0	0	19	
Каменноугольных отложений	38	44	13	19	16	0
Девонских отложений	33	57	10	10	17	50
Кембрийских отложений	0	43	0	0	14	33
Рифейских отложений	0	80	0	0	0	
Интрузивных образований	0	14	0	0	0	
СТЕПНОГО, ЛЕСОСТЕПНОГО ПОЯСОВ	23	42	6	7	17	31
Республики в целом	18	37	5	6	14	41

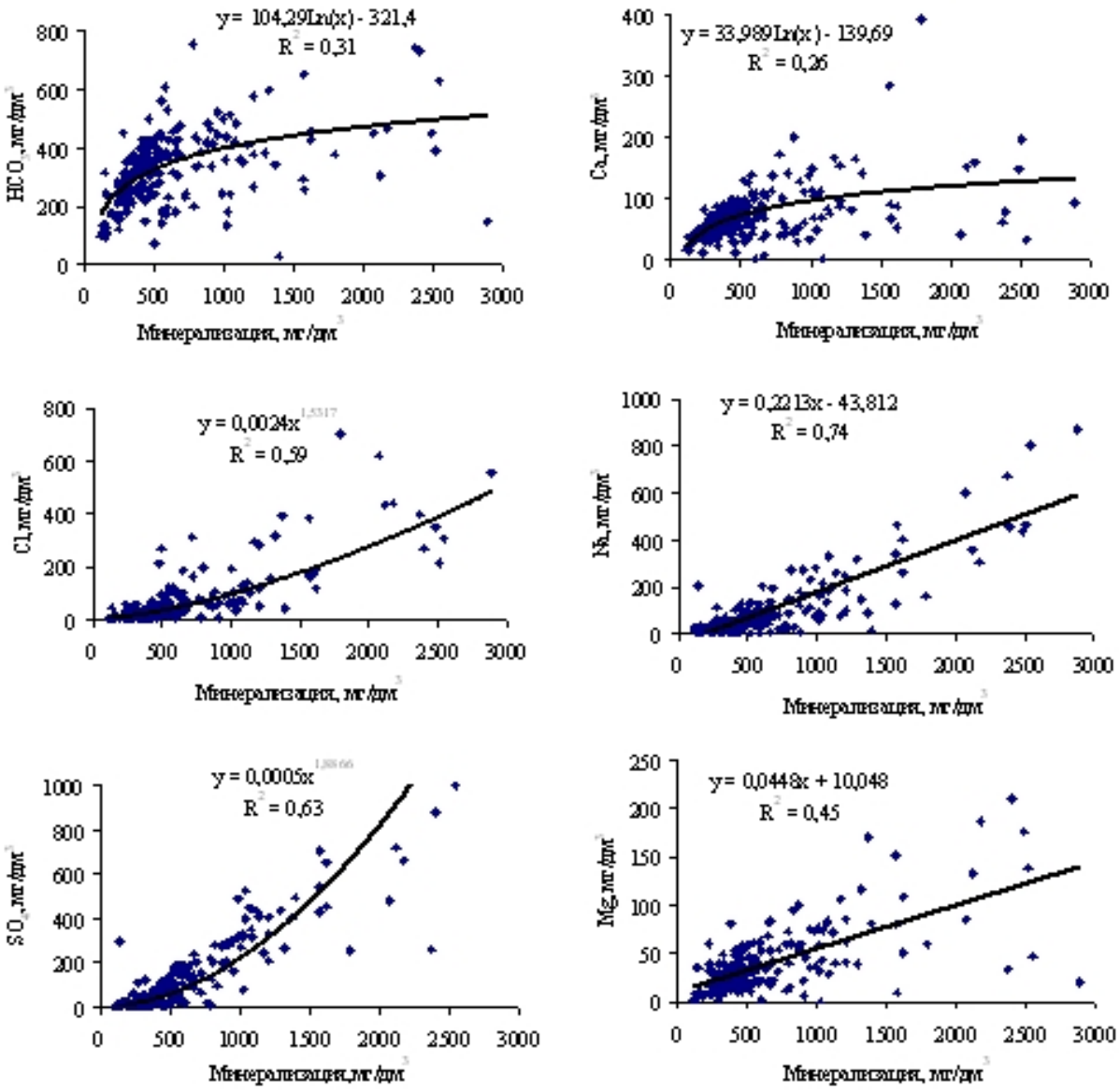

Рис. 2. Зависимость ионного состава подземных вод Хакасии от степени их минерализации

Для подземных вод из нижнекаменноугольных отложений, являющихся основой водоснабжения многих населенных пунктов в степной части республики, характерны пестрота химического состава и сравнительно высокая степень изменчивости общей минерализации. Химический состав и минерализация их изменяются в широких пределах – от пресных гидрокарбонатных до солоноватых сульфатных с минерализацией до 2,9 г/дм^3 при средней величине около 1 г/дм^3. Характерной чертой является достаточно высокая встречаемость вод, некондиционных по ряду нормируемых показателей (табл. 3). Подобный состав при несколько более высоком верхнем значении минерализации (до 5 г/дм^3) характерен и для подземных вод пермского терригенного комплекса, воды которого для водоснабжения населения практически не используются.

В пределах комплекса девонских образований состав подземных вод при сохранении общего облика достаточно неоднороден. В верхней части разреза (верхне- и среднедевонские отложения) в сероцветных карбонатно-терригенных разностях пород обычно содержатся пресные гидрокарбонатные воды с различным катионным составом и минерализацией до 1 г/дм^3. Наряду с гидрокарбонатными здесь часто присутствуют сульфатно-гидрокарбонатные и даже гидрокарбонатно-сульфатные воды. В катионном составе последних ведущую роль приобретает натрий, а минерализация становится выше 1 г/дм^3 (сёла Лукьяновка, Власьево, Ворота, Старый Борец, Московское, Троицкое и др.). В зоне затрудненного водообмена и в красноцветных разностях пород отмечаются сульфатный и хлоридный состав подземных вод и их наиболее высокая минерализация. Нередко величина общей минерализации здесь увеличивается до 5 г/дм^3 и более. Подземные воды нижней части геологического разреза (слабоводоносной зоны нижне- и среднедевонских терригенно-вулканогенных отложений), в основном пресные гидрокарбонатные, из катионов в них преобладают кальций, реже магний и натрий. Ве-

личина минерализации изменяется в пределах от 0,2 до 1,0 г/дм^3. Вместе с тем на отдельных участках встречаются воды повышенной минерализации (до 1,5–2 г/дм^3), что может быть объяснено наличием и здесь прослоев сульфатных и, возможно, галоидных пород.

В отличие от вод нижнекаменноугольного и девонского комплексов, воды из кембрийских и рифейских отложений, а также воды зоны трещиноватости из палеозойских интрузивных пород характеризуются значительно более высоким качеством. Все они пресные гидрокарбонатные кальциевые, иногда натриевые и магниевые. Сухой остаток изменяется от 0,15 до 0,7 г/дм^3 при средних значениях 0,43–0,45 г/дм^3.

В степной части региона воды практически всех водовмещающих пород, за исключением гранитоидов и четвертичных аллювиальных отложений, часто имеют показатели, превышающие нормативные по общей жесткости и минерализации, брому, литию, а иногда и содержаниям сульфатов, хлоридов, бору, стронцию, барию (табл. 3, 4).

Основные проблемы создает жесткость, являющаяся важным органолептическим показателем качества питьевой воды. Кроме того, известно, что жесткая вода может приводить к появлению ряда заболеваний [8]. Это обстоятельство следует учитывать при организации водоснабжения населения степной части региона. Природные подземные воды здесь по этому показателю в основном относятся к жестким и даже очень жестким. Средние суммарные содержания кальция и магния превышают нормативные значения и достигают 7,57 мг-экв/дм^3. Во многих населенных пунктах имеются водоисточники и с более высокими показателями жесткости, а население таких населенных пунктов, как Власьево, Старый Борец, Соленоозерное, Фыркал, в основном потребляет воду, которая характеризуется как очень жесткая (до 10,4–13,0 мг-экв/дм^3).

Таблица 4

Характеристика химического состава подземных вод хозяйственно-питьевого назначения степной части в пределах Ширинского района [3, 4]

Компоненты	Единицы измерения	Минимальное	Максимальное	Среднее	Доля скважин с водами, некондиционными по показателям, %
pH	мг/дм^3	6,99	8,16	7,56	
Минерализация		311	13610	921	33
HCO_3		204,35	713,70	361,31	
Cl		0,84	2968	43,94	4
SO_4		15,1	6248	130,72	29
NO_3		<0,05	189	16,64	29
F		<0,05	17,6	0,31	4
Mg		11,2	1138	45,81	
Ca		16,8	384	78,23	
Na		6,4	2235	58,01	29
K		<0,5	8,99	1,60	
Si		3,4	8,1	5,49	
Br	мкг/дм^3	<100	14300	81,20	50
P		<100	155	16,79	
B		34,5	1000	128,74	21
As		1,1	87,9	5,38	4
Li		0,3	1810	30,32	50
Sc		1,9	4,8	3,74	
V		1,8	63,5	6,17	
Cr		0,9	3,9	1,47	
Mn		0,9	1977	10,50	13
Co		0,1	1,5	0,22	
Ni		<0,5	4,9	0,14	
Cu		0,8	14,1	3,92	
Zn		1,7	16,2	4,37	
Ga		0,01	1,09	0,13	
Rb		0,05	9,74	0,55	
Sr		709	13558	2515	21
Y		<0,03	0,45	0,005	
Zr		<0,03	9,06	0,03	
Mo		1,45	26,6	7,35	
Cd		<0,05	0,32	0,01	
Sb		<0,05	0,59	0,04	
Cs		<0,05	0,36	0,01	
Ba		0,003	116	25,60	8
U		3,23	27,9	8,15	
Число проб		24			

Отдельно следует остановиться на содержании брома в питьевой воде. Хотя этот ингредиент не входит в перечень показателей, обязательно контролируемых при оценке качества потребляемой воды, определяемые концентрации брома обращают на себя внимание. Приведенные в [3] содержания брома (мг/дм^3) в питьевых водах отдельных водоисточников Ширинского района (Власьево – 0,897, Старый Бо-

рец – 1,49, Ворота – 0,47, Джирим – 0,53) существенно превышают установленный норматив. Допустимая концентрация брома составляет 0,2 мг/дм^3. Бром обладает специфическими свойствами. Это галоген с резким неприятным запахом, нормируемый по санитарно-токсикологическому показателю вредности и относящийся к веществам второго класса опасности. При выборе способов водоподготовки это следует учитывать.

Характер накопления элементов в водах и равновесие вод с минералами. Для понимания характера и масштабов накопления элементов определенный интерес представляет изучение равновесия вод как с минералами горных пород, являющимися источниками элементов, так и с минералами, формирующимися из раствора и, следовательно, препятствующими накоплению соответствующих элементов в водной среде. Такой подход разрабатывался и успешно использовался многими авторами, занимавшимися изучением гидрогеохимических процессов зоны гипергенеза [9–12 и др.]. Применительно к условиям Хакасии нами изучались равновесия различных подземных вод относительно широкого спектра алюмосиликатов, силикатов, карбонатов, сульфатов, хлоридов, фторидов, окислов и гидроокислов. Оценка равновесности вод с минералами производилась путем нанесения данных состава вод, контролирующих то или иное минеральное равновесие, на диаграммы полей устойчивости конкретных минералов, построенные по методике Р.М. Гаррелса и Ч.Л. Крайста, и расчетами показателей состояния системы «вода – порода» (индексов неравновесности), выполненными с использованием программного комплекса HydroGeo, разработанного М.Б. Букаты [13].

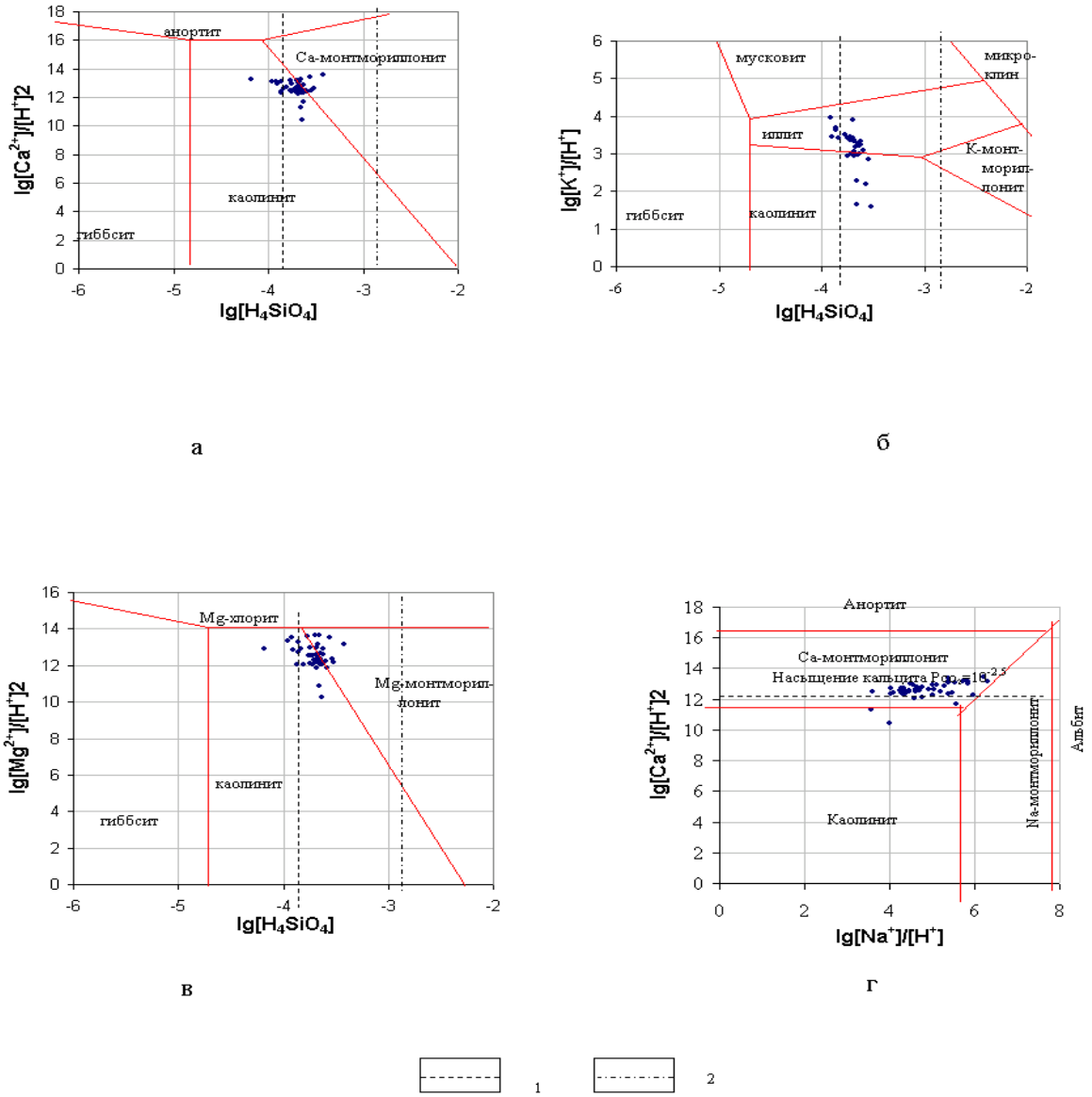

Рис. 3. Диаграммы равновесия в системе вода–алюмосиликаты при стандартных условиях с нанесением данных по составу вод хозяйственно-питьевого назначения Республики Хакасия: *а* – система HCl – H_2O – Al_2O_3 – CO_2 – CaO – SiO_2; *б* – система HCl – H_2O – Al_2O_3 – CO_2 – K_2O – SiO_2; *в* – система HCl – H_2O – Al_2O_3 – CO_2 – MgO – SiO_2; *г* – система HCl – H_2O – Al_2O_3 – CO_2 – Na_2O – CaO – SiO_2 при $lg[H_4SiO_4] = -3,5$. 1–2 границы растворимости: 1 – кварца; 2 – аморфного кремнезема

Результаты проведенных исследований представлены на рис. 3 и в табл. 5. Напомним, что полученные расчетом положительные значения индексов неравновесности свидетельствуют о способности системы к образованию тех или иных минералов, а отрицательные – о способности системы к их разрушению. Анализ результатов выполненных исследований позволяет заключить следующее.

Все изученные воды региона, независимо от ландшафтно-климатических условий, типа источников водоснабжения и характера водовмещающих отложений, недонасыщены относительно первичных алюмосиликатов (микроклина, анортита, альбита, мусковита), хлоридов (сильвина, карналлита, хлормагнезита), большинства сульфатов (ангидрита, меркаллита, кизерита, тенардита, мирабилита), ряда вторичных алюмосиликатных минералов (хлорита, Na-, K-монтмориллонитов) и карбонатов (витерита, калицинита, магнезита, несквегонита, родохрозита, термонатрита, натроны, троны, нахколита, смитсонита), некоторых окислов, гидроокислов (аморфного кремнезема, брусита).

Многие из этих минералов являются породообразующими среды миграции подземных вод и, соответственно, служат источниками их обогащения элементами на протяжении всего времени движения, от областей питания до областей разгрузки. Эти же минералы, присутствуя в обломочном материале донных осадков в руслах рек, являются поставщиком химических элементов для поверхностных вод.

Различные типы вод региона равновесны с гиббситом, гетитом, каолинитом, иллитом, Ca- и Mg-монтмориллонитами, кварцем, достаточно широкой группой карбонатов (с кальцитом, арагонитом, доломитом, сидеритом, стронцианитом, церусситом, малахитом) и даже сульфатами (с баритом и целестином). Подземные воды горно-таежного и подтаежного поясов, как правило, равновесны с каолинитом и кварцем, кроме того, значительная часть из них – с Ca- и Mg-монтмориллонитами, иллитом, кальцитом, церусситом и стронцианитом. Иногда в условиях подтаежного пояса встречаются и воды, равновесные с арагонитом, доломитом, сидеритом, малахитом и баритом (табл. 5).

Таблица 5

Степень насыщения подземных вод Республики Хакасия к минералам (значения индексов неравновесности минералов)

Группы минералов	Минералы	Подземные воды									
		подтаежного, горно-таежного поясов					степного, лесостепного поясов				
		Минимальная	Максимальная	Средняя	Число расчетов	Доля положительных значений индекса, %	Минимальная	Максимальная	Средняя	Число расчетов	Доля положительных значений индекса, %
Гидроокислы	$Al(OH)_3$ – гиббсит	9,2	23,7	16,1	11	100	13,6	20,3	16,4	11	100
	$FeOOH$ – гётит	–5,8	1,5	–3,3	9	11	–6,3	2,3	–1,6	12	33
	$Mg(OH)_2$ – брусит	–20,9	–13,0	–16,1	20	0	–16,5	–13,0	–15,0	12	0
Силикаты	SiO_2 – кварц	–0,2	2,0	1,5	17	94	1,3	2,1	1,7	12	100
	SiO_2*nH_2O – аморфн. SiO^2	–3,5	–1,4	–1,8	17	0	–2,1	–1,2	–1,7	12	0
Карбонаты	$BaCO_3$ – витерит	–13,6	–7,6	–9,3	12	0	–11,5	–7,2	–8,7	11	0
	$CaCO_3$ а – арагонит	–5,6	2,0	–0,8	21	29	–0,8	0,6	–0,1	12	33
	$CaCO_3$к – кальцит	–5,1	2,4	–0,5	21	52	–0,5	1,0	0,2	12	58
	$CaMg(CO_3)_2$ – доломит	–11,4	1,2	–2,8	20	15	–2,4	0,8	–0,8	12	42
	$FeCO_3$ – сидерит	–7,7	0,3	–5,0	9	11	–7,7	–0,9	–4,1	12	0
	$KHCO_3$ – калицинит	–19,1	–13,9	–16,4	12	0	–19,1	–14,1	–15,9	11	0
	$MgCO_3$ – магнезит	–13,4	–6,6	–9,2	20	0	–8,9	–6,8	–7,9	12	0
	$MgCO_3(H_2O)_3$ – несквегонит	–13,8	–6,7	–9,5	20	0	–9,3	–7,1	–8,3	12	0
	$MnCO_3$ – родохрозит	–7,3	–0,4	–4,2	20	0	–6,7	–0,9	–4,2	12	0
	$Na_2CO_3(H_2O)$ – термонатрит	–33,0	–18,4	–25,5	21	0	–25,4	–17,0	–22,3	12	0
	$Na_2CO_3(H_2O)_{10}$ – натрон	–31,1	–16,4	–23,6	21	0	–23,5	–15,1	–20,4	12	0
	$Na_3H(CO_3)_2(H_2O)_2$ – трона	–46,2	–25,2	–35,3	21	0	–34,7	–21,8	–30,4	12	0
	$NaHCO_3$ – нахколит	–15,0	–8,4	–11,5	21	0	–11,0	–6,4	–9,9	12	0
	$SrCO_3$ – стронцианит	–3,1	1,3	0,2	10	80	0,5	3,0	1,8	11	100
	$ZnCO_3$ – смитсонит	–9,2	–4,4	–6,6	21	0	–8,9	–4,7	–6,9	12	0
	$PbCO_3$ – церуссит	–3,0	5,8	1,6	21	81	–0,1	4,1	1,8	12	92
	$Cu_2CO_3(OH)_2$ – малахит	–11,7	7,9	–3,2	21	14	–6,4	0,6	–3,3	12	8
Сульфаты	$BaSO_4$ – барит	–4,7	1,4	–0,6	12	42	–0,4	1,5	1,0	11	91
	$CaSO_4$ – ангидрит	–10,9	–2,6	–6,2	21	0	–6,0	–1,4	–4,3	12	0
	$CaSO_4(H_2O)_2$ – гипс	–9,2	–0,9	–4,5	21	0	–4,2	0,3	–2,5	12	8
	$KHSO_4$ – меркаллит	–45,4	–35,7	–38,7	12	0	–43,6	–32,6	–37,2	11	0
	$MgSO_4(H_2O)$ – кизерит	–21,7	–13,6	–18,3	20	0	–17,2	–11,0	–15,6	12	0
	Na_2SO_4 – тенардит	–29,9	–15,4	–22,9	21	0	–22,7	–9,3	–18,4	12	0
	$Na_2SO_4(H_2O)_{10}$ – мирабилит	–25,0	–11,0	–18,3	21	0	–17,8	–4,9	–13,7	12	0
	$SrSO_4$ – целестин	–6,0	–1,1	–2,2	10	0	–2,0	3,0	0,5	11	55
Хлориды	KCl – сильвин	–23,9	–15,4	–20,1	12	0	–24,1	–12,9	–18,0	11	0
	$KMgCl_3(H_2O)_6$ – карналлит	–56,7	–37,6	–49,1	12	0	–54,1	–28,0	–42,5	11	0
	$MgCl_2$ – хлоромагнезит	–84,4	–68,6	–77,7	20	0	–79,5	–64,2	–74,1	12	0
Фториды	CaF_2 – флюорит	–17,0	–3,4	–6,8	16	0	–13,9	1,8	–6,1	12	8

Подземные воды лесостепного и степного поясов равновесны примерно с тем же спектром минералов, что и воды таежных поясов, но встречаемость вод, равновесных с арагонитом, доломитом, церусситом, стронцианитом и баритом, здесь значительно выше. Кроме того, отмечаются воды, равновесные с целестином, а в единичном случае – даже с флюоритом и гипсом. Все упомянутые минералы способны к новообразованию из подземных вод и выводят из них соответствующие элементы. Интересно, что некоторые рассеянные элементы, такие, например, как Pb, Ba, Sr, способны к более раннему по времени переходу из вод в минералогические формы, чем широко распространенные элементы, такие как Ca, Mg. Так, частота встречи вод, равновесных с карбонатными минералами церруситом и стронцианитом, значительно выше, чем вод, равновесных с кальцитом или доломитом. То же характерно и для сульфатов – воды, равновесные с баритом, встречаются гораздо чаще, чем воды, равновесные с гипсом.

Выполненные расчеты позволяют объяснить, почему кратность изменения содержаний отдельных элементов при смене геохимических обстановок, например, в подземных водах таежных и степных ландшафтов, различна.

Для подвижных компонентов, слабо связывающихся вторичными минералами (Cl, SO_4, Na, Br, Li), она значительно выше, чем для компонентов, формирующих вторичные минералы (Ca, HCO_3, Ba, Sr, Mn, Fe), такие как кальцит, сидерит, доломит. Отсюда, у элементов первой группы, по сравнению с элементами, связывающимися вторичными минералами, открываются существенно большие возможности для накопления, в том числе до величин, превышающих нормативы. Именно это обстоятельство в значительной мере объясняет, почему среди некондиционных вод частота встречаемости вод, некондиционных по подвижным компонентам, значительно выше, чем по компонентам малоподвижным (табл. 4).

Основные выводы:

1. В Республике Хакасия существуют условия для формирования широкого спектра геохимических типов подземных вод с разнообразным набором и концентрацией химических элементов. В пределах гипсометрически приподнятых и дренированных гидрогеологических массивов, в условиях избыточного увлажнения формируются и, соответственно, используются для водоснабжения пресные, преимущественно гидрокарбонатные, воды. Воды степной части значительно более минерализованы (в среднем в 2,1 раза больше, чем таежной) и сложны по ионно-солевому составу и, конечно, в большей степени обогащены как макро-, так и микрокомпонентами.

2. В горной части региона особых проблем с качеством питьевых вод нет, а некондиционные воды при соответствующей водоподготовке сравнительно несложными методами легко могут быть доведены до требований СанПиН. Степная часть региона, где проживает большинство населения, качественными водами для питьевого водоснабжения не обеспечена. Воды практически всех водовмещающих пород, за исключением гранитоидов и четвертичных аллювиальных отложений, часто имеют здесь показатели, превышающие нормативные по общей жесткости и минерализации, брому, литию, а иногда и содержаниям сульфатов, хлоридов, бору, стронцию, барию, железу, NO_3. Для доведения таких вод до нормативного качества требуются весьма сложные и дорогостоящие технологии водоподготовки.

3. Расчет равновесия подземных вод с горными породами показал, что все они неравновесны с первичными алюмосиликатными минералами, но равновесны с вторичными алюмосиликатными и некоторыми карбонатными и сульфатными минералами. Подземные воды горно-таежного и подтаежного поясов, как правило, равновесны с каолинитом и кварцем, кроме того, значительная часть из них с Ca- и Mg-монтмориллонитами, иллитом, карбонатными минералами, а иногда баритом. Подземные воды лесостепного и степного поясов наряду с упомянутыми минералами зачастую равновесны с баритом, с целестином, а в единичных случаях даже с флюоритом и гипсом. Все эти минералы выводят из подземных вод соответствующие элементы, лимитируя их уровень накопления. Результаты расчетов, позволяющие прогнозировать состав вторичных минералов, потенциально способных к выпадению из подземных вод эксплуатируемых водоносных горизонтов, могут быть использованы при обосновании выбора технологий водоподготовки и способов борьбы с зарастанием фильтров и водоподъемного оборудования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Обеспечение* населения Республики Хакасия питьевой водой. Комплексная целевая программа / Д.С. Покровский, Е.М. Дутова, К.И. Кузеванов и др. Абакан, 1999. 118 с.
2. *Покровский Д.С., Дутова Е.М., Булатов А.А., Кузеванов К.И.* Подземные воды Республики Хакасия и водоснабжение населения / под ред. Д.С. Покровского. Томск : Изд-во НТЛ, 2001. 300 с.
3. *Водные* ресурсы Ширинского района Республики Хакасия / В.П. Парначев, И.И. Вишневецкий, Е.М. Дутова, Д.С. Покровский и др. Томск : Изд-во ТГУ, 1999. 171 с.
4. *Banks D., Parnachev V.P., Frengstad B., Holden W., Karnachuk O.V., Vedernikov A.A.* The evolution of alkaline, saline ground- and surface waters in the southern siberian steppes // Applied Geochemistry. 2004. T. 19, № 12. P. 1905–1926.
5. *Parnachev V.P., Berezovsky A.Y., Banks D., Garbe-Schönberg D.* Hydrochemical evolution Na-SO_4-Cl groundwaters in a cold, semi-arid region of southern Siberia // Hydrogeology Journal. 1999. T. 7, № 6. P. 0546–0560.
6. *Покровский Д.С., Дутова Е.М., Балобаненко А.А., Покровский В.Д., Рехтин А.Ф.* Гидрогеоэкологические условия водоснабжения населения юга Сибирского региона // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 189–197.
7. *Соболев В.И.* Состояние и пути совершенствования нормативной базы гидрогеохимических исследований при разведке месторождений подземных вод // Гидрогеология, инженерная геология. Обзор. М. : Геоинформмарк, 2000. 24 с.

8. *Poliyenko A.K., Dutova E.M.* Urinary stones investigation and influence of the water factor to their formation in a human organism / Proceedings KORUS 2000 // The 4th Korea-Russia International Symposium Science and Technology at the University of Ulsan, Republic of Korea, 2000. P. 278–283.
9. *Шварцев С.Л., Рыженко Б.Н., Алексеев В.А., Дутова Е.М., Кондратьева И.А., Копылова Ю.Г., Лепокурова О.Е.* Геологическая эволюция и самоорганизация системы вода-порода в 5 томах. Том 2: Система вода-порода в условиях зоны гипергенеза. Новосибирск : СО РАН, 2007. 389 с.
10. *Крайнов С.Р., Рыженко Б.Н., Швец В.М.* Геохимия подземных вод. Теоретические, прикладные и экологические аспекты. М. : Наука, 2004. 677 с.
11. *Зверев В.П.* Гидрогеохимия осадочного процесса. М. : Наука, 1993. 184 с.
12. *Мищенко М.В., Букаты М.Б., Дутова Е.М.* Моделирование изменения температур подземных вод Южно-Черемшанской площади Томской области // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319, №. 1. С. 167–172.
13. *Букаты М.Б.* Рекламно-техническое описание программного комплекса HydroGeo. М. : ВНТИЦ, 1999. 5 с. Гос. регистрация алгоритмов и программ во ВНТИЦ № 50980000051 ПК.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 03 марта 2015 г.

GEOCHEMICAL CHARACTERISTICS OF GROUNDWATER FOR DOMESTIC AND DRINKING PURPOSES IN THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 239-249. DOI 10.17223/15617793/393/38

Dutova Ekaterina M. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dutova@sibmail.com
Pokrovsky Dmitry S. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dsp@sibmail.com
Parnachev Valeriy P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dingeo@ggf.tsu.ru
Pokrovsky Vitaly D. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vdp@sibmail.com

Keywords: ground water; domestic water; chemical composition; quality; geochemistry; groundwater balance with minerals; Republic of Khakassia.

The territory of the Republic of Khakassia can be divided in terms of geomorphology: about a third of the most inhabited area is located on the plain of the Minusinsk Basin and two-thirds of the territory in the mountain areas of the Kuznets Alatau and the Western Sayan. The middle-mountain relief with mountain-taiga landscapes dominates in the mountain areas, and the high-mounted one in the most elevated parts of the mountain ranges. The Minusinsk Basin (including the South-Minusinsk, Sydo-Erbinskaya and North Minusinsk basins) is characterized by steppe and forest-steppe landscapes. When estimating the water resources provision of the population of the Republic, it is necessary to note that the average-annual specific provision by local resources formed in its own territory is 38000 m^3 and reaches 193000 m^3 per capita, taking into account the flow of transit rivers. These values are significantly higher than the corresponding all-Russian parameters. However, resources are unevenly distributed, and the problem of reliable water supply of individual settlements remains quite acute in the region. At the same time, the main source of water supply in the Republic is groundwater, whose share is 96.7 % in total water consumption. Within the mountain structures of the Kuznetsk Alatau and the West Sayan, groundwater is localized in the Paleozoic deposits and is confined mainly to areas of exogenous fractures having regional distribution. Within the Minusinsk depression stratum-crack and crack waters in mid-Upper Paleozoic (Middle Devonian – Permian) sediments are common. At the same time, the main sources of the water supply for the cities of Abakan, Chernogorsk, Sayanogorsk and a number of other, smaller, settlements are the aquifers of alluvial deposits of large rivers. A variety of natural landscape-climatic, geological-structural and hydrogeological conditions determines the characteristics of the composition and quality of water in the region. It is noted that the variability of ion-salt composition, the amount of total salinity, water quality is defined by the altitudinal zonation. Mainly bicarbonate fresh water is formed within hypsometrically raised and drained hydrogeological massifs, in conditions of excess moisture and, accordingly, it is used for the water supply. Waters of the steppe part area are much more mineralized (on average, 2.1 times more than the taigawaters) and complex by their ion-salt composition, and, of course, are more enriched with both macro- and microcomponents. There are no particular problems with the quality of drinking water in the mountainous part of the region, and substandard water, appropriately treated, can relatively easily meet the requirements of SanPiN (Sanitary Regulations and Standards). The steppe part of the region does not have good drinking water. Here, the waters of almost all water-bearing rocks, with the exception of granitoids and Quaternary alluvial deposits, often have indices above regulations on the total hardness and salinity, bromine, lithium, and sometimes on the content of sulfate, chloride, boron, strontium and barium. Bringing these waters up to a standard quality requires quite complex and expensive water treatment technologies. Calculation of equilibrium of groundwater with rocks showed that they are not in equilibrium with the primary alumosilicate minerals, but are in equilibrium with secondary alumosilicate and some carbonate and sulfate minerals. Groundwater of mountain-taiga and sub-taiga zones is generally in equilibrium with kaolinite and quartz, in addition, a significant portion of them with Ca- and Mg-montmorillonite, illite, carbonate minerals, and sometimes barite. Groundwater of forest-steppe and steppe zones is often in equilibrium with barite, celestite, along with the mentioned minerals and, in rare cases, even with fluorite and gypsum. All these minerals limit the level of accumulation of corresponding elements in groundwaters.

REFERENCES

1. Pokrovskiy D.S., Dutova E.M., Kuzevanov K.I. et al. *Obespechenie naseleniya Respubliki Khakasiya pit'evoy vodoy. Kompleksnaya tselevaya programma* [Provision of the population of the Republic of Khakassia with drinking water. Integrated Target Program]. Abakan, 1999. 118 p.
2. Pokrovskiy D.S., Dutova E.M., Bulatov A.A., Kuzevanov K.I. *Podzemnye vody Respubliki Khakasiya i vodosnabzhenie naseleniya* [Groundwater in the Republic of Khakassia and water supply for the population]. Tomsk: NTL Publ., 2001. 300 p.
3. Parnachev V.P., Vishnevetskiy I.I., Dutova E.M., Pokrovskiy D.S. et al. *Vodnye resursy Shirinskogo rayona Respubliki Khakasiya* [Water resources of the Shirinsky District of the Republic of Khakassia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1999. 171 p.

4. Banks D., Parnachev V.P., Frengstad B., Holden W., Karnachuk O.V., Vedernikov A.A. The evolution of alkaline, saline ground- and surface waters in the southern Siberian steppes. *Applied Geochemistry*, 2004, v. 19, no. 12, pp. 1905–1926. DOI: 10.1016/j.apgeochem.2004.05.009
5. Parnachev V.P., Berezovsky A.Y., Banks D., Garbe-Schönberg D. Hydrochemical evolution Na-SO4-Cl groundwaters in a cold, semi-arid region of southern Siberia. *Hydrogeology Journal*, 1999, v. 7, no. 6, pp. 0546–0560.
6. Pokrovskiy D.S., Dutova E.M., Balobanenko A.A., Pokrovskiy V.D., Rekhtin A.F. Hydrogeoecological condition of the water supply of the population of the south of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 384, pp. 189–197. (In Russian).
7. Sobolev V.I. *Sostoyanie i puti sovershenstvovaniya normativnoy bazy gidrogeokhimicheskikh issledovaniy pri razvedke mestorozhdeniy podzemnykh vod* [Condition and ways to improve the regulatory framework in the hydrogeochemical studies of groundwater exploration]. In: *Gidrogeologiya, inzhenernaya geologiya. Obzor* [Hydrogeology, engineering geology. A review]. Moscow: Geoinformmark Publ., 2000. 24 p.
8. Poliyenko A.K., Dutova E.M. Urinary stones investigation and influence of the water factor to their formation in a human organism. *Proceedings KORUS 2000. The 4th Korea-Russia International Symposium Science and Technology at the University of Ulsan, Republic of Korea*, 2000, pp. 278–283.
9. Shvartsev S.L., Ryzhenko B.N., Alekseev V.A., Dutova E.M., Kondrat'eva I.A., Kopylova Yu.G., Lepokurova O.E. *Geologicheskaya evolyutsiya i samoorganizatsiya sistemy voda-poroda v 5 tomakh* [Geological evolution and self-organization of water – rock system: in 5 volumes]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2007. V. 2, 389 p.
10. Kraynov S.R., Ryzhenko B.N., Shvets V.M. *Geokhimiya podzemnykh vod. Teoreticheskie, prikladnye i ekologicheskie aspekty* [Geochemistry of groundwater. Theoretical, applied and environmental aspects]. Moscow: Nauka Publ., 2004. 677 p.
11. Zverev V.P. *Gidrogeokhimiya osadochnogo protsessa* [Hydrogeochemistry of sedimentary process]. Moscow: Nauka Publ., 1993. 184 p.
12. Mishchenko M.V., Bukaty M.B., Dutova E.M. Modelirovanie izmeneniya temperatur podzemnykh vod Yuzhno-Cheremshanskoy ploshchadi Tomskoy oblasti [Simulation of temperature changes of groundwater in the South Cheremshanskaya area of Tomsk Oblast]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2011, v. 319, no. 1, pp. 167–172.
13. Bukaty M.B. *Reklamno-tekhnicheskoe opisanie programmnogo kompleksa HydroGeo* [Advertising and technical description of the program set HydroGeo]. Moscow: VNTITs Publ., 1999. 5 p. State registration of algorithms and programs in VNTITs no. 50980000051 PK.

Received: 03 March 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 250–260. DOI 10.17223/15617793/394/39

УДК 504: 504.05

Е.М. Панченко, А.Г. Дюкарев

ЗОНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ ОБЬ-ТОМСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ПО ЭКОЛОГО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ ПРИНЦИПУ

На примере Обь-Томского междуречья проведен анализ современного использования территории и основных факторов антропогенного воздействия. Обоснована актуальность проведения функционального зонирования Обь-Томского междуречья. На основе комплексного исследования района предложена схема функционального зонирования территории, учитывающая особенности природных и социально-хозяйственных условий, для каждой зоны определены направление хозяйственной деятельности, особенности экологического состояния, потребности в восстановлении. Выделены зоны первостепенного значения для сохранения экологического состояния территории, даны рекомендации по природоохранным мероприятиям.

Ключевые слова: антропогенное воздействие; функциональное зонирование; Обь-Томское междуречье.

Введение

В настоящее время процесс антропогенного воздействия на все составляющие элементы окружающей среды стал одним из главных факторов, влияющих на экономику в целом и качество жизни населения. Обострились противоречия между различными категориями природопользователей, что предопределило необходимость управления процессами эксплуатации природных ресурсов и выработки механизмов поддержания экологической обстановки в регионах на приемлемом для современных эколого-экономических условий уровне. В связи с этим развитие теоретических основ и методов территориального управления природопользованием в новых экономических условиях приобретает все большую актуальность.

По определению Н.Ф. Реймерса (1990), природопользование – это совокупность взаимодействий общества и природной среды, в результате которых происходят изменения в географической оболочке Земли [1. С. 405]. Концептуальная основа рационального природопользования базируется на таких фундаментальных понятиях, как среда обитания, экологический потенциал, эколого-географическое районирование и др. [2. С. 29].

Согласно современным представлениям региональные эколого-географические исследования имеют своей целью выявление закономерностей в территориальной дифференциации географической среды и комплексное описание экологического состояния на конкретных территориях [3. С. 22]. Это предполагает в первую очередь изучение естественного потенциала геосистем, а затем проведение анализа антропогенных воздействий и их экологических последствий. Такой подход позволяет при исследовании природной среды проводить экологическое зонирование территории и разрабатывать многоуровневую классификацию [2. С. 33].

Необходимая корректная информация для целостной оптимизации устройства территории, пространственного разделения интересов разных хозяйствующих субъектов, нормирования ресурсопользования, соблюдения баланса между экономическими потребностями и экологическими возможностями региона может быть получена на основе эколого-функционального зонирования. В современных представлениях функциональное зонирование – это организация территории по формированию сложных природно-хозяйственных систем, характеризующихся определенной общностью, в том числе целостностью выполняемых функций и ограничениями на использование ресурсов [4. С. 12; 5]. В настоящее время при зонировании ограничиваются лишь учетом хозяйственной деятельности, т.е. ранжирование территории осуществляется по функциям, которые ориентированы только на анализ возможностей потребления того или иного природного ресурса. Более того, сама структура планирования последующих решений, как правило, не предусматривает возможности переоценки со временем приоритетов в потребностях населения (например, возрастание сейчас спроса на рекреационный ресурс). В данной работе в основе зонирования лежит комплексный учет природных и хозяйственных факторов.

Подобный подход к эколого-функциональному зонированию отличается тем, что учитываются не только ресурсный потенциал и сложившиеся особенности хозяйственного использования, но и экологические функции территории. Такая постановка задачи при зонировании и планировании территории обусловлена объективной необходимостью как экономического развития, так и защиты территории для сохранения природных качеств среды обитания людей. Именно сочетание экологических и хозяйственных аспектов позволяет определить функциональную сущность всех участков и, как следствие, провести функциональное зонирование, которое позволит решать важные задачи для организации рационального природопользования.

По нашему мнению, эколого-функциональное зонирование – это деление территории на зоны с установлением их целевого (функционального) назначения и режима использования, с определением видов и степени антропогенного воздействия. Для решения задач функционального зонирования территории необходимым критерием, отвечающим за пригодность результатов, является дифференциация территории на максимально однородные участки по физико-географическим условиям и функциональной принадлежности. Такой подход даёт возможность наиболее объективного проведения границ функциональных зон с учётом сложившихся ландшафтно-экологических особенностей территории [6. С. 109].

Таким образом, эколого-функциональное зонирование представляет собой совокупность методических инструментов, которые применяются для построения пространственной организации деятельности общества на конкретной территории, обеспечивающей устойчивое природопользование для сохранения основных функций [7. С. 12]. Необходимо подчеркнуть, что это один из важных этапов, на котором определяются и оцениваются как интересы природопользователей, так и проблемы самого природопользования. Именно на этом этапе имеется реальная возможность на основе объективной информации устранить (или снизить остроту противоречий) конфликты и разработать согласованный план действий и мероприятий, в которые вовлекаются все субъекты природоохранной и хозяйственной деятельности на территории зонирования [8. С. 24].

Объект исследования

Объектом исследования послужила территория Обь-Томского междуречья, общая площадь которой составляет 364 тыс. га (рис. 1).

Рис. 1. Схема расположения Обь-Томского междуречья в пределах Томской области

Структура природопользования здесь во многом обусловлена близостью к крупному центру и сложилась в соответствии с геоморфологическим строением и различиями ресурсного потенциала. В настоящее время Обь-Томское междуречье – в полной мере освоенная территория со сложной хозяйственной структурой, позволяющая отработать разные модели природопользования. Это создает предпосылки для совершенствования устройства территории, разработки системы природопользования, учитывающей не только хозяйственные, но и экологические ценности. Возникает необходимость в бережном отношении к исторически сложившейся хозяйственной структуре, сохранении природного облика, осуществлении комплексной реконструкции и восстановления земель. Разнообразие природных условий и ресурсов здесь благоприятствует развитию как сельского, так и лесного хозяйства. При анализе природно-ресурсного потенциала нами рассматривается не весь комплекс ресурсов, а наиболее хозяйственно и экологически значимые на современном этапе развития. Прежде всего это лесные, земельные и водные ресурсы. В последнее время значительно возрастает социальная значимость рекреационных ресурсов, что требует повышенного внимания к сохранению ландшафтного разнообразия и экологического потенциала.

На территории междуречья с 1973 г. функционирует крупнейшее в России месторождение пресных подземных питьевых вод. Утвержденные эксплуатационные запасы подземных вод составляют 499 тыс. м^3/сут. Месторождение расположено в 7–50 км от г. Томска и полностью обеспечивает его хозяйственно-питьевое водоснабжение. При включении полного комплекса скважин водозабор выходит на проектную мощность – 260 тыс. м^3 в сутки. Согласно отчетам «Водхоза» (форма 2-ТП) реальное количество извлеченной воды по годам различается незначительно. К примеру, за 2009 г. добыто 69,70 млн м^3 (190,44 тыс. м^3/сут.) [9. С. 8]. Необходимость сохранения подземного источника водоснабжения требует отнесения значительной части междуречья к территории особой экологической значимости, в которой требуется выверенное сочетание хозяйственных и природоохранных интересов, что также обусловливает необходимость проведения эколого-функционального зонирования.

Структура земельного фонда междуречья отличается высоким разнообразием (таблица). Общая площадь лесного фонда Обь-Томского междуречья 264 733 га. Из них 198 117 га представлены как эксплуатационные леса [10. С. 21]. Однако реальная площадь лесов, пригодных к хозяйственному использованию, меньше, так как значительная их часть представлена молодняками или отнесена к различным категориям защитности. Наиболее ценными в экологическом и ресурсном отношении являются сосновые и кедровые леса, занимающие соответственно 71,1 и 17,7 тыс. га [Там же. С. 33]. Кроме древесных ресурсов, леса Обь-Томского междуречья богаты и недревесными: кедровыми орехами, лекарственными дикорастущими травами. Богатые ягодами и грибами леса являются любимым местом отдыха горожан и местных жителей. В эстетическом отношении наибольшее рекреационное значение имеют сосняки зеленомошные, кедровники и сосняки разнотравной группы. Сосновые боры отличаются хорошей проходимостью. Климат Томска умеренный, подходящий для отдыха разных возрастных групп и не требует акклиматизации. Таким образом, разнообразные ландшафты междуречья характеризуются высокой рекреационной значимостью и обладают всей совокупностью свойств, обеспечивающих комфортные условия для отдыха, охоты, рыбной ловли, сбора дикоросов, научно-познавательного туризма.

Здесь сочетаются высокобонитетные почвы, пригодные для всестороннего сельскохозяйственного использования, и низкобонитетные лесные почвы. Земли сельскохозяйственного назначения приурочены к участкам междуречной равнины с преобладанием серых суглинистых почв и высоким поймам с преобладанием луговых почв. При этом дренированные почвы используются для возделывания зерновых и кормовых культур, а луговые почвы пойм более целесообразно использовать в пригородной зоне для выращивания овощей.

Структура земельного фонда Обь-Томского междуречья, тыс. га
([10. С. 24] и по данным Комитета по земельным ресурсам и землеустройству Томского района, 2008)

Наименование	Общая площадь, тыс. га	% от общей площади
Земли лесхозов	252,7	69,4
в том числе покрытые лесом	243,5	66,9
в том числе болота	7.1	1,9
Земли сельхозназначения	73,5	20,2
в том числе пашни	23,7	6,5
Земли запаса	4,5	1,2
Земли населенных пунктов	34,6	9,5
Прочие (озера, дороги, неудобицы и др.)	30,6	8,4

В результате активных хозяйственных и рекреационных нагрузок естественные ландшафты Обь-Томского междуречья уже в значительной степени трансформированы. Коренные леса вырублены и находятся на различной стадии сукцессионного восстановления. Поверхностные воды загрязнены хозяйственно-бытовыми отходами. Значимым фактором влияния техногенного воздействия на природные ландшафты является эксплуатация подземных источников водоснабжения. Под влиянием интенсивного водоотбора на территории междуречья сформировалась воронка депрессии, в пределах которой произошли значительное снижение (до 11 м) уровня подземных вод и изменение водного режима в зоне аэрации. Наибольшие изменения отмечены в районе действия первой очереди водозабора и у подножия террас, где произошла наибольшая сработка уровня почвенно-грунтовых вод, выявлены деградация мелкозалежных олиготрофных болот и постепенное их выгорание [11. С. 364]. Идентификация влияния рекреационных нагрузок определяется лишь субъективно, через увеличение числа возгораний в наиболее посещаемые сезоны, снижение биологического разнообразия и продуктивности лесов. В наибольшей степени это проявляется в припоселковых кедровниках, где отмечаются повышение числа больных деревьев, активизация вредителей и снижение урожайности. Полностью преобразованными ландшафтами в процессе хозяйственной деятельности являются пашни.

Материалы и методы исследования

Для анализа Обь-Томского междуречья использовались материалы статистических сборников Администрации Томской области, комитетов по земельным ресурсам и землеустройства. Информационную базу исследования составили крупномасштабные картографические источники: 1) топографические карты масштаба 1: 100 000, выполненные в ГУГК при СМ СССР на основе АФС 1986 г. (6 листов); 2) план землеустройства масштаба 1:100 000, выполненный в ВИСХАГИ Роскомзем 1998 г. (1 лист); 3) карта-схема почвенно-экологических типов Обь-Томского междуречья, составленная А.Г. Дюкаревым и Н.Н. Пологовой [12. С. 147]; 4) карты геолого-геоморфологического строения Обь-Томского междуречья (из архива ОАО «Томскгеомониторинг») масштаба 1:200 000; 5) карта-схема деления лесов по целевому назначению и категориям защитных лесов Тимирязевского лесничества масштаба 1: 300 000, составленная департаментом лесного хозяйства Томской области (2014 г.) [10. С. 240]; 6) карта-схема трансформированных территорий под воздействием Томского водозабора, составленная А.Г. Дюкаревым и Н.Н. Пологовой совместно с ОАО «Томскгеомониторинг» [13. С. 244]; 7) космический снимок Landsat (США) с пространственным разрешением 30 м.

При решении поставленных задач применялись как традиционные, так и современные методы комплексных ландшафтно-географических исследований (географического описания, ландшафтного анализа и синтеза, геоинформационного картографирования, полевые исследования). Кроме того, в работе использованы материалы полевых исследований и разнообразная фондовая информация.

Методика зонирования состоит из двух этапов: первый – выделение хозяйственных зон, второй – экологическая составляющая зонирования. На этапе первичного зонирования полученные результаты ранжировались нами на основе классификации типов земель по преобладающему фактору хозяйственного использования территории. Ключевым моментом зонирования, от которого во многом зависят результаты исследования, является блок, в рамках которого происходит функциональная идентификация участков [14. С. 19]. Современная структура землепользования имеет вид мозаики природно-хозяйственных выделов, сформировавшейся в процессе взаимодействия природы и общества. Функциональная неоднородность пространства также является одной из фундаментальных закономерностей географической среды. Для нормального функционирования района все экосистемы важны. Однородные по природным особенностям и формам хозяйственного использования участки объединяются в зоны. Идентификация природно-хозяйственных функций основывается на совместном анализе природных, нормативно-правовых и социально-экономических факторов. За концептуальную основу принято определение функциональной зоны как системы взаимодействия человеческого общества и природной среды, основанного на потребности развития общества и реальной природной ценности конкретного района, ее ресурсном потенциале. Сложнее определить границы рекреационной и природоохранной функций. Эта категория включает, наряду с ООПТ, земли рекреационного, природоохранного и историко-культурного назначения.

В настоящее время принято зонирование по преобладающим типам функционального назначения [15. С. 45]:

• природоохранные зоны – охраняемые природные территории, обеспечивающие сохранение редких видов птиц, животных и растений, обеспечивающие сохранение естественной среды обитания;

• рекреационные зоны – местности, в пределах которых сохранены или восстановлены зеленые насаждения, которые после выполнения комплекса мер по их благоустройству могут использоваться в рекреационных целях;

• лесохозяйственные зоны – территории, в пределах которых основным видом деятельности является заготовка древесины, восстановление и охрана лесных ресурсов;

• сельскохозяйственные зоны – земли, используемые для производства сельскохозяйственной продукции (зернопроизводство, овощеводство, животноводство и др.);

• селитебные зоны – земли, в пределах которых проводится жилая застройка;

• промышленные зоны (промзоны) – участки, в пределах которых расположены разного рода промышленные предприятия;

• земли транспортно-инженерных коммуникаций – участки, находящиеся под дорогами, ЛЭП, нефте- и газопроводами и т.д.;

• резервные земли – местности, которые в настоящее время не используются и не имеют охранного статуса из-за труднодоступности и временной непригодности для различных видов деятельности.

На оценочном этапе добавлялись обобщающие экспертные оценки: антропогенная преобразованность территории, многофункциональность зоны и функциональный конфликт.

Предлагаемые подходы базируются в первую очередь на природоохранных принципах, и в этом случае зонирование направлено на: обеспечение благоприятной среды обитания; решение проблем, связанных с защитой территорий при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера; предотвращение загрязнения окружающей природной среды; обеспечение охраны и рационального использования природных территорий. Зонирование, устанавливая виды и параметры разрешенного использования земель, помогает сохранять ресурсы и последовательно решать экологические проблемы и позволяет сохранять качества среды проживания [4. С. 20].

Результаты исследования

Территория нашего исследования является сложным полифункциональным эколого-социально-экономическим объектом; резервом для расширения территории города; стратегическим объектом в связи с эксплуатацией водозабора; зоной сельскохозяйственного и лесохозяйственного производства; территорией интенсивного рекреационного использования. Поэтому здесь необходимо проведение зонирования, сочетающее географические и экологические аспекты и позволяющее выработать научно обоснованные рекомендации для оптимизации существующих систем землеустройства и комплекса мероприятий по защите окружающей среды в современных условиях. Результатом комплексного анализа является подробная характеристика природных и хозяйственных условий каждого конкретного участка, включая существенные факторы развития, перечень реальных и потенциальных проблем, ключевых конфликтов ресурсопотребления, перечень наиболее чувствительных к антропогенным воздействиям участков. Таким образом, проведение комплексного эколого-функционального зонирования территории является необходимым условием для организации территории с целью сохранения среды обитания.

На основе анализа разнообразной информации, с учетом природных, социально-экономических, эколого-экономических факторов, сложившейся структуры природопользования и с учетом элементов экологических функций, нами предложена схема функционального зонирования территории (рис. 2), отражающая не только современные ее состояния, но и перспективы использования:

1. Селитебные земли. Территории, обустроенные для постоянного или сезонного проживания жителей, включающие территорию застройки с инфраструктурой, огороды или приусадебные участки. Обь-Томское междуречье отличается относительно высокой плотностью поселений, особенно в центральной части древней равнины и вдоль рек. В зону включены территории, обеспечивающие функционирование разного размера населенных пунктов.

Прежде всего это:

– собственно селитебные земли – участки земель, находящиеся под застройкой с прилегающими огородами;

– инфраструктурные земли, находящиеся под дорогами, ЛЭП, административными зданиями и зданиями социальной структуры и др.;

– естественные и рукотворные водоемы.

Выделено два типа использования и нагрузок: 1) сельского типа и 2) дачно-садового типа. Первый тип относится к категории природно-техногенных систем и характеризуется высоким уровнем антропогенных нагрузок. Поэтому наиболее важным является контроль экологического состояния, загрязнения воды, воздуха и окружающей среды. В местах поселений на территории междуречья остро стоит проблема бытовых отходов. Местных полигонов недостаточно, а муниципальные предприятия не справляются с вывозом мусора. В итоге все окружающие село леса замусорены. Выход из сложившейся ситуации только один – налаживать переработку мусора на месте. В настоящее время наметилась тенденция расширения поселков и возникновения на месте сельхозугодий новых.

Здесь важно учитывать, что большая часть поселений расположена на наиболее продуктивных землях и их застройка снижает экономический потенциал территории, повышает социальные обязательства и экологические риски. Поэтому необходимо для каждого населенного пункта разрабатывать экологически безопасные и экономически обоснованные перспективные планы развития. Также необходимо учитывать, что с развитием поселения обострится проблема утилизации бытовых отходов.

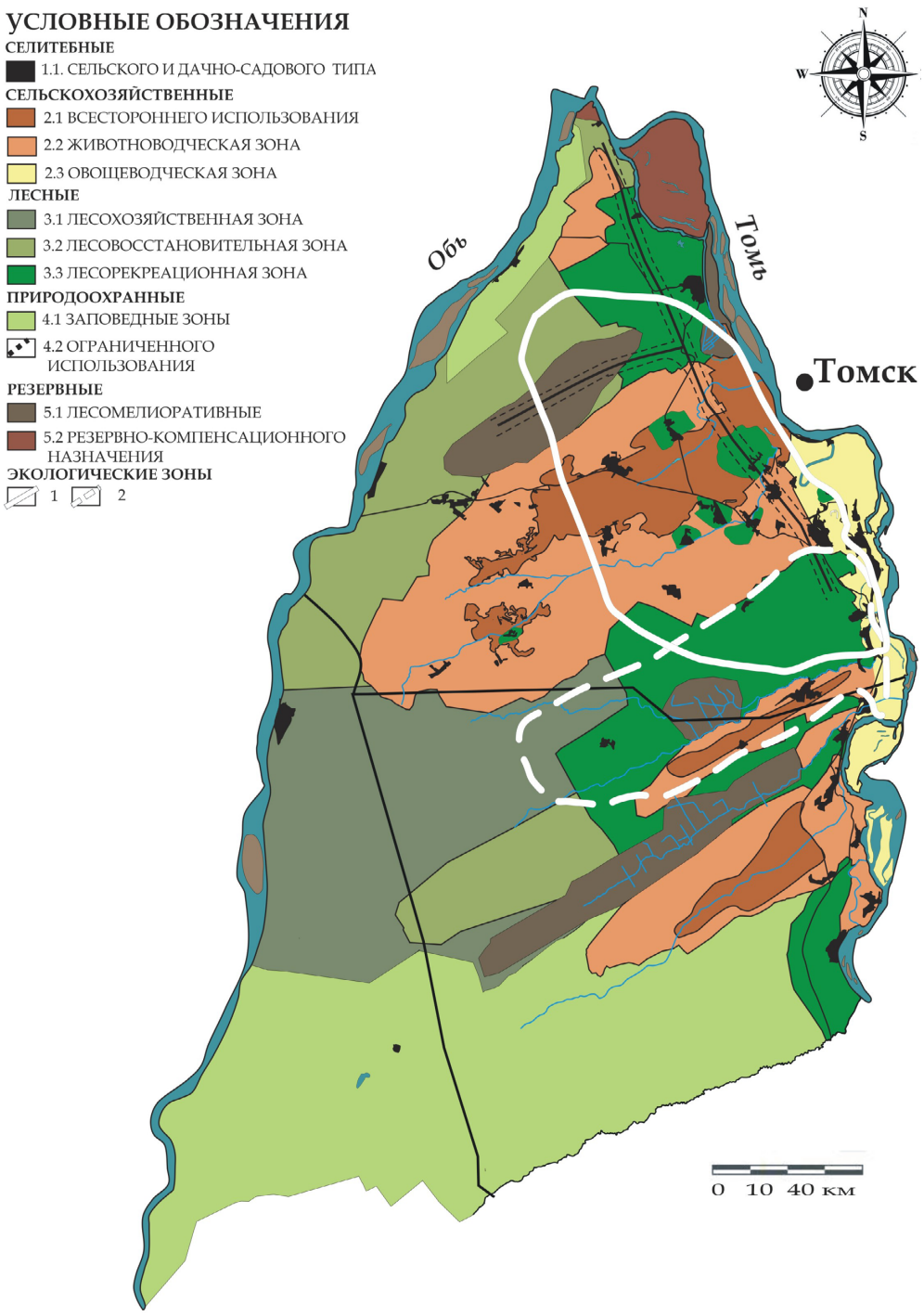

Рис. 2. Схема эколого-функционального зонирования Обь-Томского междуречья

Близость к городу обусловила появление на междуречье садоводческих кооперативов и дачных участков. В отличие от селитебных территорий сельского типа, здесь меньше капитальных строений и менее развита инфраструктура, меньше дорог с твердым покрытием. Основная часть участков используется для выращивания овощей, возделывания ягодных кустарников и плодовых культур. Строения преимущественно небольшие по размерам, временного типа. Культура земледелия на садовых участках выше, чем в сельских поселениях. Функционируют садовые участки только в летнее время, поэтому степень антропогенных нагрузок невысокая. В большинстве случаев садовые участки хорошо вписываются в естественные условия. Экологические проблемы связаны с недостаточно хорошо организованной утилизацией отходов. Однако даже при такой организации окрестности садовых участков менее замусорены, чем окрестности сел. Сейчас наметилась тенденция строительства на садовых участках более капитальных строений и постепенной трансформации их в дачные поселки. В перспективе эти пространства можно использовать под малоэтажное строительство, для чего необходимы асфальтирование дорог, строительство очистных сооружений, развитие инженерной инфраструктуры при особом

требовании к их качеству, учитывающем экологическую значимость территории.

Для сохранения окружающей среды необходимо правовое закрепление за дачно-садовыми товариществами и кооперативами зеленых зон. Размеры лесопарковых зон определяются размерами участка и варьируют от 100 до 300 м.

Однако здесь необходимо особо отметить, что нерегулируемая интенсивная застройка садовыми участками в водоохранной зоне может нанести серьезный ущерб природному комплексу, особенно из-за широкого применения современных моющих средств, отсутствия системы утилизации канализационных сбросов и вывоза мусора.

2. Сельскохозяйственные земли. Это участки денудационно-аккумулятивной равнины с наиболее высокобонитетными почвами, давно освоенные и используемые для производства сельскохозяйственной продукции. Здесь значительна доля пашни. По агропроизводственной значимости и перспективам экономически эффективного использования земли разделяются на зоны с различным целевым использованием.

2.1. Сельскохозяйственная зона всестороннего использования. Центральная часть междуречья обладает наиболее высокобонитетными темно-серыми и серыми почвами. Территория характеризуется максимальными трансформациями природной среды и формированием ландшафтов нового типа – агроценозов. Распаханность территории достигает 70%. Нераспаханными остались только земли, прилегающие к логам, и другие неудобицы. Коренная растительность сильно нарушена и представлена небольшими островами производных осиново-березовых, реже – сосново-березовых травяных лесов.

Высокое плодородие почв при оптимальных условиях увлажнения и достаточных запасах тепла позволяет возделывать здесь большинство районированных сельскохозяйственных культур. Однако при планировании хозяйственной деятельности необходимо учитывать, что только здесь возможно продуктивное зернопроизводство. Территории характеризуются крайней степенью агрохозяйственной трансформации со всеми вытекающими последствиями – развитием эрозионных и деградационных процессов и снижением плодородия. Получение устойчивых урожаев здесь возможно только при соблюдении комплекса агротехнических мероприятий, направленных на сохранение и повышение плодородия. Прежде всего это внесение органических и полного комплекса минеральных удобрений, глубокая безотвальная обработка для снижения плотности и повышения аэрируемости почв, борьба с сорняками. К сожалению, значительная часть полей сейчас давно заброшена. Заросшие поля весной являются чаще всего причинами возгораний и соответственно повышают пожароопасность не только этой территории, но и прилегающих лесных массивов. Поэтому необходимы превентивные противопожарные мероприятия до наступления весенних палов. Самым простым противопожарным мероприятием является опахивание заброшенных полей. Другим не менее важным экологическим мероприятием для этой зоны является сохранение мест гнездования птиц и размножения мелких животных, организация безопасных коридоров для их миграции.

2.2. Сельскохозяйственная животноводческая зона. К животноводческой зоне относятся участки с менее плодородными светло-серыми и серыми лесными почвами. Частично к животноводческой зоне можно отнести и пойменные луга. Зона также характеризуется высокой степенью сельскохозяйственной преобразованности. Однако степень земледельческой освоенности здесь значительно ниже – 30–50%. Естественная растительность приурочена преимущественно к склоновым и переувлажненным территориям и представлена травяными мелколиственными молодняками с преобладанием в составе древостоя осины. В структуре сельскохозяйственных земель преобладают луга и сенокосы. Сенокосы преимущественно культурные, давно освоенные после сведения леса. Пашни также используются преимущественно для производства кормов. Заброшенных и зарастающих пашен здесь значительно больше, чем в первой зоне. Перспективы использования территории в первую очередь должны быть связаны с производством кормов. Однако возделывание кормовых культур требует применения высоких доз минеральных и органических удобрений, а на кислых почвах и известкования. Требуется улучшение конфигурации полей, для чего необходимо проводить культуртехнические и мелиоративные мероприятия по улучшению водно-воздушного режима почв. Как простейшие на переувлажненных участках можно рекомендовать улучшение поверхностного стока. Для этого на основе естественного рельефа необходимо формировать ложбинно-тальвеговую дренажную сеть. Сведение естественной лесной растительности также улучшает сброс поверхностной влаги после снеготаяния и сильных дождей. Следует подчеркнуть, что пространственно зона весьма неоднородна и содержит элементы разной хозяйственной и экологической значимости. Относительно крупные лесные массивы обеспечивают сохранение и поддержание биологического разнообразия, а травяные березняки паркового типа могут рассматриваться как используемые местным населением для сбора дикоросов рекреационные зоны. Отметим, что граница между первой и второй сельскохозяйственными зонами весьма условна.

2.3. Сельскохозяйственная овощеводческая зона. Учитывая, что исследуемая территория прилегает к большому городу, немаловажное значение имеет производство свежих овощей. Выращивание овощей предполагает доступность воды для полива, повышенную влажность воздуха. Такие условия создаются на пойменных землях. Поэтому значительная часть прилегающих к Томску пойменных земель может рассматриваться как перспективная для овощеводства. Экологические риски здесь связаны с внесением высоких доз минеральных удобрений, гербицидов и других химических препаратов, что неизбежно приводит к загрязнению среды. Также необходимо исключить отравление птиц и животных удобрениями. Для этого при внесении удобрений, особенно гранулированных,

необходима одновременная их заделка в почву. Также необходимо и учитывать высокий уровень антропогенных рекреационных нагрузок в прибрежной части Томи и Оби в летний период. Нерегламентированное рекреационное воздействие снижает устойчивость пойменных земель. Как с экологической, так и с хозяйственной точки зрения требуются ограничения в размерах полей и разделений их защитными полосами. Вероятность возникновения пожара очень низкая.

3. Лесные земли. Земли, занятые естественной лесной растительностью разного возраста и состава, относящиеся к гослесфонду. Хозяйственная и экологическая значимость неоднородна. Наиболее крупные лесные массивы приурочены к ложбинам древнего стока, террасам и периферийным частям междуречной равнины, сложенным неоднородными по составу суглинисто-супесчанными отложениями. В категории лесных земель по экологической и хозяйственной значимости выделяются лесохозяйственные, лесовосстановительные и лесорекреационные зоны.

3.1. Лесохозяйственная зона. Коренные леса, допускающие проведение полного комплекса лесохозяйственных мероприятий – от заготовки древесины до восстановления и охраны леса. Наиболее продуктивны, с высокой скоростью естественного восстановления, сосновые леса, формирующиеся на песчаных и супесчаных отложениях краевой части ложбин древнего стока. Здесь активно велась и ведется заготовка леса. Однако к настоящему времени лесов в возрасте рубки сохранилось мало. Поэтому основным видом необходимой деятельности на ближайшие десятилетия является охрана лесов. Заготовка древесины ограничена выборочными рубками. Сформировавшиеся сосновые молодняки разного возраста, с примесью лиственных пород и, как правило, загущены. При своевременном прореживании и рубках ухода можно ускорить доведение лесов до товарной «спелости». Сосновые леса являются наиболее пожароопасными для территории, требуют повышенных мер охраны и проведения систематических противопожарных мероприятий, поддержания сети противопожарных полос. Ситуация с пожарами усугубляется и тем, что эти леса богаты дикоросами и летом подвергаются интенсивному рекреационному воздействию.

Леса в переходной части – травяные смешанные. В пониженных увлажненных местообитаниях в состав древостоя входят кедр, пихта и ель, единично лиственница. Товарное качество древесины невысокое, а естественное возобновление затруднено. Здесь также необходим комплекс мер по щадящему лесопользованию и ограничению рубки лесных массивов, где в структуре древостоя присутствует кедр. Именно кедровые леса выполняют важную экологическую роль, поддерживая биологическое разнообразие территории. Рубки ухода должны проводиться только по санитарным показаниям. Полностью должна исключаться из рубок лиственница. В целом здесь отмечаются невысокий уровень антропогенных нагрузок и средняя степень пожарной опасности. Широко распространенные лиственные молодняки не имеют и не будут иметь в ближайшее время хозяйственного значения. Их территорию можно использовать для восстановления более ценных хвойных древостоев методом лесных культур, а при наличии достаточного количества жизнеспособного подроста – методом осветления.

3.2. Лесовосстановительная зона. Участки ложбин стока, где коренные леса вырублены и требуется время для их восстановления. В настоящее время распространены кустарничково-зеленомошные сосновые молодняки разного возраста. В перспективе здесь сформируются высокобонитетные сосновые леса. Для этого необходимо проведение мероприятий по уходу и своевременному прореживанию древостоев. Однако при восстановлении лесов нужно учитывать, что экологическая значимость здесь значительно выше, чем хозяйственная. Во-первых, при высокой фильтрационной способности песков леса и лесные подстилки защищают подземные воды от загрязнения. Во-вторых, эти леса богаты дикоросами, обладают высоким ресурсным потенциалом. Богатые дикоросами и фитонцидами леса даже сейчас привлекают жителей города и окрестных поселков для отдыха, что повышает опасность возникновения пожаров. Поэтому особое внимание необходимо уделять противопожарным мероприятиям. В перспективе здесь должна быть сформирована рекреационная зона, а лесные массивы включены в зеленую зону города с повышением категории защитности.

3.3. Лесорекреационная зона. Наиболее освоенные в туристском отношении и используемые для сбора дикоросов высокобонитетные сосновые леса, сформированные на песках в ложбинах древнего стока и террасах р. Томи. Еще в позапрошлом веке в этих лесах, как «государевых», начались лесоустроительные работы, здесь была ограничена хозяйственная деятельность, организована охрана. Однако в тяжелые годы после Гражданской, а затем и Великой Отечественной войны леса были вырублены. В настоящее время лесные массивы в значительной мере восстановлены, выделены в лесопарковую зону и рубка леса здесь запрещена. Исключение составляют только санитарные рубки и рубки ухода. Необходимость проведения санитарных рубок связана с высокой зараженностью лесов сосновой и лиственничной губкой, поэтому при их проведении необходимо полностью вывозить древесину и сжигать порубочные остатки.

К этой зоне относятся и припоселковые кедровники, которые фактически выделены как ботанические памятники, но выполняют и функцию рефугиума, обеспечивающего сохранение и воспроизводство биологического разнообразия. Возможность широкой трактовки кедровников как природоохранных территорий отражает три уровня значимости: региональный – зеленые зоны населенных пунктов, национальный – памятники культурно-исторического значения и мировой – лесные массивы, уникальные по породному составу и продуктивности [16. С. 77]. Эти уникальные по рекреационным свойствам и продуктивности лесные территории, сформированные традициями общинного землепользования, представляют собой экологически и социально значимые площадные элементы территории.

В настоящее время значительная часть припоселковых кедровников находится в неудовлетворительном состоянии и требует реконструкции [16. С. 77]. Основной причиной деградации кедровников является поражение древостоев энтомовредителями, грибковыми заболеваниями, быстро распространяющимися на фоне интенсивных антропогенных нагрузок и ухудшения условий местообитания [17. С. 21].

Поэтому на данных типах территории необходимы восстановительные мероприятия. Рубки ухода повышают рекреационные и эстетические свойства территорий, делают их более привлекательными для отдыха, снижают опасность возникновения пожаров. Необходимо отметить, что основными хозяйственными мероприятиями на этой территории должны являться противопожарные. В качестве основных природоохранных мероприятий можно выделить: организацию системы противопожарных полос, уборку сухостоя, валежа и порубочных остатков, организацию контроля над количеством отдыхающих, вплоть до запрета посещения лесов в период высокой опасности возникновения пожаров. Также необходимы организация стационарных мест отдыха и сбора мусора, пропаганда «цивилизованного» поведения в лесу и сбора дикоросов.

4. Природоохранные земли. Обь-Томское междуречье имеет достаточное количество земель природоохранного назначения, особенно в южной части района. Однако природоохранные участки распределены по территории крайне неравномерно.

4.1. Заповедные зоны. Это участки заказников, с включением массива болот на террасах Оби, и участок леса, защищающий нерестилища ценных рыб на севере Обь-Томского междуречья.

Заказники созданы для восстановления и сохранения численности ценных промысловых, редких и исчезающих видов животных, поддержания экологического равновесия в районе с повышенной антропогенной нагрузкой. Зоны выполняют стабилизирующую функцию территории. Здесь запрещены рубка леса, за исключением рубок ухода и санитарных рубок, раскорчевка, распашка земель, мелиоративные работы. Используется заказник не только для воспроизводства и сохранения биоразнообразия, но и как научно-познавательный объект в системе экологического туризма. Здесь отмечается удовлетворительное экологическое состояние из-за отсутствия прямого антропогенного воздействия. Однако об отсутствии косвенного влияния на эти участки мы не можем утверждать. Несмотря на то что заказники достаточно давно выделены, для них не проведен необходимый комплекс работ – зонирование территории и межевание границ, не соблюдается режим охранной зоны. Здесь необходимо разработать план по развитию территории, сохранению животного и растительного мира.

4.2. Земли ограниченного хозяйственного использования. Это линейные объекты природоохранного назначения, которые включают в себя санитарную зону защиты водозабора, водоохранные зоны и экологические коридоры. Лесополосы санитарно-защитных зон имеют строгий режим охраны. Необходимы реконструкция разрушенных лесополос и увеличение ширины защитных зон для обеспечения в полной мере возможности выполнения ими экологических функций. Для защиты берегов рек от разрушения высаживаются ивняки и другие вегетативно возобновляющиеся кустарники. Для перехвата и последующей водного стока очистки, поступающего с сопредельных территорий (с полей, дорог, населенных пунктов и т.д.), приемлемы высокопродуктивные, с мощной лесной подстилкой и многоярусные (с кустарниками) хвойно-лиственные леса. Они способны аккумулировать, очищать, а затем переводить в подземный сток огромные массы воды.

5. Резервные земли. Территории, которые в настоящее время не имеют хозяйственной ценности, но в перспективе могу быть освоены. Однако для этого требуется проведение определенных мероприятий. Затраты на освоение определяются планируемым направлением использования и глубиной необходимых преобразований.

5.1. Лесомелиоративные зоны являются наиболее значимым по размерам резервом земель. Мелиоративный фонд включает болота и заболоченные земли. Сильно заболочены на территории междуречья поймы Оби и Томи и их первые террасы, широкие части долин малых рек, пониженные элементы рельефа ложбин древнего стока. Заболоченные леса – малопродуктивные, трудно восстанавливающиеся. Болота на территории разного типа. В долинах и поймах рек болота низинные евтрофные, реже мезотрофные. В ложбинах стока формируются преимущественно болота олиготрофного и мезотрофного типа. Хозяйственная значимость заболоченных земель невелика. Проведенные более 40 лет назад эксперименты по осушению не привели к формированию продуктивных лесов. Не наметилась даже тенденция в этом направлении. В то же время изменился водный режим окружающих лесных земель, а изменения в болотных системах привели к снижению продуктивности ягодников, ухудшению кормовых условий для птиц и животных, соответственно, снижению биоразнообразия. Осушение болот с целью добычи торфа также негативно воздействует на окружающую среду, приводит к снижению водности рек, протекающих через болота и вытекающих из них. Примером является исчезнувшая река Пылковка. Проведенные в разных регионах России, Белоруссии и других странах мира исследования показали, что экологическая роль болот значительно выше их утилитарного хозяйственного значения. Болотные системы являются регуляторами увлажнения территории, поверхностного и грунтового стока. Болота значительно меньше подвержены рекреационным нагрузкам, поэтому являются зонами покоя, в которых могут размножаться животные. Следовательно, осушать лесные болота следует с большой осторожностью и только при большой необходимости.

Несколько иная ситуация с евтрофными болотами в поймах рек. Во-первых, это территории избыточно увлажненные, но перспективные для сельскохозяйственного освоения. Низинные торфяники, как прави-

ло, небольшой мощности, и после осушения их можно использовать под возделывание овощей и кормовых культур. Ежегодное подтопление паводковыми водами позволяет поддерживать относительно устойчивое увлажнение. Во-вторых, низинные торфа являются ценным органическим удобрением и мелиорантом, обеспечивающим повышение продуктивности пахотных земель. Особенно важно внесение торфа при возделывании овощей. Однако и здесь подстерегает опасность переосушения, ускоренной минерализации торфа и возникновения торфяных пожаров.

5.2. Земли резервно-компенсационного назначения. Другие категории неиспользуемых и труднодоступных земель, для освоения которых требуются затраты, несоизмеримые с полученными результатами. В то же время эти территории, являясь зонами покоя, играют важную роль в сохранении биологического разнообразия. К примеру, крупные острова, расположенные в северной части междуречья, выполняют функцию заповедных территорий, в которых размножаются многочисленные водоплавающие и певчие птицы, а перелетные птицы используют эти острова для отдыха. В перспективе наиболее целесообразно здесь организовать орнитологический заказник.

Однако одной из задач, решаемых при функциональном зонировании территории, является отражение антропогенного воздействия, оказываемого на природный комплекс. При помощи экспертного анализа свойств территории, при котором оценивались антропогенная преобразованность, экологический риск, нами выявлены экологические зоны особого внимания (см. рис. 1).

Основным видом воздействия, не совпадающим с границами функциональных зон, является воздействие водозабора. Как отмечалось выше, на территории из-за действия водозабора образовались воронки депрессии, что ведет к изменению условий увлажнения. По нашему мнению, крайне необходимо здесь выделить особую **зону повышенного контроля и ограниченного использования (зона 1)**, так как дополнительные источники внешнего воздействия могут пагубно повлиять не только на прилегающие лесные земли, но и на качество подземных вод. При чрезмерном осушении повышается опасность возгорания, поэтому вся территория сформировавшейся воронки депрессии должна быть взята под повышенный контроль, а противопожарные меры здесь должны быть усилены.

Также выделена зона **повышенного антропогенного воздействия (зона 2) –** конфликтная зона, где происходят наложение нескольких функций территорий (природоохранная и рекреационная) и пересечение антропогенных воздействий (влияние водозабора, рекреация и, как следствие, повышенная пожароопасность).

Заключение

Проведенное нами зонирование отражает современное состояние природной среды и не ставит задачи реализации кардинальных перемен в сложившейся структуре территории. Однако понятно, что невозможно и «законсервировать» территорию. Эколого-функциональное зонирование проводится с целью грамотной, регламентированной организации территории с разработкой нормативов природопользования для каждой зоны, для своевременного решения возникающих хозяйственных и экологических конфликтов. Проект зонирования отдельной территории, предусматривающий возможность качественного прогноза трансформации компонентов природного комплекса, должен быть «пластичным», т.е. изменяться соответственно новым требованиям общества в данный момент времени, факторам техногенной нагрузки или климатических изменений. Временной аспект зонирования очень важен, а следовательно, необходим постоянный мониторинг территории исследования и внесения корректировки в схему зонирования. В целом следует отметить, что разработанная схема в значительной степени носит экспертный характер, но имеет принципиальное значение при разработке доступных на современном этапе организационных и правовых мероприятий устройства территории с целью более эффективной и экологически безопасной системы природопользования и создания системы контроля за состоянием природной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Реймерс Н.Ф.* Природопользование : словарь-справочник. М. : Мысль, 1990. 639 с.
2. *Исаченко А.Г.* Введение в экологическую географию. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 192 с.
3. *Чибилев А.А.* Введение в геоэкологию (эколого-географические аспекты природопользования). Екатеринбург, 1998. 54 с.
4. *Буруль Т.Н.* Зонирование территории Волгоградской агломерации по степени антропогенной нагрузки : автореф. дис. … канд. геогр. наук. Волгоград, 2005. 25 с.
5. *Кочуров Б.И.* Геоэкология: экодиагностика и эколого-хозяйственный баланс территории. Смоленск : СГУ, 1999. 154 с.
6. *Исаченко Г.А., Исаченко Т.Е., Косарев А.В.* Ландшафтно-динамический подход в территориальном планировании // Территориальное планирование: новые функции, опыт, проблемы, решения / под ред. А.И. Чистобаева. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 101–117.
7. *Антипов А.Н., Семенов Ю.М.* Ландшафтное планирование в Прибайкалье // География и природные ресурсы. 2006. № 1. С. 11–18.
8. *Антипов А.Н., Дроздов А.В., Кравченко В.В. и др.* Ландшафтное планирование: принципы, методы, европейский и российский опыт. Иркутск : Изд-во Института географии СО РАН, 2002. 141 с.
9. *Отчет* МП «Водоканал» за 2009 год. Томск, 2009. 34 с.
10. *Лесохозяйственный* регламент Тимирязевского лесничества Томской области. Томск, 2014. 199 с.
11. *Дюкарев А.Г., Пологова Н.Н.* Водный режим почв в зоне влияния Томского водозабора // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 363–372.
12. *Дюкарев А.Г., Пологова Н.Н.* Типология земель на основе структуры почвенного покрова как способ эколого-хозяйственной организации территории Обь-Томского междуречья // Вопросы географии Сибири. 2001. Вып. 24. С. 140–160.

13. *Дюкарев А.Г., Пологова Н.Н., Базанов В.В., Льготин В.В. и др.* Состояние природной среды в зоне действия Томского водозабора // Измерения, моделирование и информационные системы как средства снижения загрязнений на городском и региональном уровне : тр. Междунар. конф. «ENVIROMIS». Томск, 2002. Т. 2. С. 244–251.
14. *Чуканова О.А.* Функциональное зонирование Черноморского побережья России для рационального природопользования : автореф. дис. … канд. геогр. наук. М., 2004. 25 с.
15. *Толстихин Д.О., Соколова Д.О.* Функциональное зонирование городской территории. Геоэкологическое обоснование // Геоэкология урбанизированных территорий : сб. тр. Центра практической геоэкологии / под ред. В.В. Панькова, С.М. Орлова. М. : ЦПГ, 1996. 108 с.
16. *Дюкарев А.Г., Пологова Н.Н., Кривец С.А., Бисирова Э.М.* Припоселковые кедровники как объект охраны и реконструкции // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2009. Вып. 2. С. 75–83.
17. *Пологова Н.Н., Дюкарев А.Г.* Почвы припоселковых кедровников // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2013. № 2 (22). С. 8–22.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 20 февраля 2015 г.

ZONING OF THE OB-TOM INTERFLUVE TERRITORY BY THE ECOLOGICAL AND FUNCTIONAL PRINCIPLE

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 250-260. DOI 10.17223/15617793/394/39

Panchenko Ekaterina M., Dyukarev Anatoly G. Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems (IMCES), SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pakatya@sibmail.com; DAG@imces.ru

Keywords: anthropogenic impact; ecological and functional zoning; Ob-Tom interfluve.

In this article the authors offered a scheme of ecological and functional zoning on the example of the territory between rivers Ob and Tom like a division of the territory into zones with establishment of their functional purpose and mode of use, with definition of types and extents of anthropogenic impact. Thereby, ecological and functional zoning represents a set of methodological tools which are applied to creation of the spatial organization of activity of society in the concrete territory providing steady environmental management for preservation of the main functions. The territory of Ob-Tom interfluve is a developed territory, with a complex economic structure which allows to fulfill different models of optimization of environmental management now. This creates prerequisites for improvement of the territorial structure, development of the system of environmental management considering not only economic, but also ecological values. During the research of the territory, we used various cartographic, statistical and archival materials. The methodology of zoning consists of two stages: the first is allocation of functional (economic) zones; the second is the ecological component of zoning. At the stage of primary functional zoning we ranged the received results on the basis of land type classification and unified them by the prevailing factor of economic use of the territory. At the estimation stage we added the generalizing expert assessment, such as the anthropogenic transformation of the territory, its multifunctionality and functional conflict. The territory of our research is a complex, multifunctional, ecological, social and economic object; a reserve for expansion of the territory of the city; a strategic object because of using the groundwater intake; a zone of agricultural and forestry production; a territory of intensive recreational use. As a result of the complex analysis, we made a detailed description of natural and economic conditions of each concrete site, including important factors of development, the list of real and potential problems, the key conflicts of resource consumption, the list of the sites most sensitive to anthropogenic impact. Thus, carrying out complex ecological and functional zoning of the territory is a necessary condition for the organization of the territory for the purpose of habitat preservation. In general, it should be noted that the designed scheme has an expert character, yet it is of big importance when developing the now available organizational and legal actions in the territory arrangement for more effective and ecologically safe system of environmental management and creation of the monitoring system of environment condition.

REFERENCES

1. Reymers N.F. *Prirodopol'zovanie: slovar'-spravochnik* [Nature: the reference dictionary]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 639 p.
2. Isachenko A.G. *Vvedenie v ekologicheskuyu geografiyu* [An introduction to environmental geography]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2003. 192 p.
3. Chibilev A.A. *Vvedenie v geoekologiyu (ekologo-geograficheskie aspekty prirodopol'zovaniya)* [Introduction to geoecology (ecological and geographical aspects of nature use)]. Ekaterinburg, 1998. 54 p.
4. Burul' T.N. *Zonirovanie territorii Volgogradskoy aglomeratsii po stepeni antropogennoy nagruzki*: avtoref. dis. kand. geogr. nauk [Zoning of the Volgograd agglomeration territory by the degree of anthropogenic load. Abstract of Geography Cand. Diss.]. Volgograd, 2005. 25 p.
5. Kochurov B.I. *Geoekologiya: ekodiagnostika i ekologo-khozyaystvennyy balans territorii* [Geoecology: ecodiagnostics and economic and ecological balance of the territory]. Smolensk: Smolensk State University Publ., 1999. 154 p.
6. Isachenko G.A., Isachenko T.E., Kosarev A.V. *Landshaftno-dinamicheskiy podkhod v territorial'nom planirovanii* [Landscape and dynamic approach to territorial planning]. In: Chistobaev A.I. (ed.) *Territorial'noe planirovanie: novye funktsii, opyt, problemy, resheniya* [Territorial planning: new features, experience, problems and solutions]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2009, pp. 101–117.
7. Antipov A.N., Semenov Yu.M. Landscape planning in Transbaikalia. *Geografiya i prirodnye resursy – Geography and Natural Resources*, 2006, no. 1, pp. 11–18. (In Russian).
8. Antipov A.N., Drozdov A.V., Kravchenko V.V. et al. *Landshaftnoe planirovanie: printsipy, metody, evropeyskiy i rossiyskiy opyt* [Landscape planning: principles, methods, European and Russian experience]. Irkutsk: Izd-vo Instituta geografii SO RAN Publ., 2002. 141 p.
9. *Otchet MP "Vodokanal" za 2009 god* [Report of the Vodokanal Municipal Company for the year 2009]. Tomsk, 2009. 34 p.
10. *Lesokhozyaystvennyy reglament Timiryazevskogo lesnichestva Tomskoy oblasti* [Forest management regulations of Timiryazevo Forestry of Tomsk Oblast]. Tomsk, 2014. 199 p.
11. Dyukarev A.G., Pologova N.N. Vodnyy rezhim pochv v zone vliyaniya Soil water regime in zone of groundwater intake for Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2009, no. 324, pp. 363–372. (In Russian).

12. Dyukarev A.G., Pologova N.N. Tipologiya zemel' na osnove struktury pochvennogo pokrova kak sposob ekologo-khozyaystvennoy organizatsii territorii Ob'-Tomskogo mezhdurech'ya [The typology of the land based on the structure of the soil cover as a way of ecological and economic organization of the territory of the Ob-Tom interfluve]. *Voprosy geografii Sibiri*, 2001, is. 24, pp. 140–160.
13. Dyukarev A.G., Pologova N.N., Bazanov V.V., L'gotin V.V. et al. [Status of the natural environment in the area of the Tomsk water intake]. *Izmereniya, modelirovanie i informatsionnye sistemy kak sredstva snizheniya zagryazneniy na gorodskom i regional'nom urovne: Trudy Mezhdunarodnoy konferentsii "ENVIROMIS"* [Measurement, modeling and information systems as a means of reducing pollution on urban and regional level: Proceedings of the International Conference "ENVIROMIS"]. Tomsk, 2002. V. 2, pp. 244–251. (In Russian).
14. Chukanova O.A. *Funktsional'noe zonirovanie Chernomorskogo poberezh'ya Rossii dlya ratsional'nogo prirodopol'zovaniya*: avtoref. dis. kand. geogr. nauk [Functional zoning of the Black Sea coast of Russia for environmental management. Abstract of Geagraphy Cand. Diss.]. Moscow, 2004. 25 p.
15. Tolstikhin D.O., Sokolova D.O. *Funktsional'noe zonirovanie gorodskoy territorii. Geoekologicheskoe obosnovanie* [Functional zoning of the urban area. Geoecological substantiation]. In: Pan'kov V.V., Orlov S.M. (eds.) Geoekologiya urbanizirovannykh territoriy [Geoecology of urbanized areas]. Moscow: TsPG Publ., 1996.
16. Dyukarev A.G., Pologova N.N., Krivets S.A., Bisirova E.M. Near settlement *Pinus sibirica* forests as the object of conservation and reconstruction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya – Tomsk State University Journal of Biology*, 2009, is. 2 (6), pp. 75–83. (In Russian).
17. Pologova N.N., Dyukarev A.G. Soils of *Pinus sibirica* forests near settlements. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiya – Tomsk State University Journal of Biology*, 2013, no. 2 (22), pp. 8–22. (In Russian).

Received: 20 February 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 261–269. DOI 10.17223/15617793/394/40

УДК 552.321.6+552.48(571.150)

Ю.А. Туркин, Р.О. Гринев

ГИПЕРБАЗИТЫ И АМФИБОЛИТЫ УГЛОВСКО-ТУРУХАНСКОГО БЛОКА ИРТЫШСКОЙ ЗОНЫ СМЯТИЯ

Океанический этап развития структур Большого Алтая и в частности Иртышской зоны смятия фиксируется наличием в ней тектонических клиньев гипербазитов дунит-перидотитовой формации. В российской части структуры данные породы рассмотрены в составе сарбасского комплекса. Вместе с дунитами и гарцбургитами данного комплекса к офиолитовой ассоциации данного этапа также могут быть отнесены метаморфизованные океанические толеитовые базальты N-типа, в настоящий момент превращенные в апобазитовые амфиболитовые сланцы иртышского метаморфического комплекса.

Ключевые слова: гипербазиты; амфиболиты; толеитовые базальты; тектонические блоки; офиолитовая ассоциация; океаническая кора; Иртышская зона смятия.

В герцинских структурах Иртыш-Зайсанской складчатой системы геотектоническое положение Иртышской зоны смятия определяется ее локализацией между девонским Рудно-Алтайским вулканоплутоническим поясом, формировавшимся в условиях расчлененного шельфа на активизированной окраине Сибирского континента, и амагматичными (для девонского периода) структурами Калбы. Имеющиеся данные позволяют предполагать формирование Иртышской зоны в девоне как преддугового прогиба (осадочной террасы) и аккреционного клина Алтайской активной континентальной окраины с формированием сложного субдукционно-аккреционного (первый этап метаморфизма), а на более поздних этапах – коллизионного меланжево-динамометаморфического (второй этап метаморфизма) структурно-вещественных комплексов.

По данным казахстанских геологов [1], к концу ордовика и до конца раннего карбона в расположенной западнее данной площади (в современных координатах) осевой Чарской полосе Иртыш-Зайсанско-Монгольской глубинной подвижной зоны сохранялся остаточный океанический бассейн, полностью закрывшийся после коллизии континентов к концу каменноугольного периода и началу перми с образованием Чарской сутурной зоны, где развиты офиолитовые ассоциации. Таким образом, до начала активных седиментационных процессов в периокеанической области данного бассейна (силур – ранний девон) рассматриваемый участок земной коры формировался в условиях океанического рифта и абиссальной океанической впадины. При этом, по мнению данных авторов, серпентиниты и амфиболиты Курчум-Кальджирского, Согринского и Вавилонского блоков Иртышской зоны смятия (маралихинский комплекс) представляют собой метаморфизованные раннепротерозойские магматические образования. По нашим данным, гипербазиты и амфиболиты, изученные в российской части Иртышской зоны смятия, могут быть сопоставлены с породной ассоциацией Курчум-Кальджирского блока, но их геологическое положение свидетельствует об их более молодом палеозойском возрасте.

Геологическое положение гипербазитов

Работами последних лет (Федак и др., 2008, 2011) на северо-западном продолжении Иртышской зоны смятия под чехлом рыхлых отложений кайнозойского плитного комплекса Кулундинской впадины установлено ее резкое фестонообразное расширение до 50 км в поперечнике, получившее название Угловско-Туруханский блок (по пос. Угловский на западе и по урочищу Туруханна востоке блока (рис. 1)) и по составу развитых в нем породных ассоциаций обнаруживающее сходство с Курчум-Кальджирским блоком Иртышской зоны на территории Казахстана. Последний также представляет собой линзовидное (фестонообразное) расширение зоны и содержит в своем составе тела гипербазитов и блоки апобазитовых амфиболитов, залегающих среди кварц-альбит-серицит-хлоритовых сланцев с переменными количествами биотита, мусковита, актинолита и эпидота. Метагипербазиты данного блока (маралихинский комплекс) залегают в виде тонких тектонических пластин протяженностью до нескольких километров, ориентированных в северо-западном направлении и сложенных серпентинитами, талькитами, бронзититами по дунитам, гарцбургитам и лерцолитам [1].

В пределах Угловско-Туруханского блока также установлено пространственное сочетание тел гипербазитов, выделенных как сарбасский комплекс, и блоков апобазитовых амфиболитов в ассоциации с количественно подчиненными параамфиболитами, кристаллическими сланцами и плагиогнейсами, протолитом которых могли быть породы осадочного слоя океанической коры Иртыш-Зайсанского океана. При этом амфиболиты и кристаллосланцы традиционно рассматриваются в составе иртышского метаморфического комплекса, объединяющего все метаморфические породы Иртышского метаморфического пояса, по мнению многих исследователей [1–4], являющегося полихронным, полифациальным и полизональным образованием.

Сарбасский дунит-гарцбургитовый комплекс выделен в северо-западной части Иртышской зоны смятия, при этом первоначально, при проведении глубинного геологического картирования в северо-западной части Рудного Алтая (Рыборак и др., 1979), данная породная ассоциация рассматривалась в составе доверхнедевонского интрузивного комплекса гипербазитов, пироксенитов и габброидов. В урочище Турухан гипербазиты слагают два небольших сближенных пластинообразно-линзовидных массива

(или, возможно, серию тектонических линз-пластин) среди метаморфических пород иртышского комплекса. При этом один из них, Западно-Сарбасский массив, пространственно совмещен с массивом габброидов и амфиболитами иртышского метаморфического комплекса, а Восточно-Сарбасский массив, изученный при проведении геологического доизучения площади в 2009 г. (Федак и др., 2011), располагаясь среди амфиболитов, своей северо-восточной частью непосредственно примыкает к главной зоне сместителя пограничного для Иртышской зоны смятия глубинного Иртышско-Маркакольского разлома. Району выходов на эрозионную поверхность фундамента тел гипербазитов соответствует слабо удлиненная вдоль зоны разлома интенсивная гравитационная аномалия.

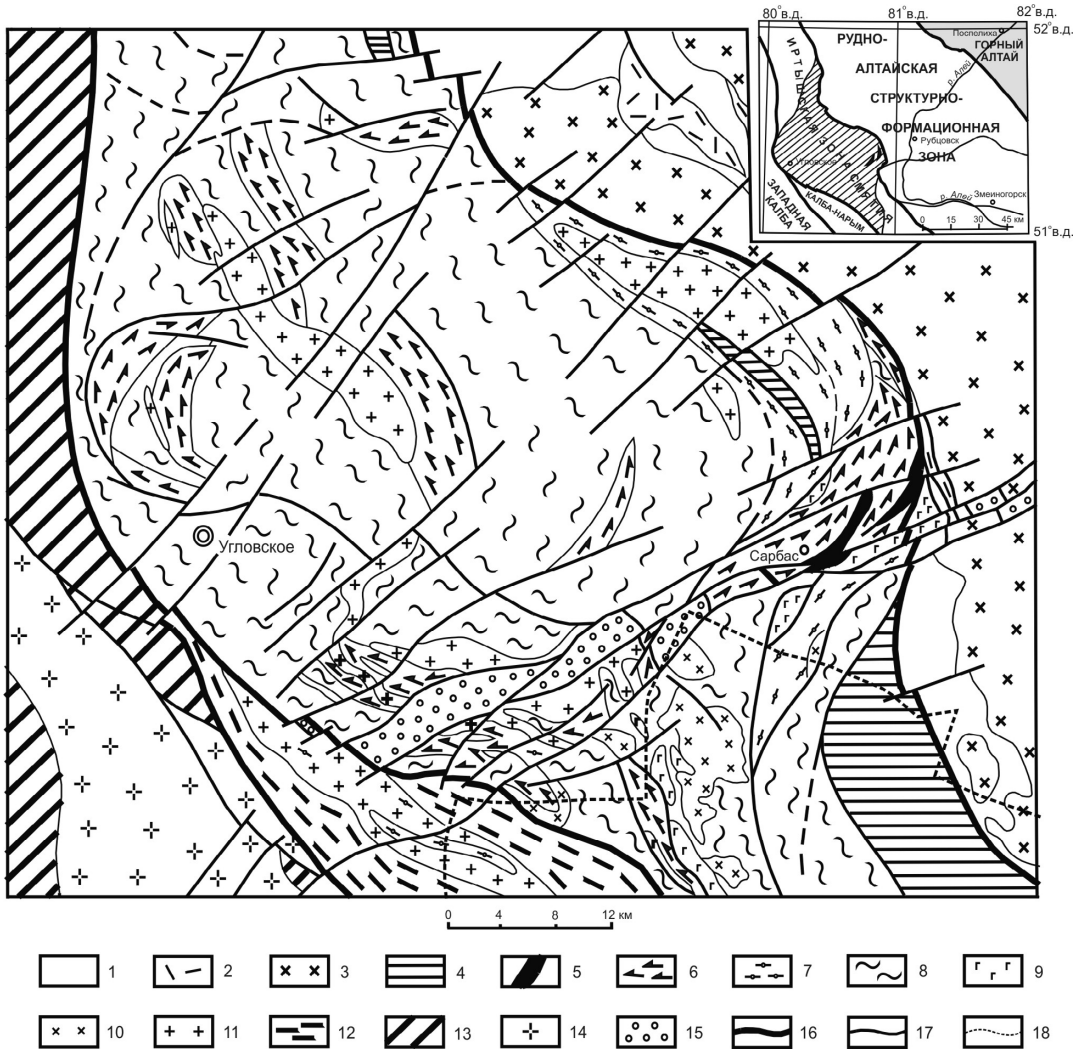

Рис. 1. Схема геологического строения Угловско-Туруханского блока Иртышской зоны смятия (составлена с использованием материалов Л.М. Юрова, В.Я. Чайко, А.Ф. Щигрева, В.М. Рыборака):
1–3 – структурно-вещественные комплексы Рудно-Алтайской структурно-формационной зоны (*1* – турбидиты силурийско-раннедевонской корбалихинской толщи, *2* – девонские осадочно-вулканогенные образования Шубинско-Новоегорьевского прогиба, *3* – интрузивные образования волчихинского комплекса); *4–11* – структурно-вещественные комплексы Иртышской зоны смятия (*4* – слабо метаморфизованные отложения орловской свиты, *5* – гипербазиты сарбасского комплекса, *6* – амфиболиты, *7* – плагиогнейсы, *8* – метаморфические сланцы иртышского комплекса, *9* – габброиды, *10* – диоритоиды, *11* – гранитоиды); *12* – слабо метаморфизованные отложения Калба-Нарымской зоны; *13* – каменноугольные терригенные отложения Калбы; *14* – пермские гранитоиды калбинского комплекса; *15* – юрские отложения наложенных Кругловского грабена и Ненашевской впадины; *16* – главные разломы – границы структурно-формационных зон; *17* – прочие разрывные нарушения; *18* – государственная граница России и Казахстана.
На врезке – положение Угловско-Туруханского блока (штриховка) в структурах Обь-Зайсанской складчатой системы

Массивы гипербазитов сарбасского комплекса вскрыты пятью скважинами при проведении глубинного геологического картирования (Рыборак и др., 1979) и ГДП-200 (Федак и др., 2011) и представляют собой смещенные разломами восток-северо-восточной ориентировки и левосдвиговой кинематики узкие линзовидные пластины северо-восточного простирания мощностью в несколько сот метров и протяженностью до 6,5 км. Контакты тел вероятно тектонические. Общая площадь выходов данных образований на эрозионную поверхность складчатого комплекса фундамента составляет не более 10 кв. км. Как уже отмечалось, ранее в одном комплексе с дунитами и перидотитами рассматривались и ассоциирующие с ними пироксениты и габброиды, которые В.С. Кузебный и А.М. Марьин относили к прииртышскому ком-

плексу. Г.Н. Щербой с соавторами [1] подобные образования в Иртышской зоне смятия на территории Казахстана относят к протерозойской (?) метагипербазитовой формации (маралихинский комплекс).

По ранее известным данным, в составе Восточно-Сарбасского массива развиты дуниты и горнблендиты (шрисгеймиты, по В.М. Рыбораку), а в Западно-Сарбасском массиве установлено присутствие серпентинизированных перидотитов и верлитов с повышенным содержанием титана. В контактовых габбро-амфиболитах отмечается скарнирование с развитием граната, что, вероятно, свидетельствует о формировании родингитов. Породы часто интенсивно катаклазированы.

Минералогический и химический состав гипербазитов

Химический состав гипербазитов характеризуется низкой щелочностью при устойчивом преобладании натрия над калием и повышенной магнезиальностью (но не превышающей содержание кремнезема). По составу данные перидотиты обнаруживают сходство с породами, характерными для ультрабазитов океанических рифтов и срединно-океанических хребтов [5].

Более детально минералогический и химический состав гипербазитов изучен при проведении ГДП-200 в Восточно-Сарбасском массиве в урочище Турухан, где вскрыты в различной степени серпенитинизированные, чередующиеся гарцбургиты (более 60%) и дуниты (крутопадающие согласно гнейсовидной полосчатости зоны мощностью от первых десятков сантиметров до первых метров), а также перемежающиеся с ними аподунитовые и апогарцбургитовые серпентиниты. Количественно доминирующие гарцбургиты характеризуются среднезернистыми структурами при некотором идиоморфизме ромбического пироксена (энстатита), гнейсовидными и гнейсовидно-полосчатыми текстурами, обусловленными ориентировкой удлиненных зерен ортопироксена и их концентрированностью в тонких гнейсовидных зонках-прослоях, чередующихся с существенно оливиновыми участками. Количество ортопироксена непостоянно и варьирует от 10–20% до 40, в редких случаях до 40–50%, но в большинстве случаев составляет 20–30% от объема породы. При интенсивной серпентинизации пород по зернам ортопироксена развивается бастит, иногда с примесью карбоната. Дуниты характеризуются более массивными текстурами и нередко более крупнозернистыми структурами, в отличие от гарцбургитов они сильнее серпентинизированы до образования существенно хризотиловых серпентинитов с редкими реликтами оливина и петельчатой перекрещенно-чешуйчатой структурой.

По сравнению с гарцбургитами дуниты и аподунитовые серпентиниты содержат больше рудного минерала, главным образом в виде бесформенных и пылевидных скоплений, скелетных, неправильных и хлопьевидных зерен магнетита (до 5–7%). Характерными минералами гарцбургитов и дунитов (реже) являются хромшпинелиды (до первых процентов), представленные мелкими, редкими октаэдрическими и неправильными, нередко скелетными и футляровидными зернами хромита, а также обычно округленными зернами бурой шпинели (пикотита). В отдельных случаях фиксируется наличие скоплений хромита в крутопадающих по гнейсовидности тонких (0,5 см) прожилках совместно с более поздним серпентином и карбонатом.

Серпентиниты, не содержащие реликтов первичных минералов, развиты в виде крутопадающих зон (полос) различной мощности (от первых сантиметров до первых метров) внутри слоисто-полосчатого дунит-гарцбургитового массива и представлены как преобладающими аподунитовыми, так и апоперидотитовыми разностями с переменным количеством талька и карбоната, представленного как магнезиальной разновидностью, так и кальцитом. Аподунитовые серпентиниты имеют существенно хризотиловый состав с единичными зернами бастита и более поздним листоватым антигоритом, в больших количествах содержат магнетит и тальк, тогда как апогарцбургитовые серпентиниты, кроме петельчатой апооливиновой хризотиловой массы, содержат более крупные зерна бастита и скопления чешуйчатого антигорита. Для серпентинитов характерны прожилки карбоната и тонкие просечки рудного минерала, представленного магнетитом.

Химический состав гипербазитов представлен в таблице и характеризуется достаточно выдержанными значениями петрогенных элементов, низкими содержаниями щелочей, титана, глинозема и кальция. При этом дуниты и гарцбургиты достаточно уверенно различаются по содержаниям Al_2O_3 (1,24% в дунитах и 2,8% в гарцбургитах) и CaO (0,31% в оливинитах, 1,68% в дунитах и 2,36% в гарцбургитах) и менее резко – по содержаниям титана, железа, магния и натрия (табл. 1). Характерно количественное преобладание (исключение составляют только очень редкие оливиниты) кремнезема над магнием, что, как и гнейсовые текстуры, типично для океанических перидотитов [5]. Достаточно уверенно устанавливается принадлежность гипербазитов к дунит-перидотитовой формации и офиолитовой ассоциации океанических рифтов.

Микроэлементный состав изученных дунитов и гарцбургитов также свидетельствует об их принадлежности офиолитовой ассоциации срединно-океанических хребтов с характерными относительно невысокими содержаниями Cr (2390–2846 г/т, в оливинитах – 1663 г/т) и относительно повышенными концентрациями Ni (1866–2136 г/т, в оливинитах – 2511 г/т). Также характерны очень низкие содержания Ba (1,8–4,4 г/т), Sr (0,6–5,1 г/т, в единичном случае в аподунитовом серпентините – 19,4 г/т), Rb (0,67–1,14 г/т, максимальные в гарцбургитах 1,64–1,99 г/т), Zr (0,1–1,3 г/т) и редкоземельных элементов, особенно легких лантаноидов, содержания которых в 5–7 раз ниже хондритовых и типичны для метаморфических перидотитов [5]. При этом содержания Nb, Ta, Th и U в данных породах ниже порога чувствительности ICP-MS анализа (табл. 2, рис. 2, *А*).

Таблица 1

Химический состав гипербазитов сарбасского комплекса

Номер пробы	Порода	Массив	SiO_2	TiO_2	Al_2O_3	FeO*	MnO	MgO	CaO	Na_2O	K_2O	P_2O_5
243	Дунит	Восточный	39,14	0,001	2,70	7,71	0,09	35,9	0,56	0,06	0,04	0,082
59	Перидотит	Западный	40,98	0,37	2,87	7,87	0,14	34,5	2,25	0,32	0,05	0,082
4	Перидотит	Западный	41,03	1,12	3,05	7,99	0,10	35,8	2,53	0,22	0,04	0,002
44/208,9	Дунит	Восточный	40,47	0,04	1,77	8,80	0,12	37,55	1,40	0,07	0,02	0,01
44/213,1	Дунит	Восточный	40,27	0,04	1,51	8,99	0,13	38,12	1,95	0,01	0,02	0,01
44/258,1	Оливинит	Восточный	35,21	0,02	0,45	8,30	0,11	41,02	0,31	0,05	0,03	0,01
44/189,1	Гарцбургит	Восточный	41,09	0,05	2,50	8,13	0,12	36,43	2,23	0,08	0,02	0,01
44/234,8	Гарцбургит	Восточный	41,04	0,07	2,87	8,49	0,13	35,96	2,50	0,10	0,02	0,01
44/263,8	Гарцбургит	Восточный	40,80	0,06	2,79	8,24	0,12	36,01	2,42	0,14	0,03	0,01
44/269	Гарцбургит	Восточный	39,44	0,08	3,05	8,03	0,12	35,20	2,27	0,15	0,04	0,02
44/175,3	Серпентинит	Восточный	43,06	0,03	1,16	8,85	0,16	32,03	1,26	0,02	0,02	0,03
44/221,5	Серпентинит	Восточный	38,03	0,04	1,67	8,17	0,11	36,36	1,18	0,03	0,01	0,01

Примечание. Использованы анализы: 243, 59, 4 – В.М. Рыборак, В.П. Шокурова, Ж.Н.Чайко (1979); 44 – С.И. Федак, Ю.А.Туркин и др. (2011).

Таблица 2

Содержание петрогенных (мас. %) и редких (г/т) элементов в представительных пробах гипербазитов и ортоамфиболитов Угловско-Туруханского блока Иртышской зоны смятия

Компоненты	44/258,1	44/208,9	44/213,1	44/189,1	44/234,8	44/263,8	44/269	5/169,1	9/185,7
	Оливиниты	Дуниты		Гарцбургиты				Амфиболиты	
SiO_2	35,21	40,47	40,27	41,09	41,04	40,80	39,44	47,99	48,33
TiO_2	0,02	0,04	0,04	0,05	0,07	0,06	0,08	1,28	1,28
Al_2O_3	0,45	1,77	1,51	2,50	2,87	2,79	3,05	15,91	15,83
FeO*	8,30	8,80	8,99	8,13	8,49	8,24	8,03	11,69	10,99
MnO	0,11	0,12	0,13	0,12	0,13	0,12	0,12	0,16	0,18
MgO	41,02	37,55	38,12	36,43	35,96	36,01	35,20	7,07	7,66
CaO	0,31	1,40	1,95	2,23	2,50	2,42	2,27	11,07	13,33
Na_2O	0,05	0,07	0,01	0,08	0,10	0,14	0,15	2,54	1,85
K_2O	0,03	0,02	0,02	0,02	0,02	0,03	0,04	0,54	0,25
P_2O_5	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,02	0,10	0,13
Sc	3,6	9,4	12,3	11,7	14,4	11,5	12,8	74,3	64,7
V	14,8	52,8	59,5	64,6	74,8	62,9	64,6	384,4	381,9
Cr	1663,3	2587,7	2743,0	2675,2	2604,4	2472,3	2390,1	418,9	508,0
Co	120,1	109,9	109,7	103,3	106,6	96,1	96,9	72,0	65,0
Ni	2511,4	2073,8	2095,5	1975,2	1961,5	1946,9	1866,2	126,1	145,9
Ga	1,1	2,1	2,0	2,7	2,7	2,8	2,5	19,6	18,3
Rb	0,9	0,7	0,80	0,7	1,6	1,1	2,0	8,5	3,3
Sr	4,2	2,0	0,6	1,5	2,8	1,7	5,1	101,7	205,7
Y	0,3	0,8	0,9	1,8	2,1	2,1	2,2	34,6	31,4
Zr	0,5	<0,1	0,24	0,8	0,4	0,5	1,2	69,0	74,4
Nb	–	–	–	–	–	–	–	2,1	3,4
Cs	0,0	0,07	0,03	0,0	0,1	0,1	0,1	0,4	0,1
Ba	3,2	1,8	1,8	1,6	2,7	2,8	4,0	23,5	32,6
La	0,1	–	–	–	0,1	0,1	0,1	2,8	3,7
Ce	0,3	–	0,06	0,1	0,1	0,2	0,3	7,8	9,4
Pr	–	–	–	–	–	0,05	0,04	1,6	1,8
Nd	0,2	0,1	0,12	0,2	0,2	0,3	0,3	7,7	9,0
Sm	0,1	0,08	0,07	0,1	0,1	0,1	0,1	2,8	2,9
Eu	–	–	–	–	0,03	0,05	0,1	1,1	0,9
Gd	0,1	0,15	0,1	0,2	0,2	0,2	0,3	4,2	3,9
Tb	–	–	–	–	0,04	0,04	0,05	0,8	0,7
Dy	0,1	0,1	0,14	0,3	0,3	0,3	0,3	5,2	4,8
Ho	–	–	–	0,1	0,1	0,1	0,1	1,2	1,1
Er	0,02	0,12	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	3,3	2,9
Tm	–	–	–	–	0,04	0,04	0,03	0,5	0,5
Yb	–	0,08	0,13	0,2	0,3	0,3	0,2	3,5	3,1
Lu	–	–	–	0,04	0,04	0,03	0,03	0,5	0,4
Hf	–	–	–	–	–	0,1	0,1	2,0	2,3

Примечание. Прочерк означает содержание элемента ниже порога чувствительности анализа. Анализы методом РФА и ICP-MS выполнены в аналитическом центре Института геологии и минералогии СО РАН (г. Новосибирск).

Возраст пород комплекса определяется весьма условно залеганием тектонических клиньев гипербазитов среди метаморфических пород иртышского комплекса и их предполагаемой принадлежностью офиолитовому комплексу древней океанической коры Палеоазиатского океана, на окраине Иртыш-Зайсанской части которого в раннем девоне была заложена зона субдукции. В настоящее время эта зона на эрозионной поверхности складчатого комплекса фиксируется, в частности, Иртышской зоной смятия, что подтверждается и глубинными геофизическими исследованиями. В рассматриваемом случае возраст гипербазитов должен быть не моложе девонского, при этом, по мнению В.Ф. Микунова (1976), он соответствует раннему па-

леозою, по мнению Г.М. Щербы с соавторами – протерозою [1], а В.М. Рыборак с соавторами (1979) верхнюю возрастную границу комплекса ограничивали верхним девоном. С учетом длительного развития Палеоазиатского океана и зоны субдукции на окраине Сибирского континента возраст сарбасского комплекса можно предполагать в достаточно широком интервале от раннего до среднего палеозоя.

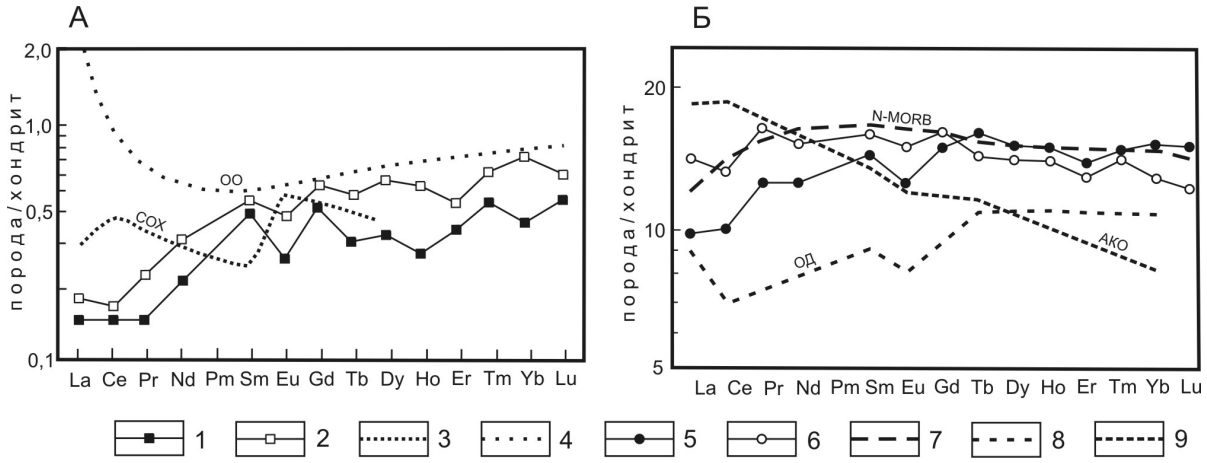

Рис. 2. Распределение РЗЭ в гипербазитах (А) и базитах (Б) различных геодинамических обстановок:
1–2 – в породах сарбасского комплекса (*1* – дуниты, *2* – гипербазиты в целом); *3–4* – в гипербазитах срединно-океанических хребтов (*3*) и океанических островов (*4*) по [5]; *5–6* – в породах иртышского комплекса (*5* – апобазитовые амфиболиты, *6* – кварц-амфиболовые сланцы); *7–9* – в базитах различных геодинамических обстановок по [5] (*7* – в базальтах N-типа MORB, *8* – в базальтах Курильской островной дуги, *9* – в базальтах активных континентальных окраин)

Геологическое положение и состав амфиболитов Угловско-Туруханского блока

Амфиболиты и кварц-амфиболовые сланцы Иртышской зоны смятия в большинстве своем обособлены в отдельных разрозненных блоках различного размера, но являются составляющими иртышского метаморфического комплекса, породы которого слагают почти весь объем Иртышской структурно-формационной зоны (Иртышской зоны смятия), за исключением блоков более слабо метаморфизованных отложений орловской свиты в восточной части данной структуры и массивов синметаморфического преимущественно гранитоидного позднепалеозойского прииртышского комплекса. На востоке по Иртышско-Маркакольскому разлому метаморфиты иртышского комплекса граничат с более слабо метаморфизованными стратифицированными и интрузивными образованиями Рудно-Алтайской СФЗ, а на западе по Калба-Нарымскому разлому – также со слабо метаморфизованными и динамометаморфизованными отложениями Калба-Нарымской СФЗ, среди которых также иногда присутствуют блоки кристаллических сланцев. Для блоков метаморфитов характерны линзовидные и пластообразные, реже субизометричные ромбовидные и трапециевидные формы и различные размеры от первых десятков и сотен метров до 10–12 км, при этом в целом Иртышская зона смятия имеет мелкоблоковое чешуйчато-линзовидное внутреннее строение с элементами дуплексно-лозанжевой структуры в связи с формированием в зоне ламинарного сдвигового течения. В некоторых блоках, вероятно представляющих собой сложные пакеты тектонических пластин, характерна частая перемежаемость пород различного петрографического состава и степени метаморфизма от зеленосланцевой до амфиболитовой фации. Широко развиты кварц-альбит-серицит-хлоритовые, кварц-серицитовые (до кварц-мусковитовых), кварц-хлоритовые с актинолитом, биотитсодержащие слюдистые и слюдисто-кварцитовые сланцы. В несколько меньшей степени распространены биотитовые и двуслюдяные гнейсы (плагиогнейсы), амфиболиты и кристаллические сланцы различного состава. При этом блоки амфиболитов обычно обособлены в пространстве и являются практически монопородными. Крупным блокам преимущественно амфиболитового состава обычно соответствуют положительные магнитные аномалии, что подтверждено результатами бурения, а в региональном плане Иртышская зона смятия приурочена к резкой гравитационной ступени северо-западного простирания, разделяющей Алейско-Рубцовский максимум на северо-востоке и Калбинский гравитационный минимум на юго-западе.

В восточной части Угловско-Туруханского блока развиты как ортоамфиболиты, так и параамфиболиты, пространственно ассоциирующие с плагиогнейсами, амфиболовыми и слюдистыми кристаллическими сланцами. Максимальное развитие параамфиболитов, где они слагают относительно крупные трапециевидные и линзовидные блоки, зафиксировано в районе Магистрального канала. Здесь параамфиболиты представляют собой серо-зеленые до темно-зеленых мелкокристаллические, сланцеватые, тонкополосчатые и нередко мелкоплойчатые породы с преобладанием зеленой и сине-зеленой обыкновенной роговой обманки (65–75%) над плагиоклазом – олигоклазом, реже андезином (до 20%), иногда с мелкой вкрапленностью пирита и полевошпат-кварцевыми прожилками. Обычно в значительных количествах присутствуют кварц (до 10%) и сфен (первые проценты). Ортоамфиболиты имеют более массивное строение и ха-

рактеризуются развитием клинопироксеновых разностей, фиксирующих максимальную степень метаморфизма амфиболитовой фации. Петрографический состав пород включает плагиоклаз, представленный андезином и андезин-лабрадором (30–45%), буровато-зеленой до сине-зеленой обыкновенной роговой обманкой (40–50%) и слабо зеленоватым клинопироксеном (15–20%), нередко обрастающим роговой обманкой. Регрессивные изменения выражены в развитии эпидота и актинолита по роговой обманке, примеси представлены значительными количествами зерен сфена, лейкоксена, рутила, апатита, рудного минерала, иногда пирита. Амфиболовые кристаллические сланцы с четко выраженной полосчатостью и сланцеватостью характеризуются более непостоянным минеральным составом и частым присутствием кварца (до 15%) и эпидота (до 10%), по уровню метаморфизма соответствуя эпидотовым амфиболитам. Плагиоклаз в ортоамфиболитах варьирует по составу от андезин-лабрадора (и, возможно, лабрадор-битовнита) до андезин-олигоклаза, амфибол представлен бурозеленой обыкновенной роговой обманкой, при этом к существенно амфиболовым участкам приурочены линзовидные скопления сфена и рутила.

В западной части Иртышской зоны зафиксировано развитие амфиболитов темно-серой до черной окраски, мелкозернистой структуры и микросланцеватой текстуры с мелкой вкрапленностью сульфидов и тонкими линзовидными просечками и прожилками мощностью до 1 мм, сложенными плагиоклазом и кварцем. Под микроскопом порода обнаруживает гранонематобластовую структуру и неясно выраженную линзовидно-полосчатую текстуру. Размер зерен минералов находится в пределах от 0,01 до 0,1 мм, в прожилках – до 1 мм. В составе пород доминирует амфибол, представленный нередко длиннопризматической (зерна шестоватого облика) зеленой и синевато-зеленой обыкновенной роговой обманкой (50–60%). Плагиоклаз (до 30%) по составу (по результатам микрозондового анализа) варьирует от несдвойникованного олигоклаза до битовнита с содержанием CaO = 15–16%. В ограниченных количествах присутствует клинопироксен, кварц (5–10%), чаще – в составе прожилков, скоплений, более крупных пойкилобластов и нередко имеющий облачно-волнистое угасание, что свидетельствует о значительной катаклазированности породы. В количестве до первых процентов в рассеянных мелких неправильных зернах и в виде мелкой сыпи присутствует рудный минерал, представленный магнетитом, ильменитом, сульфидами. Очень характерен сфен, слагающий как мелкие, так и относительно крупные зерна, апатит, присутствуют единичные зерна и скопления вероятно более поздних эпидота, хлорита и мусковита.

Условия формирования иртышского метаморфического комплекса

Условия формирования пород иртышского метаморфического комплекса определяются наличием разнообразных минеральных парагенезисов в широком диапазоне от низов зеленосланцевой фации до амфиболитовой фации. При этом можно выделить три основные группы пород, приближенно характеризующие термодинамические условия метаморфизма [6]. Первую группу пород зеленосланцевой фации составляют метаморфические сланцы с развитием типоморфного парагенезиса кварц – альбит – хлорит – серицит (мусковит) с биотитом, актинолитом. Вторая группа пород (эпидот-амфиболитовой фации) характеризуется развитием типоморфного парагенезиса эпидот – роговая обманка – олигоклаз или кварц – мусковит – биотит – олигоклаз с гранатом и породной ассоциации эпидотовых амфиболитов, двуслюдяных плагиогнейсов, двуслюдяных и эпидот-амфибол-плагиоклазовых кристаллических сланцев. Третья группа пород (амфиболитовой фации) фиксируется развитием типоморфного парагенезиса роговая обманка – андезин с клинопироксеном, биотитом, гранатом и породной ассоциации клинопироксеновых амфиболитов и биотитовых плагиогнейсов.

Нередко определение фациальной принадлежности метаморфитов иртышского комплекса осложнено развитием более поздних динамометаморфических и диафторических изменений, что, в частности, может быть отнесено к эпидотовым амфиболитам, возможно развитым в результате диафтореза пород более высокой степени метаморфизма. В целом же наличие амфиболитов, кристаллосланцев и гнейсов среди динамосланцев зеленосланцевой фации отражает высокоградиентный и полифациальный характер метаморфизма, более соответствующего динамометаморфизму катазонального уровня глубинности (стресс-метаморфизму) или метаморфизму зон глубинных разломов. При этом основные особенности внутреннего строения иртышского метаморфического комплекса включают три наиболее характерных момента.

1. Наиболее распространены метаморфические сланцы первой группы, по существу представляющие собой матрикс блоков пород более высокой степени метаморфизма. Отмечены переходы пород зеленосланцевой фации к менее интенсивно метаморфизованным породам Иртышской зоны филлитовой и аспидно-сланцевой фаций, интенсивно рассланцованным и катаклазированным песчаникам и алевролитам.

2. Развитие метаморфических пород второй группы, как уже отмечено, характерно для приконтактовых ореолов гранитоидных массивов, что позволяет предполагать их формирование в составе коллизионной мигматит-гранитовой формации по породам зеленосланцевой и филлитовой фаций метаморфизма. В этом случае амфиболиты, чаще определяющиеся как параамфиболиты, чередуются с породами плагиогнейсового ряда, кристаллическими и метаморфическими сланцами. Кроме того, развитие эпидотовых и кварцсодержащих альбит-актинолитовых сланцев вероятно за счет диафтореза амфиболитов более высокого уровня метаморфизма.

3. Породы третьей группы, в подавляющем большинстве представленные апобазитовыми амфиболитами, слагают относительно крупные блоки грубо-линзовидной, трепециевидной и ромбовидной формы

среди кварцево-слюдистых, кварц-слюдито-хлоритовых и кварц-альбит-хлорит-серицитовых сланцев первой группы. При этом в отдельных скважинах зафиксирован достаточно резкий контакт амфиболитов и метаморфических сланцев, а исходя из общей Иртышской зоны, можно предполагать, что амфиболитовые блоки играют роль мегапорфирокластов среди метапелитового динамометаморфического матрикса.

Особенности химического состава и возраст метаморфических пород

Метаморфические породы характеризуются низким уровнем щелочности, при этом в метаморфических сланцах фиксируются низкие содержания кальция и преобладание калия над натрием как следствие широкого развития мусковита и биотита, а амфиболовые и амфиболитовые сланцы обнаруживают низкую калиевость при высокой известковистости и умеренной титанистости (табл. 2). Амфиболиты имеют достаточно выдержанный химический состав, умеренную титанистость и низкую калиевость, а по содержаниям и соотношениям главных петрогенных компонентов близки океаническим толеитовым базальтам N-типа [5].

Микроэлементный состав амфиболитов также свидетельствует об их возможном происхождении в результате метаморфизма толеитовых базальтов N-типа СОХ, что подтверждается содержаниями почти всех элементов, в том числе Rb (от 3,3 до 8,5 г/т), Sr (154 г/т), Ba (28 г/т), Y (33 г/т), Nb (2,8 г/т), Cr (235 г/т), Ni (136 г/т), редкоземельных элементов при отношении $(La/Yb)_N = 0,67$ [5]. На спайдеграмме распределения РЗЭ амфиболиты и кварц-амфиболовые сланцы иртышского комплекса отчетливо идентифицируются с толеитовыми базальтами N-типа, а по характеру распределения, по содержаниям легких лантаноидов и повышенным концентрациям тяжелых РЗЭ отличаются от толеитовых базальтов островных дуг и активных континентальных окраин (рис. 2, *Б*). Анализ петрографического и химического состава метаморфических сланцев иртышского комплекса позволяет предполагать их формирование по преимущественно терригенным силурийско-девонским толщам Иртышской зоны, а широкое развитие амфиболитов и амфиболовых сланцев позволяет предполагать наличие в протолите комплекса пород более высокой основности и известковистости, принадлежащих более древним метаморфическим блокам с присутствием метабазитов и известняков.

По мнению многих исследователей, Иртышский метаморфический пояс, в состав которого входит выделяемый иртышский комплекс, включает собственно Иртышскую зону смятия и обнажающиеся в ее пределах приподнятые и вовлеченные в динамометаморфизм разнородные блоки древних пород [1]. В то же время иртышский метаморфический комплекс является типичным коллизионным образованием, а формирование основного объема метаморфических и кристаллических сланцев вероятно предшествовало и сопутствовало внедрению интрузивных массивов позднепалеозойского прииртышского диорит-гранодиорит-гранитогнейсового комплекса, что подтверждается линейно-линзовидной формой тел и характером взаимоотношений вмещающих пород и гранитоидов, инъецирующих метаморфиты. Значительно менее затронуты процессами метаморфизма гранитоиды раннепермского калбинского комплекса. Изотопный возраст иртышского комплекса варьирует от 325 ± 12 и 319 ± 13 млн лет (определения В.А. Халилова, А.В. Травина) по кристаллосланцам, гнейсам и мигматитам Иртышской зоны на территории Казахстана до 290 ± 25 млн лет по гнейсам Курчумского блока [1] и до 283 ± 7 – 277 ± 7 млн лет по последним определениям (данные А.Г. Владимирова). В последнее время по плагиогранитам прииртышского комплекса Новоугловского массива, прорывающим амфиболиты иртышского комплекса, U-Pb методом по цирконам получен и более древний изотопный возраст – 333 ± 2 млн лет, что позволяет предполагать более широкий каменноугольно-пермский или средне-позднепалеозойский возраст метаморфизма. Очевидно, что возраст базитов, по которым сформированы амфиболиты иртышского комплекса, не может быть моложе среднего палеозоя. Нижняя возрастная граница иртышских метаморфитов и конкретно апобазитовых амфиболитов является более неопределенной, но при этом сопоставление протолита данных пород (N-MORB) со сходными венд-раннекембрийскими образованиями более восточных районов Алтая и Салаира (каимский, аламбайский, арыджанский комплексы, шельдянская толща) позволяет ограничить ее ранним палеозоем.

Обсуждение результатов исследований и основные выводы

На основании имеющихся в настоящий момент данных дуниты и гарцбургиты сарбасского комплекса Угловско-Туруханского блока Иртышской зоны смятия совершенно определенно идентифицируются с метаморфическими перидотитами, характеризующимися гнейсовидными и полосчатыми текстурами. Породы сформированы из примитивной мантии, на что указывает их микроэлементный состав (низкие содержания Rb, Ba, Nb, La) [6] в осевой зоне срединно-океанического хребта Палеоазиатского океана. Характерным для рассматриваемых гипербазитов, в отличие от метагипербазитов маралихинского комплекса Курчум-Кальджирского блока Казахстана, является их относительно слабая серпентинизация, развивающаяся маломощными зонами, в большей степени по дунитам. Изучение химического состава пород сарбасского комплекса позволяет с уверенностью относить его к проявлениям дунит-перидотитовой формации срединно-океанических хребтов.

Апобазитовые амфиболиты и амфиболовые сланцы Иртышской зоны смятия находятся в тесной пространственной ассоциации с кристаллическими и метаморфическими сланцами более низких ступеней метаморфизма, что послужило основанием для рассмотрения данных пород в составе иртышского мета-

морфического комплекса. В то же время их преимущественная локализация в виде относительно обособленных тектонических блоков и отсутствие широких зон перехода с развитием промежуточных по уровню метаморфизма пород к зеленосланцевым, вероятно динамометаморфическим образованиям матрикса данных блоков позволяет рассматривать апобазитовые амфиболиты как более глубинные и достаточно самостоятельные образования. В структуре Угловско-Туруханского блока и Иртышской зоны смятия (иртышского полиметаморфического или меланжево-динамометаморфического комплекса) блоки апобазитовых амфиболитов играют роль жестких порфирокластов – включений более глубинных пород, сформированных в катазональных условиях (зоны концентрированного сдвигового течения по Е.И. Паталахе) Иртышской шовной зоны (палеосубдукционной-аккреционной зоны транспрессии) и выведенных на эрозионную поверхность палеозойского фундамента в результате более поздних коллизионных процессов. Вместе с тем и весь Угловско-Туруханский блок с большим количеством блоков апобазитовых амфиболитов, фиксирующий резкий фестонообразный «раздув» Иртышской зоны смятия, в структурно-кинематическом плане может быть рассмотрен как крупное жесткое включение с формированием вокруг него структур вращения. Одновременно Иртышская зона смятия в районе Угловско-Туруханского блока характеризуется развитием типичной для сдвиговых зон транспрессии структуры пальмового дерева с формированием системы встречных надвигов на краевые блоки Рудного Алтая и выведением на эрозионную поверхность палеозойского фундамента тектонических клиньев и пластин гипербазитов сарбасского комплекса.

Изучение химического состава гипербазитов и апобазитовых амфиболитов убедительно показывает принадлежность первых дунит-перидотитовой формации рифтовых зон срединно-океанических хребтов, а вторых – океаническим толеитовым базальтам N-типа, также, вероятнее всего, формировавшихся в срединно-океаническом хребте и входивших в состав океанической плиты, субдуцируемой под Алтайскую активную континентальную окраину. Возможно, пространственно ассоциированные с амфиболитами, развитые в ограниченном количестве биотитовые плагиогнейсы и кристаллические сланцы с высоким содержанием кремнезема также являются результатом метаморфизма кремнисто-глинистых и кремнистых пород осадочного слоя данной океанической коры или плагиогранитов кумулятивного комплекса.

Таким образом, результаты проведенных исследований позволяют рассматривать амфиболиты, вероятно сформированные при метаморфизме толеитовых базальтов N-типа и слагающие отдельные блоки среди динамосланцев иртышского меланжево-динамометаморфического комплекса, и гипербазиты сарбасского комплекса, в виде тектонических клиньев или пластин локализованные в пределах Иртышской зоны смятия, в составе единой офиолитовой ассоциации, фиксирующей наличие здесь остатков древней (ранний-средний палеозой) метаморфизованной и интенсивно тектонизированной океанической коры. К сожалению, остается слабоизученным комплекс габброидов, также пространственно ассоциированных с гипербазитами и амфиболитами в восточной части Угловско-Туруханского блока и в настоящее время условно, главным образом из-за низкой степени их метаморфических преобразований, отнесенных к позднепалеозойскому прииртышскому комплексу. С учетом того что амфиболизированные габбро и габбро-амфиболиты с гнейсовидно-полосчатыми текстурами слагают относительно самостоятельные массивы (Горшинский массив), высока вероятность их принадлежности габброидному кумулятивному комплексу данной офиолитовой ассоциации. Как уже отмечалось, ранее некоторыми исследователями габброиды и гипербазиты рассматривались в составе одного комплекса [7].

Петрогеохимическое соответствие рассмотренных гипербазитов и апобазитовых амфиболитов породам современных океанических обстановок ставит под сомнение их предполагаемый некоторыми исследователями протерозойский возраст. В настоящее время можно считать установленным: во-первых, принадлежность гипербазитов, описанных как сарбасский дунит-гарцбургитовый комплекс, и апобазитовых амфиболитов с петрогеохимическими характеристиками СОХ единой офиолитовой ассоциации океанических рифтов, фиксирующей океанический этап развития Иртышской зоны смятия и в целом Иртыш-Зайсанской складчатой системы в раннем-среднем палеозое, и во-вторых – совмещенность в структурно едином геологическом пространстве Иртышской зоны смятия разноглубинных и разновозрастных образований, что придает ей характер сложного хаотического меланжево-динамометаморфического комплекса. Это, в свою очередь, определяет перспективность зоны на целый ряд полезных ископаемых, связанных с развитием различных (океанической, активно-окраинно-континентальной, коллизионной) геодинамических обстановок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большой* Алтай: (геология и металлогения) : в 3 кн. Кн. 1 : Геологическое строение / Г.Н. Щерба, Б.А. Дьячков, Н.И. Стучевский и др. Алматы : Fылым, 1998. 304 с.
2. *Хорева Б.Я.* Геологическое строение, интрузивный магматизм и метаморфизм Иртышской зоны смятия. М. : Госгеолтехиздат, 1963. 207 с.
3. *Хорева Б.Я.* О возрасте метаморфических пород Курчумско-Кальджирского водораздела (юго-восточная часть Иртышской зоны смятия) // Известия АН СССР. Сер. геол. 1965. № 6. С. 39–50.
4. *Ермолов П.В., Паталаха В.И., Ефимов И.Д. и др.* Метаморфические комплексы и некоторые черты тектоники Зайсанской складчатой системы и Рудного Алтая // Геотектоника. 1984. № 4. С. 61–74.
5. *Изучение* офиолитовых комплексов при геологическом картировании. М., 1994. 254 с. (Роскомнедра, Геокарт, МАНПО).
6. *Геологическая* съемка метаморфических и метасоматических комплексов : метод. пособие. СПб. : ВСЕГЕИ, 1996. 416 с.

7. *Кузебный В.С., Стучевский Н.И., Бедарев Б.П. и др.* Прииртышский рудный район Алтая (геология и особенности металлогении). Алма-Ата, 1975. 240 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 09 апреля 2015 г.

THE ULTRABASITES AND AMPHIBOLITES OF THE UGLOVSKY-TURUKHANSK BLOCK OF THE IRTYSH SHEAR ZONE

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 261-269. DOI 10.17223/15617793/394/40

Tourkin Yury A. Open Joint-Stock Company "Gorno-Altaiskaya Expeditzia" (Tomsk, Russian Federation). E-mail: jura.tourkin@mail.ru

Grinev Roman O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: jadestone@yandex.ru

Keywords: ultrabasites; amphibolites; tholeiitic basalts; tectonic blocks; ophiolitic association; oceanic crust; Irtysh shear zone.

The oceanic stage of development of the Big Altai structures and, in particular, the Irtysh shear zone is fixed by the presence in it of tectonic wedges of ultrabasites represented by dunites and peridotites known as the Sarbasskiy complex. The dunites and harzburgites of this complex are generated as a part of the ophiolitic associations of an oceanic crust in a mid-oceanic ridge of the Paleoasian ocean. It was exhumed as a result of later subduction and collision processes at the margin of the Siberian continent. Oceanic ophiolitic association of the given stage also included metamorphosed oceanic tholeiitic basalts of N-type at the moment transformed in apobasitic amphibolitic slates of the Irtysh metamorphic complex. These rocks, in the form of isolated blocks, are localized in the Devonian active continental margin's accretion prism, which in the modern geological structure of the Altai is allocated as the Irtysh shear zone. Exploration of the chemical composition of ultrabasites and apomafitic amphibolites allowed making several conclusions about their origin. The ultrabasites have a composition close to the dunite-peridotite formation of the rift zones of mid-oceanic ridges. The amphibolites are similar to the N-type oceanic basalts which were also most probably formed in the mid-oceanic ridge and represent fragments of an oceanic plate subducted under the active continental margin of the Altai. Also, in a small amount, there were observed biotite plagiogneiss and crystalline schists with high silica content. They are probably the result of metamorphism of the siliceous-argillaceous and siliceous rock sediment layer of the oceanic crust or the cumulative complex plagiogranites. Thus, the above-mentioned rock complexes can be considered as part of a unified ophiolite association which fixes the presence of remains of the ancient (Early and Middle Paleozoic) metamorphosed and intensely tectonized oceanic crust. At the moment, there remains a little studied complex of gabbro, also spatially associated with the ultrabasites and amphibolites in the eastern part of the Uglovsko-Turukhansk block. Given the fact that gabbro-amphibolites with gneissic-banded textures compose independent massifs (Gorshinsky massif), it is likely they belonged to the cumulative gabbroic complex of the ophiolite association.

REFERENCES

1. Shcherba G.N., D'yachkov B.A., Stuchevskiy N.I. et al. *Bol'shoy Altay: (geologiya i metallogeniya): v 3 kn.* [Big Altai (geology and metallogeny): in 3 books]. Almaty, Fylym Publ., 1998. Book 1, 304 p.
2. Khoreva B.Ya. *Geologicheskoe stroenie, intruzivnyy magmatizm i metamorfizm Irtyshskoy zony smyatiya* [Geological structure, magmatism and metamorphism of the Irtysh shear zone]. Moscow: Gosgeoltekhizdat Publ., 1963. 207 p.
3. Khoreva B.Ya. O vozraste metamorficheskikh porod Kurchumsko-Kal'dzhirskogo vodorazdela (yugo-vostochnaya chast' Irtyshskoy zony smyatiya) [The age of metamorphic rocks of the Kurchum-Kaldzhir watershed (outh-eastern part of the Irtysh shear zone)]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. Geologiya*, 1965, no. 6, pp. 39–50.
4. Ermolov P.V., Patalakha V.I., Efimov I.D. et al. Metamorficheskie kompleksy i nekotorye cherty tektoniki Zaysanskoy skladchatoy sistemy i Rudnogo Altaya [The metamorphic complexes and some features of the tectonics of the Zaisan folded system and Rudny Altai]. *Geotektonika*, 1984, no. 4, pp. 61–74.
5. Abakumova L.N., Berezner O.S., Gusev G.S. *Izuchenie ofiolitovykh kompleksov pri geologicheskom kartirovanii* [The study of ophiolite complexes in geological mapping]. Moscow: Roskomnedra Publ., Geokart Publ., MANPO Publ., 1994. 254 p.
6. Glebovitskiy V.A., Shul'diner V.I. (eds.) *Geologicheskaya s"emka metamorficheskikh i metasomaticheskikh kompleksov* [Geological survey of metamorphic and metasomatic systems]. St. Petersburg: VSEGEI Publ., 1996. 416 p.
7. Kuzebnyy V.S., Stuchevskiy N.I., Bedarev B.P. et al. *Priirtyshskiy rudnyy rayon Altaya (geologiya i osobennosti metallogenii)* [The Irtysh ore region of Altai (geology and metallogeny features)]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1975. 240 p.

Received: 09 April 2015

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВДЗЕЙКО Владимир Игоревич – канд. техн. наук, зам. начальника научного управления Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: avi@main.tusur.ru

АФАНАСЕНКОВ Владислав Олегович – студент исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: erpaison@gmail.com

БАГИНОВА Виктория Матвеевна – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой финансов и кредита Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (г. Улан-Удэ). E-mail: fik@esstu.ru

БАШОРИНА Ольга Валерьевна – канд. экон. наук, доцент кафедры финансового менеджмента Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). E-mail: o.basorina@mail.ru

БОБКОВ Александр Иванович – канд. филос. наук, доцент кафедры социальной философии и социологии Иркутского государственного университета. E-mail: iab71@inbox.ru

БОРОВКОВА Ольга Владимировна – канд филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Рубцовского индустриального института (филиала) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. E-mail: o.v.borovkova@gmail.com

БРЕДИХИНА Юлия Петровна – канд. мед. наук, преподаватель кафедры физического воспитания Томского политехнического университета. E-mail: u2000@yandex.ru

БЫКОВА Елена Юрьевна – аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета. E-mail: nimai@sibmail.com

ВАЖЕНИН Борис Павлович – канд. геол.-минерал. наук, науч. сотр. лаборатории геофизики Северо-Восточного комплексного НИИ Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Магадан). E-mail: vazhenin@neisri.ru

ВОЛКОВА Анна Андреевна – аспирант кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: ann@myttk.ru

ВОРОНОВА Евгения Сергеевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: ves1989@mail.ru

ГОЛОВАШИНА Оксана Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры философии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. E-mail: ovgolovashina@mail.ru

ГОНЧАРЕНКО Марк Васильевич – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии, психологии и права Томского политехнического университета; докторант кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. E-mail: markgon73@rambler.ru

ГОНЧАРОВА Наталия Владимировна – аспирант кафедры истории русской и зарубежной литературы Томского государственного университета, ведущий библиотекарь отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: Nauchka@mail.ru

ГРИНЁВ Роман Олегович – ст. преподаватель кафедры палеонтологии и исторической геологии Томского государственного университета. E-mai1: jadestone@yandex.ru

ГУБАНОВ Сергей Анатольевич – канд. филол. наук, доцент кафедры германских языков Международного института рынка (г. Самара). E-mail: gubanov5@rambler.ru

ГУЖОВ Федор Александрович – аспирант кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: fedorguzhov@mail.ru

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России Иркутского государственного университета. E-mail: levdameschek@gmail.com

ДУТОВА Екатерина Матвеевна – д-р геол.-минерал. наук, профессор кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета. E-mail: dutova@sibmail.com

ДЮКАРЕВ Анатолий Григорьевич – д-р геогр. наук, зав. отделением экологических исследований Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: DAG@imces.ru

ЗВЕЗДИНА Екатерина Андреевна – магистрант кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: kastar16@mail.ru

ИВАНОВА Ирина Викторовна – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной адаптации и организации работы с молодежью Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru

ИВАСЕНКО Анатолий Григорьевич – д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории и антикризисного управления Сибирского государственного университета путей сообщения (г. Новосибирск). E-mail: ya_shka@ngs.ru

ИЛЬИН Александр Александрович – канд. пед. наук, зав. кафедрой физического воспитания и спорта Томского университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: sport@rk.tusur.ru

КАБРИН Валерий Иванович – д-р психол. наук, профессор кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: kabrin@list.ru

КАКАУЛИНА Мария Олеговна – аспирант, ассистент кафедры финансов Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: beuty1@mail.ru

КАПИЛЕВИЧ Леонид Владимирович – д-р мед. наук, зав. кафедрой спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета; профессор кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail:kapil@yandex.ru

КАРНЫШЕВ Владимир Иванович – канд. техн. наук, начальник патентно-информационного отдела Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: pio@main.tusur.ru

КЕЛЛЕР Ирина Михайловна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры иностранных языков Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: i_troyanova@mail.ru

КОМПАРЕЛЛИ Роза – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: rosa.comparelli@gmail.com

КОХАНЕНКО Андрей Павлович – д-р физ.-мат. наук, профессор кафедры квантовой электроники и фотоники Томского государственного университета. E-mail: kokh@mail.tsu.ru

КОЧЕТКОВА МАРИЯ ОЛЕГОВНА – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: dla-ko4et@yandex.ru

КУЗНЕЦОВА Ольга Андреевна – аспирант кафедры общего славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: o.kuz.89@gmail.com

МАРУГИНА Надежда Ивановна – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии Томского государственного университета. E-mail: marugina_nadya@mail.ru

МАСЛОВА Юлия Валентиновна – аспирант кафедры квантовой электроники и фотоники Томского государственного университета. E-mail: mas22lova@sibmail.com

МИТЧЕЛЛ Питер Джонович – ст. преподаватель кафедры английской филологии Томского государственного университета; доцент кафедры лингвистики и лингводидактики Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. E-mail: peter_mitchell@mail.ru

МЕЩЕРЯКОВ Роман Валерьевич – д-р техн. наук, зам. начальника научного управления, профессор кафедры комплексной информационной безопасности электронно-вычислительных систем Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: mrv@keva.tusur.ru

МИХАЛЕВА Ксения Александровна – аспирант кафедры музейных технологий и охраны наследия Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств (г. Улан-Удэ). E-mail: ksenia.mihaleva@mail.ru

МИХАЙЛОВ Дмитрий Алексеевич – канд. ист. наук, зам. доцент кафедры гуманитарных основ государственной службы Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственно службы при Президенте РФ (г. Новосибирск). E-mail: damihan@yandex.ru

МИШАКОВА Оксана Эдуардовна – канд. ист. наук, зав. кафедрой музейных технологий и охраны наследия Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств (г. Улан-Удэ). E-mail: oksana_mishakova@mail.ru

МОИСЕЕВА Елизавета Юрьевна – ассистент кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета. E-mail: egyptcat17@gmail.com

НОВИКОВА Оксана Николаевна – канд. пед. наук, зав. кафедрой философии Уральского государственного лесотехнического университета (г. Екатеринбург). E-mail: oksnovi@mail.ru

ПАНЧЕНКО Екатерина Михайловна – канд. геогр. наук, мл. науч. сотр. отделения экологических исследований Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: pakatya@sibmail.com

ПАРНАЧЁВ Валерий Петрович – д-р геол.-минерал. наук, зав. кафедрой динамической геологии Томского государственного университета. E-mail: dingeo@ggf.tsu.ru

ПАРНЮК Любовь Валериевна – ведущий инженер патентно-информационного отдела Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: scinews@main.tusur.ru

ПОКРОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич – д-р геол.-минерал. наук, профессор кафедрой водоснабжения и водоотведения Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: dsp@sibmail.com

ПОКРОВСКИЙ Виталий Дмитриевич – аспирант кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета. E-mail: vdp@sibmail.com

ПЛОТНИКОВА Мария Михайловна – канд. ист. наук, и.о. зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета. E-mail: someforme@yandex.ru

РУЖАНСКАЯ Людмила Станиславовна – д-р экон. наук, зав. кафедрой теории и практики менеджмента Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). E-mail: l_ruzhanskaya@mail.ru

СЕМЕНЮК Руслан Александрович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

СИМОНОВА Марина Владимировна – аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: simonova_marina42rus@mail.ru

СМЕТАНОВА Юлия Валерьевна – канд. психол. наук, доцент кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: smetanova@mail.ru

СОЛОВЕНКО Игорь Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета. E-mail: igs-71@rambler.ru

СПИЦЫН Владислав Владимирович – канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента Томского политехнического университета. E-mail: spitsin_vv@mail.ru

ТРУБНИКОВА Елена Викторовна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: kondrushinaev@gmail.com

ТУРКИН Юрий Александрович – канд. геол.-минерал. наук, ведущий геолог региональной партии ОАО «Горно-Алтайская экспедиция» (с. Малоенисейское Алтайского края). E-mai1: jura.tourkin@mail.ru

ЧЕРДАНЦЕВА Раиса Геннадьевна – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: ffk@mail.tsu.ru

ЧИГВИНЦЕВА Ольга Александровна – аспирант, ст. преподаватель кафедры государственного управления и права филиала Удмуртского государственного университета в г. Воткинске. E-mail: ochigvintseva@list.ru

ШЕЛУПАНОВ Александр Александрович – д-р техн. наук, проректор по научной работе Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: saa@tusur.ru

ЩЕРБАКОВА Лилия Геннадиевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-процессуальных дисциплин Поволжского (г. Саратов) юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации. E-mail: lilia100731@rambler.ru

ЯКИМОВА Елена Александровна – ст. преподаватель кафедры теории и практики менеджмента Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). E-mail: Ea.yakimova@yandex.ru

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2015 г. было выпущено 389 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/ vestnik

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Editorial Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Dmitry Katunin
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2015 № 394 Май

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)
Э.В. Галажинский
Ответственный редактор выпуска
Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Печатная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).
Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу
http:// www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакционного совета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»
Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 мая 2015 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 31,8. Тираж 250 экз. Заказ № .

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина
Корректор – А.Н. Воробьёва, Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28